

Г Л А В Ы

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

(толкованія св. Кирилла на евангеліе Іоанна).

I. О томъ, что Сынъ ни въ чемъ не менше Бога и Отца, потому что Онъ существуетъ изъ Него по природѣ, хотя бы нѣкоторые и говорили, что Онъ подчиняется Ему,—предлежитъ (для толкованія) изреченіе: „потому что сшелъ Я съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Меня Отца“ (VI, 38),—въ той же главѣ (содержится) и благополѣзнейшее разсужденіе о честномъ Крестѣ Христовомъ.

II. Что животворно святое тѣло Христа,—предлежитъ изреченіе: „Я есмь хлѣбъ жизни“ и дальѣ слѣдующія слова, въ коихъ говоритъ о собственномъ тѣлѣ, какъ о хлѣбѣ (VI, 39—56).

III. Что не жизни (полученной) отъ другаго причастенъ Сынъ, но напротивъ—рожденный отъ Бога и Отца, какъ отъ жизни (сущей таковою) по природѣ, есть жизни по природѣ,—предлежитъ изреченіе: „(соотвѣтственно тому) какъ послалъ Меня Живый Отець, и Я живу ради Отца, (такъ) и ядущій Меня—и тотъ живъ будетъ ради Меня“ (VI, 57).

IV. Что прообразомъ Христа были скнія, носившаяся по пустынкъ впереди народа, и ковчегъ (бывшій) въ ней, и свѣтильникъ, и жертвенники кажденія и всеожженій знаменовали снмого Христа,—предлежитъ изреченіе: „куда итѣль (можемъ) уйти?—Глаголы жизни вѣчной итѣль“ (VI, 68).

V. О праздникѣ кущепоставленія,—о томъ, что онъ означаетъ совершеніе надежды, подобающей свѣтымъ, и оживленіе изъ мертвыхъ,—предлежитъ изреченіе: „былъ же вблизн (приближался) праздникъ Іудеевъ кущепоставленія“ (VII, 2).

VI. Разсужденіе о покоѣ субботнемъ, многообразно раскрывающее, чего знаменіемъ онъ служитъ,—предлежитъ изреченіе: „если обрѣзаніе принимаетъ человекъ въ субботу—на Меня ли гнѣвается, что всего человека здоровымъ сотворилъ Я въ субботу?“ (VII, 23).

VII Разсужденіе о (бывающемъ) въ восьмой день обрѣзаніи, многообразно раскрывающее, чего знаменіемъ служитъ оно, — предлежитъ изреченіе: „если обрѣзаніе принимаетъ человекъ въ субботу“ (VII, 23), и дальнѣйшія слова.

Святаго Отца нашего

КИРИЛЛА

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО

ТОЛКОВАНІЕ

на евангеліе по Іоанну.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Г Л А В А І.

О томъ, что Сынъ ни въ чемъ не менше Бога и Отца, потому что Онъ существуетъ изъ Него по природѣ, хотя бы нѣкоторые и говорили, что Онъ подчиняется Ему.

VI. 38—39. Яко скидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя (Отца): се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Ми, не погублю отъ него, но воскрешу е въ послѣдній день ¹⁾.

Рѣчь эта на первый взглядъ можетъ кому либо показаться трудною и не вполне свободною отъ соблазна по отношенію къ вѣрѣ, такъ что уже поэтому

---

¹⁾ *Не да* Ал. *Отца* 38 ст. оп. автор. греч. и древнесл. и Ал. (Кир. въ толк.?). *Отца* въ 39 ст. приб. слав. согл. поздн. *Отцѣ* послѣ даде ми приб. арм. лат. одинъ и Остр. и Ал. (Кир. въ толк.?). Кир. въ толк.? приб. *идеи* предъ *εξ αυτου* какъ D Сир. кур. сян. и Ефр. 234? иък. лат. Терт. ср. русс.

мы ожидаемъ встрѣтиться съ хитроумными возраженіями нашихъ противниковъ. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь совсѣмъ ничего нѣтъ непреодолимаго, ибо „все очевидно для разумѣвающихъ и все прямо для обрѣтающихъ знаніе“ (Притч. 8, 9), тоестъ для тѣхъ, кои благочестиво стараются изъяснять и понимать тайны въ божественныхъ писаніяхъ.

Итакъ, въ этихъ словахъ Христосъ даетъ намъ какъ бы доказательство нѣкое и удостовѣреніе ясное въ томъ, что приходящій къ Нему не будетъ изверженъ вонъ, ибо ради этой-то, говорить, причины Я и сходилъ съ неба, тоестъ сталъ человѣкомъ по благоволенію Бога и Отца и даже не откажусь и отъ совершенія невольныхъ, въ нѣкоемъ особомъ смыслѣ, дѣлѣ, доколѣ не достигну для вѣрующихъ въ Меня вѣчной жизни и оживленія изъ мертвыхъ, упразднивъ державу смерти.

Что же (спрашивается) поэтому было невольнымъ и вольнымъ для Христа?—Безчестіе отъ Іудеевъ, поношенія, обиды, побои, бичеваніе, оплеваніе и кромѣ того еще оклеветанія, а въ концѣ всего смерть плоти. Это ради насъ Христосъ претерпѣлъ добровольно. А какъ дерзкія насилія Іудеевъ надъ Нимъ были совершенно неотвратимы, то Онъ воспріемлетъ на Себя страданія, но дѣлаетъ вольнымъ невольное (желательнымъ нежелательное), ради (той) пользы (какая была отъ) страданія, при благоволеніи къ Нему Бога и Отца и соизволеніи на добровольное перенесеніе всего за спасеніе всѣхъ. Въ этомъ то преимущественно и должны мы усматривать безмѣрную благодать

Вм. *авго* автор. и Слав. *е* Юр. Ник. серб. Зогр. (я) Конст. чит. *авго* поздн. майюск. и Остр. Мст. Мар. Гал. Ал. и Примѣч. совпад. Добр. и Сим. съ Сир. син. въ оп: *се же... отца*. Вм. *творю* *плотю* Ал. *створю* *плотю* и вл. яко пер. *зане*. какъ и Павд.

Божественной Природы, какъ не отрекающейся ради насъ взять на Себя даже и то, что должна была отвергать.

Отсюда ¹⁾ можешь уразумѣть, что крестныя страданія хотя были въ нѣкоторомъ отношеніи невольны (не желательны) для Спасителя Христа, но вольны (желательны) ради насъ и (по причинѣ) благоволенія (на нихъ) Бога и Отца. Такъ, когда Онъ долженъ былъ восходить на крестъ, Онъ сдѣлалъ, очевидно въ видѣ молитвы, такое обращеніе къ Отцу: „Отче, если возможно, да пройдетъ отъ Меня чаша сія, впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты!“ (Матѳ. 26, 39). Такъ какъ „богомъ было Слово“ безсмертнымъ и нетлѣннымъ и самую жизнь по природѣ, то для всѣхъ, полагаю, совершенно очевидно, что Оно не могло страшиться смерти. Однакожъ, какъ явившійся во плоти, дозволяетъ претерпѣвать свойственное плоти и страшиться уже скоро предстоявшей смерти, дабы явиться истиннымъ человѣкомъ. Посему говорить: „если возможно, да пройдетъ отъ Меня чаша сія“. Если можно, говорить, Отче, не подвергаясь смерти, подпадшимъ ей возвратитъ жизнь, если ²⁾ смерть умретъ безъ Моей смерти, конечно по плоти, то да пройдетъ мимо, говорить, чаша. Впрочемъ, если это не можетъ совершиться иначе, то не какъ Я хочу, но какъ Ты. Видишь, какъ опять человѣческая природа, поскольку это относится (только) къ ней, даже и въ Самомъ Христѣ оказывается изнемогающею. Но посредствомъ соединеннаго съ нею Слова она возвышается до божественнаго дерзновенія и переходитъ

---

¹⁾ Это отдѣленіе поцитовано въ Актахъ третьяго Константинопольскаго собора 680 года.

²⁾ Отсюда и до словъ: *въ мужественное настроеніе* поцитовано также на Латеранскомъ соборѣ 649 года.

въ мужественное настроеніе, такъ что не допускаетъ угоднаго своимъ собственнымъ желаніямъ, но напротивъ слѣдуетъ божественной цѣли и спѣшно устремляется ко всему тому, къ чему бы ни призывалъ насъ законъ Творца. А что мы говоримъ здѣсь истину, можешь узнать и изъ самого прибавленія (Имъ словъ): „ибо духъ, говоритъ, бодръ, а плоть немощна“ (Матѣ. 26, 41). Не невѣдалъ Христось, что подвергаться смерти и чувствовать страхъ предъ нею всего менѣе свойственно божественному достоинству, почему къ сказанному тотчасъ же присоединилъ и причину, сказавъ, что плоти по самой ея природѣ подобаетъ и свойственно быть немощною, между тѣмъ какъ духъ оказывается бодрымъ и не могущимъ подвергаться никакому поврежденію. Отсюда можешь видѣть, какъ смерть была невольною для Христа по причинѣ плоти и безславія страданія, но въ то же время и вольною, доколѣ не была приведена къ благополучному для всего міра концу воля Отца, тоестъ спасеніе и жизнь всѣхъ.

Не на то же ли, безъ всякаго сомнѣнія, самое указываетъ Онъ намъ и въ словахъ, что *это* есть *воля Отца, да не погубитъ* ничего изъ приведеннаго (къ Нему), *но воскреситъ это въ послѣдній день?* Ибо, какъ мы уже ранѣе сказали, челоуѣколюбивый Богъ и Отецъ приводитъ ко Христу, какъ Жизни и Спасителю, (всякаго) нуждающагося въ жизни и спасеніи.

Но чувствую опять, что говорю несогласное (съ мнѣніемъ) врага истины, ибо онъ отнюдь не согласится съ только что сказаннымъ нами, а будетъ громко кричать и приступать къ намъ съ такими возгласами:

Куда это, любезнѣйшій, ты опять увлекаешь насъ, придумываешь хитросплетенныя отступленія мыслей и

отвлекаешь рассужденіе отъ истины? Вѣроятно, говорить, ты стыдишься признать невольное подчиненіе Сына, ибо развѣ и чрезъ это не будетъ для насъ очевиднымъ, что Онъ отнюдь не начальствуетъ и не правитъ домостроеніемъ въ дѣлахъ, а напротивъ — подчиняется желаніямъ Отца? Такимъ образомъ Онъ сознавалъ Себя ниже равенства съ Нимъ, такъ что и вынуждается нѣкоторымъ образомъ и невольное (нежелательное) дѣлать вольнымъ (желательнымъ) и совершать совсѣмъ не то, что было угодно Ему, но — Отцу. И не говори мнѣ опять, говорить (противникъ), относя сказанное къ вочеловѣченію: „какъ человѣкъ подчиняется“. Вотъ вѣдь, какъ видишь, будучи еще Богомъ и Словомъ чистымъ и не соединеннымъ съ плотью, Онъ *сошелъ съ неба* и, прежде чѣмъ всецѣло облекся въ образъ раба, подчинялся Отцу, очевидно какъ преимуществующему и начальствующему.

Сильными, какъ безъ сомнѣнія думаешь ты, любезнѣйшей, и убѣдительными словами (наподобіе удобоподвижной конницы) устремляешься на насъ, впрочемъ не прямо идущими, но уклонившимися отъ царскаго и торнаго пути,—и, оставивъ, какъ говорятъ у Эллиновъ, проѣзжую дорогу, устремляешься къ стремнинамъ и скаламъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы напрасно стараетесь постоянно выставлять противъ насъ это подчиненіе Сына Отцу, какъ будто кто либо изъ обыкшихъ правильно мыслить думаетъ, что должно предпочитать противоположное (мнѣніе), а не напротивъ — признавалъ необходимымъ соглашаться съ вами въ этомъ. Вѣдь мы не можемъ представлять святую и единосущную Троицу когда либо возстающею противъ Себя Самой, но и не раздѣляется на разныя мнѣнія, или такъ, чтобы Отцу или Сыну или Святому Духу могло быть угоднымъ что либо особо

(отъ другихъ лицъ Святыя Троицы), но Они согласуются во всемъ, такъ что во всей Святой Троицѣ, какъ сущей изъ единого божества, всегда пребываетъ и одна и таже воля. Поэтому мы должны устранить подробную рѣчь объ этомъ и воздержимся отъ совершенно бесполезнаго спора: если этимъ никто не затрогивается, то намъ излишне напрягаться.

Но такъ какъ вы, привыкшіе превратно думать и рассуждать, согласіе Сына съ желаніями Отца называете являющимся вслѣдствіе необходимости подчиненіемъ, то объ этомъ мы представимъ надлежащее противъ васъ рассужденіе. Вѣдь если бы вы представляли такую рѣчь свою въ простотѣ, то справедливо можно бы было спокойно оставить безъ всякаго изслѣдованія это рѣченіе (т. е. *подчиненіе* Сына Отцу). Но поелику мы видимъ, что оно выставляется (вами) съ нѣкимъ особымъ злоумышленіемъ, то по необходимости должны выступить противъ, надѣясь на силу Святаго Духа, а не на свои слова.

Отнюдь ¹⁾ не безусловно и не во всѣхъ отношеніяхъ вообще и не о всякомъ предметѣ Сынъ утверждалъ, что Онъ не совершаетъ Своихъ желаній, но говоритъ, что сохраняетъ волю Отца въ опредѣленномъ дѣлѣ, какъ могу думать, по причинѣ твоихъ злоухищреній, какъ Богъ напередъ позаботившись о нашей безопасности. Претерпѣваетъ же невольное и дѣлаетъ это для Себя вольнымъ ради насъ, разумѣю страданіе на крестѣ, такъ какъ таково было благоизволеніе Родителя, какъ уже прежде сказано нами. И дѣйствительно, сейчасъ же можно видѣть предложенную причину и ясно указанную цѣль, по которой Онъ, какъ Самъ говоритъ, отказался отъ Своихъ же-

---

¹⁾ Это отдѣленіе также почитовано въ Актахъ третьяго Конст. собора.

ланій и исполняетъ волю Отца, ибо говоритъ: *это есть воля Отца, да все, что далъ Мнѣ, не погублю* (ничего) *изъ него, но воскресу это въ послѣдній день.*

Что страданіе на крестѣ оказывается для Единороднаго дѣйствительно невольнымъ и вмѣстѣ вольнымъ, объ этомъ уже ясно было сказано прежде. Но теперь снова займемся точнѣйшимъ изслѣдованіемъ этого, раскрывая истину читателямъ.

Прежде всего приступлю къ изслѣдованію указываемаго вами *подчиненія*, причемъ очевидно предполагается и безспорно признается вами, что желанія Святой Троицы всегда сходятся въ одну волю и одно намѣреніе. Пусть же поэтому скажутъ намъ эти ужасные софисты: названіе и состояніе подчиненія есть ли существо Сына и Его природа, какъ напримѣръ челоуѣчество у челоуѣка,—или же, существуя прежде, Онъ Самъ своимъ особеннымъ образомъ подчиняется Отцу, какъ это напримѣръ можно думать объ ангелѣ или другой какой разумной силѣ, ибо, поскольку это есть и существуетъ, (необходимо) принимаетъ (соответствующій) образъ подчиненія.

Если скажете, что существо Сына заключается въ подчиненіи Отцу, то это уже будетъ подчиненіемъ, а не сыномъ. И въ такомъ случаѣ развѣ не окажетесь вы, скажи мнѣ, болтающими уже величайшій вздоръ? Неужели подчиненіе можетъ быть мыслимо существующимъ само по себѣ, безъ принадлежности какому либо изъ бытій? Вѣдь такіе предметы какъ подчиненіе всегда принадлежатъ тѣмъ изъ существующихъ бытій, въ коихъ находятся, а не иначе,—они наблюдаются находящимися при сущностяхъ, а не составляющими самихъ сущностей, или существующими сами по себѣ. И какъ напримѣръ пожеланіе, призывающее и влекущее къ чему либо изъ существую-

шаго, не могло бы существовать само по себѣ, но порождается только въ томъ, кто склоненъ воспринимать: такъ и подчиненіе, открывающее нѣкую склонность желаній къ подчиненію кому либо, не можетъ быть мыслимо существующимъ въ особой своей природѣ, но совѣмъ напротивъ — какъ состояніе или воля или желаніе существуетъ въ какомъ либо (другомъ) изъ бытій. Иначе какъ названіе такъ и состояніе подчиненія, высказанное безразлично (и безпредметно), не будетъ собственно относиться ни къ кому, и даже невозможно узнать, худо оно или хорошо, если не будетъ присоединено, кого это подчиненіе. Въдѣ можно подчиняться Богу, но также и діаволу. И какъ имя „мудрецъ“ есть нѣчто обоюдное, ибо нѣкоторые „мудры (суть) на злодѣяніе“ (Іерем. 4, 22), и напротивъ „мудрецы наслѣдуютъ славу“ (Притч. 3, 35), очевидно имѣющіе мудрость въ добрѣ: такъ и подчиненіе заключаетъ въ себѣ нѣкую обоюдность, а не точно опредѣленное отношеніе, ибо совершенно неяснымъ остается, кого оно будетъ подчиненіемъ. Поэтому и природа Сына должна оставаться для насъ неизвѣстною, если будетъ мыслиться вами какъ подчиненіе. Кого же подчиненіе, безошибочно отвѣтитъ на это было бы невозможно, при отсутствіи всякаго опредѣленія (при терминѣ „подчиненіе“). А что подчиненіе никогда не можетъ существовать само по себѣ своимъ особымъ образомъ, это нѣсколько грубѣе и нагляднѣе мы можемъ увидѣть, направивъ рѣчь уже къ самимъ твореніямъ, воспользовавшись для сего нѣкоторымъ умозаключеніемъ. Если на примѣрѣ существо человѣка мы опредѣлимъ (состоящимъ) въ подчиненіи, то должны будемъ безъ сомнѣнія заключать, что онъ не можетъ быть въ состояніи неподчиненія. Но какъ же въ такомъ случаѣ пѣснопѣвцемъ

говорилось къ кому-то, уже какъ существу и существующему и однакожь еще не подчиненному: „подчинись Господу и умоли Его“ (Псал. 36, 7)? Развѣ не видишь, какъ бессмысленно представлять подчиненіе существующимъ само по себѣ? Поэтому необходимо признавать и то, что Сынъ прежде есть и существуетъ въ собственной природѣ, а потомъ уже, какъ таковой (уже существующій какъ сынъ), говоритъ, что подчиняется Отцу. Что же, скажи мнѣ, вынуждаетъ Явившагося изъ сущности Родившаго, точное начертаніе Его природы, отпадать отъ равенства съ Нимъ, ради Его (Сына) повиновенія (Отцу)? Но мы, правильно мысля и говоря, признаемъ Единосущнаго Родителю и во всемъ усвоаемъ Ему равночестіе и отнюдь не допускаемъ, чтобы Онъ въ какомъ либо отношеніи былъ ниже свойственнаго божеству достоинства. Ты же смотри, какимъ образомъ благодаря такъ называемому подчиненію удаляешь отъ равномѣрной чести съ Отцемъ Того, Кто блистаетъ одинаковыми (съ Отцемъ) качествами, по причинѣ тожества сущности.

Но именно это самое, скажетъ (противникъ), должно подтверждать наше положеніе, что Сынъ повинуется Отцу и заботится совсѣмъ не о собственныхъ желаніяхъ, но слѣдуетъ желаніямъ Отца, очевидно какъ вышаго и большаго.

Но именно это самое, по твоимъ, любезнѣйшей, словамъ, что по твоему мнѣнію должно подтверждать твои слова, опять обрѣтешь ты ничѣмъ другимъ, какъ плодомъ присущаго вамъ невѣжества. Вѣдь если-бы мы рассуждали о томъ, кто выше достоинствомъ и имѣетъ преимущество въ славѣ, то и тогда ваша болтовня едва ли бы имѣла какое либо дѣйствительное значеніе. Поелику же изслѣдуется образъ

единосущія, то не должны ли вы оказаться безмѣрно неразумными, удѣляя Богу и Отцу большую степень его (единосущія) противъ Его собственнаго Порожденія? Большее или меньшее или чтобы то ни было подобное сему мы не можемъ конечно считать принадлежностію самой сущности, какъ это утверждали мы и относительно подчиненія, но все это—внѣ сущности и относится къ тому, что бываетъ только около или при сущностяхъ. Только уже прежде явившееся и существующее можетъ допускать большее или меньшее, напримѣръ въ сравненіи съ другимъ. Если же нѣтъ ничего уже существующаго и прежде явившагося, при чемъ таковое (большее или меньшее) обыкновенно бываетъ, то какъ это могло бы быть само по себѣ, чтó мыслится и опредѣляется только въ качествѣ случайнаго (по отношенію къ сущности)? Поэтому когда называются вами (термины) большее или меньшее, то вы не касаетесь сущности ни Единороднаго, ни также Отца, но одними только внѣшними преимуществами или умаленіемъ воздадите почтеніе, какъ вы думаете, Отцу и выразите поношеніе Сыну, хотя вы ясно слышите возгласъ Его: „не чтущій Сына, и Отца не чтить“, — и что всѣмъ подобаешь чтить Сына такъ, какъ чтутъ Отца (5, 23). Что существа, отнюдь не могущія быть отдѣленными другъ отъ друга, какъ разнородныя, но получившія одну и ту же сущность, должны быть облечены равностепенною славою,—этому съ благою цѣлью училъ Христосъ, „не отъ людей свидѣтельство о Себѣ“ допустивъ принять, какъ сказалъ Онъ, но Самъ явившись свидѣтелемъ о Себѣ, достовѣрнѣйшимъ и достойнѣйшимъ всѣхъ (5, 34). Будучи истиною по природѣ, Онъ высказываетъ безъ сомнѣнія только истинное, какъ это можно намъ доказать и изъ са-

мага качества предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, большее или меньшее относятся вѣдь не къ самой сущности чего либо, но къ тому, что есть при сущностяхъ. Такъ напримѣръ: человѣкъ, поскольку онъ мыслится и называется какъ человѣкъ, отнюдь не можетъ имѣть что-либо большее или меньшее другаго какого либо человѣка,—человѣкъ, какъ человѣкъ, ни меньше человѣка, ни больше, опять какъ человѣкъ, ибо природа оказывается равною во всѣхъ. То же самое разсужденіе сохраняетъ силу и по отношенію къ ангеламъ, или и ко всему сотворенному и находящемуся въ числѣ тварей. Итакъ, такія опредѣленія (большее и меньшее) оказываются совершенно недопустимыми по отношенію къ самимъ сущностямъ, но суть случайныя явленія въ сущностяхъ или нѣчто находящееся при сущностяхъ, какъ показали мы выше. Какимъ же поѣтому образомъ Отецъ будетъ больше Сына, Богъ по природѣ (больше) Бога по природѣ? Рожденіе ¹⁾ Сына изъ Него (Отца) безъ сомнѣнія должно вынуждать васъ даже и невольно усвоить Ему единосуціе.

Принявъ такимъ образомъ за несомнѣнное, что Сынъ есть Богъ по природѣ, мы разрѣшимъ, если угодно, вопросъ: удѣляя Ему честь, равную съ Тѣмъ, отъ Кого Онъ есть, усвоимъ ли мы чрезъ это и (подобающую) славу Родившему,—или же совершимъ противоположное, уничтожая Рожденнаго низшими и меньшими достоинствами, что вѣрнѣе, и дѣйствительно дѣлается (противниками). Вѣдь слава Отцу — родить такого, каковъ Самъ Онъ есть по природѣ. Но случится совершенно противоположное,—отъ чего избави Богъ, — если Сынъ не сохранитъ подобающее Ему

---

¹⁾ Это предложеніе цитуеть Векъ (Veccus) въ Епиграфѣ XI.

благородство, имѣя менѣе или въ отношеніи славы или чего бы то ни было изъ того, что безъ сомнѣнія должно бы было принадлежать Ему, дабы во всемъ явиться совершеннымъ и истиннымъ Богомъ. Но будучи такой (равной съ Отцемъ) природы, Онъ чтитъ Отца, чему не смѣйся, человѣкъ, и не навлекай на себя наказанія, охудшая невѣжественно то, что всего менѣе слѣдуетъ (охудшать). Въ самомъ дѣлѣ, подобаешь удивляться предъ Нимъ конечно и за то, что Онъ чтитъ и любитъ Родившаго, ибо всякій ¹⁾ видъ добродѣтели источникомъ какъ бы нѣкимъ и корнемъ имѣетъ Верховную надъ всѣми Сущность. Явленное прежде въ Ней благо изливается и въ насъ, кои созданы по образу Ея. Вотъ почему и намъ Законодатель возвѣщаль, что должно чтить отца и мать, а также и награду за это полагалъ прекраснѣйшую, признавая это, какъ полагаю, за самое великое дѣло и настолько свободное отъ всякаго упрека, что оно является даже причиною долгой жизни. Итакъ, какъ мы ради подчиненія и повиновенія родителямъ не оказываемся сравнительно съ ними какой либо другой природы, но будучи тѣмъ, что и они, людьми отъ людей, и, имѣя и сохраняя совершеннѣйшее опредѣленіе человѣчества, стараемся оказывать повиновеніе въ качествѣ достославной добродѣтели: такъ должно мыслить и объ Отцѣ и Сынѣ, ибо будучи тѣмъ, что есть, очевидно Богомъ отъ Бога, Совершеннымъ отъ Совершеннаго, непреложнымъ начертаніемъ сущности Родителя, Онъ не можетъ помышлять ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что помышляетъ и Самъ Тотъ, Коего Онъ есть и Совѣтъ и Слово. Онъ можетъ желать конечно только одинаковаго съ Отцемъ, одиноковыми, такъ

---

¹⁾ Это предложеніе цитуетъ Векъ въ Эпиграфъ XIII.

сказать, законами единосущія соудерживаемый вмѣстѣ съ Отцемъ въ сожеланіи всего благаго.

Поэтому ¹⁾ отнюдь не соблазняйся, человѣкъ, когда слышишь слова Его: „*Я сошелъ съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Меня*“. Что въ началѣ (разсужденія) говорили мы, это опять скажемъ: объ опредѣленномъ и ясномъ предметѣ говорилъ здѣсь Христосъ. Онъ говоритъ эти слова, научая тому, что Его смерть за всѣхъ была вольною, ибо такъ восхотѣла Божественная Природа, но и невольною, по причинѣ крестныхъ страданій и поскольку это касалось плоти, отвращающейся отъ смерти. И объ этомъ у насъ уже было сдѣлано обширное разсужденіе. А что и невольнымъ въ нѣкоторомъ отношеніи оказывается для Спасителя Христа, поскольку Онъ былъ человѣкъ, страданіе на крестѣ, это намъ можно видѣть и изъ самой природы дѣла. Такъ мы утверждаемъ, что дѣломъ іудейскаго безумія было то, что Христосъ несомнѣнно долженъ былъ подвергнуться распятію, и это непременно должно было быть отъ нихъ, заранѣе подготовленныхъ къ дерзновенію на это тѣмъ, что они уже совершили по отношенію къ святымъ прокамъ и бывшимъ въ то время святымъ. Поелику иначе было невозможно впавшее въ смерть снова возстановить къ жизни, если бы не стало человѣкомъ Единородное Божіе Слово, — и Ему надлежало конечно претерпѣть (все) бывшее: невольное Онъ содѣлалъ для Себя вольнымъ, и это допустила божественная природа ради любви къ намъ.

Да, художница всего Премудрость, тоестъ Сынъ, коварно устроенное вслѣдствіе діавольской злобы, ра-

---

¹⁾ Это отдѣленіе цитуетъ Третій Конст. Соборъ и по частямъ Латеранскій.

зумѣю Его смерть по плоти, явилъ путемъ спасенія и дверью жизни для насъ, а надежды діавола разрушены, и въ концѣ концовъ онъ узналъ и испыталъ, что жестоко для него богоборствовать. Такъ и божественный Псалмопѣвецъ, какъ мнѣ кажется, согласенъ съ этими словами и указываетъ на нѣчто подобное же, когда говоритъ какъ бы о Христѣ и діаволѣ: „въ сѣти его смиритъ его“. (Псал. 9, 30—31). Сѣть разставилъ Христу діаволь — смерть, но этой самой собственной сѣтью онъ усмиренъ, ибо разрушена смерть смертью Христа, и упраздненъ тираннъ, не ожидавшій паденія.

Не трудно составить объ этомъ обширное разсужденіе, но мы опять скажемъ только то, что необходимо въ настоящемъ случаѣ. Если смерть Христа не была собственно и дѣйствительно дѣломъ желаній Іудейскихъ и плодомъ нечестивой дерзости ихней, но божественный судъ, какъ думаютъ нѣкоторые, несомнѣнно велъ къ этому: то развѣ не надлежало наконецъ и божественной волѣ исполняться уже какъ бы вслѣдствіе необходимости, чрезъ посредство людей конечно, а не иначе? Но въ такомъ случаѣ какимъ образомъ, скажи мнѣ, могли бы подвергаться еще и справедливому наказанію тѣ, кои служатъ неотвратимымъ рѣшеніямъ Божиимъ? И какимъ образомъ будетъ заслуживать „горе“ и „лучше было бы, если бы не родился человекъ тотъ“, чрезъ коего преданъ Христосъ (Матѣ. 26, 24)? Если бы страданіе было только вольнымъ для Спасителя и отнюдь не мыслилось бы въ какомъ либо другомъ отношеніи невольнымъ, то развѣ могъ бы справедливо подвергаться какому либо наказанію тотъ, кто оказался служителемъ Владычней воли и неотвратимаго будущаго? Или развѣ не должно быть очевиднымъ для всѣхъ, что благо-

угодное божественной и неизреченной Природѣ безъ сомнѣнія должно было совершиться, и совершиться конечно чрезъ кого либо? Но какъ изъ этого такъ и изъ многаго другого можно увидѣть, что если „сѣ небесъ сошелъ“ Сынъ претерпѣть смерть за всѣхъ, то конечно вмѣстѣ и добровольно и неволью, дабы всѣхъ воскресить въ „*послѣдній день*“, при благоволеніи на это и Самого Отца ради пользы для всѣхъ, но чрезъ это Онъ отнюдь не желаетъ считаться иноприроднымъ или въ чемъ бы то ни было меньшимъ Своего Родителя.

Предполагаю, что противникъ нашъ уже устыдится и не станетъ противорѣчить нашему разсужденію о семъ. Но продолжающему настаивать и разсудившему, что надо продолжать споръ, скажу вотъ что: если „сошелъ сѣ небесъ“ Сынъ для того, чтобы исполнить не Свою „волю“, какъ Самъ говоритъ, „*но (волю) Отца*“, и тебѣ можетъ быть не покажутся пріятными (убѣдительными) только что сдѣланныя нами о семъ разсужденія, то иначе развѣ не необходимо будетъ сказать, что желанія Ихъ нѣкоторымъ образомъ оказываются взаимно противными и воля Ихъ раздѣляется на противоположныя хотѣнія? Но вѣдь для всѣхъ безспорно, что если нѣтъ ничего раздѣляющаго, то безъ всякаго сомнѣнія должна быть одна у Обоихъ воля,—если же Онъ преслѣдуетъ Свою волю, какъ нѣкую другую, отличную отъ воли Отца, а между тѣмъ исполняетъ эту послѣднюю, то развѣ не будетъ безразсуднымъ для насъ говорить, что есть одна воля, а не другая, отличная отъ одной?

Посмотримъ же теперъ, въ чемъ состоитъ воля Отца, ибо такимъ образомъ мы узнаемъ конечно и о другой волѣ, чего она желаетъ. Итакъ, воля Отца, какъ сказать Самъ Спаситель, „*чтобы все, что далъ*

Ему, *не погубилъ* (ничего) *изъ него, но воскресилъ это* (въ) *последній день*“. Никто не возразитъ противъ того, что она блага и человѣколюбна. Но перенося мысли къ противоположной ей волѣ Сына, мы должны будемъ находить Его и не человѣколюбнымъ, и не благимъ, помышляющимъ совершенно противное Отцу и не желающимъ ни спасать насъ, ни воскрешать отъ смерти. И какъ въ такомъ случаѣ Онъ могъ уже быть пастыремъ добрымъ? какъ въ знакъ присушаго Ему человѣколюбія полагалъ отданіе души Своей за насъ? Вѣдь если *сошелъ съ небесъ* для того, чтобы исполнить это по добровольному желанію, то какъ же не собственную волю исполняетъ, не погубляя то, что предано Ему Отцемъ, но даже воскрешая въ послѣдній день? Если же этого нѣтъ у Него въ желаніи, но Онъ служитъ желаніямъ Отца, и воскрешая и спасая, очевидно погибшихъ и подверженныхъ смерти: то развѣ мы не истину выскажемъ, утверждая, что Сынъ ни благъ, ни даже человѣколюбивъ? Да смолкнетъ поэтому христоронецъ въ виду того, что возраженіе его отовсюду несетъ ему обвиненіе въ богохульствѣ, и да не даетъ на насъ жестокими словами объ этомъ.

VI. 40. *Се бо есть воля Отца моего, да всякъ видяи Сына и вѣруяи въ него имать жизнь вѣчную, и воскрешу его азъ въ послѣдній день* ¹⁾.

Уже опредѣливъ благую волю Отца, уясняетъ ее снова и полнѣе предлагаетъ на разсмотрѣніе слушателямъ, посредствомъ повторенія того же самого. Ясно

---

¹⁾ *бо древнегреч. Гал Мар Зогр вм. же поздн греч Остр Юр Ал.—отца моего... Остр Гал. Мар согл однимъ вм пославшаго мя согл другимъ Конст Ал и поздн. (нѣк. приб еще отца). жизнь вѣчную Ал. Примѣчательно ощущеніе въ Сир Сынъ видяи сына.*

раскрываетъ, какой былъ способъ приведенія (вѣрующихъ Отцемъ къ Сыну) и что пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого приведенія приводимые.

Итакъ, Сыну, могущему животворить, Отецъ даетъ то, что нуждается въ жизни. А даетъ такимъ образомъ, что посредствомъ знанія влагаетъ каждому истинное понятіе о Сынѣ и способность яснаго разумѣнія того, что Онъ есть Богъ отъ Бога Отца истиннаго, дабы, такъ расположенный и осіянный созерцаніемъ Его, возносился къ наградѣ за вѣру, то есть къ вѣчной жизни и безконечному блаженству. Такимъ образомъ посредствомъ познанія и богоприличнаго созерцанія Отецъ приводитъ къ Сыну тѣхъ, коимъ опредѣляетъ сообщать божественную благодать. Сынъ же, пріавъ, животворить, и, сообщая собственное благо (жизнь) подверженнымъ по своей природѣ тлѣнью и внѣдря въ нихъ, какъ бы искру огня, животворную силу Духа, всецѣло ихъ преобразуетъ въ безсмертіе.

А слыша опять, что приводитъ Отецъ, Сынъ же подаетъ силу оживленія пріибѣгающимъ къ Нему, не уклонись къ той нелѣпой мысли, чтобы думать, что Тотъ и Другой особо и отдѣльно совершаетъ что либо, чему соотвѣтствуетъ природа Каждаго, — напротивъ, усвояй себѣ ту мысль, что Отецъ есть содѣятель Сыну и съ своей стороны Сынъ Отцу,—и всей, утверждаю, Святой Троицы дѣло есть спасеніе насъ и возведеніе отъ смерти опять къ жизни. Знай, что и отецъ въ достаточной мѣрѣ обладаетъ всею потребною для сего силою, подобнымъ же образомъ и Сынъ, и также еще Святой Духъ. Посредствомъ всей Святой Троицы приходятъ къ намъ блага и „все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28,—Колос. 3, 11 др.) Богъ и Отецъ всецѣло обрѣтается чрезъ Сына въ Духѣ.

Однакожъ должно обратить вниманіе и на то, что нѣчто весьма достопримѣчательное обрѣтается въ вѣрѣ въ Сына, ибо жизнь имѣетъ она свою наградою. А если Отецъ и Богъ познается въ Сынѣ (сущемъ такимъ) по природѣ, то кто же наконецъ можетъ сносить тѣхъ, кои ставятъ Его внѣ сущности Отца и направляютъ свой необузданный языкъ къ такому богохульству? Черезъ то, что Онъ объявляетъ Себя могущимъ впадшее въ смерть возстановить къ жизни, черезъ это самое Онъ непосредственно, безъ всякаго уже посредства, восходитъ къ природному тождеству съ Родителемъ, ибо животвореніе есть дѣло свойственное жизни,—и если Отецъ есть жизнь по природѣ, то безсомнѣнія жизнью долженъ быть представляемъ и Тотъ, Кто отъ Него по природѣ, то есть Единородный.

VI. 41. Роптаху убо Іудее о немъ, яко рече: азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе.

Негодуютъ опять ничего не уразумѣвая въ словахъ Христа. Въ этомъ большею частію выражается невѣжественный умъ, ибо не въ состояніи будучи обнять то ученіе, посредствомъ коего имъ слѣдовало преобразиться къ лучшему, онъ впадаетъ наконецъ въ неумѣстное малодушіе. И дѣйствительно, развѣ мы не находимъ подтвержденіе вѣрности этого опять на самихъ же Іудеяхъ? Раздражаются по какой причинѣ? Какое слово вызвало ихъ на это? „*Ропцутъ*“ почему же? Хотя наоборотъ, имъ надлежало бы со всею любознательностью направить свой умъ къ этимъ словамъ и изъ самыхъ уже дѣлъ усматривать истину,—посредствомъ великости совершеннаго чуда идти къ вѣрному уразумѣнію того, могъ ли бы Христосъ говорить ложь, называя Себя *хлѣбомъ* и притомъ *съ неба*

сошедшимъ, или же Онъ высказываетъ истину и такимъ именно (говорящимъ истину) Онъ долженъ бы былъ оказываться въ ихъ глазахъ. Такъ, судя правильно, можно было прекрасно научиться обрѣтенію полезнаго. Но ничего не изслѣдуя, они гнѣваются, хотя уже въ прошедшемъ Христосъ показалъ Себя дѣйствительнымъ и истиннымъ хлѣбомъ жизни и противопоставлялъ Себя маннѣ, въ качествѣ прообраза и сѣни подававшейся ихъ отцамъ въ пустынѣ, ибо „приходящій ко Мнѣ, говоритъ, не будетъ жаждать никогда“ (ст- 35). Вѣдь ѣвшіе ту манну получали нѣкое краткое и весьма скоропреходящее удовольствіе плотское, а приходящіе къ Нему чрезъ вѣру не одинаковой съ тогдашними людьми пользы достигнутъ, но будутъ вкушать постоянную благодать благословенія.

Такъ заблуждается умъ Іудеевъ, смотрящій на одно только земное. Слѣдовательно о нихъ именно и воспѣвалось это: „да помрачатся очи ихъ (чтобы)—не видѣть, и хребетъ ихъ навсегда согни“ (Псал. 68, 24), дабы, ниоткуда не направляясь къ познанію божественныхъ тайнъ, „злые зло погибли“ (Матѣ. 21, 41), благодаря своему безумію и крайней необузданности въ невѣріи. А припоминая кое что въ Моисеевыхъ писаніяхъ, мы найдемъ, что ропотъ на наилучшихъ (и добрыхъ (людей) былъ какъ бы нѣкимъ, присущимъ Іудеямъ, отеческимъ наслѣдіемъ. Но и тогдашній опытъ съ тѣми и теперешній съ этими показалъ однакоже, что это ведетъ къ горькому концу. Тѣ роптали въ пустынѣ и поднимали благодарный вопль на Бога, но „отъ змѣй погибли“ (Числ. 21, 8—9), какъ въ одномъ мѣстѣ засвидѣтельствовалъ и премудрый Павелъ (1 Кор. 10, 9). Ропшутъ и эти на Христа, и Законодателя и Искупителя оскорбляютъ столь продолжительнымъ невѣріемъ. Но Онъ пове-

лить „дракону и угрызеть ихъ“ (Амос. 9, 3), по написанному,—они будутъ предоставлены въ пищу всепожирателю звѣрю, ибо невѣріе всегда необходимо ведетъ къ ужаснѣйшему концу.

VI. 42. И глаголаху: не Сей ли есть Исусъ сынъ Иосифовъ, Егоже мы знаемъ отца и мать? Какъ убо глаголетъ, яко съ небесе снидохъ?

О превеликое невѣжество и омраченный неукротимымъ неистовствомъ умъ! „Огрубѣло, по написанному, сердце народа сего“ (Иса. 6, 10; Матѳ. 13, 15). Онъ дѣйствительно не видитъ ничего, что долженъ былъ разумѣть ясно, и въ мысляхъ и словахъ считаетъ это достойнымъ смѣха. Между тѣмъ какъ напротивъ, тщательно изучая писанія премудраго Моисея и пользуясь проповѣдью святыхъ пророковъ, имъ слѣдовало уразумѣвать то, что ожидалось пришествіе Христа къ намъ не безъ плоти и не безъ тѣлеснаго облаченія, но предвозвѣщалось Его явленіе въ человѣческомъ образѣ и въ этомъ общемъ у всѣхъ (людей) видѣ. Поэтому-то пророческое слово и возглашаетъ намъ, что Святая Дѣва приметъ въ чревѣ и родитъ Сына (Иса. 7, 14). Также и блаженному Давиду Господь клятвенно возвѣщаетъ истинное и непреложное обѣтованіе, что произшедшаго отъ плода чресла его посадить на престолѣ его, какъ написано (Псал. 131, 11). Предвозвѣщаль и то, что изыдетъ жезлъ изъ корня Иессеова (Иса, 11, 1). Они же не сознаютъ себя дошедшими до такого неразумія, что если они видятъ плотскую *мать* Того, Кого пришествіе во плоти было предвозвѣщено, то поэтому, думаютъ, безъ сомнѣнія не должно вѣрить тому, что Онъ спелъ съ небесъ; ибо хотя мы и найдемъ это совершившимся не по (закону) плоти, однако было

въ тѣлѣ (воспринятомъ) отъ Дѣвы, какъ въ Своемъ храмѣ, Слово божественное, свше отъ Отца къ намъ пришедшее и для спасенія всѣхъ „сѣмя Авраамова“ воспріявшее, дабы „во всемъ братьямъ“ уподобиться (Евр. 2, 16—17) и призвать человѣческую природу къ усыновленію Богу, явившись Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ. Но не уразумѣвая домостроенія (о пришествіи) Спасителя нашего во плоти, Іудеи вслѣдствіе своего знанія Его *матери* и *отца*, хотя и не бывшаго отцемъ, не стыдятся негодовать на то, что Христосъ говоритъ о Себѣ, что Онъ сошелъ съ неба.

И здѣсь опять является намъ весьма полезной образецъ. Чрезъ это мы въ касающихся насъ дѣлахъ научаемся тому, что великій вредъ можетъ принести намъ, если мы умственными очами сердца уже не усматриваемъ присущую святымъ добродѣтель и не взираемъ на сокрытую имъ славу, но вслѣдствіе телѣсной ихъ малозначительности часто ни во что полагаемъ великое и пречестное у Бога. Такъ у пророковъ въ одномъ мѣстѣ Богъ говоритъ о святыхъ, въ лицѣ одного какъ бы распростирая слово на всѣхъ: „благословенъ человѣкъ, который надѣется на Господа, и будетъ Господь упованіемъ его, и будетъ какъ дерево, посаженное при водѣ, и (которое) пускаетъ корень свой ко влагѣ, во время бездождія не утрашится и не перестанетъ творить плодъ: глубоко сердце болѣе всего, и человѣкъ есть, и кто узнаетъ его? Я Господь, изслѣдующій сердца, испытующій внутренности“ (Іерем. 17, 7—10). Если такимъ образомъ мы своею надменностію станемъ уничижать (человѣка) познанныго (славнаго) у Бога и удостоеннаго сейчасъ названныхъ доблестей, взирая на одну только внѣшне видимую и брнную плоть его и телѣсное безславіе считая признакомъ малодушія въ немъ, то не ока-

жемся ли думающими противное Царю всѣхъ и такимъ образомъ не подвергнемся ли не малому наказанію, то называя высокое низкимъ, то свѣтъ полагая тьмою, то сладкое считая горькимъ (Пс. 5, 20)?

Посему должно соблюдать (по отношенію ко) святымъ подобающую имъ честь и созерцать ихъ болѣе въ ихъ внутреннихъ и сокрытыхъ достоинствахъ, чѣмъ въ ихъ плотскомъ видѣ. Но вѣдь большинство изъ насъ совсѣмъ не считаютъ достойнымъ чести или какой-либо славы то, что презирается въ мірѣ, хотя бы то и отличалось доблестями, но взирая на одно только преизобиліе богатства и на скоро преходящую и какъ бы уже готовую къ смерти славу смотря совершенно несправедливыми взорами, ни во что обращаютъ правильное сужденіе.

Таковыхъ вполнѣ справедливо осмѣиваетъ Спасительвъ ученикъ, въ словахъ: „лицемѣры“ (—вы), ибо если какой-либо войдетъ въ собраніе ваше мужъ съ золотымъ перстнемъ, въ одеждѣ богатой (свѣтлой), войдетъ же и нищій въ скудной (худой) одеждѣ“, тогда вы, говоритъ, скажете богатому садиться на правомъ мѣстѣ, а нищему: „стань тамъ или сядь у ногъ моихъ (подъ подножіемъ моимъ),—то не разсуждаете въ себѣ“ (Іак. 2, 2 — 4), хотя отсюда можно усматривать, какому справедливому порицанію повинны тѣ, кои оказываютъ почести человѣку по его внѣшнимъ облаченіямъ, а не по внутреннимъ достоинствамъ. Вѣдь и богатство и блескъ отъ богатства естественно могутъ принести обладателямъ только чуждую нѣкую и подложную славу. А блескъ сердца и сіяніе добрыми дѣлами будутъ для обладающихъ ими подлиннымъ и природнымъ (истиннымъ) богатствомъ, не сопребывающимъ съ тѣломъ и съ нимъ вмѣстѣ согнивающимъ, но сожителемъ съ

душею, когда она еще пребываетъ въ этой (земной) жизни, а когда она удаляется, то также съ нею вмѣстѣ отлетающимъ туда, куда укажетъ Вождь всего, ибо „много обителѣй у Отца“, какъ мы слышали (Іоан. 14, 2).

Итакъ, должно оказывать почтеніе безъ сомнѣнія или (даже) съ необходимостью не тому, кто славенъ богатствомъ и какъ на картинѣ разукрашенъ земною славишкою, но напротивъ тѣмъ, коимъ блескъ дѣлѣ при помощи Бога, порождаетъ неувыдаемую славу и коихъ внутренняя красота выставляетъ въ блестящемъ свѣтѣ посредствомъ всякаго рода благъ.

VI. 43 — 44. Отвѣща Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою: никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.

Уничижаютъ Іудеи Іисуса, не вѣдая Отца (Его сущаго) на небесахъ и совершенно не признавая, чтобы Онъ могъ быть по природѣ Сыномъ Владыки всѣхъ, но имѣя въ виду только Его земную мать и Іосифа. Посему нѣсколько сильнѣе отвѣчаетъ имъ и тотъ часъ же опять благополезно устремляется къ самому божественному достоинству Своему, и чрезъ то, что Онъ какъ Богъ зналъ ихъ тихій шопоть и явившіяся у нихъ мысли, чрезъ это самое побуждалъ ихъ понять, что они уклоняются отъ истины и составили о Немъ слишкомъ ничтожное представленіе. Въ самомъ дѣлѣ, всецѣло вѣдущаго сердца, испытующаго движенія ума, знающаго намѣренія души—развѣ не надлежало бы, напротивъ, вѣнчать уже божественною славою и настолько возвышать надъ человѣческою малозначительностію, насколько Богъ стоитъ выше земныхъ предметовъ? Итакъ, открывая скрывавшіяся

еще въ произнесенныхъ порицаніяхъ помыслъ и дѣлая явнымъ выражавшійся тихимъ шопотомъ ропоть, по высказанной уже причинѣ, „не ропщите, говорить, *другъ съ другомъ*“. Потомъ, показывая, что благое о Немъ таинство открыто людямъ Богомъ и знаніе о Немъ есть дѣло вышней благодати, говорить, что къ Нему не можетъ придти никто, не привлеченный внушеніями Отца. При этомъ опять Онъ не имѣлъ никакой другой цѣли, какъ убѣдить ихъ въ томъ, что съ плачемъ и скорбію имъ слѣдовало стараться объ освобожденіи отъ того (прощеніи за то), чѣмъ они уже оскорбили Его, и о привлеченіи ихъ ко спасенію чрезъ вѣру въ Него, посредствомъ совѣта Отца и вышней помощи, облегчающей имъ путь къ этому и изъ ужасно труднаго, влѣдствіе ихъ грѣха, дѣлающій его равнымъ.

Благополезно подтверждаетъ также и то, что воскресить изъ мертвыхъ вѣрующаго, опять и чрезъ это представляя Себя безумцамъ Богомъ (сущимъ) по природѣ и истиннымъ, ибо полная возможность животворить и подверженнаго смерти заставить возвратиться къ жизни (новой), это справедливо можетъ подобать одной только природѣ Бога и не можетъ быть приписано никому изъ созданныхъ. Вѣдь животвореніе есть свойство Живаго, а не получающаго этотъ даръ (жизни) отъ другаго.

VI. 45. Есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ.

Зная какъ Богъ присущее слушателямъ неразуміе, не оставляетъ безъ свидѣтельства рѣчь объ этомъ, но показываетъ, что это было уже изначала предвозвѣщено и провозглашено чрезъ святыхъ пророковъ. При этомъ и предотвращаетъ у нихъ поводы къ же-

ланию опять возражать Ему и въ то же время обнаруживаетъ присущее имъ невѣжество посредствомъ того, что они оказываются опять незнающими также и этого, хотя законъ руководствовалъ ихъ къ воспріятію будущаго. Итакъ, убѣждаетъ ихъ даже и невольно соглашаться съ нимъ. Вѣдь неестественно было имъ возставать и противъ возгласовъ святыхъ пророковъ о томъ, что Богъ и Отецъ внушитъ достойнымъ тайну о Немъ и откроетъ Своего Сына, неизреченнымъ образомъ бесѣдуя съ каждымъ и боголѣпно сообщая разумѣніе о Немъ.

А что въ прежде оказанныхъ словахъ: „никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не Отецъ, Пославшій Меня, привлечетъ его“ Онъ не указываетъ на принудительное и насильственное привлеченіе, это разъясняетъ, прибавляя:

VI. 45. *Всякъ слышавшій отъ Отца Моего и навѣкъ (научившійся) придетъ ¹⁾ ко Мнѣ.*

Дѣйствительно, гдѣ слушаніе и ученіе, тамъ и благой плодъ отъ наученія, очевидно вѣра по убѣжденію, а не по принужденію. Разумѣніе о Христѣ подается отъ Отца достойнымъ (людямъ) по любви—вспомоществовательное, а не принудительное, ибо догматическое основаніе заставляетъ сохранять за человѣческою душою самовластность и самопроизволеніе, дабы она могла требовать справедливыхъ наградъ за добродѣтели, а при отступленіи отъ долга и уклоненій по нерадѣнію отъ воли Законодателя — подвергаться справедливому осужденію къ наказанію.

Надо знать и то, что если говорится, что Отецъ научаетъ кого-либо тайнѣ о Христѣ, то Онъ будетъ

---

¹⁾ Такъ древнесл. по Св. Ал. *грядетъ*—точно, Рус: *приходитъ*,

дѣйствовать въ этомъ не одинъ, но совершить это чрезъ Сына какъ чрезъ собственную Премудрость, ибо слѣдуетъ разумѣть такъ, что откровеніе разумнѣя въ комъ-либо будетъ отъ Отца не безъ Премудрости, а Премудрость Отца есть Сынъ. Итакъ, чрезъ собственнаго Сына, какъ чрезъ премудрость, Отецъ будетъ совершать откровеніе въ достойныхъ. И вообще сказать и совершенно истинно, не погрѣшитъ тотъ, кто будетъ говорить, что всѣ дѣйствія Бога и Отца или желанія суть—и всей Святой Троицы, одинаково и Самого Сына и Святаго Духа. Вотъ по сей-то, какъ думаю, причинѣ, когда говорится, что Богъ и Отецъ открываетъ Своего Сына и призываетъ къ Нему способнѣйшихъ вѣровать, то и Самъ Сынъ оказывается совершающимъ это и равно и Святой Духъ. Такъ блаженному Петру, благодерзновенно исповѣдывавшему вѣру въ Спасителя, Онъ говоритъ: „блаженъ ты, Симонъ сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыла тебѣ, но Отецъ Мой (сущій) на небесахъ“ (Матѳ. 16, 17). Въ другихъ случаяхъ Онъ оказывается совершающимъ это Самъ. Такъ Павелъ съ великимъ торжествомъ говоритъ о себѣ, возвѣщая тайну Христову: „ибо не отъ человѣка принялъ его (благовѣстіе) или научился, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа“ (Гал. 1, 12). Такъ и премудрый Іоаннъ пишетъ въ посланіи: „и вы помазаніе, что приняли отъ Него, пребываетъ въ васъ, и нужды не имѣете, чтобы кто училъ васъ, но какъ Его помазаніе учить васъ о всемъ“ (1 Іоан. 2, 27). И самъ Спаситель говоритъ въ одномъ мѣстѣ какъ объ Утѣшителѣ, тоестъ Духѣ: „еще многое имѣю говорить вамъ, но не можете вмѣщать (сносить) теперь: когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ въ истинѣ всякой, ибо говорить будетъ не отъ Себя, но что слышитъ, (то)

говорить будетъ и грядущее (будущее) возвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 12 — 14). Будучи Духомъ истины, Онъ будетъ свѣтоводствовать тѣхъ, въ комъ будетъ находиться, и руководствовать къ воспріятію истины. И это говоримъ мы, не желая раздѣлять другъ отъ друга и совершенно отдѣльно представлять Отца отъ Сына или Сына отъ Отца, равно и Духа Святаго отъ Отца и Сына: но, если дѣйствительно одно есть божество и проповѣдуется какъ созерцаемое во святой и единосущной Троицѣ, то усвояемое Каждому (лицу божества) и считающееся особо Ему принадлежащимъ мы опредѣляемъ какъ намѣренія и дѣйствія всего Божества. Это потому, что божественная и нераздѣльная Природа должна дѣйствовать нераздѣльно чрезъ саму себя, поскольку это касается единства божества, хотя и существуетъ самоипостасно каждое изъ Лицъ, ибо Отецъ есть то, что Онъ есть, и Сынъ такъ же, и Святой Духъ.

Кромѣ сказаннаго должно имѣть въ виду и вотъ что. Тѣ изъ именъ, кои имѣютъ какое-либо отношеніе къ чему либо, познаются другъ чрезъ друга и въ обозначеніи одного (представленіи объ одномъ) можно видѣть обозначеніе другаго (имѣть представленіе о другомъ). Такъ (получается) полная необходимость Сыну открываться чрезъ Отца, а Отцу опять также чрезъ Сына. Одинъ необходимо вводится вмѣстѣ съ Другимъ и если кто увидитъ Отца Бога по природѣ, то конечно уразумѣетъ родившагося отъ Него Сына, какъ безъ сомнѣнія и наоборотъ, ибо исповѣдующій Сына не невѣдаетъ Родителя.

Итакъ, поскольку Богъ есть Отецъ, таковымъ именно мыслится и проповѣдуется, — Онъ и слушателямъ внѣдряетъ (соотвѣтственное) знаніе о собственномъ Своемъ Порожденіи. А поскольку Сыномъ, (сущимъ)

отъ Него по природѣ называется и есть таковъ дѣйствительно, Онъ возвѣщаетъ Отца. Поэтому то и говорить къ Нему: „Явилъ Я Твое имя людямъ“ (Іоан. 17, 6): поелику Сынъ былъ познанъ увѣровавшими, то стало явлено, говорить, имя Родившаго.

Впрочемъ Богъ и Отецъ можетъ быть представляемъ влагающимъ въ насъ знаніе о Своемъ Порожденіи не такъ, чтобы это былъ гласъ, раздающійся съ неба и на подобіе грома оглашающій вселенную, но очевидно это есть возсіявающее въ насъ божественное свѣтовожденіе къ уразумѣнію боговдохновеннаго писанія. Опять въ этомъ отношеніи дѣйствующимъ въ насъ найдешь Сына, ибо въ одномъ мѣстѣ написано о святыхъ ученикахъ, что „тогда отверзъ ихъ очи“ (Лук. 24, 45), очевидно къ разумѣнію святыхъ писаній.

VI. 46. *Не яко Отца видѣлъ есть ¹⁾ кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца.*

Предвидѣвъ опять, какъ Богъ, что отнюдь не примутъ (Іудей) откровеніе чрезъ Духа и не уразумѣютъ вышней премудрости въ свѣтовожденіяхъ, но по великому безразсудству потребуютъ даже и того, чтобы видѣть Отца, и учиться, такъ сказать, чрезъ самоличное зрѣніе, что, какъ думали, нѣкогда было съ отцами (Исх. 19, 20), когда слава Божія нисходила на гору Синай. Но опять отвлекаетъ отъ этого и какъ бы нѣкою уздою обращаетъ къ тому, чтобы не имѣть такого грубаго представленія о Богѣ и не думать, что невидимая природа можетъ когда либо быть видимою, ибо никто, говорить, не видѣлъ Отца.

Кажется, здѣсь опять дается намекъ на самого

---

¹⁾ Тако древн. по Св. Ал. въ обоихъ случаяхъ одинаково: *видѣть*.

священновождя Моисея. Вѣдь Іудеи думали, совершенно конечно неразумно разсуждая, на основаніи (употребленнаго) о немъ выраженія: „вошелъ во мракъ“ (Исх. 20, 2), что доступна зрѣнію неизреченная природа Бога и тѣлесными очами можно видѣть то, что по природѣ есть чистая красота. Но чтобы, высказывая о премудромъ Моисеѣ что либо болѣе ясное, не показаться поощряющимъ ихъ къ обычной дерзости, Онъ говоритъ неопредѣленно и вмѣстѣ обо всѣхъ, какъ и о немъ: „не то, что Отца видѣлъ кто“. Не требуйте, говорить, того, что выше (человѣческой) природы и не увлекайтесь безразсудными стремленіями къ тому, что недоступно всѣмъ тварямъ. Недоступна, сокровенна и не умопредставима Божественная Природа не для однихъ только нашихъ глазъ, но и всей твари. Въ словѣ „никто“ здѣсь сосредоточено „все“,—Себя же Самого опредѣляя какъ такого, который одинъ только есть отъ Бога и видѣлъ Отца, очевидно (тѣмъ самымъ) ставитъ внѣ „всего“ того, что опредѣленно ¹⁾ можно разумѣть подъ словомъ „никто“.

Итакъ, какъ Онъ есть внѣ всего и между тѣмъ какъ никто не видитъ Отца, Одинъ Онъ не лишень этого видѣнія, то развѣ не можетъ Онъ наконецъ быть мыслимъ существующимъ не во „всѣхъ“, какъ одинъ изъ нихъ, но внѣ „всѣхъ“, какъ (сущій) выше „всего“? И если говорится, что *все отъ Бога и никто невидитъ Отца*, ибо „все отъ Бога“, по слову Павла (1 Кор. 11, 12), а между тѣмъ (также говорится, что) Онъ одинъ только *видитъ Бога*, потому что Онъ *отъ Бога*: то это „отъ Бога“ мы правильно поймемъ, если будемъ разумѣть о Немъ только одномъ въ значеніи

¹⁾ Aubert и Migne читаютъ ἀποφατικῶς—отрицательно, въ отрицательной-формѣ (т. е. *никто* какъ противоположность положительному „все“), но Ricci на основаніи рукоп. поправляетъ въ ἀποφατικῶς.

изъ сущности Отца. Если же не такъ, то чего же ради, какъ мы уже ранѣе сказали, между тѣмъ какъ говорится, что *все отъ Бога*, одинъ только Онъ восходитъ къ зрѣнію Родившаго потому именно, что Онъ *отъ Бога?* Итакъ о тваряхъ это (выраженіе: *отъ Бога*) должно говориться въ несобственномъ смыслѣ, ибо *все отъ Бога* въ смыслѣ творенія, какъ приведенное Имъ къ бытію,—о Сынѣ же выраженіе „*отъ Бога*“ должно приниматься въ другомъ и истиннѣйшемъ смыслѣ, что Онъ (Сынъ) изъ Него (Отца) по природѣ. Посему, не соприсчисляемый ко всѣмъ, но будучи внѣ всего и выше всего съ Отцемъ, Онъ не долженъ раздѣлять общей со всѣми слабости, поскольку именно изъять изъ единоприродности съ ними, но, восходя до природы Родившаго, долженъ конечно созерцать Того, отъ Кого есть.

А выразить словами то, какъ или какимъ образомъ Самъ ли Онъ зритъ Отца, или обратно—созерцается Отцомъ, это не доступно нашему языку. Должно однакожъ представлять это въ подобающемъ Богу видѣ.

VI. 47. Аминь (истинно), аминь (истинно) глаголю вамъ: вѣруй въ Мя имать (имѣть) животъ вѣчный (жизнь вѣчную).

Итакъ, вѣра есть дверь и путь къ жизни и восхожденіе отъ тлѣнія къ нетлѣнію. Впрочемъ и здѣсь нисколько не менѣе (чѣмъ въ другихъ случаяхъ) слушателямъ предстоитъ подивиться благоусмотрительности Спасителя. Поелику знаетъ и видитъ, что они совсѣмъ ничего не понимаютъ и даже не думаютъ о долгѣ повиновенія пророческимъ словамъ, то заклинаніемъ въ истинѣ пресѣкаетъ слабость вѣры, поскольку она зависѣла отъ человѣческихъ размышле-

ній. Предлагая въ награду вѣрующимъ нѣчто досто-
вождедѣнное, какъ бы орудіями ¹⁾ какими, очевидно
вождедѣніями къ этому, едва даже и противъ воли
не принуждаетъ и убѣждаетъ идти къ проповѣдуемому.
Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть предпочтительнѣе
вѣчной жизни для тѣхъ, у коихъ оказываются жесто-
кая смерть и страданіе отъ тлѣнія? Премудрому учи-
телю подобаешь и это, — разумѣю то, чтобы посред-
ствомъ всякаго пути, призывающаго къ жизни, пере-
воспитывать къ лучшему рѣшившихся мыслить что
либо неразумное. Онъ же, будучи вѣчною жизнью,
объщается Самого Себя преподавать вѣрующимъ, что
и означаютъ слова (Апостола) „вселиться Христу (да
дасть вамъ Богъ) въ сердцахъ вашихъ чрезъ вѣру“
(Ефес. 3, 17).

Г Л А В А II.

*О томъ, что животворно святое тѣло Христа, гдѣ говоритъ
Онъ о собственномъ тѣлѣ какъ о хлѣбѣ..*

*VI. 48—50. Азъ есмь хлѣбъ животный (жизни): отцы
ваши ядоша манну въ пустыни и умроша: сей есть хлѣбъ
съ небесе сходяй, да кто отъ него ястъ, и не умретъ ²⁾.*

Въ этихъ словахъ весьма ясно можно видѣть пред-
возвѣщенное пророкомъ Исаіею въ словахъ: „явленъ
сталъ Я Меня не искавшимъ и оказался Я (обрѣтохся)
у не вопрошавшихъ о Мнѣ; сказалъ Я: „*вотъ Я*“
народу, который не призывалъ имени Моего; цѣлый
день простиралъ Я руки Мои къ народу неповиновав-
шемуся и противорѣчившему“ (Иса. 65, 1—2). Снявъ
съ рѣчи этой всю (внѣшнюю) оболочку и устранивъ

¹⁾ Ὀλίως—катокъ, машина, посредствомъ которой таскали корабли на
сушѣ.

²⁾ Ядоша Копт. и поздн. въ древн. и Ал. пша, Ст. 50 такъ чит. и у
св. Ал. согл. древне-греч. вм. древне-сл. да аще не умретъ (безъ и) У Кир.
понт. къ 6, 55.

всю, такъ сказать, одежду ея, Онъ уже неприкровенно являетъ Себя Израильтянамъ, говоря: „*Я есмь хлѣбъ жизни*“, дабы узнали, что, если имѣють желаніе стать выше тлѣнія и освободиться отъ самой, поразившей ихъ вслѣдствіе преступленія, смерти, то имъ должно будетъ идти къ принятію Имѣющаго силу животворить, Уничтожающаго тлѣніе и Упраздняющаго смерть, ибо это все дѣйствительно свойственно и подобаешь Жизни по природѣ.

А какъ они, ссылаясь на то, что ихъ отцамъ была дана въ пустынь манна (съ неба), не принимали хлѣбъ, истинно сошедшій съ неба, то-есть Христа, то по необходимости дѣлаеть сравненіе прообраза съ истиною, дабы такимъ образомъ они увидѣли, что не тотъ (манна) есть хлѣбъ небесный, но Кого опытъ дѣйствительности показываетъ таковымъ по природѣ. Ваши отцы, говоритъ, и предки, вкушая манну, отдавали долгъ природѣ тѣла, — пріобрѣтая чрезъ нее поддержаніе временной жизни и доставляя тѣлу ежедневную изъ нея пищу, они едва достигали того, чтобы не умереть тотъ часъ. А очевиднѣйшимъ, говоритъ, доказательствомъ того, что то не былъ хлѣбъ истинно небесный, служитъ то, что вкушавшіе отнюдь не достигали посредствомъ него безсмертія. Подобнымъ же образомъ опять и знаменіемъ того, что Сынъ есть въ собственномъ и истинномъ смыслѣ хлѣбъ жизни, служитъ то, что разъ вкусившіе отъ Него и чрезъ пріобщеніе нѣкоторымъ образомъ соединившіеся съ Нимъ оказываются выше и самыхъ узъ смерти.

Что манна берется именно во образъ или сѣнь Христа и указывала на хлѣбъ жизни, сама же она не была этимъ хлѣбомъ жизни, о семъ мы уже говорили много. Подтверждаетъ это кажется и Псалмопѣвецъ, восклицая въ Духѣ: „хлѣбъ небесный далъ имъ, хлѣбъ ан-

гельскій ѣлъ человекъ“ (Псал. 77, 24—25). Можетъ пожалуй казаться, что слова эти сказаны Духоносцемъ объ Израильтянахъ, а въ дѣйствительности это не такъ, но къ намъ, напротивъ, относится смыслъ изрѣченія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не верхъ нелѣпости и неразумія—думать, что сущіе на небѣ святые ангелы, хотя и получившіе безтѣлесную природу, вкушаютъ грубѣйшую пищу и нуждаются въ помощи для поддержанія жизни, каковой требуетъ и это земное тѣло? Но ничего, полагаю, не воспрещаетъ думать, что, такъ какъ они суть духи, то и могутъ нуждаться въ такой же пищѣ, очевидно духовной и умственной. Почему же однако говорится, что хлѣбъ ангельскій подавался предкамъ Іудеевъ, если пророкъ, восклицая это, высказываетъ (какъ думаю) истину? Но очевидно, что если манна была прообразовательная во образъ Христа, объемлющаго и содержащаго все къ бытію, питающаго ангеловъ и животворящаго сущихъ на землѣ, то пророкъ указанное какъ бы въ сѣняхъ называетъ истиннымъ именемъ, невозможностью для святыхъ ангеловъ вкушать земную пищу даже и противъ воли слушателей отвлекая ихъ отъ грубой мысли, то-есть о маннѣ, и возводя къ духовному разумѣнію, то-есть о самомъ Христѣ, Который есть хлѣбъ и самихъ святыхъ ангеловъ.

Итакъ, ѣвшіе манну, говорить, умерли, очевидно какъ не получавшіе отъ нея причастія ни къ какой жизни, ибо она не была дѣйствительно животворною, но только средствомъ противъ плотскаго голода и имѣла значеніе прообраза истины. Восприемлющіе же въ себя хлѣбъ жизни будутъ имѣть наградою безсмертіе и, совершенно освободившись отъ тлѣнія и всѣхъ золъ его, возвысятся до вѣчнаго и безконечнаго продолженія жизни по Христу. Этимъ раз-

сужденіямъ нашимъ не представляетъ никакого препятствія то, что вступившіе въ общеніе со Христомъ все же должны вкусить смерть по долгу природы, потому что, подпадая общему этому концу, они хотя и подвергаются свойственному человѣческой природѣ, но, какъ говоритъ Павелъ, „живутъ Богу“ (Римл. 6. 10,—14, 8 ср. Гал. 2, 17 — 21), (какъ таковые), кои должны будутъ жить (вѣчно).

VI. 51. Азъ есмь хлѣбъ живой, съ небесе сшедый: аще кто съѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣкъ ¹⁾.

„Тоже самое говорить вамъ для меня не тягостно, для васъ же назидательно“, пишетъ божественный Павелъ въ посланіи (къ Филиппійцамъ), наученный сему, думаю, изъ самыхъ словъ Спасителя. Какъ для лютыхъ ранъ требуется употребленіе не одного лѣкарства, а разнообразное лѣченіе, и притомъ не одинъ можетъ быть разъ примѣняемое, но непрерывнымъ употребленіемъ изгоняющее болѣзнь: такъ, думаю, и для необузданной души и ожесточеннаго ума требуется чистая и непрерывная помощь отъ учителей, ибо обуздать его можно не съ одного и перваго наставленія, но посредствомъ частаго употребленія и повторенія ему однихъ и тѣхъ же словъ. Посему Спаситель, часто повторяя Иудеямъ одно и то же ученіе, предлагаетъ его въ разнообразномъ видѣ, то загадочнымъ и облеченнымъ большою неясностію, то свободнымъ отъ всякой обоюдности, просто и ясно, чтобы, оказавшись въ концѣ концовъ непослушными, они уже ничего не требовали бы для своего осужденія,

---

¹⁾ *Живой* древнесл. (Остр. Мар. Загр. Гал. др.) *животный* Конст. Ал. поздн. *Иже* не им. древн. и Ал. (*Отъ*) *небесе сшедый* у Ал. *Во вѣкъ* Остр. Мар. Зогр. вм. *вѣки* Гал. и др. Вм. *ζῆσαι* какъ одинъ, въ толк. Кир *ζῆσαι* какъ другіе, и Кир. къ 6, 68.

но „злые погибли бы зло“ (Матѣ. 21, 41), сами навлекая мечь гибели на свою душу.

И такъ, ничего теперь уже не сокрывъ, Христось говоритъ: „*Я есмь хлѣбъ живой, съ неба сшедшій*“. То, говорить, были прообразъ и сѣнь. А теперь выслушайте ясно уже и не прикровенно (возвѣщаемое): „*Я есмь хлѣбъ живой; если кто станетъ ѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣкъ*“. Отъ того хлѣба ѣвшие умерли, ибо онъ не былъ животворень,—а вкушающій этотъ хлѣбъ, то есть Меня, или плоть Мою, „*живъ будетъ во вѣкъ*“. Поэтому должно остерегаться и отвращаться отъ ожесточенія къ словамъ о благочестіи, къ коему не разъ, а часто убѣждаетъ насъ Христось. Вѣдь не можетъ подлежать сомнѣнію, что всенепремѣнно подвергнутся самымъ тяжкимъ обвиненіямъ тѣ, кои уклоняются къ крайнему безумію и не удерживаются отъ оскорбленій Учителя добра чрезмѣрнымъ непослушаніемъ Ему. Посему говоритъ объ Іудеяхъ: „если бы не пришелъ Я и не сказалъ имъ, грѣха не имѣли бы: теперь же извиненія не имѣютъ во грѣхѣхъ своемъ“ (Іоан. 25, 22). Вѣдь не воспріявшіе въ свое сердце посредствомъ слуха слово о спасеніи можетъ быть встрѣтятся съ болѣе Кроткимъ Судією, ссылаясь на то, что они совѣмъ не слышали (ученія о спасеніи), хотя безъ всякаго сомнѣнія они отдадутъ отчетъ за неисканіе наученія. Тѣ же, кои часто посредствомъ однихъ и тѣхъ же наставленій и словъ руководятся къ полученію полезнаго, но безразсудно почитаютъ должнымъ лишаться благъ, подвергнутся горьчайшему наказанію и предстанутъ какъ бы предъ Оскорбленнымъ Судьею, не будучи въ состояніи отыскать какого либо извиненія своему безумію, смягчающаго Его.

VI. 51. *И хлѣбъ же, его же Азъ дамъ, плоть Моя есть (юже Азъ дамъ) за жизнь міра* ¹⁾.

Умираю, говорить, за всѣхъ, чтобы всѣхъ оживотворить чрезъ Себя и выкупомъ за плоть всѣхъ сдѣлалъ Я Свою (плоть), ибо смерть должна умереть въ смерти Моей, и совозстанеть, говорить, со Мною падшая природа человѣка. Для сего то Я и сталъ подобнымъ вамъ человѣкомъ, очевидно изъ сѣмени Авраама, чтобы быть подобнымъ „во всемъ братьямъ“ (Евр. 2, 17). Хорошо уразумѣвъ то, что только что сказалъ намъ Христосъ, и самъ блаженный Павелъ говорить: „поелику же дѣти причастны крови и плоти, (то) и Онъ также воспринялъ ихъ же, да чрезъ смерть упразднить имѣющаго державу смерти, то есть діавола“ (ст. 14). Иначе какъ либо невозможно было упраздниться имѣющему державу смерти и самой смерти, какъ тѣмъ, что Христосъ далъ Себя за насъ въ выкупъ за всѣхъ, ибо одинъ былъ за всѣхъ. Посему и въ псалмахъ въ одномъ мѣстѣ, посвящая Себя за насъ какъ бы въ непорочную жертву Богу и Отцу, говорить: „жертвы и приношенія не восхотѣлъ Ты, тѣло же уготовалъ Мнѣ: всесожженія и (жертвы) за грѣхъ не благоугодны Тебѣ, Тогда сказалъ Я: вотъ. иду, въ главизнѣ ²⁾ книжной написано о Мнѣ—сотво-

¹⁾ *И—же*, какъ одни, — др. одно и, или же и Ал. или бо Слав. и Кир. къ 17, 13, или оп. — Вм. дамъ δωσω въ Сим. даю δω какъ гот. и приб. ванъ какъ нѣк. и Кир. къ 17, 13. Слово юже азъ дамъ не чит. и древнегр. и Юр. но др. Слав. и Кир. къ 13, 17 и въ Contra synousiastas, Pusey. III. 481 чит. согл. поздн. майюск.

²⁾ ἐν κεφαλήν βιβλίον букв. во главѣ книжки, книги, книжной. Одни соотв. евр., разумѣють свитокъ Ак. ἐν εἰλήμῃτι βιβλίον, Слав. Апост. Христин. 12 в. Карп. 13 в. и Псалт. 13—14 вв: въ свитцѣ книжнѣмъ.—другіе томъ, отдѣлъ книги Симм. ἐν τῷ τείχει τοῦ ὀπισθοῦ σου,—третья главу или начало книги (начало книги Бытія, начальной книги Библии?) in capite libri Вулг. Сир. Эіоц. Араб. нѣк. Слав. напредн книгъ, въ главѣ книги, др. начатцъ (Ап. 14 в. и Пс. 15 в.) ср. Русс., — теперешній Слав.

рить волю Твою, Боже, восхотѣлъ Я“ (Псал. 39, 7—9; Евр. 10, 5—7). Поелику „кровь тельцовъ и козловъ и пепель телицы“ (Евр. 9, 14) были недостаточны для очищенія грѣха и закланіе неразумныхъ животныхъ никогда не могло уничтожить власть смерти, то Самъ Христосъ вводитъ Себя нѣкоторымъ образомъ подвергающимся наказаніямъ за всѣхъ, ибо „язвою Его мы исцѣлѣли“ (Иса. 54, 5), какъ говоритъ пророкъ, и „грѣхи наши Онъ вознесъ въ тѣлѣ Своемъ на древо“ (1 Петр. 2, 24). А распятъ Онъ былъ за всѣхъ и ради всѣхъ, дабы посредствомъ смерти Одного за всѣхъ всѣ мы жили въ Немъ (2 Кор. 5, 15), ибо невозможно было „Ему быть удерживаемымъ“ смертію (Дѣян. 2, 24), а также и тлѣніе не могло бы овладѣть Жизнію по природѣ. А что за жизнь міра принесъ Христосъ Свою *плоть*, узнаемъ также изъ словъ Его: „Отче Святой, соблюди ихъ!“ и еще: „за нихъ Я свящу Себя“ (Іоан. 17, 11. 19). Говоритъ здѣсь, что святитъ Себя, не въ томъ смыслѣ, что совершаетъ освященіе, состоящее въ очищеніи души или духа, какъ это разумѣется о насъ, но даже и не въ значеніи принятія Святаго Духа, ибо Духъ былъ въ Немъ природно,—Онъ былъ и есть святъ всегда, и будетъ вѣчно. Слово „свящу“ Онъ говоритъ здѣсь вмѣсто „посвящаю и приношу“ какъ непорочную жертву въ воню благоуханія, ибо святилось или по закону называлось святымъ приносимое божественному жертвеннику.

Итакъ Христосъ даетъ за жизнь всѣхъ Свое тѣло

въ главному книжный взять у Св. Ал. и нѣк. поздн. Апп. и Пес. (Амфилохія Апостоль и Псалтырь). Не встрѣчающійся въ примѣненіи къ книгамъ у греч. писателей, терминъ этотъ могъ произойти или отъ внѣшняго вида украшенія (на верху цилиндрическаго футляра, въ который вкладывался свитокъ,—или отъ дѣленія книгъ на большіе (томы главы) и меньшіе (главки) отдѣлы.

и опять вселяетъ намъ чрезъ него жизнь, а какъ (совершается это), скажу по мѣрѣ силъ. Поелику Животворное Слово Божіе вселилось въ плоти, Оно преобразовало его въ собственное качество, тоестъ жизнь, и, все всецѣло соединившись съ нимъ неизреченнымъ образомъ единенія, явило его животворнымъ, каково и Само Оно есть по природѣ. Посему тѣло Христово животворитъ тѣхъ, кои становятся причастниками его, ибо изгоняетъ смерть, когда является между умирающими, и удаляетъ тлѣніе, нося въ себѣ Слово, совершенно уничтожающее тлѣніе ¹⁾.

Но быть можетъ скажетъ кто, подумавъ въ умѣ своемъ объ оживленіи почившихъ: вѣдь не пріявшіе вѣры въ Христа и не ставшіе причастниками Его не оживутъ во время воскресенія. Что же? Развѣ не вся тварь, подпавшая смерти, возвратится къ жизни?

Да, скажемъ на это, оживетъ всякая плоть, ибо пророческое слово предвозвѣщаетъ, что возстанутъ мертвые (Иса. 26, 19). Мы думаемъ, что слѣдствія таинства воскресенія Христова простираются на все человѣчество, и вѣруемъ, что въ Немъ и первомъ вся наша природа освободилась отъ тлѣнія, ибо всѣ возстанутъ, по подобію Воскресшаго ради насъ и всѣхъ Имѣющаго въ Себѣ, поскольку былъ человѣкомъ. И какъ въ первозданномъ (Адамѣ) мы низложены въ смерть, такъ въ Первородномъ опять, ставшемъ таковымъ ради насъ, всѣ оживутъ изъ мертвыхъ, но—„добротворившіе въ воскресеніе жизни, какъ написано, а зло содѣлавшіе въ воскресеніе суда (5, 29). Да, воскресеніе для наказанія и оживленіе

---

¹⁾ Возможенъ и другой переводъ: нося (буквально: бременя, рождая) въ себѣ основаніе (принципъ, начало), которое совершенно уничтожаетъ тлѣніе(лат. пер.).

для полученія однихъ только посрамленій я могу признать неизмѣримо горше смерти. Поэтому должно разумѣть въ собственномъ смыслѣ и дѣйствительную жизнь во Христѣ, жизнь въ святости, и блаженствѣ, и непрестанномъ веселіи, такъ какъ и премудрый Іоаннъ признаетъ такую жизнь истинною, говоря: „вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а не вѣрующій (не повинующійся) Сыну не узритъ жизни, но гнѣвъ Божій пребудетъ ¹⁾ на немъ“ (3, 36). Итакъ вотъ, говоритъ, объятый невѣріемъ не узритъ жизни, хотя вся тварь ожидаетъ себѣ возвращенія къ жизни и воскресенія. Очевидно отсюда, что Спаситель справедливо назвалъ жизнью благоуготованную святымъ, разумѣю жизнь въ славѣ и въ святости, которую, какъ это несомнительно ни для кого изъ благомыслящихъ, должны будутъ наслѣдовать приступающіе къ причастію Животворящей Плоти.

Но такъ какъ Спаситель часто уже и прежде называлъ Себя хлѣбомъ, то посмотримъ опять, не желаетъ ли Онъ чрезъ это виѣдрить въ нашъ умъ что либо изъ предвозвѣщеннаго и не напоминаетъ ли тѣхъ мѣстъ священнаго писанія, въ коихъ Онъ и указывался нѣкогда какъ бы въ видѣ хлѣба. Такъ въ Числахъ написано: „и сказалъ Господь къ Моисею, говоря: при вхожденіи васъ въ землю, въ которую Я ввожу васъ (тамъ), и будетъ, когда станете ѣсть вы отъ хлѣбовъ земли (той), отдѣлите часть въ отдѣленіе Господу: начатокъ тѣста вашего—хлѣбъ въ часть отдѣлите Ему,—какъ часть отъ гумна, такъ отдѣлите его (хлѣбъ), начатокъ тѣста вашего, и будете давать Господу часть въ роды ваши“ (Числ. 15, 17 — 21). Законъ изображалъ это прикровенно и имѣя какъ бы

---

¹⁾ Къ 3, 36: *пробываетъ.*

грубую одежду изъ буквы, но онъ предвозвѣщаль опять хлѣбъ дѣйствительно истинный, сходящій съ неба, тоестъ Христа, и дающій жизнь міру (6, 33). Разумѣвай же, какъ ставъ человекомъ какъ мы по причинѣ уподобленія съ нами, какъ бы начатокъ нѣкій нашего тѣста и отдѣленіе, по написанному (Числ. 15, 19), Онъ посвященъ Богу и Отцу, явившись первороднымъ изъ мертвыхъ (Колос. 1, 18) и какъ начатокъ воскресенія всѣхъ (1 Кор. 15, 20) восходя на самое небо: ибо Онъ взятъ отъ насъ, сѣмя Авраама воспріялъ, какъ Павелъ говоритъ (Евр. 2, 16), и посвященъ какъ бы отъ всѣхъ и за всѣхъ, дабы всѣхъ оживотворилъ, и какъ бы первый снопъ съ гумна возносится Богу и Отцу. И какъ, будучи Самъ свѣтомъ истиннымъ, ученикамъ Своимъ сообщалъ эту благодать: „вы, говоритъ, есте свѣтъ міра“ (Матѣ. 5, 14), такъ и, будучи хлѣбомъ живымъ и все животворящимъ и объемлющимъ къ бытію, по подобію опять и посредствомъ сѣни закона, указывалъ въ двѣнадцать хлѣбахъ на священный хоръ апостоловъ. О семъ такъ говоритъ въ книгѣ Левитъ: „и сказалъ Господь къ Моисею, говоря: заповѣдуй сынамъ Израиля, и да возмутъ тебѣ елей (масло) масличный чистый выбитый для свѣта, (чтобы) зажигать свѣтильникъ всегда, внѣ завѣсы въ скинїи свидѣтельства“ (Лев. 24, 1—3). Потомъ говоритъ еще: „и возмете муки пшеничной и сдѣлаете изъ нея двѣнадцать хлѣбовъ, (въ) двѣ десятыхъ (ефы) будетъ хлѣбъ одинъ: и положите ихъ двумя рядами, шесть хлѣбовъ въ одинъ рядъ, на столъ чистый предъ Господомъ,— и положите на (каждый) рядъ ливанъ чистый и соль, и будетъ (это) для хлѣбовъ (букв: въ хлѣбы) въ воспоминаніе предлежащимъ Господу“ (ст. 5—7).

Свѣтильникъ, какъ уже ранѣе говорили мы, находившійся во святой скинїи и свѣтившій внѣ завѣсы есть блаженный Іоаннъ, питаемый елеемъ наичистѣйшимъ, тоестъ освѣщенїемъ чрезъ Духа. Однакожъ Онъ былъ внѣ завѣсы, такъ какъ проповѣдь его была огласительная (предъуготовительная), ибо говорилъ: „приготовьте путь Господень, прямыми дѣлайте стези Бога нашего“ (Иса, 40, 3 ср. Матѳ. 3, 3),—внутренняя же завѣсы, тоестъ тайну о Христѣ, онъ не очень ясно открываетъ, говоря: „я васъ крещу въ водѣ покаянїя, но позади меня Грядущїй сильнѣе меня (есть), Коего я не достоинъ обувъ нести, Онъ васъ будетъ крестить въ Духѣ Святомъ и огнѣ“ (Матѳ. 3, 11). Видишь, какъ свѣтитъ онъ, какъ бы болѣе простымъ словомъ призывая къ покаянїю, однакожъ обнажать внутренняя завѣсы предоставляетъ Крестящему чрезъ огонь и Духа. Но подробнѣе мы разсуждали объ этомъ въ началѣ той книги (3 кн. 1 гл.), въ коей объяснялось изреченїе: „онъ былъ свѣтильникъ горящїй и свѣтящїй“ (5, 36). Теперь же мы коснулись этого какъ бы мимоходомъ, поелику было необходимо указать на послѣдовавшее тотчасъ же послѣ ухода Іоанна избранїе (проезглашенїе) двѣнадцати апостоловъ.

Вотъ по этой-то, полагаю, причинѣ Писанїе, указавъ на него посредствомъ свѣтильника, предлагаетъ (потомъ) созерцанїе о двѣнадцати хлѣбахъ: „сдѣлайте, говоритъ, двѣнадцать хлѣбовъ, въ двѣ десятыхъ (ефы) будетъ хлѣбъ одинъ“ (Лев. 24, 5). Число десять въ священномъ писанїи обыкновенно всегда принимается за совершенное и считается самымъ полнымъ, такъ какъ порядокъ и расположенїе рядовыхъ чиселъ (единицъ) въ немъ, принимая удвоенїе и умноженїе однихъ и тѣхъ же чиселъ, можетъ распространяться до

куда угодно. По сему повелѣваетъ быть каждому хлѣбу изъ двухъ десятыхъ (ефы), дабы ты видѣлъ въ ученикахъ совершеннѣйшую пару двухъ равныхъ добродѣтелей,—разумѣю дѣятельную и созерцательную. Благоусмотрительно повелѣваетъ также полагать ихъ въ два ряда, какъ-бы указывая тѣмъ то положеніе, какое, по всей вѣроятности, они обычно занимали, имѣя всегда Господа посреди себя и обыкновенно окружая Его какъ Наставника. А дабы мы узнали, что, какъ говоритъ Павелъ, Христовымъ стали благоуханіемъ Богу и Отцу (2 Кор. 2, 15), повелѣваетъ полагать на хлѣбы ливанъ и посыпать ихъ солью, ибо сказано въ одномъ мѣстѣ къ нимъ: „вы есте соль земли“ (Матѣ. 5, 13). Но и благоусмотрительно повелѣваетъ приносить ихъ въ день субботній (Лев. 24, 8), ибо появились они въ послѣднія времена вѣка, а суббота—послѣдній день седмицы. И не поэтому только одному, но и потому, что во время пришествія Спасителя нашего мы субботствуемъ духовно (получили духовное упокоеніе), то есть бездѣйствуемъ (свободны) отъ грѣховъ. Тогда же совершилось и явленіе намъ святыхъ апостоловъ, коихъ божественными писаніями питаюсь, мы восходимъ къ жизни святой, почему именно въ день субботъ и повелѣваетъ полагать хлѣбы на святой трапезѣ, то есть въ Церкви, ибо нерѣдко частію обозначается цѣлое. Что могло бы быть святѣе святой трапезы Христовой? Итакъ, какъ хлѣбъ Спаситель предобразуемъ былъ въ законѣ, а какъ хлѣбы—также и ученики по по подобію съ Нимъ, ибо все было истинно во Христѣ, а по подобію съ Нимъ—также и въ насъ по благодати Его.

VI. 52—53. *Пряхуся же между собою Иудеи, глаголюще: како можетъ намъ Сей дати плоть ясти? Рече же имъ Исусъ* 1).

„Все очевидно для разумѣвающихъ и просто для обрѣтающихъ знаніе“, по написанному (Притч. 8, 9), а для неразумныхъ темно и очень простое. Дѣйствительно разумный слушатель болѣе удобопонятное въ ученіяхъ заключаетъ въ сокровищницу ума, не допуская здѣсь никакой медлительности. А то, о чемъ ученіе окажется труднымъ, онъ подвергаетъ изслѣдованіямъ и непрестанно любопытствуетъ. Здѣсь полезно, мнѣ кажется, стараться совершать нѣчто подобное тому, что, говорятъ, дѣлаютъ проворныя и охотничьи собаки, кои, имѣя отъ природы большую остроту чутья въ ноздряхъ, постоянно бѣгаютъ вокругъ убѣжища искомыхъ звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не къ подобному же занятію призываетъ пророческое премудрое изреченіе, гласящее такъ: „ища ищи и у меня обитай“ (Иса. 21, 12)? Подобаешь „ища искать“, то есть, прилагая къ сему напряженнѣйшее рвеніе, не уклоняться куда нибудь къ пустымъ мыслямъ, но чѣмъ болѣе труднымъ окажется какое либо препятствіе, тѣмъ большую конечно остроту ума надо имѣть тутъ и тѣмъ болѣе сильнымъ напряженіемъ воли овладѣвать тѣмъ, что скрывается (отъ нашего разумѣнія). Но необразованный и невоспитанный умъ, если что ускользаетъ отъ него, къ этому онъ высказываетъ совершенное презрѣніе своимъ невѣріемъ (или сомнѣніемъ въ этомъ) и отвращается якобы отъ поддѣльнаго (и ложнаго) отъ того,

---

1) *Иудеи* древнесл. и Ал. вм. тепер. *Жидове*. Древнесл. приб. *сею*, какъ и Кир. въ толк. и къ 6, 67 согл. вѣк. древнегр. но Ал. Конст. и др. не им. У Ал. *сваряхужеса*.

что выше его, вслѣдствіе невѣжественной дерзости доходя до крайней презрительности. И дѣйствительно, не желать ничему уступать и не думать, что есть что либо больше его, развѣ это не есть именно то самое, что мы только что сказали?

Впавшими въ такое состояніе найдемъ мы и Іудеевъ, если пристально взглянемся въ сущность дѣла. Вѣдь имъ надлежало немедленно же принимать слова Спасителя, такъ какъ они уже ранѣ видѣли много дивныхъ проявленій Его божественной силы и непреодолимой власти надъ всѣмъ, — а о недоступномъ (ихъ разумѣнію имъ слѣдовало) любопытствовать и просить (у Него) наставленія въ томъ, относительно чего они могли бы оказаться въ затрудненіи. Опять неразумно говорятъ это „какъ?“ о Богѣ, какъ будто не зная, что такая рѣчь оказывается преисполненною всякаго богохульства. И это потому, что Богу принадлежитъ сила все совершать безпрепятственно. Они же, будучи душевными, какъ говоритъ блаженный Павелъ (1 Кор. 2, 14), не принимали того, „что (отъ) Духа Божія“, но „безуміемъ“ оказывается для нихъ столь священная тайна.

Поэтому, извлекая себѣ пользу отсюда и посредствомъ того, чѣмъ другіе падаютъ, исправляя жизнь свою, мы должны въ воспріятіяхъ божественныхъ тайнъ имѣть вѣру несумнительную (свободную отъ совопросничества) и ни къ чему изъ сообщаемаго намъ не поставлять этого „какъ?“ Іудейское это слово и потому служащее причиною крайняго наказанія. Такъ и начальникъ сонма Іудейскаго, Никодимъ это былъ, за вопросъ: „какъ можетъ сіе быть“ (3, 9), когда онъ внималъ божественнымъ словамъ, справедливо былъ осмѣянъ, услыхавъ: „Ты—учитель Израиля и этого не знаешь?“ (3, 10).

Итакъ, становясь болѣе искусными въ приобрѣтеніи полезнаго даже и посредствомъ глупости другихъ, откажемся говорить это „какъ?“ по отношенію ко всему, чтобы ни совершалъ Богъ, напротивъ—потщимся посвящать Ему познаніе пути дѣлъ своихъ (Притч. 21, 29). Въ самомъ дѣлѣ, какъ никто не вѣдаетъ того, что есть Богъ по природѣ, а получаетъ оправданіе, вѣруя, „что (Онъ) есть (существуетъ) и ищущимъ Его мздовоздаятелемъ бываетъ“ (Евр. 11, 6): такъ же точно не знаетъ и того, какимъ образомъ совершается Имъ что либо въ каждомъ дѣлѣ, но предоставляя вѣрѣ исходъ (дѣла) и признавая всемогущество Бога надъ всѣми, получить не незначительную награду за такое доброе настроеніе. Вѣдь желая такого именно расположенія нашего, и Самъ Владыка всяческихъ говоритъ чрезъ пророка Исаію: „ибо не суть совѣты Мои какъ совѣты ваши, ни какъ пути ваши — пути Мои, говоритъ Господь, но какъ отстоитъ небо отъ земли, такъ отстоятъ пути Мои отъ путей вашихъ и помыслы ваши отъ мысли Моей“ (Иса. 55, 8. 9). Но столь превышающій васъ по премудрости и силѣ развѣ невозможно дѣйствовать чудеснымъ образомъ и быть выше вашего пониманія?

Позволяю себѣ привести и еще одно разсужденіе объ этомъ, не лишенное, какъ мнѣ кажется, значенія. Занимающіеся въ этой жизни такъ называемою механическою наукою часто обѣщаются совершать что либо великое, и способъ этого совершенія скрывается отъ ума слушателей, прежде чѣмъ они увидятъ. Но когда увидимъ присущее имъ искусство, то и прежде даже самаго опыта принимаемъ вѣрою (вѣримъ имъ), не осмѣливаясь уже сопротивляться имъ. Какъ же, можно спросить, не должны быть справедливо повинными ужасной винѣ тѣ, кои, дерзая безчестить не-

довѣріемъ Верховнаго Художника всего Бога, не отказываются говорить „какъ?“ о томъ, что Онъ совершаетъ, хотя и признають Его подателемъ всякой премудрости и изъ всего священнаго писанія научаются Его всемогуществу?

А если ты упорствуешь, Іудей, говоря это „какъ?“, то выскажу тебѣ и я невѣжество твое, подражая тебѣ. Какъ вышелъ ты изъ Египта? Какъ, скажи мнѣ, Моисеевъ жезлъ превращенъ былъ въ змѣя? Какъ поражена была проказою рука, а потомъ снова возстановилась, какъ написано? Какъ вода перешла въ природу крови? Какъ прошелъ ты посрединѣ моря какъ по сушѣ (Евр. 11, 29)? Какъ посредствомъ дерева горькая вода Мерры превращается въ сладкую? Какъ тебѣ и вода дана была изъ каменистыхъ нѣдръ? Какъ спустилась манна ради тебя? Какъ и Іорданъ сталъ на мѣстѣ? Или какъ потрясена была несокрушимая стѣна Іерихона однимъ только крикомъ? И не оставить тебя это самое „какъ?“. Вѣдь ты окажешься уже прежде испытаннымъ удивленіемъ предъ многими чудесами, къ коимъ если примѣнишь это „какъ?“, то долженъ будешь совершенно не вѣрить всему божественному писанію и извратить всѣ слова святыхъ пророковъ, и прежде всѣхъ священныя книги самого даже твоего Моисея.

Итакъ, надлежало, напротивъ, вѣруя Христу и немедленно склоняясь къ словамъ Его, спѣшить узнать скорѣе образъ благословенія, а не оскорблять Его, неосмотрительно говоря: „*какъ можетъ Сей намъ дать плоть Свою ѣсть?*“, — потому что и это „Сей“ они говорятъ съ презрѣніемъ. На подобную же опять надменность ихъ намекаетъ это слово.

VI. 53. *Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго и (не) пиете Его крове, не имате жизни въ себѣ* ¹⁾.

Поистинѣ долготерпѣливъ и многомилостивъ Христосъ, какъ это можно видѣть уже и изъ самого предлагаемаго повѣствованія. Отнюдь не вдаваясь въ споръ съ малоуміемъ невѣровавшихъ, снова предлагаетъ имъ животворное познаніе таинства и, вышаясь какъ Богъ надъ гордынею оскорблявшихъ Его, говоритъ то, чрезъ что они могутъ достигнуть вѣчной жизни. Но не учить еще о томъ, какимъ образомъ Онъ дастъ имъ плоть (Свою) ѣсть, ибо вѣдалъ, что они находятся во тьмѣ и отнюдь не могутъ понимать неизреченное (таинство). Но благополезно указать тѣ благія послѣдствія, какія явятся для нихъ изъ этого яденія, можетъ быть съ тою цѣлью, чтобы, указаніемъ на безпредѣльное блаженство сильнѣе побуждая ихъ къ желанію жить, (тьмѣ самымъ) научить ихъ вѣрить, ибо способность учиться справедливо принадлежитъ именно тѣмъ, кои уже увѣровали. О семъ и пророкъ Исаія говоритъ такъ: „если не увѣруете, (то и совѣмъ) не уразумѣете“ (Иса. 7, 9). Итакъ, напередъ вкоренивъ въ себѣ вѣру, потомъ уже надлежало приступать къ разумѣнію того, чего они не знали, и изслѣдованіе не должно являться раньше вѣры.

По этой, думаю, причинѣ Господь, справедливо опустивъ говорить имъ о томъ, какимъ образомъ подастъ плоть Свою ѣсть, призываетъ къ принятію вѣры прежде изслѣдованія. Вотъ почему уже увѣровавшимъ, разломивъ хлѣбъ, Онъ далъ, говоря; „при-

¹⁾ Мст. ѣсте, Гал. ясте. И пиете Мар. Загр. и не Гал. ни Ал. Его крове не имате жизни въ себѣ Ал. соотв. подлин.

мите, ядите, это есть тѣло Мое“. Подобно же, и чашу обнеси по всѣмъ, говорить: „пейте изъ нея всѣ, ибо это есть кровь Моя Завѣта ¹⁾, за многихъ изливаемая въ оставленіе грѣховъ“ (Матѳ. 26, 26—28).

Видишь отсюда, что не разумѣющимъ еще и отказывающимся вѣрить безъ изслѣдованія, не изъясняетъ образа таинства, а уже увѣровавшимъ со всею ясностію оказывается раскрывающимъ его. Пусть же поэтому выслушиваютъ еще не принявшіе по неразумію вѣру во Христа: „если не ядите плоти Сына Человѣческаго и (не) пиете Его крови, не имѣете жизни вѣчной въ себѣ“. Совершенно непричастными и чуждыми жизни святой и блаженной остаются тѣ, кои чрезъ таинственное благословеніе (евхаристію) не приняли Іисуса. И это потому, что Онъ есть жизнь по природѣ, поскольку родился отъ Живаго Отца. Но точно также животворно и святое Его Тѣло, неизреченнымъ образомъ соединенное съ животворящимъ все Словомъ. Посему и считается Его (тѣломъ) и какъ Одно Оно (Слово) мыслится вмѣстѣ съ нимъ (тѣломъ). Нераздѣльный послѣ вочеловѣченія, кромѣ только того, что (при этомъ) признается Словомъ пришедшимъ отъ Бога Отца и храмомъ отъ Дѣвы, слѣдовательно не тождественнымъ по природѣ, ибо тѣло не единосущно Слову (сущему) отъ Бога,—едино же—по неизреченному соединенію и соитію. И если животворна была плоть Спасителя, какъ соединенная съ Жизнью (сущей таковою) по природѣ, то когда вкушаемъ ее, тогда имѣемъ жизнь въ себѣ самихъ, соединяясь и мы съ нимъ, какъ и она (соединена) съ вселившимся въ нее Словомъ.

---

¹⁾ Такъ Сян. Ват. и нѣк. по приб. *новаго* Ал. и больш. Вульг. Копт. Сир. (и Афр. и Сив.) Ээ. Арм. Ирнн. Кипр. Оргг. Слав.

Вотъ почему и при воскресеніи мертвыхъ Спаситель оказывается дѣйствующимъ не словомъ только и не одними божественными велѣніями, но присоединялъ къ этому какъ сотрудника нѣкоего и Свою святую плоть, дабы показать ее могущею животворить и какъ уже бывшую едино съ Нимъ, ибо это было дѣйствительно Его собственное, а не другаго кого, тѣло. Такъ, когда Онъ воскрешалъ дочь начальника синагоги, говоря: „дитя, встань!“, Онъ взялъ ее за руку, какъ написано (Лук. 8, 54). Животворя какъ Богъ всемогущимъ велѣніемъ, животворя также и чрезъ прикосновеніе святой плоти, Онъ въ томъ и другомъ отношеніи являетъ единую и родственную дѣйственность (силу). Но и когда входилъ въ городъ, называемый Наинъ, и „выносили умершаго единственнаго сына у матери его“, то опять „коснулся одра, говоря: юноша! тебѣ говорю, встань“ (Лук. 7, 12. 14). Не только словомъ совершаетъ оживленіе мертвыхъ, но и, чтобы показать животворнымъ Свое тѣло, какъ уже говорили мы, касается умершихъ, также и чрезъ него (тѣло) влагая жизнь уже подвергшимся тлѣнію. И если чрезъ одно только прикосновеніе святой плоти оживотворяется подвергшееся тлѣнію, то не въ тѣмъ ли большемъ изобиліи пріобрѣтемъ мы животворное благословеніе, когда станемъ и вкушать ее? Вѣдь она преобразитъ безъ сомнѣнія въ свое качество, то есть въ безсмертіе, тѣхъ, кои дѣлаются причастниками ея.

И не изумись при семъ и не скажи въ себѣ самомъ по іудейски: „какъ?“ Напротивъ, подумай о томъ, что вода по природѣ холодна, но когда, влитая въ котель, приблизится къ огню, тогда какъ бы забываетъ свою природу и переходитъ въ свойство (теплоту) сильнѣйшаго (огня). Такимъ же слѣдовательно

образомъ и мы, хотя и тлѣнны по природѣ плоти, но, присоединеніемъ къ Жизни оставивъ свою немощь, преобразуемся въ ея свойство, тоестъ въ жизнь. Да, дѣйствительно надлежало не только душѣ возсозидаться чрезъ Святаго Духа въ обновленіе жизни (Римл. 6, 4; 7, 6), но и грубому сему и земному тѣлу посредствомъ такового же, сродственного ему, приобщенія (къ тѣлу Христову) освящаться и призываться къ безсмертію (1 Кор. 15, 53—54).

Но пусть не думаетъ тупой къ пониманію, что нами изобрѣтенъ какой либо видъ новѣйшихъ таинствъ. Въ древнѣйшихъ писаніяхъ, тоестъ Моисеевыхъ, онъ увидитъ его (этотъ видъ таинствъ) уже предначертываемымъ и имѣющимъ силу истины; потому что и въ простыхъ образахъ онъ все таки совершался. Въ самомъ дѣлѣ, что, скажи мнѣ, укротило всегубителя (смерть)? Что способствовало и предкамъ ихъ не погибнуть вмѣстѣ съ Египтянами, когда все побѣждающая смерть вооружалась противъ первородныхъ? Развѣ не для всѣхъ должно быть очевиднымъ, что, такъ какъ повинуюсь божественному закону, они принесли въ жертву агнца и, вкусивъ его мяса, кровью помазали косяки (дверей), то смерть вынуждалась (тѣмъ самымъ) миновать ихъ какъ освященныхъ? Этотъ всегубитель, тоестъ смерть плоти, вооружился противъ всей человѣческой природы по причинѣ преступленія (совершеннаго нами въ лицѣ) первозданнаго Адама, когда мы впервые услышали: „земля ты и въ землю отойдешь“ (Быт. 3, 19). Но поелику Христосъ имѣлъ низвергнуть столь ужаснаго тиранна, явившись какъ жизнь среди насъ посредствомъ Святой Своей плоти, то для древнихъ и была предобразована (предуказано) эта тайна, и они вкушали мясо агнца и, освящаемые кровью его, спасались, такъ какъ назначенный (Ангель) для истреб-

ленія (первенцевъ египетскихъ), по волѣ Бога, миновалъ ихъ, какъ такихъ, кои были причастниками агнца.

Въ виду сего зачѣмъ же ты, Іудей, уже призываемый къ истинѣ посредствомъ прообразовъ, раздражаешься, когда Христось говоритъ: „если не ядите плоти Сына Человѣческаго и (не) пьете Его крови, (то) не имѣете жизни въ себѣ“? Между тѣмъ какъ наоборотъ, съ тѣмъ большимъ бы дерзновеніемъ тебѣ надлежало идти къ воспріятію тайнъ, какъ напередъ уже подготовленному къ этому изъ Моисеевыхъ книгъ и руководимому къ несумнительной вѣрѣ посредствомъ древнѣйшихъ образовъ.

VI. 54. Ядыи Мою плоть и пїяи Мою кровь иматъ жизнь вѣчную ¹⁾, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.

Также и здѣсь особенно подобаетъ подивиться святому Евангелисту за то, что онъ ясно воскликнулъ: „и Слово плотію стало“ (1, 14) ибо онъ не обвиняясь сказалъ не то, что *Оно стало (явилось) во плоти*, но именно то, что *стало плотію*, дабы показать единеніе (съ плотью). И мы отнюдь не утверждаемъ ни того, чтобы Богъ—Слово (сущее) отъ Отца превратилось въ природу плоти, ни того, чтобы плоть перешла въ Слово, ибо то и другая остается тѣмъ, что есть по природѣ, и одинъ изъ обоихъ Христось. Но неизреченно и сверхъ разумнїя человѣческаго Слово соединившись съ Своею плотью и всю ее какъ бы перенесши въ Себя по силѣ, могущей животворить нуждающееся въ жизни, изъ нашей природы изгнало тлѣніе и удалило смерть, изначала получившую силу (надъ нами) по причинѣ грѣха.

---

¹⁾ Жизнь вѣчную св. Ал. вм. животъ или живота.

И такъ ядуцїей святуу плоть Христа, жизнь вѣчную имѣеть, ибо плоть (Христова) имѣеть въ себѣ Слово, которое есть жизнь по природѣ. Посему и говоритъ, что *Я воскресу его въ послѣдній день*. Но вмѣсто того, чтобы сказать, что его, то есть ядущаго, Мое воскреситъ тѣло, употребилъ: „Я“, какъ не другой отличный отъ Своего тѣла,—и не другой безъ сомнѣнія по природѣ, ибо послѣ единенія отнюдь не допускаетъ раздѣленія на двоицу (двухъ) сыновъ. Такимъ образомъ Я, говоритъ, явившійся въ немъ, очевидно посредствомъ Моей плоти, *воскресу ядущаго въ послѣдній день*.

Въ самомъ дѣлѣ безъ всякаго сомнѣнія не возможно было, чтобы Тотъ, Кто есть жизнь по природѣ не побѣдилъ тлѣніе и не преодолѣлъ смерти. Посему, хотя явившаяся чрезъ преступленіе смерть и вынуждаетъ человѣческое тѣло къ тлѣнію, но поелику въ насъ является Христосъ посредствомъ Своей плоти, то безъ сомнѣнія мы воскреснемъ. Вѣдь невѣроятно, даже болѣе—невозможно, чтобы Жизнь не животворила тѣхъ, въ комъ она будетъ. Подобно тому, кто взявъ искру, насыплетъ на нее много мякины, чтобы сохранять сѣмя (продолженіе) огня, такъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ чрезъ Свою плоть скрываетъ въ насъ жизнь и влагаетъ безсмертіе какъ бы нѣкое сѣмя, всецѣло уничтожающее въ насъ тлѣніе.

VI. 55. Плоть бо Моя истинное есть брашно и кровь Моя истинное есть питіе ¹⁾.

Противопоставляетъ опять подаянію манны таинственное благословеніе (хлѣбъ) и струямъ изъ каме-

¹⁾ *Истинное* αληθινόν согл. однимъ греч. и Зогр. Рейм. —тело мое истинно есть брашно и кровь Моя *ресное питіе*) и Св. Ал. вм. др. греч. и слав. истинно αληθινόν. *Питіе* Рейм. и Ал. вм. др. *πνευ*.

нистыхъ ущелій вкушеніе (питіе изъ) чаши. О чемъ уже ранѣе сказалъ другими словами, это же опять и здѣсь говоритъ, разнообразно излагая одно и то же ученіе. Убѣждаетъ именно въ томъ, что имъ не слѣдуетъ удивляться маннѣ, а напротивъ — принимать Его, какъ хлѣбъ съ неба и подателя вѣчной жизни: „*ибо отцы ваши, говоритъ, ѣли манну въ пустынь и умерли, сей же есть хлѣбъ, съ неба сходящій, дабы кто отъ него ѣстъ, и не умеръ*“ (6, 49—50). Пища изъ манны, говоритъ, на весьма малое время удовлетворивъ потребность тѣла и отворотивъ вредъ голода, снова становилась безсильною, какъ не сообщавшая вѣвшимъ вѣчной жизни. *Слѣдовательно то не была пища истинная* и хлѣбъ съ неба тоестъ. Святое же тѣло Христово, питая къ безсмертію и жизни вѣчной, есть *пища дѣйствительно истинная*. Но тѣ пили и воду изъ скалы,—и что же отсюда (получали), говоритъ, и какая была польза пившимъ? Вѣдь они скончались. Слѣдовательно и то было питіе не истинное, *истинное же подлинно питіе есть честная кровь Христа, всецѣло до основанія искореняющая тлѣніе и отталкивающая вселившуюся въ человѣческой плоти смерть, ибо это есть кровь не просто одного изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но Самой Жизни по природѣ*. Посему мы и тѣломъ и членами Христа называемся, какъ принимающіе въ себя чрезъ благословеніе (евхаристію) Самаго Сына.

VI. 56. *Ядыи Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.*

Разнообразно тайноводствуетъ насъ чрезъ это. Такъ какъ ученіе это мало доступно для людей еще не наученныхъ, то, требуя разумѣнія о Себѣ (Евр. 11, 3) отъ вѣры, а не изслѣдованія, и всесторонне пред-

ставляя дѣло, разнообразно облегчаетъ и всячески уясняетъ намъ пользу раскрываемаго ученія, приче́мъ въ качествѣ какъ бы основанія нѣко́го и утвержде́нія для вѣры полагаетъ сильнѣйшее къ Нему влече́ніе (ср. Римл. 4, 18). „*Яду́щій*, говоритъ, *Мою плоть и пи́ющій Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Я въ немъ*“. Подобно тому, какъ если кто соединитъ одинъ воскъ съ другимъ, то одинъ воскъ онъ конечно увидитъ оказавшимся въ другомъ: точно такимъ же, полагаю, образомъ и прие́млющій *плоть* Спасителя нашего Христа и *пи́ющій* Его честную *кровь*, какъ Самъ Онъ говоритъ, едино съ Нимъ становится, какъ бы сорастворяясь и соединяясь съ Нимъ чрезъ это воспри́ятіе (крови и плоти Христа), такъ что онъ во Христѣ обрѣтается и обратно—Христосъ также *въ немъ*. Почти такимъ же образомъ научалъ насъ Христосъ и въ евангеліи по Матѳею, говоря: „подобно (есть) царство небесное закваскѣ ¹⁾, которую взявъ, женщина скрыла (вложила) въ три мѣры (саты) муки, доколѣ сквасилось ²⁾ все“ (Матѳ. 13, 33). Что надо разумѣть здѣсь подъ женщиною, подъ троицею мѣръ, называемыхъ сатами, и вообще подъ сатою, о семъ должно быть сказано въ своемъ мѣстѣ ³⁾. Въ настоящемъ же случаѣ скажемъ объ одной только закваскѣ. Какъ „малая закваска“, по словамъ Павла, „все тѣсто квашиваетъ“ (1 Кор. 5, 6; Гал. 5, 9), точно также и *весьма малая евологія* ⁴⁾ все наше тѣло (подобно тѣсту) замѣшиваетъ въ себя и наполняетъ своею силою, такъ что и Христосъ пребываетъ въ насъ и мы также въ

1) Бродилу, дрожжамъ.

2) Взшло, перебродило, вскисло.

3) Отсюда видимъ, что толкованіе евангелій св. Кирилломъ было начато съ четвертаго.

4) Названіе евхаристійнаго хлѣба. Эти и дальнѣйшія слова важны въ литургико-археологическомъ отношеніи.

Немь, ибо со всею справедливостью можно сказать, что и закваска находится во всемъ тѣствѣ и тѣсто подобнымъ же образомъ оказывается во всей закваскѣ. Здѣсь имѣешь краткое объясненіе изреченія.

Но если мы любимъ вѣчную жизнь, если желаемъ имѣть въ себѣ Подателя безсмертія, то да не будемъ, подобно нѣкоторымъ изъ нерадивыхъ (христіанъ), отказываться отъ благословенія (причастія, евхаристіи), дабы искусный въ коварствѣ діаволь не разставилъ намъ сѣти и силковъ въ вредномъ и ложномъ страхѣ (предъ таинствомъ).

Но вѣдь написано же, говоришь ты, „ядущій отъ хлѣба и пьющій изъ чаши недостойно, судъ себѣ ѣсть и пьеть“ (1 Кор. 11, 27—29). А между тѣмъ я, испытавъ себя, вижу недостойнымъ.

Однакожь когда же ты будешь достоинъ, — и отъ насъ долженъ выслушать говорящій это, — когда представишь себя Христу? Вѣдь если ты всегда долженъ ужасаться своихъ грѣхопадений, а между тѣмъ не можешь перестать совершать грѣхопадения, ибо „кто уразумѣетъ грѣхопадения?“ (Псал. 18, 13), по словамъ святаго Псалмопѣвца, то долженъ будешь оказаться совсѣмъ непрічастнымъ спасительной святыни. Посему благочестиво помышляй болѣе о томъ, чтобы проводить согласную съ (евангельскимъ) закономъ жизнь и такимъ образомъ приобщиться благословенію, увѣровавъ въ то, что оно изгоняетъ не только смерть, но и наши болѣзни. И это потому, что Христось, пребывая въ насъ, укрощаетъ свирѣпѣющій въ членахъ нашихъ законъ плоти (Римл. 7, 24—25) и животворно возжигаетъ благоговѣніе къ Богу, а страсти умерщвляетъ, не вмѣняя намъ грѣхопадений нашихъ, но напротивъ — помогая какъ больнымъ. Какъ Пастырь Добрый и душу Свою положившій за овецъ (Іоан. 10, 11), Онъ

„обязываетъ сокрушенное и возстановляетъ падшее“
(Иезек. 34, 16).

Г Л А В А III.

О томъ, что Сынъ не причастенъ (такой) жизни, которая (получена) отъ другаго, а напротивъ—(есть) по природѣ жизнь, какъ отъ жизни (сущей таковою) по природѣ рожденный—отъ Бога и Отца.

VI. 57. Якоже посла Мя живой Отецъ, и Азъ живу, Отца ради, и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради.

Смыслъ этихъ словъ весьма неясенъ и облеченъ не малою трудностію. Впрочемъ не совсѣмъ ускользаетъ отъ изслѣдованія, ибо можетъ быть понятъ и усвоенъ желающими правильно мыслить.

Итакъ, когда Сынъ говоритъ, что Онъ посланъ, то указываетъ на Свое воплощеніе, и ни на что другое. Когда же говоримъ, что Онъ воплотился, то утверждаемъ, что Онъ сталъ совершеннымъ человѣкомъ. Какъ *Отецъ*, говоритъ Онъ, содѣлалъ Меня *человѣкомъ* и поелику Я, будучи Богомъ—Словомъ, какъ жизнь родился отъ жизни по природѣ, и ставъ *человѣкомъ*, Своею природою наполнилъ Мой храмъ, то есть тѣло: то такимъ же образомъ и ядущій Мою плоть *живъ будетъ ради Меня*. Я воспріялъ умирающую плоть, но какъ скоро Я вселился въ ней, будучи жизнью по природѣ, потому что Я—отъ живаго Отца, то всю ее преобразовалъ въ Мою жизнь. Не побѣжденъ Я тлѣніемъ плоти, напротивъ—Я побѣдилъ ее какъ Богъ. Посему какъ Я,—немедленно скажу это опять ради пользы,—хотя и сталъ, говорить, плотью,—ибо это означаетъ быть посланнымъ,—но *живу ради Живаго Отца*, то есть сохраняя въ Себѣ благородство Родившаго: такъ и принимающій Меня посредствомъ приобщенія Моей плоти, будетъ сохранять жизнь въ себѣ, всецѣло преобразуясь въ Меня, могущаго живо-

творить по причинѣ Моего бытія отъ животворнаго корня, тоестъ Бога и Отца.

Говорить же, что воплощенъ Отцемъ, хотя Соломонъ утверждаетъ, что „Премудрость создала Себѣ домъ“ (Притч. 9, 1), и блаженный Гавриилъ усвоетъ твореніе божественнаго тѣла силѣ Духа, когда обращается ко Святой Дѣвѣ съ такими словами: „Духъ Святый найдетъ на тебя и сила Вышняго осѣнитъ тебя“ (Лук. 1, 35). Это для того, чтобы ты уразумѣвалъ опять, что, такъ какъ божество по природѣ одно и разумѣется (однимъ) и въ Отцѣ и Сынѣ и во Святомъ Духѣ, то Каждый долженъ дѣйствовать во всемъ существующемъ не отдѣльно, но еслибы о чемъ и говорилось, что оно произошло чрезъ одного, то конечно это есть дѣло всей божественной природы. Вѣдь если Святая Троица едина въ смыслѣ единосущія, то безъ сомнѣнія и сила должна быть одна во всемъ, ибо все отъ Отца чрезъ Сына въ Духѣ.

Но о чемъ мы часто уже говорили, это опять скажемъ, ибо говорить одно и тоже хотя и тяжело, но сообщаетъ твердость. Было у Спасителя Христа обыкновеніе благополезно усвоить дѣйственности Отца все то, что превышаетъ свойственную человѣку силу. Это потому, что Онъ смирилъ Себя, ставъ человѣкомъ,— и поелику принялъ образъ раба (Филип. 2,7—8), то и не гнушается свойственнаго состоянію раба (образа рѣчи), однакожь и не отстраняетъ отъ себя дѣятельность во всемъ вмѣстѣ съ Отцемъ. Родившій Его все совершаетъ чрезъ Него, по слову Спасителя, ибо „Отецъ“, говоритъ, во Мнѣ пребывая, творитъ дѣла Онъ“ (Іоан. 14, 10). Такимъ образомъ, отдавая должное домостроительству съ плотью, усвоетъ Богу и Отцу то, что выше силы человѣка, ибо создать храмъ въ Дѣвѣ превышаетъ силу человѣческую.

Но противникъ нашъ опять скажетъ на это: но какъ бы иначе Сынъ могъ открыть то, „что Онъ есть по природѣ“, или какъ могъ бы показать ясно то, „что Отецъ больше“, если не посредствомъ изреченія: „Я живу ради Отца“? вѣдь если Отецъ есть податель жизни Сыну, то кто же наконецъ дойдетъ до такого неразумія, чтобы не понимать того, что причастное жизни не одно и тоже будетъ съ жизнію по природѣ, или съ Могущимъ животворить?

На это и мы, противопоставляя слово истины, скажемъ благовременно: „глупецъ глупое будетъ говорить и сердце его тщетное помышлять, чтобы совершить незаконное и изрекать на Господа ложь“ (Иса. 32, 6). Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть незаконнѣе такой мысли еретиковъ? И развѣ не крайняя ложь изрекается ими противъ все животворящаго Христа, если эти безумцы не стыдятся говорить, что Онъ живетъ (будучи) причастнымъ жизни отъ другаго, подобно какъ (живетъ такую жизнію) происшедшее чрезъ Него? И въ такомъ случаѣ Сынъ не будетъ ли въ концѣ концовъ у насъ и животнымъ, именно какъ оказывающійся причастнымъ жизни, а не самую жизнію по природѣ? Вѣдь животное должно быть безъ сомнѣнія другимъ нѣчто отличнымъ отъ сущей въ немъ жизни. Но я не думаю, чтобы кто либо здраво-мыслящій могъ сдѣлать это. Итакъ, отнюдь не животнымъ долженъ мыслиться нами Единородный, по жизнію по природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не истину высказываетъ Онъ въ словахъ: „Я есмь воскресеніе и жизнь“ (Іоан. 11, 25)? А жизнію должно быть животворящее, (само) не нуждающееся въ жизни отъ другаго, какъ безъ сомнѣнія и подъ мудростію мыслится сила умудрять, а не способность умудряться. Слѣдовательно истина, по вашему, солжетъ и Христосъ не

истину выскажетъ въ словахъ: „Я есмь, жизнь“? Баснословящимъ окажется также и славный хоръ святыхъ, изрекающій слова чрезъ Духа и называющій Единороднаго жизнью. Такъ божественный Псалмопѣвецъ оказывается у насъ говорящимъ къ Отцу: „потому что у Тебя источникъ жизни“ (Псал. 35, 10). И досточудный евангелистъ Іоаннъ въ своихъ посланіяхъ говоритъ такъ: „что было отъ начала, что слышали мы, что видѣли очами нашими, что созерцали, и руки наши осязали, о Словѣ Жизни,— и жизнь явилась, и видѣли мы, и свидѣтельствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ жизнь вѣчную, которая была у Отца (къ Отцу) и явилась намъ“ (1 Іоан. 1, 1—2). Видишь, что изъ этихъ словъ Іоанна и Псалмопѣвецъ оказывается истиннымъ, когда говоритъ къ Отцу всяческихъ Богу: „потому что у Тебя источникъ жизни“, ибо былъ и есть у Него источникъ жизни—Сынъ. А что Духоносецъ говоритъ о Немъ именно въ такомъ смыслѣ, въ этомъ онъ удостовѣрять и посредствомъ другихъ словъ своихъ въ томъ же посланіи: „и знаемъ, что Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ разумъ, да знаемъ Истиннаго, — и мы (есмы) ¹⁾ въ Истинномъ, въ ²⁾ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ: Сей есть Истинный Богъ и Жизнь Вѣчная“ (1 Іоан. 5, 20). Поэтому кто, скажи мнѣ, можетъ наконецъ выносить такое пустословіе иномыслящихъ? Кто справедливо не обвинить ихъ, дерзающихъ называть Сына причастнымъ жизни отъ другаго, хотя святое и богодухновенное писаніе ничего такого не говоритъ о Немъ, а напротивъ—ясно высказываетъ, что Онъ

1) Такъ и св. Ал. *εσμεν* согл. больш. и древн. вм. слав. *будемъ ѡмев*—нѣк. немн. и Вульг.

2) *Еυ τω* согл. древн. и больш. и св. Ал. и Карп. и многіе Слав. но другіе Слав. опускаютъ соотв. нѣк. немн. греч. и Вульг.

есть Богъ по природѣ, и Истинный, и Источникъ жизни, и также Жизнь вѣчная? Развѣ можно представлять истиннымъ Богомъ того, кто имѣетъ нужду въ жизни отъ другаго, а не напротивъ — Самъ есть жизнь по природѣ? Или какъ могъ бы Онъ называться еще источникомъ жизни, если бы чрезъ сообщенія отъ другаго Онъ получалъ Себѣ вспомошествованіе къ тому, чтобы быть въ состояніи жить?

Пусть такъ, скажетъ противникъ,—мы можемъ согласиться, что Сынъ есть жизнь, почему и Самъ можетъ животворить, какъ имѣющій въ Себѣ живого Отца.

Однакожь этого, любезнѣйшіе, недостаточно будетъ вамъ для защиты (себя отъ вины) богохульства вашего на Единороднаго, но невѣжественною и безсильною окажется также и эта рѣчь ваша. Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что Сынъ называется жизнью, поскольку Онъ можетъ животворить способное къ жизни, ибо имѣетъ въ Себѣ Отца,—развѣ это не преисполнено какого то безмѣрнаго невѣжества? Повидимому вы совсѣмъ не знаете (различія между тѣмъ), что значить (быть) „на природѣ“ и (тѣмъ) что (значить быть) „изъ того, что по природѣ“, какъ само соприсоединяемое (къ природѣ), что бываетъ по сообщенію. Напримѣръ: огонь горячъ по природѣ, но бываютъ горячими и другіе предметы, получая эту силу теплоты отъ него, какъ желѣзо или дерево. Однакожь они не называются огнемъ потому, что сдѣлались горячими, ибо это свойство они имѣютъ въ себѣ какъ чуждое и не природное. Значеніе этихъ примѣровъ подойдетъ и къ намъ самимъ. Грамматика, напримѣръ, или геометрія считаются видами логической науки, однакожь кто оказывается свѣдущимъ въ грамматикѣ или другой наукѣ, тотъ отнюдь не представляется какъ

сама грамматика или геометрія, но отъ усвоенной имъ грамматики называется грамматикомъ и отъ геометріи—геометромъ. Такъ и жизнь по природѣ есть конечно нѣчто другое отличное отъ того, въ чемъ она бываетъ, преобразуя въ себя не таковое по природѣ. Поэтому когда вы говорите, что въ Сынѣ присутствуетъ Отецъ, именно какъ въ веществѣ, дабы, поскольку Онъ (Отецъ) есть жизнь по природѣ, также и Самъ Сынъ могъ животворить: то уже неразумно будете соглашаться съ тѣмъ, что Онъ есть жизнь, а не напротивъ—причастенъ жизни отъ другаго, по сообщенію именно, а не по сущности, призванный къ принятію достоинства Подателя (Отца). И какъ неосновательно разгоряченное желѣзо называть огнемъ, хотя оно и имѣетъ свойство огня, потому что нагрѣто имъ,—или также никто, имѣющій умъ, грамматика не назоветъ грамматикою ради того, что онъ можетъ другихъ руководить въ этой наукѣ: такъ, полагаю, никто здравомыслящій не долженъ называть Сына жизнью, ради того, что Онъ можетъ и другихъ животворить, имѣя, по ученію ихъ, это *бытіе—жизнью* не по природѣ, но надѣленный этимъ отъ силы Отца, или *ради живущаго въ Немъ Отца*. Но что же, скажи мнѣ, можетъ въ такомъ случаѣ уже служить препятствіемъ къ тому, чтобы мыслить Сына какъ одного изъ насъ, очевидно тлѣнной природы, если Онъ живетъ *ради Отца*, то есть надѣляемый жизнью отъ Родившаго, какъ думаютъ они? Вѣдь Онъ, по послѣдовательному теченію мыслей, долженъ былъ бы подвергнуться уничтоженію, если бы не имѣлъ въ Себѣ Живаго Отца. И если мы признаемъ истинными слова Его: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“ (Іоан. 14, 11), то (оказывается, что) не только Онъ имѣетъ въ Себѣ Отца, Который есть жизнь по природѣ, но Самъ Онъ

находится въ Отцѣ, хотя Онъ и не есть жизнь по природѣ. Уже умалчиваю о богохульствѣ, хотя и надлежало бы поговорить о немъ въ обличеніе нечестія богоборцевъ, ибо Отецъ окажется имѣющимъ въ Себѣ нѣчто лишенное жизни, то есть тлѣніе или природу подверженную разрушенію. Такъ какъ цѣль наша— съ надлежащею точностію уяснить вопросъ, то мы и должны снова изслѣдовать и посредствомъ разнообразныхъ разсужденій дойти до раскрытія того, что сущность предмета должна вынуждать насъ именно такъ мыслить о Сынѣ.

Ты говоришь, что Богъ и Отецъ есть жизнь по природѣ. Прекрасно, это дѣйствительно такъ. Но (такъ это) есть и въ Сынѣ, съ чѣмъ также соглашаются и ваши слова. Но вотъ что я нашелъ бы потомъ справедливымъ спросить, желая знать: что будетъ совершать въ Сынѣ Отецъ, присутствуя въ Немъ? Будетъ ли Онъ сообщать Свою жизнь Собственному Рожденію, какъ нуждающемуся и не имѣющему жизни изъ себя самого? И развѣ не совершенно необходимо мыслить Сына лишеннымъ жизни? А лишенное жизни чѣмъ же наконецъ будетъ инымъ, какъ не подверженнымъ тлѣнію? Но Онъ (Отецъ) не сообщаетъ Сыну Своей жизни, ибо Онъ есть жизнь, хотя и не пріемлетъ (ее) отъ Него (по сообщенію отъ Него).

Зачѣмъ же нѣкоторые безразсудно и дерзко клеветуютъ еще и говорятъ, что Сынъ живетъ потому именно, что имѣетъ въ Себѣ Отца, Который есть жизнь по природѣ? Вѣдь если Онъ живетъ и безъ Отца, какъ обладающій бытіемъ по существу и какъ саможизнь, то уже не живетъ *ради Отца*, то есть по причинѣ воспріятія (жизни) отъ Отца. А если Онъ имѣетъ Отца подателемъ Своей жизни, то Онъ окажется не имѣющимъ Своей жизни, ибо получаетъ ее отъ

другаго и, какъ мы говорили въ началѣ, Онъ есть скорѣе животное. чѣмъ жизнь,—и уже тлѣнной природы. Но какъ же въ такомъ случаѣ Онъ называлъ Себя жизнію? Вѣдь тогда и намъ пожалуй можно будетъ сказать (о себѣ): я есмь жизнь, хотя и невѣрна такая рѣчь, ибо невозможно творенію вторгаться въ божественныя достоинства. И такъ Сынъ зналъ Себя жизнію по природѣ, иначе какъ бы Онъ могъ быть „начертаніемъ ипостаси“ (Евр. 1, 3) Родившаго Его,—какъ—образомъ и подобіемъ точнымъ? Развѣ не правильно бы поступилъ и Филиппъ, говоря: „покажи намъ Отца, и довольно намъ“ (Іоан. 14, 8)? ибо въ такомъ случаѣ и дѣйствительно можно было подумать, что кто видѣлъ Сына, тотъ еще не видѣлъ Отца, если Одинъ есть жизнь по природѣ, а Другой—причастенъ жизни отъ Него. Вѣдь отнюдь невозможно животворящее видѣть въ животворимомъ, въ нуждающемся—ненуждающагося. Слѣдовательно и въ другомъ случаѣ окажется не истиннымъ Онъ, когда говорилъ: „видѣвшій Меня видѣлъ Отца“ (Іоан. 14, 9).

Но любитель благочестивыхъ догматовъ Церкви опять видитъ, какія нелѣпости слѣдуютъ за болтовнею ихъ. Поэтому да уклоняется отъ нихъ и да измѣняетъ, по написанному (Притч. 4, 15),—и да творить стези прямыя и исправляетъ пути свои (Притч. 4, 26),—да смотритъ на простую красоту истины, вѣруя, что Богъ и Отецъ есть жизнь по природѣ, жизнь точно также есть и рожденный отъ Него Сынъ. Какъ ¹⁾ свѣтомъ отъ свѣта Онъ называется, такъ и жизнію отъ жизни,—и какъ Богъ и Отецъ освѣщаетъ нуждающихся въ свѣтѣ чрезъ собственнаго Сына, какъ чрезъ свѣтъ,—и умудряетъ восприемлющихъ мудрость

¹⁾ Эта точка поцитована у Векка въ Эпиграфѣ 5-мъ.

(через Сына), какъ черезъ Свою Премудрость,—и даетъ силу нуждающимся въ силѣ (черезъ Сына), опять какъ черезъ Свою Силу: такъ и животворить все, что нуждается въ жизни отъ Него, какъ черезъ жизнь собственную и изливающуюся изъ Него, тоестъ черезъ Сына. Поэтому когда говоритъ „*живу ради Отца*“, не думай, что Онъ признаетъ Себя живущимъ благодаря принятію жизни отъ Отца, но поелику родился отъ живаго Отца, поэтому утверждаетъ, что и Онъ также живетъ. Вѣдь невозможно не жить Тому, Кто отъ Живого Отца. И какъ если бы кто изъ насъ сказалъ: человекъ я разумный ради отца, ибо оказываюсь чадомъ разумнаго человека, такъ разумѣй и о Самомъ Единородномъ. *Живу, говоритъ, ради Отца*: такъ какъ родившій Меня Отецъ есть жизнь по природѣ, а Я есмь Его благоприродное и подлинно—законное рожденіе, то и свойство Его по природѣ имѣю въ Себѣ, тоестъ быть жизнію, ибо это есть и Отецъ. Поелику же Одинъ отъ Одного (рожденнымъ) мыслится и есть, ибо отъ Отца Сынъ, хотя и былъ съ Нимъ вѣчно: то справедливо величается природными достоинствами Родителя, какъ Своими собственными.

VI. 58. *Сей есть хлѣбъ съ небесе сшедый: не якоже ядоша отцы ваши манну и умроша: ядый (Мой) сей хлѣбъ живъ будетъ во вѣкъ* ¹⁾.

Великія дѣла, говоритъ, должны быть (происходить) изъ великаго, и подаваемое черезъ вышнюю благодать должно оказываться богоприличнымъ и достойнымъ величія дара божественнаго. Поэтому если ты всецѣло воспринялъ вѣрою, что хлѣбъ этотъ нис-

¹⁾ *Съ небесе сшедый* разстановка словъ соотв. греч. въ Рейм. и Ал. Въ *вѣкъ* соотв. греч. Остр. Мар. Зогр. Ал. *Сей хлѣбъ* разст. соотв. греч. у Ал. *ζῶει* древнегр. Рейм. *живетъ*,—вм. *ζῶεται*. Слав. *живъ будетъ*.—*моу* приб.

шелъ съ неба, то онъ долженъ всѣмъ желающимъ его доставлять постоянную жизнь и имѣть силу непрестаннаго безсмертія. И это (свойство его) должно служить яснымъ доказательствомъ того, что хлѣбъ этотъ есть съ неба, то есть отъ Бога, такъ какъ, думаемъ, Вѣчному и подавать подобаетъ вѣчное, а не вкушеніе временной пищи, едва могущее имѣть силу только совсѣмъ на малое время. Поэтому уже не будетъ мудро, если кто станетъ думать, что отъ Бога и свыше есть тотъ хлѣбъ, вкушая который ваши предки подверглись смерти и не избѣжали вреда отъ тлѣнія. И ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ, ибо то не былъ хлѣбъ, имѣющій силу обезсмертить. Поэтому онъ справедливо долженъ мыслиться и называться не (хлѣбомъ) съ неба, ибо подобающимъ приходящему оттуда (съ неба хлѣбу) дѣломъ должно быть именно то, что вкушающихъ Его Онъ ставитъ выше смерти и тлѣнія. Безспорнымъ опять доказательствомъ можетъ быть подтверждено то, что этотъ хлѣбъ есть съ неба, очевидно (подается) чрезъ Христа, то есть тѣло Его, ибо вкусившему Онъ сообщаетъ жизнь *во вѣкъ*. Дѣйствительно, и здѣсь оказывается великое нѣкое удостовѣреніе божественной природы, не удостоивающей давать ничего малаго, но все сверхъестественное, хотя и превышающее нашъ разумъ, такъ что уже вслѣдствіе величія благодати даже и недовѣрію подвергается отъ простяковъ. Въ самомъ дѣлѣ, столь обильной Десницѣ развѣ не должно присутствовать желаніе давать обильное? Посему и Павелъ съ удивленіемъ говоритъ: „глазъ не видаль, и ухо не слыхало, и на сердце человѣка не восходило, что приготовилъ Богъ любящимъ Его“ (1 Кор.

Г и мн. мин. у Св. Кир. только въ одномъ кодексѣ, но древнѣйшемъ (12 в. Барбер.).

2, 9). Законъ же въ малыхъ примѣрахъ изображалъ великое, „тѣнь имѣя будущихъ благъ, а не самый образъ предметовъ“ (Евр. 10, 1), какъ написано, такъ что въ питаніи манною указывается благословеніе чрезъ Христа (евхаристія), ибо то предназначалось древнимъ какъ тѣнь будущаго.

VI. 59. *Сія рече на сомнѣннѣхъ, уча въ Капернаумѣ.*

Представляя намъ изложеніе чудныхъ тайнъ, премудрый Евангелистъ со всею справедливостію усволяетъ Спасителю Христу начало ученія о нихъ, величіемъ Лица постыждая противника и напередъ устрашая тѣхъ, кои намѣревались приступить съ возраженіями. Вѣдь знаменитость учителя иногда дѣлаетъ слушателя настолько болѣе готовымъ къ вѣрѣ и требуетъ скорѣйшаго согласія отъ воспитываемыхъ.

Весьма хорошо прибавляетъ: „въ синагогѣ“. Говорить этимъ какъ бы такъ: не одинъ кто либо или двое слышали эти слова Христа, Онъ оказывается учившимъ явно при всѣхъ въ синагогѣ, какъ и Самъ говоритъ чрезъ пророка Исаію: „не въ тайнѣ говорилъ Я и не въ мѣстѣ земли темномъ“ (Иса. 45, 19). Онъ явно сообщалъ всѣмъ ученіе объ этомъ, дѣлая неизбѣжнымъ осужденіе для Іудеевъ и вслѣдствіе невѣрія Ему тѣмъ тягчайшими представляя неувѣровавшимъ ихъ вины. Вѣдь будучи еще не научены столь святой тайнѣ, они могли бы потребовать основательнаго отклоненія наказанія и, выставя совершеннѣйшее невѣдѣніе свое, подверглись бы легкому гнѣву Судьи. Но зная и часто тайноводствуемые, и при этомъ оскорбляя неповиновеніемъ,—развѣ не по всей справедливости, безъ всякой уже милости, они должны подвергаться наказанію и получить строжайшее осужденіе отъ Обезчещеннаго ими? Нѣчто подобное ска-

заль о нихъ и Самъ Спаситель: „ибо если бы не пришелъ Я и не сказалъ имъ, грѣха не имѣли бы: теперь же извиненія не имѣютъ во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15, 22).

Посему должно остерегаться, даже болѣе — отраться отъ непослушанія, какъ причины смерти,—и станемъ чтить, какъ виновницу жизни, вѣру во все то, чему учить Христось. Такимъ образомъ мы избѣжимъ наказанія съ ними. Присоединяетъ еще и то, что въ *Капернаумѣ* говорилъ это Христось, дабы показать, что онъ помнилъ (дѣло) точно, ибо знавшій и мѣсто и селеніе развѣ могъ бы погрѣшить въ изложеніи ученія Христова?

VI. 60. 61. Мнози убо, слышавше отъ ученикъ Его, рѣша: жестоко есть слово сіе: кто можетъ его слушати? Вѣдый же Исусъ въ Себѣ, яко ропщутъ о семъ ученицы Его, рече имъ ¹⁾

Таковъ обычай у невѣждъ: наиболѣе возвышенное ученіе они всегда осуждаютъ и превышающее ихъ умъ созерцаніе невѣжественно отклоняютъ, такъ какъ сами не понимаютъ. А между тѣмъ наоборотъ, имъ слѣдовало старательно учиться и развиваться вмѣстѣ съ тѣмъ, что имъ говорится, а не возставать противъ столь премудрыхъ словъ и называть жестокимъ то предъ чѣмъ надлежало изумляться. Съ ними случается подобное тому, чему можно видѣть подвергающимся лишившихся зубовъ. Прибѣгая къ нѣжной пищѣ, они часто порицаютъ болѣе полезныя изъ съѣдобныхъ предметовъ и иногда охудшаютъ лучшее, не признавая свой порокъ за причину, которая вы-

---

¹⁾ *Убо* Конст. и поздн. вм. *же* древн. *Слово сіе* согл. древнегр. и древнесл. вм. поздн. греч. и слав: *се слово* Ал. *Слушати* древнесл. соотв. греч. *ακουειν* вм. Ал. и поздн. *слушати*.

нуждаетъ ихъ отказываться (отъ болѣе полезной пищи). Воспитанные въ невѣжествѣ и не обладая хорошимъ умомъ, они боятся знанія, которое имъ подобало пріобрѣтать даже и очень большими трудами и достигать съ самымъ сильнымъ стараніемъ. Такъ человѣкъ духовный будетъ услаждаться словами Спасителя нашего и предпочтетъ взывать со всею справедливостію: „какъ сладки гортани моей словеса Твои,—лучше меда и сота для устъ моихъ!“ (Псал. 118, 103). Душевный же Іудей (человѣкъ), безразсудно считая безуміемъ духовное таинство и словами Спасителя призываемый восходить къ подобающему человѣку разумѣнію, всегда ниспадаетъ въ обычное ему безуміе (1 Кор. 2, 14,—1, 18—23), худое называя хорошимъ, а хорошее худымъ, по слову Пророка (Иса. 5, 20).

И въ этомъ также онъ оказывается патриотомъ и подражателемъ невѣжества своихъ предковъ. Тѣ, получая манну отъ Бога и участвуя въ вышнемъ благословеніи, увлекались къ обычной своей худости, требовали Египетскихъ зловонныхъ травъ—лука и чеснока и желали имѣть котлы съ мясомъ. Эти же, призываемые къ полученію животворной благодати Духа и Хлѣба Истиннаго, научаемые вкушать Пришедшаго отъ Бога и Отца, уклоняются къ обычному своему заблужденію, „будучи болѣе сластолюбцы, чѣмъ боголюбцы“ (2 Тим. 3, 4). И какъ и предки ихъ порицали питаніе манною, дерзая говорить: „душа наша изсохла (изнываетъ)“ отъ манны этой (Числ. 11, 6), такъ и они опять отвергаютъ Истинный Хлѣбъ, не стыдясь говорить: „жестокое (есть) слово это“.

Посему должно быть мудрыми слушателями (учениками) божественныхъ таинствъ, надо быть опытными мѣновщиками, чтобы знать настоящую и под-

дѣльную монету, ни къ тому, что усвоено вѣрою, не своевременно не ставить неразрѣшимыхъ вопросовъ, ни къ тому, что требуетъ изслѣдованія, не расточать вѣры, иногда вредной, но всему, что сообщается, воздавать должное и идти какъ бы прямою стезею, отказываясь уклоняться въ ту и другую (отъ нея) сторону. Царскимъ путемъ подобаешь шествовать идущему въ правоту вѣры Христовой.

VI. 61. 62. Сіе (ли) вы блазнитѣ? Аще убо узрите Сына Человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде ¹⁾?

Вслѣдствіе превеликаго невѣжества своего нѣкоторые изъ научавшихся Спасителемъ Христомъ соблазнялись при словахъ Его. Поелику они слышали отъ Него: „истинно, истинно говорю вамъ, если не ядите плоти Сына Человѣческаго и (не) пиете Его крови, не имѣете жизни въ себѣ“ (6, 53), то предполагали, что Онъ призываетъ ихъ къ какой то звѣроподобной жестокости, такъ что повелѣваетъ безчеловѣчно ѣсть плоть и пить кровь и заставляетъ дѣлать то, что страшно даже и услышать. Не знали вѣдь они красоты таинства и опредѣленнаго о Немъ прекраснаго домостроенія, но разсуждали о семъ въ себѣ самихъ приблизительно такъ: какимъ это образомъ человѣческое тѣло можетъ внѣдрить въ нашу природу жизнь вѣчную,—и какую можетъ принести пользу въ отношеніи къ безсмертію единоприродное съ нами (тѣло Христово)?—Посему Христосъ, разумѣя ихъ помышленія въ себѣ самихъ, ибо „все обнажено и открыто очамъ Его“ (Евр. 4, 13), опять вспомоществуетъ имъ и многоразлично руководитъ къ воспріятію того, чего они еще не знали. Весьма неразумно, говоритъ Онъ имъ, вы соблазняетесь по поводу этихъ словъ Моихъ.

---

¹⁾ Безъ ли въ Добрл.

Если вы, хотя и часто тайноводствуемые Мною, еще не достигли вѣры въ то, что Мое тѣло можетъ сообщить вамъ жизнь, то въ какомъ же расположеніи духа вы должны оказаться, когда будете видѣть его (тѣло) возлетающимъ даже на небо? Вѣдь Я обѣщаю не только то, что взойду на самое небо, дабы не говорили вы опять этого „какъ“?, но и предъ вашими глазами предстанетъ это зрѣлище, постыжающее всякаго возражателя. *Если же*, говоритъ, будете видѣть на небо *восходящимъ Сына Человѣческаго*, то что тогда опять скажете? Вѣдь вы будете изобличены въ безмѣрномъ неразуміи. Въ самомъ дѣлѣ, если вы думаете, что Моя плоть не можетъ сообщить вамъ жизни, то какъ же это она взойдетъ на небо подобно пернатому? Если она не можетъ животворить, потому что не имѣетъ животворной природы, то какъ же она будетъ двигаться въ воздухѣ, какъ взойдетъ на небеса? Вѣдь и это точно также не возможно для плоти. А если она восходитъ вопреки природѣ, то что же воспрепятствуетъ ей и животворить, хотя и не имѣетъ животворной природы, поскольку тоестъ дѣло касается собственной ея природы? Явившій небеснымъ земное можетъ содѣлать его и животворнымъ, хотя по собственной своей природѣ оно и подвержено тлѣнію.

Должно при этомъ имѣть въ виду, что Онъ и теперь не допускаетъ раздѣленія на два Христа, какъ неразумно желаютъ того нѣкоторые, ибо повсюду сохраняетъ Себя нераздѣльнымъ и послѣ вочеловѣченія. Онъ говоритъ именно, что *Сынъ Человѣскій* восходитъ туда, *гдѣ былъ прежде*, хотя земное тѣло Его не было на небѣ прежде сего, но одно еще только и само по себѣ Слово (было тамъ), до соединенія съ плотью. Посему хорошо изложилъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ, что, „одинъ Господь Иисусъ Христосъ“ (1 Кор.

8, 6), ибо одинъ—Сынъ, и прежде воплощенія и послѣ воплощенія, и собственное Его тѣло мы не должны считать чуждымъ Слову. Вотъ поэтому-то Слово низшедшее свыше съ неба называется и Сыномъ Человѣческимъ: Оно *плотию стало*, по ученію блаженнаго Евангелиста, не перешедши въ плоть вслѣдствіе превращенія, ибо непреложно и неизмѣнно Оно по природѣ, какъ Богъ,—но поселившись какъ въ храмъ Своемъ, разумѣю отъ Дѣвы, — и ставъ совершенно истиннымъ человѣкомъ. А говоря, что взойдетъ туда, гдѣ и *прежде былъ*, отчасти даетъ слушателямъ уразумѣвать, что Онъ нисшелъ съ неба, ибо имъ слѣдовало, понявъ такъ значеніе слова, не только внимать Ему какъ человѣку, но уже и признавать въ Немъ Бога-Слово во плоти и вѣровать, что и тѣло Его должно быть животворнымъ.

VI. 63. Духъ есть животворяй, плоть не пользуется ничтоже ¹⁾.

Не совсѣмъ, говорить, безразсудно вы присвояете плоти невозможность животворить. Поскольку природа плоти мыслится отдѣльно и сама по себѣ, она очевидно не будетъ животворною, ибо отнюдь не оживотворяетъ что либо изъ существующаго, а напротивъ сама нуждается въ могущемъ оживотворять. Но когда изслѣдуется таинство (бого)вочеловѣченія и потомъ вы узнаете, Кто обитаетъ въ этой плоти, то безъ сомнѣнія вы согласитесь, говорить, если только не возстанете противъ самого божественнаго Духа, что плоть можетъ животворить, хотя бы сама по себѣ она

¹⁾ *Животворяй*—св. Ал. вм. *иже живетъ* Гал. Асс. др. и *живитъ* Остр. Юр. др. или: *живляетъ* Мар. *оживляетъ* — поздн.—Ал. *не успѣетъ*, Остр. Гал. Мар. др. *отъ плоти нѣтъ пользы никоеяже*, Юр.: *успѣха никоегоже*. Примѣч. Сир. син: „Духъ есть (тотъ или то), что живить тѣло (sic.) но вы говорите: тѣло ничѣмъ не полезно“.

совсѣмъ ничѣмъ не пользовала въ (этомъ отношеніи). Только когда соединилась съ животворящимъ Словомъ, она вся стала животворною, возвысившись до силы Высшаго (Слова), а не сама насильственно внѣдривъ въ свою природу отнюдь Непобѣдимаго. Такимъ образомъ, хотя сама по себѣ природа плоти немощна, поскольку дѣло касается до ея возможности животворить, но она будетъ въ состояніи совершать это, имѣя въ себѣ животворное Слово и нося въ себѣ всю Его силу. Вѣдь она есть тѣло Жизни по природѣ, а не какого либо одного изъ земныхъ, по отношенію къ коему справедливо имѣетъ всю силу изреченіе: „плоть не воспользуетъ (поможетъ) ничего“. Вѣдь это не плоть Павла или Петра или кого другаго будетъ совершать въ насъ, но исключительно и единственно плоть Спасителя нашего Христа, въ коей вселилась „вся полнота божества тѣлесно“ (Кол. 2, 9). И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы, если медъ сообщаетъ свое качество тому, что по природѣ не обладаетъ сладостію, и можетъ превращать въ себя (въ свое свойство сладости) все то, къ чему будетъ примѣшенъ, а о животворной природѣ Бога-Слова думать, что она не возводитъ до собственнаго качества тѣло, въ коемъ она вселилась. Итакъ, по отношенію ко всѣмъ другимъ будетъ истинно изреченіе, что *плоть не поможетъ ничего*, но оно не должно имѣть силы по отношенію къ одному только Христу, потому что въ ней вселилась Жизнь, то есть Единородный. *Духомъ* же называетъ Себя Самого, „ибо *Духъ (есть) Богъ*“ (Іоан. 4, 24) и, по слову блаженнаго Павла, „Господь Духъ есть“ (2 Кор. 3, 17). Говоримъ это, не уничтожая собственное (ипостасное) существованіе Духа Святаго, но какъ называетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ, поелику сталъ человѣкомъ, такъ опять именуетъ Себя

(Духомъ) отъ собственнаго Духа, ибѣ не чуждъ Ему Духъ Его.

VI. 63. *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ есть и животъ (жизнь) есть* ¹⁾.

Уже все Свое тѣло представляетъ теперь исполненнымъ животворною дѣятельностію Духа, ибо духомъ называетъ наконецъ плоть, отнюдь однакожъ не отрицая того, что она есть плоть, но (только утверждая, что) по причинѣ совершеннаго единенія съ Нимъ и облеченія во всю Его животворную силу она должна уже называться и духомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ты не долженъ соблазняться этимъ. Если „соединяющійся съ Господомъ одинъ духъ есть“ съ Нимъ (1 Кор. 6, 17), то не тѣмъ ли болѣе собственное Его тѣло должно называться однимъ съ Нимъ?

Итакъ, въ этихъ словахъ Онъ выражаетъ опять нѣчто подобное слѣдующему:

Изъ присущихъ вамъ размышлений Я, говорить, вижу, что вы неразумно думаете, будто Я говорю вамъ о томъ, что земное тѣло животворно по природѣ. Но не таковъ смыслъ въ моихъ рѣченіяхъ. Все это изъясненіе къ вамъ было о божественномъ Духѣ и о жизни вѣчной. Не природа плоти дѣлаетъ Духа животворнымъ, но сила Духа дѣлаетъ животворнымъ тѣло. Поэтому *рѣченія, кои Я вамъ высказалъ, духъ есть*, то есть духовны и о Духѣ, *и жизнь есть*—вмѣсто: животворны и о Жизни по природѣ.

И отнюдь не отрицая Свою плоть, говорить это, но научая насъ этимъ истинѣ, ибо что мы недавно высказали, это для пользы повторимъ снова. Природа

¹⁾ *Глаголахъ*—*λελάληκα* древн. и автор. и Остр. Мар. Загр. вм. *λάλω*—др. и Гал. Мст. Ал. *глаголю*. *Есть*—Ал. вм. *суть* др.

плоти сама по себѣ была бы не въ состояніи животворить, такъ какъ въ такомъ случаѣ что же большаго будетъ имѣться въ Томъ, Кто есть Богъ по природѣ? Но и во Христѣ она мыслится не отдѣльно и сама по себѣ, ибо имѣетъ соединеннымъ съ собою Слово, Которое есть жизнь по природѣ. Когда же Христосъ называетъ ее животворною, то свидѣтельствуется о животворной силѣ не столько ея, сколько Себя Самого или Своего Духа; ибо чрезъ Него и тѣло Его животворно, поскольку Онъ преобразовалъ его въ Свою силу. Какъ это совершилось, это ни уму не понятно, ни для языка не изреченно, но должно быть почтено молчаніемъ и вѣрою, превышающею умъ.

А что въ богодухновенныхъ писаніяхъ именемъ Духа часто называется и Сынъ, это узнаемъ изъ нижеприведенныхъ мѣстъ. Такъ блаженный Іоаннъ пишетъ о Немъ: „Сей есть пришедый чрезъ воду ¹⁾ и Духъ Исусъ Христосъ, не въ водѣ (водою) только, но и въ водѣ и Духѣ,—и Духъ есть свидѣтельствующій (о томъ), что Духъ есть истина“ (1 Іоан. 5, 6). Вотъ называетъ истину Духомъ, между тѣмъ какъ Христосъ ясно взываетъ: „Я есмь истина“ (Іоан. 14, 6). Также и Павелъ говоритъ намъ въ посланіи: „во плоти сущіе Богу угодить не могутъ, вы же не (есте) во плоти, но въ Духѣ, если (именно) Духъ Божій живетъ въ васъ: если же кто Духа Христова не имѣетъ, сей не есть Его,—если же Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, а Духъ — жизнь ²⁾ для правды“ (Римл. 8, 8—10). Вотъ опять и здѣсь объявивъ, что Духъ Божій обитаетъ въ насъ, говоритъ, что самъ Христосъ находится въ насъ. Это потому, что нераздѣленъ съ Сыномъ Духъ Его по причинѣ

¹⁾ Такъ вѣк. но въ 1, 32—33 Кир. приб: и кровью—и въ крови, какъ др

²⁾ Ср. прим. въ 1, 32—32, Пер. 1, 194.

тожества природы, хотя и мыслится существующимъ самостоятельно (ипостасно). Посему часто безразлично называетъ то Духа то Себя Самого.

VI. 64—65. Но суть отъ васъ нѣщии, иже не вѣрують. Вѣдѣше бо искони Иисусъ, кѣи суть не вѣрующіи и кто есть предаѣй Его. И глаголаше: сего ради рѣхъ вамъ, яко никтоже можетъ прійти ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано отъ Отца Моего ¹⁾.

И здѣсь также можно ясно видѣть исполненіе предвозвѣщеннаго однимъ изъ святыхъ пророковъ: „слухомъ будете слушать, и не уразумѣете,—и взирая будете взирать, и не увидите; ибо огрубѣло сердце народа сего и уши свои отягчили и очи свои смежили, да не увидятъ очами своими и сердцемъ не уразумѣютъ и не обратятся, и исцѣлю ихъ“ (Иса. 6, 9—10). Будучи самоличными слушателями наставленій Спасителя, научаясь не отъ кого либо изъ святыхъ, но тайноводствуемые гласомъ Владыки всѣхъ, даже видя Его тѣлесными глазами, они коснѣли безуміемъ своимъ и, сомкнувъ око ума, отвращались отъ Солнца Правды, не воспринимая свѣта евангельской науки; ибо они были злы и повинны уже во многихъ прошлыхъ грѣхопаденіяхъ. Посему и премудрый Павелъ засвидѣтельствовалъ намъ, что „ослѣпленіе отъ части произошло во Израилѣ“ (Римл, 11, 25). Но такъ какъ познать Бога, скрывавшагося въ человѣческомъ образѣ, не было дѣломъ обычнаго разумѣнія, то говорить, что не можетъ придти къ Нему тотъ, кто еще не получилъ разумѣнія отъ Бога и

¹⁾ Ал. изъ васъ. Гал. и Ал. нѣщии, др: *друзіи, едини, етери*. Ал. *изначала*—точно вм. *исперва* Остр. *искони* др. Вм. *тепер. кѣи* Ал. *которыи*.—древн: *кто*. Ал: *предаѣй*—соотв. чт. *ὁ παραδίδους*. Ди вѣк. вм. древн: *хотѣй предати*—*ὁ παραδίδων*—одни и св. Кир. или *ὁ μέλλων παραδίδοναι* и вѣк.

Отца. Это и понятно. Если „всякое даяніе доброе и всякій даръ совершенный свыше есть сходящій отъ Отца свѣтовъ“ (Іак, 1, 17), то не тѣмъ ли болѣе познаніе Христа должно быть даромъ Десницы Отца? И воспріятіе истины развѣ не должно считаться превыше всякой благодати? Поскольку она является виновницею вышнихъ благъ, постольку тѣмъ болѣе она должна зависѣть отъ божественной щедрости. Впрочемъ Отець не даетъ познанія Христа нечистымъ и не сообщаетъ благополезнѣйшей благодати Духа ревностно уклоняющимся къ неумѣстному невѣрію, ибо не подобало выливать въ яму драгоценное мѣро. Такъ и блаженный пророкъ Іеремія заповѣдуетъ, что желающіе приступить ко Христу чрезъ вѣру должны напередъ очистить себя вождѣленіемъ ко всякому доброму дѣлу, восклицая: „взыщите Бога и при обрѣтеніи Его призовите,—когда онъ приблизится къ вамъ, да оставитъ нечестивый путь свой и мужъ беззаконный—намѣреніе свое и да обратится къ Господу и будетъ помилованъ, потому что щедро (во множествѣ, слав: по премногу) отпуститъ грѣхи ваши“ (Иса, 55, 6—7). Видишь, что напередъ подобаеъ намъ, говорить, оставить прежній путь и отступитъ отъ противозаконныхъ намѣреній, чтобы получить оставленіе грѣховъ, очевидно чрезъ вѣру во Христа. Это потому, что мы оправданы не отъ дѣлъ закона (Гал. 2, 16), но по благодати Его и дарованному намъ свыше прощенію.

Но быть можетъ кто либо скажетъ: что же поэтому воспрепятствовало ему простить и Іудеямъ и вмѣстѣ съ нами даровать отпущеніе и Израилю? вѣдь и это подобало бы совершенно Благому? и какъ же Онъ будетъ истиненъ, когда говоритъ намъ: „не пришелъ Я призвать праведныхъ, но грѣшныхъ къ покаянію“ (Матѣ. 9, 13)?

Что же (скажемъ) на это? Возвѣщеніе благодати Спасителемъ нашимъ предназначалось сначала однимъ и первымъ Израильтянамъ, ибо посланъ былъ Онъ, какъ Самъ утверждалъ, къ однимъ только погибшимъ овцамъ дома Израилева (Матѳ. 15, 24). Поэтому желавшимъ можно было вѣровать и восходить къ жизни вѣчной. Но между тѣмъ какъ одни, отличавшіеся благороднымъ образомъ жизни и бывшіе искателями истины, принявъ содѣйствующую благодать Бога и Отца во спасеніе чрезъ вѣру, получили спасеніе. Напротивъ, надмѣнные фариसेи и съ ними жестокосердые архіереи и старѣйшины народа не хотѣли вѣровать, хотя и были подготовлены Моисеемъ и пророками. А какъ, благодаря своей злой волѣ, они оказывались уже недостойными вѣчной жизни, то и не получили просвѣщенія отъ Бога и Отца. Прообразъ и этого имѣешь въ древнѣйшихъ писаніяхъ. Какъ неповѣрившимъ Богу въ пустынѣ не дано войти въ землю обѣтованную, такъ и безчестившимъ Господа невѣріемъ не было дано войти въ царство небесное, коего прообразомъ была земля обѣтованная. И (оказывается) не „неправъ Богъ, налагающій на каждого гнѣвъ“ (Римл. 3, 5), ибо, будучи справедливъ по природѣ, Онъ опредѣлитъ конечно только правое и направляетъ судъ Свой соотвѣтственно Своей природѣ, хотя бы сами мы и не понимали путей домостроенія о насъ.

Впрочемъ благополезно блаженный Евангелистъ говоритъ, что Іисусъ все зналъ и не невѣдалъ также, кто имѣли невѣровать и кто будетъ орудіемъ нечестія противъ Него, дабы и чрезъ это явствовало, что, какъ Богъ, Онъ „вѣдаетъ все прежде бытія его“ (Дан. 13, 42).

VI. 66. *Отъ сего мнози (отъ) ученикъ Его (отъ)идоша
вспять и ктому не хожедаху съ Нимъ* ¹⁾.

Мудрое для неразумныхъ всегда бываетъ нѣсколько жестоко и о чемъ думаютъ, что это будетъ для нихъ очень полезно, часто оказывается даже вреднымъ. Какъ для страдающихъ тѣлеснымъ зрѣніемъ бываетъ противень солнечный свѣтъ, а пріятно пребываніе въ неосвѣщенныхъ мѣстахъ, такъ и для имѣющихъ нездоровый умъ оказываются ненавистными и противными наставленія строгія и пріосѣяныя возвышенными и трудными мыслями, хотя бы они и были весьма полезны, напротивъ любезными и весьма пріятными—ничтожными, хотя бы въ нихъ совсѣмъ не было ничего полезнаго. Въ приведенныхъ словахъ (евангелія) развѣ не найдемъ мы подтвержденіе истинности сказаннаго нами?

Христось предлагаетъ божественную и великую тайну, посредствомъ разнообразныхъ разсужденій отверзаетъ дверь въ воспріятію ея, какъ бы уже собираетъ храмовую завѣсу и открываетъ внутреннѣйшую часть скиніи, а они съ ненавистію отметають столь премудрое и небесное ученіе, склоняются опять къ скотоприличному невѣжеству и *отошли назадъ*, какъ говоритъ Евангелистъ, и уже не хотѣли *болѣе ходить съ Нимъ*. Вотъ это и есть дѣйствительно паденіе назадъ. Посему чрезъ пророка Іеремію говоритъ опять къ неблагодарному и вздорливому Іерусалиму, воспитателю непослушныхъ: „ты отвратился отъ Меня, говоритъ Господь, и назадъ пойдешь“ (Іерем. 15, 6). Вѣдь за отвращеніемъ отъ благъ дѣйствительно слѣдуетъ паденіе назадъ, а всеблаго есть Богъ. Итакъ,

---

¹⁾ Такъ древнесл. во Ал. *мнози ученикъ—и не еще съ Нимъ хожаху* соотв. Кир.

отошли назадъ и упали навзничь несчастные, уже не слѣдуя за Спасителемъ, но обратившись какъ бы къ другимъ стезямъ и увлекшись въ обычныя страсти.

Но посмотримъ опять, не обрѣтается ли въ Моисеевыхъ книгахъ прообраза и этому. Когда Іудеи, пройдя длинный путь и одолѣвъ дикую пустыню, находились уже у самой земли обѣтованной, то для осмотра ея, по божественному повелѣнію посланы были Іисусъ Навинъ и съ нимъ нѣкоторые другіе. И вотъ, осмотрѣвъ всю ее, они возвратились, и нѣкоторые изъ нихъ въ собраніи стали рассказывать неприятное нѣчто. Земля, говорили они, которую мы осмотрѣли, имѣетъ свирѣпыхъ жителей, мы видѣли тамъ великановъ и постоянно все прибавляли нѣчто такое, что способно было устрашать слушателей (Числ. 13, 33—34). Но Іисусъ послѣ нихъ старался увѣнчать землю ту многими похвалами и убѣждалъ такими словами: „земля которую мы разсмотрѣли, весьма прекрасна,—если изберетъ насъ Господь, Онъ введетъ насъ въ нее“ (Числ. 14, 7—8). Но предки Іудеевъ разсудили, что должно побить Іисуса камнями. Рѣшивъ, что всемогущій Богъ ничего не можетъ (сдѣлать), они „сѣвъ плакали“, какъ написано (Числ. 11, 4) и за это вызвали справедливый гнѣвъ Владыки всяческихъ. И вотъ за то, что они были столь непослушны и дерзки, они лишились обѣтованія, ибо „какъ поклялся Я, говорить, во гнѣвъ Моемъ: если (не) войдутъ въ покой Мой“ (Псал. 94, 11). Что же было потомъ? Богъ повелѣваетъ имъ возвратиться и опять идти назадъ, ибо говоритъ къ Моисею: „утромъ, снявшись, обратите вы путь къ морю Черному“ (Числ. 14, 25). Такъ какъ не захотѣли войти въ землю, въ которую были призваны, то и посылаются въ обратный путь и вынуждаются снова идти по той же дорогѣ; ибо не по-

желали послѣдовать словамъ Іисуса и, слыша о добротѣ земли, не удостоили своего согласія совѣтъ Іисуса. Чему тогда подверглись тѣ, тоже испытали теперь и эти. Научаемые пути къ вѣчной жизни и призываемые къ вступленію въ царство небесное, они отвѣчаютъ на это дерзостями. Поэтому справедливо *отошли назадъ* и своимъ упрямствомъ ко вреду своему отвергли уже слѣдованіе за Вождемъ спасенія.

VI. 67. Рече же Іисусъ обманабесеяте: еда и вы хотите ити ¹⁾?

Не побуждаетъ святыхъ апостоловъ къ отступленію Господь нашъ Іисусъ Христосъ и не показываетъ имъ своеволие дѣломъ свободнымъ и безвиннымъ, а также не предоставляетъ имъ легкомысленно уклоняться отъ Него, безъ всякаго отъ этого для себя вреда. Напротивъ, благородно и рѣшительно угрожаетъ тѣмъ, что если они не окажутся выше невѣжества Іудеевъ, то и они будутъ отосланы назадъ и уже не будутъ ходить съ Нимъ, но пойдутъ къ погибели. Вѣдь у Бога цѣнятся не тѣ поклонники, кои велики по своему количеству, но тѣ, кои отличаются правую вѣрою, хотя бы ихъ оказалось и очень мало. Посему божественное Писаніе говоритъ, что много званыхъ, но принимаются только избранные, и достойнѣйшихъ—совсѣмъ мало. И это намъ засвидѣтельствовало само божественное Слово.

Итакъ, Спаситель сказалъ Своимъ ученикамъ какъ бы нѣчто такое:

Если вы немедленно же послушаетесь Моихъ словъ,—если, переставъ сомнѣваться и обвинять, простѣйшею вѣрою примете наконецъ тайну,—если обвиненіе Моихъ словъ въ жестокости является для

---

¹⁾ Ал: *дотма...* Сим. *отгити* греч. *ἐλάττω*.

васъ непріятнымъ и исполненнымъ не малой терпкости,—если отказываетесь говорить съ Іудеями: „какъ можетъ намъ Сей дать плоть Свою ѣсть?“ (6, 52): то Я съ удовольствіемъ буду взирать на ваше присутствіе при Мнѣ и съ радостію буду пребывать съ вами и буду любить васъ какъ Своихъ законныхъ чадъ. Если же вы рѣшитесь мыслить одинаково съ павшими (отошедшими) назадъ, то Я предоставляю вамъ уходить вмѣстѣ съ ними и справедливо отгоняю васъ съ ними. Вѣдь у Меня не будетъ недостатка въ поклонникахъ, такъ какъ евангельская проповѣдь не должна ограничиться одною только Іудеею, но уже распространяется по всей вселенной, отовсюду созываетъ людей какъ бы въ одно собраніе и быстро собираетъ къ познанію истины. „Итакъ, виждь благость и строгость Божию“ (Римл. 11, 22), какъ говоритъ Павелъ:—строгость къ непокорнымъ, а благость къ имѣющимъ познать Его, „если пребудутъ въ благодати“, какъ удостовѣрилъ въ этомъ тотъ же Павелъ (*ibid*). Въ противномъ случаѣ и они отсѣкутся, ибо Непощадившій природныхъ вѣтвей не пощадитъ и привитыхъ (ст. 21. 24). Итакъ, хромлющій въ вѣрѣ по своему неразумію да знаетъ и научается чрезъ это, что если онъ не пожелаетъ прекратить такого недуга, то пойдетъ назадъ и, не имѣя уже Вождя къ вѣчной жизни, низойдетъ въ страшный адъ и будетъ оплакивать свое безразсудство, ибо „тамъ будетъ, сказано, плачь и скрежетъ зубовъ“ (Матѳ. 8, 12).

Но, кажется, и на другое нѣчто полезное также указываетъ намъ Іисусъ посредствомъ словъ къ Своимъ ученикамъ: „и вы не хотите ли уйти?“ Дабы не думали, что и они удаляются вмѣстѣ съ іудейскимъ невѣжествомъ и также падаютъ вмѣстѣ съ непокорными, или какъ иначе вмѣстѣ съ тѣми обвиняютъ

Его въ томъ, что Онъ учить жестокому и старается внушить слушателямъ невозможное, — благополезно вопрошалъ: угодно ли имъ отойти вмѣстѣ съ тѣми, дабы чрезъ это вызвать ихъ къ исповѣданію правой и чистой вѣры, какъ это и случилось дѣйствительно.

ГЛАВА IV.

О томъ, что прообразомъ Христа была предводившая народомъ въ пустынь святая скинія, а также ковчегъ бывший въ ней и свѣтильникъ и жертвенники, какъ каждаго, такъ и всесожженій, знаменовали Самого Христа.

VI. 69. Отвѣща 1) Ему Симонъ Петръ: Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаша.

Въ лицѣ одного представителя говорятъ всѣ, сохраняя поистинѣ приличествующую святымъ благопристойность, дабы и въ этомъ они оказывались для потомковъ образцомъ благоразумія и досточуднаго благоприличія. Вѣдь говорить вслухъ предъ Учителемъ подобало не всѣмъ сразу и безъ разбора, спѣша наперерывъ другъ предъ другомъ и неблагопристойно перебивая другъ друга, но напротивъ — стараться благоразумно уступать тѣмъ, кои окажутся занимающими высшее мѣсто и по разсудительности и по чину. Посему и Павелъ говоритъ: „пророки двое или трое пусть говорятъ, и отдѣльно“ (1 Кор. 14, 29. 27). Не позволялъ имъ держать рѣчь безъ порядка потому, что они были удостоены благодати пророчества, но поелику они были святы, то посему съ тѣмъ большею благопристойностію повелѣвалъ говорить слушателямъ. Посему дѣломъ подобающей святымъ благопристойности было дозволеніе отвѣчать за всѣхъ одному, коему принадлежало высшее мѣсто въ ряду (апостоловъ).

1) Безъ *оу* согл. автор. греч. и древнесл. по Ал. же, позд. *убо*.

Итакъ, *къ кому*, говорить, *уйдемъ* вмѣсто: кто можетъ тайноводствовать насъ подобному? или: къ кому прійдя, мы обрѣтемъ лучшее? *Глаголы жизни вѣчной имѣешь*,—не жестокіе, какъ говорятъ тѣ, но возносящіе къ изряднѣйшему всего, то есть къ непрестанному и вѣчному житію и свободной отъ всякаго тлѣнія жизни. Безъ сомнѣнія и изъ этихъ словъ для насъ должно быть очевиднымъ, что подобаетъ слѣдовать единому только учителю Христу, непрестанно и безотлучно пребывать при Немъ и имѣть Его своимъ наставникомъ, въ совершенствѣ умѣющимъ руководить къ жизни безконечной. Вотъ такимъ-то образомъ мы и станемъ восходить въ небесный и божественный дворъ и, вступая въ Церковь первородныхъ, будемъ наслаждаться превышающими человѣческой умъ благами. Что желаніе слѣдовать за однимъ только Христомъ и всегда быть съ Нимъ есть дѣло доброе и спасительное, въ этомъ можетъ насъ безспорно удостовѣрять и сама природа предмета. Тѣмъ не менѣе мы можемъ убѣдиться въ этомъ и изъ древнѣйшихъ писаній.

Такъ, когда Израильтяне, освободившись отъ жестокостей Египтянъ, устремлялись къ землѣ обѣтованной, то Богъ повелѣвалъ имъ совершать шествіе не безпорядочно и не допускалъ Законодатель идти каждому, куда и какъ онъ захотѣлъ бы. Въ такомъ случаѣ, не имѣя вождя, они безъ всякаго сомнѣнія должны бы были заблудиться. Посему, опять въ примѣръ намъ, написано въ книгѣ, называемой Числа: „и въ день, въ который поставлена была скинія, покрыло облако скинію и домъ свидѣтельства, и вечеромъ былъ надъ скиніею какъ бы видъ огня до утра: такъ бывало всегда—облако покрывало ее днемъ и видъ огня ночью: и когда поднималось облако отъ

скинии, (то) и сыны Израиля послѣ сего поднимались (въ путь),—и въ (томъ) мѣстѣ, гдѣ останавливалось облако, тамъ останавливались станомъ сыны Израиля: по повелѣнію Господа будутъ подниматься сыны Израиля и стеречь стражу Божію и да не поднимаются: по гласу Господа будутъ останавливаться станомъ и по повеленію Господа подниматься“ (Числ. 9, 15—20). Видишь, какъ имъ повелѣвается слѣдовать и отправляться въ путь съ отхожденіемъ облака и наоборотъ— вмѣстѣ съ нимъ останавливаться и быть въ покоѣ. Такимъ образомъ быть вмѣстѣ съ вождемъ и тогда было также спасительно для Израильтянъ, какъ и намъ теперь не отдѣляться отъ Христа, ибо Онъ былъ прообразуемъ древнимъ и какъ скинія и облако и какъ огонь.

Но историческій смыслъ долженъ быть опять, насколько возможно, примѣненъ къ духовному. Когда „Премудрость“, по написанному, „создала Себѣ домъ“ (Притч. 9, 1) и воздвигла истиннѣйшую скинію, то есть храмъ отъ Дѣвы, въ нее недоступнымъ нашему разуму и богоприличнымъ образомъ сошло сущее въ лонѣ Бога и Отца Богъ—Слово и стало человѣкомъ (Іоан. 1, 14. 18), дабы уже просвѣщеннымъ и „какъ днемъ“ ходящимъ, по слову Павла (Римл. 13, 13), Оно служило облакомъ освѣняющимъ и уничтожающимъ зной страстей нашей немощи,—а еще не знающимъ и заблуждающимся, проводящимъ жизнь какъ бы во тьмѣ и ночи—огнемъ освѣщающимъ и преобразующимъ въ горѣніе (кипѣніе) Духа, ибо пламенны, какъ вѣруемъ, духомъ суть тѣ, кои добродѣтельны. Такъ, полагаю, не почему либо другому, какъ по указанному въ предшествующемъ разсужденіи, основанію, облако являлось надъ скиніею днемъ, а огонь ночью. Присоединенное же къ сему повелѣнію не само-

вольно отправляться въ путешествіе, но подниматься вмѣстѣ съ скиніею и останавливаться съ нею, прообразовательно опять было дано для того, чтобы ты разумѣлъ сказанное Христомъ: „Мнѣ служащій да слѣдуетъ Мнѣ, и гдѣ—Я, тамъ и служитель Мой будетъ“ (Іоан. 12, 26), ибо твердость въ слѣдованіи и постоянство пребыванія указывается посредствомъ неотлучнаго хожденія съ Нимъ. Хожденіе же со Спасителемъ Христомъ и слѣдованіе Ему разумѣется конечно не тѣлесное, напротивъ—совершается посредствомъ дѣлъ добродѣтели, на коей утвердивъ умъ свой и отвергая отшествіе назадъ вмѣстѣ съ невѣрующими, какъ дѣло погибельное, премудрые ученики справедливо восклицаютъ это „куда можемъйти“ вмѣсто: съ Тобою мы всегда будемъ и станемъ держаться Твоихъ заповѣдей и принимать Твои слова, ни въ чемъ не обвиняя Тебя и вмѣстѣ съ невѣждами не считая жестокимъ то, что Ты тайноводственно будешь говорить, но напротивъ (воскликая): „какъ сладки гортани моей словеса Твои, лучше меда и сота устамъ моимъ“ (Псал. 118, 103).

Таковъ смыслъ толкуемаго мѣста. А что скинія была для древнихъ въ прообразъ Христа, это мы узнаемъ опять, если направимъ остроту ума своего къ сказанному о ней святому Моисею. И хотя кому либо можетъ показаться уклоненіемъ (отъ предмета) рѣчь объ этомъ, но она принесетъ не малую пользу, ибо я думаю, что надо тщательно и подробно изслѣвать это, не смотря на неосновательныя придирки нашихъ обвинителей.

Итакъ, божественное откровеніе (относительно скиніи) таково,—мы будемъ излагать такимъ образомъ отдѣльно и изъяснять насколько возможно сѣновную букву. „И сказалъ, говорится, Господь къ Моисею,

говоря: въ день одинъ (первый) мѣсяца перваго въ новомѣсячіе поставишь скинію“ (Исх. 40, 1. 2). Что побудило Господа всяческихъ, основательно спросить кто либо изъ любознательныхъ, дать повелѣніе поставить скинію въ одинъ день, а не въ два или три, и въ новомѣсячіе, и не всякаго вообще мѣсяца, но перваго? Все это дѣйствительно требуетъ отъ насъ надлежащаго и тщательнаго изслѣдованія, такъ какъ въ божественныхъ писаніяхъ ничего не говорится всуе. И такъ,—будемъ держаться нашихъ прежнихъ разсужденій объ этомъ,—поставляемая скинія означаетъ святое тѣло Христа и, такъ сказать, сооруженіе честнаго шатра Его, въ коемъ благоволила поселиться вся полнота божества тѣлесно (Кол. 1, 19,—2, 9). Ставить ее повелѣваетъ „въ день одинъ“, что весьма премудро и промыслительно, дабы подъ однимъ днемъ ты разумѣлъ настоящій вѣкъ, въ который, и одинъ только, Онъ содѣлался человѣкомъ. А подъ новолуніемъ намъ слѣдуетъ разумѣть не другое что, какъ обновляющее насъ пришествіе Спасителя, въ которое „древнее прошло и настало все новое“ (2 Кор. 5, 17). Новое открылось намъ время во Христѣ, изгоняющее ветхость подзаконнаго служенія, посредствомъ евангельскихъ наставленій преобразующее въ новую и обновленную жизнь, а также обетшавшихъ вслѣдствіе грѣха и близкихъ къ уничтоженію (Евр. 8, 13) обновляющее въ изначальную праведность и разрушающее ветхость вкравагося тлѣнія, обновленіемъ нетлѣнія услаждающее восходящихъ чрезъ вѣру къ жизни вѣчной, „ибо если кто во Христѣ, (тотъ) новая тварь“, по написанному (2 Кор. 5, 17).

Повелѣваетъ воздвигать божественную скинію „въ мѣсяцѣ первомъ“, когда какъ бы смывъ унылость зимы, возсіяваетъ прелесть весенняго поворота (солнцестоя-

нія), а земля нѣжно согрѣвается уже болѣе свѣтлыми и чистыми лучами солнца, цвѣтутъ виноградники, услаждается благовоніемъ цвѣтовъ земледѣлецъ, покрываются зеленью долины, „колосевъ вершинами всѣ щетинятся нивы“, по словамъ одного изъ эллинскихъ поэтовъ, когда „прошла зима“ по написанному, „ушелъ и дождь съ нею“, когда „обрѣзки (винограда) настало время“ (Пѣснь Пѣсней 2, 11—13). Но все это ты долженъ разумѣть духовно,—подъ исчезновеніемъ зимы и прекращеніемъ дождя—удручающія насъ искушенія дѣвольской тиранніи и жестоковластія надъ всѣми. Это потому, что во дни Христа прекратилась власть демоновъ и намъ возсіяло свѣтлое солнце, то есть Самъ Тотъ, о Комъ говоритъ Богъ и Отецъ: „и возсіяетъ вамъ солнце правды“ (Мал. 4, 2), охлажденныхъ грѣхомъ согрѣвая теплотою Духа къ праведности. Также и виноградники разумѣй умственные и цвѣты духовные и подъ колосьями также—(разумѣй) святыхъ, отличающихся многообразнымъ благочестіемъ къ Богу и порождающихъ плодъ многовидной добродѣтели. Наконецъ надо сказать вкратцѣ: весна все украшаетъ цвѣтами и заставляетъ землю произращать траву, вѣнчаетъ молодую растительностью луга, снова дѣлаетъ молодыми стволы, прежде сухіе благодаря несносной суровости зимы, приводитъ ихъ въ лучшій видъ, покрываетъ ихъ обычною зеленѣющею листвою и щедро надѣляетъ дарами природы трудящагося земледѣльца. Подобное нѣчто, какъ увидимъ, было и съ нами. Нѣкогда сухіе, благодаря царствовавшему надъ нами грѣху, и лишеныя плодовъ добродѣтели, мы разцвѣли праведностію чрезъ Христа и только что явившійся и новый плодъ вѣры уже приносимъ Земледѣльцу духовъ. Такъ именно мы справедливымъ находимъ понимать сказанное

однимъ изъ святыхъ пророковъ, какъ бы отъ лица Христа: „Самъ я (тотъ же) говорящій: вотъ я, какъ время (года цвѣтущее—весна) на горахъ“ (Иса. 52, 6—7), ибо что совершаетъ на горахъ „время“, то есть весенняя пора, объ этомъ мы уже ясно сказали прежде¹⁾.

Итакъ, благополезно повелѣваетъ „въ одинъ день“ ставить скинїю, представляющую собою прообразъ Христа, дабы ты разумѣлъ о Немъ, что Онъ однажды только умеръ въ это единое настоящее время, ибо снова отнюдь уже не родится, но и не умретъ, родившись разъ и умерши и возставъ изъ мертвыхъ. Вѣдь за смертію необходимо было слѣдовать воскресенію, бывшему какъ бы сооруженіемъ святаго шатра.

Въ новолунїе же—потому, что новый у насъ вѣкъ во Христѣ и вся тварь въ Немъ нова.

И мѣсяць берется первый, чѣмъ указывается на обновленіе человѣческой природы отъ смерти и тлѣнїя въ жизнь и нетлѣнїе и отъ бесплодія переходъ уже къ благоплодію и освобожденіе отъ діавольской тираннїи, на подобіе прекращенїя и исчезновенїя зимы.

Потомъ опять иначе, какъ въ прообразѣ и иносказательно, указываетъ намъ на Еммануила въ словахъ: „и положишь ковчегъ свидѣтельства и покроешь ковчегъ завѣсою“ (Исх. 40, 3). Въ предшествующемъ постановленїи Слово изображалось намъ какъ бы въ цѣлой скинїи, ибо святое тѣло Христа было домомъ Бога, вселившагося въ Немъ. Но не менѣе указывается Оно намъ въ частности и посредствомъ ковчега. Онъ былъ устроенъ изъ деревъ негниющихъ, дабы ты разумѣлъ нетлѣнное тѣло Его. Весь обло-

---

¹⁾ *ὡς ὄρα* согл. автор. чт. LXX въ Син. Ват. др: „какъ (цвѣтущее) время (года) на горахъ какъ ноги благовѣствующаго проповѣдь мира“ вм. др. чт. и Слав: „коль красны (*ὄρασις*) на горахъ (какъ—ὄς) ноги благовѣствующихъ миръ.

женъ былъ золотомъ чистымъ, какъ написано, внутри и снаружи (Исх. 25, 9—10, 38; 2), ибо все въ Немъ пречестно и царственно, какъ божественное такъ и человѣческое, и во всемъ Онъ первенствуетъ, по слову Павла (Кол. 1, 18),—золото же берется въ образъ чести и преимущества надъ всѣми.

Устроенный изъ негниющихъ деревь и обложенный золотомъ, ковчегъ имѣлъ вложенный въ него божественный законъ во образъ вселившагося и соединившагося со святою плотью Бога-Слова, ибо и законъ былъ глаголомъ Божиимъ, хотя и не ипостаснымъ, какъ Сынъ. Ковчегъ покрывается завѣсою, ибо и во-человѣчившій Богъ-Слово былъ какъ-бы невидѣнъ для многихъ, имѣя покровомъ Свое тѣло и какъ въ завѣсѣ скрываясь въ Своей плоти, такъ что отсюда нѣкоторые, не узнавъ Его божественнаго достоинства, то пытались побивать Его камнями, обвиняя въ томъ, что Онъ, будучи человѣкъ, называетъ Себя Богомъ (Іоан. 10, 33), то опять, нисколько не стыдясь, говорили: „не Сей ли есть Іисусъ сынъ Іосифа, Коего мы знаемъ отца и мать? Какъ же теперь говорить, что съ неба сошелъ Я?“ (Іоан. 6, 32). Итакъ, покрытие ковчега завѣсою указывало на то, что Іисусъ не узнанъ будетъ многими.

Такимъ образомъ ковчегъ былъ прообразомъ Его. Поэтому то и предшествовалъ Израильтянамъ въ пустынѣ, занимая тогда мѣсто Бога, ибо онъ былъ вождемъ народа. Свидѣтельствуетъ это Псалмопѣвецъ въ словахъ: „Боже, когда предшествовалъ Ты предъ народомъ Твоимъ, когда проходилъ Ты пустыню, земля потряслась, ибо и небеса таяли“ (Псал. 67, 8). Хотя предводительствовалъ и шелъ впереди всегда ковчегъ, однако же здѣсь ясно говорится, что предшествовалъ Богъ.

Иснѣйшее доказательство этого можешь также имѣть, если обратишь вниманіе еще и вотъ на что. Нѣкогда Богъ повелѣвалъ чрезъ Моисея Израильтянамъ, чтобы они смѣло восходили на гору Сеиръ и осаждали Аморея (Второз. 1, 7. 19). Но получившіе это повелѣніе впали въ малодушную трусость и, предположивъ, что это они должны совершать своими силами вмѣсто того, чтобы надѣяться на вышнюю помощь, „сѣвъ плакали“ у горы, какъ написано (Второз. 1, 45). На это справедливо негодовалъ Законодатель и наконецъ сталъ грозить, что не отведетъ ихъ въ землю обѣтованную. Едва внявъ этой угрозѣ и предавшіеся несвоевременному раскаянію, они пытались взойти, вторично не послушавъ Господа и схвативъ оружіе противъ Амореевъ. Но Богъ чрезъ Моисея предрекалъ имъ будущее, ибо говорилъ имъ: „не восходите, и не падите предъ лицомъ враговъ вашихъ, ибо Меня нѣтъ съ вами“ (Второз. 1, 42). Несмотря на то, постоянно страдая недугомъ непослушанія, они насильно стали восходить на гору, какъ написано. Однакожъ ковчегъ Божій, говорится, не взошелъ съ ними и остался въ лагерѣ (Второз. 1, 43,—Числ. 14, 44). Видишь, что хотя говоритъ Богъ: Меня нѣтъ съ вами, однакожъ съ непокорными не идетъ ковчегъ, чѣмъ для благоразумнѣйшихъ ясно указывается на то, что онъ занималъ мѣсто предводившаго Бога.

Также и вокругъ Іерихона ковчегъ носили священники, и вотъ пала высокая стѣна его, безъ употребленія осадныхъ орудій и тарановъ, а отъ однихъ только трубъ и звука, что, какъ увидимъ опять, истинно осуществилось во Христѣ. Онъ есть Тотъ, Кого носятъ священники и святые мужи, Кто низвергаетъ всякую крѣпость діавола, не оружіемъ, но воплемъ и трубою, тоестъ апостольскою и евангельскою

проповѣдью и согласіемъ всего народа, въ правотѣ вѣры исповѣдующаго своего Владыку,—что, какъ видимъ, совершается и въ таинственныхъ славословіяхъ, когда предъ народомъ звучитъ священническая труба, подъ которою разумѣтся и гласъ священнодѣйствующаго,—и такимъ образомъ падаетъ и сокрушается сила противниковъ нашихъ: „ибо оружія наши не плотскія“, по слову Павла, „но сильныя Богомъ“ (2 Кор. 10, 4). А что Христосъ нѣкоторымъ образомъ воссѣдаетъ и почиваетъ на святыхъ, это объявитъ намъ и пророкъ Аввакумъ въ словахъ: „что Ты взойдешь на коней Твоихъ, и ѣзда Твоя спасительна“ (Авв. 3, 8). Впрочемъ научить сему также и Самъ Спаситель въ словахъ, сказанныхъ Ананіи о Павлѣ: „иди, ибо сосудъ избранія Моего есть сей — нести имя Мое предъ всѣми народами“ (Дѣян. 9, 15).

Но „и внесешь столъ“, говорится потомъ, „и предложиши предложеніе его, и внесешь свѣтильникъ и положиши лампы его“ (Исх. 40, 4). Въ обоихъ надо разумѣть Христа. Подъ видомъ стола, имѣвшаго хлѣбы предложенія, прообразуется Христосъ, потому что въ Немъ всѣ питаются къ жизни вѣчной очевидно приобщаясь Его святой плоти, по сказанному Имъ: „Я есмь хлѣбъ, съ неба сошедшій и жизнь дающій міру: если кто ѣстъ отъ хлѣба сего, жить будетъ во вѣкъ, и хлѣбъ (же), который Я дамъ, плоть Моя есть за жизнь міра“ (Іоан. 6, 54). Итакъ, предложеніе стола, то есть хлѣбы, означаютъ святое тѣло Христа, питающее всѣхъ къ вѣчной жизни.

А какъ и блаженный Давидъ и съ нимъ алкавшіе, какъ написано (1 Цар. 21, 4—6, Мате. 12, 3—4), ѣли хлѣбы предложенія, то посмотримъ, не изображается ли и этимъ что либо таинственное. Вѣдь по установленію закона вкушать хлѣбы предложенія было

не возможно, за исключеніемъ однихъ только священниковъ. А между тѣмъ касались этой священнѣйшей пищи не происходившіе изъ священническаго колѣна—Давидъ и бывшіе съ нимъ. Это было для того, чтобы посредствомъ этого опять указать на вѣру язычниковъ и отчасти Израильтянъ. Христось принадлежалъ Израильтянамъ, какъ священнѣйшимъ „ради отцовъ“ (Римл. 11, 28) и Закона, но къ нимъ привзошло нѣкоторымъ образомъ хотя и бывшее по причинѣ заблужденія не священнымъ множество иноплеменниковъ и стало вкушать хлѣбъ жизни, коимъ соприсутствуетъ и Давидъ и какъ бы служить представителемъ спасенныхъ изъ Израиля, что и блаженный Исаія называетъ „останкомъ“ (Иса. 10, 22), ибо многіе изъ нихъ увѣровали во Христа.

Такъ посредствомъ святаго стола долженъ познаться Христось. Точно также—и свѣтильникъ, какъ свѣтящій всему дому, то есть міру, ибо „Я есмь свѣтъ міра“, говоритъ (Іоан. 8, 12). Онъ имѣетъ не одну, а семь лампадъ (Числ. 8, 2), ибо свѣтитъ (Христось) многообразно и осіяваетъ души вѣрующихъ различными дарами. Дѣлается онъ также изъ чистаго золота (Числ. 8, 4), ибо Христось превыше веѣхъ и пречестнѣе. Твердый (литой) имѣетъ онъ стволъ, какъ написано (ib), ибо во Христѣ нѣтъ ничего пустаго или легкаго. Имѣлъ онъ и цвѣты по причинѣ благоуханія святости (во Христѣ), согласно сказанному: „Я цвѣтъ полевой, лилія долинъ“ (Пѣснь Пѣсн. 2, 1). И самые даже сосуды его (для наливанія масла) означаютъ подаваніе божественныхъ даровъ благодати. Кромѣ того пророкъ Захарія утверждаетъ, что видѣлъ при немъ двѣ масличныя вѣтви (Зах. 4, 16), дабы разумѣлъ ты два помилованные народа, коихъ и назвалъ „сынами тучности“ (помазан-

ными), и говорить, что они предстоятъ Господу всей земли) (Зах. 4, 14), хотя вѣтви созерцались имъ при свѣтильникѣ, давая тѣмъ самымъ очевиднѣйшее доказательство того, что свѣтильникъ есть Христось, поставившій при Себѣ народъ изъ язычниковъ и изъ Иудеевъ.

Потомъ, многообразно указуя намъ Его, прибавляетъ къ сему: „и поставишь жертвенникъ золотой для кажденія предъ ковчегомъ, и повѣсишь покровъ завѣсы на дверь скинии свидѣтельства, и жертвенникъ приношеній (плодовъ или всесоженія) поставишь у двери скинии свидѣтельства, и обставишь (кругомъ) скинію (дворомъ) и все, что въ ней, освятишь вокругъ“ (Исх. 40, 5. 6. 8). Обрати вниманіе на то, какъ посредствомъ двухъ жертвенниковъ описывается намъ Христось. Повелѣваетъ поставить золотой жертвенникъ съ оиміамомъ предъ ковчегомъ и приказываетъ протянуть завѣсы посреди скинии во входахъ, чтобы не была видна внутренность ея, и жертвенникъ всесоженій заповѣдуетъ помѣстить у входа скинии свидѣтельства, такъ что онъ былъ видѣнъ и не скрывался, ибо находился внѣ завѣсы. Созерцай здѣсь Его, подъ образомъ жертвенника кажденія восходящаго въ воню благоуханія къ Богу и Отцу, ибо это означаетъ кажденіе,—а подъ образомъ жертвенника всесоженій приводимаго за насъ какъ жертва закланія. Золотой жертвенникъ закрывался завѣсою, ибо сокрыта была слава Христа. А другой жертвенникъ — всесоженій, на коемъ сожигались жертвы закланныя, былъ видѣнъ, потому что смерть Христа явна и извѣстна всѣмъ. Размѣщаются жертвенники не безразлично, но одинъ—предъ ковчегомъ, а другой — у входа скинии. То, что золотой жертвенникъ находился предъ ковчегомъ, какъ бы

предъ взоромъ Бога и Отца, прикровенно указываетъ на дивную славу Сына, по сказанному: „никто не знаетъ, кто есть Сынъ, кромѣ Отца“ (Лук. 10, 22). А помѣщеніе жертвенника всесожженій при самомъ входѣ скиніи, служба образомъ смерти Его и закланія за насъ, указываетъ опять на то, что мы не могли придти къ Богу и Отцу иначе, какъ чрезъ жертву Христову, по сказанному Имъ: „Я есмь дверь“ (Іоан. 10, 9) и „никто не приходитъ къ Отцу (иначе), какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14, 6). Повелѣваетъ наконецъ обтянуть кругомъ скинію всю со всѣми ея принадлежностями, такъ чтобы она оказывалась одною, а не многими скиніями, ибо одинъ у насъ Христосъ, хотя и представляется многообразно, а именно: скинію—посредствомъ покрова плоти, ковчегомъ, имѣющимъ божественный законъ—какъ Слово Бога и Отца, столомъ опять—какъ пища и жизнь, свѣтильникомъ—какъ свѣтъ умственный и духовный, жертвенникомъ кажденія—какъ воня благоуханія святости, жертвенникомъ всесожженія—какъ закланная жертва за жизнь міра, наконецъ все въ ней (находящееся) освящается для того и потому, что и Христосъ мыслится всецѣло святымъ.

Такъ подъ водительствомъ святой скиніи Израильтянамъ повелѣвалось вмѣстѣ съ нею, какъ отправляться въ путь такъ и останавливаться, посредствомъ чего опять наставляетъ насъ благополезно и научаетъ тому, чтобы мы дѣлали вождемъ и наставникомъ пути ко спасенію воплотившагося ради насъ Бога-Слово и, неукоснительно слѣдуя заповѣдямъ Его, восходили къ жизни вѣчной. Но не пожелавшіе дѣлать это, хотя и тайноводствовавшіеся многими наставленіями, „отошли назадъ, и уже съ Нимъ не ходили“ (6, 66). Напротивъ блаженный Петръ премудро гово-

рить къ Спасителю: куда можемъ уйти?—ибо никоимъ образомъ не удаляться отъ Бога, но стараться всегда духовно быть съ Нимъ — это поистинѣ всего приличнѣе святымъ.

VI. 69. *И мы въровахомъ и познахомъ: Ты еси Христосъ. Сынъ Бога Живаго* (Святой Божій; др: Сынъ Божій) 1).

Дивна вѣра святыхъ апостоловъ, пламенень образъ исповѣданія, досточудно и высоко разумѣніе. Они справедливо не отходили назадъ и не падали, подобно пѣкоторымъ невѣждамъ, или тѣмъ, кои называли ученіе Спасителя жестокимъ, а также и не легкомысленно и опрометчиво были призваны къ вѣрѣ, но напередъ удостовѣрившись и истинно расположившись къ тому, что Тайноводитель былъ преисполненъ животворныхъ глаголовъ и есть Наставникъ небесныхъ ученій. Весьма тверда такая вѣра. Не таковая же весьма легко можетъ отметаться и, не имѣя удостовѣренія своимъ корнемъ, быстро исчезаетъ изъ души человѣческой. Такъ и Самъ Спаситель, когда изрекалъ притчу о сѣятелѣ, сказалъ, что „иное (сѣмя) пало на камень“ и, не имѣя корня, засохло (Лук. 8, 6), прикровенно называя камнемъ умъ сухой и совсѣмъ не способный удержать разъ внѣдренное въ

1) Мѣсто это замѣчательно по своимъ разночтеніямъ. Въмѣсто *ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος*, какъ чит. Кир. въ толк. дважды и затѣмъ къ 6, 70—71 въ концѣ главы,—рукоп. текстъ у Кир. имѣеть: *ὁ υἱὸς др. υἱὸς τοῦ θεοῦ* безъ *τοῦ ζῶντος*. *ὁ Χριστός* опуск. $\S$ BCDL Косм. Новн. 17. *h*. Кипр. Сир. кур.,—чит: СЗ. поздн. унц. Ит. больш. Вульг. Сир. utr. сив. и Іерус. саг. копт. гот. эв. арм. Вас. Злат. Кипр. *ὁ υἱὸς*. $\S$ BC*DL Косм. Новн. Саг. Копт. вмѣсто *ὁ υἱὸς*: СЗ и поздн. унц. больш. Ит. Вг. Сир. вѣс Арм. Гот. Эв. Вас. Злат. Кипр. *τοῦ θεοῦ* безъ приб. *τοῦ ζῶντος*: $\S$ BCDL мв. мив. Ит. больш. Вг. Сир. кур. и сив. саг. копт. арм. эв. Нон. Косм.,—съ приб. поздн. унц. Сир. utr. и іер. гот. Вас. Злат. Кипр. Эв. у Вальт. Изъ Слав. только въ Мар. *Христосъ* (ХС) написано надъ строкою, и Асс: *вышнѣшаго*,—а въ Остр. Мст. и Сим. оп. *и познахомъ* какъ немв. греч.

него ученіе. Находясь въ такомъ состояніи вслѣдствіе великаго своего невѣжества несчастные Іудеи научались гласомъ пророка: „раздерите сердца ваши, а не ризы ваши“ (Іоил. 2, 13). Какъ земледѣльческой обычай совѣтуетъ прежде посѣва сѣмянъ вспахивать землю плугомъ, такъ, полагаю, и идущіе къ воспріятію божественныхъ ученій напередъ должны какъ бы раскрывать сердца свои влеченіемъ къ нимъ. Воспринявъ такимъ образомъ, они содѣлаютъ бременную душу свою какъ бы нѣкою плодоносною почвою.

Итакъ, въ удостовѣреніи вѣры говорятъ премудрые ученики, что *познали*, и притомъ дерзновенно уповаютъ (вѣруютъ), что Онъ есть *Христосъ Сынъ Бога Живаго*.

Также и это изреченіе оказывается составленнымъ весьма премудро. *Вѣруемъ*, говорятъ, и *познали*, соединивъ въ одно оба слова, ибо подобало и вѣровать и разумѣвать. Но хотя божественное (откровеніе) воспріемлется вѣрою, однакожъ безъ сомнѣнія не должно поэтому всецѣло удаляться отъ изслѣдованія его, напротивъ—надо стараться восходить хотя бы и къ умѣренному знанію, которое (дается) какъ бы въ зеркалѣ и загадкѣ, какъ Павелъ говоритъ (1 Кор. 13, 2).

Прекрасно также говорятъ, что не прежде узнали, а потомъ вѣруютъ, но впереди помѣстивъ вѣру, ставятъ знаніе вторымъ, ибо послѣ вѣры—знаніе, а не прежде вѣры, согласно написанному: „если не увѣруете, и ни уразумѣете“ (Иса. 7, 9). Простая вѣра напередъ полагается въ насъ подобно нѣкому основанію, а знаніе уже потомъ понемногу построяется на ней, вознося насъ „въ мѣру возраста“ во Христѣ и „въ мужа совершеннаго“ и духовнаго (Ефес. 4, 13).

Вотъ почему и Богъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „вотъ Я ввергну въ основанія Сіона камень избранный, краеугольный, драгоцѣнный“ (Иса. 28, 16,—1 Петр. 2, 6). Вѣдь Христосъ есть для насъ начало и основаніе святости и праведности, очевидно посредствомъ вѣры, а не иначе, ибо такимъ именно образомъ въ насъ вселяется Онъ.

Замѣчай, какъ вездѣ говорятъ единично и предпосылая членъ: „Ὁὐκ εἶ ὁ Χριστός; ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος“ отдѣляя Его какъ единственнаго и исключительнаго истиннаго Сына отъ призванныхъ къ сыноположенію по благодати, по подобію Коего и мы—сыны. И *Христомъ* (τὸν Χριστόν) опять называютъ Его какъ единственнаго. Впрочемъ надлежитъ знать, что Христомъ Онъ называется хотя уже не ради Себя Самого или какъ существующій таковымъ по природѣ, каковымъ оказывается Онъ какъ Сынъ; но все же Онъ одинъ только есть Христосъ дѣйствительно и исключительно. Между христами (помазанниками) нѣтъ никого, какъ Онъ, однакожъ по подобію Его съ нами Онъ называется Христомъ. Собственное Его и исключительно Ему только одному принадлежащее имя и истинное существо есть „Сынъ“, общее же съ нами—„Христосъ“. Поелику Онъ былъ помазанъ, поскольку сталъ человѣкомъ, то посему и есть Христосъ. Итакъ, если помазаніе надо относить къ потребности чело-вѣчества, то Христомъ Онъ долженъ мыслиться по подобію Его съ нами, а не такъ, какъ есть Онъ и Сынъ,—впрочемъ какъ единый и единственный природно и исключительно, и прежде (пріятія) плоти и съ плотію, а не какъ два, какъ думаютъ нѣкоторые, не разумѣя, какъ видно, глубины тайны. Вѣдь не въ *человѣка* низшло отъ Бога Отца Слово, какъ напримѣръ благодать чрезъ Духа на одного кого-либо изъ святыхъ

пророковъ, но Оно истинно *стало плотью*, по написанному (Иоан. 1, 14), то есть *человѣкомъ*. Поэтому Онъ нераздѣленъ послѣ соединенія (съ плотью) и не распадается на два лица, хотя мы должны мыслить какъ другое нѣчто и различное — Слово отъ Бога и плоть, въ коей Оно вселилось.

Такъ какъ вѣру относительно этого намъ подтверждаетъ цѣлый хоръ святыхъ апостоловъ тѣмъ, что они „познали“ говорятъ единично, что Онъ есть „ὁ Χριστός ὁ Υἱός τοῦ Θεοῦ—(единственный) Христосъ, (Единственный) Сынъ Бога“, то мы, если хотимъ мыслить правильно, не должны принимать ученіе тѣхъ, кои по безумію не отрекаются отъ того, чтобы нововводить нѣчто другое, кромѣ этого.

VI. 70—71. *Отвѣща имъ Исусъ: не Азъ ли васъ дванадцать избрахъ? и отъ васъ единъ діаволъ есть. Глаголаше же Иуду Симонова Искариота: сей бо хотяше Его предати, единъ сый отъ обоюнадесяте* ¹⁾.

Продолжаетъ обличеніе и поражаетъ ихъ строгими словами, пресѣкая тѣмъ слабое и нерѣшительное малодушіе въ желаніи стать мудрыми. Оказывается говорящимъ какъ бы нѣчто такое:

Время теперъ, ученики Мои, бодрствованія, разсудительности и сосредоточенія души на желаніи спасенія, ибо очень скользокъ путь погибели, увлекающій не только немощный умъ, но и кажущійся уже твердо стоящимъ. Коваренъ и многовиденъ грѣхъ, обманывающій умъ чловѣческій разнообразными удовольствіями и пріятными похотями влекущій къ без-

¹⁾ Ал. оп. *Исусъ* соотв. вѣк. Ал. *изъ* (лучше) *васъ единъ*, древнее *отъ васъ единъ* согл. одн. вм. тепер. *единъ отъ васъ* какъ др. *Его предати*—древнест. и Ал. согл. одн. вм. тепер. *предати Его* какъ др.

законію. Доказательствомъ этого, говоритъ, будетъ то, что случится среди васъ. Скажу пока: никого изъ тѣхъ, по легкомыслію отпадшихъ назадъ, какъ добрыхъ *васъ* (подобно вамъ), *Я* не избралъ, ибо зналъ, какъ Богъ, что (есть) въ васъ. Но (одного изъ васъ) безстыдствомъ алчности похитилъ сатана. И опредѣленіе Мое (о выборѣ апостоловъ всѣхъ и Іуды) конечно отнюдь не было ложнымъ, ибо люди имѣютъ свободное произволеніе избирать то и другое — идти ли на право или на лѣво, разумѣю добро и зло. Итакъ, посредствомъ сильнаго обвиненія ихъ (въ лицѣ одного изъ нихъ) одновременно и побуждаетъ ихъ къ надлежащему бодрствованію и заставляетъ cadaго быть болѣе осторожнымъ въ отношеніи къ себѣ самому. Вѣдь Онъ не говоритъ еще, кто именно предаетъ Его. Но возложивъ на одного вообще и неопредѣленно это тяжкое нечестіе, Онъ тѣмъ самымъ возбуждалъ на подвигъ всѣхъ и призывалъ къ внимательнѣйшему бодрствованію, такъ какъ каждый страшился вреда для души своей.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ доставлялъ и нѣчто другое, полезное для укрѣпленія вѣры учениковъ. Такъ какъ они исповѣдали, что знаютъ и твердо вѣруютъ, что Онъ есть „Сынъ Божій“, то Онъ и являетъ Себя предвѣдающимъ будущее, показывая и чрезъ это достовѣрнымъ ихъ исповѣданіе относительно Его, потому что никому изъ существующихъ не подобаетъ знать будущее, кромѣ одного только Бога по природѣ, о Коемъ и написано: „вѣдающій все прежде бытія его“ (Дан. 13, 42). Діаволомъ же назвалъ служителя діавольскихъ желаній, и это не ложно, ибо какъ „соединяющійся съ Господомъ одинъ духъ есть“ (1 Кор. 6, 17), такъ очевидно и напротивъ.

ГЛАВА V.

О праздникъ кущепоставленія, что онъ означаетъ возстановленіе надежды, подобающей святымъ, и оживленіе изъ мертвыхъ: предлежитъ изреченіе: „быль же близко праздникъ Иудеевъ кущепоставленіе“.

VII. 1—2. И по сихъ хождаше Иисусъ въ Галилеи, не хотяще бо во Иудеи ходити, яко искажу Его Иудеи убити. (Бъ же близъ праздникъ Иудейскій потченіе съни) ¹⁾.

„Послъ сего“, говоритъ, сказаннаго и сдѣланнаго, опять съ большею охотою пребывалъ Христосъ въ Галилеѣ. На это, думаю, и указываетъ выраженіе: „ходилъ“. Но показываетъ, что пребываніе у нихъ (Галилеянъ) было для Него не добровольнымъ, но напротивъ — происходило по необходимости, присоединяя и причину сего, ибо, говоритъ, хотѣли „Его убити Иудеи“. Посему Онъ удалился къ иноплеменникамъ и на продолжительное время, отказываясь „во Иудеѣ ходити“. Но также и этимъ, полагаю, Израиль обвинялся въ великомъ упорствѣ, если находиться у язычниковъ оказывалось (для Христа) гораздо лучше, чѣмъ жить у него (Израиля). Это возвѣщено пророкомъ Іереміею: „покинулъ Я домъ Мой, оставилъ наслѣдіе Мое, далъ возлюбленную душу Мою въ руки враговъ ея“ (Іерем. 12, 7). Быть Христу внѣ дома Своего ради нечестія преслѣдователей и переселиться къ Галилсеянамъ, развѣ это не есть очевидное отданіе Имъ Своей души въ руки враговъ ея? Враги Христу язычники, какъ рабствующіе другому (господину) и поклоняющіеся твари вмѣсто Творца, потому

¹⁾ Слав: и хождаше Иисусъ по сихъ или; и х. по сихъ I. согл. вар. греч. — Зогр. Гал. Мст. съ *ни ми* — ошибочный переводъ. Ал. точно: *не бо хотяше...* и: *зане* вм. *яко*. Остр. Мар. Зогр. Гал. Мст. Ал. *скинопигія*, тип. нед. 12 в. *кущнаго почтенія*, Ковст. 1383: *почтеніе кущь*, Острож. *потченіе съни* и поздн. 15—17 вв. и тепер. Вм. тепер. *Иудее* древнесл. и Ал. *Иудеи*.

что еще не приняли вѣры въ Него. Также и этому научить ясно Самъ Онъ въ словахъ: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня“ (Лук. 11, 23). Но всякій, думаю, скажетъ, что прежде истиннаго богопознанія и вѣры язычники не суть со Христомъ, слѣдовательно они были противъ Него и потому находились въ ряду враговъ. Если же это такъ и для всѣхъ очевидно, то у Израильтянъ господствовала такая мерзость, что вращаться среди враговъ оказывалось (для Христа) гораздо лучше, и жить съ тѣми, съ коими всего меньше подобало, пріятнѣе, чѣмъ, какъ это слѣдовало бы и было бы болѣе прилично, у сородичей по плоти, въ качествѣ таковыхъ, долженствовавшихъ даже любить Его. Такимъ образомъ весьма справедливо переселялся Христосъ къ язычникамъ, какъ бы уже самымъ дѣломъ говоря, что, если они не перестанутъ преслѣдовать и своимъ безуміемъ останавливать Благодѣтеля, то совсѣмъ отдастъ Себя внѣшнимъ и къ язычникамъ переселится Христосъ.

Это, думаемъ, открывается какъ изъ самого дѣла, такъ опять и посредствомъ древнѣйшаго прообраза можемъ видѣть, что Онъ угрожалъ удаленіемъ Своимъ изъ Иерусалима.

Такъ, когда Онъ опредѣлялъ законы о жертвахъ, какъ написано въ книгѣ Левитъ, предназначавъ, какъ бы въ образѣ Христа, приносить тѣльца и всесожженіе въ даръ Господу (Лев. 1, 2 слѣд.). И иначе еще изображаетъ его, говоря: „если же отъ овецъ даръ свой Господу (принесешь), и отъ ягнятъ и козлищъ во всесожженіе, то именно мужескій полъ безъ порока пусть принесетъ и заколютъ его, съ боку жертвенника къ сѣверу предъ Господомъ“ (Лев. 1, 10. 11). Необходимо изслѣдовать, какъ и здѣсь намъ изображается тайна о Христѣ.

Сначала, думаю, надо сказать о положеніи самого храма Иерусалимскаго и божественнаго жертвенника, дабы такимъ образомъ мы уразумѣли, что можетъ означать, что жертва заколалась не прямо противъ жертвенника, но обращалась къ сѣверу. Вѣдь страна Іудейская лежитъ въ южныхъ частяхъ земли, храмъ былъ обращенъ къ востоку и его входъ освѣщался первыми лучами солнца. Но и самый божественный жертвенникъ былъ сооруженъ прямо противъ святилища, какъ бы предъ взоромъ Бога, и входившимъ съ востока показывалъ сначала свою переднюю сторону, а два бока его смотрѣли—одинъ на югъ, другой на сѣверъ. Что это было именно такъ, какъ мы сказали, въ этомъ можешь удостовѣриться, узнавъ находящееся у пророка Іезекіиля. Когда онъ поучалъ о смерти Фалтія, очевидно посредствомъ духовнаго созерцанія, говорилъ такъ: „и видѣлъ я, и вотъ какъ бы двадцать пять мужей—спины ихъ къ храму Господню (обращены), а лица ихъ противъ (къ востоку), и они поклонялись на востокъ солнцу“ (Іезек, 8, 16,—11, 13). Если же поклоняющійся восходящему солнцу имѣлъ храмъ на задней сторонѣ своего тѣла, то развѣ не необходимо представлять лице его обращеннымъ къ востоку? Соотвѣтственное этому имѣлъ положеніе и видъ и самъ божественный жертвенникъ, какъ сказали мы. Итакъ, какъ храмъ самъ такъ и жертвенникъ были обращены лицомъ на востокъ, два бока—одинъ на югъ, другой къ сѣверу, а остающаяся еще сторона, которая считается заднею, смотрѣла на западъ. Если же это было такъ, то лежащую къ самому сѣверу окажется сосѣдняя съ Іудеею Галилея, то есть страна язычниковъ, по написанному: „Галилея язычниковъ“ (Иса. 9, 1,—Матѣ. 4, 15). А какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ послѣ спасительнаго

страданія имѣлъ удалиться изъ страны Іудейской и придти въ Галилею, тоестъ къ Церкви изъ язычниковъ, то и прообразовательно приносившаяся жертва закалалась съ боку жертвенника, чтобы она смотрѣла къ сѣверу, согласно сказанному Псалмопѣвцемъ о Христѣ: „очи Его на язычниковъ взираютъ“ (Псал. 65, 7).

Поелику же блаженный Евангелистъ говоритъ, что Онъ отказывается быть вмѣстѣ съ Іудеями, такъ какъ они хотѣли Его умертвить, то къ сказанному присоединимъ, что это удаленіе Христа мы не должны считать за трусость или обвинять за это въ немощи Того, Кто все можетъ, но должно относить это къ цѣлямъ домостроительства, ибо не преждевременно, но въ свое время надлежало Ему претерпѣть крестъ за всѣхъ.

VII. 3—5. Рѣша убо къ Нему братія Его: преиди отсюду и иди въ Іудею, да и ученицы Твои видятъ дѣла, яже твориши: никто же бо что въ тайнѣ творитъ, и ищетъ самъ (въ) явъ быти: аще сія твориши, яви Себе мірови. Ни братія бо Его вгроваху въ Него 1).

Еще не зная поселившееся во святой плоти Бога-Слово, и въ то время, когда говорили это, не вѣдая, что Оно стало человѣкомъ, почитавшіеся за братьевъ Спасителя имѣютъ еще малыя о Немъ представленія и думаютъ гораздо ниже присущей Ему благодати и достоинства, такъ какъ не замѣчали ничего болѣе другихъ, но вводились въ обманъ общими о Немъ мнѣніями, считали и Его дѣйствительно родившимся отъ ихъ отца Іосифа и не видѣли сокровенной сто-

1) *убо* поздн. вм. *же* древнесл. Ал. *рѣкоша*. Слав. приб. *твоя* къ *дѣла* согл. одн. греч. Ал. *взиди*. — *Что въ тайнѣ творитъ* согл. одн. и Остр. (*ничесоже*), др. въ *тайнѣ* *ничесоже*, Ал. что Ал. *въ дерзновеніи*.

роны тайны. Такъ какъ Христось вѣроятно творилъ тайно много чудесъ въ Галилеѣ, то они и убѣждаютъ Его искать пустой славы и какъ какое то великое дѣло совѣтуютъ принимать удивленіе зрителей, какъ будто бы Онъ каждый разъ желалъ совершать чудеса ради одного только того, чтобы только казаться досточуднымъ для зрителей и украшаться челоуѣческими похвалами, подобно честолюбцамъ. Смотри, какъ совѣтуютъ Ему идти въ *Иудею* и въ ней всего болѣе чудотворить, не для того, чтобы увѣровали въ Него *ученики Его*, но *да видятъ дѣла, кои творилъ*. Если, говорятъ, хочешь, чтобы Тебя знали,—это значить быть *въ явь*,—то не будь тайнымъ чудотворцемъ и, отличаясь силою все совершать, не избѣгай *явности*, ибо такимъ образомъ Ты станешь извѣстенъ *міру* и достославенъ у зрителей.

Такова была рѣчь ихъ. И премудрый Евангелистъ благоусмотрительно замѣчаетъ, что еще *не утѣровали въ Него братья Его*. И дѣйствительно, весьма было бы странно при столь пустыхъ словахъ ихъ признавать ихъ уже получившими о Немъ чрезъ вѣру богоприличное познаніе. Но тогда они говорили мудро, 1) какъ невѣровавшіе еще. Когда же увѣровали, уразумѣвъ великую о Немъ тайну, то возвысились до такого богопочтенія и добродѣтели, что названы были даже апостолами и приобрѣли отмѣнное благоговѣніе. Находишь и это предвозвѣщеннымъ посредствомъ пророческаго гласа. Такъ блаженный Іеремія какъ бы къ Господу нашему Іисусу Христу, говорить: „потому что и братья твои и домъ отца твоего—и они отвергли тебя, и они возопили, позади тебя собрались: не вѣрь у нихъ (тому), что (если) будутъ говорить

1) Мож. б. вм. *σοφῶς*; надо *σαφῶς* очевидно.

тебѣ хорошее“ (Іерем. 12, 6), ибо братья, до воспріятія вѣры отвергавшіе Его и пытавшіеся даже едва не обвинять Его посредствомъ вышеприведенныхъ нами словъ, собрались чрезъ вѣру и изрекають хорошее о Немъ, принося пользу и другимъ и подвизаясь на ученіе о вѣрѣ. Весьма предусмотрительно назвавъ братьями, пророкъ благополезно присоединяетъ: „домъ *отца* твоего“, дабы и они не считались родившимися отъ Святой Дѣвы, (но являются братьями Господа) только лишь какъ (рожденные) отъ одного отца Іосифа.

VII. 6. *Глагола убо имъ Іисусъ: время Мое не у прииде, время же ваше всегда есть готово 1).*

Прикровенна всегда Спасителя рѣчь, ибо такъ и написано о Немъ, что „и будетъ человекъ скрывающимъ слова свои“ (Иса. 32, 2). А что Онъ дѣлалъ это для пользы (слушателей), кто изъ благомыслящихъ не скажетъ этого? И такъ, *еще не время* полной явности и неприкровеннаго объявленія для всѣхъ, такъ какъ іудейскій умъ еще не созрѣлъ до такого разумѣнія, чтобы безъ гнѣва и ярости быть въ состояніи вмѣстить слова Мои. Но также и міру явить Себя теперъ отнюдь не позволяетъ время, такъ какъ Іудеи еще не совсѣмъ отступаютъ отъ благодати и не настолько вознеистовствовали на Меня, чтобы Мнѣ уже надобно было наконецъ переселиться къ другимъ. Вотъ почему и говорить, что *время* Его *еще не настало*, а ихъ время настало и всегда находится въ *готовности*. Это потому, говоримъ, что для возвращающихся въ міръ можно совершать угодное имъ,

1) Ал. точно: *глаголетъ*. Вм. поздн. *убо* древн. и Ал. же. Вм. *прииде* Ал. точно: *наста*. Древнесл. лучше: *а время*, Ал: же. Древнесл. и Ал: *есть готово* согл. автор. и почти всѣмъ, вмѣсто поздн: *готово есть*.

такъ какъ для нихъ нѣтъ необходимости, препятствующей или призывающей къ совершенію или несовершенію какого либо дѣла въ извѣстное время, какъ безъ сомнѣнія это было со Христомъ. Притомъ, жизнь пожелавшихъ вернуться въ міръ отличается нѣкоторымъ послабленіемъ и можетъ быть свободною отъ тягчайшихъ заботъ, представляя всегда какъ бы готовое и удобное время къ удовольствіямъ и пользующимся ею дозволяя легко ходить, куда ни захотятъ.

Итакъ, въ дѣлахъ, подлежащихъ необходимости (божественнаго) благопромышленія, не всякое время бываетъ удобно для совершенія того, что надо, но такое, какое подобаешь каждому дѣлу и какого потребуетъ природа предмета. Избравшему же свободную жизнь не будетъ предстоять ничего такого. Напротивъ, вполнѣ готовъ и совершенно свободенъ для нихъ путь, по коему бы они ни пожелали идти.

VII. 7. Не можетъ міръ ненавидѣть васъ, Мене же ненавидитъ, яко Азъ свидѣтельствую о немъ, яко дѣла его зла суть ¹⁾.

Весьма милостиво обличаетъ Спаситель братьевъ, еще и теперь имѣвшихъ болѣе мірское настроеніе и расположеніе, и даетъ какъ бы второй, искусно составленный, отвѣтъ, въ коемъ показываетъ, что они не только не знаютъ, кто есть. Онъ по природѣ, но и еще столь далеки отъ любви къ нему, что предпочитаютъ вести себя согласно съ возлюбившими мірскую жизнь, а не добродѣтельную. И дѣйствительно, странно бы было, если Онъ со всѣми другими бесѣдовалъ о полезномъ, устраняя здѣсь всякую прикро-

¹⁾ Св. Ал: *заче... яко*—лучше.

венность, а считавшимся за братьевъ Его не общалъ бы въ тѣмъ большей и высшей мѣрѣ того, отъ чего они могли получать не малую пользу, имѣя уже возможность познавать Вождя премудрости.

Обычай былъ у Спасителя Христа: воспользовавшись иногда благовременнымъ предложеньемъ, Онъ составлялъ для слушателей длинныя наставленія. Итакъ всегда, говоритъ, мило каждому сродное ему и сходство права удивительнымъ образомъ приводитъ къ дружбѣ: *миръ васъ не ненавидитъ*, ибо вы еще мыслите мірское, — *Меня же ненавидитъ*, не находя пріятнымъ все то, за что обвиняется Мною въ непристойности. Посему, вы безопасно можете отправляться на этотъ праздникъ, а Я еще нѣтъ, ибо, прійдя, Я буду, конечно, сообщать и говорить полезное, но для сластолюбцевъ горько обличеніе и можетъ воспламенить къ гнѣву того, кто не допускаетъ подобающаго исправленія.

Сообщаетъ нѣчто полезное и намъ Господь въ этихъ словахъ, а именно: дѣлать обличенія надлежитъ не безразсудно и не на всякаго (безъ различія) простирать порицательное наставленіе, но подобаетъ знать написанное: „не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебя“ (Притч. 9, 8), когда ненависть намъ не безвредна, но старайся говорить въ уши внемлющихъ, по написанному (Сир. 25, 8). Вѣдь міръ грѣхолобивъ, а Господь есть исправитель того, что не должно совершать. Исправленіе же часто подобаетъ дѣлать чрезъ обличеніе, ибо всячески указывать на грѣхъ значитъ порицать любящихъ его, и обвинять зло значитъ упрекать имѣющихъ его. Поэтому, когда необходимость призываетъ учителя къ обличенію и цѣль врачеванія заставляетъ обращаться къ этому

способу, а наставляемый противъ желанія посредствомъ обличеній приходитъ въ сильный гнѣвъ, тогда конечно должно возникнуть ¹⁾ зло вслѣдствіе ненависти. Посему Спаситель говоритъ, что Его ненавидитъ міръ, какъ не могущій еще вмѣщать увѣщаній, соединенныхъ съ порицаніемъ, когда это должно быть для пользы. Дѣйствительно, умъ, преданный порочнымъ удовольствіямъ, негодуетъ всячески на слово, убѣждающее его къ должному исправленію. Это и высказываетъ Спаситель, не отрицая всецѣло путешествіе Свое въ Іерусалимъ и не отказываясь отъ обличеній, кои могутъ оказаться полезными для грѣшниковъ, но намѣреваясь въ должное время вмѣстѣ съ прочимъ совершать и это.

Надо замѣтить, что нѣчто подобное Онъ говоритъ и ученикамъ Своимъ. Утѣшая ихъ и научая ихъ отнюдь не уклоняться отъ того, что должно случиться съ ними, когда они будутъ проповѣдывать вселенной и ради сего подвергаться безчисленнымъ искушеніямъ: „если бы, говоритъ, вы были отъ міра, міръ бы свое любилъ,—поелику же не отъ міра вы, посему ненавидитъ васъ міръ“ (Іоан. 15, 19). Міромъ называетъ здѣсь не видимую тварь, но помышляющихъ мірское, коими не любящій подобнаго же считается жестокимъ, тяжелымъ и въ качествѣ какого-то врага, — напротивъ, роднымъ и другомъ (считается) тотъ, кто имѣетъ одинаковыя съ ними пожеланія и соединенъ съ ними сходствомъ постыдной жизни и нравовъ.

¹⁾ Др. чт. должно оставлять зло (являющееся) вслѣдствіе ненависти (обличаемаго къ обличителю).

VII. 8. *Вы възидите въ праздникъ сей, Азъ не възиду въ праздникъ сей, яко Мое время не у исполнися 1).*

Уже ясно отказывается Господь отъ желанія праздновать вмѣстѣ съ Иудеями или идти въ одно мѣсто съ ними съ тѣмъ, чтобы раздѣлять съ ними сѣвную радость (сѣвнаго праздника), ибо разъ сказанное хотя и къ немногимъ, считавшимся за Его братьевъ, распространяетъ свое значеніе и на весь Израильскій народъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто не скажетъ, чтобы Іисусъ отказывался быть вмѣстѣ съ братьями собственно только ради нихъ самихъ, между тѣмъ какъ Онъ является же пребывающимъ вмѣстѣ съ ними въ Галилеѣ, и не безъ причины, именно на основаніи мнѣнія многихъ о плотскомъ родствѣ Его съ Нимъ, надо предполагать, что Онъ былъ ихъ сожителемъ. Поэтому очевидно, что въ лицѣ братьевъ Христосъ отказывается праздновать вмѣстѣ со всѣмъ множествомъ Іудеевъ, согласно сказанному однимъ изъ святыхъ пророковъ: „возненавидѣлъ Я, отвергъ праздники ваши и не буду обонять (жертвъ) на торжествахъ вашихъ, почему если и принесете Мнѣ всеожженія и жертвы, не приму ихъ, и спасительнаго приношенія (какъ выраженія благодарности или благодарственной жертвы) не призрю. Удали отъ Меня голосъ пѣсней твоихъ и звукъ гуслей твоихъ не буду слушать“ (Ам. 5, 21—23), ибо Духъ—Богъ, и поклоняющимся Ему въ духѣ и истинѣ должно поклоняться“ (Іоан. 4, 24), по слову Самого Спасителя. Будучи же духомъ, Богъ, какъ справедливо думать, и услаждаться можетъ только духовными почестями и даро-

1) Слав. *время Мое* согл. поздн. уиц. *Исполнися* — Гал. Мар. Зогр. Юр. Тип. Ал. вм. *приблизжися* Остр. Мет.—у Ал: *не възиду* какъ одинъ древнегр. и на *праздникъ*—въ обоихъ случаяхъ.

приношеніями, во образъ которыхъ заповѣдью закона и были учреждены жертвы воловъ и мелкаго скота и кромѣ того приношенія ладана, муки, вина и масла, указывавшія посредствомъ яснѣйшихъ образовъ на многовидность добродѣтели поклоняющихся въ духѣ.

Итакъ, *сы*, говорить, еще любящіе сѣнь и помышляющіе объ этомъ грубо и по іудейски, *пойдите* на сѣновное и прообразовательное торжество. Миѣ же не пріятно праздновать такъ, — *на сей* не пойду *праздникъ*, тоестъ прообразовательный и сѣновный. Ничего радостнаго не найду на немъ. Но лучше буду ожидать времени истиннаго торжества, которое *еще не исполнилось*. Вотъ тогда-то, говорить, Я и буду съ радостію пребывать съ Моими читателями въ блескѣ святыхъ и славѣ Отца, излучая наивысшее веселіе.

Время же называетъ Своимъ и какъ бы собственнымъ, ибо Его это праздникъ и Онъ Самъ есть начальникъ торжества. Ему усвоить его и блаженный Іеремія ¹⁾, говоря нерадѣющимъ о благочестіи къ Богу и ни во что ставящимъ желаніе отличиться добродѣтелями: „что содѣлаете въ день торжества и во дни праздника Господня?“ (Ос. 9, 5). Совсѣмъ, говорить, отказывающіеся отъ подвиговъ добродѣтели и не имѣющіе свѣтлаго одѣянія любви къ Богу, что вы будете дѣлать въ день торжества? Какъ войдете на божественный и небесный праздникъ? Или развѣ не изгонитъ васъ со всею справедливостію Владыка пира изъ ликующаго круга призванныхъ, со словами: „другъ, какъ вошелъ ты сюда, не имѣя одѣянія брачнаго“ (Мате, 22, 12)? Родственно этому и даетъ намъ ту же мысль находящееся у пророка Захаріи изреченіе: „и будетъ, говорится, (всѣ), что ни останутся

¹⁾ Древнѣйшій кодексъ твореній св. Кирилла (Ватак. 12 в.) опуск.

изъ всѣхъ народовъ, нападавшихъ на Іерусалимъ, будутъ приходить ежегодно поклоняться Царю Господу Вседержителю и праздновать праздникъ купчепоставленія“ (Зах. 14, 16). Оставшіеся (только), говорить, будутъ приходить на поклоненіе къ Великому Царю и для совершенія праздника купчепоставленія: при множествѣ званныхъ благодатію, въ вышній градъ восходятъ только немногіе, ибо „немного избранныхъ“, по слову Спасителя (Мате, 20, 16), то есть взятыхъ изъ всякаго народа (въ царство Христово). А говоря, что будутъ приходить на поклоненіе, указываетъ на совершающихъ уже не подзаконное служеніе, но въ духѣ, и празднующихъ праздникъ истиннаго купчепоставленія, едва не воспѣвая громко слѣдующихъ словъ псалма: „благословенъ Господь, что внялъ гласу моленія моего. . . . на Него уповало сердце мое, и помогъ, и процвѣла плоть моя“ (Псал. 27, 6 — 7). Дѣйствительно, процвѣла плоть и снова оживетъ, но не безъ Христа, ибо Онъ сталъ для насъ началомъ воскресенія и дверью истиннѣйшаго купчепоставленія. Также и о семъ сказано было однимъ изъ святыхъ пророковъ: „и возставлю скинію (кущу) Давида падшую“ (Анос. 9, 11). Эта падшая скинія (куща) Христа отъ сѣмени Давида по плоти первая была возставлена къ нетлѣннѣю силою Бога и Отца, по сказанному къ Іудеямъ о Немъ чрезъ одного изъ апостоловъ: „Сего, по опредѣленному совѣту и предвѣденію Божію преданнаго, взявъ рукою незаконныхъ, пригвоздивъ, убили вы, Коего Богъ воскресилъ, разрѣшивъ муки смерти, потому что не возможно было ей удерживать Его“ (Дѣян. 2, 23—24), — и опять: „Сего Іисуса воскресилъ Богъ, чему всѣ мы—свидѣтели“ (ст. 32). А что Христось, сущій отъ Давида по плоти, въ Святомъ Писаніи обыкновенно назы-

вается Давидомъ, убѣдиться въ этомъ нѣтъ никакой трудности.

VII. 9—10. Сія рекъ, Самъ оста въ Галилеи. Егда же въздоша братія Его въ праздникъ, тогда и Самъ възде, не явъ, но тай¹⁾.

Изгнанный изъ страны Иудейской, Христось пріятнѣе и безопаснѣе ходитъ и жительствуетъ въ Галилеѣ, дабы опять благороднѣе мнимыхъ законоучителей являлся сонмъ язычниковъ, хотя и бывшихъ мало подготовленными благодаря еще господствовавшему среди нихъ заблужденію (идолопоклонству). Указываетъ этимъ какъ на Свою справедливую любовь къ нимъ, такъ и на Свое основательное нерасположеніе къ Израильтянамъ. И въ самомъ дѣлѣ, „все Знающему прежде бытія его“ (Дан. 13, 42) развѣ не надлежало имѣть такое расположеніе, чтобы Церковь изъ язычниковъ, столь легко и скоро прозываемую къ вѣрѣ въ Него, уже (тогда) удостоивать божественной любви Его, а Иерусалимъ, какъ неблагодарный, справедливо отвергать и питать къ нему нерасположеніе? Развѣ не говорится о Немъ, что еще и до самаго времени пришествія Онъ возжелалъ красоты ея (Псал. 44, 12), по изреченію Псалмопѣвца, а жестоковыйный Иерусалимъ развѣ не называлъ Онъ блудницею и прелюбодѣйцею и подобными именами? Такъ чрезъ пророка Іезекіиля весьма ясно говорить къ нему: „посему слушай, блудница, слово Господне“ (Іезек. 16, 35). И словами пророка Іеремии обвиняетъ его какъ блудницу, восклицая, что „какъ вѣролом-

¹⁾ Самъ согл. одн. грч. и древнесл. вм. *и мз* др. греч. Ал. (*и мз* *прѣбывствѣ*) Конст. и тепер. *яко—іоѡ* предъ *тай* чит. древнесл. Ал. и тепер. согл. однимъ древнегреч. VL. Вульг. Конст. Сир. утг. и іер. и Св. Кир. Ват. код. Но въ толкованіи и въ др. кодд. св. Кир. не чит. согл. $\text{ND}...$ Св. Эв. Сир. кур. и син. и Слав. Симон. 12 в.

ствуешь женщина противъ сожительствающаго съ нею, такъ вѣроломствуешь противъ Меня домъ Израилевъ, говоритъ Господь“ (Иерем. 3, 20). Какъ уже созерцавшій, по Своему божественному предвѣдѣнію и промышленію, красоту Церкви изъ язычниковъ и постыдность дурнаго поведенія синагоги Иудейской, Онъ одну уже напередъ удостоиваетъ Своей любви и приводитъ какъ невѣсту въ чертогъ Свой, а на другую негодуешь, для каждой соблюди въполнѣ ей подобающее въ должное время. Но на Израильтянъ преждевременно не наводитъ полного наказанія, ни Галилеѣ не отдается всецѣло прежде спасительнаго креста. Справедливо поступая такъ, Онъ могъ тогда по основательнымъ причинамъ удалиться отъ любви къ нимъ.

Итакъ, сказавъ, что не пойдетъ на этотъ праздникъ, а братьямъ позволивъ, если угодно, идти, Онъ одинъ,—ибо утверждалъ, что не настало еще время,—приходить послѣ нихъ. Присемъ Онъ не одно говоритъ, а дѣлаетъ противное тому, что говоритъ,—вѣдь это уже было бы ложью, хотя лезть, то есть ложь, какъ говорится (у пророка Иса. 53, 9), отнюдь не обрѣталась въ устахъ Его, — но дѣйствительно дѣлаетъ то, что прежде обѣщалъ и желалъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Онъ приходитъ не для того, чтобы праздновать вмѣстѣ съ ними, но чтобы учить, и такъ какъ Онъ пришелъ для спасенія, то — чтобы говорить и изъяснять относящееся къ жизни вѣчной. Что такова у Него цѣль, этому ясно научить насъ нежеланіе Его сопутствовать шедшимъ (на праздникъ), но тайное и незамѣтное прибытіе Его (потомъ), безъ торжественности и ликованія приходящихъ на празднество.

Такъ, когда уже шествовалъ Онъ на спасительную страсть, то прибылъ не скрытно, но воссѣдая на мо-

лодомъ ослѣ, во образъ молодаго народа, въ предшествіи многочисленнаго сонма младенцевъ, служившаго опять образомъ имѣвшаго народиться народа, о коемъ написано: „и народъ созидаемый будетъ восхвалять Господа“ (Псал. 101, 19). И предшествовавшіе Господу дѣти восклицали: „благословенъ Грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ“ (Матѣ. 21, 9). Итакъ, тайнымъ пришествіемъ Своимъ показываетъ Христось, что Онъ прибылъ въ Іерусалимъ отнюдь не для празднованія вмѣстѣ съ ними, но для бесѣды съ ними, ибо, какъ мы ранѣе сказали, еще не совсѣмъ отдѣляется отъ Израиля, прежде чѣмъ, преданный смерти, Онъ явится уже достойно совершающимъ это.

Господь говоритъ, что Онъ не пойдетъ, а послѣ того не отказывается придти, чему нѣкогда совершившійся прообразъ найдешь въ книгѣ, называемой Исходъ. Между тѣмъ какъ божественный и священнѣйшій Моисей пребывалъ на горѣ съ Богомъ, ожидая отъ Него сообщенія закона, — вознерадившій о благочестіи къ Богу Израиль устраивалъ себѣ тельца въ пустынѣ. Но Законодатель справедливо гнѣвается на это и, обвинивъ легкомысліе столь быстро склонившихся къ тому, что не подобало, и пригрозивъ сразу истребить ихъ, Онъ говоритъ наконецъ святому Моисею: „Иди и поиди отсюда ты и народъ твой, что извелъ ты изъ Египта въ землю, коею Я поклялся Аврааму, Исааку и Іакову, говоря: сѣмени вашему дамъ ее, и пошлю съ тобою предъ лицомъ твоимъ Ангела Моего“ (Исх. 33, 1—2). Потомъ говоритъ къ Нему Моисей: „если не Самъ пойдешь Ты со Мною, не выводи меня отсюда: и какъ иначе станетъ достовѣрно извѣстнымъ, что обрѣлъ я благодать у Тебя, я и народъ твой, какъ только если пойдешь Ты съ ними?—И сказалъ Господь къ Моисею: и это

тебѣ слово, что сказалъ ты, сдѣлаю, ибо ты обрѣлъ благодать у Меня“ (Исх. 33, 15—17). Видишь, какъ, оскорбленный отступленіемъ Израиля, утверждалъ, что не пойдетъ вмѣстѣ съ ними въ землю обѣтованную, но сказалъ, что пошлетъ съ ними ангела: однакожъ, по благоволенію къ Моисею и въ память отцевъ давая прощеніе, обѣщался опять идти съ ними.

Отказавшись такимъ образомъ праздновать вмѣстѣ съ Іудеями, какъ съ гордецами и упрямыми, безчестящими Бога отрицаніемъ своимъ, какъ тѣ устроеніемъ тельца, не отвѣчая строгимъ возмездіемъ за ихъ преступленія, но исполняя данное святымъ отцамъ ихъ обѣщаніе, приходитъ (въ Іерусалимъ), чтобы учить и предлагать наставленія ко спасенію имъ, предоставивъ таковое служеніе не ангелу, какъ этого не было и тогда, но Самъ совершая это и являясь для спасенія благодарныхъ.

VII. 11. Іудеи же исказу Его въ праздникъ и глаголаху: гдѣ есть Онъ? ¹⁾

Отыскиваютъ Іудеи Іисуса не для того, чтобы, нашедши, увѣровать, ибо, и предупреждая исканіе, Онъ являлъ Себя, согласно сказанному Имъ: „Меня нашли не искавшіе Меня, Я открылся не вопрошавшимъ о Мнѣ“ (Иса. 65, 1 ср. Римл. 10, 20), но вслѣдствіе превеликаго беззаконія впадая въ еллинскую суетность и ревнуя болѣе о свойственномъ тѣмъ (еллинамъ), чѣмъ о томъ, посредствомъ чего имъ подобало блистать вышнюю благодатію. Вѣдь почитающіеся за эллинскихъ мудрецовъ и ревнителѣй мірской и демонической мудрости тратятъ много острыхъ словъ, вертя круги пустыхъ разсужденій, и „ткутъ основу паутины“, по написанному (Иса. 59, 5). Они прини-

¹⁾ *Іудеи* древнесл. и Ал. вм. *Жидове* поздн. и тец.

маются отыскивать истину или благо или правду, что такое это есть по природѣ, и, представляя себѣ одну только тѣнь истиннаго знанія, пребываютъ совершенно лишенными дѣятельной добродѣтели. Оставаясь чуждыми вышней и дѣйствительной премудрости, они никогда не упражняются ни въ чемъ полезномъ, кромѣ словъ. Такъ и Іудеи, эти братья и сосѣди невѣжеству тѣхъ, отыскиваютъ Іисуса не для того, чтобы, обрѣтши, вѣровать, какъ это и показало само дѣло, но чтобы, уязвляя Его многими упреками, навести на головы свои пламень неугасимый.

И въ другомъ также отношеніи, должно думать, они совершаютъ суетнѣйшее исканіе, ибо они принимаютъ Его искать только потому, что нѣтъ Его. Вѣдь Чудотворецъ этотъ долженъ былъ пребывать среди совершавшихъ праздникъ, говорятъ они, преслѣдуя только пріятное удовольствіе для себя, а совсѣмъ не пользу отъ удивленія (предъ Чудотворцемъ). Облеченные славою законоучительства и считая себя великими знатоками священныхъ писаній, они не помнятъ пророческаго слова, гласящаго такъ: „взыщите Бога и, при обрѣтеніи Его, призовите: когда же станетъ приближаться къ вамъ, пусть оставитъ нечестивецъ путь свой и мужъ беззаконный намѣреніе свое и да обратится къ Господу, и помилуетъ его“ (Иса. 55, 6—7). Видишь, какъ недостаточно для спасенія одного только исканія, но, обрѣтши, необходимо и обращаться, очевидно чрезъ послушаніе и вѣру. Такъ надлежало спастись и невѣжественному и непослушному народу Іудейскому. Если же и въ этомъ оказывается весьма неразумнымъ, то справедливо уже долженъ услышать: „какъ скажете, что мудры — мы и слово Господне съ нами? всуе стала трость лживая книжникамъ, посрамились мудрецы, смутились, запу-

тались, какая (же) мудрость есть въ нихъ? — потому что слово Господне отвергли“ (Перем. 8, 8—9). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не отвергли, не принявъ (Христа), или развѣ не безчестятъ, не отказываясь безразсудно говорить о Немъ это: „гдѣ есть Онъ?“ Вѣдь это „Онъ“ есть знакъ безумныхъ (гордецовъ), еще не удостоивавшихъ Его своего удивленія, хотя изъ многихъ и великихъ дѣлъ Его они должны были имѣть о Немъ вполне подобающее представленіе.

VII. 12. *И ропотъ о Немъ бы многъ въ народѣ(хъ): ови глаголаху, яко благъ есть: инии же глаголаху: ни, но льститъ народъ ¹⁾.*

Искать и обрѣтать благо всегда трудно и способность изслѣдовать красоту истины едва достижима для многихъ, особенно же для невѣжественнѣйшихъ и не обладающихъ остротою ума, кои, неразумными влеченіями безразсудныхъ помысловъ легче склоняясь къ угодному имъ и не вдаваясь въ изслѣдованіе природы встрѣчающагося имъ предмета, никогда не могутъ постигать истиннаго качества вещей, хотя Павелъ и говоритъ: будьте опытными мѣновщиками, и убѣждаетъ насъ все испытывать (1 Фессал. 5, 21), такъ чтобы точнымъ изслѣдованіямъ приходило къ приобрѣтенію полезнаго. Пусть же тѣ, кои по великому неразумію не удивляются Іисусу и безъ всякихъ разсужденій рѣшили, что должно обвинять Его, выслушаютъ: „вкусите и видите, что благъ Господь“ (Псал. 33, 9). Какъ тѣ, кои по вкусу испытываютъ качество наилучшаго меда и посредствомъ вкушенія весьма небольшой частицы его получаютъ ощущеніе

¹⁾ Вм. *народѣхъ* какъ одни греч. Ал. *народъ* какъ Сив. и др. греч. (что лучше),—и *народъ* какъ и Кир. соотв. автор. вм. *народы* слав. соотв. рѣдк. чт. (такъ и Вульг.).

искомаго (качества меда): такъ и хотя немного отвѣдавшіе словъ Спасителя могутъ узнавать, что Онъ благъ, а узнавъ—и удивляться. Такимъ образомъ блаторазумнѣйшіе изъ Іудеевъ защищаютъ Христа и справедливое сужденіе даютъ о Немъ, соглашаясь съ Нимъ, какъ благимъ, по всей вѣроятности рассуждая такъ, что не можетъ быть доступною кому либо сила исполнять то, чего совершителемъ оказывается Богъ, если Онъ не будетъ Богомъ по природѣ и причастникомъ Бога,—и потому благъ Онъ, Коему должна подобать и слава во всемъ и укрѣпленіе вышнею благодатію, — хотя и не такъ было во Христѣ, ибо Самъ Христосъ есть Господь силъ. Напротивъ вращаются въ неразумныхъ мнѣніяхъ и отступили далеко отъ истины тѣ, кои не поколебались называть обольстителемъ Направляющаго на неложную стезю правды. Пусть же поэтому слушаетъ неразумный Іудей: „горе называющимъ зло благомъ и благо зломъ, полагающимъ тьму свѣтомъ и свѣтъ тьмою“ (Иса. 5, 20). Вѣдь обвинять добро есть то же, что и защищать зло, постыдное освободить отъ справедливѣйшаго обвиненія и на предметы, принадлежащія къ разряду превосходнѣйшихъ, набрасывать отнюдь имъ не подобающее порицаніе. Провозглашаемы были обвиненія и за эти ихъ порицанія, ибо „горе“, говорится, „имъ, что они удалились отъ Меня; несчастны они, что нечествовали на Меня; Я же освободилъ ихъ, а они говорили противъ Меня ложь“ (Ос. 7, 13).

VII. 13. *Никто же убо явь глаголаше о Немъ, страха ради іудейскаго* ¹⁾.

Среди Іудеевъ, говоритъ, былъ ропотъ и *ради страха предъ Іудеями* никто не могъ явно говорить. Такимъ

¹⁾ Древнесл. *ни который же, ни хый, Ал. ни одинъ же съ дерзавеньемъ.*

образомъ Іудеями называетъ здѣсь божественный Евангелистъ исключительно начальниковъ Іудейскихъ, считая недостойнымъ, какъ мнѣ кажется, примѣнять къ нимъ наименованія старѣйшинъ или священниковъ или другое какое либо изъ таковыхъ, къ чему побуждала его ревность о благочестіи и скорбь о нихъ, коихъ и Самъ Богъ со всею конечно справедливостію обвиняетъ у пророковъ, какъ губителей духовнаго виноградника, говоря такъ: „пастухи многіе разрушили виноградникъ Мой, осквернили участокъ Мой, обратили участокъ желанный Мой въ пустыню непроходную, пришелъ онъ въ уничтоженіе погибели“ (Перем. 12, 10—11). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не должны мы виноградникъ Господень считать дѣйствительно погубленнымъ ихъ мерзостями, когда они объявляли опаснымъ защищать добро и удивляться тому, что одно только достойно удивленія? Для кого изъ благомыслящихъ можетъ быть сомнительнымъ, что вмѣстѣ съ прочимъ и это влечетъ тягчайшее наказаніе на вождей Іудейскихъ? Вотъ вѣдь весь народъ только боится и трепещетъ ихъ, а не воспитывается по закону и не научается должному, хотя онъ и весьма охотно подчинялся ихъ приказаніямъ. Доказательствомъ крайняго подчиненія служить страхъ. Такъ, онъ былъ принуждаемъ поступать вопреки закона, или же равнодушно взирать на волю Законодателя,— и не только отнюдь не осмѣливались хоть скольконибудь свободно похвалить благое, но напротивъ вынуждались считать дурнымъ то, чтобы они ни пожелали, и достойное похвалы и удивленія осуждать какъ постыдное. Какъ человѣкъ, въ совершенствѣ владѣющій искусствомъ мореплаванія и управляющій рулемъ вполнѣ ему послушнаго корабля, если наведетъ его на скалы, то самъ долженъ будетъ счи-

таться виновнымъ въ кораблекрушеніи,—или какъ опытный наѣздникъ, управляя быстрыми и молодыми конями и имѣя возможность посредствомъ узды и вожжей легко направлять ихъ бѣгъ, куда ему угодно, когда разобьетъ колесницу о камень, долженъ будетъ виною несчастія справедливо считать не коней, а себя самого: такимъ же, думаю, образомъ наставники Іудейскіе, если, имѣя народъ не только чтившій ихъ, но и, болѣе того, питавшій къ нимъ рабскій страхъ, управляли имъ несогласно божественнымъ постановленіямъ, то сами должны подвергнуться справедливому взысканію за гибель всѣхъ. А что они сдѣлались причиною гибели народа, это засвидѣтельствуетъ пророкъ Іеремія: „такъ какъ пастыри обезумѣли и не взыскали Господа, посему не уразумѣло все стадо и разсѣялись“ (Іерем. 10, 21).

VII. 14. Абіе же въ преполовеніе праздника взыде Іисусъ въ церковь и учаше ¹⁾.

Какъ священное, ученіе Спасителя нашего приличествуетъ священному (мѣсту), ибо гдѣ же иначе подобаетъ слышать божественный гласъ, какъ не въ мѣстахъ, въ коихъ, какъ вѣруется, обитаетъ Божество? Вѣдь Богъ все объемлетъ, хотя и долженъ быть представляемъ неограниченнымъ по мѣсту и по Своей природѣ совершенно недоступнымъ для (тварныхъ) существъ. Но все же мы должны полагать, что болѣе для Него прилично обитать въ мѣстахъ святыхъ, и со всею основательностію думать, что угодное божественной природѣ намъ подобаетъ выслушивать преимущественно въ священныхъ мѣстахъ. Что нѣкогда начертывалось древнимъ въ образѣ и сѣни, это опять

¹⁾ Ал. точнѣе: уже же празднику преполовльшию—во святилище.

преобразуетъ теперь Христось въ истину. Богъ говорилъ къ Моисею священновождю: „и положишь очистилище на ковчегъ сверху, и въ ковчегъ вложишь свидѣтельство, что дамъ тебѣ: и буду открываться тебѣ тамъ и говорить съ тобою сверху очистилища посреди двухъ херувимовъ, находящихся надъ ковчегомъ свидѣтельства, о всемъ, что ни буду заповѣдывать тебѣ къ сынамъ Израиля“ (Исх. 25, 21—22). Господь же нашъ Иисусъ Христось, *въ средникъ уже праздника*, какъ написано, какъ Богъ прійдя въ священныя и Богу посвященныя мѣста, бесѣдуетъ тамъ съ народомъ, хотя и тайно пришедши, какъ и на очистилище въ скинии тайно было нисхожденіе Бога, только тогда лишь становившееся извѣстнымъ, когда наступало время говорить. Тогда Богъ бесѣдовалъ съ однимъ только блаженнымъ Моисеемъ и не говорилъ ни съ кѣмъ другимъ: такъ и Христось наставлялъ пока еще одинъ народъ Іудейскій, съ однимъ народомъ бесѣдовалъ, еще не распростирая общую благодать на народы.

Хорошо также блаженный Евангелистъ говорить не просто „вошелъ“, но „*восшелъ въ храмъ*“. Это потому, что вхожденіе въ божественное училище и пребываніе во святыхъ мѣстахъ поистинѣ есть нѣчто высокое и весьма возвышающееся надъ низменною землею худостію.

Но этотъ образъ достигаетъ истины у насъ. Вѣдь тѣмъ, кто освящалъ храмъ, былъ Христось. И прообразомъ сего былъ нѣкогда Моисей, помазывавшій скинію елеемъ и освящавшій ее, какъ написано (Лев. 8, 11), хотя человѣку надлежало скорѣе освящаться чрезъ святыя мѣста, чѣмъ освящать ихъ. Но ничто изъ совершавшагося въ прообразѣ не имѣло значенія самой истины, ради коей и давались сѣновныя

предуказанія ея, какъ это можно видѣть и на святыхъ пророкахъ. Такъ одинъ получалъ повелѣнїе сожительствовать, и притомъ невольно, съ блудною женою (Ос. 3, 1—3),—другой—ходить нагимъ (Иса. 20, 2), а также—лежать на правомъ боку не малое число дней (Иезек. 4, 6). Совершалось это безъ сомнѣнїя не само ради себя, но ради того, что этимъ означалось. Такъ и блаженный Моисей получалъ повелѣнїе освящать скинїю, хотя напротивъ самъ долженъ былъ освящаться отъ нея, дабы опять разумѣлся Христось, какъ освящающій въ немъ (лицѣ Моисея) Свой храмъ, хотя Онъ и сожительствовалъ съ Иудеями по плоти и бесѣдовалъ въ немъ (храмѣ) съ народомъ, какъ нѣкогда и Богъ—изъ очистилища.

VII. 15. Дивляхуся же Иудеи, глаголюще: како Сей книги въсть, не учився? ¹⁾

Не безъ причины было удивленїе Иудеевъ, но имѣла основанїе ихъ рѣчь объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественно было поражаться имъ, когда они видѣли, что удивительнымъ словомъ и знанїемъ отличается Тотъ, Кто не занимался изученїемъ наукъ. Вѣдь умъ человѣческій обладаетъ способностїю къ мудрости,—и хотя бы кто даже и не оказывался мудрымъ, природа все таки остается весьма способною къ воспрїятїю разумѣнїя и познанїя чего либо. Но природная способность бываетъ нѣкоторымъ образомъ помрачена и усыплена у тѣхъ, кои не имѣютъ упражненїя въ словѣ. Напротивъ, у привыкшихъ трудиться надъ этимъ и услаждаться украшенїями въ словѣ та спо-

¹⁾ Кир. чит. *оу* согл. древн. и автор. вм. *каі* поздн. унц. и слав. *Иудеи*—вѣѣ древнесл. и Ал. *въсть* Ал. и Конст. вм. древнесл. *умѣть*. Остр. Мст. Юр. Тип. Ал. *неучився* вм. Асс. Мар. Зогр. Гал. *не учься*.

Собность бываетъ блестящею и всегда готовою къ дѣятельности, оказываясь плодотворною въ изобрѣтеніи мудрыхъ словъ и ученій. Итакъ, Іудеи поражаются, внимая Спасителю Христу, еще не какъ Богу по природѣ, но еще какъ простому человѣку. Удивляются именно тому, что Онъ обилуетъ и премудростію, и въ особенности тому, что Онъ не имѣлъ упражненій въ чтеніи, доставляющемъ мудрость, но безъ наученія вѣдаетъ *писанія*. Такимъ образомъ и это вмѣстѣ съ прочимъ служитъ обвиненіемъ Іудейскаго безумія, ибо иначе имъ нисколько не казалось бы страннымъ, что не нуждается въ писаніяхъ художница всего Премудрость (Притч. 2, 30), тоестъ Единородное Божіе Слово, Которое скрывалось среди нихъ въ человѣческомъ видѣ.

Съ пользою опять надо замѣтить вотъ что. Искавшіе Іисуса ранѣе сего говорятъ: „гдѣ (есть) Онъ?“ (ст. 11), какъ знавшіе Его по однимъ только чудесамъ, но еще не вѣдавшіе ясно и точно, кто собственно Онъ, или чей, или откуда. Здѣсь же не какъ невѣдущіе чего либо относительно Его, но какъ все ясно знающіе говорятъ, что даже „*знаетъ писанія, не учившись*“. Поэтому менѣе ясный вопросъ о Немъ со стороны толпы и людей, точно не знавшихъ Его, именно „гдѣ Онъ“,—звучалъ пренебрежительно. Другое дѣло—со стороны узнавшихъ Его. Не невѣдавшіе Его должны слѣдовательно подвергнуться наказанію болѣе суровому, чѣмъ не имѣвшіе знанія, ибо для однихъ невѣдѣніе служитъ извиненіемъ, для другихъ знаніе служитъ обвиненіемъ. Поэтому и говорится, что для нѣкоторыхъ лучше не знать путь истины (2 Петр. 2, 21), ибо при знаніи и наказаніе больше имъ, какъ и „сластолюбцамъ болѣе нежели боголюбцамъ“ (2 Тим. 3, 4).

Итакъ, согласно вопросу Іудеевъ, Іисусъ вѣдалъ „писанія, не учившись“. Моисей же былъ наученъ, какъ написано, „всей Египетской премудрости“ (Дѣян. 7, 22). Но совсѣмъ ничего не зная, хотя и бывший весьма мудрымъ у нихъ, онъ научался божественными словами высшему вѣдѣнію, такъ что мірская мудрость этимъ самымъ изобличается въ безсиліи чрезъ божественную и высшую премудрость, по которой или посредствомъ которой мы тайноводствуемъ въ познаніи Христа или получаемъ дѣйствительно вышнее и отъ Бога разумѣніе.

Посему Христосъ есть совершеннѣйшее во всѣхъ благо, единое изъ всѣхъ, и премудрость, и разумѣніе, каковыми славными дарами Онъ, какъ должно мыслить, обладаетъ не по наученію, а по природѣ. Такъ и пророкъ Ісаія говоритъ о Немъ въ одномъ мѣстѣ: „потому что прежде нежели узнало дитя доброе или злое, отвергаетъ лукавство, чтобы избрать добро“ (Іса. 7, 16). Мы не должны конечно думать безразсудно, чтобы божественное и небесное Рожденіе (Дитя) посредствомъ различенія помысловъ или избраніемъ лучшаго отвращалось отъ зла и обращалось къ добру. Но какъ объ огнѣ если кто скажетъ, что онъ отвращается отъ холода, не терпя быть охлаждающимъ, то этимъ укажетъ не на существующій въ немъ выборъ по желанію, но на постоянное сохраненіе имъ свойства своей природы; такъ это и о Христѣ (надо мыслить), ибо все доброе природно въ Богѣ, а не привходитъ извнѣ. Такимъ же образомъ была въ Немъ и премудрость, вѣрнѣе же — Самъ былъ ея источникомъ и собственно и единственно премудростію, посредствомъ Коей получаютъ мудрость по причастію къ Ней и частныя, какъ небесныя такъ и земныя, разумныя твари.

*VII. 16. Отверъца Иисусъ и рече имъ: Мое ученіе нѣсть
Мое, но Пославшаго Мя.*

Вполнѣ истиннымъ находимъ мы изреченіе одного изъ мудрецовъ, что „Духъ Господа наполняетъ вселенную . . . и ухо слышанія (слышащее) ¹⁾ слышитъ все“ (Прем. Сол. 1, 7. 10). А къ тѣмъ, кои совсѣмъ неразумно, вѣрнѣе же—нечестиво, думаютъ, что какое либо слово ихъ можетъ укрыться отъ божественнаго ума, божественный Псалмопѣвецъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „уразумѣйте же неразумные въ народѣ и безумцы когда либо поймите (вѣсть что): Насадившій ухо, ужели не слышитъ“? (Псал. 93, 8—9). Развѣ вообще возможно допускать, чтобы не слыхалъ безусловно все Тотъ, Кто насадилъ въ Своихъ твореніяхъ и самое чувство слуха? Поэтому и отсюда также усматривай, что Господь есть Богъ по природѣ, ибо Онъ не невѣдаетъ того, что въ народѣ говорилось Іудеями тайно и шопотомъ. Но Онъ, какъ подобаеть Богу, воспріемлетъ это Своимъ слухомъ, хотя по страху предъ начальниками ничего не говорятъ о Немъ во всеуслышаніе. Поелику же разъ обнаружили удивленіе нѣкоторые изъ сошедшихся въ храмѣ и вѣроятно про себя разсуждали или же и другъ съ другомъ говорили тихо: „какъ Сей писаніе знаетъ, не учившись“, то опять съ очевидною необходимостію показываетъ Себя равнымъ Богу и Отцу, Который ничему конечно не учился, но знаніе обо всемъ имѣетъ по природѣ и безъ наученія, потому что Онъ превосходитъ всякій умъ и возвышается надъ всякимъ разумѣніемъ тварей.

Но можно было и другими основаніями доказать

¹⁾ ἀκροάσεις; и въ толк. 9, 35 вв. ζῳήσεις; Кв. Прем. *ухо ревностности, ревностное*, слав. *рвенія*, Рус: *ревности*.

это и удостовѣрить слушателей въ томъ, что то, что есть у Родителя, это же является присущимъ и Ему, по причинѣ природнаго тождества. Это Онъ дѣлать и въ другомъ случаѣ, когда отъ тождества всемогущества и одинаковой дѣйственности во всемъ Онъ справедливо восходилъ къ равному достоинству: „ибо что Отецъ творить“, говорилъ, „сие и Сынъ подобно же творить“, и опять: „ибо какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и животворить, такъ и Сынъ, кого хочетъ, животворить“ (5, 19. 21).

Но въ настоящемъ случаѣ было вполне благовременно и прилично то, изъ чего надлежало извлечь наибольшее доказательство. Вѣдь рѣчь о разумѣніи и знаніи безъ наученія была тогда у размышлявшихъ объ этомъ. Поэтому Ему надлежало доказать, что это именно есть у Него, какъ безъ сомнѣнія и у Отца. Какой же (употребляетъ Онъ) способъ доказательства? Тотъ, что Онъ имѣетъ равную съ Тѣмъ премудрость, хотя въ собственномъ и точномъ смыслѣ Самъ Онъ есть Премудрость и отъ Бога Отца (рожденъ), Коему, будучи подобенъ во всемъ, говоритъ, и учитъ одинаково съ Нимъ, ни коимъ образомъ не отлично отъ Него. При этомъ: или потому, что ученіе всецѣло уподобляется ученію Отца, Онъ называетъ Свое ученіе ученіемъ Отца,—или же потому, что Онъ есть Премудрость Отца, посредствомъ Коей Тотъ все изрекаетъ и узаконяетъ, называетъ Свое ученіе и Его ученіемъ. Кроме того благоустраиваетъ здѣсь и нѣчто другое, весьма полезное для спасенія наставляемыхъ. Такъ какъ по причинѣ земной плоти они видѣли въ Немъ чело-вѣка и ученіе Его не принимали какъ ученіе отъ Бога, то Онъ благополезно усваиваетъ ученіе Богу и Отцу, высказывая истинную дѣйствительность и въ тоже время посредствомъ страха казаться богоборцами

побуждая продолжавшихъ противиться вышнимъ опредѣленіямъ принимать Его слова.

Но должно знать, что называя опять Себя посланнымъ Онъ не указываетъ на свое низшее достоинство сравнительно съ Отцомъ. Посольство это не слѣдуетъ представлять раболѣпнымъ, хотя Онъ со всею справедливостію могъ бы сказать о Себѣ и то, что Онъ облеченъ былъ въ образъ раба (Филип. 2, 7). Посланъ Онъ былъ такъ, какъ слово—изъ ума, какъ отблескъ лучей—изъ солнца. Это суть обнаруженія того, въ чемъ они существуютъ, чрезъ проявленіе (сущности) во внѣшней видимости, при чемъ они природно и нераздѣльно пребываютъ въ томъ, отъ чего происходятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если слово исходитъ изъ ума и блескъ изъ солнца, то на этомъ основаніи отнюдь конечно не слѣдуетъ думать, что производящіе предметы (умъ, солнце) существуютъ безъ того, что изъ нихъ исходитъ (слово, блескъ), но напротивъ, мы находимъ ихъ существующими—какъ тѣ въ этихъ, такъ и эти въ тѣхъ. Вѣдь умъ никогда не можетъ быть безсловеснымъ, какъ и слово—не имѣющимъ выраженнаго въ немъ ума. Подобно сему должно понимать и другое (сравненіе—солнце и его сіяніе).

VII. 17. Аще кто волю Его (хочетъ) творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ Себе глаголю ¹⁾.

Не изслѣдуя и безъ всякаго сомнѣнія надлежало принять слова истины и вѣрить, что то, что разъ уже сказано, не можетъ быть иначе, какъ Онъ опредѣлилъ этому быть. Впрочемъ ради невѣровав-

¹⁾ Въ текстѣ Кир. опущ. *θέλη—хочетъ*, но такъ: *ποιῶ—творитъ* (вариантовъ такого чт. нѣтъ). Но въ толк. слова: *ἐπί τῃ βούλει τοῦ ἀποστόλου* *θελήματι* предп. правильное чтеніе. Ал: „Азъ не (?) о собѣ глаголю* смѣш. *ἔ* съ *μτ*.”

сихъ не оставляетъ слова Свои безъ доказательства, но приводитъ яснѣйшее и очевиднѣйшее для нихъ основаніе, съ великимъ искусствомъ составивъ образъ рѣчи. Въ чемъ состоитъ это искусство и какое это благопромыслительное слово, о семъ также поговоримъ.

Искали убить Его изъ за разслабленнаго, разумѣю исцѣленнаго въ субботу. Поэтому Онъ и незамѣтно поражаетъ уже замышлявшихъ на Него нѣчто дурное и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно изобличаетъ носившихъ въ себѣ убійственные замыслы противъ Него, какъ рѣшившихся исполнять угодное себѣ, а не Законодателю. Итакъ, вотъ тогда-то особенно вы и узнаете объ *ученіи Моемъ*, что *Бога* и *Отца есть* оно, если именно *хотите* послѣдовать Его, а не своимъ *желаніямъ*. *Воля* же Законодателя и Бога — совершенно удаляться отъ человѣкоубійства. Вотъ тогда то, говорить, не будучи объаты несправедливою враждою и не побуждаясь къ напрасному гнѣву звѣроподобнымъ нравомъ, вы ясно узнаете, *отъ Бога ли есть* слово *ученія Моего или отъ Себя Самого говорю*. Итакъ, съ полезнымъ сочетавъ обличеніе, справедливо обвиняетъ ихъ въ томъ, что они неосновательно пренебрегаютъ всѣмъ, чему Онъ учитъ, хотя Ему благоволить и соизволяетъ Богъ и Отецъ, или, что также истинно, соучительствуетъ и соизъясняетъ.

Выраженіе же „*отъ Себя Самого*“ употребляетъ вмѣсто „особенно и собственно“, совершенно согласно таковой же волѣ и тожественному же намѣренію Отца. И никто конечно, правильно размышляющій, не подумаетъ, что Онъ обвиняетъ Свои же собственные слова, какъ невѣрныя, но говоритъ это потому, что они никогда не могли бы быть иначе, какъ по волѣ Бога и Отца, ибо Онъ (Отецъ) говоритъ чрезъ Своего

Сына какъ чрезъ Слово и Свою Премудрость. А говорить безъ сомнѣнiя не въ противорѣчii съ Собою Самимъ. Развѣ Онъ можетъ это допустить?

VII. 18. *Отъ Себя глаголай* ¹⁾ *славы своя ищетъ.*

Даетъ здѣсь ясное указанiе на то, что Онъ вовсе не добивается славы для Себя, если учить, что Онъ пользуется не новыми какими либо и чуждыми закономъ словами: ибо это значило бы *говорить отъ себя*. Напротивъ, Онъ убѣждаетъ ихъ слѣдовать тому, что уже прежде узаконено имъ, но только снимая при этомъ бесполезную и грубую сѣнь буквы и еще скрывавшееся въ прообразахъ правильно превращая въ духовное созерцанiе. Это говоритъ Онъ и въ Евангелии по Матѳею: „не пришелъ Я разрушить законъ, но исполнить“ (Матѳ. 5, 17). На это же косвенно указываетъ также и здѣсь: евангельское ученiе есть только преобразование буквы въ истину, и превращенiе какого либо Моисеева прообраза въ соотвѣтствующую истину служить къ познанiю служенiя въ духѣ.

Итакъ, Христосъ говоритъ и *не отъ Себя*, то есть ничего чуждаго тому, что уже предвозвѣщено. Вѣдь Онъ не отвергаетъ Моисея и не учитъ отказываться отъ постановленiй закона, но на то, что было начертано темно и въ прообразѣ, Онъ накладываетъ истину, какъ бы какую болѣе яркую краску. Присемъ, желая благорасположить Иудеевъ къ Себѣ, честь и славу усвоить Богу и Отцу. Такъ какъ Иудеи, не зная о Словѣ, явившемся отъ Бога и Отца, думали, что законъ данъ однимъ только Отцомъ, то Онъ справедливо утверждалъ, что прославляется и Онъ, когда

---

¹⁾ Св. Ал: *о себѣ глаголай* согл. греч. вм. древнесл: *глаголай о себѣ*. Поздн: *отъ себе*.

соблюдается законъ, и противоположное бываетъ, когда не сохраняется надлежащимъ образомъ. Но хотя Сынъ и есть общникъ славы Отца и чрезъ Него Богъ и Отецъ говорилъ къ Моисею, однакожь Онъ благопромыслительно примѣняется къ мнѣнію тѣхъ (Иудеевъ). А въ словахъ, что Онъ ничего „отъ Себя не говоритъ“ такого, что не согласуется съ закономъ, исповѣдуетъ, что Онъ совсѣмъ не стремится создать собственную славу, но—подобающую закону.

Кромѣ того надо обратить вниманіе и вотъ на что. Косвенно еще и прикровенно обличаетъ Іудеевъ въ подверженности тому самому, въ чемъ невѣжественно обвиняютъ Его, тоестъ въ обычномъ похищеніи себѣ самимъ славы, принадлежащей не имъ, а Владыкѣ всего Богу. Какъ это, разъясню. Уклонившись отъ постановленій закона, каждый изъ нихъ устремился къ собственному произволу, „уча, какъ написано, ученіямъ—заповѣдямъ человѣческимъ“ (Матѣ. 15, 9). Здѣсь также благородно Христось изобличаетъ ихъ (учителей) въ нарушеніи Закона и въ преступленіи противъ самого Законодателя, такъ какъ они убѣждали народъ не тому, чтобы онъ жилъ согласно Его установленіямъ, но чтобы онъ болѣе слѣдовалъ ихъ ученіямъ. Итакъ, хотя еще и неопредѣленно и вообще говорить Христось: „отъ Себя говорящій славы собственной ищетъ“, обличаетъ однакожь недугъ безумія фарисеевъ, въ томъ, что они, предпочитая говорить свое, воруютъ славу Законодателя и переносятъ на себя подобающее Богу, и даже наконецъ ради этого рѣшаются уже и убить Его. Вотъ поэтому то особенно Онъ и обличаетъ ихъ въ преступленіи Закона, благопромыслительно взявъ поводомъ для рѣчи то, что Онъ тщательно соблюдаетъ законъ и чрезъ это чтить Бога и Отца.

VII. 18. *Ищяй же, говоритъ, славы Пославшаго Его, Сей истиненъ есть, и неправды въ Немъ нѣсть* ¹⁾).

Кто ищетъ не Божьяго, но своего, тотъ не истиненъ и не справедливъ. Онъ не истиненъ, какъ клеветующій на законъ и привносящій въ него собственныя желанія. Онъ и не справедливъ, какъ отвергающій праведный судъ Законодателя, и выше Господняго ставить свое. Слѣдовательно справедливъ и истиненъ Христосъ, какъ не подлежащій ни одному изъ названныхъ обвиненій.

VII. 19. *Не Моисей ли даде вамъ законъ? и никто же отъ васъ творитъ закона. Что Мене ищите убить?* ²⁾).

Посредствомъ многихъ способовъ рѣчь Спасителя направляется къ одной цѣли. Въ выше приведенныхъ словахъ косвенно обличивъ, какъ подобало, фарисеевъ въ томъ, что они считали должнымъ не повиноваться божественнымъ постановленіямъ, но вводить свои собственные мнѣнія, и стремились болѣе себя уловлять честь отъ послушнаго имъ народа и не усвоятъ ее Владыкѣ всяческихъ, но переносить на свое собственное лицо, такъ что вслѣдствіе сего они уже съ тѣмъ большею дерзостію и легкостію преступали законъ,—теперь снова, воспользовавшись другимъ и сильнѣйшимъ способомъ (обвиненія), уже подвергаетъ ихъ прямому и неприкровенному обличенію. Осуждаемый за нарушеніе субботы и подвергаясь неспра-

¹⁾ Ал: *ищай же* согл. чт. *ó ðè* вм. древнесл: *а ищяй каі ó*. *Неправды въ Немъ нѣсть* согл. автор. греч. Остром. Мст. Ал. вм. *нѣсть неправды въ Немъ* Мар. Зогра. Гал. и тепер. согл. др. чт.

²⁾ *Даде* поздн. Ал: *далъ* — лучше, древн: *дасть(ъ)*. Ал: *изъ васъ* — лучше.

ведливѣйшему обвиненію въ беззаконіи, Онъ изобличилъ теперь уже не каждаго по одиночкѣ въ нарушеніи закона, но весь уже народъ Іудейскій—въ томъ, что онъ ни во что обращаетъ постановленія Моисеевы. Скажите, говоритъ, Мнѣ вы, осуждающіе желающаго оказывать милость въ субботу, опредѣляющіе гнусный приговоръ на благодѣющихъ и безстыдно обвиняющіе сострадательныхъ: не чрезъ Моисея ли, предъ коимъ вы всегда благоговѣете, дано вамъ постановленіе не совершать убійствъ? Развѣ не слышали вы словъ его: „невиннаго и праваго не убивай“ (Исх. 23, 7)? Зачѣмъ же вы поэтому оскорбляете и своего Моисея, такъ легко преступая опредѣленный чрезъ него законъ? А обличеніемъ этого и очевиднымъ доказательствомъ служить преслѣдованіе вами Меня, ни въ чемъ не погрѣшившаго, и стараніе несправедливо умертвить Того, Кого невозможно обвинять ни въ чемъ, за что слѣдовало бы подвергаться этому самому (смерти).

Итакъ, съ великою силою и поразительностію эта рѣчь Спасителя обличаетъ безуміе Іудеевъ и показываетъ, что они какъ бы необузданными стремленіями увлекаются къ осужденію Его ради преступленія субботы, беззаконствуютъ, рѣшаются умертвить Его и чрезъ это одно впадаютъ въ наихудшій изъ всѣхъ грѣховъ. Какъ бы такъ вопіетъ имъ: Я исцѣлилъ, въ день субботній, разслабленнаго, подвергшагося тяжелой и неисцѣлимой болѣзни, снѣдавшагося не-сноснымъ недугомъ. Но совершивъ это благодѣяніе, я подвергаюсь осужденію, какъ уличенный въ чемъ либо наигнуснѣйшемъ, и убійство за это вы присуждаете на Мою голову. Какой же, говоритъ, поэтому можетъ оказаться родъ наказанія, достойный вашихъ дерзостей? Вотъ вѣдь и сами вы преступаете законъ.

Но этотъ родъ преступленія не похожъ на то, въ чемъ обвиняюсь Я. Не ради благодѣянія, какъ Я, вы заставляете совершать это, но для убійства, наихудшаго изъ беззаконій. Гдѣ же тутъ у васъ Моисей, ради коего и Я, хотя и исполняющій (его заповѣди), осуждаюсь? Не онъ опредѣлилъ вамъ законъ объ этомъ? И подобно тому, какъ попираете вы Мое ученіе, развѣ не вмѣняете ни во что преступленіе (закона), несправедливо подвергая Меня убіенію? Вотъ что справедливо могъ бы говорить Христосъ къ нечестивымъ фарисеямъ.

Отдѣляетъ въ настоящемъ случаѣ законъ отъ Своего Лица, хотя и Самъ былъ Законодателемъ, но усваиваетъ его одному только Отцу, особенно постыждая безстыдныхъ Иудеевъ чрезъ Того, Кто считался у нихъ выше Его. Это потому, что они, какъ мы часто говорили, еще не признавали Его за Бога по природѣ и не вѣдали еще глубокой тайны домостроенія съ плотію, но благоговѣли болѣе предъ славою Моисея.

VII. 20—21. *Отвѣща народъ: бѣса ли имаши, кто Тебе ищетъ убити? Отвѣща Иисусъ и рече имъ ¹⁾.*

Чувствуютъ обвиненія и, съ того времени уже поражаемые горькими словами, переходятъ къ отрицанію, не отказываясь собственно отъ убійства, но только старательно уклоняясь отъ того, чтобы казаться нарушителями закона. Вѣдь въ одномъ только мнѣніи людей—похвала фарисеевъ. Поэтому и называлъ ихъ Христосъ гробами побѣленными, совнѣ облеченными красотою искуснаго разсужденія, а внутри наполненными нечистотою мертвецовъ. Говорятъ же, полагаю,

---

¹⁾ Слав. приб: и рече согл. греч. вар.

это, желая отвлечь Его отъ страха ожиданія подвергнуться чему либо, не для того, чтобы дать Ему дѣйствительное удостовѣреніе въ томъ, что не подвергнется, но для того, чтобы внушить ему опасную увѣренность (въ Своей безопасности) и думая склонить Его отказаться отъ обличенія ихъ. Тогда, по ихъ мнѣнію, никакой уже не было бы трудности составлять козни противъ Него, ибо, невѣдая Гонимаго, они невѣжественно думали, что Онъ подчинится ихъ упрямству, хотя бы даже и не желалъ этого, и окажется однимъ изъ незнающихъ скрывавшагося въ душѣ ихъ умысла. Такимъ образомъ отрицаніе является плодомъ упрямства и другимъ родомъ нечестія противъ Христа; ибо чрезъ то, что пытаются они отклонить сказанное Имъ, какъ не истинное, они осуждаютъ Его, какъ сказавшаго ложь, прилагая, какъ написано, „беззаконіе къ беззаконію“ (Псал. 68, 28).

VII. 21. Едино дѣло сотворихъ, и вси дивитесь?

Это изреченіе мы должны читать въ видѣ вопроса, съ вопросительнымъ знакомъ въ концѣ. Притомъ не слѣдуетъ опускать изъ вниманія искусства въ этомъ изреченіи, содержащемъ въ себѣ премудрую предусмотрительность. Въ самомъ дѣлѣ, замѣть, какъ, раскрывая Іудеямъ оказанное разслабленному челоуѣколюбіе, предусмотрительно говоритъ: я исцѣлилъ челоуѣка въ субботу и ради этого вы удивляетесь? Теперь же болѣе скромно и весьма сдержанно говоритъ: „одно дѣло содѣлалъ Я“, укрощая безвременный гнѣвъ толпы, ибо не невѣроятно было, что, раздраженная нарушеніемъ субботы, она уже пыталась побить Іисуса камнями. Вѣдь безразсудна, по словамъ Еллинскихъ поэтовъ, и быстра на гнѣвъ всегда бываетъ толпа, скоро и единодушно совершаетъ свою

волю, легко доходить до неудержимой дерзости и ярости и стремительнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, увлекается къ ужаснымъ неистовствамъ. Итакъ, отстранивъ ради пользы отъ событія все, что было въ немъ досто-чуднаго, Онъ употребляетъ кроткую рѣчь и весьма скромно говоритъ: „одно дѣло содѣлалъ Я, всѣ дивитесь?“ За одно это, говоритъ, хотя и бывшее для спасенія и жизни лежавшаго (больнаго), какъ за какія-то дерзкія беззаконія вы осуждаете Чудотворца, и, смотря на одну только честь субботы, не удостоиваете удивленія чудесное дѣяніе, что въ дѣйствительности было бы конечно приличнѣе. Но вы неосновательно удивились тому, что будто бы нарушено, согласно присущему вамъ невѣжественному мнѣнію, законное постановленіе, не изъ-за чего либо малаго или ничего не стоящаго, но изъ-за спасенія и жизни человѣка, между тѣмъ какъ вамъ, напротивъ, надлежало воздавать похвалы Тому, Кто облеченъ столь великою и божественною силою. Такимъ образомъ и чрезъ это Іудейскій народъ обличается въ невѣжество, такъ какъ свое удивленіе направилъ не туда, куда слѣдовало—къ исцѣленному, между тѣмъ какъ, напротивъ, надлежало обратить его къ чудесно Спасавшему Христу. Надо знать, что бѣбѣдуя съ Израильтянами и говоря: „одно дѣло содѣлалъ Я, и всѣ дивитесь“, дѣлаетъ опять косвенное обличеніе и высказываетъ нѣчто такое: за одно это, говоритъ, по вашему, преступленіе вы удивляетесь Моему настроенію, какъ будто Я дерзаю противиться Законодателю; но въ такомъ случаѣ какъ, думаете вы, настроенъ Богъ, сами не разъ нарушавшіе законъ и ни во что ставящіе преступленіе его, за что осуждаете другихъ?

VII. 22. Сего ради Моисей даде вамъ обрѣзаніе, не яко отъ Моисея есть, но отъ отецъ: и въ субботу обрѣзаете челоуѣка ¹⁾).

Глубокая рѣчь и нѣкоторыя трудности представляетъ изъясненіе этого текста. Впрочемъ онъ будетъ ясенъ ради благодати Просвѣщающаго.

Итакъ, посредствомъ многихъ словъ раскрывая невѣжество Іудеевъ и многообразно научая тому, что имъ не подобало приходить въ несвоевременный гнѣвъ за нарушеніе субботы, потому что Сынъ Человѣческій есть господинъ субботы, — Онъ не принесъ впрочемъ никакой пользы слушателямъ, благодаря испорченности ихъ воли, и потому переходитъ теперь къ другому роду наставленій и старается показать уже ясно, что самъ священновождь Моисей, служитель закона, нарушаетъ законъ о субботѣ ради *обрѣзанія*, — обычая, отъ праотцевъ дошедшаго и до его времени, дабы уже и Самъ Онъ справедливо оказался сохраняющимъ отеческій обычай и, какъ скоро и Богъ *дѣлаетъ* въ субботу, посему и Себя являющимъ какъ *дѣлателя*, отнюдь не считающимъ этого за преступленіе субботы, такъ какъ Онъ всегда мыслить согласно съ Родителемъ. Поэтому и сказалъ: „Отецъ Мой доселѣ *дѣлаетъ*, и Я *дѣлаю*“ (5, 17), дабы такимъ образомъ вы, видя Меня *дѣлающимъ* что либо въ субботу, не удивлялись этому, какъ чему-то странному и необычайному, — *далъ вамъ Моисей обрѣзаніе* въ субботу и такимъ образомъ онъ ранѣе Меня нарушилъ законъ о субботѣ. А по какой причинѣ? Онъ не считалъ справедливымъ ради субботы не чтить опредѣленный отцамъ законъ и ихъ

¹⁾ Въ толк. есть и: *καὶ ἐν σαβ. περιτέμνεται ἄνθρωπος* какъ нѣк. *δι τοῦτο* въ др. огн. къ предш. въ третьихъ опуск. Ал: *далъ*.

обычай. Вотъ по этому „и въ субботу обрѣзается человекъ“. Если же Моисей почиталъ должнымъ чтить отеческій обычай и ставилъ его выше почитанія субботы, то что же вы напрасно ропщете на Меня и удивляетесь яко бы за пренебреженіе закона, какъ какому либо изъ обрѣзанныхъ легкомысленно незаконничать? Вѣдь Я совершаю одинаковое съ Родителемъ, всегда мыслю согласное всему благоугодному Ему и, если Онъ является дѣйствующимъ въ субботу, то и Я справедливо отказываюсь бездѣйствовать въ нее.

Утверждаетъ при семъ, что *далъ обрѣзаніе Моисей*, хотя, согласно сейчасъ сказанному, оно не отъ него, *но отъ отцевъ*, потому что заповѣдь объ обрѣзаніи дана отцамъ (Аврааму). Но чрезъ Моисея опредѣлены болѣе точныя и подробныя установленія о немъ, ибо праотець Авраамъ хотя и былъ обрѣзанъ, но не въ осьмой день, не приносилъ въ жертву при этомъ пару горлицъ или двухъ голубей, по уставу Моисея.

Г Л А В А VI.

Разсужденіе о субботнемъ покоѣ, многообразно раскрывающее, чего знаменіемъ служитъ оно.

VII. 23. Аще обрѣзаніе приѣмлетъ человекъ въ субботу, да не разорится законъ Моисеевъ, на Мя ли гнѣвается, яко всего человека здрава сотворихъ въ субботу?

Во многихъ (спискахъ) это мѣсто читается безъ знаковъ препинанія и не очень ясно въ немъ сочетаніе предложеній. Поэтому прежде скажемъ объ этомъ.

Итакъ, станемъ читать по отдѣльнымъ предложеніямъ, переставляя сочетаніе ихъ въ этомъ изрече-

ни, ибо только такимъ образомъ можно уразумѣть точное значеніе изреченія. „Если, говоритъ, обрѣзаніе принимаетъ человекъ въ субботу, — на Меня ли гнѣвается (изъ за того), чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисея (тѣмъ), что всего человека здоровымъ содѣлалъ Я въ субботу?“ Вѣдь человекъ принимаетъ обрѣзаніе въ субботу конечно не для того, чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ, ибо онъ нарушается, если не упраздняется (отмѣняется) ради обрѣзанія суббота (законъ о субботнемъ покоѣ). Какъ уже ранѣе раскрыли мы, или вѣрнѣе, какъ Самъ Спаситель сказалъ, что обрѣзаніе (идеть) не отъ Моисея, но отъ отцевъ, такъ что ради обрѣзанія, идущаго отъ отцовъ, нарушается нѣкоторымъ образомъ законъ Моисеевъ, то есть законъ о субботѣ. Вотъ поэтому то предложеніе: „чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ“ и надо въ изреченіи Спасителя сочетать такъ: „на Меня ли, говоритъ, гнѣвается (изъ-за того), чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ (тѣмъ), что всего человека здоровымъ содѣлалъ Я въ субботу?“ Такъ надо раздѣлять здѣсь предложенія.

Перейдемъ теперь къ изъясненію смысла (этихъ словъ), хотя онъ и очень труденъ для пониманія. Итакъ, обрѣзаніе, говоритъ, есть родъ попеченія о человекѣ, и оно выше узаконенія о субботѣ, ибо необходимо было и лечить (часть тѣла) подвергшагося обрѣзанію. Что же поэтому воспрещаетъ или какимъ образомъ законодательство о субботѣ можетъ служить разумнымъ препятствіемъ къ излеченію всего тѣла, какъ скоро оно уже допускаетъ, какъ неповинное, нарушеніе заповѣди леченіемъ отдѣльной части тѣла? Вѣдь каждый обрѣзается и, обрѣзавшись, лечится въ субботу, не подвергаясь обвиненію (въ нарушеніи закона). Напрасно слѣдовательно, говоритъ,

вы негодуете на Совершителя гораздо лучшаго, обвиняя Его въ преступленіи закона, когда законъ не страдаетъ отъ того, что онъ устраняется Моисеемъ даже изъ-за столь незначительнаго (по отношенію ко всему тѣлу и по сравненію съ исцѣленіемъ всего человѣка) обрѣзанія. Такое составляетъ Онъ разсужденіе, убѣждая ихъ согласиться съ тѣмъ, что не слѣдуетъ имъ впадать въ напрасную печаль, если прообразомъ этого былъ уже Моисей, коего они, хотя и считали должнымъ неразумно защищать, но (въ то же время) и увлекались къ человѣкоубійству, ни во что обращая его законъ (объ убійствѣ).

VII. 24. Не судите на лица, но праведный судъ судите ¹⁾.

Законъ, говорить, который вы стараетесь защищать, ради котораго и воспаляетесь столь свирѣпымъ гнѣвомъ, ясно восклицаетъ: „не приеми лица (не лицепріятствуй) на судѣ, потому что судѣ Божій (это) есть“ (Второз. 1, 17). Поэтому вы, ради субботы осуждающіе Меня, какъ законопреступника, и считающіе вполне подобающимъ негодовать за это, — позаботьтесь о почтеніи къ закону, постыдитесь возвѣщеннаго вамъ: „не судите по виду, но правый судъ судите“. Вѣдь если вы не считаете Моисея законопреступникомъ и вполне справедливо не причисляете его къ достойнымъ осужденія, хотя онъ и нарушалъ уставъ о субботѣ ради обрѣзанія отъ отцевъ, то освободите отъ обвиненій и Сына, всегда слѣдующаго намѣреніямъ Отца и согласующагося съ Его желаніями, обыкшаго творить подобнымъ же образомъ все то, что и Онъ (Отецъ) совершаетъ (5, 19). Если же об-

---

¹⁾ Лица Мар. Зогр. лице Гал. Симон. Мст. **лицѣ** Остр. прав(ый) Ал. Симон.—лучше.

виняете одного только Сына, не осуждая Моисея, хотя и повиннаго, говорить, тому же самому, въ чемъ (повиннымъ) считаете и Меня ради субботы, то развѣ не окажетесь попирающими божественный законъ и не явитесь противниками вышнихъ опредѣленій, изъ почтенія къ кому-то разрушая заповѣдь о правомъ судѣ и выше божественныхъ постановленій ставя того, кому вы, преступая законъ, даруете лицепріятное почтеніе?

Благоразумный слушатель пусть замѣчаетъ опять досточудное искусство Спасителя нашего Христа. Обвиняемый въ нарушеніи одного только указанія, Онъ обличаетъ ихъ въ преступленіи очень многихъ, едва не говоря извѣстное евангельское изреченіе: „и что смотришь на сучекъ въ глазу брата твоего, а въ своемъ глазѣ бревна не замѣчаешь?“ (Матѹ. 7, 3). Дурно слѣдовательно судить другихъ, „ибо въ чемъ кто судитъ другаго, себя самага осуждаетъ“, по написанному (Римл. 2, 1) Поэтому-то и Самъ Спаситель говорилъ: „не судите, и не будете судимы,— не осуждайте, и не будете осуждены“ (Лук. 6, 37). Говоримъ это примѣнительно къ себѣ самимъ, ибо Христосъ отнюдь не можетъ быть законопреступникомъ, прелагая Свои законы по Своей волѣ и на подзаконныя сѣни налагая блескъ истины, дабы наконецъ превратились въ духовное созерцаніе нѣсколько грубоватыя узаконенія древнимъ.

Но если уже разъ наша рѣчь дошла до воспоминанія о субботѣ и обрѣзаніи, то не менѣе, полагаю также, чѣмъ сколько слѣдуетъ, принесетъ пользы всякому любознательному точное уразумѣніе того, знаменіемъ чего могъ быть покой въ седьмой день, на что также указывалось посредствомъ обрѣзанія въ осьмой день,—и кромѣ того узнать, по какой причинѣ

обрѣзаніе принимается даже въ самую субботу, не выдерживая узаконеннаго бездѣйствія. Разсудивъ объ этомъ, насколько могу, попытаюсь представить ясное основаніе для каждаго изъ этихъ узаконеній.

На первомъ мѣстѣ должна предстоять намъ рѣчь о седьмомъ днѣ или субботѣ и о покоѣ во время нея. Такимъ образомъ для насъ вполне будетъ возможно надлежащее изслѣдованіе и другихъ вопросовъ. Итакъ, изслѣдуемъ теперь первое узаконеніе о ней (субботѣ), какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ оно появилось.

Когда Богъ, изъявъ Израиля изъ рабства Египетскаго, чрезъ премудраго Моисея призывалъ его къ прежней и исконной свободѣ и, сухими нѣкоторымъ образомъ и незамоченными ногами чудесно проведши по срединѣ моря, повелѣвалъ старательно идти къ землѣ обѣтованія: то, почитая необходимымъ приучить ихъ предосвящаться извѣстнымъ образомъ и предпочищаться, созывалъ ихъ въ собраніе на горѣ Синаѣ и, сошедши на нее въ видѣ огня, давалъ спасительные законы. Присемъ Онъ говорилъ такъ: „Я (есмь) Господь Богъ твой, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства: да не будутъ у тебя другіе боги кромѣ Меня: не дѣлай себѣ идола и никакого подобія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водахъ подъ землею: не поклоняйся имъ и не служи имъ: ибо я (есмь) Господь Богъ твой, Богъ ревнитель“ (Исх. 20, 2—5). Да, истинѣ съ этого именно надлежало начинать законоположеніе о полезномъ и напередъ тайноводствовать наученіемъ въ богопознаніи тѣхъ, кои разъ представили себя въ рабство и послушаніе Богу. Вѣдь богопознаніе есть корень всякой добродѣтели и вѣра—основаніе благочестія. Открывъ такимъ образомъ Себя

и какъ бы уже поставивъ Себя предъ взоромъ всѣхъ посредствомъ словъ „я Господь Богъ твой“,—предвоздѣлавъ въ нихъ вѣру чрезъ знаніе и совершенно воспретивъ устроеніе идола и поклоненіе лжеименнымъ богамъ,—Онъ поставляетъ на видъ небезвредность для нихъ преступленія (этой заповѣди) и наказаніе за отступленіе (отъ нея), восклицая такъ: „не приѣмли (произноси) имени Господа Бога твоего по пусту“, тоестъ не прилагай къ пустому идолу божественное и страшное имя, „ибо, говорить, не очиститъ Господь приѣмлющаго имя Его по пусту“ (Исх. 20, 7). Итакъ, раскрывъ, что не малому грѣху будетъ повиненъ тотъ, у кого появится желаніе поклоняться другому и признавать лжеименнаго бога, и соотвѣтственнымъ образомъ пригрозивъ имъ, какъ только что приведеннымъ къ вѣрѣ и имѣвшимъ еще нетвердый умъ, излагаетъ потомъ и второй какъ бы начертываетъ законъ, говоря: „помни день субботній, (чтобы) святить его: шесть дней дѣлай и соверши всѣ дѣла твои, а въ день седьмой—суббота (покой) Господу Богу твоему: да не совершишь въ него никакого дѣла“ (ст. 8—10). Потомъ, благополучно показывая, кому, дѣлая это, они будутъ подражать, говорить: „ибо въ шесть дней сотворилъ Господь и небо и землю и море и все (что) въ нихъ, и почилъ въ день седьмой: посему благословилъ Господь день седьмой и освятилъ его“ (ст. 11).

Но зачѣмъ же опять, скажетъ кто, давалъ имъ уставъ о субботахъ? По какой причинѣ введенъ этотъ второй законъ тотчасъ послѣ угрозы за преступленія? Подобало, отвѣтимъ на это, не только угрожать преступникамъ, что они подвергнутся тяжкимъ наказаніямъ, и не однимъ лишь страхомъ утверждать Израиля въ благочестіи,—ибо богопочтеніе по страху

болѣе свойственно рабамъ,—но и показать, причастниками чего будутъ или до какого конца достигнутъ безраздѣльно преданные любви къ Нему. Поэтому опредѣляетъ и даетъ, какъ въ прообразѣ, обѣщаніе имъ будущихъ благъ, ибо законъ имѣетъ тѣнь будущихъ благъ, какъ написано (Евр. 10, 1), и начертанный въ немъ образъ является нѣкимъ предначинательнымъ осуществленіемъ истины. Повелѣваетъ не работать въ послѣдній день седмицы, тоестъ въ субботу, и прекращать всякое дѣло, но отдыхать и наблюдать покой во время нея, указуя этимъ на имѣющее быть для святыхъ въ концѣ вѣковъ упокоеніе и вслѣдствіе этого веселіе, когда, прекративъ жизнь въ мірѣ и освободившись отъ подвиговъ добродѣтели, сущіе во Христѣ будутъ проводить житіе безъ труда и безъ всякаго изнуренія, согласно сказанному о нихъ словами пророка: „ибо забудутъ скорбь свою прежнюю, и не взойдетъ (она) на ихъ сердце (Иса. 65, 16), но радость вѣчная на главу ихъ, ибо на главѣ ихъ хвала, и радость охватитъ ихъ, удалилась болѣзнь и печаль и стонъ“ (Иса. 35, 10). Такъ и они, въ подражаніе остановившему и какъ бы прекратившему Свои труды при твореніи (міра) Творцу, должны будутъ освободиться отъ трудовъ этой жизни, восходя къ радости, которую даруетъ имъ Христосъ въ концѣ вѣковъ. Къ этой цѣли, думаю, направленъ узаконенный въ субботу отдыхъ.

Замѣтъ, какъ строго говоритъ Законодатель это „не поклоняйся богамъ другимъ“. А излагая рядомъ съ этимъ уставъ о субботѣ, употребляетъ выраженіе „помни“. По какой это причинѣ?—Потому, что тогда уже настало время не поклоняться богамъ другимъ, вотъ поэтому то и повелѣвалъ имъ тотчасъ же быть дѣтельными въ этомъ (исполнять это). Будущее же

и изображавшееся еще въ прообразахъ Онъ допускалъ какъ бы усматривать посредствомъ памяти и предсозерцать въ умѣ. Потомъ, кромѣ того, надо имѣть въ виду и вотъ что. Прекрасно и должнымъ образомъ учредивъ относящееся къ вѣрѣ, Онъ тотчасъ же дѣлаетъ упоминаніе объ обѣтованіи, относящемся къ концу вѣковъ, а потомъ уже опредѣляетъ другіе законы, какъ то: „чти отца твоего и мать твою“ и „не убивай“ и прочіе (Исх. 20, 12). Это для того, чтобы мы не думали, что оправдываемся отъ дѣлъ, и чтобы не какъ плодъ собственныхъ трудовъ, но напротивъ отъ вѣры ожидали мы себѣ въ будущемъ великихъ и обильныхъ даровъ Божіихъ. Поэтому предъ законами о благочестивомъ образѣ жизни тотчасъ же рядомъ съ вѣрою появляется благодать ожидаемыхъ благъ.

Итакъ, субботній отдыхъ означаетъ жизнь святыхъ въ покоѣ и святости, когда, освободившись отъ всѣхъ скорбей и прекративъ всякій трудъ, они будутъ услаждаться небесными благами. Посему и блаженный Павелъ, когда вель рѣчь для насъ объ этомъ и считалъ нужнымъ точнѣе изслѣдовать образъ субботствованія народа, говорилъ такъ: „противъ кого же поклялся, что не войдутъ въ покой Его, какъ не противъ непокорныхъ? И видимъ, что не могли войти ради невѣрія“ (Евр. 3, 18—19). Поелику нѣкоторые думали, что земля покоя и есть именно та, въ которую они шли, выйдя изъ земли Египетской, хотя она бралась въ прообразъ имѣющей быть дарованною святымъ отъ Христа, которую Давидъ назвалъ и землею живыхъ (Псал. 26, 13): то премудрѣйшій Павелъ старается показать, что земля, распределенная тогда по жребію согласно постановленіямъ Іисуса между сынами Израилевыми, была прообразомъ ожи-

даемой земли. Что это берется въ прообразъ истины, (Апостоль) рѣшительно разъясняетъ далѣе, приводя для доказательства сказаннаго умозаключеніе такого рода: „итакъ, если остается (предстоитъ еще) нѣкоторымъ войти въ нее и прежде благовѣствованные (получившіе благовѣстіе, обѣщаніе) не вошли изъ-за невѣрія, то опять опредѣляетъ нѣкій день, „днесь“ говоря чрезъ Давида, послѣ столькаго времени, какъ сказано прежде: „днесь (сегодня), если голосъ Его услышите, не ожесточайте сердець вашихъ, какъ при прогнѣвленіи: ибо если бы ихъ Іисусъ (Навинъ) упокоилъ, то онъ (Богъ чрезъ Давида) не говорилъ бы о другомъ послѣ сего днѣ“ (Евр. 4, 6—8). Видишь какъ онъ (Апостоль) рѣшительно устранилъ кажущееся противорѣчіе. Вѣдь кто либо, защищая Іудейскіе взгляды, могъ бы на это тотчасъ же возразить: „что, любезнѣйшій, говоришь ты? Развѣ не ввелъ Іисусъ (Навинъ) народъ въ землю обѣтованную? Развѣ (Ізраильтяне) не нашли себѣ въ ней отдыхъ и покой?“—Да, отвѣчаетъ, но какъ бы въ прообразѣ истиннаго покоя и отдыха и въ подобіи. Вѣдь если въ этомъ только одномъ и заключается благодать Бога и вся мѣра даннаго имъ обѣтованія и на тогдашнихъ людяхъ исполнились надежды Ізраиля, и кромѣ этого подзаконное писаніе ничего другого не означаетъ: то какимъ же образомъ, уже спустя столько времени послѣ того, снова опредѣляется чрезъ блаженнаго Давида другое время, такъ какъ Іисусъ (Навинъ) еще не доставилъ имъ покоя?

Итакъ, премудро и весьма глубокомысленно показавъ прообразъ и предзнаменованіе духовныхъ предметовъ въ историческихъ событіяхъ, онъ (Апостоль) уже разъясняетъ таинственный и сокровенный смыслъ закона о субботѣ, присоединяя: „слѣдовательно оста-

ется (предстоитъ еще) субботство (покой) для народа Божія; ибо вошедшій въ покой Его и самъ упокоился отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, какъ (и) Богъ—отъ Своихъ“ (Евр. 4, 9—10). Поэтому развѣ отсюда уже не должно признаваться совершенно яснымъ, что умъ святыхъ считаетъ за покой освобожденіе отъ трудовъ, состоящихъ въ дѣлахъ (добродѣтели), когда свѣтлый сонмъ святыхъ будетъ наслаждаться уже прежде совершенными въ этой жизни подвигами, по подобію съ Творцемъ всяческихъ, почившимъ и радовавшимся въ седьмой день, какъ о семъ въ книгѣ Притчей говорить Премудрость: „Я была (та), которою Онъ радовался, каждый день Я радовалась предъ лицомъ Его, во всякое время, когда Онъ радовался, совершивъ вселенную, и радовалась Я въ сынахъ человѣческихъ“ (Притч. 8, 30—31).

Итакъ, — возвращусь опять къ началу и уясню смыслъ всего изреченія, — отдыхъ въ субботу означаетъ свободную отъ трудовъ жизнь святыхъ. Всѣ блага будутъ въ то время подаваться отъ Бога святымъ безъ труда ихъ и мы уже не будемъ тогда совершать грѣха, служащаго началомъ зла, такъ какъ онъ съ корнемъ будетъ уничтоженъ въ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто обычно сѣетъ его въ насъ, согласно сказанному: „не будетъ тамъ левъ, и ни одинъ изъ злыхъ звѣрей не взойдетъ туда, но будетъ тамъ путь чистый и путемъ святымъ назовется“ (Иса. 35, 9, 8), но духъ святыхъ будетъ безъ труда обладать всѣми благами. Поэтому то и собирающій въ субботу дрова подвергается смерти чрезъ побіеніе камнями (Числ. 15, 36), какъ преступившій въ прообразъ противъ истины, ибо мы, достигши онаго отдыха и покоя, никогда не должны выходить изъ досточуднаго и преславнаго добродѣтелями образа жизни, какъ тѣ—изъ

своего шатра, равно какъ и собирать питателя и мать огня—грѣхъ, какъ тѣ—дрова по великому неразумію своему, не понявъ прообраза, указывавшаго на истину. Вотъ почему онъ, какъ уличенный въ великомъ неразуміи, и подвергался побіенію неразумными же камнями отъ совершавшихъ наказаніе, имѣя въ самой казни изображеніе качества своихъ нравовъ.

Итакъ, что тогда (послѣ кончины міра) мы не будемъ совершать мерзостнаго грѣха, это ясно, какъ и то, что не станемъ достигать полезнаго себѣ посредствомъ трудовъ. Также и на это, какъ бы въ загадкѣ, указано въ Моисеевыхъ книгахъ. На подобіе росы ниспослалъ Богъ сынамъ Израилевымъ манну въ пустынѣ и далъ имъ хлѣбъ ангельскій, по написанному (Псал. 77, 25). Потомъ чрезъ премудраго Моисея опредѣляетъ о ней такой законъ: „ѣшьте сегодня, ибо суббота (покой) сегодня Господу, не найдете на полѣ: шесть дней собирайте, а въ день седьмой—покой, нѣтъ (ея) въ (время) него“ (Исх. 16, 25—26). Этимъ указывается на то, что до конца вѣковъ намъ слѣдуетъ трудомъ собирать полезное для насъ и питающее насъ къ жизни вѣчной, подобно какъ тѣ, ходя по обширной пустынѣ, отовсюду собирали себѣ манну въ пищу. А въ седьмой день, тоестъ уже по скончаніи міра, пройдетъ время собирать полезное и мы будемъ наслаждаться уже прежде приобрѣтенными благами, согласно сказанному Псалмопѣвцемъ: „плоды трудовъ твоихъ вкуси“ (Псал. 127, 2).

Итакъ, Законодатель и Богъ, не о тѣняхъ заботясь, но предуказуя на самый образъ вещей, заповѣдалъ, что не должно трудиться въ субботу. Но нѣкоторые, презирая опредѣленный имъ объ этомъ законъ и позволяя себѣ дерзко оскорблять Владыку всѣхъ, разсудили, что и въ субботу можно ходить для собира-

нія манны. И это дерзкое рѣшеніе они имѣли не въ умѣ только своемъ, но и исполняли на самомъ дѣлѣ. За это Законодатель также обвиняетъ ихъ и говоритъ: „доколѣ не хотите слушаться заповѣдей Моихъ и закона Моего? Смотрите, Господь далъ вамъ день сей для покоя (субботу): поэтому Онъ далъ вамъ въ день шестой хлѣба на два дня, сидите (оставайтесь) каждый въ домахъ вашихъ, никто изъ васъ да не выходитъ съ мѣста своего въ день седьмой“ (Исх. 16, 28—29). Развѣ не видишь, что, предуказуя намъ подъ образомъ покоя жизнь свободную отъ всякаго труда и изнуренія, совсѣмъ не дозволяетъ въ субботу что либо дѣлать? Вѣдь не только не позволяетъ собирать (манну), но при этомъ заповѣдуетъ еще, что отнюдь не должно оставлять своего дома и выходить изъ своихъ мѣстъ. Чему желаетъ научить насъ этимъ, это мы изложимъ, представивъ родственное сему и точно такое же изреченіе. Такъ блаженный пророкъ Іеремія говоритъ Іудеямъ слѣдующее: „такъ говоритъ Господь: сохраните души ваши, и не поднимайте ношъ въ день субботній, и не выходите воротами Іерусалимскими, и не выносите ношъ изъ домовъ вашихъ въ день субботній, и никакой работы не совершайте: освятите день субботній, какъ заповѣдалъ Я отцамъ вашимъ“ (Іерем. 17, 21—22). Что же слѣдуетъ отсюда? Побуждая насъ къ бодрствованію, повелѣваетъ оберегать свою душу, ибо такимъ образомъ намъ легко уже будетъ достигнуть ожидаемаго покоя.

Въ другихъ же словахъ этого изреченія Онъ ясно открывалъ, какія блага ожидаютъ достигшихъ сего. Такъ Онъ не дозволяетъ никому обременять себя ношами, такъ какъ въ то время уже никто не будетъ брать на себя невыносимой тяжести грѣха. Тогда настанетъ время святости, исконный грѣхъ совершенно

уничтожится и душа каждого обновится въ состояніе непрестанной добродѣтели.

Не дозволяетъ также и ходить внѣ вратъ Іерусалима. Но вѣдь и свѣтлый сонмъ святыхъ, по истинному и правому ученію, непрестанно будетъ населять небесный Іерусалимъ и не будетъ выходить изъ святаго города, напротивъ—всегда будетъ пребывать въ немъ, божественною силою содержимый въ полной невозможности лишиться однажды данныхъ благъ, „ибо непреложны дарованія и призваніе Божіе“, по Святому Павлу (Римл. 11, 29).

Затѣмъ въ словахъ: „не выходите каждый съ мѣста своего“ очевидно указываетъ на то, что у Бога и Отца „обителей много“ (Іоан. 14, 2), по слову Спасителя. Яснымъ преобразомъ этого служила также и святая скинія, получившая „десять дворовъ“ ¹⁾. Каждому по достоинству и соотвѣтственно подвигамъ дана будетъ обитель. Но получивъ въ обладаніе тамошнія обители, они уже всегда будутъ обитать въ нихъ и никогда не дойдутъ до отпаденія отъ дарованныхъ имъ отъ Бога благъ. Достовернымъ свидѣтелемъ этого послужить намъ Исаія пророкъ, который объ этомъ говоритъ такъ: „глаза твои увидятъ, Іерусалимъ, городъ богатый, шатры, кои не поколеблются и не подвигнутся въ вѣчное время“ (Иса. 33, 20). Словами, что шатры въ богатомъ городѣ не поколеблются, указываетъ на непрестанность пребыванія и жительства въ немъ.

Но кромѣ того говоритъ еще: „никакой работы не совершайте въ него и освятите день субботній“, чѣмъ, какъ мы уже часто говорили, указываетъ отдыхъ и

---

¹⁾ Исх. 37, 1 (36, 8). Въмѣсто *αὐλίας* Св. Кир. читаетъ *αὐλας*—ошибочно.

покой того и другого времени и все святое время, посвященное для празднества Христу.

Что въ субботу намъ отнюдь не подобаетъ работать, но напротивъ—удаляться и освобождаться отъ всего, призывающаго насъ къ труду и изнуренію, это можемъ узнать и изъ другихъ узаконеній. Такъ въ книгѣ Исходъ говорится: „шесть лѣтъ засѣвай землю твою и собирай плоды ея, а въ седьмой—давай покой (ей) и оставляй ее“ (Исх. 33, 10—11). И въ Левитъ: „когда войдете въ землю, которую Я дамъ вамъ, и должна покоиться земля, которую Я дамъ вамъ, суббота Господу: шесть лѣтъ будешь засѣвать поле твое, и шесть лѣтъ срѣзать виноградъ твой и собирать плоды твои, а въ годъ седьмой—покой будетъ землѣ, суббота Господу“ (Лев. 25, 2—4). Не землю конечно оставляетъ быть свободною отъ трудовъ и не ей собственно давалъ законъ объ этомъ, но посредствомъ оставленія (въ покой) земли старался предоставить отдыхъ тѣмъ, кои приобрѣли ее. Такъ многообразно указывалъ намъ на празднество Христово, въ которое проведеніе жизнь въ страхъ Божию достигнуть совершенной и всецѣлой свободы въ святости и преизобильнѣйшей благодати Духа. И это также можемъ узнать изъ Моисеевыхъ заповѣдей. „Когда продается тебѣ братъ твой или сестра твоя, Еврей или Еврейка, шесть лѣтъ будетъ служить тебѣ, а въ годъ седьмой—отпущеніе“ (Второз. 15, 12), то есть: рабствовавшіе нѣкогда грѣху и порочными удовольствіями нѣкоторымъ образомъ продавшіе себя діаволу, оправдавшись во Христѣ чрезъ вѣру, мы взойдемъ въ истинный и святыи покой, облечемся посредствомъ благодати въ свободу и будемъ блистать божественными благами.

ГЛАВА VII.

*Разсужденіе объ обрѣзаніи въ осьмой день, многосторонне раскры-
вающе, что означаетъ оно.*

Въ достаточной уже, какъ полагаю, мѣрѣ и по силѣ присущаго намъ разумѣнія раскрывъ ученіе о субботѣ, перенесемъ теперь трудъ изслѣдованія къ близкому съ нимъ обрѣзанію, такъ какъ мы рѣшили, что отовсюду подобаетъ уловлять полезное. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы и достойно полного осмѣянія—не удѣлять всякаго труда и съ полною охотою на познаніе этого. Поэтому, изъясняя духовно, по мѣрѣ благодатной помощи Бога, все темное открывающаго и тайныя и невидимыя сокровищницы намъ отверзающаго (Иса. 45, 3), будемъ опять излагать, на что оно (обрѣзаніе) какъ бы въ прообразѣ указывало древнимъ. Конечно, достигшіе уже большаго совершенства и обладающіе болѣе высокимъ умомъ могутъ мыслить и говорить объ этомъ предметѣ гораздо лучше насъ. Но мы будемъ предлагать слушателямъ то, что придетъ намъ на умъ, хотя бы это и казалось ниже должнаго, не желая наносить вреда братолюбію изъ стыда показаться ниже кого либо, но напротивъ зная написанное: „давай мудрому наставленіе, и мудрѣе будетъ; научай правдиваго, и увеличитъ вниманіе“ (Притч. 9, 9).

Въ первый разъ законъ объ обрѣзаніи Богъ опредѣлялъ тогда, когда говорилъ Аврааму: „ты же за вѣтъ Мой соблюди,—ты и сѣмя твое послѣ тебя въ роды ихъ; и вотъ за вѣтъ Мой, который завѣщаю между вами и Мною, и между сѣменемъ твоимъ послѣ тебя въ роды ихъ: долженъ обрѣзываться всякій мужескій полъ, и вы должны обрѣзывать крайнюю плоть вашу,—и будетъ (это) въ за вѣтъ между Мною и вами,—и

дита ваше всякое мужескаго пола должно быть обрѣзваемо въ осьмой день“ (Быт. 17, 9—12). Опредѣливъ законъ объ этомъ и постановивъ, что они непременно должны обрѣзывать крайнюю плотъ, Онъ не безвреднымъ объявляетъ преступленіе этого закона, представляя это дѣло прообразомъ важнѣйшаго таинства. Поэтому вслѣдъ затѣмъ Онъ говоритъ: „и будетъ завѣтъ Мой на плоти вашей въ завѣтъ вѣчный: а необрѣзанный мужескій полъ, у котораго не будетъ обрѣзана крайняя плотъ его въ осьмой день,—истребится душа (его) отъ сѣмени (рода) ея, потому что завѣтъ Мой нарушилъ“ (Быт. 17, 13—14). Поэтому божественный Павелъ утверждалъ, что обрѣзаніе дано было патриарху какъ бы въ качествѣ знака нѣкоего и печати вѣры въ необрѣзаніи (Римл. 4, 11): цѣлюю его и величайшимъ стараніемъ, какъ оказывается, было—доказать, что призваніе и оправданіе чрезъ вѣру преимуществуетъ и предшествуетъ предъ всемъ уставомъ закона (Моисеева). Этимъ онъ какъ бы устыждалъ Израильтянъ и убѣждалъ оправданіе чрезъ вѣру считать не преступленіемъ закона, но напротивъ—возвращеніемъ къ тому, что было искони и прежде всякаго закона. Но примѣнивъ значеніе этого разсужденія къ полезному и нужному въ настоящее время, онъ оказывается знающимъ также и другой нѣкій образъ обрѣзанія. Такъ, советуя Іудеямъ отучиться отъ обычной своей похвальбы плотію, онъ пишетъ опять: „ибо не кто въ явѣ (по наружности), (тотъ) Іудей есть, и не (то, которое) въ явѣ (наружности), обрѣзаніе, но въ тайнѣ (внутренно) Іудей и обрѣзаніе сердца въ духъ, не буквѣ, коего похвала не отъ людей, но отъ Бога“ (Римл. 2, 28—29). И дѣйствительно, развѣ этимъ онъ не убѣждаетъ ихъ перейти наконецъ къ другимъ воззрѣніямъ на это (обрѣза-

ніе),—и развѣ не желаетъ, чтобы они не полагали, что обрѣзаніе дано праотцу (Аврааму) только какъ „печать вѣры въ необрѣзаніи“ (Римл 4, 11), но разумѣли о немъ и нѣчто большее и духовное?

Итакъ, надлежитъ изслѣдовать и тщательно разсмотрѣть, какое это обрѣзаніе въ духѣ,—чего символомъ служить обрѣзаніе, совершаемое во плоти,—и по какой причинѣ челоуѣкъ обрѣзается не во всякій день, какой придется, но только въ осьмой?

Никто конечно не усумнится въ томъ, что если наше назначеніе состоитъ въ стремленіи къ соединенію съ Богомъ чрезъ посредство Христа, то для этого подобаеъ напередъ очищаться и всячески освящаться тѣмъ, кои чрезъ вѣру восходятъ къ единенію со все-святымъ Владыкою. Въ наилучшій образецъ этого возьмемъ сказанное Богомъ святому Моисею: „сошедши засвидѣтельствуй народу, и освяти ихъ сегодня и завтра, и пусть вымоютъ одежды свои и да будутъ готовы ко дню третьему, ибо въ день третій снидетъ Господь на гору Синай“ (Исх. 19, 10—11). Посредствомъ предварительнаго освященія выражаетъ желаніе, чтобы мы старались о приобрѣтеніи добраго нрава, а посредствомъ мытья одеждъ указываетъ на очищеніе самого тѣла, ибо тѣло есть какъ бы одежда и облаченіе души.

Итакъ, поелику стремившимся,—возвращусь къ первому и важнѣйшему предмету рѣчи,—къ общенію со святымъ Богомъ подобало всячески предосвящаться, согласно сказанному Имъ: „святы будьте, потому что Я святъ“ (Лев. 19, 2), то посредствомъ обрѣзанія плоти древнимъ опредѣлялся символъ освященія. Но какимъ образомъ?—Скажемъ объ этомъ. Тщательно изслѣдовавъ природу нашихъ (нравственныхъ) явленій, мы найдемъ, что удовольствіе предваряетъ вся-

кій грѣхъ. Насъ призываетъ ко грѣху какое-либо горячее пожеланіе, всегда предшествующее дѣйствию и предвосхищающее разумъ души, и такимъ образомъ заставляющее наконецъ идти торною дорогою къ совершенію предпріятій. Истинность этого разсужденія нашего открываетъ ученикъ Христовъ, восклицая такъ: „никто, искушаемый, не говори, что отъ Бога искушаюсь, потому что Богъ не искушается зломъ и Самъ не искушаетъ никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью: потомъ похоть, зачавъ, рождаетъ грѣхъ, а грѣхъ содѣланный порождаетъ смерть“ (Іак. 1, 13 — 15). Видишь, какъ въ похотяхъ совершается первоначальное зарожденіе порочности и въ непристойныхъ удовольствіяхъ зарождаются первоначальныя сѣмена грѣха. Вотъ почему Законодатель и Богъ повелѣваетъ налагать обрѣзывающее желѣзо (ножь) на ту именно часть тѣла, въ которой и чрезъ которую бываетъ порожденіе похоти, дабы ты, какъ бы посредствомъ загадки, научился отсюда, что намъ никогда невозможно будетъ оказываться чистыми, если мы, воспріявъ въ сердцѣ острѣйшее дѣйствіе божественнаго слова и получивъ въ умъ мечъ Духа (Евр. 4, 12), не отдадимъ отъ себя похоти ко всему постыдному, ничего не станемъ дѣлать по собственнымъ пожеланіямъ, хотя бы они повидимому и представлялись намъ доставляющими наипрїятнѣйшее наслажденіе, но будемъ послушно совершать и любить благоугодное Богу. Если такое значеніе имѣетъ истинное обрѣзаніе, то къ обыкшимъ величаться одною только плотію справедливо будетъ сказать: „обрѣжьтесь Богу и обрѣжьте жестокосердіе ваше, мужи Іуды и обитатели Іерусалима“ (Іерем. 4, 4). Поистинѣ, кто обрѣзываетъ себѣ плоть, тотъ обрѣзанъ для одной только плоти,—

а кто получилъ обрѣзаніе въ духѣ чрезъ вѣру во Христа, тотъ одному только Богу и истинно обрѣзывается.

Но обрѣзаніе въ духѣ, возводящее насъ къ общенію съ Богомъ, мы принимаемъ въ осьмый день, тоестъ въ день воскресенія Спасителя, полагая это знаменіемъ того, что обрѣзаніе въ духѣ служитъ причиною жизни, и нѣкоторымъ образомъ посредствомъ самого дѣла соглашаясь жить вмѣстѣ со Христомъ, по сказанному Павломъ: „ибо умерли вы, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ: когда Христосъ явится, жизнь ваша, тогда и вы съ нимъ явитесь во славу“ (Кол. 3, 3—4). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не справедливо будетъ сказать, что долженъ умереть для міра тотъ, кто откажется отъ удовольствій въ мірѣ для Бога? Таковымъ оказывается и божественный Павелъ, говоря: „а я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Христовымъ, которымъ для меня міръ распятъ и я для міра“ (Гал. 6, 14). Ставъ причастникомъ его посредствомъ Духа, нерукотворно обрѣзающаго въ насъ всю нечистоту, мы должны умереть для міра и жить лучшею жизнію для Бога. Итакъ, въ осьмый день обрѣзаніе совершается—ради воскресенія Христа, и не прежде осьмаго дня, ибо не прежде воскресенія совершается дарованіе Духа, но послѣ него или во время самого воскресенія, когда дунулъ на Своихъ учениковъ и сказалъ: „пріимите Духа Святаго“ (Іоан. 20, 22). Такимъ образомъ Іудеямъ вполнѣ приличествуетъ обрѣзаніе посредствомъ желѣза, ибо они еще рабы и подъ наказующимъ закономъ,—а желѣзо есть символъ наказанія,—намъ же, какъ свободнымъ и духовнымъ—очищеніе чрезъ Духа, уничтожающее всякую скверну нашихъ душъ и вносящее совершенную чистоту благочестія чрезъ вѣру.

Что наивысшая ступень совершенства въ благочестіи достигается посредствомъ истиннаго и духовнаго обрѣзанія, въ этомъ мы можемъ удостовѣриться опять чрезъ разсмотрѣніе написаннаго о патріархѣ Авраамѣ. О праотцѣ Авраамѣ написано, что когда ему было девяносто девять лѣтъ, тогда Богъ почелъ полезнымъ установить законъ объ обрѣзаніи, полагая это очевиднѣйшимъ знаменіемъ того, что обрѣзаніе есть какъ бы нѣкое преддверіе и предварительное введеніе къ совершенству добродѣтели, а вѣрнѣе—ясно указуя этимъ на то, что никто никогда отнюдь не достигнетъ этого, если не будетъ имѣть очищенія, сѣновно изображаемаго чрезъ обрѣзаніе. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь число сто есть символъ совершенства, и обрѣзаніе такимъ образомъ (дано) прежде совершенства, ибо предшествуя ему (совершенству), оно (обрѣзаніе) легко возводитъ насъ къ нему. Однакожъ не ограничивается только этимъ однимъ польза обрѣзанія для насъ, разумѣю обрѣзаніе въ духѣ, но мы найдемъ его нужнымъ даже и для тѣхъ, кои суть свободны во Христѣ. А свободенъ во Христѣ безъ сомнѣнія тотъ человѣкъ, который свергъ съ себя рабство діаволу и иго грѣха, „расторгши узы ихъ“, какъ написано (Псал. 2, 3) и облекшись въ славную и свободную отъ тиранніи похвалу правды, разумѣю правду вѣры Христовой.

Изслѣдуя священное и божественное писаніе, мы получимъ опять совершенно несомнѣнное удостовѣреніе въ томъ, что обрѣзаніе въ осьмый день приличествуетъ именно свободнымъ, а не тѣмъ, кои еще рабы. Такъ Измаиль, сынъ, рожденный патріарху отъ служанки Агари, хотя и былъ обрѣзанъ, но не въ осьмый день, а напротивъ—на тринадцатомъ году. Написано именно такъ, что Авраамъ обрѣзалъ Измаила сына своего тринадцати лѣтъ (Быт. 17, 25), чѣмъ бо-

жественное слово указываетъ намъ на то, что сынъ рабствующаго Іерусалима, тоестъ Израиль, находится внѣ и осьмаго дня и двѣнадцатаго. Онъ—внѣ осьмаго дня, такъ какъ не пожелалъ принять спасительной проповѣди о бывшемъ въ осьмый день воскресеніи, тоестъ Евангелія Христова, посредствомъ коего стала несомнѣнною польза обрѣзанія въ духѣ и для вѣры. Онъ—внѣ также и двѣнадцатаго, такъ какъ какъ бы въ загадкѣ своимъ невѣріемъ изгоняетъ священный хоръ апостоловъ и предпочитаетъ остаться невкусившимъ и совершенно не испытавшимъ ученія отъ нихъ. Такъ (прообразованъ) слуга здѣсь. А свободный (рожденный) отъ свободной Исаакъ обрѣзается въ осьмый день, ибо свободныя дѣти свободной, тоестъ вышняго Іерусалима, принявъ осьмый день, тоестъ воскресеніе Христова, получили и обрѣзаніе въ духѣ, освободившее ихъ отъ всякаго грѣха, а также избавляющее и отъ смерти, какъ скоро и отъ грѣха, отъ коего и ради коего—смерть, и приводящее къ жизни Христовой.

Точно также, изслѣдуя книгу подъ названіемъ „Исходъ“, мы, кромѣ прежде уже сказаннаго, легко усмотримъ и то, что обрѣзаніе въ духѣ оказывается уничтоженіемъ смерти и отвращеніемъ тлѣнія. Блаженный Моисей божественнымъ повелѣніемъ послался къ Египетскому тиранну Фараону съ вѣстію, что ему подобаетъ освободить Израиля отъ столь продолжительнаго рабства. И вотъ онъ пошелъ, чтобы исполнить то, о чемъ мы сказали. Но „случилось, сказано, на пути, на (мѣстѣ) остановки, встрѣтилъ его Ангель ¹⁾ и хотѣлъ его убить. Но Сепфора, взявъ камешекъ, обрѣзала крайнюю плоть сына своего и

---

¹⁾ Сл. *χρῖος* какъ *codex Ambrosianus*.

сказала: стала ¹⁾ кровь обрѣзанія дитяти моего; и отошелъ отъ него, потому что сказала: стала кровь обрѣзанія дитяти моего“ (Исх. 4, 24—26). Здѣсь внимательно слушай меня. Называемый ангеломъ хотеть умертвить и убить Моисея, но едва удаляется отъ него и отступаетъ изъ боязни предъ обрѣзаніемъ младенца, которое совершивъ посредствомъ (остраго) камешка, Сепфора говоритъ, что исполнила долгъ, ибо „стала кровь обрѣзанія дитяти моего“ вопіеть она, устрашая того, кто хотѣлъ умертвить Моисея. Но если бы здѣсь не скрывался и какой либо таинственный смыслъ, то скажи мнѣ: какой вѣроятный смыслъ могъ бы оказаться въ томъ, что священновождь Моисей спасается обрѣзаніемъ дитяти, а устремлявшійся подобно звѣрю губитель, при появленіи крови, прекратилъ свое нападеніе, отступилъ и обратился вспять? Итакъ,—обращусь къ изложенію главнѣйшей мысли,—благо (обладанія) или похвала собственнымъ своимъ обрѣзаніемъ были недостаточны для спасенія блаженному Моисею,—могу лучше высказать это такъ: сила подзаконнаго обрѣзанія не въ состояніи отвращать смерти, постигающей всякаго безъ различія (человѣка), какъ дурнаго такъ и хорошаго, а обрѣзаніе новаго народа, то есть увѣровавшихъ во Христа, въ духѣ надлежащимъ образомъ совершаемое Сепфорою, то есть Церковію, даже невольно устрашаетъ и отвращаетъ (всякаго) неистовствующаго.

Но какимъ же образомъ, можетъ весьма справедливо спросить кто либо, при духовномъ обрѣзаніи новаго народа остается (существующимъ) и не испытавшій его Израиль? На это скажемъ, что поскольку

---

¹⁾ Въ Ват. код. Кир. вм. *ἵσθη*, чит. въ обоихъ случаяхъ: *ἵσθη*. Въ Евр. „ты женихъ крови у меня“ и: „женихъ крови по обрѣзанію“ и Ак Сим. Θεод.

дѣло касается до нежеланія Израиля принять воскресеніе Спасителя нашего Христа, должна бы воцариться смерть, и на всегда. Но поелику увѣровавшіе приняли (воскресеніе Христа), то ради нихъ благодать воскресенія перешла на всю природу, посредствомъ обрѣзанія въ духѣ простираясь нѣкоторымъ образомъ на всѣхъ. Впрочемъ великое различіе оказывается между воскресеніемъ тѣхъ и другихъ. Отвергающіе вѣру во Христа и невѣріемъ своимъ оскорбляющіе Подателя жизни приобрѣтутъ отъ воскресенія одну только способность къ оживленію, но оживутъ въ осужденіе не возлюбившіе оправдывающаго Христа. Почитатели же воскресенія Спасителя и истинные хранители заповѣдей „въ воскресеніе жизни“, какъ написано (Іоан. 5, 29), уйдутъ съ земли, въ которой находятся (теперь). Такимъ образомъ народъ, обрѣзанный въ духѣ, пошлетъ собственное свое благо также и на невѣрныхъ, ибо ему собственно подобаешь благодать воскресенія, но онъ распространить ее и на другихъ, благодаря премудрому желанію Бога спасти всю природу. Такъ и Павелъ говоритъ, что какъ ^{мч} были непослушны нѣкогда для помилованія ¹⁾ Израиля, дабы чрезъ благопослушаніе ¹⁾ ихъ мы приобрѣли благодать Христову, „такъ и они теперь непослушны (оказались) для нашего помилованія, чтобы и они опять были помилованы“ (Римл. 11, 31), такъ какъ Спаситель нашъ Христосъ чрезъ нашу вѣру посылаетъ и на нихъ благо воскресенія. Что подобаешь вѣрующимъ, то соотвѣтственно даруется цѣлой природѣ. Поэтому то и богоглаголивый апостоль Павелъ, открывая намъ тайну о будущемъ воскресеніи, говоритъ, что въ качествѣ начатка воскреснетъ Христосъ; ибо Онъ воз-

¹⁾ Лат. невѣрно: *non credidimus in misericordiam Israelis*,—Pusey невѣрно предполагаетъ конъектуру: *ἀπειθείας* вмѣсто: *εὐπειθείας*.

сталъ первымъ изъ мертвыхъ, но „потомъ, говорить, Христовы въ пришествіе его“ (1 Кор. 15, 23). Прежде всѣхъ, говорить, прочихъ должно будетъ воскреснуть соединившимся съ Нимъ посредствомъ вѣры, показывая, что воскресеніе преимущественно, собственно и исключительно имъ подобаетъ, хотя и распространяется на всю природу, очевидно по благости и челоуѣколюбію Бога, восхотѣвшаго всесовершенно упразднить смерть.

Замѣчай, что не желѣзомъ (желѣзнымъ ножемъ) Сепфора обрѣзаетъ дитя, ибо желѣзо служитъ для наказанія и приличествуетъ находящимся подъ наказующимъ закономъ,—но „камешкомъ“ (острымъ), какъ написано (Исх. 4, 25), понимаемымъ въ значеніи образа Христа, ибо этимъ указывается на непреложность и твердость во всемъ природы Единороднаго. Поэтому Богъ и Отецъ чрезъ святыхъ пророковъ называлъ Христа и „адамантомъ“ (алмазомъ), говоря такъ: „вотъ Я влагаю адамантъ въ средину народа Моего Израиля“ (Ам. 7, 8). Адамантъ образно опять указываетъ намъ на то, что божественная и неизреченная природа Слова отнюдь не можетъ уступать противникамъ Своимъ.

Такимъ образомъ и божественный Иисусъ, послѣ военачальствованія Моисея и его кончины призванный для предводительства (Израилемъ), по божественному опредѣленію дѣлалъ чистыми сыновъ Израиля. И такъ какъ имъ подобало возставать противъ непріятелей, то и благовременно приказывалъ имъ какъ бы напередъ вооружиться посредствомъ обрѣзанія, зная, что иначе не избѣгнуть пораженія и не спасутся отъ смерти уже долженствовавшіе немедленно же начать сраженіе.

Написано же о немъ такъ: „и сказалъ Господь Ии-

сусу: сдѣлай себѣ ножи каменные изъ камня остраго и. сѣдши, обрѣжь сыновъ Израиля ¹⁾); и сдѣлалъ Иисусъ ножи каменные и обрѣзалъ сыновъ Израиля“ (Ис. Нав. 5, 2—3). Наименованіе „камня“ здѣсь указываетъ намъ какъ бы на твердость и несокрушимость Божія Слова. А названіе его „острымъ“ обозначаетъ Его силу тонко проникать во все и острѣйшую Его дѣйственность, какъ и Павелъ, воспитанный на священныхъ и божественныхъ писаніяхъ, называетъ намъ Божественное Слово „живымъ и дѣйственнымъ, и острѣйшимъ болѣе всякаго меча обоюдоостраго“, и говоритъ, что оно проникаетъ „до раздѣленія души и духа“ (Евр. 4, 12). Столь тонкое и острое, проникая въ наши сердца чрезъ Собственнаго Духа ²⁾, Оно освобождаетъ отъ всякой нечистоты. Обрѣзая неизреченнымъ образомъ то, что наполняетъ насъ превеликою мерзостію, Онъ дѣлаетъ насъ и святыми и непорочными. Замѣчай, пожалуйста, здѣсь яснѣйшій образъ истины. Обрѣзывающій Иисусъ, а подвергающіеся этому отъ него суть „всякое дитя молодое“, какъ написано, „которое не знаетъ сегодня добраго или злаго“ (Второз. 1, 39). Такъ вышедшіе изъ Египта имѣли на себѣ божественный гнѣвъ возмездіемъ за непослушаніе и разнообразныя наказанія постигали ихъ въ пустынѣ, такъ какъ всесвятому Богу благоугодно было справедливо не вводить ихъ въ землю, которою клялся отцамъ ихъ. Бывшіе же послѣ нихъ, какъ свободные отъ вины непослушанія, служили прообразомъ новаго народа, почему и принимаютъ обрѣзаніе въ духѣ чрезъ Христа, между тѣмъ какъ дре-

¹⁾ *ἐκ δειγέρων*—во второй разъ имѣющееся, соотв. евр. въ Алекс. кодексѣ, св. Кириллъ не читаетъ согл. Ватик. При рецензій этого мѣста могъ имѣться въ виду догматическій вопросъ о повторяемости крещенія.

²⁾ Лат. неточно: *pertingat usque ad nostrum spiritum*.

вній и прежній народъ, то есть Израиль, какъ только что говорили мы, приходитъ къ гибели.

Впрочемъ обрѣзается благородный и новый народъ тогда, когда Иисусъ далъ повелѣнiе объ этомъ за Иорданомъ, какъ написано (Ис. Нав. 5, 1). Такъ это и въ созерцаемой истинѣ (Новаго Завѣта), ибо мы отнюдь не можемъ воспринимать обрѣзанiе въ сердцѣ чрезъ Духа, если еще не перешли таинственный Иорданъ, но пребываемъ по ту сторону святыхъ водъ.

Послѣ же того, какъ весь народъ былъ обрѣзанъ по повелѣнiю Иисуса, Законодатель тотчасъ же открываетъ пользу этого дѣла и говоритъ къ святому Иисусу: „въ сегодняшнiй день Я снялъ позоръ Египетскiй съ васъ“ (Ис. Нав. 5, 9). Въ чемъ же мы должны опредѣлять пользу Израиля отъ обрѣзанiя? Или какой скажемъ позоръ снятъ былъ съ него?— Очевидно рабство, подпаденiе по бесилию жестоковластiю и кромѣ того труды надъ глиною и дѣланiемъ кирпичей. Смотри же отъ сколькихъ золь освобождаетъ сила обрѣзанiя, понимаемаго какъ обрѣзанiе въ духѣ. Оно извлекаетъ человѣческую душу изъ руки діавола, дѣлаетъ ее свободною и отпущенною отъ жестоковластвующаго въ насъ грѣха и являетъ ее выше всякаго жестоковластiя злыхъ демоновъ. Но избавляетъ ее и отъ глины и дѣланiя кирпичей, ибо уже не дозволяетъ ей оскверняться удовольствiями плоти или грязниться земными трудами, — освобождаетъ также и отъ смерти и тлѣнiя. И не въ этомъ только заключаются всѣ благiя слѣдствiя (духовнаго) обрѣзанiя, но оно дѣлаетъ (духовно обрѣзанныхъ) и общниками божественной природы чрезъ причастiе Спасителя нашего Христа (2 Петр. 1, 4).

Къ сказанному писатель книги присоединяетъ еще (5, 10—11), что „и совершили сыны Израиля пасху

въ четырнадцатый день мѣсяца, и вкушали отъ пшеницы земли (той) опрѣсноки и новины“ ¹⁾). Невозможно иначе причаститься Истинному Агнцу, вземлющему грѣхъ міра (Іоан. 1, 29), и обрѣсти опрѣсночную и новую пищу евангельской проповѣди, какъ по предварительномъ прохожденіи таинственнаго Іордана и полученіи обрѣзанія отъ Живаго Слова, напередъ уничтоживъ позоръ Египта, какъ бы нѣкую скверну души, только что изъясненнымъ нами образомъ.

Что Богъ ненавидитъ необрѣзаннаго еще, какъ исполненнаго всякой нечистоты и позора, не плоть конечно презирая, которую Онъ удостоилъ создать, но крѣпко еще и всецѣло, такъ сказать, преданнаго порочнымъ удовольствіямъ, потому что нисколько не отвергаетъ ихъ,—это мы также узнаемъ, когда найдемъ Его говорящимъ къ святому Моисею и Аарону; „вотъ законъ пасхи: всякій инородецъ (да) не ѣсть отъ нея, и всякаго слугу чьего-либо и купленнаго за деньги—обрѣжь его (сначала), и тогда (да) ѣсть отъ нея“ (Исх. 12, 43—44). Итакъ, совершенно исключаетъ иноплеменника, обозначая этимъ того, кто еще не вступилъ посредствомъ вѣры въ общеніе со Христомъ: рабствующаго грѣху и нѣкоторымъ образомъ проданнаго діаволу считаетъ благовременнымъ допускать до прикосновенія къ священнымъ мясамъ (только) по предварительномъ обрѣзаніи и очищеніи его. Вѣдь мы только чистые должны чисто пріобщаться ко Христу, какъ объ этомъ прекрасно возглашается въ церквахъ: „святая святымъ“. И дѣйствительно, вполне справедливо и прилично, чтобы, въ соотвѣтствіе смерти за насъ Спасителя нашего Христа и очищенія насъ не подзаконными окропленіями, но Собственною Его

---

¹⁾ Прѣсные хлѣбы изъ новой пшеницы.

кровію, и мы посвятили Ему свою собственную жизнь и въ качествѣ справедливаго долга рѣшились жить уже не для себя, но воздавать за это всецѣлымъ приношеніемъ нашихъ душъ на освященіе.

Что честная кровь и смерть умершаго за всѣхъ Христа какъ спасаетъ насъ отъ всякаго зла, такъ и дѣлается виновницею обрѣзанія духовнаго, посредствомъ коего мы приобретаемъ общеніе съ сущимъ надъ всѣмъ Богомъ, это мы можемъ усматривать также и изъ того мѣста, гдѣ о бывшемъ послѣ Моисея вождѣ, разумѣю опять Иисуса Навина, написано вотъ что: „и было послѣ того, и умеръ Иисусъ сынъ Навинъ, рабъ Господень, ста десяти лѣтъ: и погребли его въ предѣлахъ удѣла его,—тамъ положили съ нимъ въ гробъ, въ коемъ погребли его тамъ, ножи каменные, коими обрѣзали сыновъ Израиля“ (Ис. Нав. 24, 30—31). Блаженный Иисусъ послѣ смерти погребается, а ножи, послужившіе въ образъ обрѣзанія, благополучно прикрѣпляются къ памятнику, дабы мы чрезъ это разумѣли опять, что благодать духовнаго обрѣзанія, эта поручительница для насъ всѣхъ небесныхъ благъ, прикрѣплена къ смерти Спасителя нашего Христа.

Итакъ, подѣ обрѣзаніемъ въ осьмой день мы, не разумѣя ничего Іудейскаго, должны понимать очищеніе чрезъ Духа, вѣрою и воскресеніемъ Христа,—отверженіе всякаго грѣха, уничтоженіе смерти и тлѣнія, причину святости и общенія со Христомъ, изображеніе свободы, путь и дверь общенія съ Богомъ.

Но уже достаточно собранныхъ нами отовсюду духовныхъ умозрѣній объ этомъ, раздѣленныхъ, какъ оказалось нужнымъ, на двѣ главы, изъ коихъ въ каждой мы исполнили исчерпали подобающій ей предметъ. Остается нужнымъ сказать о томъ, чего именно

ради духовное обрѣзаніе оказывается выше даже и почитанія субботы, такъ какъ обрѣзаніе допускается и въ субботу, не взирая на законъ о покоѣ во время ея?

Покой въ седьмой день означаетъ отдыхъ и удаленіе отъ всякаго зла и свободу отъ грѣха,—ничто иное какъ это же, но другимъ образомъ, означаетъ также и обрѣзаніе въ духѣ, потому что отдыхъ отъ зла, думаю, очевидно заключаетъ въ себѣ удаленіе отъ излишества похотей и многочисленныхъ удовольствій. Поэтому обрѣзаніе мы должны находить не только никоимъ образомъ не нарушающимъ закона о субботѣ, но даже и содѣйствующимъ ему и какъ бы сходящимся съ нимъ въ одной и той же цѣли, ясно возвѣщающимъ, что надо отдыхать и освобождаться отъ зла, такъ что одно и то же суть оба, разумѣю обрѣзаніе и покой въ субботу, поскольку въ нихъ обоихъ со всею справедливостію можно усматривать направленіе къ одной цѣли. Вѣдь не грубому образу исторіи должны мы внимать, но устремляться духовно къ откровенію Духа.

Итакъ, невиннымъ оказывается и полезнымъ совершение обрѣзанія въ субботу, если по слову Спасителя „нарушаютъ священники въ храмѣ субботу“, совершая въ нее священнодѣйствія и не прекращая обычныхъ службъ, „и невиновны суть“ (Матѣ. 12, 5), какъ весьма ясно и со всею справедливостію засвидѣтельствовалъ имъ Самъ Судія. И дѣйствительно, какое можетъ быть время, въ которое намъ подобало бы воздерживаться отъ дѣлъ священныхъ и благоугодныхъ Богу? Въ какое время не вредно прекращать заботу о благочестіи? Субботній покой, слѣдовательно, требуетъ прекращенія и оставленія зла и одного только мерзостнаго грѣха, но отнюдь не препятствуетъ услаждаться священными дѣлами,—и что каждый считаетъ

полезнымъ для своей души, это онъ дозволяетъ безвинно и право совершать со всѣмъ стараніемъ. Такое же самое полезное значеніе, какъ видишь, заключается и въ обрѣзаніи, ибо въ отсѣченіи порочныхъ удовольствій оказывается появленіе бездѣйствія по отношенію ко грѣху и начало священнѣйшаго служенія въ духѣ и истинѣ.

Но хотя между ними (субботою, какъ символомъ бездѣйствія въ отношеніи ко грѣху, и обрѣзаніемъ, какъ символомъ служенія въ духѣ и истинѣ) различіе и малое, однакоже необходимое, ибо постановленіе совершать ихъ ни въ (одинъ и тотъ же) седьмой, ни также въ (одинъ и тотъ же) осьмой день даетъ разумѣть, что значеніе каждаго нѣсколько различается. И это, какъ мнѣ кажется, имѣетъ нѣкоторый не маловажный смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, воздержаніе отъ зла еще отнюдь не есть и отверженіе зла. Страсти часто бездѣйствуютъ въ насъ не потому, чтобы они были совсѣмъ внѣ нашей души, но потому, что цѣломудреннымъ разумомъ, какъ бы уздою какою, насильно приводятся въ несоотвѣтствующее имъ спокойствіе, равно какъ невольны уступаютъ и подвижническимъ трудамъ. А удалить отъ себя страсть, насколько это подобаешь человѣку, конечно есть совсѣмъ другое нѣчто и гораздо большее, чѣмъ воздержаніе отъ страсти. Въ виду сдѣланныхъ разсужденій уже можно понять, что до отверженія въ себѣ страстей, которое обозначается чрезъ обрѣзаніе, или паденій по похоти мы можемъ достигать не прежде, какъ напередъ освободившись отъ дѣйственной силы зла и поставивъ какъ бы въ бездѣйственность направляющіяся ко грѣху движенія души. Тогда, воспользовавшись этимъ, какъ бы нѣкою ступенью, мы легко взойдемъ уже къ боль-

шему и высшему (состоянію), разумѣю всецѣлое отсѣченіе страстей.

Но воздержаніе отъ страсти имѣетъ нѣкоторую зависимость и отъ нашего собственного произволенія, ибо мы можемъ прекращать зло, отдавая перевѣсъ болѣе лучшимъ изъ нашихъ собственныхъ желаній. А освободиться отъ страсти зависитъ конечно не отъ насъ, но это есть дѣло, поистинѣ подобающее Христу, пострадавшему за насъ, дабы и всѣхъ преобразить въ обновленіе жизни (Римл. 12, 2). Вотъ поэтому-то обрѣзаніе справедливо получило себѣ осьмый день, такъ сказать обновительный, указующій время воскресенія. А покой (субботній) — седьмой, сосѣдній (съ тѣмъ), но нѣсколько позади (его стоящій). Это потому, что временное и въ (человѣческой) волѣ (находящееся) воздержаніе (отъ страстей) нѣсколько отстаетъ и стоитъ немного позади всецѣлаго отсѣченія страстей.

Г Л А В Ы,

содержащіяся въ пятой книгѣ.

О томъ, что наши дѣла не подчинены часамъ вслѣдствіе какой-либо необходимости, какъ неразумно думаютъ Эллины, но по собственному произволію мы направляемся какъ къ добру такъ и ко злу,—и о томъ, что мы управляемся божественными мановеніями; предметомъ изъясненія служитъ изреченіе: „искаху убо, да имутъ Его: и никто же возложи на нь руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его“ (7, 30).

II. О томъ, что послѣ распятія Спасителя и по оживленіи Его изъ мертвыхъ твердо вселился въ насъ Святый Духъ; предметомъ служитъ изреченіе: „не у бо бѣ Духъ, яко Иисусъ не у бѣ прославленъ“ (7, 39).

III. О томъ, что не [дѣломъ] силы Иудеевъ было страданіе на крестѣ и не вслѣдствіе насилія кого либо умеръ Христосъ, но Самъ добровольно пострадалъ это за насъ, дабы встѣхъ спасти; предметомъ служитъ изреченіе: „Сія глаголы глагола Иисусъ въ газофилакѣи, уча въ церкви: и никто же ятъ Его, яко не у бѣ пришелъ часъ Его“. (8, 20).

IV. О томъ, что Сынъ есть Богъ по природѣ, не имѣющій никакого подобія съ тварью, поскольку дѣло касается существа; предлежитъ изреченіе: „вы отъ міра сего есте, азъ отъ міра сего нѣсмь“ (8 23).

V. О томъ, что Сынъ не менѣе Бога и Отца по силѣ и премудрости, напротивъ—есть (само)премудрость и сила Его; предлежитъ изреченіе: „о Себѣ не творю ничегоже, но, яко научи Мя Отець, сія глаголю“. (8, 28).

КНИГА ПЯТАЯ.

VII. 25. *Глаголаху убо нѣцыи отъ Іерусалимлянъ: не Сей ли есть, Егоче ищутъ убити?*

Во время праздника, названнаго въ законѣ кущепоставленіемъ, когда со всей, такъ сказать, округи, согласно постановленію законодателя, Іудеи собирались въ Іерусалимъ, Христосъ обращался съ ученіемъ ко всѣмъ, такъ какъ Онъ безъ сомнѣнія говорилъ не къ однимъ только горожанамъ. Поэтому любознательному и благоразумному необходимо изслѣдовать, что побудило божественнаго Евангелиста представлять все прочее множество Іудеевъ молчащимъ, а однимъ только Іерусалимлянамъ усвоить такую рѣчь. О чемъ размышляя и что помышляя въ себѣ, они говорятъ это? Рѣчь облечена въ глубокій образъ: что же скажемъ объ этомъ?

Спаситель всѣхъ насъ Христосъ не мало совершилъ знаменій въ городѣ и часто жилъ въ Іерусалимѣ. Поэтому нѣкіе изъ горожанъ убѣждались и мало по малу приходили наконецъ къ желанію вѣровать въ Него, но не дерзали любить Его открыто и свободно, боясь дерзости своихъ начальниковъ и не изъ злоумышленія подвергаясь страху предъ наказаніемъ. Это ясно объявлялъ блаженный Евангелистъ уже ранѣе, сказавъ, что открыто никто не говорилъ о Немъ ради страха предъ Іудеями (7, 13).

Иудеями впрочемъ называетъ здѣсь начальниковъ, не рѣшаясь, какъ мнѣ кажется, такимъ потеряннымъ людямъ давать названіе начальниковъ. Итакъ, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ открыто и сильно возставалъ противъ безумія начальниковъ и весьма ясно избличалъ въ томъ, что они не обращаютъ никакого вниманія на законодателя, но каждый стремится исполнять свою волю и всѣ безумно склонились къ убійству, какъ къ чему-то, не заключающему въ себѣ ничего дурнаго, а между тѣмъ Онъ не подвергался за это ничему непріятному отъ тѣхъ, коимъ естественно бы было предать Его смерти. Вотъ это-то и берутъ въ доказательство и удостовѣреніе присущей Ему божественной власти *Іерусалимляне* и, принимая и это въ качествѣ какъ бы нѣкоего прибавленія къ прежнимъ уже чудесамъ и присоединяя ко всему предшествовавшему, увлекаются наконецъ горячими стремленіями къ вѣрѣ въ Него. Посему и говорятъ, собирая знаніе изъ здраваго разума: „не Сей ли есть, Кого ищутъ убить?“ Замѣтъ, какъ бы протягивая высоко правую руку и обводя туда и сюда, указываютъ на Обличителя и смѣются уже, видя усмиренною ихъ неукротимую ярость, не какимъ либо разсудочнымъ доводомъ, но божественною властію и силою.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что одни только Іерусалимляне говорятъ противоположное всему прочему множеству Іудеевъ. А какъ это, скажу. Когда Спаситель Христосъ предлагалъ однажды прекрасное ученіе, фарисеи ужасно разсвирѣпѣли за это и съ нескрываемою дерзостію рѣшили совершить убійство. Но на это онъ говорилъ имъ, избличая ихъ въ томъ, что какъ рѣшившіеся совершить убійство они суть преступники закона: „не Моисей ли далъ вамъ законъ? И никто изъ васъ не творитъ закона: зачѣмъ Меня

ищите убить?“ (7, 19). И это изреченіе со всею силою поражаело сердца начальниковъ. Однакожь многочисленная толпа поражается этими словами и, находя ихъ для себя невыносимыми, съ великою дерзостію отвѣтила, говоря: „*бѣса имѣешь: кто Тебя ищетъ убить?*“ (7, 20). Но, думаю, каждому очевидно, что Христосъ говорилъ это, когда созерцалъ фарисеевъ уже совершающими убійство. Не ясно ли, между тѣмъ какъ нѣкоторые отрицаютъ здѣсь и кричатъ: „*кто Тебя ищетъ убить?*“ Іерусалимляне только одни утверждаютъ противное прочимъ всѣмъ и говорятъ: „*не Сей ли есть, Кого ищутъ убить?*“ Хорошо сказано и это „*ищутъ*“, дабы эту дерзость приписать однимъ только начальникамъ. Итакъ, съ вѣроятностію можемъ заключать, что весь остальной народъ Іудейскій не зналъ о намѣреніи начальниковъ, а Іерусалимляне, какъ весьма къ нимъ близкіе и жившіе въ одномъ городѣ, постоянно съ ними встрѣчаясь, знали какъ бы о влитомъ въ нихъ нечестивомъ намѣреніи по отношенію къ Спасителю Христу.

И не однимъ только гласомъ Спасителя нашего обвиняется преступное сонмище Іудеевъ, но уже и самую подвластною имъ толпою, погибшею вслѣдствіе ихъ безумія и низринувшеюся въ пропасть. Вѣдь изъ сказаннаго можно видѣть, что она уже жаждала и какъ бы пылала къ вѣрѣ во Христа, нуждаясь въ совѣмъ маломъ руководствѣ, каковое если бы было, то легко приняли бы Сошедшаго къ намъ съ неба. Посему повинны въ гибели овецъ получившіе начальство, что засвидѣтельствуетъ опять пророкъ Іеремія, взывающій такъ: „*потому что пастыри обезумѣли и Господа не взыскали: посему не уразумѣло все стадо, и разсѣялись*“ (Іерем. 10, 21).

VII. 26. Се, не обинуюся глаголетъ, и ничесо же Ему не глаголютъ.

Усиливаютъ основанія достовѣрности и какъ бы восходятъ къ яснѣйшему доказательству, не видя препятствій дерзновенію Христа. Весьма справедливо поражаются, когда находятъ прежнихъ нечестивцевъ объатыми несвойственнымъ имъ и необычнымъ великодушіемъ и гордецовъ видятъ обнаруживающими странную для нихъ кротость. Отсюда приходятъ къ основательнымъ предположеніямъ. А чрезъ то опять, что удивляются ихъ незлобію и притомъ по отношенію къ такому предмету, за который и отнюдь не подобало гнѣваться, чрезъ это самое оказываются обвиняющими ихъ въ томъ, что для нихъ обычно было нападать на каждаго безразлично учителя добру и горячо устремляться на всякаго вообще, кто сталъ бы только говорить противорѣчащее имъ, хотя бы это и согласовалось съ божественнымъ закономъ. Вѣдь надменность фарисеевъ всегда была ужасная и дерзкое безуміе ихъ не знало мѣры. Кто же это, говорятъ, укрощаетъ ихъ въ настоящую минуту и кто на прежнюю неудержимую ихъ ярость наложилъ въ качествѣ узды цѣломудренный разумъ? Кто такимъ образомъ зачаровалъ ихъ и какъ бы змѣй какихъ всегда бросающихся направилъ къ кротости? *Вотъ съ дерзновеніемъ говоритъ и ничего Ему не говорятъ.* Не просто, сказано, *говоритъ*, но *съ дерзновеніемъ*. И это, полагаю, потому, чтобы кто не призналъ справедливость прекращенія ихъ гнѣва, если бы Тотъ, Кого искали, говорилъ тайно свои слова противъ нихъ. Вѣдь при незнаніи могъ бы конечно и не возбудиться гнѣвъ ихъ. Но слова Его были съ дерзновеніемъ и Онъ говорилъ горькія обличенія. Это, по моему мнѣнію, означаетъ слово

„дерзновеніе“. И не только воздерживаются отъ гнѣва, хотя и очень склонны были къ нему, но и медлительными оказываются даже и на слова, ибо *ничего Ему не говорятъ*.

VII. 26. *Еда воистину разумѣша князи, яко Сей есть Христосъ?*¹⁾

Видишь, какъ они, изъ основательныхъ мыслей и справедливыхъ заключеній пріобрѣтая вѣру, едва не негодуютъ на то, что начальники повидимому уже узнали Его, а между тѣмъ не принимаютъ Его очевидно изъ-за богоборства, не стѣсняются позорить Пришедшаго съ неба и завистливымъ молчаніемъ какъ бы даже затемняютъ Его прославленіе. Вѣдь если бы *не узнали*, говорятъ, *истинно, что Онъ есть Христосъ*, то что же заставляетъ ихъ удерживаться предъ Тѣмъ, Кто съ дерзновеніемъ изобличаетъ ихъ и даже повидимому вводитъ новые законы на мѣсто древнихъ, такъ какъ оказывается совершающимъ ищѣленія и въ субботу, и не мало оскорбляетъ ихъ, если неприкровенно говоритъ: „не Моисей ли далъ вамъ законъ, и никто изъ васъ не творитъ закона“ (7, 19). Переносятъ это, хотя и были расположены противъ этого и привыкли сильно нападать даже и на непричиняющихъ имъ никакого вреда. Такъ путемъ всякихъ разсужденій мало по малу пріобрѣтаютъ вѣру во Христа, но при этомъ усвояютъ истинное знаніе и своимъ начальникамъ, какъ прежде нихъ изу-

¹⁾ *αληθως* предъ *ερωτασαν* чит. и Сир. (син. кур. Іер.) и Слав. Тип. нед. 12 въ и Ал.: истинно познаша, и Кир. еще въ толк. ст. 30—ниже, но оп. 33. d. scr. Сир. пеш. Саг. Ээ, Таціанъ (у Ефр. Moes. 210 и Ciasca S 28). Вм. *αρχοντες* Слав. князи чит. *αρχοντες* N. a. Епиф. (ιερεες) Саг. (οι αρχ. και οι αρχ.). *εστιν* безъ *αληθως* чит. N. B. D. Ит. (мн.) Вг. Сир. (кур. и сич.) Саг. Копт. Арм. Ор. Епиф. съ *αληθως* мн. поздн. майюск. Гот. Сир. (пеш. геракл. и Іер.) Ээ. и Тац. ib. также Слав. тиц. и Ал.: *воистину*.

чившимъ священныя книги и болѣе ихъ самихъ могущимъ разумѣть тайны въ божественныхъ писаніяхъ. Замѣть, что народъ іудейскій всегда готовъ былъ немедленно слѣдовать за своими начальниками, который безъ сомнѣнія и получилъ бы спасеніе, если бы былъ руководимъ своими начальниками къ правому. Поэтому то они и подвергнутся тяжкимъ наказаніямъ, когда и Самъ Спаситель обвинялъ ихъ, говоря: „горе вамъ законникамъ, потому что взяли вы ключъ познанія,—сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“ (Лук. 11, 52). Вѣдь дверью какъ бы нѣкою и вратами къ богопознанію и путемъ, легко ведущимъ ко всякой добродѣтели, служить слово учащихъ правому и знаніе пасущаго можетъ охранять пасомое стадо, какъ и противоположное (невѣжество) легко губить и низвергаетъ пасомыхъ въ пропасть, даже противъ ихъ воли.

VII. 27. Но Сего вѣмы, откуда есть: Христосъ же, егда приидетъ, никто же вѣсть, откуда будетъ ¹⁾.

Но по однимъ только внѣшнимъ основаніямъ и потому, что начальники терпѣливо выносили Его обличенія, умъ Іерусалимлянъ не приобрѣтаетъ (полной и истинной) вѣры. Вполнѣ правильно составивъ надлежащія заключенія и получивъ истинныя представленія о Христѣ посредствомъ присущей Ему божественной власти, уже правильно руководимые къ воспріятію благочестія (христіанской религіи), они однакожъ не замѣтно опять впадаютъ въ собственное Іудеямъ невѣжество. Послѣ вышеуказанныхъ прекрасныхъ разсужденій, они повидимому желаютъ отовсюду уловлять истину и не вслѣдствіе

---

¹⁾ Кир. чит. *ἴδῃ* въ толкованіи, какъ G и нем. (ср. N *), а въ текстѣ *ἔρχεται*, какъ N др. мн. но B. D. др. мн. *ἔρχεται*.

одного только молчанія начальниковъ и необычной ихъ кротости идутъ къ вѣрѣ, даже изслѣдуютъ и само священное писаніе, призываемые къ этому здравымъ разумомъ, но однакожь совсѣмъ невѣжественно и неразумно подвергая тайну изслѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи одного только того, что они знаютъ, откуда—Говорящій съ дерзновеніемъ, то есть изъ какого селенія является и отъ какихъ родителей произошелъ, они утверждаютъ, что Онъ не есть Предвозвѣщенный въ законѣ. Потомъ присоединяютъ къ этому: „а Христосъ когда придетъ, никто не знаетъ, откуда Онъ“. Вѣдь всякому очевидно, что по невѣжеству имъ пришлось впасть въ заблужденіе и въ этомъ. Но, думаю, надо изслѣдовать, откуда произошли у нихъ такія мысли. Что въ самомъ дѣлѣ заставило тѣхъ, кои такъ прекрасно о Немъ разсуждали, не считать Его за Христа по той именно причинѣ, что они знали, откуда Онъ? И почему присоединяютъ къ этому: „Христосъ когда придетъ, никто не вѣдаетъ, откуда Онъ“. Вѣдь вслѣдствіе этого то наконецъ они и не достигаютъ истины.

Имѣется у Исаи одно изреченіе о Христѣ такое: „родъ Его кто изъяснить? потому что вземлетъ отъ земли жизнь Его“ (Иса. 53, 8). Но блаженный пророкъ употребляетъ это изреченіе о Богѣ Словѣ и „родъ“ говоритъ вмѣсто „существованія“. Кто въ самомъ дѣлѣ въ состояніи выразить словомъ образъ существованія Единороднаго? Какой языкъ изъяснить неизреченное рожденіе Сына отъ Отца? Или какой умъ будетъ силенъ для этого? Что Онъ рожденъ отъ Бога и Отца, это мы знаемъ и этому вѣруемъ. Но какъ, это считаемъ недоступнымъ никакому уму и опаснымъ для изслѣдованія, ибо не должно искать глубочайшаго и изслѣдовать труднѣйшаго, но размышлять о томъ

что заповѣдано (Сир. 3, 21. 22) и непоколебимо вѣровать относительно Бога, „что Онъ существуетъ во истину и ищущимъ мздовоздаятелемъ бываетъ“ (Евр. 11, 6),—и уже не искать, по Писанію, того, что выше ума и разумѣнія, не только нашихъ, но и всякой твари или всякаго созданнаго разумнаго существа. Кто же поэтому Единороднаго „родъ изъяснить? ибо вземлется отъ земли жизнь Его“, то есть слово о существованіи Его выше всего, существующаго на землѣ, ибо жизнью и здѣсь опять называетъ существованіе.

Это сбило съ прямого пути безразсудный умъ Іудеевъ и отклонило отъ истиннаго разумѣнія о Христѣ, ибо не поняли, какъ кажется, что у святыхъ пророковъ обрѣтается двоякая о Немъ рѣчь. Такъ, когда они указываютъ на то, что Онъ явится съ плотію въ этой жизни, то выставляютъ на видъ Его рожденіе по плоти отъ Дѣвы: „ибо вотъ Дѣва во чревѣ будетъ имѣть и родить Сына“ (Иса. 7, 14), но также ясно возвѣщаютъ и о томъ, гдѣ Онъ имѣетъ родиться: „ибо и ты, Виелеемъ, домъ Ефраѣы, малъ ты, чтобы быть въ тысячахъ Іудиныхъ,—изъ тебя Мнѣ изыдетъ (Нѣкто), чтобы быть начальникомъ во Израилѣ, и исходы Его изъ начала отъ дней вѣка“ (Мих. 5, 2). А изъясняя, сколько возможно, неизреченное рожденіе Его отъ Бога и Отца, или говорятъ то, что мы уже выше сказали: „родъ Его кто изъяснить? потому что вземлется отъ земли жизнь Его“ (Иса. 53, 8), или въ вышеприведенномъ изреченіи прибавляютъ: „и исходы Его изъ начала отъ дней вѣка“, ибо исходами обозначаетъ здѣсь возсіяніе Единороднаго какъ бы изъ свѣта и прежде всякаго вѣка и дня и мгновенія исхожденіе какъ бы нѣкое изъ сущности Родителя въ собственное существованіе. Если такимъ образомъ

святое писаніе указываетъ намъ то и другое и священныя письма и говорятъ о томъ, откуда будетъ Христосъ по плоти, и чтутъ молчаніемъ Его неизслѣдимое существованіе отъ Отца; то какъ, основательно найдя Іудеевъ весьма невѣжественными, не сказать съ громкимъ смѣхомъ: изыскивать относящееся къ Нему должно не по одному только незнанію рода Христа, но и по знанію, кто Онъ и откуда явится по плоти.

VII. 28. Возва же Іисусъ, уча въ храмъ и глаголя: и Мене въсте, и въсте, откуда есмь ¹⁾.

Когда Іерусалимляне тихо шептали другъ другу вышеприведенныя слова, ибо не дерзали „говорить открыто по страху предъ Іудеями“, какъ написано, Христосъ опять божественно воспріемлетъ знаніе о томъ, что они говорили. И какъ разсуждалъ, что подобаетъ оказать помощь этимъ людямъ, то тотъ часъ опять божественно показываетъ въ Себѣ силу и ясно открываетъ, что Онъ имѣетъ знаніе о всемъ. Присемъ возвышаетъ гласъ Свой, хотя прежде и не имѣлъ Онъ обыкновенія дѣлать это, и избличаетъ опять ихъ въ томъ, что не имѣютъ твердаго ума богодухновеннаго писанія, и полагаетъ въ основаніе Своимъ словамъ нѣчто тайное и трудно воспріемлемое. Потомъ кромѣ того еще сильно убѣждаетъ ихъ въ томъ, что именно потому, почему они неразумно думали, что не должно вѣровать, поэтому то самому и надлежитъ вѣровать. Смысль этихъ словъ таковъ. Вы удивились, говорить, и весьма справедливо, потому что Мнѣ дѣйствительно присуща божественная сила, легко укрощающая даже и смертоубійственныя сердца Іудеевъ. Вѣдь они ищутъ убить Меня, по неложному

¹⁾ *Же*—древнесл. вм. поздн. *убо. въ храмъ* Тип. 12 в. вм. др. древнесл. *церкви.*

и точному слову вашему, и весьма великое старанье полагають на это. Но между тѣмъ какъ, говоритъ, Мнѣ бы надлежало отдаляться и уклоняться какъ можно далѣе отъ рѣшившихъ предать Меня смерти, Я однакожъ, нисколько не заботясь о безумномъ ихъ замыслѣ, напротивъ говорю съ дерзновеніемъ и избочаю оскорбляющихъ законъ Своимъ нежеланіемъ предать ихъ суду праведному. И отнюдь ничего не терплю (отъ нихъ за это). Нѣкогда страшные, они теперь невольно беззлобствуютъ, что является не плодомъ ихъ произволенія, но силою Моей власти. Вѣдь Я не позволяю имъ, хотя они и находятся въ бѣшенствѣ и раздражены до безчеловѣчнаго гнѣва, дерзать на преждевременное убіеніе Меня. Этому вы, говоритъ, вполнѣ справедливо поражаетесь и говорите, что начальники ваши истинно узнали, что Я Христосъ. Но слѣдуя въ этомъ надлежащему сужденію и склоняясь къ словамъ божественнаго писанія, вы должны бы были для своей пользы болѣе укрѣпляться въ познаніи Меня, а вы напротивъ — подверглись противоположному и соблазнилились. Вслѣдствіе только того, что вы знаете, откуда Я и отъ кого родился, рѣшили, говоритъ, что Я не Христосъ. Посему вѣдайте, что „и Меня знаете и знаете, откуда Я“, тоестъ божественное писаніе дало вамъ и Меня знать и откуда Я. Но если вамъ пришлось узнать, что Я Назаретянинъ или Вилееллянинъ и что родился отъ Жены, то ради этого вамъ совсѣмъ не подобаетъ подвергаться пороку невѣрія. Напротивъ, изъ сказаннаго обо Мнѣ и по причинѣ рожденія Моего по плоти, вамъ изъ этого слѣдовало бы приходиться къ воспріятію тайнъ, относящихся ко Мнѣ, а не отклоняться къ одному только изреченію пророка, который указываетъ неизреченное рожденіе отъ Бога и Отца.

VII. 28. *И о Себѣ не придохъ, но есть истиненъ
Пославый Мя.*

Въ видѣ защиты поражаетъ опять упорствовавшихъ въ продолжительномъ невѣрїи. Составивъ рѣчь съ немалымъ искусствомъ, всячески старается о томъ, чтобы не казаться подающимъ слушателямъ повода къ справедливымъ нападкамъ на Него, но, затемнивъ рѣчь нѣкоторою неясностію, устраняетъ тѣмъ чрезмѣрность гнѣва и умѣряетъ остроту возбужденія. Почему же это, говоритъ, послѣ того какъ Онъ часто и ясно возглашалъ, что посланъ отъ Бога и Отца, они доселѣ еще не вѣруютъ и, какъ скоро узнаютъ Его родъ по плоти, говорятъ что Онъ не есть проповѣданный въ законѣ и предвозвѣщенный святыми пророками,—даже едва не возражаютъ такъ: Ты говоришь ложь, пришелъ къ намъ по собственному желанію, а не стыдишься придумывать имя Отца. Поэтому, отклоня такого рода клевету ихъ, Онъ къ защитѣ присоединяетъ обличеніе и весьма предусмотрительно говоритъ: „не отъ Себя пришелъ Я, но есть истиненъ Пославый Меня“. Это вамъ, говоритъ, легко дерзающимъ на все и безразсудно бросающимся на какое угодно страшное дѣло, свойственно лжепророчествовать иногда, и называть себя посланными отъ Бога, хотя и безъ посланія Божія. Но Я не подобенъ вамъ и не буду подражать обычнымъ у васъ дерзостямъ: не пришелъ Я Самъ отъ Себя, ни самовѣстникъ Я, какъ вы, но съ неба явился Я,—истиненъ есть Пославый Меня, а не таковъ, какъ извѣстный вамъ лжелюбецъ, то есть діаволь, коего духъ приняли вы и дерзаете пророчествовать ложное. Итакъ, истиненъ Пославый Меня, а побуждающій васъ выдумывать слова Божіи не истиненъ, ибо лжець есть и отецъ лжи (ср. 8, 44).

А что мы найдемъ обычнымъ для Іудеевъ пророчествовать ложное, это можемъ безъ труда усмотрѣть при чтеніи пророческихъ рѣчей. Такъ Владыка всего весьма ясно говоритъ о нихъ: „не посылалъ Я пророковъ (этихъ), но сами они бѣжали, — не говорилъ къ нимъ, но сами пророчествовали“. (Іерем. 23, 21). И опять у Іереміи: „ложь пророки пророчествуютъ во имя Мое, Я не посылалъ ихъ и не говорилъ къ нимъ и не заповѣдалъ имъ; потому что видѣнія и гаданія и пророчества сердца своего они пророчествуютъ вамъ“ (Іер. 14, 14). Такъ изобличается здѣсь гордый Іудей въ томъ, что и самому Христу онъ усволяетъ присущую себѣ самому дерзость противъ Бога, то есть лжепророчество. Въ самомъ дѣлѣ, невѣровать Тому, Кто провозглашалъ Себя посланнымъ отъ Бога и Отца, чѣмъ другимъ можемъ быть въ концѣ концовъ, какъ не громкимъ крикомъ о томъ, что Ты лжепророчествуешь, подражая нашему въ отношеніи къ намъ.

VII. 29. Егоже вы не вѣдате, Азъ же вѣмъ Его, яко отъ Него есмь и Той Мя посла.

Вы, говорить, только что высказывали, что *Христосъ когда придетъ, никто не вѣдаетъ, откуда Онъ* Но какъ скоро это, правильно понимаемое, мнѣніе вы считаете за истинное, то Я соглашаюсь съ вашими словами о Немъ; истиненъ конечно Отецъ, отъ Коего Я, но вами не познанъ. Поэтому когда вы, говорить, разсуждаете о Моей тайнѣ такимъ неразумнымъ, но вамъ приятнымъ, образомъ и потомъ, зная кто Я и откуда по плоти, отказываетесь вѣровать; то по этому одному приміте вѣру, какъ скоро окажетесь не понимающими, откуда Я. А Я отъ *Отца, Коего вы не вѣдаете*, не зная Сущаго отъ Него, въ Коемъ одномъ только видимъ Отецъ, ибо видѣвшій Сына видѣлъ

Отца и знающій Сына не вѣдаетъ Родившаго. И такъ, и благодаря этому у нихъ отнимается всякое основаніе и они опять уличаются въ худоуміи, уже не находя никакого предлога для невѣрія, но только упрямствомъ своимъ отталкивая знаніе, дабы истиннымъ являлось и написанное: „вы видѣли часто и не сохранили; отверсты уши, и вы не слышали“ (Иса. 42, 20). А когда соглашается съ словами Іудеевъ, „никто не знаетъ, откуда будетъ, когда придетъ Христосъ“, то необходимо исключаетъ Себя Самого, какъ Богъ, изъ среды тварей и показываетъ Себя другимъ по природѣ и отличнымъ отъ всего прочаго, къ чему подобаешь относить слово „никто“, такъ что Онъ, говоритъ, отнюдь не не знаетъ вмѣстѣ съ тѣми Своего Родителя, но утверждаетъ, что со всею точностію знаетъ какъ Себя Самого такъ и Его. Это потому, что Онъ есть Богъ отъ Бога Отца, имѣющій нѣкое удивительное и чудное или Ему только Одному подобающее вѣдѣніе объ этомъ. Думаю, что Сынъ вѣдаетъ Отца не тѣмъ же самымъ образомъ, какъ и мы познаемъ. Вѣдь природа тварей въ богосозерцаніи доходитъ до одного только умопредставленія, не переступая подобающихъ ей границъ и даже невольно отказываясь постигнуть сокровенность неизреченной въ словахъ божественной природы. А явившійся отъ Бога Отца Единородный созерцаетъ въ Себѣ Самомъ всего Родителя и, живописуя въ собственной природѣ существо Родителя, вѣдаетъ Его такъ, какъ невозможно высказать, ибо неизреченна божественная природа.

Г Л А В А I.

О томъ, что наши дѣла не подчинены часамъ вслѣдствіе какой-либо необходимости, какъ неразумно думаютъ Эллины, но по собственному произволію мы направляемся какъ къ добру такъ и ко злу,—и о томъ, что мы управляемся божественными мановеніями.

VII. 30. Исаказу убо да имутъ Его Іудеи: и никто же возложи на нѣ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его ¹⁾.

Уязвленные обличеніями фарисеи, видя, что молчаніе здѣсь будетъ не безвреднымъ для ихъ упрямства и для народа полезнымъ, ибо они какъ будто соглашались (съ народомъ) признать наконецъ Его Христомъ,—обращаются къ обычной имъ дерзости и опять жаждутъ убійства. Отбросивъ уваженіе къ закону, какъ бесполезное для нихъ, не обращая никакого вниманія на содержащіяся въ священномъ писаніи постановленія и не удостоивъ памяти заповѣдь: „невиннаго и справедливаго не убивай“ (Исх. 23, 7), они страдаютъ несправедливѣйшею яростію противъ Христа. Но по божественной силѣ ихъ предпріятія опять обращаются въ совершенно противоположный имъ исходъ, ибо „не получить коварный добычи“, по написанному (Прит. 12, 27). Итакъ, „ищутъ Его схватить“, какъ говоритъ Евангелистъ, представляя свое молчаніе при обличеніяхъ добровольнымъ и самовнушеннымъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ гнѣвомъ отклоняя мысль, что они были (невольны) удержаны Имъ. Вѣдь это именно нѣкоторые изъ Іерусалимлянъ принимали за доказательство того, что Іисусъ есть Богъ по природѣ, говоря: „вотъ съ дерзновеніемъ

¹⁾ Замѣчательно, что *Іудеи* чит. и Остром. и Мст. но въ вариантахъ такого чтенія не имѣется. *Убо* поздн. вм. *же* древн., — также *да имутъ* вм. *яти* (и Св. Ал.)—послѣднее точнѣе.

говорить, и ничего Ему не говорят: неужели узнали начальники истинно, что Онъ есть Христосъ“ (7, 26). Но „Уловляющій мудрецовъ въ лукавствѣ ихъ“ (1 Кор. 3, 19) являетъ бездѣйственную дерзость разсуждавшихъ такъ, а тихо высказывавшіяся догадки и предположенія народа подтверждаетъ, ибо имъ препятствуетъ божественная сила, налагающая узду на ихъ беззаконія и ихъ замысламъ дозволяющая простираться только до однихъ попытокъ. Также и причину того, что они оказались не въ состояніи привести въ исполненіе предположенную цѣль, благополучно указалъ при этомъ премудрый Евангелистъ, ибо „еще не пришелъ, говоритъ, часъ Его“, часомъ здѣсь очевидно названъ время, и именно страданія и честнаго распятія. Вотъ и отсюда наконецъ развѣ не яснымъ становится для каждаго, что Христосъ отнюдь не пострадалъ бы, если бы не имѣлъ желанія пострадать? Вѣдь не по насилію Іудейскому, но добровольно Онъ возшелъ на крестъ за насъ и ради насъ. Поэтому то и говоритъ, отклоняя укоризну въ кажущемся безсиліи Своемъ: „никто не отъемлетъ душу Мою отъ Меня, Я полагаю ее Самъ отъ Себя; власть имѣю положить ее, и опять власть имѣю взять ее“ (10, 18). Онъ, какъ мы уже прежде сказали, не противъ воли претерпѣлъ за насъ крестъ,—Онъ Самъ Себя, какъ святую жертву, принесъ Богу и Отцу, купивъ кровію Своею спасеніе всѣхъ. Посему и говорилъ въ евангельскихъ проповѣдяхъ: „за нихъ Я свящу Себя“ (17, 19). „Свящу“ говоритъ здѣсь вмѣсто „привожу и посвящаю“, ибо свято приносимое въ жертву Богу. А что Онъ принялъ совершенно свободное отъ всякаго насилія чьего-либо закланіе за всѣхъ, это мы опять узнаемъ, когда выслушаемъ говорящаго въ псалмахъ къ Богу и Отцу: „жертвы и

приношенія Ты не восхотѣлъ, тѣло же совершилъ Мнѣ; всесожженій и (жертвъ) о грѣхѣхъ не возблагоджелалъ, тогда Я сказалъ: вотъ иду, во главѣ книги написано о Мнѣ — сотворить волю Твою, Боже“ (Пс. 39, 7—9). Видишь, что добровольно допускаетъ страданіе за всѣхъ, ибо „вотъ, говоритъ, иду“, а не по необходимости отъ кого либо другаго влекусь насильственно. Итакъ, избѣгаетъ теперешней дерзости начальниковъ, сохраняя страданіе для надлежащаго времени и являя божественнѣйшее во всемъ дерзновеніе.

Это считаю достаточнымъ для изъясненія даннаго изреченія. Но такъ какъ нѣкоторые изъ тайноводствуемыхъ, слыша слова „еще не пришелъ часъ Его“, по великому легкомыслію своему, кажется, увлекаются эллинскимъ и безумнымъ злоученіемъ, такъ что неразумно думаютъ, что человѣческія дѣла подчинены часамъ, днямъ и временамъ, то почитаю также необходимымъ нѣчто небольшое сказать и объ этомъ, если цѣль наша требуетъ посредствомъ всякихъ разсужденій доставлять пользу читателямъ. Чадамъ Церкви, воспитаннымъ на священныхъ писаніяхъ, для избличенія эллинской лжи и полнаго освобожденія отъ возникающаго отсюда лжеученія, полагаю, будетъ достаточно сказаннаго въ видѣ обвиненія или мудраго порицанія Павломъ къ нѣкоторымъ, имѣвшимъ такое настроеніе: „дни наблюдаете и мѣсяцы и времена и годы; боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился для васъ“ (Гал. 4, 10. 11). И въ самомъ дѣлѣ, говоря безъ всякой искусственности, вѣдь обьятый такимъ безуміемъ погубить свою душу и окажется безчестящимъ Самого Творца и Зиждителя всѣхъ насъ, Коему Одному только мудрое и основательное ученіе усвоетъ управленіе надъ нами. Они же, не разсудивъ правильно понять это, должны уничтожать зна-

ченіе Промысла и уже не вѣрятъ, что Владыка всяческихъ есть хранитель и распорядитель нашихъ дѣлъ, но должны усвоить власть надъ всѣми временами и часами, ставя тварь выше Творца и лишая одного изъ прекраснѣйшихъ свойствъ Того, Кому подобааетъ всякая честь и слава и поклоненіе, приписывая твари вышестварное и созданіямъ удѣляя то, чѣмъ подобааетъ вѣнчать Создателя. Но вина ихъ не останавливается на этомъ, но идетъ далѣе до гораздо худшаго сравнительно съ этимъ. Вѣдь они очевидно должны благолюбиваго Бога подвергать поношенію и врага всякаго грѣха называть совершителемъ зла. Въ самомъ дѣлѣ, если время сотворено Имъ, и часъ, и день, и годъ, а между тѣмъ эти послѣдніе приводятъ нѣкоторыхъ какъ бы по необходимости и насильственно къ невольному иногда худу и къ паденію возникающимъ отсюда бѣдамъ, то развѣ не ясною окажется истинность нашего разсужденія объ этомъ? И гдѣ же въ такомъ случаѣ окажется наконецъ сказанное премудрымъ Моисеемъ: „и видѣлъ Богъ все, что сотворилъ, и вотъ все прекрасно очень“ (Быт. 1, 31). Вѣдь однимъ изъ этого всего является и время, а во времени и часъ, день и годъ. Если же то, что око божественной природы видѣло хорошимъ, мы станемъ называть это виновникомъ худа, то не должны ли будемъ прямо признать, что Господь всяческихъ оказался Творцемъ постыднѣйшаго?

Думаю что и теперь уже должны устыдиться подверженные только что сказаннымъ нами заблужденіямъ. Но поелику нѣкоторые, кажется, не только хотятъ раздѣлять эллинскія суевѣрія, но даже и защищать ихъ, то это заставляетъ насъ разсмотрѣть и съ другой стороны присущую этому ученію нелѣпость и при помощи надлежащихъ умозаключеній постараться

противопоставить истину ихнему богохульству. И такъ, если по вашему мнѣнію время и часъ насильственно и принудительно заставляютъ насъ направляться къ добру или злу, то излишенъ, какъ оказывается, будетъ для насъ разумъ, направляющій къ каждому дѣлу, совѣтующій удалиться отъ худаго и повелѣвающій напротивъ стремиться къ похвальному. Какая же, скажи мнѣ, будетъ уже польза отсюда и какой добрый плодъ получится отъ разума, если я окажусь конечно въ страдательномъ состояніи и пойду, даже и противъ своей воли, къ тому, къ чему позоветъ часъ и захочетъ принудить время? Должно послѣдовать то же, что, говорятъ, бываетъ съ кормчими кораблей, которые отчаяваются во всякой надеждѣ спасти судно, если имъ случится подвергнуться опасности во время бури,—пускаютъ всѣ канаты, бросаютъ даже и самые рули, уже нисколько не надѣясь на свое искусство, и такимъ образомъ отдаются движеніямъ волнъ и носятся по морю. Изъ сказаннаго уже видно, что никакой пользы не будетъ для желающихъ добродѣтели и никакого вреда не явится для дѣлателей худаго, если мы не будемъ имѣть ни награды ни наказанія отъ Бога за каждое дѣяніе и получать возмездіе соотвѣтственно качеству дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, скажи мнѣ, часъ не опредѣлитъ ли нерѣдко прекраснѣйшее и время не принесетъ ли особенно полезное, хотя я и окажусь совершителемъ постыднѣйшаго? И наоборотъ, время не дастъ иногда ничего добраго, а напротивъ принесетъ, такъ сказать, все самое тяжелое тѣмъ, кои прекрасно разсудили, что слѣдуетъ предпочитать дѣланіе добра.

Но ничего подобнаго не можетъ быть, пожалуй скажетъ кто, но часъ и время даютъ каждому только подобающее ему.

Слѣдовательно время въ концѣ концовъ будетъ царить надъ нами? А достоинство Промысла мы должны будемъ усвоить часамъ, уже совсѣмъ не думая о Богѣ? Не станемъ ничего просить у Него посредствомъ молитвы, а у часа и времени? Что же слѣдуетъ отсюда? Станемъ поклоняться твари вмѣсто Творца и славу Создателя нечестиво присвоимъ созданному Имъ. Отсюда же мы безъ большаго труда можемъ усмотрѣть, что ихъ постыдство здѣсь и громадное нечестіе явно оказываются гораздо мерзостнѣе ихнихъ блудницъ, предающихся распутству.

Но ради пользы скажу и еще нѣчто, что приходитъ мнѣ на умъ. Излишне въ такомъ случаѣ, какъ кажется, божественные и человѣческіе законы опредѣляютъ любителямъ дурнаго подобающія имъ наказанія, а высоко цѣнящимъ желаніе жить благопристойнѣйшимъ образомъ назначаютъ почести. Вѣдь если совсѣмъ ничто не находится въ нашей волѣ, а подлежитъ необходимости, зависящей отъ часовъ и неизбежно и неотвратно ведущей къ тому и другому (доброму и худому), то развѣ справедливо будетъ съ нашей стороны признавать подобающими похвалы добрымъ людямъ, а не таковымъ, какъ бы въ качествѣ долга, воздавать противоположное (порицанія)? Зачѣмъ же, скажи мнѣ, и законы понуждаютъ насъ избѣгать худаго и стремиться къ хорошему, какъ скоро имѣются другія возжи нашихъ намѣреній, легко направляющія насъ, куда имъ угодно? Вѣдь человѣческія дѣла должны подлежать власти часовъ, какъ говорятъ они и желаютъ, нисколько не подумавъ о получающейся отсюда нелѣпости. И развѣ не должны они, даже противъ воли, утверждать, что получившій владычество надъ всѣмъ, что есть на землѣ, т. е. человѣкъ, окажется несчастнѣе даже самихъ безсло-

весныхъ животныхъ и будетъ проводить жалкую жизнь,—долженствующій имѣть преимущество по причинѣ природы своей получить мѣсто уже во второмъ, вѣрнѣе же въ послѣднемъ ряду? Въ самомъ дѣлѣ, если тѣ (животныя неразумныя) по собственнымъ своимъ влеченіямъ, безъ всякаго препятствія, направляются къ тому, что потребно имъ и можетъ быть полезнымъ, и избѣгать того, что оказывается вреднымъ, а мы будемъ находиться въ рабствѣ у суроваго властелина—времени и имѣемъ подобно скиптру висящую надъ нами неотвратимую и жестокую власть часовъ, то развѣ мы не оказываемся въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находятся тѣ?

Но быть можетъ устыдится пожелавшій защищать или вѣрнѣе лгать на часы и времена, ни для чего такого не созданные и, отклоняя нелѣпость въ этомъ ученіи, скажетъ: мы не утверждаемъ, любезнѣйшій, того, что часъ или время или година властвуютъ надъ человѣческими дѣлами, но говоримъ, что есть часы и времена дурные, кои иногда, наподобіе бурныхъ вѣтровъ, наносятъ намъ бѣды.

Но таковымъ возразимъ мы: о поврежденные умомъ и упившіеся чистымъ безуміемъ! Какъ это вы опять не замѣтили, что вооружаете свой умъ противъ Самой Верховной Сущности? Развѣ не окажется Она совершительницею дурнаго, если есть что либо плохое изъ созданнаго Ею? Но это, какъ уже ранѣе сказано, мы минуемъ, а стараемся убѣдить васъ особенно въ томъ, какимъ это образомъ часъ или время могли бы причинять намъ вредъ, или напротивъ доставлять радость, если бы Богъ не управлялъ всѣмъ, какъ Онъ велитъ и желаетъ соотвѣтственно тому, что подобаешь каждому, или опечалить или напротивъ обрадовать? Вѣдь мы слышали только что

ваши слова, что ничто наше не находится во власти у часовъ, однакожь нѣкоторыя есть по природѣ дурныя (часы) и подобно вѣтру стремительно несутся на насъ. Но, думаю, нѣтъ опять ничего труднаго доказать, что и это ваше разсужденіе исполнено крайней глупости. Кому же въ самомъ дѣлѣ не очевидно, что промежутокъ въ двѣнадцать часовъ распредѣляется такъ, что одни (двѣнадцать часовъ) принадлежать дню, а другіе ночи, а ночь и день не бываютъ для кого либо одного, а для другаго не бываютъ, но приходятъ для всѣхъ? Точно такимъ же образомъ и дурное по природѣ не бываетъ дурно для одного, а для другаго нѣтъ, но ни для кого либо однаго, ни для кого либо другаго, а напротивъ для всѣхъ въ равной мѣрѣ принесетъ вредъ, въ какой бы промежутокъ дня или ночи ни пришло оно. Но какъ же тогда оказывается возможнымъ въ одинъ и тотъ же день или часъ видѣть одного человѣка пребывающимъ въ благополучіи и наслаждающимся многими радостями, такъ что устраиваетъ блестящіе пиры и съ великимъ стараніемъ собираетъ гостей, а другіе находятся въ совершенно противоположномъ состояніи и иной нерѣдко готовится мучительною смертію разстаться съ жизнью. На какомъ основаніи, скажи мнѣ, и какимъ образомъ допустима возможность въ одинъ часъ и одно время видѣть одного въ такомъ, другаго въ иномъ состояніи? Какъ назовешь такой часъ? Дурнымъ или хорошимъ? Я не могу отвѣчать, видя то и другое въ одно время, одного наслаждающимся, а другаго находя мертвымъ, издыхающимъ и несчастнымъ. Развѣ поэтому не невѣжественнымъ баснословіемъ и изобрѣтеніемъ бѣсовскаго безумія должно оказаться ученіе о часахъ? Думаю, что всѣ безъ колебаній согласятся съ этимъ и осудятъ думающихъ такъ.

Можно, какъ кажется, удовольствоваться и сказаннымъ. Но чтобы не оставить никакого предлога для пустословія и не дать возможности для какихъ либо предположеній, перейду къ изложенію событій и сейчасъ сдѣланное разсужденіе запечатлѣю тѣмъ, что несомнѣнно было. Такъ однажды Ассиріяне окруживъ святой городъ, тоестъ Іерусалимъ, намѣревались вести осаду. Вождь ихъ, это былъ Рапсакъ, то коварными рѣчами сначала пытался укротить духъ его воиновъ, то старался сдѣлать это угрозами. Блаженный Езекия, облеченный тогда царскимъ саномъ, надѣялся не на свои войска, но возлагалъ получение побѣды на Бога всяческихъ и въ прилежнѣйшей молитвѣ призывалъ отъ Него только помощь себѣ. И Богъ тотъ часъ внялъ праведнику и вслѣдъ за молитвою оказалъ Свою благодать. „Вышелъ Ангелъ Господень, какъ написано, и истребилъ изъ стана иноплеменниковъ сто восемьдесятъ пять тысячъ“ (Иса. 37, 36). Что скажешь на это, любезнѣйшій? Въ одну ночь, въ тотъ же самый часъ и время, Ассиріянинъ подвергается истребленію отъ руки Ангела, а множество Іерусалимлянъ спасается,—одни оказываются въ бѣдѣ, другіе—въ веселіи и радости. Гдѣ же сила часа? Какъ не одинаково распредѣляется онъ для тѣхъ и другихъ? Однимъ причиняетъ радость, другимъ плохую смерть? Вѣдь не рѣшишься же ты, хотя и не стѣсняешься въ болтовнѣ, называть его (часъ) двуприроднымъ и многовиднымъ.

Такое же значеніе для насъ можетъ имѣть и разсказъ о Даанѣ и Авиронѣ, кои, возставъ нѣкогда противъ начальства Моисея и безъ (божественнаго) призванія не побоявшись вторгнуться въ чинъ божественнаго священства, со всѣмъ домомъ своимъ низошли въ глубины земли (Числ. 16, 32. 33). Такимъ

образомъ одни оказываются въ аду, а прочее сонмище (народа) спасается. Вѣдь надлежало бы безъ сомнѣнія, если бы наказаніе было совѣмъ не отъ божественнаго гнѣва, а отъ часа, обрушиться ему не на одну только часть сонмища, но равномерно обнять всѣхъ.

Итакъ, мы не должны считать причиною скорби или радости ни часъ, ни день, ни время, поскольку это относится къ собственной природѣ и если выражаться правильно, но можемъ получать отъ часа или времени какъ пользу, такъ напротивъ и вредъ и, обращаясь умѣло или безтолково, находиться или въ пріятномъ или въ непріятномъ положеніи. Такъ для примѣра могу сказать: „время всякому предмету“ (Екклес. 3, 1), какъ написано, и знать времена весьма полезно, а не знать весьма вредно. Зимой конечно не подобаешь пускаться въ мореплаваніе, а дѣлать это лѣтомъ благоразумно. Такъ рассуждая объ этомъ, управленіе нами мы должны усвоить Владыкѣ всего Богу. Вѣдь если, по неложному слову Спасителя (Мате. 10, 29), совѣмъ маленькая и малоцѣнная птичка (воробей) никогда не попадетъ въ сѣть ¹⁾ безъ изволенія Бога и Отца, то какимъ образомъ удостоенный такой чести и превознесенный надъ всѣмъ можетъ подвергнуться чему либо вопреки ожиданію или по желанію, если Промыслъ не посылаетъ чего либо изъ сказаннаго соотвѣтственно жизни каждаго?

Присоединю къ этому и еще нѣчто другое, что едва было не исчезло изъ моей памяти, хотя это и имѣетъ очень близкое отношеніе къ нашему предмету и даже требуетъ точно такового же изслѣдованія о себѣ,

---

¹⁾ Рѣдкое, въ рукописяхъ и переводахъ не имѣющееся чтеніе *εἰς* (*τῆν*) *παύδα* или *ἐν παύδῃ* вм. *ἐπὶ* или *εἰς τὴν γῆν*, встрѣчается еще только у Орнгена (вѣск. разъ), въ Климентинахъ, у Злат. Епиф. и Ювенка.

впрочемъ не представляетъ трудности для рѣшенія, — напротивъ, человѣкъ одаренный разумомъ и имѣющій умъ, пріученный къ различенію добра и зла (Евр. 5, 14), весьма легко пойметъ это. Что же это такое, о чемъ говоримъ это?

Бракъ совершали бывшіе нѣкогда Хананеянами обитатели страны смежной съ Иудейскою. То была Галилея. На пиръ они звали и Господа съ Матерью Его и святыми учениками, а поводомъ къ торжеству было у нихъ заключеніе супружества. Когда Господь присутствовалъ здѣсь въ качествѣ сотрапезника вмѣстѣ съ другими, собранными на пиръ, для благословенія узаконеннаго Имъ брака, у трапезовавшихъ оказался недостатокъ вина. Тогда Мать, какъ продолжавшая еще имѣть власть надъ Сыномъ, ради преевеликаго смиренія Спасителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже по большому опыту знавшая о Его божественной силѣ, говоритъ: „вина не имѣютъ“. Знала она, что Онъ весьма легко совершитъ то, чего требовало положеніе вещей. Но Господь говоритъ ей: „что Мнѣ и тебѣ. жена? еще не пришелъ часъ Мой“ (Іоан. 2, 3. 4).

Боголюбивый умъ, чуждый нелѣпыхъ догматовъ и какъ можно далѣе убѣгающій отъ эллинскаго суетвѣрія, благочестиво пойметъ сказанное (въ евангеліи). Еще не пришло, говоритъ, время Моего объявленія, очевидно чрезъ знаменія. Какъ Богъ по природѣ, Онъ конечно отнюдь не невѣдалъ подобающее каждому предмету время. Почему? Кто по великому своему неразумѣнію обращается то туда то сюда, — вѣдь торно для многихъ зло и, по мнѣнію нѣкоторыхъ болтуновъ, даже и Самъ Христосъ подчиненъ дѣйствию часовъ, — тотъ этимъ самымъ оказывается предъ нами неразумнымъ, и въ чемъ надѣялся имѣть защиту своихъ словъ, тѣмъ самымъ уличится въ при-

сущей этому учению нелѣпости. И дѣйствительно, если мы согласимся, что природа вещей подчинена дѣйствию часовъ и поэтому именно Христось говорилъ Матери: „еще не пришелъ часъ Мой“, то какимъ образомъ, скажи мнѣ, еще не имѣя, согласно вашему мерзкому и глупому учению, со стороны часа дѣйствія, послѣшествующаго Его желанію, Онъ является совершителемъ просьбы? Вѣдь вода тотчасъ оказывается превратившеюся въ вино. И если вы думаете, что предметы должны подлежать власти часовъ, то развѣ не долженъ былъ Господь съ самаго начала и совсѣмъ не пытаться совершить то, чему не было соотвѣтствія въ часѣ. Но Онъ оказывается нисколько не позаботившимся объ этомъ, а далъ имъ какъ бы преждевременную благодать. Такимъ образомъ сила часа не была препятствіемъ и время еще не настало тогда для объявленія Его посредствомъ чудесъ—вотъ что говоритъ Христось.

Итакъ, мы свободны отъ этого вашего мнѣнія и подъ часомъ должно разумѣться само время, подобающее для каждаго предмета. А что мы находимся внѣ зависимости отъ необходимости часовъ, этотъ предметъ, полагаю, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Мы уже достаточно разсмотрѣли это.

Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ послѣшимъ указать на то, что часомъ въ священномъ писаніи называется подобающее каждому предмету время. Такъ досточудный Павелъ указываетъ значеніе того, что мы называемъ часомъ въ воззваніи: „и (такъ) это зная время, что (насталъ) часъ вамъ отъ сна возстать; ночь прошла, а день приблизился“ (Римл. 13, 11. 12). Видишь, что сначала поставилъ *время*, а потомъ присоединилъ *часъ*, обозначая этимъ одно и тоже, а не другое что либо, ибо уже было тогда время, чтобы

погруженные въ грѣхи и пробудились и открыли глаза къ полезному и возстали къ боголюбезному бодрствованію.

VII. 31. Отъ народа же мнози въроваша въ Него и глаголаху: Христосъ, егда приидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже Сей сотвори ¹⁾.

Достопримѣчательно искусство, съ какимъ ведется здѣсь разсужденіе, и какъ стройно продолжаетъ Евангелистъ послѣ того рѣчь. Сказавъ сначала, что Іудеи искали Его схватить и своими, несмысленно разставленными сѣтями, заключить въ столь жестокою и не своевременно задуманную опасность, показываетъ народъ увѣровавшимъ, дабы извѣстны наконецъ стали злокозни начальниковъ на Него. Вѣдь народъ такъ далекъ былъ отъ желанія неистовствовать противъ Него, что уже составляетъ о Немъ (вѣрное) представленіе на основаніи чудесъ и открыто исповѣдуетъ, что подобаешь наконецъ послѣдовать Его ученію. Такая рѣчь была, кажется, въ устахъ всего іудейскаго народа и простиралась по всей ихъ странѣ, такъ что пришествіе Христа считалось великимъ нѣкимъ явленіемъ: Онъ долженъ и совершать чудеса, превышающія разумъ, и ввести ученіе весьма достоуднѣйшее и превосходящее подзаконныя наставленія. Такъ женщина Самарянская, когда приходила къ источнику Іаковлеву почерпнуть воды и бесѣдовала со Спасителемъ, говоритъ: „вѣдаемъ, что Мессія придетъ называемый Христосъ; когда придетъ Онъ, возвѣститъ намъ все“ (Іоан. 4, 25). Это „вѣдаемъ“ здѣсь мы

¹⁾ *Отъ народа же мнози* такъ и древнесл. вм. тепер. и Ал.: *мнози же отъ н.* согл. друг. греч. Оп. *отъ*, какъ одни,—но слав. чит. Оп. *тѣмъ*, какъ и древнесл. и тепер. во Ал. и нѣк. поздн.: *снѣжъ*. Кир. чит. *εποισεν* какъ и древнесл. и Ал. согл. однимъ, но тепер. и Конст. и поздн. *творитъ* согл. друг. чт. греч. Здѣсь и къ 7, 52 Кир. чит. *οὐκ* и *ἔχει ποιῆσαι*

должны относить съ полною вѣроятностію не къ ней только одной, но, усвоивъ всему Самарянскому и Іудейскому народу, тѣмъ самымъ найдемъ здѣсь подтвержденіе только что сказанному нами. Видя, что распространяемая о немъ (Мессіи) блестящія ожиданія не превышаютъ того, что уже было теперь, они какъ бы такъ говорятъ другъ къ другу: въ чемъ, по указанію закона, долженъ открыться намъ Христосъ? Какимъ возвѣстило Его слово святыхъ пророковъ?— Очевидно чудотворцемъ и учителемъ добра. Но мы видимъ, что тѣмъ и другимъ въ превысшей степени отличается Тотъ, Кто уже пришелъ. Остаются ли еще большія знаменія, какія можно придумать? Что трудное не въ состояніи оказался Онъ совершить? Чего не содѣлано чудеснымъ и сверхразумнымъ образомъ? Въ комъ будемъ искать еще большаго? Не видимъ ли, что Онъ достигаетъ уже предѣла всякой чудесности? Что ожидаемое отъ Христа не является въ Немъ? Поэтому уже постыденъ наконецъ отказъ отъ вѣры въ Него, неразумно равнодушіе и совсѣмъ неестественна медлительность въ избраніи прекраснѣйшаго. Да исповѣдуется Онъ Богомъ, ибо этого, даже противъ воли, требуетъ сама природа вещей.

Съ полнымъ правомъ и не удаляясь отъ истины можно бы было приписать Іудеямъ такую рѣчь. Впрочемъ надо замѣтить, что подчиненный народъ погибъ вслѣдствіе упрямства начальниковъ. Руководимый блескомъ совершаемаго, онъ былъ уже прекрасно расположенъ къ вѣрѣ и ожидалъ только совѣта относительно Христа со стороны начальниковъ. Но они были способны къ такой жестокости, что пытались причинить зло Тому, Кто предвозвѣщенъ быть исполнителемъ великихъ надеждъ и уже удостоивъренъ совершенными Имъ дѣлами.

VII. 32. *Слышаша архіереи и фарисеи народъ ропщущъ о Немъ сія* ¹⁾.

Негодуетъ народъ на начальниковъ, и вполне справедливо. Онъ распространялъ большую молву о Спасителѣ нашемъ Христѣ не потому, что Онъ былъ дивнымъ и превышавшимъ ожиданія чудотворцемъ, и не [потому, что пришелъ съ ученіемъ, лучшимъ подзаконнаго богослуженія, но потому, что еще не былъ принятъ архіереями и фарисеями Тотъ, Кто имѣлъ славу, равняющуюся съ ожидавшейся отъ Христа (Мессіи) и отнюдь не уступалъ ни въ чемъ, что народные толки приписывали тому (Мессіи), или что предвозвѣстило о немъ слово святыхъ пророковъ. Такимъ образомъ они справедливо обвинялись въ томъ, что болѣе одержимы завистью, чѣмъ дѣйствительно заботятся о спасеніи народа. Такое, далеко распространившееся, обвиненіе не скрывается отъ начальниковъ, и народъ, какъ видимъ, обижался на нихъ, имѣя основанія удивляться Господу и весьма жаждая вѣровать Ему, не вынося уже иго жестоковластія начальниковъ, но какъ бы стараясь дѣлать то, что сказано въ псалмахъ: „расторгнемъ узы ихъ и сбросимъ съ себя иго ихъ“ (Пс. 2, 3). Подвергнувъ душу народа не игу постановленій закона, но подчинивъ его собственнымъ выдумкамъ, уча ученіямъ, заповѣдямъ человѣческимъ (Матѣ. 15, 9), оставивъ прямой и торный путь, они низвергли въ пропасти и рвы тѣхъ, коихъ уже было готово спасеніе и кои уже сами собою руководились къ правильнымъ разсужденіямъ.

¹⁾ Безъ союза, какъ одни и Св. Ал., а др. съ *оуи, де* (Древнеслав. *же*) и *каи*.

VI I. 32. И послаша архіереи и фарисеи ¹⁾ слуги, чтобы схватили Его ²⁾.

„Невиннаго и праведнаго не убивай“ (Исх. 23, 7), возвѣщаетъ законъ и громко и ясно возглашаетъ: „не будь (участвуя) съ большинствомъ во злѣ“ (ст. 2), а законоблюстители убиваютъ, присвояющіе себѣ толкованіе закона Моисеева и обыкновенно воспреещающіе всѣмъ другимъ, если они не держались такого же образа мыслей. Но здѣсь нисколько не заботясь о законѣ и попирая досточтимыя заповѣди, стараются окружить сѣтями Того, Кто не совершилъ никакого грѣха, потому что, напротивъ, Самъ былъ Христосъ, уже имѣвшій удостовѣреніе въ этомъ посредствомъ самыхъ дѣлъ.

Вѣдь безбожнымъ начальникамъ Іудейскимъ, справедливо можетъ сказать каждый, еслибы они были свѣдуши въ Словѣ Божіемъ и знали божественные законы, безъ всякаго сомнѣнія болѣе подобало бы обратиться съ рѣчью къ народу, надлежащими разсужденіями опровергнуть молву о Немъ, отстранить отъ себя подозрѣнье въ зависти, заставить думать подобающее, какъ скоро они полагали, что народъ совершенно ошибается, и имѣли истинныя представленія о Христѣ. Вѣдь имъ надлежало бы представить доказательства изъ пророческихъ свидѣтельствъ и посредствомъ всего вообще священнаго писанія оправдаться отъ обвиненій народа и сообщить о Христѣ болѣе истинное ученіе, если бы они знали что либо большее о Немъ. Но не обрѣтая здѣсь никакой защиты и устыжаясь святаго писанія, какъ оказывающагося обвиняющимъ ихъ вмѣстѣ съ народомъ,

¹⁾ *Архіереи—Фарисеи—Іудеи* древнесл. вм. поздн.: *архіереи—фарисеи—іудеи*.

²⁾ Такъ и къ 18, 21.

они впадаютъ въ постыдную дерзость и стараются истребить Христа, такъ какъ не могутъ изблечить Его, что Онъ ошибается. Несноснѣе же всего прочаго то, что это есть рѣшеніе не какихъ либо обыкновенныхъ людей, но есть дерзость архіереевъ, имѣвшихъ одинаковое съ фари́сеями настроеніе, хотя имъ, какъ стоявшимъ во главѣ священства и въ этомъ имѣвшимъ преимущество, надлежало бы являться руководителями и наставниками какъ въ добрыхъ мысляхъ, такъ и превосходить ихъ въ намѣреніяхъ, угодныхъ Богу. Но какъ они оказались безъ хорошаго ума и отбросили законъ Божій позади своихъ помысловъ, то и увлекались безразсудными стремленіями только къ своимъ желаніямъ. Такъ голова обратилась въ хвостъ, по написанному (Второз. 28, 44), ибо вождь оказывается позади (народа) и, сочувствуя нечестію фари́сеевъ, дѣлаетъ уже необузданныя нападенія на Христа. Вѣдь у людей дурныхъ вражда противъ добродѣтельныхъ всегда оказывается безпричинною и дѣло борьбы тутъ какъ бы храмлетъ, не имѣя помощи въ изобрѣтательности какихъ либо благовидныхъ причинъ, но опираясь на одинъ только порокъ зависти. Не будучи въ силахъ состязаться съ великими дѣлами тѣхъ, ни посредствомъ мужества получать равномѣрной съ ними славы, или достигать всего лучшаго посредствомъ лучшаго, они впадаютъ въ дикія разсужденія и безразсудно вооружаются противъ славы побѣдителей, стараясь уничтожить то, что вынуждаетъ ихъ подвергаться посрамленію. Дурное всегда изблечается сравненіемъ съ хорошимъ. А между тѣмъ наоборотъ, имъ надлежало бы стремиться сравняться съ ними равными же средствами и болѣе стараться о томъ, чтобы думать и дѣлать одинаковое съ достойными похвалъ. И нѣчто жестокое, какъ

видно, придумали фарисеи. Когда они узнали, что народъ ропщетъ и уже такіе ведетъ разговоры: „не Сей ли есть, Кого ищутъ убить? вотъ съ дерзновеніемъ говоритъ, и ничего Ему не говорятъ. Неужели узнали начальники, что Онъ есть Христосъ?“ (7 25. 26), то опять, по свойственному имъ лукавству, желая отклонить отъ себя такое подозрѣніе, повелѣваютъ Его связать и для исполненія этого самого посылаютъ слугъ.

VII. 33. *Рече же имъ Исусъ: еще мало время съ вами есмь, и иду къ Пославшему Мя* ¹⁾.

Будучи Богомъ по природѣ, Господь не невѣдалъ опять смертоубійственныя злоумышленія фарисеевъ и нечестивое о Себѣ рѣшеніе архіереевъ. Очами божества Онъ созерцаетъ уже присутствующими и смѣшивающимися съ толпою тѣхъ, кои въ качествѣ слугъ были назначены ими, чтобы схватить Его. Поэтому ведетъ общую рѣчь какъ бы ко всему вокругъ стоящему народу, но и заключающую какъ бы частный отвѣтъ къ нимъ, а вмѣстѣ и въ тоже время и научаетъ многому полезному. Грозитъ мягко, но и обличаетъ ихъ въ малодушіи къ тому, чему надлежитъ радоваться. Но что и въ другомъ отношеніи ихъ предпріятіе, если оно и совершится на дѣлѣ, будетъ для нихъ бесплодно, и какимъ образомъ, объ этомъ скажемъ теперь, раздѣливъ рѣчь на отдѣльныя части.

Въ словахъ: „*еще малое время съ вами Я*“ является какъ бы такъ учащимъ: скажите Мнѣ, говоритъ, по какой причинѣ наконецъ вы нападаете на Меня, какъ на медлящаго (и слишкомъ долго пребывающаго) въ этомъ мірѣ? Я, признаюсь въ этомъ, тяжелъ для васъ

---

¹⁾ Ср. еще къ 7. 35. Другіе и Слав. оп. *αυτοῖς*. Всѣ древнеслав.: *же* и Ал. вм. поздн. (Кіев.) и теп.: *убо*.

и вамъ подобныхъ и не очень пріятенъ для не чтущихъ добродѣтель, сокрушая небоголюбиваго и поражая иногда обличеніями нечестивца; знаю, что вызвалъ къ Себѣ ненависть; но не простирайте такъ преждевременно на Меня сѣти смерти: малое еще съ вами буду время, съ радостію отойду, когда придетъ надлежащее время для страданія, и Самъ не потерплю быть вмѣстѣ съ злыми, непріятно Мнѣ, говоритъ, обращеніе съ убійцами, уйду отъ нечестивцевъ, какъ Богъ, и буду съ Своими всѣ дни вѣка, хотя покажусь отсутствующимъ плотію. А въ изреченіи: „*пойду къ Пославшему Меня*“ указываетъ опять нѣчто такое: напрасно, говоритъ, вы отточили на Меня мечъ своего нечестія; что сокрушаете своими безсильными намѣреніями?—остановите стрѣлу убійства, она не попадаетъ въ цѣль; жизнь не подчинится смерти и тлѣніе не возобладаетъ надъ нетлѣніемъ; не буду заключенъ вратами ада, не буду съ вами мертвымъ въ гробахъ, возлечу къ Тому, отъ Кого Я есмь, взойду снова на небеса, являясь предъ ангелами и людьми обвиненіемъ вашего нечестія; тогда одни удивятся предъ Восходящимъ, а другіе при встрѣчѣ скажутъ: „что это за раны посреди рукъ Его? и скажу къ нимъ: (это раны), коими пораженъ Я въ дому возлюбленнаго Моего“ (Зах. 13, 6). Такъ опять съ великою скромностію и изрядною кротостію составлена рѣчь, и это намъ въ образецъ (для подражанія). Посему и Павелъ говоритъ, что рабу Божию не подобаетъ „радовать, но ласковымъ быть ко всѣмъ, въ кротости наставляя противовозстающихъ“ (2 Тим. 2, 24. 25). Боголюбивому уму, полагаю, надо быть внѣ всякаго шума и бурныхъ движеній гнѣва, удаляться отъ проявленій малодушія какъ отъ нѣкоего свирѣпаго нападенія волнъ, наслаждаться кроткими разсужденіями

какъ тихую погоду и особенно любить проводить жизнь въ великодушїи, незлобивымъ оказываться ко всѣмъ, обладать вполнѣ добрымъ настроенїемъ и вести рѣчь со врагами непостыдную.

VII. 34. *Взыщете Мене и не обрящете* ¹⁾.

Мягко сказано и это и съ великою скромностію. Буквальное значеніе этихъ словъ не трудно для пониманія, но они заключаютъ въ себѣ нѣкую трудную и сокровенную тайну. Когда Онъ взойдетъ, говорить, къ Пославшему Его, то есть къ Богу и Отцу, хотя бы они и продолжали дѣлать попытки къ кознямъ и не прекратили преслѣдованій, совершенно не будетъ доступенъ имъ Тотъ, Кто восходитъ на самыя небеса. Болѣе же истинное и прикровенное значеніе этихъ словъ таково: Я, говоритъ, посланъ для дарованія вамъ жизни, пришелъ изъять изъ человѣческой природы угнетающую ее вслѣдствіе преступленія смерть и терпѣливо возвести къ Богу впавшихъ въ грѣхъ. Я явился, чтобы сообщить божественный и небесный свѣтъ находящимся во тьмѣ, и кромѣ того еще „нищимъ благовѣствовать, слѣпымъ“ дать „прозрѣніе, проповѣдать плѣннымъ отпущеніе, призвать лѣто Господне прїятное“ (Иса. 61, 1. 2). Но если вамъ, по неразумію, угодно изгонять Того, Кто предложилъ столь обильное полученіе небесныхъ благъ, то вскорѣ Самъ Я отойду къ Тому, отъ Кого Я есмь, а вы раскаетесь и, удручаемые бездѣйственнымъ запоздалымъ сожалѣніемъ, горько будете оплакивать себя самихъ,— если же захотите еще искать Подателя жизни, то не возможно уже будетъ обрѣсти Того, Кого пожелаете.

¹⁾ Безъ *ме*, какъ одни и Слав. и къ 6, 1. Древне-Слав.: *поищете*, но Ал и тепер.: *взыщете*.

Разъ удалившись и лишивъ васъ любви, Я прегражду вамъ и все полезное, что вы станете искать.

Подобное же нѣчто найдемъ о нихъ въ проповѣдяхъ пророковъ. Такъ одинъ изъ пророковъ говоритъ объ Израильтянахъ: „съ овцами и тельцами придутъ разыскать Господа, и не обрѣтутъ Его, потому что Я отклонился отъ нихъ“ (Ос. 5, 6). Не пожелавъ избрать жизнь, когда Онъ присутствовалъ, и неразумными разсужденіями оттолкнувъ бывшее у нихъ подъ руками благо, могутъ ли быть они уже способны къ пріятію его? Съ полнымъ небреженіемъ опустивъ удобное время, какимъ образомъ они могли бы имѣть блага этого времени? Вѣдь только тогда, когда настало и еще есть удобное время, должно искать того, что есть въ немъ и отъ него. Когда же оно пройдетъ и престанетъ, излишне уже будетъ и напрасно исканіе присущей этому времени пользы. Такъ и блаженный Павелъ говоритъ: „вотъ теперь время благопріятно, вотъ теперь день спасенія“ (2 Кор. 6, 2), а также: „пока время имѣемъ, да совершаемъ добро ко всѣмъ“ (Гал, 6, 10). Да, благонравнымъ отнюдь не подобаетъ, когда уже пройдетъ время, искать свойственныхъ ему благъ, но напротивъ, когда оно начинается и является какъ бы въ самомъ цвѣту.

Кромѣ этого и еще не мало можно говорить о времени отъ священнаго писанія, но представляя изслѣдовать это трудолюбцамъ, упомяну вкратцѣ еще только объ одномъ, хотя и общемъ у насъ и употребительномъ предметѣ, однакожъ имѣющемъ не малую пользу. Какъ извѣстно, рисующіе картины на доскахъ, когда изображаютъ время въ человѣческомъ видѣ, то всѣ прочія части человѣческаго тѣла начертываютъ, какъ кому угодно, но непремѣнно съ такою именно головою: съ затылка представляютъ ее безволосою и лысою,

Накладывая свѣтлыя краски,—а съ середины черепа свѣшиваются на чело длинныя волосы, спускающіяся и ниже и разсыпающіяся. Этимъ самымъ видомъ они указываютъ на то, что когда какое либо (удобное) время настало и какъ бы встрѣчается лицомъ къ лицу, то легко бываетъ схватить его за волоса, а когда оно уже прошло, то какъ уже можно бы было взять его? Итакъ, какъ бы покрыто густыми волосами и легко берется время настоящее еще, но прошедшее—уже нѣтъ. На это и указываетъ отсутствіе волосъ на затылкѣ, какъ бы ускользающемъ отъ руки того, кто хочетъ схватить его. Поэтому, если не въ нашей власти воротить блага прошедшаго времени, не станемъ дремать во время присутствующихъ благъ, но будемъ, напротивъ, бодрствовать,—и не станемъ безразсудно стараться уловлять полезное тогда, когда уже бесполезно искать его.

VII. 34. И идѣ же есмь Азъ, вы не можете прийти 1).

Въ мягкихъ опять выраженіяхъ удаляетъ изъ царства небеснаго іудейскій народъ, присоединивъ къ прежде сказанному дальнѣйшія слова, вложивъ однакоже въ нихъ глубокую тайну. Принимая изреченіе въ простѣйшемъ смыслѣ и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, думаемъ, что оно указываетъ именно на то, что Онъ отнюдь не будетъ въ ихъ рукахъ и не упадетъ въ ихъ сѣти, возвратившись къ Отцу. Вѣдь и небо не можетъ быть доступно имъ, а Возсѣдающій съ Самимъ Богомъ и Отцемъ какимъ образомъ могъбы быть взятъ ищущими Его? Простой смыслъ этого изрѣченія не глубокъ, но болѣе и лучше соотвѣтствуетъ легкомыслию Іудеевъ и ихъ уму. Вѣдь они всегда оказы-

¹⁾ Вм. *εἰμί*, какъ и Слав., Кир. чит. *ἐλάω* въ толк. VI, 1 и далѣе здѣсь въ концѣ толкованія, соотвѣтственно *εἰμι* древне-Ит.: а с d. Копт. Сир. кур. и снв. (но не Пеш. Геракл. и Тац. у *Σίαςα*) Копт. и *ὀδεῖσιν* Нонна.

ваются думающими земное. Точный же и сокровенный смысл этого изрѣченія имѣеть такой видъ: Я, говорить, избѣгнувъ сѣтей вашего нечестія, вознесусь къ Богу и Отцу; предварю Нашихъ поклонниковъ, чтобы, показавъ имъ удобопроходимую стезю, ведущую на небо, всѣхъ имѣть съ Собою. А *вы не можете прійти, гдѣ (есмы) Я*, то есть лишенными божественныхъ благъ окажетесь, будете непричастны Моей славѣ и чужды соцарствованія съ святыми, не вкусившими останетесь дара надежды, пребудете внѣ божественныхъ брачныхъ трапезъ, не увидите Моего торжества, не взоидете въ вышнія обители и не узрите красоты Церкви первородныхъ, не видимъ останется для васъ вышній градъ, не будете созерцать обильный Иерусалимъ. Вѣдь тамъ будетъ славословить Меня Мое стадо, *вы же не можете прійти*, ибо небо не приметъ Господоубійць, Херувимы не отворятъ вратъ рая, чтобы вошелъ богоборный народъ, и человѣкъ, подверженный нечестію къ Богу, никоимъ образомъ не отклонитъ пламеннаго меча,—онъ знаетъ одного только благочестивца, чтитъ боголюбца и вѣру ставить знакомъ мира.

Такое созерцаніе можемъ дать изреченію, изслѣдуя повсюду истинный и людямъ мудрымъ подобающій смыслъ. Къ этому присоединимъ для пользы еще одно небольшое разъясненіе, именно: тѣ, кто возвышаются до боголюбиваго состоянія, они и находиться будутъ и праздновать вмѣстѣ со Христомъ, а тѣ, кои раздѣляютъ іудейскія безумія, отнюдь не будутъ въ такомъ положеніи, но подвергнутся горькому наказанію за свое невѣріе. Объ этомъ пусть блаженный Павелъ, выступивъ предъ нами, воскликнетъ къ умершимъ для грѣха: „вы вѣдь умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ; когда Христосъ явится, жизнь

Ваша, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славѣ“ (Кол. 3, 3. 4),—и еще представляя разсужденіе о воскресеніи: „и мы живые, говорить, остающіеся, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ въ облакахъ, на встрѣчу Господа, въ воздухъ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ“ (1 Тесс. 4, 17). Сходное сему и Самъ Спаситель оказывается говорящимъ Своимъ ученикомъ: такъ во время вечери съ ними „говорю же вамъ, сказалъ, не буду пить отнынѣ отъ сего плода винограднаго, до дня того, когда его буду пить новый съ вами въ царствѣ небесномъ“ (Матѣ. 26, 29). Также и висѣвшему съ Нимъ разбойнику, посредствомъ вѣры въ Него у самыхъ вратъ ада восхитившему себѣ благодать святыхъ, говорить: „истинно говорю тебѣ: днесъ со Мною будешь въ раю“ (Лук. 23, 43). Итакъ, почтившіе его благопослушаніемъ, безпрепятственно будутъ находиться вмѣстѣ съ Нимъ и наслаждаться превосходящими умъ благами. А не отказывающіеся удручать Его своимъ безуміемъ, не будучи и сынами брачнаго чертога, съ позоромъ снидутъ въ адъ и подвергнутся тяжкимъ наказаніямъ, ибо „извергнутся, по написанному, во тьму внѣшнюю“ (Матѣ. 8, 12). Такую истину, какъ бы въ видѣ загадки, высказываетъ Господь Іудеямъ въ словахъ: „куда Я пойду, вы не можете пріити“.

VII. 35. *Рѣша же Іудеи къ себѣ: камо Сей ¹⁾ хоцетъ ити, яко мы не обрящемъ Его? еда въ разстѣяніе ли еллинское хоцетъ ити и учити Еллины?*

Замѣчаешь ли и здѣсь также неизменность іудейскихъ разсужденій? Усматриваешь ли ихъ жалкое предположеніе земнаго смысла (въ изреченіи Господа)? Не говорятъ, что взойдетъ на небо, хотя и ясно слы-

¹⁾ Въ древнеслав. нѣтъ Сей, но у Ал. есть.

шали: „еще мало съ вами Я, и пойду къ Пославшему Меня“ (ст. 33), но воображаютъ страну Эллиновъ, какъ будто у нихъ находился Пославшій Его, къ Кому Онъ, какъ возвѣщалъ, и уйдетъ. Однакоже чрезъ эти слова, повидимому, пророчествуетъ народъ іудейскій, хотя и не вѣдая того, что говорить. Подвигнутые нѣкимъ божественнымъ дѣйствиємъ, они даруютъ Христа странѣ язычниковъ, въ видѣ догадки представляя то, что немного спустя оказалось истиннымъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ Онъ имѣлъ идти къ Эллинамъ и учить ихъ, отвергнувъ неблагодарную мать іудеевъ—Іерусалимъ. Замѣть однакожь, что не простою ведутъ объ этомъ рѣчь, ибо не только предполагаютъ то, что уйдетъ въ эллинское разсѣяніе, но злостно присоединяютъ, что и намѣревается учить Эллиновъ, дабы въ этомъ подозрѣніи найти опять предлогъ къ обвиненію Его. Вѣдь сообщаться съ разсѣяніемъ Эллиновъ, посредствомъ хожденія въ ихъ города и страны, оказывалось у Іудеевъ частымъ явленіемъ и безвиннымъ. А изъяснять иноплеменникамъ законъ и непосвященнымъ открывать божественныя тайны не было у нихъ дѣломъ невиннымъ и безнаказаннымъ. Такъ чрезъ пророка Іеремію Богъ обвиняетъ нѣкоторыхъ, не различавшихъ этого, говоря: „и прочли внѣ законъ“ (Ам. 4, 5). Поэтому съ горечью говорятъ, что „хочетъ учить *Эллиновъ*“, привлекая Его (къ отвѣтственности), какъ легко преступающаго законъ, и изъ прежде уже совершенныхъ Имъ дѣлъ въ день субботній полагая, что дѣлать безразлично все, хотя бы это и не согласовалось съ божественными законами, было для Него обычно и ничего не значило ¹⁾).

¹⁾ Опущенъ ст. 36, послѣ котораго въ одномъ код. 12 ст. (№ 225) читается: *και επορευθη εκαστος* и пр. Іоан. 7, 53—8, 11.

VII, 37. *Въ послѣдній же день праздника великій стояше Иисусъ, и зваше глаголя: аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ* ¹⁾).

Надо внимательно изслѣдовать и въ этомъ изреченіи, что такое премудрый Евангелистъ опять загадочно говоритъ намъ, съ особенною нѣкоторою выразительностью назвавъ *великимъ послѣдній праздничный день?* Или что побудило Господа нашего Иисуса Христа, какъ бы по необходимому какому основанію и соотвѣтствовавшему времени, именно въ этотъ день обратиться къ Іудеямъ со словами: „если кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ?“ Вѣдь Ему было бы можно воспользоваться и другими словами, напримѣръ: Я—свѣтъ, Я—истина. Но примѣнивъ изложеніе къ ученію о вѣрѣ, Онъ употребилъ это „да пьетъ“, какъ нѣчто необходимое и соотвѣтствовавшее рѣчи объ этомъ праздникѣ. Въ немногихъ словахъ попытаюсь высказать цѣль, заключающуюся въ этомъ изреченіи.

Когда Богъ устанавливалъ праздникъ кущепоставленія, Онъ далъ Моисею такое повелѣніе: „въ пятнадцатый день мѣсяца седьмаго—праздникъ кущей (палатокъ) Господу, и приносите всесожженія и жертвы семь дней, и день первый названъ святымъ будетъ вамъ“ (Лев. 23, 34—36). Потомъ, давъ постановленія касательно жертвъ, присоединилъ опять: „и въ пятнадцатый день мѣсяца седьмаго сего, приносите всесожженія Господу семь дней, а день первый—покой,

¹⁾ Розночт.: *τι, εσχ., ι., τι, μ. τ. ε.* др.: *τι, εσχ., ι., τι, μ. τ, ε.* др.: *τι, ι., τι, μ. τ, ε. τ, ε.* нѣк. оп. *τι, μεν.* др. *τι, εσχ.,* даже *τι, ε.* Древнесл.: Остр. Гал. Мст. Мар. Зогр.: *въ послѣдній день великій праздника,*—въ Савв. оп. *великій* и чит. *празднику,* Конст. *праздника,* одво 15 в.: *великаго праздника.* Въмѣсто Кир. *ἑκραξεν* ὁ Δ... *воззвалъ* чит. *ἑκραξεν* В др. и Древнесл. Ал. и тепр. *стояше и зваше,* во Сав. слѣд. 1-му чт.: *возопи.* Нѣк. оп. *проб; не.* Св. Ал.: *да грядетъ.*

и день седьмой—покой: и въ день первый возьмите красивыхъ финиковъ, и вѣтви дерева густолиственные, и плодъ дерева прекраснаго, и вербы, и вѣтви ивы съ потока—(чтобы) радоваться“ (ст. 39. 40). Уже во второй книгѣ ¹⁾ мы подробно изслѣдовали по частямъ приведенное мѣсто и длинное сдѣлали о немъ разсужденіе, однакоже и здѣсь, сокративъ въ немногихъ словахъ, снова напомнимъ сказанное. Мы говорили, что праздникъ кушечпоставленія означаетъ тревождѣленное для насъ время воскресенія. Взятіе красивыхъ вѣтвей пальмовыхъ и плодъ прекраснаго дерева и кромѣ того еще и прочее указываетъ на нѣкое повтореніе или возвращеніе рая, который снова будетъ данъ намъ чрезъ Христа. А какъ къ послѣднему рѣченію прибавлено, что все надо взять *съ потока* и также (съ вѣтвями, взятыми) отъ него веселиться, то мы говорили, что потоку уподобляется Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ Коемъ дѣйствительно обрѣтемъ всякую радость въ надеждѣ и уладу,—въ Немъ и веселиться будемъ божественно и духовно. А что Онъ есть и называется духовно потокомъ, о семъ засвидѣтельствуетъ намъ премудрый Псалмопѣвецъ, обращаясь съ рѣчью какъ бы къ Богу и Отцу о насъ: „сыны же человѣческіе въ кровѣ крыль Твоихъ будутъ надѣяться, упьются отъ изобилія дома Твоего, и потокомъ сладости Твоей напоишь ихъ“ (Псал. 35, 8. 9). И Самъ Господь въ одномъ мѣстѣ у пророковъ говоритъ: „вотъ Я направляю къ нимъ какъ бы рѣку мира и какъ бы потокъ полноводный“ (Иса. 66, 12).

А какъ первый и седьмой день законъ называетъ святымъ, то и самъ божественный Евангелистъ на-

¹⁾ Ср. толк. къ 6, 5 въ началѣ 4-й главы 3-й книги и 5 гл. 4-й книг.

именовалъ его великимъ, во уваженіе, какъ кажется, общепринятаго у Іудеевъ обычая (такъ называть эти дни). Поэтому и Спаситель, указуя на Себя, называетъ тѣмъ самымъ потокомъ, о коемъ упоминается въ постановленіяхъ о праздникѣ и который предвозвѣщенъ въ изреченіи закона, говоря: „если кто жаждетъ, да приходитъ ко Мнѣ и пьетъ“. Смотри, какъ отклоняетъ умъ Іудеевъ отъ образовъ, содержащихся въ писаніяхъ, и искусно переводитъ прообразы въ истину. Я, говоритъ, и есть потокъ, предвозвѣщенный законодателемъ въ словахъ о праздникѣ. И если вѣтви вербы и ивы и вѣтви дерева густыя надо было взять съ потока, потокъ же—Христось, то очевидно въ тѣхъ постановленіяхъ о праздникѣ рѣчь образная, не въ собственномъ и истинномъ смыслѣ, но содержащая символы предметовъ духовныхъ, кои будутъ даны благочестивцамъ чрезъ Христа.

VII. 38. Вѣруя въ Мя, якоже рече Писаніе,—рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы ¹⁾.

Показываетъ продолжительною и нестарѣющею награду за вѣру и говоритъ, что вѣрующій будетъ наслаждаться обильнѣйшими дарами божественными. Онъ будетъ такъ преисполненъ дарами Духа, что не только упитаетъ свой собственный умъ, но и въ состояніи окажется наполнять ими сердца другихъ, на подобіе рѣчнаго потока изливая богоданныя блага и на ближняго своего. Это самое и повелѣвалъ святымъ апостоламъ въ словахъ: „даромъ получили, даромъ дайте“ (Матѣ. 10, 8). Такъ и самъ премудрый и священный Павелъ, желая стать таковымъ дѣятелемъ, говоритъ намъ въ посланіи: „желаю видѣть васъ, да

¹⁾ Св. Ал.: *потекуть*.

нѣкій преподамъ даръ духовный“ (Рим, 1, 11). Весьма хорошо видишь это какъ во святыхъ евангелистахъ, такъ и въ евангельскихъ учителяхъ Церкви, кои идущимъ ко Христу чрезъ вѣру преизобильное изливая слово божественнаго ученія, доставляютъ духовную радость и уже не позволяютъ испытывать жажду знанія истины, но какъ бы премудрыми звуками и громкимъ голосомъ внѣдряютъ ее въ сердца наставляемыхъ. Посему и Псалмопѣвецъ, радуясь въ духѣ о нихъ возглашалъ: „подняли рѣки, Господи, подняли рѣки голоса свои“ (Псал. 92, 3). Великое нѣчто и необычайное возгласило слово святыхъ и „во всю землю изшелъ звукъ ихъ“, какъ написано, „и въ концы вселенной рѣчи ихъ“ (Псал. 18, 5). Явить ихъ такими рѣками намъ обѣщалъ чрезъ пророка Исаю Богъ, Онъ Богъ и Владыка всяческихъ, говоря: „благословятъ Меня звѣри полевые, сирины и страусы за то, что Я далъ въ пустынѣ воду и рѣки въ землѣ безводной—(чтобы) напоить родъ Мой избранный, народъ Мой, что приобрѣлъ Я—(чтобы чрезъ него) совершенства Мои возвѣщать“ (Иса. 43, 20. 21). Очевидно поэтому, что *рѣками*, кои изыдутъ *изъ чрева вѣрующаго*, Спаситель называетъ благодатное дарованіе къ ученію и учености, о коемъ и Павелъ упоминаетъ въ словахъ: „кому (одному) дается чрезъ Духа слово премудрости“ (1 Кор. 12, 8).

Впрочемъ надо при этомъ знать, что такое изреченіе какое приведено, буквально не имѣется въ божественномъ писаніи,—Спаситель изложилъ Своими словами, истолковавъ болѣе смыслъ. Такъ находимъ одно мѣсто о всякомъ чтущемъ и любящемъ Бога, что онъ „будетъ какъ садъ влажный и какъ источникъ, въ коемъ не исчезаетъ вода“ (Иса. 58, 11). Что прежде говорилъ уже самарянской женщинѣ, это и теперь

возвѣщаетъ ясно. Тамъ Онъ говоритъ: „всякій, пьющій отъ воды сей, возжаждетъ опять; кто же будетъ пить отъ воды, что Я дамъ ему, не возжаждетъ во вѣкъ, но вода, что Я дамъ ему, будетъ ему источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“ (4, 13. 14). Здѣсь же опять, выражая ту же самую мысль, говорить: „*рѣки изъ чрева его потекутъ воды живої*“.

Г Л А В А II.

О томъ, что послѣ распятія Спасителя по воскресеніи Его изъ мертвыхъ твердо вселился въ насъ Духъ Святой.

VII. 39. *Сіе же рече о Духъ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи въ Него* ¹⁾: *не у бо бѣ Духъ, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* ²⁾.

Проницательнаго изслѣдованія требуетъ для себя приведенное изреченіе и дѣломъ, труднымъ даже для великаго остроумія, должно быть вполне достаточное уразумѣніе (заключающейся здѣсь) глубокой тайны. Принимая въ соображеніе и взирая на cadaго изъ святыхъ пророковъ, всякій вполне справедливо встрѣчается съ такимъ жгучимъ вопросомъ: какъ же *не былъ Духъ*, хотя появилось такое множество пророковъ, кои оказываются и говорившими Духомъ (Свя-

¹⁾ У Кор. ἔλεγε—говорилъ, какъ Ѵ и мн. Чит. οὐ—Его-же въ Коист. и поздн. вм. ὅ какъ и древнесл. и Ал.: *иже πιστεύοντες* какъ и Слав. вм. *πιστεύσαντες*. Древнесл. и Ал. (*воиъ*) *въ Него* согл. греч. вм. поздн. и теп.: *во имя Его*. Ср. Кир. къ Іоан. 15, 4. Puz. II. 559 ср. III. 279 и 291.

²⁾ *Прѣѣма* безъ приб. чит. Ѵ и др. и Кир. ниже въ концѣ толкованія этого стиха,—также въ Glaph. Aub. 145 и Ador. 404,—Копт. Арм. Ориг. въ нѣк. м. Гезих. Псевдокипр. др. Приб. *αὐτοῦ* позд. унц. Дид. Аѳ. Злат. Теодоритъ, самъ Кир. къ Іоан. 12, 27, 28 и 16, 12. 13 у Puz. II, 319 и 626, Слав.: Ал. поздн. и теп. (и еще *ἐν αυτοῖς* D. f. Гот. Вм. *αὐτοῦ* чит. *δέδομένον* древнелат. мн. Вг. Сир. (Пеш. Кур. Сян. Тац. у Ciasca) Евс.—Чит. оба прибавленія: *Духъ Святой дакъ* древнесл. В. нѣк. лат. Сир. (ер. и Геракл.).

тымъ) божественныя тайны о Христѣ въ длинныхъ рѣчахъ? Вѣдь не можемъ же мы настолько удалиться отъ здраваго смысла, чтобы подумать, что умъ святыхъ былъ чуждъ Духа. Въ такомъ случаѣ устыдить насъ и необходимо призоветъ къ вѣрѣ въ то, что они дѣйствительно и истинно были духоносцами, какъ самое дѣло пророчества, такъ и свидѣтельства священныхъ писаній.

Такъ къ Сауду Самуилъ говоритъ, что „найдеи на тебѣ Духъ Господень и обратишься въ человѣка иного“ (1 Цар. 10, 6). И о самомъ блаженномъ Елисеѣ написано: „и было, когда пѣлъ пѣвецъ, и была на немъ рука Господня“ (4 Цар. 3, 15). Свидѣтельствуеи и Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ о блаженномъ Давидѣ, что онъ тайны говорилъ Духомъ (Мар. 12, 36). И многое подобное каждый легко прибавитъ къ сказанному, посредствомъ чего весьма ясно можно видѣти святыхъ духоносцами. Но вести длинныя рѣчи о такихъ очевидныхъ предметахъ излишне, какъ кажется, или (говоря) иначе—даже тяжело.

Итакъ, какимъ образомъ *не былъ Духъ*, это требуетъ точнаго изслѣдованія, такъ какъ полагаю, что блаженный Евангелистъ долженъ высказывать истину.

Дѣйствительную истину долженъ знать Самъ вѣдущій все Богъ. Поэтому не подобаетъ намъ съ излишнимъ любопытствомъ дерзати заниматься тѣмъ, что выше насъ. Однакожъ, сколько можно видѣти посредствомъ благочестивыхъ разсужденій, таковое нѣчто случилось съ нами. Вѣдь разумное это на землѣ животное, то есть человѣкъ, изначала обладалъ нетлѣнїемъ, и причиною этого нетлѣнїя его и обладанія всякими совершенствами являлось вселеніе въ него Духа отъ Бога, ибо „вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“, какъ написано (Быт. 2, 7). Но вслѣд-

ствіе извѣстнаго исконнаго прельщенія уклонившись въ грѣхъ и потомъ въ послѣдствіи постепенно идя все далѣе въ этомъ направленіи, вмѣстѣ съ прочими благами онъ подвергается и утратѣ Духа и такимъ образомъ уже не только подвергается тлѣнью, но и дѣлается удобопреклоннымъ ко всякому грѣху. Поелику же Создатель всего премудро и благостно благоволилъ „возглавить все во Христѣ“ (Ефес. 1, 10) и пожелалъ человѣческую природу снова возвести въ изначальное состояніе, то и общаетъ вмѣстѣ съ прочимъ и даровать ей опять Духа Святаго. Иначе было не возможно достигнуть твердаго постоянства благъ. Поэтому назначаетъ опредѣленное время низшествія на насъ Духа и общаетъ, говоря: „во дни тѣ, очевидно Спасителя нашего, излію, отъ Духа Моего, очевидно, на всякую плоть“ (Іоил. 2, 28). Когда же (наставшее) время этого благодѣянія низвело къ намъ на землю Единороднаго во плоти, то есть человѣка отъ жены явившагося, по святому писанію (Гал. 4, 4), тогда Богъ и Отецъ опять даровалъ Духа, а Христосъ какъ начатокъ обновляемой природы, первый принялъ Духа. О семъ „засвидѣтельствовалъ Іоаннъ, говоря, что я видѣлъ Духа, нисходящаго съ неба, и пребылъ на Немъ“ (Іоан. 1, 32).

Принялъ какимъ же образомъ? Необходимо подробно изслѣдовать сказанное. Неужели какъ не имѣющій? Не говоримъ этого, нѣтъ. Духъ свойственъ Сыну и не отъ Него, какъ намъ посылается, даруемый отъ Бога, но соприсущъ Ему природно, какъ и Отцу, и чрезъ Него исходитъ святымъ ¹⁾, удѣляемый отъ Отца,

¹⁾ *Καὶ δι' αὐτοῦ πρόεισι τοῖς ἁγίοις κατὰ τὸ ἕκαστον πρότερον διανεμηθῆναι παρὰ Πατρὸς.* Латин. переводчикъ видитъ здѣсь ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына и переводитъ: *et per ipsum (filium) procedit, sanctis, prout unicuique convenit, a Patre distributus,* т. е. „и чрезъ Него (Сына)

сколько каждому подобаетъ. Получившимъ же называется, поскольку сталъ человѣкомъ и поскольку было человѣку надобно принять. Будучи Сыномъ Бога и Отца, рожденнымъ изъ сущности Его прежде вочеловѣченія, вѣрнѣе же—прежде всѣхъ вѣковъ, Онъ нисколько не огорчается словами Бога и Отца къ Нему, когда Онъ сталъ человѣкомъ: „Сынъ Мой—Ты, Я днесь родилъ Тебя“ (Лук. 3, 22 по нѣк. и Псал. 2, 7). О томъ, Кто есть Богъ превѣчный, рожденный отъ Бога, говоритъ, что Онъ *днесь рожденъ*, дабы воспринять насъ въ Немъ къ усыновленію, ибо все чело-вѣчество было во Христѣ, поскольку Онъ былъ чело-вѣкомъ. Такимъ образомъ и объ Имѣющемъ Духа говорится, что (Отецъ) снова далъ Его Ему, дабы мы приобрѣли въ Немъ Духа. По этой то причинѣ „сѣмя Авраамово воспріемлетъ“, по написанному (Евр. 2, 16), и уподобился „во всемъ братьямъ“ (ст. 17). Итакъ, Единородный принимаетъ Духа Святого не Себѣ Самому, ибо Его есть Духъ и въ Немъ и чрезъ Него, какъ уже прежде сказали мы, но поелику сталъ человѣкомъ и имѣлъ въ Себѣ всю природу (человѣческую), дабы всю ее исправить, преобразивъ въ изначальное состояніе.

Кромѣ сказаннаго надо обратить вниманіе и на слѣдующее. Путемъ мудрыхъ разсужденій и съ подтвержденіемъ словами божественнаго писанія мы можемъ увидѣть, что Христосъ принялъ Духа не для Себя, но для насъ въ Себѣ, ибо всѣ блага приходятъ къ намъ чрезъ Него. Такъ какъ праотецъ Адамъ не

исходитъ, удѣляемый святымъ... отъ Отца. Но возможенъ и нашъ переводъ, и дѣло должно рѣшаться на основаніи общедогматическаго ученія св. Кирилла о Святомъ Духѣ. Впрочемъ къ *проблемі* ср. далѣе слѣдующую рѣчь (Рус. 694, 18) о происхожденіи чело-вѣческаго рода отъ Адама.

сохранилъ благодати Духа, вслѣдствіе прельщенія обратившись къ непослушанію и грѣху, и вся такимъ образомъ природа его уже потерпѣла уронъ въ богоданномъ благѣ, то не знающій переменъ Богъ-Слово долженъ былъ стать человѣкомъ, дабы, принявъ (Духа) какъ человѣкъ, твердо сохранить природъ (человѣческой) благо. Изъяснителемъ такихъ тайнъ намъ выступить и самъ божественный Псалмопѣвецъ, ибо онъ такъ говоритъ къ Сыну: „Ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ неправду, посему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости болѣе причастниковъ Твоихъ“ (Псал. 41, 8). Такъ какъ говоритъ, *Ты возлюбилъ* всегда *правду*, ибо праведенъ Ты, Боже, не могущій никогда превратиться въ противоположное,—*и возненавидѣлъ неправду*—всегда, ибо ненавидѣніе зла есть свойство Твоей природы, какъ правдолюбиваго Бога: *посему помазалъ Тебя Богъ* и Отецъ, ибо, имѣя неизмѣнную правду какъ преимущество Своей природы, Ты никогда не можешь совратиться ко грѣху, коего не знаешь. Будучи таковымъ, Ты безспорно сохранилъ въ Себѣ, поскольку сталъ человѣкомъ, для человечества святое помазаніе отъ Бога и Отца, то есть Духа. Такимъ образомъ Единородный сталъ подобнымъ намъ человѣкомъ, дабы въ Немъ и первомъ возвращающіяся блага и насажденная благодать Духа уже крѣпко сохранялась для всей природы (человѣческой), такъ какъ Единородный и суще отъ Бога и Отца Слово сообщаетъ и намъ неизмѣнность Своей собственной природы, ибо человѣческая природа, по причинѣ осужденія въ Адамѣ, не можетъ быть постоянною и весьма склонна къ измѣнчивости. Поэтому, какъ въ измѣненіи перваго (человѣка) уронъ благъ проникъ во всю природу (человѣческую), такимъ же, думаю, образомъ и въ невѣдавшемъ измѣ-

ненія должно сохраниться для всего рода (человѣческаго) пріобрѣтеніе постоянства божественныхъ даровъ.

Если же наши мысли и слова кому либо кажутся несправедливыми, тотъ пусть между прочимъ узнаетъ причину, по коей Спаситель въ божественныхъ писаніяхъ называется вторымъ Адамомъ. Въ томъ первомъ родѣ человѣческой произошелъ изъ небытія къ бытію и, произшедши, подвергся тлѣнію, ибо оскорбилъ законъ Божій. Во второмъ же, то есть Христѣ, снова восходитъ къ началу, преобразуемый къ обновленію жизни и къ возвращенію нетлѣнія, ибо „кто во Христѣ—новая тварь“, какъ говоритъ Павелъ (2 Кор. 5, 17). Итакъ, намъ данъ обновляющій Духъ, то есть Святой, виновникъ вѣчной жизни послѣ прославленія Христова, то есть послѣ воскресенія, когда, расторгнувъ узы смерти и явивъ Себя побѣдителемъ всякаго тлѣнія, ожилъ опять имѣя въ Себѣ природу (человѣческую), поскольку былъ человѣкомъ и однимъ изъ насъ.

Если же пожелаешь тщательно изслѣдовать причину, по коей изліяніе Духа произошло не прежде воскресенія, но послѣ сего, то опять узнаешь вотъ что: начаткомъ обновляемой природы Христосъ сталъ тогда, когда, не смотря на узы смерти, ожилъ снова, какъ мы только что сказали о семъ. Какъ же, поэтому, можно бы было являться оживотворенными прежде Начатка тѣмъ, кои послѣ Него? Вѣдь какъ посѣвъ не могъ бы взойти изъ земли, безъ произрастанія изъ своего корня, ибо начало роста ему оттуда (изъ корня), такимъ же образомъ и намъ, имѣющимъ Господа нашего Іисуса Христа корнемъ для нетлѣнія, невозможно оказаться произросшими прежде своего Корня. Но потомъ, показуя время нисшествія на насъ Духа уже наступающимъ, Онъ по воскресеніи изъ мертвыхъ

дунуль Своимъ ученикамъ, говоря: примите Духа Святаго (Іоан. 20, 22). И дѣйствительно, время обновленія тогда было уже при дверяхъ, а вѣрнѣе—внутри дверей.

И пусть любознательный опять разсмотритъ, истинно ли это наше разсужденіе. Въ началѣ, какъ сказалъ намъ духоносець Моисей, Творецъ всего, взявъ персть отъ земли и образовавъ человѣка, „вдунуль въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 2, 7). Кто же есть это дыханіе жизни, какъ очевидно не Духъ Христа, говорящаго: „Я есмь воскресеніе и жизнь“ (Іоан. 11, 25)? Поелику отъ человѣчества удалился Духъ, могущій образовывать и содержать насъ по божественному образу, то Спаситель опять даруетъ намъ Его, возводя (насъ) въ то прежнее (наше) достоинство и преобразуя во образъ Свой собственный. Посему то и Павелъ говоритъ къ нѣкоторымъ (Галатамъ): „дѣтки, коихъ я опять рождаю, доколѣ вообразится Христосъ въ васъ“ (Гал. 4, 19).

Станемъ же разсуждать теперь, возвратившись къ предмету рѣчи. Во святыхъ пророкахъ, такъ дерзаемъ мы утверждать, было нѣкое какъ бы освѣщеніе обильное и сіяніе Духа, могшее руководить къ воспріятію будущаго и знанію сокровеннаго; а въ вѣрующихъ во Христа не просто только освѣщеніе отъ Духа, но и самое вселеніе Духа и обитаніе. Посему справедливо называемся храмами Бога, между тѣмъ какъ никто изъ святыхъ пророковъ никогда не называется божественнымъ храмомъ. Иначе какъ будемъ понимать и что скажемъ, когда услышимъ говорящаго намъ Спасителя Христа: „истинно, истинно говорю вамъ, не возсталъ въ рожденныхъ женами больше Іоанна Крестителя; меньшій же въ царствѣ небесномъ больше его есть“ (Матѣ. 11, 11). Какое это царствіе

небесное?—Очевидно, даяніе Святаго Духа, согласно сказанному: „царство небесное внутри васъ есть“ (Лук. 17, 21), ибо Духъ обитаетъ въ насъ чрезъ вѣру. Видишь, какъ выше всякаго рожденнаго женами ставить того; кто въ царствѣ небесномъ (находится) и меньшаго (ставить выше) совершеннаго.

И да не думаетъ кто либо, что мы говоримъ о словѣ, или умаляемъ достоинства тѣхъ святыхъ, или называемъ лучшими хотя бы и худшихъ. Не то говоримъ. Красота жизни ихъ несравненна. Но для яснаго разумѣнія въ немногихъ словахъ изъяснимъ сказанное Спасителемъ нашимъ.

Дѣйствительно, великъ былъ блаженный Креститель и славенъ всякимъ достоинствомъ, достигши самыхъ уже предѣловъ присущей намъ праведности, такъ что ничего нѣтъ вышаго. Но будучи таковымъ, онъ оказывался имѣвшимъ нужду во Христѣ, если говорилъ: „я нужду имѣю отъ Тебя креститься, и Ты приходишь ко мнѣ?“ (Матѣ. 3, 14). Не видишь ли, какъ, будучи совершеннымъ, насколько это доступно людямъ и рожденнымъ женами, просить себѣ возсозданія нѣкоторымъ образомъ и возрожденія чрезъ Святаго Духа? Развѣ не замѣчаешь, какъ большій (Креститель) ставитъ себя ниже (уже) возрожденныхъ, когда говоритъ, что самъ онъ еще нуждается въ этомъ? Вѣдь если бы онъ, не крещенный (крещеніемъ Христовымъ), былъ выше, что же заставляло и его просить себѣ крещенія (у Христа)? А если зналъ, что самъ онъ будетъ лучше, когда придетъ крещеніе, то развѣ не долженъ былъ усвоить большее уже крещеннымъ? И такъ, больше, говоритъ Христось, и самого Іоанна меньшій въ царствѣ небесномъ, то есть только что крещенный, еще и не имѣющій преимущества въ дѣлахъ,—тѣмъ только однимъ (онъ

больше Иоанна), что блаженный Креститель еще былъ (только) рожденнымъ женою, а сей (меньшій въ царствѣ небесномъ) рожденъ отъ Бога, по написанному (1 Иоан. 3, 9), и сталъ общникомъ божественной природы, имѣя обитающимъ въ себѣ Святаго Духа и называясь уже храмомъ Бога.

Теперь снова возвращаюсь къ самому толкуемому изрѣченію. Въ пророкахъ бывалъ (временно) Духъ ради потребности пророчества. Теперь же Онъ вселяется въ вѣрующихъ чрезъ Христа и въ Немъ первымъ началъ (обитать), когда Онъ сталъ человѣкомъ, ибо, какъ Богъ, Онъ имѣетъ Духа нераздѣльно и существенно соединеннымъ съ Собою и собственнымъ Своимъ. Но помазуется ради насъ и называется принимающимъ Духа, какъ человѣкъ, не Себѣ Самому доставляя причастіе божественныхъ благъ, но человѣческой природѣ, какъ уже мы выяснили раньше. Когда поэтому божественный Евангелистъ говоритъ намъ: „ибо еще не былъ Духъ, потому что Иисусъ еще не былъ прославленъ“, то мы должны предполагать, что онъ обозначаетъ всецѣлое и полное вселеніе Святаго Духа въ людяхъ.

VII, 40. 41. *Отъ народа же, слышавше нѣкіе слово сіе, глаголаху: Сей есть воистинну пророкъ* ¹⁾. *Друзіи глаголаху, (яко) Сей есть воистину Христосъ* ²⁾.

Поражаются дерзновеніемъ (Христа), какъ свойственнымъ (только) Богу и, видя слова эти уже не соответствующими человѣческой ограниченности, прибѣ-

¹⁾ Такъ, безъ *τινες* чит. древн. вм. *мнози же отъ..* поздн. Слав.—*των λουον τουτων* или безъ *τουτων* мн. позд. унц. и Слав. Савв. Арх.: *Слово се,*— въ Констант. и позд. и теп.: *слово*. Но въ древн. *των λουων*, нѣк. съ приб. *αυτου* и *τουτων*,—Остр. Гал. Мст. Мар. Зогр. *Словеса си*, Ал.: *словеса*.

²⁾ *οτι* и *αληθως* чит. нѣк. немн. Въ Слав. Сав. Арх.: *и ими*, Ал.: *ими*, Остр. Гал. *друзіи же*, Мар. Зогр.: *друзіи* (*δε* приб. въ немн.).

гають къ воспоминанію закона, какъ предвозвѣстившаго уже о Христѣ и говорящаго, что возстанетъ пророкъ подобный премудрому Моисею, имѣющій передавать Израилю слова отъ Бога. О немъ такъ говоритъ Богъ въ одномъ мѣстѣ къ святому Моисею: „пророка имъ возставлю изъ братій ихъ, какъ тебя, и положу слова Мои въ уста его, и будетъ говорить имъ согласно всему, что ни заповѣдаю ему“ (Второз. 18, 18). Итакъ, на основаніи свойства словъ Его и чрезмѣрной высоты рѣченій говорятъ, что вотъ уже явился тотъ самый (пророкъ) предвозвѣщенный въ законѣ. Кому же иначе подобаетъ говорить: *„если кто жаждетъ, да приходитъ ко Мнѣ и пьетъ“* и *„вѣрующій (кто вѣруетъ) въ Меня, какъ говоритъ (изрекло) Писаніе, рѣки изъ чрева его потекутъ воды живой“* (выше ст. 37. 38), какъ не одному только Богу по природѣ, каковымъ и былъ Христосъ? Если же Іудеи, низко думая о Немъ, называютъ Его просто „пророкъ“, не вѣдая превосходства Еммануила надъ всѣмъ, но считая Его однимъ изъ прочихъ, то и въ этомъ они оказываются опять весьма неразумно понимающими созерцанія, содержащіяся въ законѣ, ибо думаютъ, что Христосъ (Мессія) есть другой пророкъ, отличный отъ пророка, предреченнаго въ законѣ. И ничего нѣтъ удивительнаго, если народъ не имѣетъ точнаго понятія объ этомъ, когда и само богоборное множество надменныхъ фарисеевъ оказывается страждущимъ одинаковымъ съ народомъ недугомъ невѣжества. Такъ нѣкогда, удивляясь божественному Крестителю, они говорили: „что же крестишь, если ты не Христосъ, ни Ілія, ни пророкъ?“ (Іоан. 1, 25). При ожиданіи пришествія двоихъ, разумѣю пророка по предвозвѣщенію закона (Второз. 18, 18), и Ілію, они спрашивали о троихъ, предположивъ, что пророкъ, возвѣщенный въ законѣ,

есть другой, отличный отъ Иисуса. Поэтому благо- временно сказать о нихъ словами пророка Іезекіиля: „какъ мать, (такова) и дочь; дочь матери своей есть ты“ (Іезек. 16, 44. 45), ибо и народъ страдалъ тѣмъ же, чѣмъ и получившіе начальство. Впрочемъ полезно обратить вниманіе на то, что народъ былъ уже благо- готованъ къ вѣрѣ, такъ что словами Спасителя убѣж- дается отчасти къ удивленію предъ Нимъ, но, не имѣя руководства со стороны своихъ начальниковъ, увлекается на раздѣляющійся на многія стези путь догадокъ, причемъ одни говорятъ и уже вѣрують, что это Христосъ, а другіе—пророкъ. И дѣйствительно, прибавленное „истинно“ выразительно указываетъ уже на нѣкую твердость разсужденія и заставляетъ пред- полагать воспріятіе вѣры (въ нихъ).

VII, 41. 42. Ови же глаголаху: еда отъ Галилеи Хри- стосъ приходитъ? ¹⁾ Не писаніе ли рече, яко отъ съмене Давидова и отъ Виолеемскія веси, идѣже бѣ Давидъ, при- ходитъ Христосъ? ²⁾

Не безъ труда дѣлаютъ Іудеи изслѣдованіе, отно- сящееся ко Христу. Оказываются разсуждающими всеѣмъ умомъ своимъ и посредствомъ разнообразныхъ мыслей желающими получить истинное о Немъ пред- ставленіе. Сначала приведенные въ удивленіе словами Его и Его превеликое дерзновеніе въ ученіи уже принявъ въ руководство себѣ къ тому, чтобы мы- слить о Немъ нѣчто великое, они изслѣдуютъ теперь также и само божественное писаніе, надѣясь найти

¹⁾ *οι δε* др. *αλλοι*. Слав. *ови же* или *безъ же, и друзи*.—*приходитъ*. др.: *придетъ, приде, грядетъ*. Ал. *еда убо придетъ*.

²⁾ *Не пис. ли рече* (греч. *ελεγε* и *λεγει*) др.: *убо ни... не кнѣигы ли ре- коша*.—*племени*. Виол. *веси* въ однихъ, др.: *Виол. градъца, града*—*придетъ* X., *грядетъ* X., *приходитъ* Ал.: *ни ли... кдѣ...* X. *придетъ*, соотв. греч. вар.

тамъ неложнѣйшее о Немъ понятіе, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Такъ они вѣруютъ, очевидно убѣжденные пророчествами о Немъ, что Онъ будетъ отъ сѣмени треблаженнаго Давида и появится въ Виелеемѣ Іудейскомъ, ибо „покаялся Господь Давиду въ истинѣ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ премудрый Пѣвецъ, и не отвергнетъ его ¹⁾: отъ плода чрева твоего посажу на престолъ твой“ (Псал. 131, 11),—и пророкъ говоритъ: „и ты Виелеемъ, домъ Ефравы, малъ ты, (чтобы) быть въ тысячахъ Іудиныхъ, ибо изъ тебя Мнѣ изыдетъ (Нѣкто, чтобы) быть начальникомъ Израиля, и исходы Его отъ начала отъ дней вѣка“ (Мих. 5, 2). Впрочемъ неруководимый никѣмъ умъ Іудеевъ заблуждался и ошибался о Христѣ ради одного только Назарета, лежавшаго въ Галилеѣ, въ коемъ воспитанъ Господь, какъ гласила о томъ общая молва, о чемъ одинъ изъ святыхъ евангелистовъ говоритъ такъ: „пришелъ въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ“ (Лук. 4, 16). Не знали они, что родился въ Виелеемѣ Іудейскомъ отъ Святой Дѣвы, бывшей отъ сѣмени Давида, ибо былъ родомъ изъ колѣна Іудина,—и потому одно только воспитаніе Господа въ Назаретѣ отклоняетъ ихъ отъ истины и вводитъ въ ошибку противъ здраваго смысла.

VII. 43. Распря убо бысть въ народѣ ради Него ²⁾.

Спорять напрасно и раздѣляются на разныя мнѣнія, одни принимая Его за пророка, а другіе за Христа. Причиною происшедшаго отсюда разномыслія было то, что они ни Христа не знали, ни точнаго разумѣнія писаній не имѣли, ибо въ противномъ слу-

¹⁾ Такъ Син. др. и теп. слав. вм. *ее* Алек. др.

²⁾ Убо—нов. вм. древн.: *же*. Сав. оп. *въ народѣ*. Ал.: *въ народѣ бысть* соотв. греч. вар. Слав.: *Его ради*.

чаѣ, вѣруя, что Іисусъ не есть другой, отличный отъ возвѣщеннаго въ законѣ, пророкъ, они избѣжали бы такого неблаговременнаго разномыслія.

VII. 44. Нѣцыи же отъ нихъ хотяху яти Его: но никтоже возложи на нь руку¹⁾.

Посланные отъ архіереевъ и фариисеевъ для взятія Господа въ распрѣ народа между собою находили удобный случай для своего дерзкаго предпріятія. Они предполагали, что народъ безпрепятственно позволить имъ увести Его и нисколько не будетъ заботиться о томъ, чему бы Онъ ни подвергся, а напротивъ обрадуется удаленію Того, Кто былъ для него предлогомъ къ враждѣ и смятенію. „Но ни одинъ не возложилъ на Него руку“, не по уваженію къ Нему и не потому, что наложили на свою ярость узду благочестія, а только потому, что были остановлены Его силою. Своему времени предоставлялъ Онъ страданіе за насъ, и нападеніе Іудеевъ едва останавливается, сдерживаемое вышними прещеніями, ибо надлежало не преждевременно приступать къ убійству, но ждать, хотя они были нечестивы, времени (для этого) нечестія.

VII, 45. Приидоша же слуги ко архіереомъ и фариисеомъ и рѣша имъ тѣи: почто не приведосте Его?

Оказавшись не въ силахъ исполнить повелѣніе, посланные для взятія Господа пошли обратно къ начальникамъ. Начальники же весьма испугались этому пришествію слугъ, не видя у нихъ Того, за Кѣмъ по-

---

¹⁾ Слав.: етери, едини, но Гал. и Ал. нѣцыи. Ал.: нѣцыи же хотѣша (ошибка) изъ (точнѣе вм. тепер. и древн.: отъ) нихъ... Его (вм. др.: ѿ), но ни одинъ (точно вм. др.: никто)... Руки (точнѣе вм. руку, ибо греч. не двойст., а множ.).

сылали. Считая уже сдѣланнымъ то, что было у нихъ въ предположеніи, поражаются не малымъ ужасомъ. Вѣдь такъ какъ посредствомъ величайшихъ знаменій и необычайныхъ словъ Своихъ Христосъ вызывалъ удивленіе къ Себѣ, то они изсушались своею собственною имъ завистію, но также и въ немаломъ находились опасеніи, какъ бы народъ Іудейскій, разсудивъ, что подобаешь уже слѣдовать за Нимъ, не вышелъ изъ рукъ ихъ. Подумавъ, что это уже совершилось,—вѣдь подозрительность всегда легковѣрна,—они съ поспѣшностію спрашиваютъ: „почему не привели вы Его?“ Что, говорятъ, воспрепятствовало вамъ не привести въ исполненіе волю начальствующихъ? Съ пламенною поспѣшностію иногда стремимся мы узнать все, не разбирая часто препятствій, но быстро составляя мнѣніе подъ вліяніемъ того, чего сильно желаемъ или отвращаемся.

VII. 46. Отвѣщающа слуги: николиже не глаголаъ тако чловѣкъ¹⁾.

По истинѣ благовременно сказать о Спасителѣ нашемъ Христѣ: „уловляющій мудрецовъ въ лукавствѣ ихъ“, ибо вотъ Онъ, по написанному, „намѣреніе хитро-сплетенное разорилъ“ (1 Кор. 3, 19 и Іов. 5, 13), и все предпріятіе обратилъ въ противоположную сторону, отовсюду изболчая гнусность начальниковъ и нечестіе ихъ нравовъ, какъ безсильное и дерзкое, не боящееся богоборствовать. Вѣдь архіереи и фари-сеи, опасаясь, какъ бы народъ Іудейскій не убѣдился словами Спасителя, высылають слугъ схватить Его,

¹⁾ Ал: *никогда же* (сице) *глаголаъ*, Сав: *не глагола тако*, Др: *николи же тако есть глаголаъ* или *глаг. есть*, соотв. греч. вар.—Кир. оп. *какъ сей говоритъ чловѣкъ*. согл. №с. В др. Но древн. чит. *ὡς οὐτοῦ λαλεῖ ἃ* №* Сир. (кур. син.) др. но Слав. оп. *лалеи* соот. повдн.

полагая, что удаленіе Христа избавитъ ихъ отъ заботы о Немъ. Но (дѣйствительно) испытавъ то самое, что было у нихъ въ подозрѣніи (убѣжденіе словами Спасителя), посланные ихъ воротились, и начальники даже невольно научаются тому, что должно было ужасать слушающихъ, и вопреки желанію неожиданно узнають, слушая: „*никогда не говорилъ такъ человекъ*“.

А какъ говорятъ это въ оправданіе того, что не привели Господа, то опять постараемся пространно истолковать слово ихъ, повсюду заботясь объ изъясненіи рѣченій. Вѣдь если, говорится, мы услаждаемся изученіемъ священныхъ писаній, если хвалимся тѣмъ, что бываемъ наставляемы божественнымъ закономъ, если удивляемся мудрости, какъ нѣкоему изъ неземныхъ благъ, то зачѣмъ нечестиво гонимъ столь Премудраго, великую неправду оказываемъ Тому, Кому это всего менѣе подобаешь, и Кому, напротивъ, слѣдуетъ воздавать превеликою любовью? Но и осужденію со стороны закона мы подвергаемъ свои головы, возымѣвъ безумную жажду убить Невиннаго и Праведнаго. Такую мысль, справедливо можемъ думать, заключаютъ въ себѣ слова слугъ.

Но я думаю, что они уразумѣвали и нѣчто болѣе острое, когда говорили: „*никогда не говорилъ такъ человекъ*“. Едва не говорятъ такъ: не благоразсудительно вы обвиняете теперь оказавшихся не въ силахъ привести къ вамъ Искомаго вами, ибо какимъ образомъ кто либо въ силахъ совершить насиліе надъ Тѣмъ, Кто, сколько можно судить по Его словамъ, имѣетъ божественную природу? Вѣдь Онъ говорилъ не какъ человекъ и сказанныя Имъ слова не были свойственны человеку, но безспорно приличествовали болѣе Богу по природѣ. Дѣйствительно, говорятъ, пусть скажетъ кто нибудь, если онъ припомнитъ, кто

изъ святыхъ пророковъ окажется называющимъ себя потокомъ? Или кто осмѣлился сказать: „если кто жаждетъ, да приходитъ ко Мнѣ и пьетъ“ (ст. 37)? Когда самъ великій Моисей говорилъ намъ: „вѣрующій въ Меня, (если и умретъ, жить будетъ), рѣки изъ чрева его потекутъ воды жизни“ (ст. 38 ср. 11, 25)? А мы слышали, что Онъ говорилъ это. Слѣдовательно Онъ— Богъ по природѣ, дерзновенно говорящій о Себѣ эти великія слова, столь превышающія рѣчь человѣческую. И рѣшатся по принужденію и насилію взять Того, Кто выше твари, кто не назоветъ это крайне опаснымъ? Или какимъ образомъ могъ бы быть взятъ вами противъ Его воли Тотъ, Кто настолько выше насъ, насколько Богъ выше человѣка? Слѣдовательно слуги предъявляютъ ясное доказательство того, что Господь есть Богъ по природѣ, въ словахъ: „*никогда не говорилъ человекъ такъ*“. Такъ отовсюду поражается богоборный, и чрезъ что думаетъ достигнуть желаемого, чрезъ это самое, не вѣдая того, самъ подвергается пораженію.

VII. 47. Отвѣщаша имъ фарисеи: еда и вы прельщени быте ¹⁾?

Слугамъ слѣдовало бы конечно быть сильно преданными іудейству, всегда слѣдовать фарисеямъ и раздѣлять общее съ ними мнѣніе, равно какъ и всегда исполнять слова начальниковъ и держаться согласныхъ съ ними мыслей. Когда же они пришли, не приведя Господа, но, сверхъ ожиданія пораженные и уже поздно и едва возымѣвъ удивленіе предъ

---

¹⁾ Безъ *убо* согл. однимъ греч. и древнесл. (*убо* чит. Конст. Ал. поздн.). Въмѣсто *быте* Остр. Мст. Гал. Мар. др. и позд.—Тип. и Сим. *есте*—вполнѣ точно,—Ал: *сблзнитеся* Сав. *прѣльсти*(естеся)?

Тѣмъ, Кого съ самаго начала не подобало ненави-
дѣть, думали, что и всѣ прочіе могутъ быть убѣж-
дены ими, тогда начальники съ какою-то великою
скорбію говорятъ: „неужели и вы прельщены?“ Замѣтъ,
что нѣкое отчаяніе въ надеждѣ на народъ заклю-
чаютъ въ себѣ эти слова. Ради слугъ они прояв-
ляютъ такой страхъ, что какъ будто бы уже прель-
стился весь прочій народъ, отличавшійся непостоян-
ствомъ. Остальная толпа народа, говорятъ, не знако-
мая съ священными писъменами и не укрѣпленная пре-
данностію намъ, пусть предается всякимъ напраснымъ
влеченіямъ послѣдовать за Нимъ и легкомысленно
увлекается Его словами и дѣлами, но вы то откуда
получили заблужденіе? Какимъ образомъ прельсти-
лись и вы сами? Что отвлекло васъ отъ любви къ
намъ, хотя вы и ожесточены одинаковымъ съ нами
невѣріемъ? Нѣчто подобное, думаю, означаютъ слова
фарисеевъ.

*VII. 48. 49. Еда кто отъ князь върова в' Онъ или отъ
фарисей? Но народъ сей, иже не въсть ¹⁾ закона, про-
кляти суть.*

Ударяются опять въ свою обычную надменность, бро-
сая обвиненіе въ невѣжествѣ на тѣхъ, кои удивля-
лись предъ Иисусомъ, какъ чудотворцемъ и говорив-
шемъ свойственныя только Богу слова, и свои только
головы вѣнчая знаніемъ закона и вѣденіемъ священ-
ныхъ писаній. А что они не сочувствуютъ справед-
ливо удивляющимся тому, это почитаютъ верхомъ
всякой добродѣтели. Чрезмѣрно хвастаются, впадая
въ заблужденіе и вслѣдствіе превеликаго легкомыс-
лія безпрепятственно увлекаясь въ полное невѣжество

¹⁾ Ал. букв: иже не въдыи.

(тѣмъ, что думали), будто бы законъ повелѣваетъ обвинять досточудное и противоположное рѣшеніе давать о томъ, что лишено чудесности. Такимъ образомъ тѣмъ, что имъ болѣе надлежало бы признать въ лицѣ Иисуса пришествіе Христа, этимъ самымъ они оказываются приносящими вредъ себѣ самимъ и „отягчаютъ оковы свои“, по написанному (Авв. 2, 6), ибо „называя себя мудрыми, обезумѣли“ (Рим. 1, 22). Напротивъ, гораздо лучше было бы для нихъ признаться въ незнаніи закона, чѣмъ думать и говорить, что прекрасно знаютъ, а между тѣмъ безчестить Проповѣдуемаго въ немъ и чрезъ то подпадать подъ тягчайшее наказаніе и подвергаться неизбѣжнымъ бѣдамъ. Вѣдь рабъ, сказано „знающій волю господина своего и не исполнившій битъ будетъ много, а не знающій и не исполнившій битъ будетъ мало“ (Лук. 12, 47. 48). Итакъ, признавъ себя знающими законъ, они сами выражаютъ обвиненіе своему невѣрію и осмѣиваютъ народъ какъ невѣжественный и потому прельщенный чудесами Спасителя нашего. Потомъ, будучи не въ силахъ убѣждать посредствомъ доказательствъ изъ закона, они надменно бранятъ тѣхъ, кои были готовы къ уразумѣнію, называя ихъ невѣждами. Это—всегдашній обычай невѣжественнѣйшихъ учителей: не имѣя что сказать на вопросъ, отражать гнѣвомъ точность любопытствующихъ. „Прокляты суть“, говорятъ, вѣрующіе, хотя справедливѣе было бы имъ говорить это о себѣ самихъ, ибо быть проклятымъ болѣе конечно приличествуетъ невѣрующему, какъ ясно сказалъ законодатель о Спасителѣ нашемъ Христѣ, какъ о Пророкѣ: „и будетъ (что) кто не послушаетъ (того), что скажетъ Пророкъ Тотъ во имя Мое, истребится душа та изъ народа своего“ (Второз. 18, 19; Дѣян. 3, 23).

VII, 50. 51. *Глагола къ нимъ Никодимъ, пришедый къ Нему прежде, единъ сый отъ нихъ* ¹⁾: *еда законъ нашъ судитъ чловѣка, аще не слышитъ прежде отъ него и разумѣтъ, что творитъ?* ²⁾

Однимъ изъ начальниковъ и въ числѣ получившихъ власть оказывается Никодимъ, который однакожь не былъ¹ всецѣло невѣрующимъ, совсѣмъ не сочувствовалъ ихъ безумію и имѣлъ уже зародышъ вѣры, хотя и не обладалъ еще свободною любовью ко Христу. Впрочемъ питалъ нѣкоторое уваженіе къ обличеніямъ совѣсти, ибо всѣ, думаю, знаютъ, какъ ночью приходилъ къ Нему и твердо выразилъ ясное знаніе о томъ, что Онъ пришелъ учителемъ отъ Бога и никто бы не могъ совершить такія знаменія, если бы не имѣлъ съ собою Бога, какъ объ этомъ ясно сказалъ блаженный Евангелистъ въ началѣ (3, 2). Итакъ, раздѣляя удивленіе народа предъ Іисусомъ, онъ какъ бы поражается тѣмъ, что вмѣстѣ съ народомъ называется проклятымъ. Вѣдь трудно заставить совѣсть быть покойною, когда что либо бываетъ противъ нашего настроенія. Оскорбленный этимъ, онъ выставилъ противъ нихъ равную укоризну, какъ имѣющую удостоеніе въ словахъ закона, правда еще не ясно и не проявляя слишкомъ открыто свое негодованіе. Между тѣмъ какъ законъ, говоритъ, повелѣваетъ судьямъ при каждомъ изслѣдуемомъ дѣлѣ „и изслѣдуй“ (Второз. 17, 4) точно и ясно, такъ ли было дѣло, вы,

¹⁾ Ал. точно: *глаголетъ*, впрочемъ есть вар. *ελεεν* вм. *λευει*. Остр. Мст. Гал. Мар. Зогр. др: *пришедшій* (безъ *иже*, какъ поздн. и теп.), а Юр. Тип. Ал: *проходивый* — оба чтенія лучше теперешняго. Кир. чит. *πρότερον* вм. *ιητος*, согл. однимъ,—др. пмѣютъ то и другое, иные опуск. это предложеніе, а др. оп: *εις ου...* Ал: *изъ нихъ*. Это—одно изъ обилующихъ вариантами мѣстъ евангелія.

²⁾ Сав: *осуждаетъ чловѣка* Тип. Карп: *услышитъ*. Ал. *перевѣ*.

говорить, уже поспѣшно осудили еще не призванныхъ на судъ и, прежде чѣмъ услышали отъ нихъ какое либо слово, такимъ образомъ даете уже готовый приговоръ. Слѣдовательно вы, говоритъ, вѣрнѣе оказываетесь проклятыми, какъ презрители закона. Вѣдь написано: „проклятъ всякій, кто не пребываетъ во всемъ написанномъ въ книгѣ закона сего—совершать это“ (Гал. 3, 10; Второз. 27, 26). Тѣмъ, что онъ съ своей стороны негодуетъ на фарисеевъ, обвинявшихъ народъ за одно только удивленіе его предъ Иисусомъ, онъ обнаруживаетъ сочувствіе вѣрующимъ. Страдая еще вреднымъ уваженіемъ (къ фарисеямъ) и съ ревностію еще не соединивъ смѣлость, онъ допускаетъ уже присущей ему вѣрѣ открыться явно, но, облакая ее лицемѣріемъ, какъ бы темнымъ одѣяніемъ, скрываетъ еще свое сочувствіе Христу. Тяжелымъ впрочемъ недугомъ страдаетъ онъ. Вѣдь вѣровать надо безъ медлительности, болѣе величаясь. чѣмъ стыдясь, — явно свидѣтельствуя свое дерзновеніе и отказываясь отъ раболѣпнаго лицемѣрія. Вотъ почему и премудрый Павелъ опредѣлялъ, что должно быть „дѣлательемъ непостыднымъ, прямо (рѣжущимъ правду) высказывающимъ слово истины“ (2 Тим. 2, 15). И самъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, показывая въ себѣ самомъ превосходное достоинство: „не стыжусь евангелія, ибо оно сила Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему“ (Рим. 1, 16). Итакъ, исполнена горечи, — скажу, возвращаясь назадъ, — была рѣчь Никодима, ибо чего ради онъ одинъ возсталъ противъ словъ фарисеевъ, хотя смертоубійственное это соборище имѣло и многихъ другихъ? Но всякому уже очевидно, если онъ былъ причисленъ къ удивляющимся Христу (и слѣдовательно къ проклятымъ), то съ своей стороны (вопреки имъ) онъ

объявляетъ проклятыми гѣхъ, кои нечестиво положили проклятіе на совѣмъ не заслуживавшихъ этого.

VII. 52. *Отвѣщаша и рекоша ему: еда и ты отъ Галилеи еси? Испытай и виждь, яко отъ Галилеи пророкъ не возстаетъ ¹⁾.*

Будучи Іудеемъ и туземцемъ, зачѣмъ, говорятъ, ты подвергся неопытности Галилеянь и вмѣстѣ съ совершенно не знающими нашего ученія обнаруживаешь странное невѣжество? Превосходно знакомый съ священными писаніями и наученный заповѣдямъ закона, почему не знаешь, что нельзя ожидать пророка изъ Галилеянь? Такой смыслъ заключается въ словахъ фарисеевъ.

Но обрати опять вниманіе вотъ на что. Осмѣивая народъ, какъ невѣдущій ничего, что надлежало знать, обвиняя его въ превеликомъ невѣжествѣ, презирая и горделиво называя невѣжественнымъ, сами оказываются подверженными худшему и никоимъ образомъ не уступающими неопытности его. Тѣ (люди народа), принявъ чудеса Христовы и мало по малу уже какъ бы собирая вѣру въ Него, говорили то: „Христосъ когда придетъ, неужели большія знаменія имѣетъ совершить, чѣмъ какія Сей совершилъ?“ (7, 31), то наоборотъ, отвлекаемые отъ столь правильнаго мнѣнія, вводились въ заблужденіе однимъ только Назаретомъ, лежавшемъ въ Галилеѣ, гдѣ, какъ сообщаетъ божественное писаніе, былъ воспитанъ Господь, и поэтому говорили: „неужели подлинно изъ Галилеи Христосъ грядетъ? Не писаніе ли говоритъ (сказало), что

¹⁾ У св. Кир: *ὄχι ἐγύρεται* — не воста ср. Матѣ. 11, 11, какъ поздн. унц. но древнѣйшіе: *ἐγύρεται*, Св. Ал. точно: не встаетъ. Но Слав. не приходитъ, Зогр: придетъ, Асс. придетъ (тѣ? кончая этимъ стихъ), слѣдую рѣдкому чт: *ἐρχεται* код. и (Венец. 9—10 в.).

изъ стѣмни Давида и отъ Виолеема, селенія, гдѣ былъ Давидъ, Христось грядетъ?“ (ст. 41. 42). Подвергая сильному осмѣянію невѣжество народа и за это называя его проклятымъ, они пребывали въ неменьшемъ, чѣмъ онъ, невѣденіи, ибо вотъ и сами говорятъ: „*изслѣдуй и узнай, что пророкъ изъ Галилеи не возставалъ*“.

Основательно возмущенный этимъ кто либо можетъ сказать имъ: о, никому не уступающіе первенство въ невѣжествѣ, грубые и тупые, гдѣ похвальба вашей гордыни—слѣдъ мудрости въ васъ? Гдѣ законовѣдамъ подобающее разумѣніе? Вѣдь не сомнѣваться надлежало о Спасителѣ Христѣ, а напротивъ, безъ всякихъ колебаній всецѣло вѣровать Богу и Отцу, говорящему о Немъ къ святому Моисею, что „Пророка имъ возставляю изъ братій ихъ, какъ тебя“ (Второз. 18, 18). Выраженіе „изъ братій ихъ“ развѣ не должно безъ сомнѣнія значить: изъ Іудеевъ и изъ Израиля? Иначе не потребуется обвинителей со стороны, но сами чрезъ себя будете изобличены въ неразуміи. Вѣдь когда Спаситель нашъ Христось училъ и ясно сказалъ: „*потому что Я сошелъ съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Меня* (6, 38), то вы грубо разсуждали тогда, и, скрывая въ себѣ чрезмѣрную ярость къ этому, говорили опять: „не Сей ли есть Исусъ, сынъ Іосифовъ, Коего мы знаемъ отца и мать? Какъ же теперь говорить, что съ неба сошелъ Я?“ (6, 42). Когда такимъ образомъ ты признаешься ясно, что хорошо знаешь отца и мать, знаешь конечно Его происхожденіе отъ корня Израилева: то какимъ же образомъ объ Іудеянинѣ говоришь, что Онъ есть Галилеянинъ? Какъ будетъ иноплеменникомъ Тотъ, Кто отъ Израиля? Вѣдь воспитаніе Его въ странѣ Галилейской и жительство тамъ въ тече-

ни нѣсколькихъ лѣтъ отнюдь конечно не исключаютъ Израильянина изъ своего племени, такъ какъ ничто не препятствуетъ быть родомъ Іудеяниномъ Тому, Кто являлся изъ (страны) Галилеянъ, когда приходилъ въ страну Іудеянъ. Поэтому напрасна рѣчь считающихъ себя мудрецами фариисеевъ о Спасителѣ нашемъ Христѣ, „что изъ Галилеи пророкъ не возсталъ“. Напротивъ, надо было изслѣдовать, какимъ образомъ происходящій отъ Іудеянъ могъ быть Галилеяниномъ, и такимъ образомъ уже разумѣть воспитаніе въ Назаретѣ, а не уклоняться ради этого отъ вѣры.

Обратить вниманіе опять надо на то, какъ не будучи въ состояніи съ какой либо стороны напасть на чудеса Его, хотя и возбужденные до крайней ненависти (къ Нему), возражаютъ на основаніи одной только страны, какъ скоро былъ изъ Галилеи, по догадкѣ ихъ. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ являвшагося у нихъ отсюда подозрѣнія, должна была бы наконецъ уже возникнуть вѣра непоколебимая, если бы они были мудры ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь у св. Кирилла слѣдуетъ пропускъ Іоан. 7, 53—8, 11, содержащихъ повѣствованіе о женѣ прелюбодѣяцѣ. Въ объясненіе этого пропуска надо указать на то, что рассказъ этотъ читается только у представителей болѣе поздней редакціи новозавѣтнаго текста, какъ то: *кодд.* D (6 в. но текстъ кодекса довольно различествуетъ отъ другихъ) F (9 в.) др. многоч. поздн. евангелистаріи, — въ нѣк. съ помѣтами, какъ E (8 в.) M (9 в.) др., — многіе кодексы греч. и лат. по свид. Іеронима, *Итал.* Ъ (? 5 в. нѣтъ листа съ 7, 44—8, 12). с. e (5 в.) f (6 в.). ff 2 (7 в.). g (8 в.). h. *Вулг.* (изд. и кодд.). *Эр. Армян.* (поздн. изд. и ркп.) и *Конт.* (Metaphr. ed. Wilkins). *Араб.* (Walt) *Сакс. Перс. и Слав.* (Mar. Загр. Гал. др. но въ Остром. нѣтъ), *Сир. Іерус.* (ркп. 12 в. но текстъ ранѣе 6 в. вѣроятно 4 в: встрѣчается въ двухъ мѣстахъ, сначала 7, 53—8, 2 въ чтеніи на пятидесятницу, — потомъ 8 сент. въ память св. Пелагеи 8, 1—11 ср. сд. Egizzo p. 109 и 459—461) и нѣк. *Апост. Пост. и Дидаск.* (3 в. ? излагаютъ кратко) *Амер. Іерон. Авг.* (и Іер. и Авг. знаютъ о пропускѣ мѣста въ мн. кодд.). Псевдо-Аеанасій (Синопс.). Никонъ (10 в. излагая кратко, утверждаетъ, что Армяне выбросили эту исторію какъ вредную, —

Fabric. Cod. Ap. 1, 358; подобное же ср. у Августина) и *Евв. Зиг.* (но съ оговоркою).

Напротивъ изъ болѣе древнихъ и авторитетныхъ представителей текста многіе *совсѣмъ не читаютъ*: Син. (4 в.). Ват. (4 в.). Алекс. (5 в.). Ефр. Спр. (5 в. код. А и С не имѣютъ листа, но по размѣру письма эта перикопа не могла помѣститься) др. мн., также *минуск.* 33 (9 в.) и мн. *Древнелат.*: а (5 в.) б (? 5 в.) f (6 в.) др. *Гот. Саг. Копт.* (ркп.) *Арм.* (древн. ркп.) *Сир.* пещ. и геракл. (древн. ркп.) и *древнѣйшіе Сирскіе*: Кур. Син. (ed. Bensly set. p. 263—264). Тац. (Ефр. Афр. в Араб. Сіаска). *Писатели*: Терт. Ориг. Злат. Ноннъ, Косма, Теофил., также Аполлнн. и Θεод. Моис. (по схолиямъ код. А 9 в., код. 1 мн. 10 в. др.),—также не могли бы не воспользоваться этой исторіей Ирин. Вас. Кипр. Гилар. Ювенкъ. Этой перикопы не значится въ спискахъ главъ не только кодд. АС, гдѣ ея нѣтъ въ текстѣ, но и въ *ЕЛ*, гдѣ она помѣщается въ текстѣ,—вѣроятно не было этой перикопы въ главахъ ни у Аммонія, ни у Евсевія. Многіе кодд. помѣчаютъ астерисками и обелами: EMS др. или оставляютъ пустое мѣсто: ΣΔ, сопровождаютъ примѣчаніями: А. 1. 34 др. нѣк. помѣщаютъ на полѣ къ 7, 52. Наконецъ эта перикопа по многимъ спискамъ не имѣетъ опредѣленнаго положенія въ текстѣ, но путешествуетъ по разнымъ мѣстамъ, то: въ концѣ еванг. Іоанна код. 1 и мн. мн. в больш. Арм. кодд., то послѣ Іоан. 7, 36, какъ код. 225, то послѣ Лук. 21 главы код. 13. 69, 124. 346, то послѣ Лук. 21, 36 код. 225.

Сюда надо присоединить: а) весь рассказъ очевиднѣйшимъ образомъ прерываетъ послѣдовательность евангельскаго изложенія и не имѣетъ мѣста въ логически стройномъ планѣ евангелія Іоанна; б) характеръ разсказа какъ по содержанію, такъ и по изложенію, совершенно синопитическій, а не іоанновскій; в) неопредѣленность мѣстоположенія разсказа, неустойчивость его редакція и такое обиліе вариантовъ, какого не знаетъ еще ни одно мѣсто Новаго Завѣта.

Основываясь на такихъ твердыхъ *научныхъ* данныхъ и на *догматическомъ* авторитетѣ св. Отцевъ, особенно Златоуста и Кирилла, надо читать этотъ, несомнѣнно принадлежащій первохристіанской древности (Евангеліе Евреевъ, Папій, Апост. Пост.) и вполне евангельскаго духа, рассказъ или совсѣмъ отдѣльно отъ Евангелій—въ концѣ четвероевангелія, какъ во многихъ древнихъ спискахъ, или же помѣстить гдѣ либо между текстомъ (въ скобахъ) евангелія Маттея.

Послѣднее тѣмъ болѣе естественно, что впервые рассказъ былъ изложенъ письменно, по свидѣтельству Евсевія Ист. Ц. 3, 39. 16 (Hein. 150), св. Папиемъ, епископомъ Іераспольскимъ, каковая исторія имѣлась и въ евангеліи Евреевъ, арамейскомъ подлинникѣ греческаго Маттея. Выраженіе Евсевія: *ἐκτίθειται δὲ (Παπίας) καὶ ἄλλην ἱστορίαν περὶ γυναῖκός, ἐπὶ πολλαῖς ἁμαρτίαις διαβληθείσης ἐπὶ τοῦ Κυρίου, ἣν τὸ καθ' Ἑβραίους εὐαγγέλιον περιέχει* не устраняетъ нашей исторіи неопредѣленнымъ *ἐπὶ πολλαῖς ἁμαρτίαις*, ибо конецъ разсказа по код. D: *ἀλλ' τοῦ νόμου κέτι ἀπότανε* предполагаетъ именно *πολλὰς ἁμαρτίας*, а не единичное преступленіе. Выраженію Папія вполне также соотвѣтствуетъ: *τὴν δὲ (ἐτέραν δὲ τινὰ) ἡμαρτηκλίαν ἔστησαν οἱ πρεσβύτεροι ἐμπροσθεν αὐτοῦ* въ Дидаск. в Апост. Пост. А

VIII. 12. Паки же речъ ¹⁾ имъ Исусъ, глаголя: Азъ есмь свѣтъ міра.

Ведеть рѣчь Исусъ, какъ говорили мы, соотвѣтствующую написанному о праздникѣ (кущей), когда въ послѣдній день стоялъ, восклицая: „если кто жаждетъ, да приходитъ ко Мнѣ и пьетъ“ (7, 37), такъ какъ въ Моисеевомъ изреченіи упомянуто о потокѣ. Такимъ образомъ и теперь дѣлаетъ вполнѣ своевременное разъясненіе и соотвѣтствующее природѣ дѣлъ. Такъ какъ Онъ видѣлъ учителей такими же неразумными, какъ и народъ, и осмѣивавшихъ (народъ начальниковъ) страждущими порокомъ, подобнымъ осмѣиваемымъ, одною какъ бы ночью невѣжества покрытыхъ (крещенныхъ), пытающихся доискаться тайны о Немъ, но совершенно ничего не обрѣтающихъ, то выставляетъ на видъ причину присущей имъ неразумности, восклицая: „Я (есмя) свѣтъ міра“. Пройдя, говорить, все святое писаніе и думая изслѣдовать сказанное обо Мнѣ чрезъ пророковъ, вы однакожь далеко заблуждаетесь отъ пути жизни. И ни-

главное: Руфинъ, навѣрно знавшій какъ книгу Папія, такъ и греко-латинскій Иеронимовъ переводъ евангелія евреевъ, въ латинскомъ переводѣ Церковной Исторіи Евсевія, вислолько не колеблясь, относить это свидѣтельство къ нашему разсказу о женѣ прелюбодѣйцѣ, ибо передаетъ такъ: *historiam de muliere adultera, quae accusata est a Judaeis apud Dominum*. Вѣроятно отсюда, а можетъ быть и прямо изъ преданія, взять этотъ разсказъ и въ Апостольскія Постановленія и Дидаскаліи. См. у Tischend. 826—830 и 834—836, ср. Soden, 486—524.

Кромѣ греч. св. Отцевъ можно опереться и на авторитетъ слав. богослужебнаго чтенія на Пятидесятницу. Такъ въ Остромировомъ Евангеліи (листъ 55 столб. 2 стр. 14—18 св. читается такъ:

ТАКО ОТЪ ГАЛНАЕ
 ІА ПРОРОКЪ НЕ ПРИ
 ХОДИТЬ. ПАКЫ
 ЖЕ ИМЪ ИИСУСЪ РЕЧЕ
 ГАІА + АЗЪ ЕСМЯ

¹⁾ Ал. *бесѣдоваше*.

чего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Вѣдь у васъ нѣтъ Открывающаго тайны, Освѣщающаго весь міръ и наподобіе солнца Посылающаго лучи въ сердца приемлющихъ Его. А кто не имѣетъ божественнаго и духовнаго свѣта въ себѣ, тому безъ сомнѣнія необходимо ходить во тьмѣ и вслѣдствіе этого подвергаться многимъ ошибкамъ.

А что Единородный есть свѣтъ по природѣ, какъ возсіявшій отъ Свѣта по природѣ Бога и Отца, это уже раскрыто нами посредствомъ обширнаго разсужденія въ первой книгѣ, при толкованіи изреченія: „былъ свѣтъ истинный“ (1, 9).

Надлежитъ опять обратить вниманіе, что называетъ Себя *свѣтомъ* не Израильтянъ особо и отдѣльно, но всего *міра*. И это, говоритъ, вполне истинно по слѣдующей причинѣ. Вѣдь Онъ то и есть, утверждаемъ, Тотъ, Кто всей природѣ посылаетъ духовный свѣтъ и какъ бы нѣкій зародышъ сѣмени каждому, призванному къ бытію, человѣку всѣваетъ свойственный ему разумъ, согласно сказанному о Немъ: „*былъ свѣтъ истинный, что освѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*“ (1, 10). Впрочемъ въ этомъ изреченіи, полагаю, также заключается нѣчто острое. Вѣдь если бы изреченіе это не содержало въ себѣ нѣчто такое (острое), то надлежало бы сказать только: „*Я—свѣтъ*“. Но такъ какъ присоединилъ „*міра*“, то и теперь желаетъ, какъ думаю, прикровенно выразить нѣчто, подобное слѣдующему: Богъ вѣдомъ былъ въ одной только Іудеѣ и велико было имя Его въ одномъ Израилѣ (Псал. 75, 2), а прочую всю землю наполняла какъ бы глубокая тьма, такъ какъ никто изъ пребывавшихъ въ мірѣ не имѣлъ божественнаго и небеснаго свѣта, кромѣ только одного Израиля. Но въ то время, какъ всѣ вообще языческіе народы, на-

ходившіеся въ этомъ мірѣ, были лишены боговѣдѣнія и находились какъ бы въ какомъ особомъ разрядѣ, „появился народъ Господень, (какъ) часть Его, удѣль наслѣдія Его—Израиль“ (Второз. 32, 9). Такимъ образомъ съ переходомъ Духовнаго Солнца опять ко всему міру, при удаленіи Свѣта отъ Израильтянъ и перенесеніи къ язычникамъ, Израиль оказывался внѣ всѣхъ (народовъ), ибо „когда ждали они свѣта, явилась имъ тьма, по написанному,—ожидая сіянія (солнечнаго), во мракѣ (непогоды) ходили“ (Иса. 59, 9). Поэтому не безцѣльно говорилъ фарисеямъ Спаситель: „Я (есмы) свѣтъ міра“. Этимъ Онъ благородно выражаетъ угрозу, что удалится отъ Израиля и перенесетъ благодать на весь уже міръ и распространитъ наконецъ лучъ боговѣдѣнія и всѣмъ прочимъ (народамъ).

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя для слушателей Онъ являлся человѣкомъ и съ плотію, однакоже не говорить: *во Мнѣ—свѣтъ*, но: „Я есмь свѣтъ“, дабы кто не раздѣлилъ Христа послѣ Его вочеловѣченія на двоицу сыновъ, ибо одинъ Господь Іисусъ Христосъ, какъ Павелъ говоритъ (1 Кор. 8, 6), и прежде (принятія) плоти и съ плотію и одинъ и единственный истинный Сынъ отъ Бога Отца Слово и когда сталъ человѣкомъ, такъ какъ принятый Имъ отъ Жены храмъ не былъ раздѣленъ на части. Вѣдь это было Его собственное тѣло, и всецѣло разсѣкать Его послѣ воплощенія, по отношенію къ сыновству (на двухъ сыновъ), не лишено хулы (на Него).

Впрочемъ должно знать, что хотя и говоримъ: *воплотился*, но этимъ не утверждаемъ, что Слово Божіе облеклось одною только плотію, но въ имени плоти обозначаемъ всего человѣка.

VIII. 12. *Ходяи по Мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный* ¹⁾.

Опять убѣждаетъ ихъ отовсюду ревностно приобрѣтать себѣ полезное и охотнѣе руководствоваться Его наставленіями, чѣмъ рѣшаться слѣдовать своему собственному невѣжеству и лишаться самой вѣчной жизни. Показываетъ, сколь великая польза будетъ для тѣхъ, кои станутъ Ему повиноваться, такъ какъ Онъ по природѣ благъ и „всѣмъ людямъ желаетъ спастись и въ познаніе истины придти“ (1 Тим. 2, 4). Поелику же, какъ Богъ, вѣдалъ опять, что они станутъ возражать, то составляетъ образную рѣчь, пользуясь для сего древними событіями, и изъ случившагося съ ихъ предками ясно доказываетъ, что желаніе слѣдовать Ему послужитъ имъ къ великой пользѣ. Вотъ что написано объ Израильтянахъ: „и путеводелъ ихъ въ облакъ днемъ и всю ночь въ освѣщеніи огненномъ“ (Псал. 77, 14). Когда они проходили обширную пустыню, поспѣшая въ землю обѣтованную, то днемъ висѣло надъ ними облако, наподобіе крыши, умѣряя солнечный зной, очевидно по божественному изволенію. А ночью шелъ огненный столбъ, освѣщая тьму и указывая шедшимъ вѣрнѣйшій путь. Поэтому, какъ въ то время слѣдовавшіе за ведшимъ и предшествовавшимъ огнемъ избѣжали блужданія и прямою дорогою шли въ святую землю, никакого вниманія не обращая на тьму или ночь, такъ и „*послѣдующій (кто слѣдуетъ) Мнѣ*“, то есть идущій по стопамъ Моихъ наставленій, отнюдь не будетъ во мракѣ, но приобрѣтетъ „*свѣтъ жизни*“, то есть откровеніе тайнъ обо Мнѣ, могущее руководить

¹⁾ Ал. точнѣе: *послѣдуй Мнѣ, но не ходитъ* менѣе точно, чѣмъ древн: *не имать ходити* (надо бы: *не поидетъ* или *не походитъ*). Сав: *свѣтъ жизни*—лучше и точнѣе, чѣмъ *животный*. какъ и Ал. въ др. м.

его къ жизни вѣчной. Являясь опять искуснымъ художникомъ въ словѣ, Господь уже начинавшихъ свирѣпѣть и неистовствовать фарисеевъ отнюдь не раздражаетъ болѣе ясною рѣчью о томъ, что они и во тѣмъ останутся и умрутъ въ своемъ невѣрїи. Но опять оказывается выражающимъ это иносказательно, перемѣнивъ для пользы прямую рѣчь въ образную. Въдѣ этимъ самымъ Своимъ обѣщаніемъ, что рѣшившійся послѣдовать Ему „будетъ имѣть свѣтъ жизни“, Онъ прикровенно указываетъ на то, что отказывающіеся слѣдовать не будутъ имѣть и свѣта, могущаго возволить ихъ къ жизни. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не всѣмъ очевидно и не вполне безспорно, что убѣгающимъ отъ благъ души необходимо впадать въ противоположное состояніе? Такимъ образомъ истиннымъ оказывается слово Спасителя нашего и безспорною искусно выраженная въ немъ мысль.

VII) 13. Рѣша убо ¹⁾ (Ему) фарисеи: Ты о Себѣ Самъ свидѣтельствующи: свидѣтельство Твое истинно.

Неподвиженъ и тупоуменъ фарисей, совсѣмъ не способенъ узрѣть божество Господа,—опять заблуждается по причинѣ плоти и ничего кромѣ видимаго не представляетъ. Хотя и видитъ Господа употребляющимъ вышечеловѣческія рѣченія и слышитъ богоприличныя слова, однакожь считаетъ Его простымъ человѣкомъ, не усматривая сіяніе божества и не отверзая око ума къ прозрѣнію Еммануила. Кому же въ самомъ дѣлѣ подобало бы говорить: „Я есмь свѣтъ міра“, какъ не одному только Богу по природѣ? Кто изъ святыхъ пророковъ осмѣлился бы высказать такое рѣченіе? Какой изъ ангеловъ изрекалъ намъ такое слово? Пусть, изслѣдовавъ все богодухновенное

¹⁾ Древнесл. и Ал: же, по Кіев. 1788 г: *убо*, греч. *оки*.

писаніе и изучивъ священное и божественное слово, покажутъ намъ это самое. Но, не представляя ни одного неопровержимаго основанія, они думаютъ одинакожъ, что надо противорѣчить, и горячо хватаются за то, что одно только и знаютъ хорошо, разумѣю порочную склонность къ порицанію. Укоряютъ Его тѣмъ, что Онъ не есть свѣтъ міра, обвиняя такимъ образомъ слова Его и утверждая, что свидѣтельство Его—не истинно. Вѣдь „они мудры зло творить, а добро творить не умѣютъ“ (Іерем. 4, 22), весьма лукавымъ способомъ думаютъ отворатить свидѣтельство Его, пытаясь отвергнуть это свидѣтельство на основаніи одного только простаго и принятаго у насъ обыкновенія, а не на основаніи постановленій закона.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть научатъ насъ, гдѣ законъ говоритъ, что свидѣтельство кого-либо о себѣ самомъ недѣйствительно? Тяжело конечно и несносно кому бы то ни было свидѣтельствовать о своихъ собственныхъ достоинствахъ, почему и премудрый составитель притчей говоритъ: „да восхваляетъ тебя ближній, а не твой ротъ,—чужой, а не твой уста“ (Притч. 27, 2). Впрочемъ отнюдь не лживымъ является слово кого либо о себѣ самомъ. Въ противномъ случаѣ пусть выступитъ предъ нами какой либо фарисей и научить, что намъ дѣлать съ блаженнымъ Самуиломъ, свидѣтельствующимъ о себѣ самомъ прекраснѣйшее. Такъ онъ оказывается отвѣчающимъ однажды Израильтянамъ слѣдующее: „свидѣтель Господь между вами и свидѣтель помазанникъ Его днесъ въ сей день, что вы не нашли въ рукахъ моихъ ничего“ (1 Цар. 12, 5). Вѣдь если бы законъ каждому воспрещалъ свидѣтельствовать о себѣ самомъ, то какимъ образомъ, скажи мнѣ, Самуиль совершенно пренебрегъ имъ, хотя божественное писаніе и гово-

рить о немъ: „святъ былъ Моисей и Ааронъ между священниками Его, и Самуиль между призывающими Его,—призывали Господа и Онъ внималъ имъ,—въ столпѣ облачномъ говорилъ къ нимъ,—хранили свидѣтельства (заповѣди) Его и уставы Его, что далъ имъ“ (Псал. 98, 5—7). Видишь, что тѣсно соединенъ съ блаженнымъ Моисеемъ, какъ имѣвшій одинаковую съ нимъ добродѣтель, и свидѣтельствуется отъ Духа, какъ тщательный законоблюститель.

Итакъ, развѣ онъ, можно спросить, преступалъ законъ чрезъ свидѣтельство о себѣ самомъ? Но онъ не преступилъ. Напротивъ, онъ засвидѣтельствованъ какъ блюститель (закона) и засвидѣтельствовалъ самъ о себѣ. Слѣдовательно законъ никому не воспрещаетъ свидѣтельствовать о себѣ самомъ. Что же притомъ скажемъ, когда услышимъ слова блаженнаго Давида: „Господи Боже мой! если я совершилъ это, если воздавалъ воздающимъ мнѣ зломъ?“ (Псал. 7, 4. 5). Подобное же говорить и блаженный Іеремія: „Господь Вседержитель! не сидѣлъ я въ собраніи играющихъ, но благоговѣлъ (пребывалъ въ благоговѣніи) отъ (лица) руки Твоей“ (Іерем. 15. 17). Также и премудрѣйшій Павелъ, хотя и „наученный въ точности отеческому закону“, какъ самъ засвидѣтельствовалъ однажды о себѣ (Дѣян. 22, 3), однакожъ открыто восклицаетъ: „ничего за собою не сознаю“ (1 Кор. 4, 4).

Пусть же теперь о каждомъ изъ этихъ говорить фарисей: *„ты самъ о себѣ самомъ свидѣтельствуешь, свидѣтельство твое не есть истинно“*, если для нихъ, какъ не стѣсняющихся порицать даже и Самого Владыку всяческихъ, вполне открыта широкая дорога къ совершенію всего наихудшаго противъ другихъ. Впрочемъ, возвращаясь къ началу рѣчи, скажемъ, что возраженіе фарисеевъ не есть необходимое постанов-

леніе закона, но основывается на одномъ только обще-принятомъ обычаѣ и по требованію благонравія и приличія. Напротивъ, это, допускаемое законами (на судѣ), возраженіе (противъ показаній свидѣтеля), есть скорѣе опороченіе или клевета (на Него), коварно какъ бы крадущая у Него тѣхъ, кои уже имѣють къ Нему уваженіе и склонны къ вѣрѣ. Порочать Его какъ не говорящаго истины и, съ цѣлью погубить вѣру только что названныхъ, говорятъ, что Онъ не есть истинный свѣтъ, такимъ образомъ своими хуленіями навлекая, жалкіе, погибель на свои головы.

VIII, 14. Отвѣща Іисусъ и рече имъ: аще Азъ свидѣтельствоую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое, яко въмъ, откуда приходохъ и камо иду ¹⁾.

Когда Христосъ высказывалъ то, что Онъ есть дѣйствительно и по природѣ, ибо ясно возглашалъ: „Я—свѣтъ міра“, дерзкая толпа фари́сеевъ опять подумала, что Онъ говоритъ ложь. Незнали они, крайне несмысленные, что когда кто раскрываетъ свою собственную природу и говоритъ о присущемъ ему по существу, то мы, справедливо мысля, не должны предполагать, что онъ дѣлаетъ это по хвастовству, и не скажемъ, что онъ преслѣдуетъ пустую славу, но напротивъ (должны признать, что онъ) раскрываетъ то, что онъ есть дѣйствительно. Такъ напри́мѣръ, что станемъ говорить въ томъ случаѣ, когда ангель, обозначая свою природу, скажетъ: „ангель—я“. Или когда человѣкъ, указуя на то, что онъ есть, говоритъ: „человѣкъ я“. И если бы также можно бы было приписать голосъ солнцу и оно стало бы раскрывать

¹⁾ Опуск. посл. слово стиха: *ἐμὴς ἐστίν.*, ср. и къ 8, 26 соглас. код. М. S. др. 33 др. Сир. іерус. и Ориг. Изъ Слав. нѣтъ у св. Ал. и Ев 15 в. а въ Зогр. и Гал. пропущено: *вы же не вѣстете, откуда гряду.* Но во всѣхъ древнегреч. Сир. Слав. и др. эти слова читаются.

свою собственную природу въ такихъ словахъ: „я, обтекая небесный кругъ, посылаю ясный свѣтъ обитателямъ земли“, то никто не имѣетъ основанія думать, что оно свидѣтельствуешь не о принадлежащемъ ему, но о томъ, что оно есть дѣйствительно. Такимъ же образомъ думаю и о Спасителѣ нашемъ Христѣ,— и если Онъ называетъ Себя свѣтомъ, то высказываетъ истину и отнюдь не оказывается величающимся чужимъ. Фарисеи же, не разумѣя Эммануила и погруженные въ невѣжество, воображаютъ, что Онъ ищетъ славы, порицаютъ Его какъ подобнаго намъ и не содрагаются говорить: „свидѣтельство Твое не истинно“ Тому, Кто не вѣдалъ лжи (ст. 13), ибо „не обрѣлась лезть въ устахъ Его“ (1 Петр. 2, 22), какъ написано. Такимъ образомъ опять надлежало дать наставленіе столь удаляющимся отъ истины и уклоняющимся отъ здраваго смысла и незлобиво сказать заблуждающимся, что они погрѣшаютъ противъ истины, нечестиво приписывая способность лгать Тому Кто съ неба пришелъ и рожденъ отъ Бога Отца: ибо „истинно, говоритъ, есть *Мое свидѣтельство, если и свидѣтельствую Самъ о Себѣ*“. Конечно людямъ оказывается свойственнымъ желаніе изъ самолюбія иногда свидѣтельствовать о себѣ самихъ что-либо прекрасное, хотя бы у нихъ и не было этого въ дѣйствительности. Вѣдь природа (человѣческая) удобопреклонна ко злу. Но не подобаетъ, говорить, Мнѣ возможность страдать одинаковымъ съ земнороднымъ недугомъ, ибо „*вѣдаю, откуда Я*“, то есть свѣтъ отъ свѣта и Истинный Богъ отъ Истиннаго Бога Отца, имѣя природу, недоступную никакой немощи. Если же, говорить, Я и сталъ человѣкомъ по любви къ людямъ, но ради этого Я не долженъ признаваться лишившимся божественнаго достоинства, — Я опять остаюсь тѣмъ,

что есмь по природѣ, то есть Богомъ. Яснымъ доказательствомъ этого служить Мое знаніе о томъ, „куда иду“, ибо взойду на небеса къ Отцу, отъ Коего Я есмь. И это, полагаю, можно было говорить конечно не подобному намъ человѣку, но Богу по природѣ, если Онъ сталъ человѣкомъ. Итакъ выраженіе „*егда, откуда Я*“ указываетъ на то, что Сынъ есть отъ Отца по природѣ. А слова: „куда иду“ служатъ проявленіемъ божественной власти. Какъ Богъ, Онъ восходитъ превыше небесъ, по словамъ Павла (Ефес. 4, 10).

Впрочемъ здѣсь заключается, хотя и не очень ясная, угроза Іудеямъ за свойственное имъ нечестіе. Въ этихъ словахъ Онъ оказывается говорящимъ, что уже имѣетъ вскорѣ удалиться отъ народа ихъ, оставить ихъ лишенными божественнаго свѣта и представить ихъ пребывать въ невѣдѣніи и глубокой тьмѣ, что является яснѣе имъ высказывающимъ въ другихъ словахъ: „*пока свѣтъ имѣете, ходите во свѣтъ, да тьма васъ не обыметъ*“ (12, 35).

VIII. 15. Вы по плоти судите, Азъ не сужду никому же.

Опять находимъ Спасителя всѣхъ проявляющимъ досточудную кротость. Поносящимъ Его не отвѣчаетъ достоулыбнымъ гнѣвомъ, хотя Онъ и зналъ, что они должны получить тяжкія наказанія. Но и здѣсь, думаю, Онъ, подражая опытнымъ врачамъ, оказывается справедливо заслуживающимъ удивленіе. Тѣ часто не обращаютъ никакого вниманія на неуваженіе къ себѣ больныхъ и съ терпѣніемъ и незлобіемъ оказываютъ имъ помощь своимъ искусствомъ, не обижаясь на получаемыя неприятности и иногда даже оскорбленія. Разъясняя, что содѣйствуетъ здоровью, они какъ бы

переубѣждаютъ больныхъ стараться дѣлать полезное для нихъ и такимъ образомъ уничтожаютъ причину болѣзни. Господь же нашъ Иисусъ Христосъ терпѣливо сносить поношенія, вспомошествоуетъ хулителямъ и врачуетъ язвы Своихъ оскорбителей. Мало того, Онъ ясно указываетъ и то, откуда приключилось имъ страдать порокомъ невѣрія въ Него, ибо говоритъ: „*вы по плоти судите*, то есть заблуждаетесь, и это весьма понятно, если смотрите на одну только эту плоть, хотя совсѣмъ на оборотъ — вамъ должно обращать вниманіе на великолѣпіе дѣлъ. Вы страшно обманываетесь, ради облеченія вашею плотью принимая Меня за одного изъ вамъ подобнымъ. Не прозрѣвая глубокой тайны домостроенія съ плотью (воплощенія), вы опредѣляете обо Мнѣ безразсудный приговоръ своимъ утвержденіемъ, что истина лжетъ. Я же отлагаю судъ надъ вами до другаго времени, „*ибо не послалъ Богъ Сына въ міръ, да судитъ міръ, но да спасется міръ*“ (3, 17).

Считаю въ достаточной мѣрѣ разъясненнымъ смыслъ даннаго изреченія. Но и посредствомъ другихъ созерцаній можно въ доступной намъ мѣрѣ раскрыть болѣе тонкій смыслъ этихъ словъ. „*Вы, говоритъ, по плоти судите, Я не сужу никого*“. Не имѣя никакой возможности обвинять Меня вообще и будучи не въ состояніи основательно напасть на Мои чудотворенія, вы унижаете Меня ради одной только плоти,—вы нечестиво въ ничто вмѣняете Меня только потому, что Я являюсь человѣкомъ вамъ подобнымъ. Но Я, говоритъ, не осуждаю васъ по таковой же причинѣ. Я отнюдь не считаю васъ за ничто потому, что вы—люди по природѣ,—и Судья за это не наложитъ на васъ наказанія. Не обвиняю за природу, не осуждаю Своихъ твореній, отнюдь не утверждаю присутствіе въ

человѣкъ какого либо прегрѣшенія потому только, что онъ есть человѣкъ. Напротивъ, вы въ ничто вмѣняете Меня ради плоти и за это осуждаете, а Я не такъ сужу о васъ, но знаю, что человѣкъ есть нѣчто великое и почтенное, хотя и произошелъ отъ земли. Будучи истиннымъ Богомъ и во образѣ родившаго Меня Отца, я унижилъ Себя, образъ раба принявъ и ставъ человѣкомъ (Филип. 2, 11), — вотъ за одно только это теперь и осуждаюсь вами, хотя Я Самъ за это никого не сужу, — *„и если сужу Я, судъ Мой праведенъ есть и истиненъ, потому что Я не одинъ, но Я и Пославшій Меня Отецъ“*.

Стало быть, пожалуй скажетъ кто изъ мыслящихъ вопреки догматамъ Церкви, не потому ли только одному Сынъ можетъ судить правильно, что въ этомъ дѣлѣ Ему соприсутствуетъ Отецъ? А если это такъ и вѣрно, то что же наконецъ препятствуетъ сказать, что Сынъ волею Отца направляется нѣкоторымъ образомъ къ правильности (суда), не имѣя этого въ Себѣ въ совершенной степени, а Самъ по Себѣ Онъ не въ состояннн совершать это безукоризненно?

Что же съ своей стороны и мы возразимъ на такія рѣчи ихъ? Нечестиво это разсужденіе ваше и вполнѣ приличествуетъ только безумію Іудеевъ. Не какъ не имѣющій способности Самъ по Себѣ судить праведно, говорить эти слова Сынъ, ибо засвидѣтельствовалъ о Немъ и Псалмопѣвецъ, въ Духѣ говоря: „Богъ Судія праведный“ (Псал. 7, 12), — а что нѣтъ другаго судьи кромѣ Него, свидѣтелемъ этого предъ нами выступить Онъ Самъ въ евангеліяхъ: *„ибо Отецъ, говоритъ Онъ, не судитъ никого, но весь судъ далъ Сыну“* (5, 22). Неужели же какъ не могущему судить правильно Богъ и Отецъ далъ Ему судъ? Но, думаю, признакомъ крайняго неразумія должно считать такое

мнѣніе о праведности Отца, то есть Сына. Вѣдь Отецъ зналъ Свое Рожденіе, далъ Ему судъ и чрезъ это дарованіе (Ему суда) ясно свидѣтельствуеетъ Его способность судить правильно. Поэтому совершенно очевидно, что не какъ безсильный въ праведномъ судѣ Онъ говорить о соприсутствіи Отца Его суду, но изреченіе это заключаетъ въ себѣ сходное предъидущему и ему соотвѣтствующее созерцаніе. Что же хочеть выразить оно, объ этомъ скажемъ ясно. Вы, говорить, вожди и учителя Іудеевъ, совершили нало Мною лукавый и неправеднѣйшій судъ. По причинѣ одной только плоти почитаете должнымъ считать Меня за ничто, хотя Я Богъ по природѣ. Я же, начавъ судить васъ, вынесу не такой приговоръ на васъ. Не буду считать васъ достойными наказанія за то, что вы—по природѣ люди. Но, имѣя Отца во всемъ соблагоизволителемъ и сосудью, осужу васъ правильно, — за какую вину? За то, что вы не приняли Пришедшаго съ неба, Посланнаго къ вамъ отъ Отца непрестанно оскорбляете и Меня, пришедшаго для спасенія всѣхъ, уничтожаете ради одной только плоти, далеко отталкивая всегда любезный вамъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, скажи мнѣ, Моисей повелѣваетъ осуждать кого либо только за то, что онъ есть по природѣ человѣкъ? Итакъ, неправедно вы и судите и разсуждаете. Вы не имѣете на это согласія со стороны закона, но одиноко дерзаете на нѣчто ужасное, не владѣя соизволеніемъ божественной воли. Я же не такъ, ибо во всемъ, касающемся осужденія васъ, имѣю въ Себѣ Самомъ Отца въ качествѣ Содѣятеля и Соблаговолителя и (потому) сужу праведнѣйшій судъ, предавая запустѣнію всю вашу страну и осыпая ее бѣдствіями войны, а кромѣ того и удаляя изъ самого царства небеснаго столь неистовствующихъ

противъ Желаящаго спасать и по этой причинѣ Пришедшаго въ человѣческомъ видѣ.

VIII, 17. 18. И въ законъ же вашемъ написано ¹⁾ яко двою чловѣчку свидѣтельство истинно есть: Азъ есмь свидѣтельствующий о Мнѣ Самѣмъ ²⁾, и свидѣтельствуемъ о Мнѣ Пославый Мя Отецъ.

Сказавъ, что нечестующихъ на Него будетъ судить и осудить вмѣстѣ съ Нимъ Богъ и Отецъ, допускаетъ и въ другомъ нѣкоемъ отношеніи потребное двойство лицъ. Я, говоритъ, что есмь по природѣ, это и не отказываюсь говорить. Я — свѣтъ міра, и (потому) отнюдь не долженъ казаться кому либо любящимъ хвастовство. Вѣдь не чужими достоинствами, но существенно Мнѣ присущими величаюсь. Впрочемъ, если вамъ покажется недостаточно этихъ словъ Моихъ для воспріятія истиннаго разумѣнія, какъ скоро Я одинъ и Самъ о Себѣ свидѣтельствую, то приму Бога и Отца какъ содѣйствующаго Моимъ достоинствамъ и ихъ соутверждающаго. Вѣдь Онъ, говоритъ, сочудотворитъ со Мною, какъ видите, и содѣйствуетъ. Поскольку дѣло касается человѣческой природы, Я ничего бы не могъ дѣлать, если бы не былъ Богомъ по природѣ. Поскольку же дѣло касается существованія отъ Отца, то признаюсь и свидѣтельствуюсь природою Родившаго, что Я имѣю въ Себѣ Отца и все могу совершать, ибо, какъ имѣющій Его въ Себѣ по причинѣ тожества существа, я оказываюсь въ состояніи безпрепятственно совершать все. Вѣдь Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ Богъ, отъ божественной Своей природы обладаетъ всемогуществомъ, хотя и

¹⁾ *ἕνα μάρτυρα* Ал. писано согл. В и др. мв. вм. *ἕνα μαρτυρῶν ἐστίν* съ *Ν* и обычно у Иован. и Слав: писано есть.

²⁾ У Ал. проп. *Азъ... самѣмъ*—по опискѣ.

явился человѣкомъ. Свидѣтельствуется и со стороны Отца какъ имѣющій Его сотрудникомъ во всемъ, по сказанному Имъ: „отъ Себя Самого не творю ничего, но Отецъ, во Мнѣ пребывающій, творитъ дѣла Самъ“ (8, 28 и 14, 10). Разумѣемъ же содѣйствіе Отца Сыну, не какъ кому либо безсильному сообщеніе собственной и чужой силы къ совершенію дѣлъ. Если мы такъ будемъ думать, то должны будемъ признать несовершенную силу и Отца, какъ и Сына, какъ скоро посредствомъ двоихъ совершается какое либо чудо, ибо одного какъ бы недостаточно оказывается для этого. Понимая сказанное гораздо благочестивѣе и разумнѣе, утверждаемъ опять, что, какъ скоро въ Отцѣ и Сынѣ есть и одно божество и неизмѣнное всемогущество одной и той же природы, то безъ сомнѣнія дѣла Бога и Отца будутъ и дѣлами Сына, а дѣла въ свою очередь Сына будутъ дѣлами и Бога Отца. А говорить, что „ничего отъ Себя не творю“, не какъ слуга и подчиненный или находящійся въ качествѣ какого либо ученика и ожидающій приказаній отъ Отца или наученный совершать чудеса. Напротивъ, со всею точностію указывая на то, что Онъ рожденъ изъ существа Бога и Отца, что на подобіе свѣта неизреченно и безначально явился изъ сокровенныхъ нѣдръ Его и что вѣчно сосуществуетъ Ему, будучи и разумѣваясь образомъ и начертаніемъ ипостаси Его, Онъ имѣетъ, такъ сказать, одно и тоже съ Нимъ намѣреніе и одинаковую во всемъ дѣйственность. И дабы ясно научить тому, что Онъ есть Со-волитель Родителю во всемъ, говорить: „ничего не творю отъ Себя“. Это подобно тому, какъ если бы сказалъ: Я отнюдь не уклоняюсь къ какому либо собственному пожеланію, не присущему Богу и Отцу. Все, что желаетъ и рѣшаетъ природа Отца, это ко-

нечно есть и во Мнѣ, такъ какъ Я возсіялъ изъ нѣдръ Его, и Я—истинный плодъ сущности Его. Трудно это для изъясненія, не легко это выразить языкомъ и не доступно даже для самаго разума. Однакожь, вводя это, насколько доступно, въ благочестивое созерцаніе, приобрѣтемъ себѣ небесную награду и невредимымъ и несклоннымъ къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ сохранимъ свой умъ.

Надо замѣтить, что Спаситель, прибавивъ и сказавъ Іудеямъ: „и въ вашемъ законѣ написано“, тѣмъ самымъ какъ бы съ необходимостью уже убѣждаетъ фарисеевъ принимать двойство лицъ. Вѣдь „свидѣтельствую, говоритъ, Я о Себѣ Самомъ, но для этого ко Мнѣ присоединяется и „Отецъ“. Развѣ поэтому не будетъ принято у васъ эта, буквою закона подтверждаемая, двоица свидѣтелей, или же опять, увлеченные одною только завистью ко Мнѣ, вы не обратите вниманія и на уважаемый вами законъ?

VIII, 18. глаголаху же Ему: гдѣ есть Отецъ Твой ¹⁾?

Такъ же и въ настоящемъ случаѣ каждый, думаю, съ полною справедливостію можетъ обвинить неразуміе Іудеевъ, говоря слѣдующее пророческое изреченіе: „вотъ народъ безумный и безсердечный“ (Іерем. 5, 21). Не смотря на то, что Спаситель нашъ Христосъ частыя и долгія рѣчи велъ къ нимъ, постоянно называя въ нихъ Небеснаго Отца и Бога, они, жалкіе, доходятъ до такого безумія, что осмѣливаются говорить: „гдѣ (есть) Отецъ Твой“? Совсѣмъ вообще не думаютъ о сущемъ на небесахъ Богѣ и Отцѣ, напротивъ—оглядываются и ищутъ Іосифа, полагая, что онъ есть отецъ Христа, а не другой кто. Видишь, сколь

¹⁾ Остр. Мет. глаголаша—кто.

основательно названъ народомъ дѣйствительно безумнымъ и безсердечнымъ. Не способные хоть сколько нибудь возвести отъ [земли свое духовное око, они являютъ истинность сказаннаго объ нихъ: „да помрачатся очи ихъ, чтобы не видѣть, и хребетъ ихъ навсегда согни“ (Псал. 68, 24). Хребетъ согбенъ у животныхъ безсловесныхъ, каковой видъ они имѣютъ отъ природы, и они не держатся прямо. Но и умъ Іудеевъ оскотѣлъ нѣкоторымъ образомъ, всегда склоняется къ низу и не видитъ ничего небеснаго. Развѣ не самое дѣло доказываетъ, что мы вполне вѣрно такъ думаемъ о нихъ и рассуждаемъ истинно? Вѣдь если бы они разумѣли Небеснаго Отца и Бога, то развѣ стали бы Безтѣлеснаго искать въ пространствѣ? Неужели они, скажи мнѣ, говоря о все наполняющемъ Богѣ безсмысленное „гдѣ Онъ“, не противорѣчатъ всему божественному писанію, хотя божественный Псалмопѣвецъ, составляя возможную (для человѣка) рѣчь о Богѣ и приписывая Ему свойство все наполнять, „куда, говорить, пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда бѣгу? Если взойду на небо—Ты тамъ, если спиду въ адъ, Ты—здѣсь, если возму крылья мои (себѣ) по утру (у зари) и пойду на края моря,—и тамъ рука Твоя будетъ путеводить меня и держать меня десница Твоя“ (Псал. 138, 7—10). Но и Самъ Богъ надъ всѣми, ясно показуя намъ, что Онъ имѣетъ неограниченную мѣстомъ природу, говорить къ столь нечестивымъ Іудеямъ: „не Я ли наполняю небо и землю, говорить Господь? Какой домъ построите Мнѣ? Или какое мѣсто покоя Моего? Небо Мнѣ—престоль и земля—подножіе ногъ Моихъ“ (Перем. 23, 24; Дѣян. 7, 49). Такимъ образомъ отовсюду можно усматривать невѣжественность Іудеевъ, когда они говорятъ Спасителю Христу: „гдѣ Отецъ

Твой?“, если не говорят этого о считавшемся по плоти отцемъ, болтая вздоръ и въ такомъ случаѣ.

Но можетъ быть и на другое нѣчто острое намекаютъ слова Іудеевъ. Такъ какъ думали, что Святая Дѣва совершила прелюбодѣяніе до брака, то въ виду именно этого они и выражаютъ язвительную укоризну Христу, какъ не знавшему, отъ кого Онъ (родился), вздорно вопрошая: „*гдѣ есть Отецъ Твой?*“

VIII. 19. Отецъца Іисусъ: ни Мене вѣсте, ни Отца Моего: аще Мя бысте вѣдали, и Отца Моего бы вѣдали бысте ¹⁾.

Истинное слово и отнюдь не допускающее обвиненія во лжи. Вѣдь тѣ, что считали Христа дѣйствительнымъ сыномъ или Іосифа или блуда и не знали явившееся отъ Бога Отца Слово, развѣ не должны справедливо выслушать: „*ни Меня не вѣдаете, ни Отца Моего*“? Вѣдь если бы знали явившееся отъ Бога и Отца Слово и ставшее ради насъ во плоти, по божественному писанію (Іоан. 1, 14), то знали бы и Родителя Его, ибо точнѣйшее познаніе Отца для любознательныхъ умовъ бываетъ чрезъ Сына. Это и Самъ однажды подтвердилъ въ словахъ къ Богу и Отцу: „*Явилъ Я Твое имя людямъ*“ (17, 6),—и еще: „*изумительно знаніе Тебя изъ (чрезъ) Меня*“ (Псал. 137, 6), ибо какъ скоро мы познали Сына, то познали изъ (чрезъ) Него и Родителя. Такимъ образомъ чрезъ Обоихъ вносится мысль о Томъ и Другомъ и при наименованіи Отца появляется конечно и воспоминаніе о Сынѣ, какъ и на оборотъ, обозначенію Сына сопутствуетъ имя Родителя. Вотъ почему Сынъ есть какъ бы нѣкая дверь и путь, ведущія къ познанію

¹⁾ Ал: *ниже—ни*. Кир. чит: *а*, какъ одни и Зогр. Гал: *убо—бы*. Ев. 15 в: *знали* *убо* лучше сложнаго: *бысте вѣдали* Серб. 14 в: *видѣли*.

объ Отцѣ, какъ и говорить: „никто не приходитъ къ Отцу, если не чрезъ Меня“ (14, 6). И намъ должно прежде узнать, по мѣрѣ возможности, что есть по природѣ Сынъ, а потомъ такимъ образомъ какъ по Образу и Отпечатку точнѣйшему надлежаще уразумѣть Первообразъ. Это потому, что Отецъ открывается въ Сынѣ, и, какъ въ зеркалѣ, отражается въ природѣ Собственнаго Порожденія. А если это истинно, какъ и дѣйствительно истинно, то пусть опять устыдится богоборный Аріанинъ. Вѣдь отпечатку сущности Его необходимо быть Ему подобнымъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ, дабы истинно освѣщающимъ въ Сынѣ не другое что понималось, кромѣ того, что есть Отецъ. И если Отецъ благоволитъ познаваться въ Сынѣ и въ Немъ открываться, то конечно Онъ знаетъ Его и единосущнымъ и отнюдь ни въ какомъ отношеніи не худшимъ присущей Ему (Отцу) славы. Вѣдь Онъ и Самъ не пожелалъ бы, чтобы считали Его гораздо меньшимъ, чѣмъ каковъ Онъ есть по природѣ. А какъ этого онъ желаетъ и волитъ, то развѣ не необходимымъ въ концѣ концовъ оказывается исповѣдывать Сына во всѣхъ отношеніяхъ подобнымъ Отцу, дабы каждый чрезъ Него познавалъ и Родителя, какъ мы уже прежде сказали, восходя прямо отъ Образа къ Первообразу и такимъ образомъ могъ имѣть безукоризненное понятіе о Святой Троицѣ. Итакъ, познающій Сына вѣдаетъ и Отца.

Но обрати вниманіе на то, какъ вмѣстѣ съ изреченіемъ истины Іудеямъ Господь вноситъ въ Свое слово и нѣкое другое искусство. Ясно сказавъ: „*ни Меня не вѣдаете, ни Отца Моего*“, Онъ отвлекаетъ умъ Іудеевъ отъ того, чтобы не мыслить о Немъ одно только человѣческое и не считать Его дѣйствительнымъ сыномъ Іосифа, домостроительно принятаго

Имъ въ качествѣ Отца, но напротивъ—изыскивать и и изслѣдовать, Кто есть Слово въ плоти и Кто по природѣ Отецъ Его.

ГЛАВА III.

О томъ, что не дѣломъ силы Иудеевъ было страданіе (Христа) на крестѣ и не вслѣдствіе насилія кого-либо умеръ Христосъ, но Самъ добровольно за насъ это пострадалъ, дабы всѣхъ спасти.

VIII. 20. Сія глаголы глагола ¹⁾ въ газофилакїи, уча въ церкви, и никтоже ятъ Его, яко не у бѣ пришелъ часъ Его.

Весьма полезное разъясненіе касательно спасительнаго страданія (Христа) даетъ премудрый Евангелистъ и показываетъ, что смерть на крестѣ была не вслѣдствіе человѣческаго принужденія или отъ какого другаго насилія Иисусъ потерпѣлъ смерть противъ воли Своей, но Самъ, по присущей Ему любви къ намъ, принесъ Себя за насъ какъ непорочную жертву Богу и Отцу. Такъ какъ надлежало пострадать, ибо такимъ только образомъ можно было отвратить привзошедшее тлѣніе, грѣхъ и смерть, то Онъ далъ Себя въ выкупъ за жизнь всѣхъ. Итакъ, слушай опять о томъ, какое значеніе въ приведенныхъ словахъ дается спасительному страданію и какую пользу заключаетъ въ себѣ смыслъ этого изреченія.

Эти изреченія, сказано, Христосъ говорилъ не внѣ Іерусалима, и не въ какомъ либо изъ сосѣднихъ городовъ или въ незнатномъ селенїи Іудейскомъ, ибо Онъ стоялъ въ самой газофилакїи (сокровищницѣ), то есть въ срединѣ самого храма и въ самомъ храмѣ ²⁾

¹⁾ Оп. *Иисусъ* согл. древн. какъ и Зогр. Гал. др. Но Остр. Мар. Ал. и др. чит. Добрит. *слова*. Ал. глаголаше—въ святилищѣ—приде.

²⁾ Св. Отецъ повидимому предполагаетъ *святилище*.

велъ рѣчь объ этомъ. Но хотя фарисеи и сильно негодовали и весьма возмущались на слова Его, однакожь не схватили Его, имѣя тогда полную возможность легко сдѣлать это, ибо Онъ былъ, какъ я сказалъ, въ сѣтяхъ ихъ. Что же заставило ихъ, объятыхъ яростію подобно свирѣпымъ звѣрямъ, оставаться въ бездѣйствіи даже противъ своей воли? Что пресѣкло ихъ гнѣвъ? Чѣмъ было укрошено смертоубійственное сердце фарисеевъ? *Еще не пришелъ*, сказано, *часъ Его*, то есть: еще не насталъ срокъ смерти, опредѣленный Спасителю Христу не кѣмъ-то другимъ и не отъ судьбы назначенный, по лжеученію Еллиновъ или зависящій отъ часа, какъ пустословятъ они, но опредѣленный Имъ Самимъ согласно соизволенію Бога и Отца. Какъ истинный Богъ по природѣ, Онъ не могъ уклоняться отъ того, чему надлежало быть, но хорошо зналъ, сколько времени подобало ему жить на землѣ съ плотію и когда опять идти на небо, уничтоживъ смерть смертію Своей плоти. Для всякаго мудраго, полагаю, совершенно очевидно, что не по принужденію кого либо причинена смерть Тому, Кто есть жизнь по природѣ. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ узы смерти могли бы возобладать надъ Жизнью по природѣ? И Самъ Господь въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствуетъ, что „никто не возметъ души Моей отъ Мене, Я полагаю ее Самъ отъ Себя, власть имѣю положить ее, и опять власть имѣю взять ее“ (Іоан. 10, 18). Если бы время, когда Ему надлежало подвергнуться смерти, было бы назначено, какъ необходимое для Него, кѣмъ либо другимъ, то какимъ образомъ у Него могла бы оказаться власть положить (добровольно) душу Свою? Вѣдь Онъ былъ бы взятъ и невольно, если бы страданіе не было въ Его власти. А если Онъ полагаетъ ее Самъ отъ Себя, то

страданіе Его мы должны усматривать (находившимся) не во власти кого либо другаго, но въ одной только волѣ Его Самого. Вотъ почему Онъ допустилъ совершиться безумнымъ замысламъ Іудеевъ только тогда, когда созналъ, что уже насталь надлежащій срокъ для смерти Его.

Пусть же не великомудрствуетъ дерзкій и надменный фари́сей и не говоритъ, надутый гордостію по великой глупости своей: если Христосъ былъ Богомъ по природѣ, то какъ не оказался внѣ сѣтей моихъ? Какъ не избѣжалъ рукъ моихъ? На это онъ услышитъ отъ любящихъ Его: не твои сѣти оказались столь крѣпкими, ибо для Вседержителя Бога не было ничего труднаго сокрушить твое коварство и избѣжать тенетъ твоего нечестія, но страданіе было спасительно для міра, страсть служила разрушеніемъ смерти, великій крестъ несъ низверженіе грѣха и тлѣнія. Вѣдая это, какъ Богъ, Онъ подвергъ Себя твоему дерзкому нечестію, ибо что же препятствовало, скажи мнѣ, уловить Его именно тогда, когда ты скрежеталъ зубами на Него, учившаго въ самой *сокровищнице*? И если дѣломъ твоей силы было взять Христа, то почему тогда же ты не сдѣлалъ Его узникомъ? Но ты стоялъ тогда яростный и съ явнымъ намѣреніемъ убить Христа, однакоже бессильный исполнить желаніе свое, ибо Онъ еще не желалъ пострадать и подчиниться какъ бы несокрушимой уздѣ твоего безумія. Противопоставляя это болтовнѣ Іудеевъ, каждый легко изблечитъ ихъ дерзкое пустословіе.

Не безъ основанія можно подивиться тому, что святой Евангелистъ благовременно указалъ и ясно сказалъ, что этому Спаситель училъ *въ храмѣ* у сокровищницы, и никто не взял Его. Этими словами онъ свидѣтельствовалъ тоже, что Самъ Господь говорилъ

Иудеямъ, когда они явились взять Его: „какъ на разбойника вышли вы съ мечами и копьями взять Меня; каждый день сидѣлъ Я въ храмѣ уча, и вы не брали Меня“ (Матѣ. 26, 55). Ни одинъ благоразумный не станетъ конечно утверждать, будто Онъ обвинялъ Иудеевъ въ томъ, что они не учинили Ему преждевременнаго страданія, или что они пропустили должное время и медлили въ совершеніи смертоубійства. Напротивъ, Онъ изобличаетъ ихъ неразумное мнѣніе, будто они могли имѣть власть надъ Нимъ вопреки Его волѣ и силою взять Его, отнюдь не могшаго подвергнуться страданію, если бы Самъ не желалъ. „Я сидѣлъ, уча въ храмѣ, и вы не взяли Меня“, ибо Я не желалъ тогда, но и въ настоящее время вы не въ состояніи были бы сдѣлать это, если бы Я добровольно не отдался въ ваши руки.

Итакъ, отовсюду можно видѣть, что не дѣломъ силы Иудеевъ было преданіе Господа на смерть, но ихъ безбожной дерзости надо приписать только намѣреніе (умертвить Господа), а Спасителю Христу—желаніе пострадать за всѣхъ, дабы всѣхъ освободить и, искупивъ кровію Своею, представить Богу и Отцу. „ибо Богъ, по слову Павла, примирилъ во Христѣ міръ съСобою“ (2 Кор. 5, 19), и отпавшее отъ дружбы съ Нимъ милосердно возвратилъ въ первоначальное состояніе.

VIII. 21. Рече же паки ¹⁾ имъ: Азъ иду, и възыцете Мене, и во грѣсъ ²⁾ вашимъ умрете.

Весьма ясно Христосъ говоритъ здѣсь о томъ, что надлежитъ дорожить настоящимъ временемъ, въ которое каждый можетъ получить себѣ пользу. Напротивъ, небреженіе своимъ благомъ и нерадѣніе о немъ

¹⁾ Слав. приб. *Иисусъ* согл. нѣк. Св. Ал.: *поицете*.

²⁾ Но въ толкованіи: *en tais arctiais*, какъ и нѣк. Слав.: *въ грѣсѣхъ вашихъ* Тип. 12 в. и нѣк. др.

не только оказывается совсѣмъ бесполезнымъ, но и причиняетъ подобающую небрежности скорбь. Итакъ, будучи „благъ и кротокъ“, какъ написано (Псал. 85, 5), Господь нашъ терпитъ безчестящихъ Его, благодѣетъ оскорбляющихъ и, какъ Богъ, оказывается выше человѣческаго малодушія. Благополезно угрожаетъ Своимъ удаленіемъ отъ нихъ и ясно говоритъ „*ухожу*“, дабы тѣмъ сильнѣе заставить ихъ подумать о томъ, что пришедшаго къ нимъ Искупителя не слѣдуетъ оставлять бесполезнымъ для нихъ, — побудить ихъ спѣшить къ вѣрѣ и содѣлать ихъ уже болѣе готовыми къ благопослушанію.

Но возгласивъ это „*ухожу*“ и пригрозивъ Своимъ удаленіемъ отъ всего народа, благоусмотрительно присоединилъ и указаніе на имѣющій быть отсюда вредъ для нихъ, ибо умрете, говоритъ, *въ грѣхахъ своихъ*. И сама уже природа предмета открываетъ намъ истинность этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не принявшіе Пришедшаго къ намъ съ небесъ для оправданія всѣхъ вѣроу, развѣ не должны, безъ всякаго сомнѣнія, умереть *въ грѣхахъ* своихъ? и не допустившіе къ себѣ Того, Кто можетъ очищать, не будутъ ли имѣть на себѣ постоянную скверну отъ своего нечестія? Неужели для кого либо можетъ быть сомнѣніе въ томъ, куда должна отправить человѣческую душу смерть неискупленнаго и еще обремененнаго тяжестью грѣха? Преисподняя, думаю, приметъ такого, во тѣмѣ долгой будетъ пребывать онъ, и въ огнѣ и пламени обитать, справедливо причислившись къ тѣмъ, о коихъ сказано гдѣ-то гласомъ пророка: „червь ихъ не умретъ, и огонь ихъ не погаснетъ, и будутъ въ видѣніе для всякой плоти“ (Иса. 26, 54). Вотъ для того, чтобы имъ избавиться отъ испытанія этого, Христось многообразно и призывалъ ихъ къ скорѣйшему пре-

кращенію своего обычнаго невѣрія, говоря имъ не просто только то, что уйдетъ и удалится, но и считая необходимымъ присоединить и указаніе на ту бѣду, какой они подвергнутся вслѣдствіе этого: „умрете, говоритъ, во грѣсахъ вашихъ“.

Поелику же въ срединѣ поставилъ еще, что „и будете искать Меня“, а между тѣмъ мы доселѣ не видимъ, чтобы Іудеи искали Его, то, почитая истинными слова Его, намъ слѣдуетъ обратиться вотъ къ какому разсужденію. Хотя теперь они, находясь въ тѣлахъ и еще обуреваемые игрою плотскихъ страстей, благодаря весьма великой безчувственности своей и не ищутъ Искупителя, но, попавъ въ адъ, несчастные, и очутившись въ мѣстахъ казней, когда окажутся въ самыхъ бѣдахъ, тогда то вотъ даже и невольно будутъ искать, ибо „тамъ, сказано, плачь и скрежетъ зубовъ“ (Матѳ. 8, 12). Каждый изъ справедливо тамъ находящихся оплакиваетъ свое нерадѣніе о благѣ и какъ бы говоритъ словами книги Притчей: „не слушалъ я словъ воспитывавшаго меня и учившаго меня“ (Прит. 5, 13). Такъ и Павелъ говоритъ: „будемъ же опасаться, чтобы, пока остается обѣтованіе войти въ покой Его, не оказался кто изъ васъ опоздавшимъ“ (Евр. 4, 1), ибо надо бѣжать, чтобы получить“ (1 Кор. 9, 24), и Извлекающаго насъ изъ жестокаго рабства не досаждаютъ непослушаніемъ, а напротивъ — принимать и восхищать благодать какъ бы простертыми руками.

VIII. 21. И ¹⁾ а може Азъ иду, вы не можете прийти.

Не только умрутъ, говоритъ, въ грѣсахъ своихъ, но и ясно возвѣщаетъ, что останутся внѣ благъ цар-

¹⁾ Чит. *ка* какъ нѣк. и въ толк. къ 6, 1, но здѣсь въ толкованіи по-видимому не чит. Слав. не чит. согл. автор. греч. по нѣк. (Остр. Мст.) приб.: *Яко. Ал.: идеже.*

ствія (небеснаго) и не взойдутъ въ вышнія обители. И въ самомъ дѣлѣ, не принявшіе Пришедшаго свыше какимъ образомъ могли бы слѣдовать за Нимъ въ Его восхожденіи на небо? Такимъ образомъ наказаніе невѣрующихъ оказывается вредомъ не простымъ, но двойнымъ. Какъ для впавшихъ въ тѣлесную болѣзнь необходимо терпѣть и переносить ужасныя муки и страданія, а кромѣ того еще лишаться и благъ здорова, такимъ же точно образомъ, полагаю, и очутившіеся въ аду и несущіе тамъ равномерное грѣхамъ возмездіе одновременно и подвергаются бѣдѣ наказанія и лишаются усладительной надежды святыхъ. Поэтому то Господь нашъ Іисусъ Христосъ и говоритъ, что не только умрутъ въ грѣхахъ своихъ, но и не взойдутъ въ вышнія обители. Связавъ ихъ какъ бы двойнымъ ужемъ, Онъ старается извлечь ихъ изъ присущаго имъ безразсудства, всячески спасая погибшее, связуя разорванное и исправляя сокрушенное. Таково свойство Пастыря Добраго, даже и душу Свою охотно отдающаго за спасеніе овецъ. Ученикамъ Своимъ Онъ далъ обѣщаніе: „пойду, и уготовлю мѣсто вамъ, и опять приду и возьму васъ съ Собою“ (Іоан. 14, 2. 3), показуя, что для святыхъ доступно будетъ и само небо, и научая, что для любящихъ Его уготованы вышнія обители. Напротивъ, рѣшившимся невѣровать въ Него справедливо и необходимо говорить, что *„куда Я ухожу, вы не можете придти“*. Развѣ тотъ, кто не возлюбилъ очищенія чрезъ вѣру, можетъ когда либо послѣдовать за Всевышнимъ Христомъ? Или какимъ образомъ тотъ, кто еще оскверненъ и не смылъ нечистоту своихъ страстей, можетъ быть вмѣстѣ съ Человѣколюбивымъ Владыкою? „Какое общеніе у свѣта со тьмою“ (2 Кор. 6, 14), по слову Павла? Напротивъ, святыми, полагаю,

гаю, должны быть желающіе говорить Всесвятому Богу: „привязалась душа моя (въ слѣдѣ) къ Тебѣ“ (Псал. 62, 9).

Такой смыслъ, полагаю, и теперь вполнѣ соотвѣтствуетъ толкуемому изреченію. Но если это мѣсто надо изслѣдовать точнѣе и всесторонне и къ сказанному присоединить опять и еще другое нѣчто, то не замедлимъ сдѣлать и это. „Куда Я ухожу, вы не можете придти.“ Какъ истинный Богъ, Я не удаленъ ни отъ чего, все наполняю и присутствую во всемъ, но преимущественно живу на небѣ и съ особенною пріятностію обитаю среди святыхъ духовъ. Но такъ какъ Я есмь и человѣколюбивый творецъ всего, то не могъ допустить погибели Моихъ твореній. Поелику Я видѣлъ, что человѣкъ идетъ къ совершенной гибели и вслѣдствіе грѣха подпадаетъ смерти, то подобало подать наконецъ руку помощи лежавшему и всячески помочь побѣжденному и падшему. Какъ же иначе можно было спасти погибшее? Надлежало, чтобы къ болящимъ пришелъ врачъ, къ умирающимъ явилась жизнь, съ находящимися во тьмѣ обиталь свѣтъ. Но вамъ, какъ людямъ по природѣ, было недоступно возлетѣть на небо и жить тамъ вмѣстѣ съ Спасителемъ. Поэтому Я Самъ пришелъ къ вамъ, ибо часто слышалъ вопли святыхъ: „Господи, приклони небеса Твои и сниди“ (Псал. 143, 5). И вотъ Я сошелъ, говорить, преклонивъ небеса, ибо иначе вамъ невозможно было надѣяться придти туда. Пока Я еще допускаю сожителство съ вами, сильнѣе стремитесь получить жизнь, и доколѣ присутствуетъ у васъ Обладающій силою и властію миловать, очищайтесь чрезъ вѣру, ибо Я уйду или снова вознесусь туда, куда *вы не можете придти*. А если уже несвоевременно и запоздало и будете искать Подателя спасенія, то не найдете. Легко

видѣть, что должно слѣдовать отсюда. Вы умрете конечно во грѣхахъ и, отягченные прегрѣшеніями своими, скорбные сойдете наконецъ въ темницу смерти и будете нести тамъ наказаніе за столь продолжительное невѣріе. Итакъ, будучи благъ и весьма человѣколюбивъ, Спаситель страхомъ предъ будущими бѣдствіями побуждаетъ Іудеевъ, даже вопреки ихъ воль, ко спасенію.

VIII. 23. *И глаголаше 1) имъ: вы отъ нижнихъ есте, Азъ отъ вышнихъ есмь.*

Опять можетъ быть скажетъ кто либо изъ имѣющихъ любознательный умъ и обыкшихъ углубляться въ божественныя созерцанія: что побудило Господа нашего Иисуса Христа, только что провозглашавшаго Іудеямъ и говорившаго: „Я ухожу и будете искать Меня,“ какъ бы по какой необходимости присоединить: „вы отъ нижнихъ есте, Я отъ вышнихъ есмь.“ Но хотя эти слова повидимому и не имѣютъ близкой связи съ предшествующими, однакожъ въ нихъ скрывается глубокая мысль.

Какъ Богъ, Онъ не имѣлъ нужды, по словамъ самаго божественнаго евангелиста Іоанна, „дабы кто свидѣтельствовалъ о человѣкѣ, ибо Самъ узнавалъ, что было въ человѣкѣ“ (2, 25), такъ какъ „проникаетъ до раздѣленія души и духа, сочлененій и мозговъ, и судить помышленія и намѣренія сердечныя“ (Евр. 4, 12). Не невѣдалъ Онъ поэтому и глупыя мысли Іудеевъ, кои, по своему грубому и тупому уму, услыхавъ отъ Спасителя слово „ухожу,“ безразсудно подумали, или что Онъ убѣжитъ куда либо, оставивъ Іудею, или что Онъ говоритъ нѣчто такое: доколѣ Я

1) ελεγεν согл. древн. и Гал. Мар. вм. ειπεν—рече Остр. Мст. Ал. теперь.

остаюсь и живъ, увѣруйте, дабы такимъ образомъ не пришлось и умирать, ибо *ἐλάω* можетъ имѣть и такое значеніе. И удивительнаго ничего нѣтъ въ томъ, если Іудеи впади въ такое безразсудство, что думали о Христѣ нѣчто подобное. Вѣдь они не знали, что Онъ есть Богъ по природѣ, но, смотря на одно только земное тѣло Его, считали однимъ изъ подобныхъ намъ человѣковъ. Поэтому то, поражая ихъ, Спаситель и говорилъ: „вы по плоти судите“ (8, 15).

Такимъ образомъ, отклоняя ихъ отъ такихъ ребяческихъ и низменныхъ мыслей, снова научаетъ ихъ, что они помышляютъ это не о комъ-либо изъ сотворенныхъ и смертныхъ людей, но о Томъ, Кто истинно рожденъ свыше и отъ Бога Отца. Поэтому отнюдь не Мнѣ, говоритъ, приличествуетъ умереть и бѣжать, ибо „Я—свыше, тоестъ Богъ отъ Бога, ибо то, что выше всего, есть Богъ,—но вамъ это всего болѣе должно подобать, ибо вы—снизу, то-есть имѣете природу, подверженную смерти и подлежащую тлѣнію и ничтожеству. Итакъ, обо Мнѣ, говоритъ, не помышляйте ничего подобнаго и оставьте свою слабость, ибо рабское не равночестно Владыкѣ и то, что снизу и отъ земли—Тому, Кто свыше и отъ Бога Отца рожденъ.

А что „свыше“ означаетъ здѣсь рожденіе Сына отъ Бога Отца, въ этомъ убѣдить насъ такое мудрое разсужденіе. Взятое въ мѣстномъ значеніи „свыше“ очевидно значить „съ неба“. Но вѣдь у Сына не было бы никакого преимущества предъ низшею и подчиненною Богу тварью, если бы Онъ пришелъ только съ неба, такъ какъ и многіе изъ ангеловъ, посылаемые на служеніе, приходятъ внизъ, управляютъ свыше чѣмъ либо на землѣ и нисходятъ съ неба. Это свидѣтельствуемъ намъ Самъ Спаситель въ

словахъ: „истинно—истинно говорю вамъ; узрите небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ восходящими и нисходящими на Сына Человѣческаго“ (1, 52). Если такимъ образомъ и ангелы нисходятъ свыше съ неба, то зачѣмъ же напрасно возвышаетъ Себя Христось, усвояя Себѣ, какъ нѣкое великое преимущество предъ всею тварью, Свое пришествіе, какъ говоритъ, „свыше“? Но вѣдь безъ труда и усилій вполнѣ очевидно, кто есть по природѣ Единородный и что такое созданные Имъ ангелы.

Итакъ, слово „свыше“ необходимо должно имѣть не общее значеніе „съ неба сходить“, но указывать на то, что Сынъ возсіялъ изъ Превышней и Превосходящей все Природы. Поэтому и слово „свыше“ въ отношеніи къ одному только Единородному указываетъ на то, что Онъ отъ Бога по природѣ, и ни на что другое. Вѣдь изъ всѣхъ существъ, о коихъ говорится, что они суть и существуютъ отъ Бога, Сыну принадлежитъ еще и то предъ всѣмъ преимущество, что Онъ существуетъ какъ *рожденный изъ самой сущности Отца*, а не какъ созданный подобно тварямъ.

Г Л А В А IV.

О томъ, что Сынъ есть Богъ по природѣ, не имѣющій совершенно никакого подобія съ тварью, поскольку это касается до Его существа.

VIII. 23. *Вы отъ сего міра* ¹⁾ *есте, Азъ нѣсть отъ міра сего* ²⁾.

Весьма ясно показалъ здѣсь, что надо разумѣть подъ „свыше“ и что—подъ „снизу“. И такъ какъ Господу нашему Иисусу Христу было вполнѣ естественно

¹⁾ Такъ одни и Гал. Мар. вм. *отъ міра сего* др. и Ал.

²⁾ Такъ больш. во древнесл.: *отъ сего міра* какъ нѣк.

знать, что фарисеи могутъ придать этимъ выраженіямъ чувственный смыслъ, понять эти „свыше“ и „снизу“ въ мѣстномъ значеніи и отсюда впасть во многія ложныя мысли, то Онъ считаетъ полезнымъ снять съ этого изреченія всякую прикровенность и неясность, еще разъ и еще яснѣе изложивъ имъ то, что высказалъ загадочно. „Вы, говоритъ, *отъ сего міра есте*“, то есть „снизу“,— „*Я не (есмы) отъ сего міра*“, а это значить „свыше“. Богъ превосходитъ все тварное не въ отношеніи мѣстныхъ высотъ, ибо глупо и совсѣмъ неразумно безтѣлесное представлять пространственнымъ,—но Онъ возвышается надъ тварью неизреченными преимуществами природы. Такое (божественное) существо усваиваетъ Себѣ Логосъ, называя Себя не дѣломъ (тварью), но плодомъ и рожденіемъ (Сыномъ).

Замѣчай, что, какъ оказывается, не говоритъ: „свыше Я произошелъ и сотворенъ“, но: „*есмы*“, дабы показать и то, откуда Онъ, и то, что вѣчно сосуществовалъ Своему Родителю, ибо Онъ есть „сущій“, какъ и Отецъ. А будучи „Сущимъ“, какимъ же образомъ не былъ и вѣчно сосуществующимъ „Сущему“, пусть на этотъ вопросъ отвѣчаетъ безуміе иномыслящихъ.

Но врагъ истины выставить противъ насъ такое возраженіе: „Христосъ сказалъ не просто только „*Я не (есмы) отъ міра*“, но присоединилъ еще „*сего*“, чѣмъ со всею точностью показалъ, что и другой еще есть міръ духовный, изъ котораго Онъ можетъ быть“.

Но стало быть Сынъ оказывается среди твореній,—вѣдь такое слѣдствіе вытекаетъ изъ твоей рѣчи,—и Творецъ помѣщается въ разрядъ существъ, имѣющихъ тварную природу. И, приписавъ Ему ангельское и раболѣпное достоинство, ты, быть можетъ, считаешь себя свободнымъ отъ обвиненія въ богохуль-

ствѣ? Или не знаешь опять, что если ты и усвоишь Ему самое высшее состояніе и положеніе, какое только можно представлять у святыхъ ангеловъ,—если и признаешь Его бытіе превышающимъ всякое начало и власть и престолы, но будешь считать Его тварнымъ: ты однакожъ нисколько не менѣе оскорбляешь Его? Для Единороднаго никакого значенія конечно не будетъ имѣть въ отношеніи достоинства Его преимущество надъ другими, какъ скоро Онъ представляется созданнымъ, ибо слава Его состоитъ не въ первенствѣ надъ другими тварями, но въ томъ, что Онъ не тваренъ и какъ Богъ существуетъ отъ Бога по природѣ. Ты же напротивъ,—явившагося отъ Бога, и потому Бога, опять причисляешь къ тварямъ и считаешь частью міра, хотя бы то и не этого, а другаго (міра), ибо въ отношеніи тварности это различіе міровъ не будетъ имѣть никакого значенія.

Потомъ: неужели ты не стыдишься причислять Логоса, соприсѣдѣащаго Родителю, къ служителямъ и предстоятелямъ Божиимъ? Неужели не слышишь словъ Гавріила къ Захаріи: „Я — Гавріиль, предстоящій предъ Богомъ, и посланъ говорить съ тобою“ (Лук. 1, 19)? Или еще и словъ Исаіи: „я видѣлъ Господа Саваоѳа, сидящаго на престолѣ высокомъ и возвышенномъ, и Серафимы стояли вокругъ Него“ (Иса. 6, 1. 2)? И удивительное дѣло: пророкъ видѣлъ Сына, и называлъ Его Господомъ Саваоѳомъ, и представляетъ Его въ качествѣ Царя, окруженнаго служащими Ему вышними Силами. А что онъ созерцалъ славу Единороднаго, объ этомъ ясно засвидѣтельствуетъ премудрый Іоаннъ въ словахъ: „сіе же сказалъ Исаія, потому что видѣлъ славу Его и говорилъ о Немъ“ (Іоан. 12, 41). Вотъ почему и божественный Павелъ, отъ сидѣнія Его рядомъ съ Богомъ и Отцемъ и отъ

названія Его Сыномъ по природѣ приходя къ точнѣйшему воспріятію этой тайны и получая о ней созерцательное познаніе, говорить: „ибо кому сказалъ изъ ангеловъ когда: Сынъ Мой (еси) Ты“, очевидно Богъ и Отецъ, „Я днесъ родилъ Тебя“ (Евр. 1, 5)? Вѣдь въ словѣ „Я родилъ“ указывается на то, что Сынъ существуетъ отъ Бога какъ Богъ природою. И опять: „кому же сказалъ когда изъ ангеловъ: сѣди одесную Меня?“ (Евр. 1, 13). И говоря это, онъ отнюдь конечно не обвиняетъ Бога и Отца въ томъ, что Онъ можетъ совершать что-либо несправедливое, или что Онъ безчеститъ природу ангеловъ, когда заставляетъ чтить ее на второмъ мѣстѣ послѣ Сына. Иначе чтобы препятствовало, можетъ сказать кто-либо, если Богъ и Отецъ справедливы и благъ, и природу ангеловъ содѣлать присѣдящею Себѣ, какъ скоро Сынъ всецѣло находится среди тварей и однороденъ съ ними въ отношеніи тварности, хотя бы и превосходилъ существую имъ мѣру (достоинствъ) какими-либо другими преимуществами, подобно тому какъ (превосходятъ) они (ангелы) насъ (людей)? Но не несправедливъ Богъ и Отецъ, повелѣвающій ангеламъ предстоять (Себѣ, въ качествѣ слугъ) и это достоинство дающій ихъ природѣ, а Своего Сына имѣющій соприсѣдящимъ (Себѣ), какъ скоро вѣдалъ, что собственное Его Рожденіе (Сынъ) есть Богъ по природѣ и не чуждъ Его существа. Какимъ же образомъ Онъ можетъ быть тварнымъ и изъ міра тварнаго, а не наоборотъ—обладать тѣмъ, что свойственно Истинному Богу, то есть быть выше всего, мыслимаго и считающагося существующимъ во всемъ мірѣ?

А какъ вы указываете, какъ на что-то важное и непреодолимое на то, что Христось сказалъ выразительно: „Я не отъ міра „сего“, и утверждаете, что

посредствомъ этого „сего“ указываетъ намъ на другой міръ, откуда и Онъ Самъ, то посмотримъ опять, не опираетесь ли вы на гнилыя умозаключенія и склоняетесь къ такимъ разсужденіямъ и мыслямъ однимъ только легкомысліемъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, „сей“, или „сего“ и подобное употребляется вмѣсто имени и есть указательное мѣстоимѣніе, но отнюдь конечно не содержитъ въ себѣ необходимаго указанія на „другаго“. Такъ напримѣръ блаженный Варухъ, указуя намъ на единаго и единственнаго Бога, говоритъ: „Сей Богъ нашъ, да не считается другой съ Нимъ“ (Вар. 3, 36). Если бы „сей“ указывало на „другаго“, какимъ образомъ другой не былъ бы признанъ при Немъ? И Симеонъ праведный, пророчествуя тайну о Христѣ, говоритъ: „вотъ Сей лежитъ на паденіе и возстаніе мертвецовъ многихъ во Израилѣ и въ знаменіе пререкаемое“ (Лук. 2, 34). Кому же не вполнѣ очевидно, что праведный говоритъ здѣсь „Сей“ не для отклоненія насъ отъ другихъ лицъ, но указываетъ на единично, такъ сказать, уже присутствующаго и для сего назначеннаго.

Посему, когда Христосъ говоритъ: „Я—не отъ міра сего“, то употребляетъ это „сего“ конечно не какъ являющийся изъ *другаго* міра, но болѣе тѣлеснымъ образомъ указываетъ и опредѣляетъ въ видѣ какъ бы двухъ нѣкоторыхъ мѣстъ тварную природу и неизреченную, превышающую всякое существо человѣческое. При этомъ словами: „вы отъ міра сего есте“ даетъ видѣть, что Іудеи пребываютъ въ мѣстѣ тварей, а въ изрѣченіи: „Я не отъ міра сего“, совершенно отдѣляетъ Себя отъ тварныхъ существъ и относитъ къ другому мѣсту, то-есть божества. Итакъ, поставивъ на видѣ противоположность между божествомъ и міромъ, мѣ-

стоименіе „сего“ ставитъ при словѣ „міра“, а Себя Самого относитъ къ Родившему Его Богу и Превышней Сущности.

„Но отнюдь не окажется, говорятъ, несправедливомъ по отношенію къ природѣ ангеловъ Богъ и Отецъ, если удѣлилъ имъ не такую честь, какъ Сыну. Вѣдь нисколько не свидѣтельствуетъ о несправедливости Бога разнообразіе тварей или сообщеніе каждому подобающей ему славы, иначе какимъ образомъ мы оказываемся ниже ангеловъ, хотя и исповѣдуемъ Бога справедливымъ. Поэтому, что мы по сравненію съ ангелами, то и ангелы по сравненію съ Сыномъ: они уступаютъ Ему какъ высшему и надѣленному большими достоинствами, чѣмъ какими обладаютъ они сами“.

Но вотъ что, любезнѣйшій читатель, скажемъ мы опять въ посрамленіе невѣжественнаго еретика. Хотя мы и не имѣемъ славы ангеловъ, такъ какъ оказываемся и ниже присущаго имъ благочестія,—и хотя въ тваряхъ есть большое разнообразіе и различіе въ обладаніи большими или меньшими достоинствами, по волѣ Творца, но самая тварность есть общее всѣмъ свойство и въ этомъ отношеніи отнюдь не можетъ быть одно высшимъ, другое нисшимъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ангелъ преимуществуетъ предъ человѣкомъ въ славѣ и чести, какъ и архангелъ предъ ангеломъ. Но при этомъ мы не найдемъ, чтобы какой либо изъ тварей была присуща возможность возвышаться до славы Самого Творца всего. Ничто тварное не можетъ быть Богомъ по природѣ, ни рабское—равночестнымъ Владыкѣ, возсѣдать одесную Его и соцарствовать съ Нимъ. Какую же въ такомъ случаѣ мѣрою чести будетъ богольпное достоинство для Сына подобно намъ тварнаго

и (только) изъ духовнаго міра? Какимъ образомъ однородное съ тварями можетъ возвыситься до славы, равной съ Богомъ по природѣ, хотя Богъ говоритъ: „славы Моей другому не дамъ“ (Иса. 42, 8)? А за что, скажи мнѣ, діаволъ отпалъ отъ небесныхъ обителей? Развѣ въ томъ состояла вина его, что онъ возжаждалъ такой славы, какая подобаеть тварной природѣ, но только въ высшей и большей мѣрѣ, чѣмъ въ какой онъ обладалъ ею? Или же, напротивъ, въ томъ, что онъ дерзнулъ сказать: „буду подобенъ Вышнему“ (Иса. 14. 14)? Вѣдь Онъ вообразилъ, что созданіе можетъ возвыситься до природы Создателя и содѣлаться сопредстольнымъ Вседержителю Богу. Поэтому и палъ, какъ молнія съ неба, по написанному (Лук. 10, 18). Ты же, столь безразсудно и неосторожно нападая на насъ, не придаешь никакого значенія тому, что Сынъ, будучи (по твоему мнѣнію) изъ нѣкоего подобнаго намъ (тварнаго, но духовнаго) міра и потому частью творенія, въ качествѣ чести призывается отъ Бога и Отца къ сидѣнію съ Нимъ (на божескомъ престолѣ),—и эту честь (по твоему мнѣнію) доставляетъ Ему отнюдь не Его существо, требующее подобающаго ему и соотвѣтствующаго достоинства. Вѣдь если это такъ, какъ болтаете вы, то Онъ только въ качествѣ благодати пріемлетъ то, что выше твари. Прочь отъ такой хулы, человѣкъ! Не такъ мы будемъ думать, не дай Богъ! Вѣруемъ, что ангелы и архангелы и еще высшія ихъ силы удостоены различной чести по волѣ и всемогуществу Всемудраго Бога, опредѣляющаго справедливое рѣшеніе о каждой твари. Но не будемъ думать, что среди нихъ находится и Сынъ по природѣ. Не въ качествѣ благодати и какъ даръ имѣетъ Онъ Свою (сыновнюю) славу, но потому, что Онъ есть изъ сущ-

ности Бога и Отца, Истинный Богъ отъ Бога по природѣ и Истиннаго, сопрестоленъ и соцарствуетъ съ Нимъ, все имѣеть подъ Своими ногами, какъ Богъ и отъ Отца, съ Отцемъ и надъ всею тварью боголѣпно управляетъ. Посему справедливо слышалъ; „потому что все—рабы Твои“ (Псал. 118, 91). Поелику же, какъ истинный Богъ, Онъ оказывается сущимъ повсюду, то очевидно никоимъ образомъ не можетъ быть „отъ міра сего“, то-есть тварнымъ. Слово „міръ“ здѣсь обозначаетъ всю природу сотвореннаго, посредствомъ части дѣлая указаніе на все то, что мыслится сотвореннымъ, какъ и Богъ у пророковъ, удаляя Себя отъ всякаго тожества природы съ тварью, сказалъ: „потому что Я—Богъ, а не человѣкъ“ (Ос. 11, 9). И если потому, что Онъ сказалъ, что не есть Онъ подобный намъ человѣкъ, мы конечно не поставимъ Его въ рядъ съ ангелами или какими другими (вышшими) тварями, но, идя отъ части къ цѣлому, должны признавать, что Богъ есть нѣчто другое по природѣ сравнительно со всѣмъ тварнымъ: то такимъ же образомъ, полагаю, благочестивцамъ надлежитъ понимать подобныя толкуемой трудности, „ибо видимъ въ зеркалѣ посредствомъ загадки“ (1 Кор. 13, 12), какъ Павелъ говорить.

VIII. 24. Рѣчь убо вамъ, яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ.

Въ немногихъ словахъ опровергнувъ безразсудное предположеніе размышлявшихъ вышеуказаннымъ образомъ и изблотивъ опять ихъ пустословіе о Себѣ, возвращается къ предположенной какъ бы съ самаго начала цѣли рѣчи, снова повторяетъ и выставляетъ на видъ, въ какихъ бѣдствіяхъ будутъ они и чему подвергнутся, безумно отвергая вѣру въ Него. Такое повтореніе одного и того же необходимо требуется отъ

мудраго и опытнаго учителя. Учащему, думаю, подобаетъ не потакать невѣжеству слушателей и беззаботно относиться къ нимъ, если бы они даже и не совсѣмъ охотно усвоили познаніе наученій, но снова и часто повторяя, говоритъ одно и то же и въ одинаковыхъ словахъ. Такъ терпѣливый пахарь, поднявъ пашню, положивъ на нее немалые труды и разсѣявъ зерна по бороздамъ, если посѣвъ окажется испорченнымъ, снова обращается къ плугу и немедленно дѣлаетъ посѣвъ къ испорченнымъ уже сѣменамъ. Не достигши сначала цѣли, онъ не ожидаетъ конечно потерпѣть тоже самое и во второй разъ. Дѣйствуя такимъ же образомъ, и божественный Павелъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „тоже самое говорить вамъ для меня не лѣнностно, для васъ же назидательно“ (Филип. 3, 1). Видишь, какъ учитель оказывается свободнымъ отъ лѣнности и для слушателей частое повтореніе ученія доставляетъ назидательность. Поэтому Господь нашъ Иисусъ Христосъ, снова повторивъ Свою рѣчь къ Іудеямъ, тѣмъ самымъ утверждаетъ, что немалый какой либо и случайный вредъ будетъ отъ невѣрія въ Него, ибо невѣрующіе, говорить, должны непременно умереть въ грѣсахъ, умереть несомнѣнно обремененные грѣхами, потому что предасть человѣческую душу всепожирающему пламени.

VIII. 24. *Аще бо не имете вѣры, яко Азъ есмь, умрете во грѣсѣхъ вашихъ* ¹⁾).

Точнѣе изъясняетъ полезное, и, ясно представляя способъ спасенія, показываетъ потомъ, какимъ путемъ они могутъ возвыситься до жизни святыхъ и достигнуть вышняго града, небеснаго Іерусалима. Не только, го-

¹⁾ Нѣк. приб: *мои*, въ нѣк. опуск. все это предложеніе, какъ и Остр. Мст. Сим. Въ древнесл.: *е.м.ете*, но Панд. и Ал: *вѣруете*—лучше и точнѣе

ворить, надлежитъ увѣровать, но и утверждаетъ, что увѣровать надо именно въ Него, ибо мы получаемъ оправданіе вѣрою въ Него, какъ въ Бога отъ Бога, какъ въ Спасителя, Искупителя, Царя всяческихъ и Истиннаго Господа.

И такъ, вы погибнете, говорить, не вѣруя, „что Я (это) *есмь*.“ Это „Я“, о Коемъ, говорить, написано у пророковъ: „свѣтись, свѣтись, Іерусалимъ, ибо пришелъ свѣтъ твой и слава Господня надъ тобою возсіяла“ (Иса. 40, 1). „Я, говорить, *есмь*,“ нѣкогда повелѣвавшій удалиться прочь болѣзнямъ души и общавшій по любви исцѣленіе въ словахъ: „обратитесь сыны, обратитесь, и исцѣлю сокрушенія ваши“ (Іерем. 3, 22). Это „Я *есмь*,“ говорившій, что даруется тебѣ божественная и исконная благодать и несравненное долготерпѣніе, и потому восклицавшій: „Я, Я Самъ изглаживаю грѣхи твои, и не вспомяну“ (Иса. 43, 25). Это „Я *есмь*,“ говорить, изрекающій чрезъ пророка Исаію: „омойтесь, чисты будьте, отнимите лукавства отъ сердецъ вашихъ предъ очами Моими, отстаньте отъ лукавствъ вашихъ... и приходите (тогда) и разсудимъ, говорить Господь: и если будутъ грѣхи ваши какъ багряница, (то) какъ снѣгъ убѣлю (ихъ),—и если будутъ какъ пурпуръ, (то) какъ руно убѣлю“ (Иса. 1. 16. 18). Это „Я *есмь*,“ говорить, о Коемъ опять самъ пророкъ Исаія сказалъ въ одномъ мѣстѣ: „на гору высокую взойди, благовѣствующій Сіонъ! возвысь съ силою голосъ, благовѣствующій Іерусалимъ! возвысьте, не бойтесь! Вотъ Богъ вашъ, вотъ Господь съ силою грядетъ и мышца (Его) со властію! Вотъ награда Его съ Нимъ, и дѣло (воздаяніе Его) предъ Нимъ! какъ пастырь будетъ пасти стадо Свое и мышцею Своею собирать агнцевъ и во чревѣ имущихъ утѣшать“ (Иса. 40, 9—11). И опять: „тогда отверзутся очи слѣ-

пыхъ, и уши глухихъ услышатъ, тогда вскочить какъ олень хромой, и ясенъ будетъ языкъ косноязычныхъ“ (Иса. 35, 5—6). Это „Я есмь,“ говорить, о Коемъ также написано еще, что „внезапно придетъ въ храмъ Свой Господь, Коего вы ищете, и Вѣстникъ Завѣта, Коего вы желаете: вотъ грядетъ, говорить Господь, и кто выдержитъ день пришествія Его? ибо Онъ придетъ какъ огонь въ плавильницѣ и какъ щелокъ моющихъ“ (Мал. 3, 1. 2). Это, говорить, „Я есмь,“ чрезъ уста Псалмопѣвца дающій обѣщаніе Самому Богу и Отцу принести Себя Самого въ жертву за спасеніе всѣхъ и восклицающій: „жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, тѣло же уготовалъ Мнѣ, всесоженной и (жертвы) о грѣхѣ Ты не возблаговолилъ; тогда сказалъ Я: вотъ иду, во главѣ книги написано о Мнѣ— (чтобы) сотворить волю Твою, Боже“ (Псал. 39, 7—9; Евр. 10, 5—7). Это, говорить, „Я есмь,“ о Коемъ и самъ законъ возвѣщалъ чрезъ Моисея въ словахъ: „Пророка изъ братій твоихъ какъ меня возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Его слушайте,—согласно всему тому, что просилъ ты отъ Господа Бога твоего на горѣ Хоривѣ въ день (твоего) собранія“ (Второз. 18, 15. 16).

Итакъ, вы справедливо, говорить, погибнете и получите вполне должное возмездіе отъ Судьи за то, что по причинѣ великаго нечестія своихъ нравовъ не поняли Меня, столь многими святыми предвозвѣщеннаго вамъ и засвидѣтельствованнаго дѣлами, какія Я совершаю. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, по истинѣ нѣтъ никакого основанія для того, чтобы невѣрующіе Ему должны были освобождаться отъ наказанія, когда богодухновенное писаніе наполнено рѣчами и свидѣтельствами о Немъ, да и Самъ Онъ, согласно древнимъ предсказаніямъ, представляетъ блестящее доказательство отъ дѣлъ Своихъ.

VIII. 25. *Глаголаху убо Ему: Ты кто еси?* ¹⁾

Эта грубая и соединенная съ яростію рѣчь исходитъ у нихъ опять изъ надменности ихъ. Вѣдь они любопытствуютъ не для того, чтобы, узнавъ, увѣровать, но по великому безумію своему едва не бросаются на Христа. Совершенно просто говоритъ: „это Я Самъ“, не прибавивъ, что Онъ есть Богъ отъ Бога и ничего другого изъ того, что указываетъ на присущую Ему славу. Скромно опять и безъ всякихъ добавленій говоритъ только это „Я есмь“, предоставивъ любознательнѣйшимъ добавлять недостающее. Они же (вмѣсто этого) предаются непристойному и необузданному неистовству и вслѣдствіе своего безмѣрнаго презрѣнія какъ бы пресѣкаютъ еще не достигшее окончанія слово Спасителя, бранятъ и, прервавъ на срединѣ, спрашиваютъ: „Ты кто?“ Яснѣе надо было высказать это такъ: такъ неужели же Ты дерзаешь думать о Себѣ что либо больше того, что знаемъ мы (о Тебѣ)? Мы знаемъ Тебя сыномъ плотника, челоувѣка простаго и бѣднаго, незнатнаго среди насъ и совершенно ничтожнаго. Такимъ образомъ осуждаютъ Господа, какъ ничего не значущаго, имѣя въ виду только Его родъ по плоти, но никакого вниманія не обращая ни на великолѣпіе Его дѣлъ, ни на Его рожденіе свыше и отъ Бога, вслѣдствіе чего именно и можно было признавать Его Богомъ по природѣ. Кто бы въ самомъ дѣлѣ могъ совершить подобающее одному только Богу? А Христось совершалъ, слѣдовательно Онъ былъ и есть Богъ, хотя и явившись во плоти ради спасенія и жизни всѣхъ. Но и не только увлекаясь одними своими безразсудствами, а

¹⁾ Древнесл.: *же*, но Добр. *оп.* какъ Син. и нѣк. не мн. Добр: *рѣша* и Ал: *глаголаша*—ошибочно. Мст. крѣб: *иудеи*.

и не придавая никакого значенія нашему божественному и богодухновенному писанію, они уничижаютъ Его за то, за что напротивъ подобало благодарить, какъ не вѣдущіе „ни того, что говорятъ, ни тѣхъ, о комъ утверждаютъ“ (1 Тим. 1, 7).

И такъ, поставивъ надъ „Ты“, для указанія выразительности, знакъ такъ называемаго сильнаго (остраго) ударенія, принимаетъ это изреченіе въ видѣ вопроса, соединеннаго съ удивленіемъ. Этимъ „Ты“, они высказываютъ слѣдующее: о, совершенно ничтожный и такимъ у насъ знаемый, простецъ и изъ простецовъ, что имѣешь сказать о Себѣ славнаго, что есть у Тебя достойное слова? Вѣдь подобныя дерзости отнюдь не чужды Іудейскому безумію.

VIII. 25. Рече имъ Іисусъ: начатокъ, яко и глаголю вамъ ¹⁾).

Подвергаюсь, говорить, безчестію (у васъ), хотя и призываю (васъ) къ вѣчной жизни, къ оставленію грѣховъ, къ отложенію смерти и тлѣнія, къ освященію, къ праведности, къ славѣ, къ похвалѣ усынов-

¹⁾ Нѣкоторые принимаютъ *отъ* за вопросительное: *вообще зачѣмъ и говорить Мнѣ вамъ?* Но безъ достат. основаній филол. и вопреки всѣмъ древнимъ, изъ коихъ *одни* понимаютъ *την αρχην* въ богословкомъ смыслѣ: *Начало* (—Сынъ Божій—Логосъ Который „былъ въ началѣ къ Богу“), *что (о чемъ) и говорю вамъ*: *principium quod et* въ ff Гот. Копт. Сир. (Син.? Іерус. Геракл.) Сир. (оп. et)—*quia et* у Амвр. Іерон. Авг.—*qui et* въ е. Вулг. (Клим.). Сир. (Іер.? *quod?*)—*primus (principium?)*, *et locutus sum vobis* въ Эв.—сюда же м. б. относится и *initium quod* или *quoniam* безъ или съ *et* въ а. с. d. f.—*другіе* прин. въ значеніи нарѣчія: *сначала, во первыхъ, въ началѣ* (новѣйшіе: *вообще, совершенно*)—*in primis quia* въ б. или *начала рѣчи*, какъ Сир. (Пеш.): *даже если (бы) Я началъ говорить съ вами*.—Араб. у Walt. и Араб. Діат. Таціана у Ciasca: *incipi loqui vobiscum*. Славянскіе примыкаютъ къ первому толкованію: *начатокъ, яко и глаголю (др. глаголахъ) вамъ*. Русс. Синод.: *отъ начала Сущій*—далекъ и съуживаетъ богосл. значеніе *начала*. Лучше нов.: *Я начало, какъ и говорю вамъ*. Буквально: *Начало, что и говорю вамъ*, т. е. Началомъ Я называю Себя вамъ (Сыномъ, отъ Отца сущимъ).

ленія Богу. Но и всѣмъ этимъ желая увѣнчивать васъ, не нахожу Себѣ никакого уваженія и считаюсь у васъ ничтожнымъ. Впрочемъ, говорить, Я терплю совершенно справедливое за то, что сдѣлалъ *начало* рѣчи у васъ, провозгласилъ нѣчто способное приносить пользу и пожелалъ спасать тѣхъ, кои имѣли дойти до такой низости, что Восхотѣвшему спасать ихъ предпочли отвѣчать горькимъ воздаяніемъ.

И на другое нѣчто, кажется, указываетъ намъ Христосъ въ этихъ словахъ. Подобало Мнѣ, говорить, совсѣмъ не обращаться къ вамъ съ рѣчью *по началу* (съ самого начала), но сообщать этотъ даръ тѣмъ, кои имѣли, и притомъ съ великою охотою, услаждаться Моими словами и быстро подчинять себя евангельскимъ заповѣдямъ. Указуетъ здѣсь на множество язычниковъ.

Но понимая такъ эти слова Его, считаемъ нужнымъ предохраниться отъ возраженія противниковъ, ибо изъ обыкшихъ христоробствовать, быть можетъ, скажетъ кто либо: если надлежало не къ Иудеямъ обращаться рѣчь въ началѣ, а напротивъ къ язычникамъ, то Сынъ слѣдовательно погрѣшилъ противъ долга, совершивъ совсѣмъ не это послѣднее, а именно то первое.

Но на это отвѣтимъ опять такимъ образомъ. Сынъ говоритъ эти слова не потому, что онъ раскаялся въ Своихъ собственныхъ желаніяхъ или желаніяхъ Отца, и не потому, что отклонился отъ требовавшагося домостроеніемъ дѣла,—вѣдь Богъ не могъ бы пожелать того, чему совсѣмъ не подобало быть. Но посредствомъ словъ, что не къ вамъ подобало *говорить по началу* и не у васъ какъ бы полагать основаніе спасительнаго ученія, Онъ показываетъ и Отца и Себя Самого истинными и человѣколюбивыми по Своей природѣ.

Вотъ Онъ сообщалъ спасительное слово, хотя и недостойнымъ нечестивцамъ, Іудеямъ, поставивъ на второмъ мѣстѣ множество язычниковъ, хотя весьма склонное вѣровать въ Него и старательно повиновавшееся Ему.

Что же побудило Его поставить впереди и предпочесть предъ другими жестоковыйный народъ Іудейскій? Имъ далъ обѣтованіе о пришествіи Своемъ чрезъ святыхъ пророковъ, имъ подобала и благодать ради отцовъ ихъ. Поэтому и говорилъ: „посланъ Я только къ овцамъ погибшимъ дома Израилева“ (Матѣ. 15, 24),—и къ женщинѣ сирофиникіянкѣ: „не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“ (ст. 26). Вотъ вслѣдствіе этого и почтенъ Израиль и поставленъ впереди язычниковъ, хотя и имѣлъ грубѣйшую душу. А какъ не узналъ онъ Владыку всего и Совершителя обѣтованныхъ благъ, то благодать ученія перешла наконецъ къ язычникамъ, коимъ подобало, чтобы Господь по *началу* и во первыхъ обратился къ нимъ съ словомъ Своимъ, не въ силу обѣтованія бывшаго къ отцамъ ихъ, а по причинѣ присущаго имъ благопослушанія.

VIII. 26. *Многа имамъ о васъ глаголати и судити* ¹⁾.

Такъ какъ Іудеи весьма опрометчиво осуждали Его и, совсѣмъ не имѣя за что обвинять, надмевались надъ Нимъ за одну только простоту Его рода по плоти, почему и уничижали Его, то Онъ кротко устыждалъ ихъ и въ предшествующихъ словахъ высказалъ яснѣе: „вы по плоти судите, Я не сужу никого“ (8, 15). А судить по плоти, по моему мнѣнію, и имѣетъ именно такой смыслъ, ибо, увлекаясь одними только земными предметами, они совсѣмъ не

¹⁾ Конст. Ал. и поздн: *многа*, не древн: *многѣ*. Въ О. Мст. оп: *о васъ*.

видятъ небесныхъ благъ, и, взирая на одинъ только блескъ этой жизни, благоговѣютъ предъ богатствомъ или величаются подобными же пустяжными предметами. Напротивъ, способные правильно судить о природѣ вещей согласно закону Божію утверждаютъ, что тотъ изъ людей достоинъ уваженія и соревнованія, у кого есть желаніе жить по волѣ Творца. Вѣдь уничтоженіе по плоти не можетъ причинять никакого вреда человѣческой душѣ, привыкшей къ добродѣтели,—равно и наоборотъ, блескъ въ этой жизни и знатность отъ богатства не могутъ приносить никакой пользы тѣмъ, кои отказываются жить по закону. Итакъ, судятъ по плоти, какъ мы только что сказали, тѣ, кои не смотрятъ на святость,—кои не поведеніе и нравы привыкли цѣнить, но обращаютъ свой умъ къ одному только земному, почитая достойнымъ всякаго уваженія того, кто воспитанъ въ богатствѣ и роскоши. Вотъ вы, неразумнѣйшіе наставники Іудеевъ, хотя и руководствуемые закономъ Моисеевымъ къ справедливости въ судѣ, безъ всякихъ основаній, за одну только незнатность по плоти, осуждаете Того, Кто посредствомъ многихъ чудесъ предъ вами явилъ Себя Богомъ. Я же не стану подражать вашему безразсудству и не вынесу о васъ подобный приговоръ. И это потому, что человѣческая природа здѣсь совсѣмъ ничего не значитъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою это наше бренное и земное тѣло? Тлѣнъ и червь—ничего другаго. Но по этой причинѣ я не подвергну васъ осужденію и отнюдь не сочту васъ достойными презрѣнія только за то, что вы—люди по своей природѣ. *„Имѣю много о васъ говорить и судить“*, то-есть, въ преизбыткѣ имѣются всякаго рода обвиненія противъ васъ,—не за одно только могу обвинять васъ, но за многое, и при этомъ

ни въ чемъ не солгу, подобно вамъ. Могу осуждать васъ, какъ невѣровъ, какъ гордецовъ, какъ высоко-мѣровъ, какъ богоборовъ, какъ упрямецевъ, какъ неблагодарныхъ, какъ лукавыхъ, какъ постоянныхъ сластолюбцевъ, болѣе чѣмъ боголюбцевъ (2 Тим. 3, 4), какъ „славу другъ отъ друга приѣмлющихъ, а славу, что отъ Единого (Бога) не ищущихъ“ (Іоан. 5, 44),— какъ сожегшихъ духовный виноградникъ, какъ не упасшихъ надлежащимъ образомъ врученное вамъ отъ Бога стадо, какъ не руководившихъ къ (принятію) Проповѣдуемаго въ законѣ и пророками, то-есть Меня. Вотъ что могъ бы сказать Іудеямъ Спаситель. А присоединивъ къ „много имѣю говорить о васъ, еще и судить“, какъ бы угрожаетъ имъ, что нѣкогда явится Судьею Тотъ, Кто ради плоти подвергается у нихъ презрѣнію.

VIII. 26. Но Пославый Мя истиненъ есть, и Азъ, яже слышахъ отъ Него ¹⁾), сія глаголю въ міръ.

Оставивъ невѣжество Іудеевъ и презрѣвъ ихъ безстыдныя ругательства Его, возвращается къ началу (прерванной рѣчи), предоставляя подобающему времени, а не настоящему, судъ надъ ними и ихъ дерзостью и обращаясь къ собственной цѣли Своего пришествія, ибо Онъ пришелъ не для того, чтобы судить міръ, но чтобы спасти міръ, какъ Самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Іоан. 12, 47). Поэтому-то, строго держась цѣли Своего пришествія, Онъ снова предлагаетъ увѣщаніе и призываетъ къ спасенію, причемъ истиннѣ оказывается достойною удивленія степень Его незлобія и чрезмѣрность присущаго Ему человеколюбія. Въ виду этого и Петръ говоритъ о Немъ

¹⁾ Παρ' αυτου и слав. но Ал. у него соотв. рѣдкому чт: παρ' αυτω, Гот: arud eum.

въ посланіи: „Онъ, злословимый, не злословилъ вопреки,—страдаая, не угрожалъ, но предавалъ Судіи Праведному“ (1 Петр. 2, 23). Итакъ, Я обращаю, говорить, теперь къ вамъ такую рѣчь, какая совсѣмъ необычна у васъ, то-есть состоящую не въ порицаніяхъ и бесполезныхъ словахъ, но, предоставивъ судъ надъ вами должному времени, Я стану предлагать полезное вамъ и не откажусь отъ снисходительности къ вамъ, хотя, по присущему вамъ безразсудству, вы и оскорбляете Меня. Вѣдь Я только что говорилъ вамъ: „Я есмь свѣтъ міра,—слѣдующій Мнѣ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (8, 12). При этомъ вы безразсудно и съ великою яростію нападали на Меня, восклицая: „Ты о Себѣ Самомъ свидѣтельствующъ,—свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13), на что Я отвѣчалъ: „и если Я свидѣтельствую о Себѣ, истинно свидѣтельство Мое, потому что Я знаю, откуда пришелъ Я и куда иду“ (ст. 14). Но пусть Я окажусь тяжелымъ, говоря это вамъ,—пусть Я—свидѣтель для васъ неприятный о присущихъ Мнѣ природныхъ достоинствахъ, „но *Пославшій Меня истиненъ (есть) и Я, что слышалъ отъ Него, то говорю въ мірѣ*“. Посему, если Я, по вашему, говорю ложь и свидѣтельство Мое не истинно, то вамъ конечно необходимо утверждать, что Отецъ (еще) прежде (Меня) сказалъ ложь. Но Онъ—*„истиненъ“*. Слѣдовательно Я не сказалъ лжи, и если вы не слушаетесь словъ Моихъ, то постыдитесь, говорить, словъ Пославшаго Меня. Что говорилъ Онъ обо Мнѣ? „Вотъ мужъ, Востокъ имя Ему“ (Зах. 6, 12). И еще — къ почитающимъ Его: „и возсіяетъ вамъ, боящимся имени Моего, Солнце Правды, и исцѣленіе въ лучахъ Его“ (Мал. 4, 2). Также и ко Мнѣ, Кого вы, невѣдая, оскорбляете, говорить: „вотъ Я далъ Тебя въ завѣтъ

рода, во свѣтъ народовъ“ (Иса. 69, 6). А что Я и свѣтъ есмь, о семъ также вамъ говорилось отъ Него. именно: „свѣтись, свѣтись, Иерусалимъ, ибо пришелъ твой Свѣтъ и слава Господня надъ тобою возсіяла“ (Иса. 60, 1). Эти слова Я слышалъ о Себѣ отъ Пославшаго Меня Отца, и поэтому Я называю Себя свѣтомъ міра, а вы, неправильно судя, унижаете Меня ради одной только плоти и потому осмѣливаетесь настойчиво утверждать: „Ты о Себѣ Самомъ свидѣтельствуешь, свидѣтельство Твое не истинно“ (8, 13).

Итакъ,—слѣдуетъ теперь обобщить весь смыслъ толкуемаго изреченія,—объявляетъ Іудеевъ богоборцами, не только вооружающимися противъ Его собственныхъ словъ, но и противъ опредѣленія, даннаго Отцомъ, ибо Онъ зналъ, что Его собственный и природный Сынъ есть свѣтъ и потому называетъ Его Востокомъ и Солнцемъ Правды. Они же, своимъ невѣріемъ навлекая на свои головы погибель, не признаютъ истины, „добро называя зломъ“ (Иса. 5, 20), почему и со всею справедливостью на нихъ послѣдуетъ „горе!“

VIII. 27. Не разумѣша яко Отца имъ глаголаше ¹⁾.

Духоносецъ (евангелистъ) опять поражается безчувственности Іудеевъ, и вполне справедливо. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безумнѣе тѣхъ, кои, не смотря на постоянныя и продолжительныя къ нимъ бесѣды о Богѣ и Отцѣ, ничего однакожъ не разумѣютъ, когда слышать о Немъ слово Спасителя: „но Пославшій Меня истиненъ“. Но необходимо сказать, на какомъ основаніи и по какой причинѣ блаженный евангелистъ

¹⁾ Такъ Ал. согл. автор. греч. но древнесл. и предъ *не разумѣша*; поздн.: *убо*, согл. разночт. *ка* и *огъ*. Въ Остр. Мст.: *о отци*,—Гал. Зогр. Асс. приб. *Бога*, согл. разночт.

говорить, что Иудеи *не уразумѣли*, что этими словами Христось указаль имъ на Бога и Отца. Такъ какъ Спаситель сказалъ имъ: „если бы Меня вѣдали, и Отца Моего бы вѣдали“ (ст. 19), то, дабы и здѣсь также оказался говорящимъ истину, Онъ не уразумѣвшихъ Сына представляетъ неразумѣвающими и Отца, ибо Сынъ есть какъ бы нѣкая дверь и врата познанія въ отношеніи къ Отцу. Посему и говорилъ: „никто не приходитъ къ Отцу, развѣ не чрезъ Меня“ (14, 6), подобно тому, какъ, отъ образа восходя къ первообразу, умъ по тому (образу) представляетъ этотъ (првообразъ). Итакъ, было необходимо показать, что Иудеи ничего не разумѣютъ объ Отцѣ, какъ скоро не восхотѣли по наведенію отъ познанія Сына руководствоваться къ воспріятію познанія Отца. Посему-то Евангелистъ и указываетъ съ такою выразительностью на то, что хотя Христось говорилъ: „Пославшій Меня истиненъ“, они однако *„не уразумѣли, что объ Отцѣ говорилъ имъ“*.

VIII. 28. Егда вознесете Сына Человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азъ есмь“ ¹⁾.

Подражая хорошимъ врачамъ, обнажаетъ причину присущей имъ душевной болѣзни и ясно открываетъ, что препятствуетъ имъ быстро придти къ разумѣнію Его и вѣрѣ въ Него. Такъ какъ они, смотря на плоть Его и Его плотское происхожденіе, склонялись унизительно думать о Немъ и, имѣя такое покрывало на очахъ ума своего, не знали, что Онъ есть истинный Богъ, хотя и явился человѣкомъ,—то считаетъ необходимымъ присоединить слова: *„когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что (это) Я (есмы)“*, то-

¹⁾ Ал.: *возысите—члвчца*, Тип. 12 в.: *възнесется Снъ члвчъ*. Въ древнесл. и Ал.: *разумѣете*.

есть: когда прекратите низкое и земное представление обо Мнѣ, когда будете помышлять обо Мнѣ высокое и сверхземное, признаете Богомъ, явившимся отъ Бога, хотя Я и сталъ ради васъ подобнымъ вамъ человѣкомъ,—вотъ тогда-то и узнаете ясно, что Я есмь свѣтъ міра, о чемъ и говорилъ вамъ недавно. Что же въ самомъ дѣлѣ можетъ еще служить препятствіемъ къ тому, чтобы Тотъ, Кто принять уже за Истиннаго Бога, былъ и свѣтомъ міра? Не дойдетъ же кто-либо до такого безумія и дерзости, чтобы и тогда дерзнуть сказать: „свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13). Вѣдь Тотъ, Кто называется Богомъ по природѣ и истиннымъ, отнюдь не можетъ говорить ложь.

Итакъ, и изъ словъ Спасителя совершенно очевидно, что, имѣя низкое о немъ представление и считая Его простымъ человѣкомъ, лишеннымъ божества по природѣ, мы тѣмъ самымъ безъ всякаго сомнѣнія уже и не вѣруемъ въ Него и не признаемъ Его Спасителемъ и Искупителемъ. Но тогда что же послѣдуетъ отсюда? Мы лишаемся надежды, ибо если спасеніе чрезъ вѣру (получается), а вѣра исчезла, что же еще спасаетъ? А вѣруя и поднимая Единороднаго на боглѣпную высоту ¹⁾, хотя Онъ и содѣлался человѣкомъ, мы, какъ бы идя попутнымъ вѣтромъ и проходя многотрудное море житейское, переселимся въ вышній градъ и получимъ тамъ почести за вѣру.

Другое толкованіе тогоже изреченія.

„Когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что (это) Я (есмы).“

Употребивъ много добрыхъ словъ для смягченія ярости Іудеевъ, Господь видитъ, что она тѣмъ не ме-

---

¹⁾ Такое толкованіе предполагается в переводомъ Св. Алексія.

нѣе все увеличивается. Они не перестаютъ неудержимо хулить Его: то не придаютъ Его слову никакого значенія и нечестиво называютъ Его лжецомъ, ибо сказать: „свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13), что же можетъ означать другое, какъ не это? — то опять, когда Онъ по любви сообщалъ имъ нужное для спасенія и потому говорилъ, что „если не увѣруете, что это Я, умрете во грѣхахъ вашихъ“ (ст. 24), горячо возставали и, говорившимся имъ по любви словамъ противопоставляя свои безумныя рѣчи, вопрошали: „Ты Кто?“ (ст. 25). Посему для столь неудержимо погрузившихся въ безразсудную дерзость требовалось слово, могшее ихъ образумить и побудить къ болѣе скромному настроенію, уже налажавшее, даже и противъ воли, узду на языкъ. Вотъ по этой причинѣ и угрожалъ имъ, весьма ясно говоря, что не избѣгутъ наказанія за свое нечестіе, и хотя въ настоящее время и видятъ Его долготерпѣливымъ, но, когда ихъ нечестіе противъ Него дойдетъ до ужаснаго предѣла, то-есть до преданія Его на распятіе и смерть, тогда они подвергнутся страшному наказанію и крайнему бѣдствію, очевидно отъ войны съ Римлянами, случившейся послѣ распятія Спасителя вслѣдствіе вышняго гнѣва отъ Бога. А что они имѣли подвергнуться великимъ бѣдамъ, это Спаситель также весьма ясно указывалъ имъ, говоря однажды плакавшимъ женамъ: „дщери Іерусалимскія! не плачьте о Мнѣ, а плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ“ (Лук. 23, 28), или въ другой разъ: „когда увидите окруженнымъ войсками Іерусалимъ, тогда скажете горамъ: покройте насъ! и холмамъ: падите на насъ!“ (Лук. 21, 20; 23, 30). Такія бѣдствія отъ войны настанутъ у Іудеевъ, что всякій видъ смерти будетъ пріятнѣе и желательнѣе. И дѣйствительно, о высе-

леніи ихъ изъ своей страны, плѣненіи ея обитателей, жестокихъ избіеніяхъ, голодѣ въ каждомъ городѣ и яденіи въ нихъ дѣтей повѣствуетъ и Іосифъ въ своихъ сочиненіяхъ. Итакъ, *когда*, говоритъ, предавъ распятію *Сына Человѣческаго*, подвергнетесь соответственному наказанію и за свои дерзости ко Мнѣ получите равномѣрное возмездіе, *тогда* съ плачемъ узнаете, что *Я* есмь могущій все, то-есть Богъ. Въдь если и „птичка одна безъ Бога въ сѣть ловца не попадетъ“ ¹⁾, то какимъ образомъ, говоритъ, цѣлая страна и народъ возлюбленный могли бы дойти до такой полной гибели, если бы, безъ сомнѣнія, Вседержитель Богъ не пустилъ этому быть? Вотъ какимъ ужаснымъ зломъ оказывается пренебреженіе къ Богу, доводящее до столь страшныхъ бѣдъ. Посему и Павелъ порицаетъ нѣкоторыхъ, говоря о Богѣ: „или богатствомъ благодати Его и кротости и долготерпѣнія Его пренебрегаешь, не разумѣя, что благодать Божія къ покаянію тебя ведетъ, но по жестокости своей и нераскаянному сердцу самъ собираешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва“ (Рим. 2, 4. 5).

Иное толкованіе того же изреченія.

Много времени провелъ Христосъ въ обращеніи съ Іудеями,—во всякомъ, можно сказать, собраніи бесѣдовалъ съ ними, каждую субботу говорилъ съ ними, часто и охотно предлагая имъ полезное ученіе и постоянно призывая къ просвѣщенію отъ Духа. Такъ Онъ между прочимъ говорилъ имъ, какъ истинный и по природѣ Богъ: „Я есмь свѣтъ міра“ (ст. 12). А

¹⁾ Ср. Матѣ. 10, 29 и Лук. 12, 6. Однако текстъ приведенъ не такъ, какъ читается онъ въ евангельскихъ рукописяхъ и во всѣхъ переводахъ, у Ирив. (V. 22, 2; II. 26, 2) др. но (*въ сѣть*) какъ въ Ном. Clem. XII. 31; Ориг. Cels. VIII. 70; In Ioh. XX, 29; Епиф. Haer. XLII; Злат. Іюв. самъ Кир. еще въ толк. Іоан. 7, 30,—Pusey 1. 670 (457. c).

они, предаваясь неразумнымъ помысламъ, возражали Ему на эти слова: „Ты Самъ о Себѣ свидѣтельствуешь, свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13). И дерзость Іудеевъ простиралась не до однихъ только противорѣчій на словахъ и ихъ неукротимая смѣлость не ограничивалась одними только порицаніями, но, беспощадно пройдя чрезъ всѣ ступени жестокости, окончили тѣмъ, что предали Его распятію и смерти. Но какъ Онъ былъ жизнью по природѣ, то, расторгнувъ узы смерти, возстаетъ изъ мертвыхъ, справедливо удаляется отъ гнусностей Іудеевъ, переселяется къ язычникамъ, всѣхъ призываетъ къ свѣту и слѣпымъ даруетъ прозрѣніе. Такимъ образомъ случилось то, что послѣ крестной смерти Спасителя нашего Христа умы Іудеевъ омрачились, такъ какъ свѣтъ удалился отъ нихъ, а сердца язычниковъ просвѣтились, такъ какъ истинный свѣтъ возсіялъ имъ. Итакъ, „когда, говоритъ, вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что (это) Я (есмы)“,— вмѣсто: претерплю до самаго конца ваше нечестіе, не наведу на васъ преждевременнаго гнѣва (своего), приму страданія и смерть, перенесу кромѣ всего другого и это. Но когда вы предадите распятію Сына Человѣческаго, почитаемаго вами за простаго человѣка, тогда, говоритъ, даже невольно, узнаете, что я не сказалъ лжи въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“. Вѣдь если вы видите себя самихъ подвергшимися омраченію, а безчисленное множество язычниковъ просвѣщенными по причинѣ Моего бытія у нихъ, то развѣ, даже вопреки своей волѣ, вы не должны согласиться наконецъ, что Я — истиннѣ свѣтъ міра? А что Спаситель, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, имѣлъ удалиться изъ сонмища Іудеевъ, это для всякаго несомнительно, ибо это уже совершилось и исполнилось. Но кромѣ того это съ

еще большею ясностью можно видѣть и изъ Его словъ: „пока свѣтъ имѣете, ходите во свѣтѣ, дабы тьма васъ не объяла“ (12, 35). Сокращеніе и удаленіе свѣта даетъ бытіе тьмѣ и, наоборотъ, присутствіе свѣта производитъ исчезновеніе тьмы. Итакъ, Христосъ является истиннымъ свѣтомъ, Своимъ удаленіемъ подвергнувъ Іудеевъ тьмѣ, а Своимъ присутствіемъ освѣтивъ язычниковъ,—и испытаніе бѣдствій сдѣлалось горькою наукою для Іудеевъ.

Еще толкованіе того же изреченія.

Когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что это Я.

Поелику вы, говоритъ, смотря на одну только плоть, думаете, что Я простой человѣкъ, одинъ изъ вамъ подобныхъ, а божеское достоинство и соединенная съ нимъ слава нисколько не входитъ въ вашъ умъ, то очевиднѣйшимъ для васъ знаменіемъ того, что Я—истинный Богъ отъ Бога и Свѣтъ отъ Свѣта, послужитъ всеужасная ваша и беззаконнѣйшая дерзость, то-есть крестъ и смерть (Моей) плоти на немъ. Вѣдь какъ скоро вы увидите неисполнившуюся цѣль своего злоумышленія и сокрушенную сѣть смерти, ибо Я возстану изъ мертвыхъ,—тогда даже невольно и по необходимости уже согласитесь наконецъ съ обращенными къ вамъ Моими словами и должны будете признать, что Я—истинный Богъ по природѣ. И это потому, что Я окажусь выше смерти и тлѣнія и, какъ жизнь по природѣ, возставлю Мой храмъ (Іоан. 2, 19—21). Но если владычествовать надъ смертію и презирать сѣти тлѣнія подобаешь только Богу по природѣ и никому другому изъ существующаго, то развѣ не долженъ оказаться Я, безъ всякаго противорѣчія и внѣ всякаго сомнѣнія, по этому самому могу-

щимъ все побѣждать и безпрепятственно? Итакъ, Спаситель сказалъ, что Его собственный крестъ будетъ знаменіемъ для Іудеевъ и очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, что Онъ есть Богъ по природѣ.

Ясно высказывающимъ это ты можешь видѣть Его и въ нѣкоторомъ другомъ случаѣ. Такъ какъ чрезъ Него совершилось безчисленное множество чудотвореній, то фарисеи приступили однажды къ нему съ словами: „Учитель! желаемъ отъ Тебя знаменіе видѣть“ (Матѳ. 12, 38). Онъ же, поелику видѣлъ ихъ замыслы и зналъ ихъ дурныя намѣренія, говоритъ: „родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка: ибо какъ былъ Іона во чревѣ кита три дня и три noci, такъ будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцѣ земли три дня и три noci“ (ст. 39—40). Слышишь, какъ Іудеямъ, требовавшимъ знаменія въ доказательство того, что Онъ есть истинный Богъ, хотя говорили это и съ цѣлью искушенія,—не будетъ показано, говоритъ, имъ другого знаменія, кромѣ знаменія Іоны пророка, то-есть тридневной смерти и воскресенія изъ мертвыхъ. Какое же въ самомъ дѣлѣ знаменіе свойственной божеству власти можетъ быть столь великое и очевидное, какъ разрушеніе смерти и уничтоженіе тлѣнія, хотя и по божественному рѣшенію овладѣвшаго человѣческою природою? Вѣдь въ лицѣ Адама она услышала: „земля еси и въ землю отойдешь“ (Быт. 3, 19). Но во власти Спасителя Христа было и положить конецъ Своему собственному гнѣву и смерти, явившуюся вслѣдствіе Его же опять проклятія, уничтожить благословеніемъ. А что Іудеи сильно трепетали знаменія воскресенія, какъ страшнаго доказательства того, что Христосъ есть воистину Богъ, этому ясно научить ихъ по-

слѣднее дѣяніе. Какъ только узнали они о воскресеніи Спасителя и что Онъ не обрѣтается во гробѣ, прійдя отъ этого въ весьма великій страхъ, старались за большія деньги купить клевету у воиновъ. Они дали имъ сребреники, чтобы говорили, „что ученики Его пришедши украли Его, когда мы спали“ (Матѣ. 28, 13). Вотъ какъ велико знаменіе воскресенія, будучи безспорнымъ доказательствомъ божества Іисуса, почему и смутилось жестокое и непреклонное сердце Іудеевъ.

ГЛАВА V.

О томъ, что Сынъ по силѣ и премудрости не меньше Бога и Отца, напротивъ—Самъ есть премудрость и сила Его.

VIII. 28. И о Себѣ ничесоже творю, но, якоже научи Мя Отецъ, сія глаголю. ¹⁾

Говорить примѣнительнѣе къ человѣческому состоянію, такъ какъ иначе Іудеи не могли понимать и не допускали выслушивать отъ Него Его ученіе о Своемъ божествѣ въ чистомъ видѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они даже хотѣли подвергнуть Его побіенію камнями, обвиняя Его въ богохульствѣ, потому что, будучи человѣкомъ, Онъ творилъ Себя Богомъ. Поэтому, снявъ величіе Своего божескаго достоинства и совлекши съ слова блескъ этого достоинства, Онъ прекрасно сообразуется съ немоцію слушателей: видя въ ихъ душѣ, что они не признаютъ Его Богомъ, Онъ строитъ человѣкообразную рѣчь,

¹⁾ Къ *πατὴρ* приб. *ου* Ват. и др. мн. Сир. пеш. и геракл. Гот. Арм. Слав. мар. конст. ал. и поздн. Но безъ приб. Син. Кембр. Вульг. Итал. древн. мн. Сир. іер. и снн. Мемф. Фив. Эе. Слав. остр. гал. мст. зогр. асс. инк. *гаѣга* чит. больш. греч. и др. Сир. іер. и всѣ слав: *си* Ал. *сіа*,—но Син. и мн. *οὐτως* и Сир. снн. и пеш. и самъ Кир. въ толк. по *γαίγα* въ толк. 22 ст.

Дабы опять не возгорѣлись гнѣвомъ ихъ сердца и чрезъ это они безразсудно не утратили хотя бы даже нѣкотораго небольшого къ Нему вниманія. Итакъ, „познаете“, говоритъ, „когда вознесете Сына Человѣческаго, что это — Я“, — подобнымъ же образомъ познаете также и то, что „отъ Себя не творю ничего, но какъ научилъ Меня Отець, такъ ¹⁾ говорю“.

Но скажи мнѣ, быть можетъ, спросить кто-нибудь, какая нужда въ такомъ изреченіи? Чему научаетъ въ немъ насъ Христосъ? Отвѣтимъ на это посредствомъ благочестиваго изъясненія каждаго отдѣльнаго слова въ этомъ изреченіи. Вы не престаете, говоритъ, нападать на Мои дѣла, какъ незаконныя и нечестивыя, — часто обвиняли Меня, какъ поступающаго противозаконно и обыкновенно совершающаго несогласное съ законодателемъ. Такъ, когда Я исцѣлилъ страдавшаго столь продолжительною болѣзнью и оказалъ милость, человѣку въ субботу, то вмѣсто подобавшаго благоговѣнія вы предпочли обвинять Меня за это и оказались далекими отъ возданія Мнѣ должнаго. Въ виду этого Я недавно давалъ вамъ спасительныя наставленія и убѣждалъ васъ къ желанію усвоить себѣ свѣтъ. Потомъ Я показывалъ вамъ Истинный Свѣтъ, когда изъяснялъ Свою природу въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“ (ст. 12). А вы опять, безразсудно поступая и размышляя, выступали противъ Моихъ словъ и дерзнули безстыдно сказать: „свидѣтельство Твое не истинно“ (ст. 13). Посему, когда вознесете Сына Человѣческаго, то есть когда Его подвергнете смерти, и увидите Его побѣдителемъ узъ смерти, ибо возстану изъ мертвыхъ, какъ Богъ по природѣ: тогда, говоритъ, вы узнаете, что „ничего

---

¹⁾ Ср. примѣч. къ эт. тексту.

отъ Себя не творю, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ ¹⁾ говорю“. Когда увидите (во Мнѣ) истиннаго Бога по природѣ и Сына, то узнаете, что я отнюдь не своеволенъ, но всегда соволенъ Богу и Отцу,— и все, что ни совершить Онъ, это и Я Самъ немедленно творю, а равно и говорю все то, что нахожу говорящимъ Его, ибо Я имѣю одну сущность съ Родителемъ. Я исцѣлилъ въ субботу разслабленнаго и вы вознегодовали за это, но вѣдь Я показалъ вамъ, что и Отецъ дѣйствуетъ въ субботу, сказавъ: „Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю“ (ст. 17). Итакъ, *„отъ Себя не творю ничего“*.

Точно также Я говорилъ вамъ: „Я—свѣтъ міра“, а вы подумали, что Я говорю что-то несогласное съ Нимъ (Отцемъ), хотя опять и въ этомъ случаѣ Я постыдилъ васъ, когда привелъ Его слово обо Мнѣ: „вотъ Я положилъ (назначилъ) Тебя въ завѣтъ рода, во свѣтъ народовъ“ (Иса. 43, 6). Поэтому вы, говорить, совершенно напрасно обвиняете Того, Кто всегда единоволитъ съ Отцемъ и не дѣлаетъ ничего несогласнаго съ Нимъ, равно и не позволяетъ Себѣ говорить что-либо такое, что не отъ Него. Такой, полагаю, смыслъ надо давать приведеннымъ словамъ.

Но свирѣпый звѣрь, разумѣю христорборнаго аріанина, быть можетъ и тутъ набросится на насъ и выступитъ съ такою рѣчью: „зачѣмъ же ты, любезнѣйшій, стараешься перетолковывать изреченіе въ благопріятномъ и угодномъ тебѣ только одному смыслѣ, не стыдясь похитить у него его истинное значеніе? Вѣдь Сынъ ясно утверждаетъ, что Онъ ничего не дѣлаетъ отъ Себя, но что узнаетъ отъ Бога и Отца, это и говоритъ, такимъ образомъ Отца Своего признаетъ высшимъ, чѣмъ Онъ Самъ (Сынъ)“.

¹ См. прим. къ тексту.

Такъ что же, любезнѣйшій? Пусть-ка и онъ въ свою очередь услышитъ: вѣдь Сынъ получаетъ отъ Отца силу и премудрость конечно для того, чтобы быть въ состояннн дѣлать и говорить что-либо безукоризненно? Но какимъ же образомъ будетъ Богомъ по природѣ Тотъ, Кто получаетъ отъ другаго и силу и мудрость, какъ это имѣетъ и природа тварей? Вѣдь у получившихъ бытіе изъ небытія все, что бы ни имѣлось, безъ сомнѣнія—есть богоданное. Но не такъ въ Сынѣ. Божественное Писаніе знаетъ и проповѣдуетъ Его Богомъ истиннымъ. А сущему по природѣ Богу, полагаю, должны принадлежать всѣ безъ исключенія совершенства. Если же оказывается недостатокъ въ какомъ бы то ни было совершенствѣ, коимъ образомъ можетъ быть Богомъ? Какъ нетлѣніе и безсмертіе должно принадлежать Ему безъ сомнѣнія природно, а не отвлѣ и не какъ данное, такъ и всесовершенство и отсутствіе недостатка во всѣхъ благахъ. Если же, по твоему нечестивому и безразсудному разсужденію, Сынъ оказывается несовершеннымъ въ могуществомъ совершать богоприличныя дѣйствія и говорить подобающія Богу слова, а между тѣмъ Онъ есть сила и премудрость Отца, по ученію Божественнаго Писанія, то обвиненіе это (въ совершенствѣ) скорѣе должно относиться къ Отцу, чѣмъ къ Нему, ибо съ принятіемъ этого необходимо утверждать, что уже и Богъ Отецъ несовершенъ по силѣ и не всецѣло премудръ. Видишь, куда опять ведетъ дерзость твоего невѣжества.

Но я удивляюсь и тому, что отъ твоего вниманія ускользнуло и такое еще соображеніе. Какимъ, скажи мнѣ, образомъ опять Богъ и Отецъ можетъ сообщать могущество Своей собственной силѣ, или какъ Онъ могъ бы содѣлать премудрость Свою болѣе премуд-

дрою? Вѣдь одно изъ двухъ: или необходимо утверждать, что Онъ всегда восходитъ къ большому и мало-по-малу преуспѣваетъ въ могуществѣ и пріобрѣтеніи большей силы, чѣмъ какая Ему присуща, что глупо и совсѣмъ невозможно, — или нечестиво предполагать, что Онъ укрѣпляется отъ другого. Но въ такомъ случаѣ Сынъ развѣ могъ бы называться и Господомъ силъ, или какъ могъ бы представляться премудростію и силою тотъ, кто подобно намъ укрѣпляется и умудряется отъ другого? Прочь отъ такого богохульства и нелѣпыхъ разсужденій. Или ясно признайте, что Сынъ есть твореніе, дабы имѣть противъ себя все богодухновенное писаніе, или, если вѣруете, что Онъ есть Богъ по природѣ, согласитесь, что у Него есть въ совершенствѣ всѣ свойства божества. А особенность такого природнаго свойства состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ отношеніи не быть безсильнымъ и имѣть какой-либо недостатокъ предъ Верховною Премудростію, а напротивъ—по самой природѣ быть премудростію и силою. Но въ Премудрости нѣтъ ничего, что бы пріобрѣталось чрезъ наученіе, а равно и въ первой и истинной Силѣ могущество нельзя представлять пріобрѣтеннымъ.

Но для раскрытія самой природы вещей и точнѣйшаго изслѣдованія словъ Христа къ сказанному присоединимъ еще слѣдующее. Что такое совершилъ, ставъ человѣкомъ, Единородный, что можетъ превышать присущую Ему силу? По всей вѣроятности нѣкоторые скажутъ, что Ему, какъ получившему отъ Бога и Отца силу совершать (чудеса), тогда именно надлежало сказать, что *„отъ Себя Самого не творю ничего“*, когда изгонялъ бѣса, исцѣлялъ разслабленнаго отъ болѣзней, освобождалъ прокаженнаго отъ страданія, слѣпымъ давалъ прозрѣніе, не малочислен-

ное множество людей насыщаль пхтью хлѣбами, укрощаль словомъ бушующее море, Лазаря воскрешаль изъ мертвыхъ. Но можемъ ли мы въ этихъ чудесахъ видѣть проявленіе превышающей присущую Ему силы? Въ такомъ случаѣ какъ, скажи мнѣ, Онъ утвердилъ столь великое небо, простерши какъ шатеръ для обитанія,—какъ основаль землю, какъ сдѣлался творцемъ солнца, луны и звѣздъ на тверди? Какъ создалъ ангеловъ, архангеловъ, престолы, господства и кромѣ того еще серафимовъ? Въ столь великихъ и сверхъестественныхъ дѣлахъ, не имѣвъ нужды ни въ силѣ, ни въ премудрости другого, какимъ образомъ Онъ могъ оказаться немощнымъ въ столь малыхъ дѣлахъ? или какъ могъ бы возимѣть нѣжду въ учителѣ тому, что надо говорить къ Іудеямъ, Тотъ, Кто и чрезъ святыхъ пророковъ славословится какъ Премудрость? Вотъ слышу одного изъ нихъ, говорящаго: „Господь, сотворившій землю въ крѣпости Своей, утвердившій вселенную премудростію Своею, и въ разумѣ Своемъ распростеръ небо“ (Іерем. 10, 12). Согласно сему и божественный Даніиль говорить: „да будетъ имя Господне благословенно во вѣки, потому что премудрость, и разумъ, и сила Его есть“ (Дан. 2, 20). Если же, по слову пророка, *Его* есть и сила и премудрость, то кто же наконецъ можетъ выносить пустословіе инославныхъ, утверждающихъ, что отъ другого подается сила и премудрость Тому, Кого признають Премудростію и Силою Отца?

„Но если бы, говорятъ, мы признавали кого-либо другого доставляющимъ Сыну восполненіе въ недостаткѣ силы, или учащимъ Его, то вы имѣли бы основаніе нападать на наши слова, желая защитить Его какъ оскорбляемаго: поелику же мы утверждаемъ,

что даетъ это Отецъ, какой же окажется у васъ предлогъ печалиться объ этомъ?“

Итакъ, если вы думаете, что никакого вреда не причиняете Сыну въ отношеніи къ Его природному подобію съ Родителемъ, хотя бы и говорилось, что Онъ что-либо получаетъ отъ Него (Отца), то вспомни, любезнѣйшій, недавнія слова, и убѣдись чрезъ это не соблазняться, но давай Ему равенство во всемъ съ Его собственнымъ Родителемъ и ни въ какомъ отношеніи не умаляй Его. Если же это отвлекаетъ тебя отъ правильнаго взгляда и заставляеть думать о Немъ неподобающее, то зачѣмъ дѣлаешь тщетныя усилія обмануть насъ пустыми словами? Вѣдь совершенно никакого различія нѣтъ въ томъ, если утверждается, что Самъ Богъ и Отецъ или другой кто помимо его даетъ Сыну. Разъ будетъ доказано, что Онъ получилъ что-либо, какую пользу Онъ найдетъ въ томъ, если лицо дающаго окажется очень славнымъ? Какое различіе, скажи мнѣ, для отстраняющагося отъ біенія въ томъ, что удары будутъ наноситься деревяннымъ и позолоченнымъ жезломъ? Важно тутъ не образъ страданія, а отсутствіе страданія. Поэтому, какъ скоро Сынъ оказывается нуждающимся въ силѣ и премудрости, если явится получившимъ что-либо отъ Него (Отца), и уже вполнѣ подлежить этому обвиненію, то развѣ не вполнѣ наивно ты пытаешься оглушить насъ, слушателей, словами и ложными ухищреніями скрыть обвиненіе чрезъ указаніе на то, что никто другой, но только Отецъ является подателемъ? Удивляюсь, какъ, считая себя мудрецами и по внѣшности столь опытные въ тонкихъ разсужденіяхъ, вы не замѣтили того, что, умаляя образъ Бога и Отца, то-есть Сына, не столько Его оказываетесь обвинителями, сколько Того,

Кого Онъ есть образъ, необходимо долженствующаго быть такимъ, какъ проявится въ Сынѣ.

„Но, говорятъ, принудить тебя гласъ Сына даже и противъ воли согласиться съ тѣмъ, что высказать Онъ не почелъ недостойнымъ, ибо Самъ Онъ исповѣдалъ, что ничего не творитъ отъ Себя, но и говорить только то, чему научится отъ Бога и Отца“.

Но, любезнѣйшій, пусть кажутся тебѣ неправильными прекрасныя слова, какъ скоро ты отвергъ свѣтъ истины, мы же опять пойдемъ своимъ путемъ и будемъ мыслить о Единородномъ обычное и общепринятое, съ подобающимъ намъ благочестіемъ обращаясь къ толкуемому изреченію. Вѣдь если бы Единородный сказалъ: „ничего отъ Себя не творю, но получая силу отъ Бога и Отца совершаю чудныя и достойныя удивленія дѣла“, то и подобная этой рѣчь нѣсколько не явила бы Его подлежащимъ за это какому-либо обвиненію (въ безсиліи), хотя противникъ нашъ казался бы намъ (въ такомъ случаѣ) нѣсколько болѣе благоприличнымъ (съ своимъ возраженіемъ). Но такъ какъ Онъ просто и безусловно, ничего не прибавивъ, говорить, что „ничего отъ Себя не творю“, то мы, безъ всякаго сомнѣнія, не можемъ утверждать, что Онъ обвиняетъ Свою природу какъ безсильную въ какомъ-либо отношеніи, но указываетъ на нѣчто другое истинное и безукоризненное. Примѣнимъ къ человѣку значеніе Его словъ, чтобы увидѣть, что говорить Онъ. Пусть станутъ какіе-либо два человека, получившіе конечно одну и ту же природу, имѣющіе равную другъ съ другомъ силу и единомысленные. Затѣмъ пусть одинъ изъ нихъ скажетъ: отъ себя ничего не творю я. Укажетъ ли онъ этимъ на то, что онъ безсиленъ и совсѣмъ не въ состояніи ничего дѣлать самъ по себѣ, или же на то, что онъ

имѣеть другого, съ нимъ сопряженнаго, во всемъ согласнымъ и единомысленнымъ съ собою? Такъ со мною разумѣй и о Сынѣ, но только въ гораздо высшей степени. Поелику Іудеи безразсудно нападали на Него за совершеніе чудесныхъ дѣлъ, всячески обвиняли Его въ нарушеніи субботы и приписывали Ему противозаконныя дѣянія, то онъ и сталъ наконецъ указывать на согласіе во всемъ и единомысліе съ Собою Бога и Отца, искусно постыжая необузданную ярость невѣровавшихъ. Со всею справедливостію надлежало наконецъ подѣйствовать устрашеніемъ на склонныхъ обвинять Его посредствомъ указанія на то, что Онъ все совершаетъ по волѣ Отца и собственное Его желаніе согласно съ хотѣніемъ Отца. И это совершеніе Сыномъ всего по волѣ Отца не меньшимъ и не подчиненнымъ должно являть Его, но (дѣйствующимъ) отъ Себя и (сущимъ) въ Себѣ и единосущнымъ (Отцу). Такъ какъ Онъ есть премудрость Отца и живая воля, то Онъ и исповѣдуетъ, что дѣлаетъ не другое что, какъ то, что изволить Отець, Коего Онъ и есть и премудрость и воля, подобно какъ и нашъ разумъ ничего не дѣлаетъ самъ отъ себя, но совершаетъ все только угодное намъ. Впрочемъ, это только малое сравненіе съ тѣмъ, имѣющее только неясный образъ истины. И какъ нашъ разумъ не считается чѣмъ-то другимъ, отличнымъ отъ насъ, такимъ же точно образомъ, думаю, и Премудрость Бога и Отца, то-есть Сынъ, не есть что-либо другое, отдѣльное отъ Него, говорю это по отношенію къ тожеству существа (Ихъ) и совершенному подобію природы, ибо Отець есть Отець и Сынъ есть Сынъ—собственно-ипостасно (Каждый въ Своей ипостаси).

А какъ Онъ присоединяетъ къ этому еще: „какъ научилъ Меня Отець, сіе говорю“, то никто отнюдь да

не думаетъ, что Сынъ представляется нуждающимся въ чемъ-либо, ибо большая въ такомъ случаѣ будетъ неточность въ разсужденіяхъ. Но смыслъ этихъ словъ можно выразить такъ. Іудеи, будучи не въ состояніи понимать никакого добра, не только соблазнялись тѣмъ, что Онъ совершалъ чудесно, но и подвергались очевиднымъ для каждаго образомъ такому же состоянію—когда Онъ высказывалъ какія-либо богоприличныя слова. Такъ, когда Онъ высказывалъ истину въ словахъ: „Я—свѣтъ міра“, они скрежетали зубами и дерзали составлять ужасные замыслы. Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы изобличить ихъ, что они напрасно бѣшенствуютъ изъ-за этого, говорить, что слова Его суть (слова) Бога и Отца, употребивъ при этомъ болѣе человѣкообразное: „*научилъ*“. Впрочемъ, значеніе этого выраженія не лишено глубокаго смысла. И если врагъ истины не допуститъ человѣческаго, онъ весьма сильно повредитъ смыслъ домостроительства съ плотію. Вѣдь Единородный унижилъ Себя, ставъ человѣкомъ и потому говоря часто какъ человѣкъ.

Впрочемъ, пусть опять знаетъ, что Сынъ нисколько не противорѣчитъ божескому достоинству Своему въ словахъ: „*какъ научилъ Меня Отецъ, такъ говорю*“. Всячески можемъ доказать, что и это Его изреченіе справедливо и прекрасно. Пусть-ка отвѣтитъ на нашъ вопросъ тотъ обвинитель благочестивыхъ догматовъ: кто, скажи мнѣ, только что родившагося младенца научаетъ употреблять человѣческой голось? Почему не рыкаетъ по-львиному или не подражаетъ какому-либо другому изъ безсловесныхъ животныхъ? Слѣдуя общепринятому мнѣнію, надо отвѣчать на это, что природа есть учительница, образующая порожденіе соотвѣтственно свойствамъ порождающаго. Можно по-

этому имѣть знаніе отъ природы, безъ наученія, вслѣдствіе того, что природа, такъ сказать, влагаетъ въ порожденіе всѣ свойства порождающаго. Въ такомъ именно смыслѣ и Сынъ Единородный утверждаетъ въ этихъ словахъ, что Онъ научился отъ Отца, ибо что у насъ природа, тѣмъ по всей справедливости является по отношенію къ Нему Богъ и Отець. И какъ мы, хотя и люди и отъ людей, безъ наученія зная отъ природы говоримъ, какъ свойственно человѣку, такъ и Онъ, хотя есть Богъ и отъ Бога по природѣ, научился отъ собственной природы говорить какъ Богъ и изрекать подобающее Богу. Таково есть и изреченіе: „Я—свѣтъ міра“, каковымъ Онъ признаетъ Себя потому, что Онъ изъ одной сущности съ Отцомъ, ибо Онъ есть Свѣтъ отъ Свѣта. Это Онъ, по Его словамъ, узналъ отъ Него (Отца), имѣя безъ наученія нѣкое познаніе богоприличныхъ дѣлъ и словъ изъ свойства и природы Родившаго, какъ бы по необходимымъ законамъ восходя къ тождеволію во всемъ и тождесловію съ Богомъ и Отцомъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не должно считаться безспорнымъ, что одинаковою волею обладаютъ и одними и тѣми же словами пользуются тѣ, кои имѣютъ одну природу? О Богѣ конечно рѣчь, а не о насъ. Насъ отвлекаютъ отъ границъ должнаго и извращенія нравовъ, и различія желаній, и преобладаніе страстей. Божественная же и непостижимая природа, всегда пребывающая одинаковою и неподвижно утвержденная въ собственныхъ качествахъ, какое можетъ имѣть уклоненіе къ чему-либо другому? Или какимъ образомъ она можетъ не итти прямо къ своей цѣли, говорить и совершать подобающее Ей? Итакъ, Единородный, будучи одной сущности съ Своимъ Родителемъ и обладая достоинствами одного Божества, безъ всякаго

сомнѣнія необходимо долженъ и дѣлать то, что дѣлаетъ и Самъ Отецъ. Это и означаетъ „не дѣлать ничего отъ себя“. Безъ сомнѣнія также и говорить Онъ слова Родителя не какъ подчиненный, или подвластный, или ученикъ, но какъ обладающій въ качествѣ плода собственной природы способностью пользоваться словами Бога и Отца. Въ этомъ ясно открывается, что если Онъ не говоритъ ничего отъ Себя, то тутъ нѣтъ ничего для Него укоризненного.

У III. 29. *И Пославый Мя со Мною есть, и не остави Мя Единаго (яко Азъ угодная Ему творю всегда)* ¹⁾.

Ясно показываетъ здѣсь, что открываетъ волю Бога и Отца, Самъ имѣя не другую какую-либо отличную отъ воли Отца, ибо Онъ есть живая и ипостасная воля и хотѣніе Родившаго Его, согласно сказанному однимъ изъ святыхъ въ книгѣ псалмовъ: „въ волѣ Твоей путеводишь Меня“ (Пс. 72, 24) и опять: „Господи, въ хотѣніи Твоемъ доставь красотѣ моей силу“ (Пс. 29, 8), то-есть во Христѣ все добро для любящихъ Его,—но какъ сообщающій для нашего вѣдѣнія намѣренія и мысли Бога и Отца. Какъ наше внѣшнее и произносимое языкомъ слово открываетъ находящіяся въ глубинѣ нашей души мысли и намѣренія, получая какъ бы нѣкое наученіе и соотвѣтственно этому строя рѣчь; такимъ же образомъ мы должны благочестиво представлять, что и Сынъ, конечно превосходя приведенное сравненіе, изрекаетъ мысли и намѣренія Отца, такъ какъ Онъ есть и Слово и Премудрость Бога и Отца. И поскольку Оно не

¹⁾ Нѣк. не чит. первое и. Второе *ка* чит. мн. древн. и Слав. Асс. и Ник. Послѣ единаго приб. *Отецъ* мн. др. и слав. Мст. Мар. Зогр. Ал., но не чит. О. и Гал. *яко Азъ уг творю Ему всегда* Асс. Зогр. Мар. Ник. *угодная Ему творю всегда* Гал. Мст. Ал. (*зане*).

безипостасно, какъ человѣческое, но имѣть сущность и жизнь, какъ обладающій собственнымъ существованіемъ въ Отцѣ и съ Отцомъ, то и говоритъ здѣсь, что Онъ не одинъ, но что съ Нимъ и Пославшій Его. Когда же говоритъ „со Мною“, то выражаетъ опять нѣчто благоприличное и таинственное. Не такъ конечно должны мы понимать эти изреченія Его, что подобно тому, какъ съ пророкомъ какимъ-либо бываетъ Богъ, защищающій его Своею силою и помогающій Своими внушеніями или возбуждающій къ пророчеству откровеніями чрезъ Духа, такъ и съ Нимъ (пробываетъ) Родившій. Но здѣсь Онъ употребляетъ это „со Мною“ въ другомъ смыслѣ, а именно въ томъ, что *Пославшій Меня*, то-есть Богъ и Отецъ, есть одной со Мною природы.

Такимъ же образомъ разумѣй и находящееся у пророка Исаи о Христѣ: „узнайте народы и покоряйтесь, потому что съ нами Богъ“ (Иса. 8, 9, 10). Слова эти конечно могутъ приличествовать и тѣмъ, кои возимѣли на Него надежду спасенія. Однакожъ и такъ-вые говорятъ „съ нами Богъ“ не потому, что, какъ пожалуй можетъ подумать кто, Богъ будетъ помощникомъ и защитникомъ, но потому, что „Онъ съ нами“, то-есть изъ насъ, ибо Слово Бога стало человѣкомъ, и этимъ всѣ мы получили спасеніе, расторгли узы смерти и освободились отъ тлѣнія грѣха, какъ скоро низшло къ намъ и съ нами явилось во образѣ Божіемъ сущее Богъ-Слово. Поэтому, какъ тамъ (у пророка) разумѣемъ выраженіе „съ нами Богъ“ вмѣсто „Слово, сущее отъ Бога и Отца, явилось въ одной съ нами природѣ“, такъ и здѣсь, когда Христосъ говоритъ: „*Пославшій Меня со Мною есть и не оставилъ Меня одного*“, мы должны, сохраняя полное соответствіе въ разсужденіяхъ, ясно видѣть таинственное

указаніе Его на то, какъ уже ранѣе сказано нами, Богъ и Отецъ одной есть со Мною природы. „И не оставилъ Меня одного“, ибо дѣйствительно было бы странно не имѣть *Мнѣ съ Собою* Бога и Отца, отъ Коего Я родился.

Но можетъ быть скажетъ кто и ради любознательности спросить: по какой причинѣ говорить это Самъ Спаситель или что побудило Его дать такое изъясненіе?

Въ отвѣтъ на это укажемъ на то, что Онъ весьма благополезно и по необходимости къ прежде уже сказанному присоединилъ и это. Такъ какъ сказалъ, что „какъ научилъ Меня Отецъ, сіе говорю“, то этимъ самымъ уже необходимо показываетъ, что Отецъ со-присущъ и единосущенъ Ему, дабы тѣмъ возбудить вѣру въ Себя, какъ говорящаго Его (Отца) слова, какъ Бога—(говорящаго) Божіи (слова),—какъ Такого, Кто отъ природнаго свойства Своего Родителя побуждается говорить богоприличное. Подобнымъ же образомъ и человѣческія дѣти, безъ наученія имѣя отъ природы нѣкоторыя знанія, какъ объ этомъ говорили выше, хорошо вѣдаютъ свойственное человѣчеству. Посему не слѣдуетъ соблазняться, если Онъ говорить, что Сынъ научился отъ Отца. Черезъ это Онъ отнюдь не оказывается меньше Его или другой природы, какъ думаютъ тѣ.

Можно убѣдиться въ этомъ и посредствомъ такого разсужденія. Вѣдь существо опредѣляется не знаніемъ или незнаніемъ чего-либо, но природою каждаго. Возьмемъ въ примѣръ Павла и Силуана. И допустимъ, что Павелъ въ совершенствѣ знаетъ тайну Христову, а Силуанъ—нѣсколько менѣе Павла. Развѣ они перестанутъ быть подобными по природѣ, или развѣ Павелъ будетъ выше Силуана по существу, какъ скоро

онъ болѣе его постигъ глубину тайны? Но никто, полагаю, не дойдетъ до такого неразумія, чтобы видѣть у нихъ различную природу по причинѣ большаго или меньшаго знанія ихъ. Если же такимъ образомъ свойства существа отнюдь не опредѣляются точно знаніемъ или наученіемъ, какъ сказали мы, то ничто не препятствуетъ Сыну быть Богомъ по природѣ, хотя Онъ и говоритъ, что научился отъ Собственнаго Отца. Черезъ это Онъ отнюдь не лишается единосущія съ Нимъ, но безъ сомнѣнія остается тѣмъ, что есть, то-есть Богомъ отъ Бога, Свѣтомъ отъ Свѣта.

Но быть можетъ кто спросить: какъ же это? вѣдь Отецъ больше (Сына) по знанію, поэтому Онъ и научаетъ Сына?

На это повторимъ уже много разъ сказанное нами, что Премудрость Отца не имѣетъ нужды въ наученіи и наставленіи. Составивъ объ этомъ многія разсужденія, мы уже обличили лжеученіе (этихъ совопросниковъ) въ томъ, что оно ведетъ къ безмѣрному богохульству.

Потомъ намъ представляется необходимымъ присоединить къ этому еще и то, что великое стараніе и большая забота была у Сына о томъ, чтобы всегда уменьшать Свое достоинство и ради зрака раба и вслѣдствіе сего принятаго для насъ униженія не говорить вполнѣ такъ, какъ это приличествовало Ему по божеству. Какимъ же образомъ (въ противномъ случаѣ можно бы спросить) снизошелъ, или откуда и куда перешелъ, если бы не говорилъ нѣчто и уничижительно и не вполнѣ соотвѣтственно Своей божественной славѣ? Вотъ почему Онъ часто принимаетъ видъ, что не знаетъ, какъ человѣкъ, хотя и вѣдалъ, какъ Богъ.

Ясно можешь видѣть это въ исторіи Лазаря въ Виваніи. Своею чудесною силою и божественнымъ гла-

сомъ Онъ заставилъ возвратиться къ жизни уже четверодневнаго (мертвеца) и издававшего (трупный) запахъ. Но посмотри, какъ Онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ. Зная, что Лазарь умеръ, и напередъ предсказавъ это Своимъ ученикамъ, какъ Богъ, Онъ по-человѣчески вопрошалъ: гдѣ вы положили Его. (Іоан. 11, 34). Удивительное дѣло! Проживая гдѣ-то далеко отъ Виваніи и не невѣдая, какъ Богъ, что Лазарь умеръ, зачѣмъ было спрашивать о мѣстѣ гроба? На это вполне здравомысленно можешь отвѣчать, что Онъ принималъ видъ вопрошающаго, домостроительствуя нѣчто полезное.

Точно такъ же и здѣсь понимай домостроительно, а именно: какъ Богъ, Онъ вѣдалъ то, о чемъ говорить, что узналъ отъ Отца. Не желая слишкомъ сильно возбуждать неразуміе Іудеевъ и сдерживая ярость невѣждъ, Онъ обращаетъ къ нимъ рѣчь не въ томъ ея видѣ, въ какомъ свойственна она была Ему, какъ Богу, хотя говорить именно такъ (какъ Богу) Ему болѣе подобало.

Но такъ какъ они еще и думали, что Онъ есть простой человѣкъ, то къ свойственнымъ человѣку словамъ, какъ бы примѣшавъ божественное достоинство, нѣсколько ниже Своего достоинства, домостроительно (примѣнительно къ воззрѣніямъ Іудеевъ) присоединяетъ: „потому что Я угодное Ему ¹⁾ творю всегда (ст. 29). Слѣдуй за мною также и здѣсь въ рѣшеніи кажущейся трудности и ясно представляй себѣ правильно толкуемое изреченіе: „отъ Себя ничего не творю“. Поэтому-то, говорить, Я недавно засвидѣтельствовалъ, сказавъ вамъ, что ничего отъ Себя не дѣлаю, такъ какъ Мой обычай и путь—не совершать ничего не-

¹⁾ αἰροῖ др. чт. и у Кор. ниже αἰρεῖ

угоднаго Богу и Отцу и ничего не дѣлать, что не-приятно Родителю. Такимъ образомъ и здѣсь, оче-видно, указывается на то, что Сынъ ничего не дѣ-лаетъ отъ Себя Одинъ, и именно совершеніемъ всегда угоднаго Богу и Отцу, такъ что если бы совершалъ что-либо не таковое (угодное Богу), то дѣлалъ бы нѣчто и *отъ Себя*, то-есть противное волѣ Родителя. Слѣдовательно не потому, что Онъ ниже отеческаго достоинства и не можетъ совершать что-либо собствен-ною силою, утверждалъ здѣсь, что ничего не творить отъ Себя,—не такъ какъ Онъ единомыслененъ и со-воленъ всегда съ Родителемъ рѣшительно во всемъ и ничего не желаетъ совершать какъ бы въ одино-чествѣ и отдѣльно.

И, конечно, мы отнюдь не должны впадать въ столь нелѣпныя мысли, что Сынъ въ этихъ словахъ будто бы указываетъ на нѣкое предызбранное и приобрѣ-тенное достоинство, а не напротивъ—на плодъ неиз-мѣнной природы, почитающей несвойственнымъ бо-жеству совѣщаніе въ дѣлѣ. Вѣдь если у тварей, какъ могущихъ перемѣняться въ худшее состояніе и подлежащихъ измѣненіямъ изъ лучшаго въ худшее, добро является плодомъ благочестиваго и добродѣ-тельнаго намѣренія, то не такъ это въ божественной и все превышающей Сущности. Такъ какъ Богъ со-вершенно изъять отъ всякаго рода измѣнчивости, то и добро будетъ уже плодомъ самой Его неизмѣн-ной сущности, подобно тому, какъ тепло въ огнѣ или холодъ въ снѣгу. Вѣдь огонь оказывается имѣю-щимъ эту свою силу (жечь) не по желанію, а какъ природную и существенную,—не могущимъ быть дру-гимъ, если не вынужденъ будетъ къ тому манове-ніемъ Творца.

Итакъ, не какъ подобный намъ или какой-либо

другой изъ разумныхъ тварей, (т.-е.) по предварительному выбору и рѣшенію понуждаемый къ стремленію дѣлать нѣчто угодное Богу и Отцу, говорить это Единородный, но какъ слѣдующій законамъ Своей собственной природы и ничего другого не могущій думать и дѣлать, кромѣ желаній Родившаго Его. Какимъ же образомъ всецѣло единосущное и единое Божество могло бы когда-либо разномыслить Само съ Собою? Или какъ Оно могло бы совершить неугодное Себѣ, если бы что-либо въ состояніи было отклонить Его къ чему-либо другому (не божественному)? Вѣдь хотя и существуетъ особо и Самъ по Себѣ Богъ и Отецъ, подобнымъ же образомъ и Сынъ и Духъ, однако Святая и Единосущная Троица отнюдь не должна быть расторгаема на отдѣльныя части, напротивъ — въ единую природу божества восходитъ вся полнота Его.

Кромѣ того, надо обратить вниманіе и на то, что нѣтъ никакого справедливаго основанія отнимать у Сына природное тожество Его съ Отцемъ. Такъ какъ Онъ утверждалъ, что дѣлаетъ угодное Ему всегда, то скорѣе напротивъ — оказывается Ему единосущнымъ и чрезъ это познается какъ Богъ отъ Бога по природѣ и истинный. Въ самомъ дѣлѣ, кто, скажи мнѣ, можетъ мыслить Божіе вполне свойственнымъ Богу образомъ и всегда неизмѣнно, если Онъ и Самъ не есть Богъ по природѣ? Или кто въ состояніи всегда совершать угодное Ему, какъ не Тотъ, Кто имѣетъ природу недоступную ничему худому и получилъ исключительное достоинство божественной природы, разумью невозможность погрѣшать? Вѣдь о тваряхъ сказано: „кто похвалится тѣмъ, что имѣетъ чистое сердце, или кто дерзнетъ на то, что онъ чистъ отъ грѣховъ?“ (Притч. 20, 9). Усиливая и возвыщая эту

мысль, божественное писаніе говоритъ: „и звѣзды не чисты предъ Нимъ“ (Іов. 25, 5). Дѣйствительно, ангелы хотя и во многомъ отличаются отъ насъ и имѣютъ большую устойчивость въ добродѣтели, однако не „соблюли своего начала“ (Іуд. 6). Такъ какъ нѣкоторые совсѣмъ отторглись отъ него и впади въ грѣхъ, то вся природа разумныхъ тварей обвиняется какъ доступная грѣху и не могущая быть непричастною (способности) обращенія къ худшему. А находящееся на землѣ животное разумное и богоподобное подверглось паденію не послѣ долгаго времени (по своему творенію), но въ первомъ Адамѣ. Итакъ, постоянство и непоколебимость отнюдь не принадлежатъ твари, равно какъ и природная (врожденная) неизмѣнность. Это—свойство одного только истиннаго Бога. Оно же ясно видится и въ Сынѣ, ибо „Онъ грѣха не сотворилъ“, какъ Павель (Петръ) говоритъ (1 Пет. 2, 22), „и ни обрѣлось (оказалось) лъсти въ устахъ Его“. Итакъ, Сынъ есть Богъ и отъ Бога по природѣ, не могущаго погрѣшати и измѣняться и никогда не уклоняющагося отъ того, что свойственно Его природѣ. Поэтому, если Онъ признаетъ, что угодное Отцу всегда творить, то никто да не соблазняется этимъ и да не думаетъ, что меньше чѣмъ Отецъ есть Тотъ, Кто отъ Него (Отца), а напротивъ, да мыслить благочестиво такъ, что Онъ (Сынъ) какъ Богъ отъ Бога по природѣ восходитъ до тождеволія (*ταυτόθεωτικόν*) и, такъ сказать, тождедѣлія (*ταυτόνομικόν*) съ Родителемъ.

ГШ. 30. *Сія Ему глаголющу, мнози впроваша въ Него.*

Также и здѣсь премудрый Евангелистъ выражаетъ свое удивленіе предъ Христомъ, хотя часто употребляющимъ уничиженную рѣчь, но достигающимъ чрезъ это великой цѣли. Между тѣмъ какъ Онъ могъ гово-

рить все какъ Богъ и имѣлъ свободную и царственную власть обо всемъ вести рѣчь, Онъ, однако, домогательно примѣнялъ слово Свое къ слушателямъ, чѣмъ уловлялъ многихъ къ благопослушанію. Себѣ и заставлялъ потомъ слѣдовать Ему съ большимъ стараніемъ. Почему не напрасно стараніе Спасителя говорить съ народомъ болѣе человѣкообразнымъ способомъ, ибо нѣкоторые изъ невѣжественнѣйшихъ, видя въ Немъ человѣка и (въ то же время) слыша подобающія Богу слова, впадали въ немалую дерзость и скоро покидали Его (ср. Іоан. 6, 67). Но такъ какъ Онъ былъ одновременно и вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, имѣлъ безпрекословную власть божескую и человѣческую и могъ безукоризненно говорить какимъ ему было угодно (изъ двухъ) образомъ, то Онъ съ благими цѣлями примѣнялся къ слабоумію слушателей, часто и разнообразно высказывая о Себѣ подобающее человѣку (человѣкообразное), какъ то: отъ Себя ничего не творю (8, 28) и тому подобное. Совсѣмъ ничего не разумѣя и относясь къ Его рѣчамъ безъ всякаго изслѣдованія, они склонялись къ простому этому и общедоступному смыслу. Поэтому они думали, будто Онъ говоритъ, что и „получивъ отъ Отца силу, Я чудотворю“ и что „Онъ со Мною есть. такъ какъ Ему угодное творю всегда“.

Такимъ образомъ, согласно съ нечестивыми іудеями, проклятые враги истины и противники догматовъ благочестія усиливаются думать уничижительно о Господѣ и, воплнѣ цѣлесообразно и примѣнительно сказанное Имъ хватая для уничтоженія присущей Ему славы и власти, обкрадываютъ красоту истины. Какъ кажется, забываютъ они слова Павла, что подобаетъ очищать помыслы и всякое превозношеніе, поднимающееся на знаніе Божіе, и плѣнять всякое

помышленіе ко Христу и въ послушаніе Его (2 Кор. 10, 6). Не знаютъ также и словъ Божіихъ чрезъ одного изъ пророковъ: „кто мудръ и уразумѣетъ это? или кто разуменъ и познаетъ это?“ (Ос. 14, 9). Вѣдь если бы ими не овладѣло какое-то великое затменіе и не облегалъ темный покровъ (2 Кор. 3, 13 сл.), какая была бы нужда искать мудраго и разумнаго, который могъ бы обрѣсти познаніе этого?

Но этого достаточно для настоящаго времени. Скажемъ лучше что-нибудь полезное по поводу предложеннаго изреченія. „*Вървали*“ говорившему это Христу, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, не всё, но „*многіе*“. Будучи Богомъ истиннымъ, ничего сокровеннаго не имѣющимъ предъ очами Своими, и обладая точнымъ знаніемъ о томъ, что не всёхъ привлечетъ къ благопослушанію, Онъ настойчиво употреблялъ продолжительныя увѣщанія къ приходившимъ къ Нему, — чѣмъ даетъ намъ прекраснѣйшій примѣръ и Самого Себя представляетъ образцомъ для учителей церкви. Вѣдь хотя и не всё быть можетъ, по своей неспособности, получать пользу, но какъ скоро есть вѣроятность, что для кого-нибудь будетъ полезно это стараніе, то не должно медлить съ изъясненіемъ полезнаго. Въ противномъ случаѣ, зарывая какъбы въ бесплодное молчаніе данный намъ талантъ, то-есть благодать чрезъ Духа, будемъ подобны тому лукавому рабу, который безстыдно говорилъ своему владыкѣ: „знаю, что жестокъ человекъ ты, пожиная—гдѣ не сѣялъ и собирая—гдѣ не разбрасывалъ, и, устрасаясь, я зарылъ талантъ твой,—вотъ, получай (талантъ) свой“ (Матѳ. 25, 24—25). Но что случилось съ этимъ несчастнымъ и какому подвергся онъ наказанію, это безъ сомнѣнія извѣстно каждому, знакомому съ евангельскими писаніями. Поэтому станемъ

помышлять и правильно разсуждать объ этомъ такъ, что подобаесть освободиться отъ всякой косности въ дѣлѣ ученія тому, кто призванъ на это, и отнюдь не предаваться нерадѣнію, хотя бы и не все убѣждались его словами, но съ радостію помышлять о пользѣ трудовъ своихъ, благоразумно внимая словамъ Спасителя нашего: „не есть ученикъ выше учителя, ни рабъ выше господина своего,—довольно ученику чтобы былъ какъ учитель его и рабу какъ господинъ его“ (Матѣ. 10, 24—25). Вѣдь если Господь убѣждаетъ не всехъ, вслѣдствіе грубости и жестокосердія слушателей, то кто можетъ обвинять насъ за безсиліе слова, которое требуетъ добровольнаго, а не принудительнаго (отъ слушателей) согласія?

VIII. 31. Глаголаше убо Исусъ къ вървавшимъ Ему Иудеомъ: аще вы пребудете во словеси Моимъ, истинно ученицы Мои есте ¹⁾“.

Требуетъ отъ увѣровавшихъ твердости, постоянства и готовности держаться однажды избраннаго ими блага. Въ этомъ состояла вѣра въ Него. Колѣбаніе же Онъ объявляетъ неразумнымъ и совершенно бесполезнымъ, такъ какъ „мужъ двоедушный непостояненъ во всехъ путяхъ своихъ“, какъ написано (Іак. 1, 8), а стараніе крѣпко держаться благоплоднаго поистинѣ мудро и полезно. Итакъ, поскольку дѣло касается до простаго (буквальнаго) пониманія, то Онъ говоритъ, что если они пожелаютъ слѣдовать словамъ Его, то въ такомъ случаѣ они, конечно, и называться будутъ учениками Его.

¹⁾ Поздн *убо* въ древн. же. Тоже—*ему* въ *въ него* или *вънь* Гал. Мар Зогр Ник или *къ нему* Остр Мир Асс Ал—*есте* Остр (въ одномъ мѣстѣ (222 а) и Ал согл древне-греч и др и Іуст. Тгурн 39 въ *будете* Остр (въ другомъ мѣстѣ 29 а) Гал Зогр Мар Асс Мир (дважды) Ник и поздн. какъ только древне-лат (а с е г Кипр) и Вульг.

Что же касается до уразумѣнія сокровеннаго нѣкоего смысла въ томъ изреченіи, то оно означаетъ вотъ что:

Говоря, что „если вы пребываете въ словъ Моимъ“, Онъ является отвлекающимъ ихъ искусно и кротко отъ постановленій Моисеевскихъ и отдаляющимъ отъ приверженности къ буквѣ, — повелѣвающимъ обращать вниманіе уже не на то, что сокрыто (сказано?) или совершено въ образѣ, а на Его ученіе, которое очевидно есть евангельская и божественная проповѣдь. Правда, Онъ говорилъ также къ намъ и чрезъ святыхъ пророковъ, но то были посредники, чрезъ коихъ то-есть вель рѣчь къ намъ. Но подъ Его словомъ въ собственномъ смыслѣ надо разумѣть евангельскую проповѣдь, ибо мы находимъ, что она была къ намъ не чрезъ другого, но чрезъ Него. Поэтому-то, вочеловѣчившись, Онъ говоритъ: „Самъ Я говорящій присутствую“ (Иса. 52. 6). То же засвидѣтельствоуетъ и Павелъ, говорящій въ посланіи къ Евреямъ (1, 1): „многочратно и многообразно древле Богъ говорившій отцамъ въ пророкахъ (чрезъ пророковъ), на послѣдокъ дней сихъ возглаголавъ намъ въ Сынѣ (чрезъ Сына)“. Итакъ, Сынъ самолично явился для наученія насъ въ послѣднія времена вѣка. Вотъ почему словомъ Его въ собственномъ смыслѣ и должно называться евангельское ученіе.

Такимъ образомъ, яснѣе и прямѣе слѣдовало сказать такъ: вы, принявшіе вѣру въ Меня, и, хотя и поздно, однакожъ познавшіе Того, Кто свыше возвѣщается вамъ чрезъ законъ и пророковъ, уже не должны держаться образовъ, данныхъ чрезъ Моисея, ни увлекаться подзаконными тѣнями и полагать въ нихъ всю силу спасенія, но въ ученіяхъ духовныхъ, въ евангельскихъ и Моихъ проповѣдяхъ.

Впрочемъ, не невѣроятно было, напротивъ — даже не могло подлежать сомнѣнiю, что недавно и едва только принявшiе вѣру, имѣя мысль еще колеблющуюся и удобопреклонную къ переменчивости, не могли бы снести такихъ рѣчей, но какъ всегда готовые впадать въ гнѣвъ за наносимое этими словами оскорбленiе премудрому Моисею и за уничтоженiе его посредствомъ пренебреженiя данныхъ имъ древнимъ заповѣдей, они легко обратились бы къ свойственной имъ дерзости и по всегдашней заботѣ своей согласоваться съ нимъ уже въ ничто вмѣнили бы желанiе вѣровать во Христа.

Вотъ почему домостроительно и еще прикровенно противопоставляя Свои слова Моисею, то - есть евангельскую проповѣдь—закону, и новыя наставленiя ставя гораздо выше древнихъ, Онъ говоритъ: „если вы пребываете въ словѣ Моемъ“, то дѣйствительно вы „ученики Мои есте“. Блистая всесовершенною вѣрою и безъ всякихъ колебанiй принявъ въ свой умъ евангельское ученiе, а о подзаконной сѣни не очень заботясь,—они суть поистинѣ ученики Христовы. А тѣ, кто приступаютъ къ Нему не съ такимъ настроенiемъ, сами осмѣиваютъ себя, не будучи истинными Его учениками и потому лишаясь спасенiя. Такъ и блаженный Павелъ неразумно желавшимъ послѣ (принятiя) вѣры получать оправданiе отъ закона, ясно говорилъ въ посланiи: „вы упразднили себя отъ (остались безъ) Христа, кои оправдываетесь (по вашему мнѣнiю) въ законѣ (черезъ законѣ), отъ благодати отпали“ (Гал. 5, 4).

Досточудна поэтому и достопочтенна всецѣлая и единообразная вѣра и непреклонное желанiе слѣдовать Христу, обращая подзаконныя тѣни въ знанiе о Немъ и загадочно сказанное о Немъ преобразуя въ

духовное наученіе, ибо чрезъ законъ и пророковъ возвѣщается тайна о Немъ.

УШ. 32. *И разумѣете* ¹⁾ истину, и истина свободитъ вы.

Прикровенна еще и очень неясна рѣчь. Впрочемъ, она содержитъ въ себѣ сходный съ предшествующими изреченіями смыслъ и только другимъ образомъ раскрываетъ тѣ же самыя мысли. Тѣхъ, кто разъ увѣровалъ, она убѣждаетъ уже совѣмъ оставить и бросить подзаконное служеніе, руководствуя считать его за тѣнь въ отношеніи къ познанію о Немъ и, оставивъ образы и загадки, стремиться къ самоѣ истинѣ, то-есть ко Христу, подателю истинной свободы и искупителю. Итакъ, „*познаете*“ говоритъ, „*истину*“, слѣдуя Моимъ словамъ, а отъ познанія истины обрѣтете пользу отъ нея.

Такъ какъ, полагаю, для пользы читателей надо расширить смыслъ и этого изреченія, то и здѣсь Господь, по моему мнѣнію, говоритъ Иудеямъ вотъ что.

Горькому, говоритъ, вы подверглись рабству въ Египтѣ и продолжительный трудъ изнурялъ васъ, находившихся подъ неволею у Фараона. Но вы воззвали тогда къ Богу и подвигли Его милосердіе къ вамъ,—рыдая отъ угнетавшихъ васъ бѣдствій, вы искали съ неба Избавителя. И Я тотчасъ же приходилъ къ вамъ и тогда, выводилъ васъ изъ чужой земли, освобождалъ отъ свирѣпѣйшей тиранніи и призывалъ къ свободѣ. Но дабы вы знали своего Заступника и Искупителя, Я начертывалъ вамъ Мое таинство въ закланіи агнца и повелѣвалъ тогда предъизображать спасеніе посредствомъ крови, ибо вы спаслись тѣмъ, что помазывали себя и дверные косяки кровью агнца. Когда

---

¹⁾ Такъ въ древн. но Кіев. 1788 и теп: *уразумѣете*.

поэтому вы, отдалившись отъ прообразовъ, узнаете истину, то будете вполне и истинно свободны. И пусть, говорить, никто не сомнѣвается въ этомъ: вѣдь если прообразъ содѣлался тогда для васъ виновникомъ столькихъ благъ, то не тѣмъ ли болѣе истина сообщить преизобильнѣйшую благодать?

Ничто конечно не препятствуетъ понимать такъ эти слова Іисуса къ іудеямъ, такъ какъ они имѣютъ весьма широкій смыслъ. Но, кажется, и другой нѣкоторый смыслъ можно открыть въ толкуемомъ изреченіи. Законъ Моисеевъ предписывалъ омовенія и окропленія, а кому случалось впадать въ тяжкіе грѣхи, повелѣвалъ закалатъ воловъ и овецъ и тѣмъ пресѣкать преступленія, въ какихъ каждый былъ повиненъ. Но все это не имѣло никакого значенія для самого уничтоженія грѣха, ибо отнюдь не избавляло преступниковъ отъ вины и не дѣлало свободными отъ наказанія тѣхъ, коими попирался божественный законъ. Какую въ самомъ дѣлѣ пользу согрѣшившему чело-вѣку могло доставить закланіе вола и въ жертвоприношеніи овецъ какую прибыль можно бы было получить? Какое удовлетвореніе, поскольку дѣло касается до преступленія закона, чрезъ это являлось для оскорбленнаго Бога? Послушай, что Самъ Онъ говоритъ: „неужели ѣмъ мясо воловъ или кровь козловъ пью?“ (Псал. 49, 13). Кромѣ того еще ясно сказалъ Іудеямъ: „всесоженія ваши съ жертвами вашими соберите, и ѣшьте мяса, потому что Я не говорилъ къ отцамъ вашимъ о всесоженіяхъ и жертвахъ, но только слово сіе заповѣдалъ имъ, говоря: „судъ праведный судите“ (Перем. 7, 21—23 и Зах. 7, 9). Итакъ, совершенно бесполезны кровавыя жертвы и не могутъ отмыть при-ставшую къ чело-вѣку вслѣдствіе грѣха нечистоту. Въ этомъ удостовѣряетъ опять, когда является говоря-

щимъ къ матери Іудеевъ Іерусалиму гласомъ пророка Іереміи: „зачѣмъ возлюбленная въ домѣ Моемъ совершила мерзости? неужели обѣты и мяса святыя отнимутъ отъ тебя лукавства твои или ими избѣжишь?“ (Іерем. 11, 15); „ибо невозможно крови воловъ и козловъ уничтожить грѣхи“, какъ говоритъ Павель (Евр. 10, 4). А что заботящіеся о подзаконномъ служеніи какъ напрасномъ и старающіеся совершать совершенно бесполезныя кровавыя жертвы и дароприношенія справедливо изгонялись изъ божественнаго двора, этому ясно научить и говоря гласомъ Исаи пророка: „ходить по двору Моему не продолжите,—если принесете семидаль (пшеничную муку самую лучшую), напрасно,—виміамъ—мерзость Мнѣ“ (Иса. 1, 12—13).

Итакъ не въ установленныхъ закономъ обрядахъ—истинное спасеніе,—и никто не найдетъ въ нихъ вождельнную свободу, то-есть отъ грѣха. Напротивъ, отрѣшившись отъ образовъ и прозрѣвая уже красоту служенія въ духѣ, познавъ истину, то-есть Христа, мы получаемъ оправданіе чрезъ вѣру въ Него. Оправдываясь же, мы переходимъ къ истинной свободѣ, являясь уже не въ качествѣ рабовъ, какъ прежде, но въ качествѣ сыновъ Бога. Объ этомъ засвидѣтельствуемъ Іоаннъ въ словахъ о Христѣ и вѣрующихъ въ Него: „а кто пріяли Его, далъ имъ власть чадами Бога быть“ (1, 12). Посему весьма благополезно Господь и Христосъ нашъ не дозволяетъ вѣрующимъ въ Него продолжать чтить подзаконныя тѣни, ибо ничего въ нихъ нѣтъ полезнаго или способнаго дать истинную свободу. Напротивъ, повелѣваетъ познавать истину, ибо чрезъ нее, говоритъ, они совершенно освободятся, по смыслу толкуемаго изреченія.

VIII. 33. (Отвѣщаши Ему:) съмя Авраамле есмь и никомуже работахомъ николиже: како Ты глаголеши, яко свободни будете.

Опять подвергаютъ осмѣянію обѣщаніе Спасителя нашего, — даже болѣе, негодуютъ якобы оскорбленные. Для того, говорятъ, кто непричастенъ никакому рабству. какая же можетъ быть нужда въ призывающемъ насъ къ свободѣ и какъ бы въ качествѣ дара сообщающаго уже присущее намъ? Не знаютъ они, хотя и привыкли много думать о себѣ, что праотецъ Авраамъ не былъ сыномъ, судя по мірскому, знатнаго отца и не блисталъ отличіями этой жизни, но прославился одною только вѣрою въ Бога: „повѣрилъ, сказано, Авраамъ Богу, и вмѣнена ему въ праведность вѣра, и другомъ Божиимъ былъ названъ“ (Іак. 2. 23). Отсюда со всею ясностью можешь видѣть причину присущей ему славы. Такъ какъ названъ другомъ Вседержителя Бога, то поэтому и сталъ великимъ и славнымъ, вмѣнена ему вѣра въ праведность и правда отъ вѣры содѣлалась для него причиною свободы по Богу. Итакъ, когда, увѣровавъ, онъ получилъ оправданіе, то-есть когда отвергся неблагородства грѣховнаго, тогда явился знатнымъ и благороднымъ и свободнымъ. Неразумно поэтому Іудеи, презирая освободившую и самого первоначальника рода благодать, сосредоточиваютъ свои помыслы на одномъ только освобожденномъ ею (Авраамѣ), но, не обращая вниманія на то, откуда происходитъ и куда направляетъ эта слава его, безчестятъ Податели присущихъ ему качествъ, оставляютъ въ небреженіи Источникъ всякаго благородства и преувеличенно думаютъ объ удостоенномъ причастіи къ Нему (Авраамѣ).

Оказываются пустыми хвастунами также и въ за-

явленіи, что они никому никогда не рабствовали, —этими своими словами они изобличаются какъ лгуны. Вѣдь они были въ рабствѣ у Египтянъ въ теченіи четырехъ сотъ тридцати лѣтъ, и только благодаря вышней благодати были выведены изъ дома рабства и изъ печи желѣзной, какъ написано (Вторая. 4, 20), то-есть жестоковластія Египтянъ. Были въ рабствѣ и у Вавилонянъ и Ассиріянъ, которые, опустошивъ всю іудейскую страну и самый Іерусалимъ, переселили въ свою страну всего Израиля. Итакъ, совершенно не здравомысленна рѣчь Іудеевъ, ибо кромѣ невѣдѣнія объ истинномъ рабствѣ, разумѣю рабство во грѣхахъ, они совершенно отвергають и другое неблагородное рабство (политическое), имѣя умъ, привыкшій высокоумдрствовать по ничтожнымъ поводамъ.

VIII. 34. Отвѣща имъ Спаситель: истинно, истинно глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха ¹⁾.

Какъ душевныхъ и смотрящихъ на одно только тѣлесное, отвращаетъ ихъ отъ присущаго имъ невѣдѣнія, направляетъ къ болѣе духовному и переводитъ какъ бы на непроторенное и совершенно необычное наставленіе, показывая имъ сокровенное и въ теченіе долгихъ временъ остававшееся неизвѣстнымъ рабство. При этомъ премудро опускаетъ (обличеніе въ томъ), что они ложно говорятъ, будто „никому не рабствовали мы никогда“ (ст. 33), равно какъ не указываетъ и на то, что они напрасно хваставають благородствомъ праотца своего, дабы опять не дать имъ повода къ неподобающимъ поступкамъ, такъ какъ они

¹⁾ Вм. *Спаситель* всѣ: *Иисусъ*, только Сир. *син: Господь* и Сир. *іер: Господь Иисусъ*. Не чит: *грѣха* греч. D лат. *b* и *d* Клим. Ориг. (въ одномъ м). Фавст. и Сир. *син.* но др. и Ирив. Ориг. Капр. Гил. Гот. Сир. *теи.* и *ір.* Диатессаронъ по Сіасца и др. чит. Вм. *грѣха* всѣ древнесл. *грѣху*.

были уже возбуждены и весьма склонны къ гнѣву. Ограничиваясь какъ бы самымъ необходимымъ и что надлежало имъ узнать, Онъ говоритъ, что „рабъ есть грѣхъ тотъ, кто творитъ его“. Говоритъ какъ бы такъ: человекъ, находящійся на землѣ, какъ извѣстно вамъ, есть сложное нѣкое животное, именно изъ души и тѣла,— и рабство по плоти касается плоти, а касающееся души и бывающее въ душѣ имѣетъ грѣхъ своею варварскою матерью. Поэтому отпущеніе человека изъ рабства плотскаго принадлежитъ власти владыкъ, а освобожденіе отъ грѣха надлежитъ усвоить одному только Богу, и никому другому не подобаетъ.

Итакъ, убѣждаетъ мыслить правильно и стремиться къ истинной и дѣйствительной свободѣ, и такимъ образомъ искать уже не, совершенно въ этомъ отношеніи для нихъ бесполезной, знатности предковъ, но одного только Бога, владычествующаго надъ собственными законами, коихъ преступленіе производитъ грѣхъ, питающій душевное рабство. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ кажется, прикровенно еще и весьма примрачно обличаетъ ихъ, какъ всеу высокоумудрствовавшихъ о человекѣхъ и думавшихъ, что блаженный Авраамъ былъ совершенно свободенъ. Объявивъ вообще, что „всякій дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха“, Онъ и самого Авраама включаетъ въ сѣти, какъ бывшаго нѣкогда рабомъ грѣха. Вѣдь онъ оправданъ, не какъ бывший праведнымъ, но когда увѣровалъ Богу, бывъ призванъ къ свободѣ вслѣдствіе оправданія. И конечно не по зависти къ славѣ праведника мы говоримъ это, но такъ какъ нѣтъ никого среди людей, кто бы не испыталъ стрѣль грѣха, но даже и считающійся великимъ подверженъ игу грѣха. по написанному: „нѣтъ праведнаго никого, ибо все согрѣшили и лишены славы Божіей“ (Рим. 3, 10. 23).

Слава же Божія между прочимъ состоитъ и въ томъ, чтобы не имѣть никакой возможности впасть въ грѣхъ, что дѣйствительно и принадлежитъ одному Христу, ибо одинъ Онъ сталъ „въ мертвыхъ свободенъ“ (Псал. 87, 6), такъ какъ не содѣлалъ грѣха, хотя и оказался среди мертвыхъ, то-есть (какъ чело-вѣкъ) находился среди людей, надъ коими нѣкогда властвовала грѣховная смерть.

Итакъ,—обобщу смыслъ толкуемыхъ словъ,—Господь нѣсколько прикровенно указываетъ на то, что и самъ блаженный Авраамъ, нѣкогда рабствовавшій грѣху и освобожденный отъ него посредствомъ одной только вѣры во Христа, не въ состояніи сообщить другимъ духовное благоденствіе, такъ какъ не можетъ обладать властію для освобожденія кого-либо тотъ, кто самъ освободился отъ рабства грѣху не чрезъ себя самого, равно и не оказывается дарователемъ свободы себѣ самому, но получилъ ее отъ другого очевидно отъ Самого оправдывающаго Христа.

VIII. 35. Рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ: сынъ пре-бываетъ во вѣкъ¹⁾.

Объявивъ повиннаго грѣхамъ лишеннымъ свободы и находящимся подъ тяжелымъ рабствомъ, благополезно присоединяетъ рѣчь о томъ, что будетъ съ возлюбившимъ рабство и что напротивъ послѣдуетъ отъ Бога для избравшихъ согласную съ закономъ Божиимъ жизнь и ради этого признанныхъ сынами Божиими. „Рабъ“, говоритъ, „не пребываетъ въ домъ во вѣкъ“. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ удалится во тьму кромѣшную (внѣшнюю), чтобы тамъ получить на-

¹⁾ Оп. δὲ какъ и Остр. (но чит. *сынъ же*). А рабъ—сынъ же Остр. Гал. Мар Асс.,—сынъ безъ же Зогр. Ник. вѣкъ Мар Асс. но др. вѣкы. Ал: рабъ же не пребудетъ чит. μὲν.

казаніе за несвободную жизнь,— „*пребываетъ же сынъ во вѣкъ*“, ибо разъ пріобщившіеся славѣ всыновленія пребудутъ предъ лицомъ Бога ни въ какомъ случаѣ не изгоняемыми изъ священнаго двора первородныхъ, но напротивъ будутъ проживать въ немъ безконечно продолжающійся вѣкъ. Для точнѣйшаго уразумѣнія изреченія можешь прочитать въ евангеліяхъ притчу, въ которой Христосъ говоритъ, что поставитъ козлищъ по лѣвую сторону, а овецъ по правую, и что козлищъ отошлетъ отъ Себя со словами: „идите проклятые въ огонь вѣчный, приготовленный діаволу и ангеламъ его“, а овецъ соберетъ къ Себѣ и радостно приметъ къ Себѣ опять со словами: „пріидите благословенные Отца Моего, наслѣдуйте приготовленное вамъ царство отъ устроенія міра“ (Матѣ. 25, 41. 34). Посредствомъ козлищъ обозначается бесплодное множество грѣхлюбцевъ, а посредствомъ овецъ — хоръ благочестивыхъ, какъ бы руномъ какимъ обрамленныхъ плодомъ праведности. Итакъ, взявшій на себя постыдное рабство, будетъ изверженъ изъ царства небеснаго какъ негодный и безцѣнный сосудъ, а всякій, возлюбившій правую жизнь, принять будетъ и пребудетъ въ немъ, вчиненный ради этого въ рядъ сыновъ Божіихъ.

Но въ этихъ словахъ, кажется, Господь указываетъ имъ и на то, что, не принявъ свободы чрезъ вѣру, они, конечно, должны быть удалены и изъ священнаго и божественнаго двора, то-есть Церкви, по сказанному однимъ изъ пророковъ: „изъ дома Моего изгоню ихъ“ (Ос. 9, 15). А что это пророчество пришло въ исполненіе надъ ними, объ этомъ свидѣтельствуеетъ само дѣйствительное положеніе вещей, „ибо оставлена дочь Сіона какъ шатерьъ въ виноградникѣ и какъ плодохранилище въ огородѣ“, какъ написано

(Иса. 1, 8). Палъ и совершенно разрушенъ храмъ, и они оказались внѣ, непребывающими въ немъ во вѣкъ,—напротивъ появилась и вмѣсто него воздвигнута Христомъ Церковь изъ язычниковъ, и въ ней всегда пребываютъ призванные чрезъ вѣру къ божественному усыновленію. И отнюдь не прекратится и никогда не престанетъ похвала Церкви, ибо души праведниковъ, удаляясь отъ земного, устремляются къ вышнему граду, небесному Іерусалиму, Церкви первородныхъ, „которая есть мать наша“, по слову Павла (Гал. 4, 26).

Но такъ какъ мы, изъясняя изреченіе о рабствѣ и стараясь всякимъ образомъ изслѣдовать истину, сказали, что и самъ Авраамъ причисленъ къ рабамъ, если и его лицо нельзя исключать изъ числа тѣхъ, о коихъ Христосъ вообще сказалъ: *„всякій творящій грѣхъ рабъ есть грѣха“*: то и теперь опять намъ надо изъяснить значеніе этихъ словъ, слѣдуя своимъ разсужденіямъ.

Иудеи много думали о себѣ и превозносились, выставляя Авраама первоначальникомъ и какъ бы источникомъ какимъ присущаго имъ благородства, а о томъ, что надлежитъ стремиться къ освобожденію посредствомъ вышней благодати, они нисколько не думали въ своемъ умѣ, „безумными и слѣпыми“ оказываясь, по слову Спасителя. Поэтому Христосъ считаетъ необходимымъ показать, что рабское по природѣ недостаточно для освобожденія другихъ, но даже и себя самого. Какимъ въ самомъ дѣлѣ образомъ можетъ давать свободу то, что само въ ней нуждается по своей природѣ, и получающее благодать для себя самого отъ другого будетъ ли въ состояніи давать ее другимъ? Въ дѣйствительности одному только Тому, Кто есть Богъ отъ Бога по природѣ.

подобаетъ и свойственно имѣть силу освобождать. Такимъ образомъ даетъ ясное доказательство того, что необходимо должно быть и признаваться рабскимъ все, что не пребываетъ во вѣкъ, то-есть чему не свойственно пребывать въ неизмѣнности. Все тварное безъ сомнѣнія должно подлежать и разрушенію. А если такъ, то оно очевидно—въ рабствѣ у призвавшаго его къ бытію Бога. Такъ о тваряхъ говорилось къ Нему: „потому что все—рабы Твои“ (Псал. 118. 91). Такъ это—вообще. Но одну часть во всемъ (универсѣ) составляетъ блаженный Авраамъ или вообще опять человѣчество. Напротивъ, пребываніемъ во вѣкъ даетъ ясный знакъ, что явившійся отъ Бога Богъ Единородный есть Царь и Владыка всего. Кому же въ самомъ дѣлѣ подобаетъ всегдашняя неизмѣнность и твердое постоянство вѣчныхъ благъ, какъ не Тому, Кто есть истинный Богъ по природѣ? На этомъ основаніи и божественный Псалмопѣвецъ объявилъ тварь рабынею, а Бога-Слово, явившагося отъ Бога-Отца, царемъ и Господомъ. Отъ части ко всему, то-есть тварному, распространяя разсужденіе, о небесахъ и о Сынѣ по природѣ онъ говоритъ: „они погибнутъ, Ты же пребываешь: и всѣ какъ одежда обветшаютъ и какъ покрывало свернешь ихъ и измѣнятся, Ты же одинъ и тотъ же, и лѣта Твои не престанутъ“ (Псал. 101, 27—28). Можешь отсюда видѣть, что дѣйствительно и безспорно рабское не пребываетъ во вѣкъ, а пребываетъ Сынъ,—и что непробываніе (въ неизмѣнности) служитъ доказательствомъ рабства того, о комъ это говорится. Соотвѣтственно этому и другое, то-есть пребываніе во вѣкъ, должно быть яснымъ знакомъ того, что Владыка и Богъ есть Тотъ, о Комъ говорится это слово въ собственномъ и истинномъ смыслѣ.

Для засвидѣтельствованія истинности нашихъ раз-

суждений достаточно и Псалмопѣвца. Но такъ какъ, по написанному: „при устахъ двухъ и трехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь“ (2 Кор. 13, 1), то пусть еще къ этому (Псалмопѣвцу) представимъ и блаженнаго Іеремію, думающаго и говорящаго согласное тому. Въ разрушимости показуя признакъ всего тварнаго, и потому и рабскаго, а въ постоянствѣ и неизмѣнности Сына открывая въ Немъ Бога по природѣ и, очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ и Господа, онъ такъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ къ Нему: „потому что Ты возсѣдаешь во вѣкъ, а мы погибаемъ во вѣкъ“ (Вар. 3, 3). Во всякое время все происшедшее разруσιμο по той причинѣ, что сотворено, хотя и не уничтожается по всемогуществу Божію. Богъ же пребудеть всегда возсѣдающимъ, такъ какъ здѣсь названное сидѣніе означаетъ постоянство и неизмѣнное тожество существа Его, съ чѣмъ соединяется и Его царственное достоинство и власть, — такой образъ имѣеть сидѣніе въ этихъ словахъ.

Итакъ, —возвращусь къ началу, —черезъ непробываніе во вѣкъ доказываетъ, что блаженный Авраамъ тлѣнень и тварень, ибо онъ умеръ и нѣкоторымъ образомъ переселился изъ владычнаго дома, то-есть изъ этого міра, соотвѣтственно чему и рабомъ желаетъ представить его, не въ состояніи оказывающимся и другимъ давать свободу. А словами о пребываніи Сына во вѣкъ ясно уже называетъ Себя Богомъ отъ Бога по природѣ, Коему конечно слѣдуетъ и быть царемъ и Господомъ.

Но какое слѣдствіе вытекаетъ для насъ изъ только что указаннаго различія, это ясно откроется въ слѣдующемъ затѣмъ изреченіи.

VIII. 36. *Аще Сынъ вы свободить, истинно свободни будете* ¹⁾).

Одному, говорить, Сыну по природѣ, истинно свободному и изъятому отъ всякаго рабства оказывается присущею возможность освобождать, но отнюдь никому другому. Вѣдь какъ то, что по природѣ есть мудрость, свѣтъ и сила,—первое умудряетъ способныхъ воспринимать мудрость, второе освѣщаетъ нуждающихся въ свѣтѣ, а третье укрѣпляетъ требующихъ силы: такимъ же образомъ и Тотъ, Кто есть Богъ отъ Бога и является подлиннымъ и свободнымъ плодомъ надъ всѣмъ царствующей Сущности, доставляетъ свободу, кому пожелаетъ. Поэтому никто не можетъ сдѣлаться истинно свободнымъ чрезъ того, кто не имѣетъ свободы по самой своей природѣ. Когда же самъ Сынъ восхоцетъ освободить кого, сообщая ему Свое собственное благо, тогда таковые назовутся истинно свободными, какъ получившіе это достоинство отъ имѣющаго власть (на это), а не отъ другого кого-либо изъ надѣленныхъ (этимъ благомъ) отъ инуду и украшеннаго какъ бы чужими дарами.

Такимъ образомъ, въ предъидущемъ изреченіи содержится необходимѣйшее объясненіе и въ данномъ тамъ различіи заключается весьма полезная мысль для старательныхъ и внимательныхъ слушателей. Вѣдь надлежало уразумѣвать, откуда необходимо намъ искать благородства по Богу и познавать Сына, могущаго освобождать. Поэтому утѣшающіеся мірскими достоинствами да не увлекаются высокоумдріемъ и надменными помыслами и да не нападаютъ на славу и благодать святыхъ, хотя бы и малые

---

¹⁾ Оп. *оу* какъ нѣк. Въ слав. *убо, бо, же* (Ал.). Констант. Ал. и поздн.: *свободни* вм. древн. *свободъ*.

нѣкіе изъ малыхъ были они по плоти; ибо кажущееся блестящимъ у людей не достаточно для благородства у Бога, но только слава по жизни и добродѣтельнымъ правамъ дѣлаетъ человѣка истинно свободнымъ и благороднымъ. „Іосифъ, на примѣръ, проданъ былъ въ рабство“, какъ написано (Псал. 104, 17), но и въ такомъ состояніи былъ свободенъ и сіялъ душевнымъ благородствомъ. А Исавъ родился отъ свободнаго и былъ свободенъ, но постыднымъ поведеніемъ обнаруживалъ рабскую душу. Поэтому благородны у Бога, какъ только что сказали мы, не тѣ, кто имѣютъ богатство, въ изобиліи владѣютъ деньгами и утѣшаются славой мірскихъ почестей, но блистающіе святою жизнью и законнымъ поведеніемъ.

VIII. 37. Въмъ, яко съмя Авраамле есте; но ищите Мене убити, яко ¹⁾ слово Мое не вмѣщается въ вы.

Многообразно указуя имъ на совершеннѣйшую тщетность и полнѣйшую бесполезность ихъ похвальбы родствомъ Авраама, говоритъ это для того, чтобы они искали истиннаго и Богу любезнаго благородства. Богъ смотритъ не на плоть, по сказанному Самимъ Спасителемъ нашимъ Христомъ: „плоть не пользуется нисколько“ (6, 63),—но, напротивъ, принимаетъ и всякой похвалы удостоиваетъ душевное благородство,—вѣдаетъ Онъ имѣющихъ истинное благородство, которыхъ какъ бы въ одну добродѣтель собираетъ одинаковость дѣлъ или тожество нравовъ и украшаетъ одинаковаго вида благами, но соответственно сему—и напротивъ (бываетъ съ людьми дурными). Иначе какимъ образомъ мы, сущіе отъ земли и созданные изъ брѣнія, по написанному (Іов. 33, 6),

¹⁾ Св. Ал. зане для отличія *ети* причинною отъ изъяснительнаго или относительнаго.

можемъ называться родомъ Владыки всего, какъ Павелъ говоритъ: „родомъ будучи Бога“ (Дѣян. 17, 29). Безспорно конечно то, что мы содѣлались родственными Ему, по плоти въ таинствѣ Христовомъ (воплощенія). Но истинность этого можно видѣть и въ другомъ отношеніи. Серьезно помышляя и разсуждая о томъ, что Ему угодно и что надо жить благочестиво, мы назовемъя сынами сущаго надъ всѣмъ Бога и, направляя въ доступной намъ мѣрѣ свой умъ къ удобному Ему, такимъ образомъ мы оказываемся дѣйствительно сродными Ему по подобію и точнѣйшему сходству съ Нимъ.

А что въ качествѣ родства Богъ принимаетъ подобіе и точнѣйшее сходство въ дѣлахъ или нравахъ, это мы ясно узнаемъ, вникая въ священныя слова и изслѣдуя божественное писаніе. Такъ, во времена Іереміи пророка (Іерем. 36, 24) явился нѣкій Еламитянинъ, Самей по имени, лжепророкъ, изрыгавшій отъ чрева своего, какъ написано, а не отъ устъ Божіихъ (Іерем. 33, 16). А какъ великое было множество и другихъ лжесвидѣтелей и лжепророковъ, соблазнявшихъ народъ и увлекавшихъ къ неподобному, то по справедливости вознегодовалъ наконецъ Владыка всяческихъ Богъ. Потомъ, употребивъ много рѣчей о Самеѣ и ясно высказавъ, какому наказанію подвергнется за свою дерзость, въ концѣ присоединяетъ: „и взыщу на Самеѣ и на родѣ его—дѣлающихъ подобное ему“ (Іерем. 36, 32). Развѣ не замѣчаешь, что родство Онъ усматриваетъ въ одинаковыхъ поступкахъ? Иначе какъ Вѣдающій правые суды сталъ бы наказывать вмѣстѣ съ Самеемъ и его родъ по плоти, не одинаковый съ нимъ по нраву въ отношеніи къ худому поведенію, хотя Онъ ясно говоритъ чрезъ пророка Іезекіиля: „душа согрѣшающая, она умретъ“ (Іезек.

18, 4). Поэтому, чтобы не думали о Немъ что-либо таковое, послѣ слова „родъ“ Онъ тотчасъ же прибавилъ: „дѣлающихъ подобное ему“, опредѣляя родство въ одинаковости дѣяній.

Но истинность сказаннаго можемъ видѣть и на самихъ Іудеяхъ, если вспомнимъ слова Іоанна, разумѣю святаго Крестителя. Объявляя тщетную ихъ похвальбу родствомъ съ Авраамомъ, онъ говоритъ: „и не говорите въ себѣ: отца имѣемъ Авраама, ибо силенъ Богъ изъ камней сихъ воздвигнуть сѣмя Аврааму“ (Матѣ. 3, 9). Такъ какъ сказано было ему отъ Бога: „умножая умножу сѣмя твое какъ звѣзды небесныя“ (Быт. 22, 17), то народъ іудейскій, основываясь конечно на неложности Обѣтовавшаго, возмнилъ много о себѣ и надѣялся, говорить, на то, что никоимъ образомъ и никогда онъ не лишится родства съ предкомъ, дабы сохранилось обѣтованіе. Но уничтожая эту ихъ надежду, блаженный Креститель ясно говоритъ, что „силенъ Богъ изъ камней сихъ воздвигнуть чадъ Аврааму“ (Матѣ. 3, 9). Согласно съ этимъ и блаженный Павелъ, говорящій такъ: „не всѣ вѣдь, кои отъ Израиля, сіи Израиль, ни (также) потому, что суть сѣмя Авраама, всѣ дѣти“ (Рим. 9, 6—7).

Когда такимъ образомъ всесторонне доказана та истина, что Богъ вѣдаетъ только родство по нравственности и поведенію, то напрасною уже оказывается похвальба святыми и добрыми предками, при недостаткѣ и полномъ отсутствіи ихъ добродѣтели (въ потомкахъ).

Поэтому вполне основательно Господь говоритъ Іудеямъ: „знаю, что сѣмя Авраамово есте, но ищете Меня убить, потому что слово Мое не вмѣщается въ васъ“. Да, говоритъ,—когда посмотрю на одну только плоть и буду разсуждать, откуда произошелъ іудейскій на-

родъ, тогда вижу (васъ) явившимися отъ сѣмени Авраама. Но если обращу вниманіе на красоту его жизни и нравственности, созерцаю, говорить, васъ чужими (ему) и уже не родными. Вѣдь „ищите Меня убить“, между тѣмъ какъ праотець, о коемъ вы такъ много думаете, не былъ убійцею,—и всего хуже и незаконнѣе то, что вы преслѣдуете Меня не по основательнымъ винамъ, но желаете убить вполне несправедливо. „Потому“ только вы и рѣшились истребить, „что слово Мое не вмѣщается въ васъ“, хотя оно и призываетъ васъ къ жизни и спасенію. „Не вмѣщается же въ васъ“ по причинѣ обитающаго въ васъ грѣха и какъ бы не оставляющаго добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ никакого мѣста. Итакъ, убійцы и въ то же время неправедные судьи суть Іудеи, опредѣлявшіе смертную казнь Тому, Кто не совершилъ никакой неправды, а напротивъ могъ оказать помощь и старался спасти ихъ. Какимъ же еще образомъ могли быть сродственными Аврааму праведному и доброму тѣ, кои столько отставали отъ его добродѣтелей и столько удалялись отъ подобной ему нравственности, сколько порокъ, какъ это долженъ признать каждый, отстоятъ отъ добродѣтели?

VIII. 38. *Азъ, яже видѣхъ у Отца, глаголю: и вы убо, яже слышите у отца, творите* 1).

Сказавъ, что слово Его невмѣстимо у Іудеевъ, почему они и возстаютъ на Него и изобличаются какъ

1) Стихъ имѣетъ много разночтвій: α—α, δ—δ, α—δ и δ—α.—ήχοίσατε и έφοίσατε, при πατρι приб. μου и при πατρός—ήμιών,—нѣк. приб. ταῦτε предъ λαῶ (код. D. 33. Кир. Іер. Злат.). Нѣк. оп. ουκ. Нѣк. приб. ταῦτε предъ ποιείτε (D. Терт.). Слав. яже Остром. Гал. Мст. еже—прочіе. Приб. си предъ глаголю Гал. Всѣ слав.: видѣте—моего—вашего. Вм. ποιείτε нѣк. немв. ποιѣте и лат. древн. (a. b.) facite вм. facitis друг. и Вулг. какъ и Сир. всѣ, Сіанса, Гот. Слав. всѣ; творите; у Св. Ал.: творитѣ.

убійцы, счель необходимымъ присоединить и эти слова,—а по какой причинѣ, изложу снова.

Не невѣдалъ Онъ, какъ надо думать, что нѣкоторые изъ Іудеевъ возстанутъ и вооружатся на слова Его и, изрыгая отъ присущаго имъ худомыслія, опять скажутъ: не напрасно, какъ утверждаешь, нѣкоторые имѣють убійственные замыслы на Тебя, они стремятся къ этому по основательнымъ причинамъ, боголюбезно это намѣреніе въ нихъ и ревность эта по справедливости не заслуживаетъ обвиненія: вѣдь невмѣстимо въ нихъ Твое слово, такъ какъ Ты сдѣлалъ его (Себя), говорятъ, противнымъ Богу, другому (не согласному съ волею Бога) научаешь насъ заблужденію, отвлекаешь отъ пути по закону (Моисееву) и переводишь къ чему-то только для Тебя Одного угодному. Такъ навѣрно шептали тайно Іудеи или размышляли въ себѣ самихъ, и Господь опять предупреждаетъ ихъ, зная происходившія въ нихъ движенія помысловъ, ибо Онъ есть Богъ истинный. Поэтому и говорить: „Я что видѣлъ у Отца, говорю“, созерцалъ природу Отца Моего, самъ собою и въ себѣ самомъ Я видѣлъ Родителя и содѣлался созерцателемъ Его желаній. Видѣлъ очевидно посредствомъ прирожденнаго знанія, какихъ дѣлъ Онъ есть любитель, и это „говорю“ къ вамъ, а совсѣмъ не оказываюсь говорящимъ противное Ему и не установилъ Я ничего вопреки Его волѣ. Я стараюсь призывать къ этому слушателей, не отступая и отъ Своихъ желаній, ибо во Мнѣ Его желанія и Мои также въ Немъ. Но если Я, будучи таковымъ по природѣ и оказываясь соволителемъ во всемъ съ Богомъ и Отцемъ, представляюсь вамъ какимъ-то не истиннымъ и считаюсь отклоняющимъ васъ отъ божественныхъ наставленій, то да престанетъ такое обвиненіе, отбросьте такое подозрѣніе.

„Что слышали отъ Отца, дѣлайте“,—говорилъ (Онъ) вамъ чрезъ Моисея, исполняйте заповѣдь,—вы слышали слова Его: „невиннаго и праваго не убивай“ (Исх. 23, 7), какъ же ищете Меня убить, нарушая тѣмъ и заповѣдь Отца?

Но и въ другомъ значеніи можно понимать изреченіе: „и вы же (поэтому, такимъ образомъ, „такъ и вы“), что слышали отъ Отца, творите“. Онъ говорилъ вамъ чрезъ пророковъ, вы слышали слова: „радуйся сильно, дочь Сіона! проповѣдуй, дочь Іерусалима! вотъ Царь твой грядетъ къ тебѣ правый и спасающій, и возшедшій на юнаго (жеребенка) осла сына подъяремника“ (Зах. 9, 9). Также опять и гласомъ Исаи: „на гору высокую взойди, благовѣствующій Сіонъ! возвысь съ силою голосъ твой, благовѣствующій Іерусалимъ! Возвысьте, не бойтесь! Вотъ Богъ вашъ, вотъ Господь съ силою грядетъ и мышца Его со властію: вотъ награда Его (отъ Него) съ Нимъ и дѣло предъ Нимъ: какъ пастырь будетъ пасти стадо Свое и мышцею (рукою) Своею собирать агнцевъ и во чревѣ имущихъ утѣшать“ (Иса. 40, 9—11). Итакъ, повинуюсь заповѣдямъ Отца, примите предвозглашенное, почтите вѣрою Предвозвѣщеннаго, дайте въ себѣ власть хотя бы словамъ Отца.

Надо знать, что если говорить, что законъ есть Бога и Отца, хотя и изреченъ былъ отъ Него чрезъ ангеловъ, то этимъ не исключаетъ Себя Самого отъ законодательства, но дѣлаетъ это изъ снисхожденія къ Іудеямъ, думавшимъ, что это такъ было, и не опровергаетъ этого ихъ мнѣнія для пользы ихъ. Вѣдь Онъ часто постыждалъ ихъ за то, что не принимаютъ Его, приводя имя Отца.

VIII. 39. *Отвѣщаша Ему* ¹⁾ *и рѣша: отецъ нашъ Авраамъ есть.*

О, превеликое невежество и умъ, отвердѣвшій въ невѣрїи, увлекающійся только любопытностію! Вѣдь Спаситель нашъ Христосъ давалъ понять и ясно говорилъ: „знаю, что сѣмя Авраама есте“ (ст. 37), а между тѣмъ они продолжаютъ оставаться при прежнемъ мнѣніи, какъ будто кто либо настоятельно возражалъ и утверждалъ, что они не отъ сѣмени Авраама по плоти,—опять говорятъ, что „*отецъ нашъ Авраамъ есть*“, и не стыдятся повторять часто одни и тѣже слова, вѣроятно думая не уступать Батту ²⁾ и являясь прекрасными соревнователями одного только порока его языка. Но быть можетъ у нихъ было какое нибудь нелѣпнѣйшее побужденіе къ этому? Какое же это могло быть, будемъ говорить объ этомъ.

Когда Господь говорилъ: *Я, что видѣлъ у Отца, сіе говорю*“, они не понимали, что указываетъ здѣсь на Бога и Отца, но полагали, что Онъ говоритъ или о праведномъ Іосифѣ, или о другомъ комъ изъ земныхъ, совсѣмъ низко и презрительно думая о Немъ и разсуждая. Вѣдь Святая Дѣва чревоносила Божественный Плодъ, не вступая въ бракъ, но „отъ Духа Святаго“, какъ написано (Матѹ. 1, 18),—и, еще не зная сначала образъ (и тайну) домостроенія, блаженный Іосифъ „пожелалъ тайно отпустить ее“, по слову Матѹея (ст. 19). Впрочемъ не совсѣмъ было неизвѣстно у Іудеевъ, что Святая Дѣва чревоносила

¹⁾ *Ему* предъ и *рѣша* немн. а слав. всѣ согл. больш. послѣ *рѣша*.

²⁾ Одинъ изъ Киринейскихъ царей,—заика. Отсюда *βαττολογεῖν, βαττολογεῖν*—говорить какъ Баттъ, повторять одно и тоже, болтать. Также поэтому Демосѳенъ получиль прозвище *βατταλος*. Корень слова—звуконеподражательный заиканію, ср. семит. *bata* ср. русс. *болтать*.

прежде брака и смѣшенія, но они не понимали, что отъ Духа Святаго, а напротивъ думали, что Она была растлѣна какимъ то изъ язычниковъ, почему и неправильныя представленія имѣли о Христѣ. Они воображали, что Онъ былъ сыномъ другаго отца, растлѣвшаго Святую Дѣву, по ихъ безумному мнѣнію, а Иосифу Онъ былъ приписанъ только какъ незаконный, а не какъ дѣйствительный его сынъ. Итакъ, когда Онъ говорилъ: „*Я, что видѣлъ у Отца, говорю*“ (ст. 38), они ни малѣйшей мысли не имѣли о Богѣ, но предполагали, что Онъ указываетъ на одного изъ земныхъ отцовъ и старается ихъ отклонить отъ честолюбивой мысли о предкѣ своемъ и Своей крови (Своему роду) усвоить подобающую другому честь. Мечтая объ исконной славѣ патріаршества, они стремительно и вздорливо возражаютъ Ему: „*отецъ нашъ Авраамъ есть*“. Какъ бы такъ говорили: хотя бы Ты со всѣхъ сторонъ и затоплялъ насъ Своими мудрыми словами, оглушалъ необычайными чудесами и поражалъ невыразимо великими дѣлами, не отклонишь насъ отъ исконной хвалы, не признаемъ отца Твоего первоначальникомъ нашего рода, не отдадимъ другому этой славы и не перемѣнимъ древнихъ на новыхъ родоначальниковъ. И ничего удивительнаго нѣтъ, а напротивъ весьма естественнымъ можно считать то, что Иудеи впадали въ такія невѣжественныя сужденія, когда они считали Его простымъ человекомъ и называли сыномъ плотника (Матѣ. 13, 55), всячески унижая и ни во что ставя Царя и Господа всѣхъ. А что и о Святой Дѣвѣ судили не право, какъ о подвергшейся растлѣнію отъ кого-то, это вполне ясно узнаемъ изъ дальнѣйшаго.

VIII. 39. 40. *Глагола имъ Исусъ: аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля творили бысте: 1) нѣкъ же ищите Мене убити, челоувѣка, иже истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога: сего Авраамъ нѣсть со-творилъ 2).*

Чтобы всякаго рода, такъ сказать, способами усмирить дерзость Иудеевъ, Христосъ говоритъ имъ прикровенно, не прибѣгая къ прямому обличенію, но смягчая выраженія и тѣмъ незамѣтно и различно укрощая ихъ ярость. Когда же видитъ, что они впадаютъ уже въ крайнее безуміе и совсѣмъ не понимаютъ Его словъ, тогда ведетъ рѣчь уже свободную отъ неясности и безъ всякаго прикровенія. Если вы, говоритъ, считали за наивысшую честь быть въ числѣ чадъ Авраама, то безъ сомнѣнія вамъ надлежало старательно подражать нравственности его,—подобало слѣдовать досточудной добродѣтели вашего предка,—подобало кромѣ того ревностно любить благопослушаніе. Вѣдь услышалъ онъ слово Бога: „выйди изъ земли твоей и изъ земли родства твоего и иди въ землю, которую Я тебѣ покажу“ (Быт. 12, 1). И вотъ, нисколько не медля въ исполненіи повелѣнія Божія, онъ тотчасъ выходитъ изъ родной страны и достигаетъ невѣдомой и чужой, надѣясь на помощь Давшаго повелѣніе. Потомъ, уже достигши предѣла жизни, находясь въ столѣтнемъ возрастѣ, онъ услышалъ, что „будетъ у тебя сѣмя“ (Быт. 15, 5).

1) Такъ всѣ древнесл. (Ал. глет. соотв. подлин. и опуск. 1-е были) соотв. Греч. Кир. ἴτε—ἐποιεῖτε ἄν (ср. толк. 8, 56 и къ Амос. 9, 7. 8 ed. Pusey 1. 536). Др. εἴτε—ποιεῖτε или εἰποιεῖτε безъ ав.

2) Разн.: *виш* послѣ *λεῖλ*,—*χορσεν* вм.—*си* и *πατρος* *μου* немн. Ср. толк. 42 ст. и Pusey 3, 417. Слав. *сотворилъ* Мар. Зогр. Гал. Миросл. вм. *твори.лъ* Остр. Мст. Асс. Добр. Ник.—Св. Ал. точно: *не створи*.—*яже* Остр. Асс. ошибка изъ *юже* другихъ (*юсз*).

И нимало не усумнившись, онъ отвѣчалъ Говорившему горячею вѣрою, не обративъ вниманія на плотскую немощь, но сосредоточившись мыслью на силѣ Говорившаго (Рим. 4, 19). Услыхалъ наконецъ повелѣніе принести въ жертву Богу своего возлюбленнаго (сына), и тотчасъ преодолеваетъ природныя чувства и любовь къ своему юному дитяти ставитъ ниже божественной заповѣди. У васъ же Я нахожу все на противъ этому, ибо „убить Меня ищете за то, что Я сказалъ вамъ то, что отъ Бога, сего Авраамъ не сдѣлалъ“. Вѣдь онъ не оскорблялъ неповиновеніемъ Говорившаго съ нимъ, не старался сдѣлать что-либо къ огорченію Его. Какимъ же образомъ вы еще дѣти Авраама оказываетесь, удалившись отъ его боголюбія столько же, сколько и отъ его добродѣтельнаго нрава?

Замѣтъ, какъ цѣлесообразно построляетъ рѣчь. Не сказалъ теперь, что Онъ услышалъ истину *отъ Отца*, но „отъ Бога“, ибо, какъ только что сказали мы, по присущему имъ безмѣрному неразумію они склонялись къ ложнымъ о Немъ мнѣніямъ, воображая, что Онъ говоритъ о какомъ нибудь земномъ отцѣ. Точно также, указуя въ Своей рѣчи на смерть, называетъ Себя „человѣкомъ“, повсюду сохраняя за Собою, какъ Богомъ по природѣ, нетлѣнность, впрочемъ Свой собственный храмъ (тѣло) не отдѣляя отъ Себя, но оставаясь единымъ Сыномъ и послѣ того, какъ стать человѣкомъ.

Утверждаетъ, что сказалъ „истину“, ибо не въ образахъ уже и внѣшнихъ обрядахъ совершать благочестіе насъ научаетъ слово Спасителя, но убѣждаетъ любить богослуженіе духовное и истинное.

А если говорить: „что слышалъ Я отъ Отца“, то этимъ отнюдь не слѣдуетъ соблазняться. Такъ какъ называетъ Себя „человѣкомъ“, то и говорить это

человѣкообразно. Какъ о смерти Его говорится какъ о человѣкѣ, также должно говориться о Немъ и то, что Онъ слышитъ, какъ о человѣкѣ. И вполне естественно, что врожденное знаніе, которое Онъ имѣетъ о волѣ Своего Родителя, выражаетъ словомъ „слышать“, ибо и само Священное Писаніе нерѣдко и обычно употребляетъ это слово о Богѣ. Такъ, когда говоритъ: „и услышалъ Господь“, мы отнюдь конечно не усвоимъ Ему особое и отдѣльное чувство слуха, какъ это у насъ. Проста божественная природа и чужда всякой сложности. Напротивъ, мы должны понимать слухъ какъ знаніе и знаніе какъ слухъ. Въ простомъ (существѣ), какъ мы сказали, нѣтъ ничего сложнаго.

Не напраснымъ считаемъ присоединить сюда и еще третье разсужденіе. Богъ и Отецъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ о Христѣ къ священнѣйшему Моисею, что „Пророка возставлю имъ“, тоестъ Израильтянамъ, — „изъ братьевъ ихъ какъ тебя, и положу слова Мои въ уста его, и будетъ говорить имъ согласно всему, что заповѣдаю ему“ (Втор. 18, 18). Вотъ по этой причинѣ, думаю, Господь нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ, что Онъ *услышалъ отъ Отца истину* и высказалъ ее Іудеямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ избличая ихъ въ противленіи самому Богу и Отцу, а Себя ясно показуя Тѣмъ, о Комъ законодатель предвозвѣстилъ, что возставитъ Его (Богъ).

VIII. 41. Вы творите дѣла отца вашего.

Показавъ, что Іудеи имѣютъ отличные отъ своего предка нравы и весьма далеки отъ его боголюбія, справедливо снимаетъ съ нихъ тщетную похвальбу плотскую. А потомъ ясно сказавъ, что имъ не подобаетъ находиться въ числѣ дѣтей его, усвоетъ ихъ

другому, имъ соотвѣтствующему, отцу и въ сходствѣ дѣлъ видитъ какъ бы нѣкую связь родства, научая, что добрымъ подобаеъ соединяться съ добрыми, а по отношенію къ ведущимъ дурной образъ жизни опредѣляя, что въ качествѣ отцевъ ихъ слѣдуетъ считать извѣстныхъ тѣмъ же самымъ. Какъ избравшимъ хорошую жизнь и поэтому уже получившимъ названіе святыхъ безопасно можно называть Бога своимъ отцомъ, поскольку они стараются, по данной людямъ мѣрѣ возможности, подражать Ему: такъ и для лукавыхъ справедливо долженъ приписываться отцемъ Лукавый, поскольку въ своихъ нравахъ они впечатлѣваютъ образъ его лукавства и безнравственности. Вѣдь отцомъ, особенно въ священномъ писаніи, не всегда считается тотъ, кто родилъ отъ себя, но и тотъ, кто имѣетъ какихъ либо сообразныхъ (людей) своимъ нравомъ, коихъ (людей) поэтому онъ и называется отцомъ. Такъ и блаженный Павелъ пишетъ къ однимъ въ посланіи: „ибо во Христѣ Иисусѣ чрезъ евангеліе я васъ родилъ“ (1 Кор. 4, 15). Посему, повторимъ, какъ чрезъ сходство нравовъ и святость нѣкоторые становятся сообразными Богу и святымъ отцамъ, такъ и діаволу и съ нимъ одноравнымъ единомысленными дѣлаются нѣкоторые, подвергаясь этому вслѣдствіе собственной худости. Итакъ, у святыхъ подобаеъ быть и отцамъ святымъ, а у лукавыхъ наоборотъ—тоже лукавымъ. Тѣ впечатлѣвая, сколько возможно, въ своихъ душахъ божественный образъ посредствомъ святости и имѣя подобающую законнымъ сынамъ дерзновеніе, справедливо скажутъ: „Отецъ нашъ на небесахъ“ (Матѣ. 6, 9). А дурныя также должны принадлежать соотвѣтствующему имъ отцу, рожденные какъ бы чрезъ подобіе съ нимъ въ равную же худость свою.

Такимъ образомъ Христось опредѣляетъ и называетъ Іудеямъ другого отца помимо святаго Авраама. Но кто онъ, еще не говоритъ ясно.

VIII. 41. Рѣша же Ему: мы отъ любодѣянїя нѣсмь рождени: единого отца и мамы Бога ¹⁾.

Предъ этимъ (къ 8, 39) я говорилъ уже, что предерзкіе на все Іудеи страдали недугомъ крайне нечестивыхъ представленій о Спасителѣ Христѣ, ибо они думали, что Святая Дѣва, Матерь Господа, оказалась имущею во чревѣ не отъ Святаго Духа или отъ дѣйствїя свыше, но отъ кого-либо изъ обитателей земли. Будучи невѣрами и совершенными глупцами, они или не придавали никакого значенія пророческимъ письменамъ, хотя и ясно слышали: „вотъ Дѣва во чревѣ приметъ и родить Сына“ (Иса. 7, 14),—или, смотря на одну только плоть и слѣдуя нашимъ (человѣческимъ) законамъ, но не признавая сверхразумно и сверхестественно дѣйствующей Природы, —для коей нѣтъ ничего труднаго и легко доступно все желаемое,—думали, что женщина можетъ чревоносить не иначе, какъ отъ соитїя и общенїя съ мужчиною. Подверженные такому мнѣнію они, жалкіе, осмѣливались клеветать на божественное и досточудное Порожденіе чрезъ Святаго Духа. А такъ какъ Онъ, отстраняя ихъ отъ родства съ Авраамомъ, усваеваетъ другому отцу, то они приходятъ въ сильную ярость и, необузданно воздымая присущїй имъ гнѣвъ, съ бранью говорятъ: „мы отъ блуда не рождены, одного отца имѣетъ Бога“. Какъ бы такъ говорятъ прикровеннымъ намекомъ: двухъ отцовъ имѣешь Ты Самъ и не отъ благороднаго брака родился Ты, мы же

¹⁾ же-ови, др. не чит. изъ слав. Миросл.? Ал: отъ блуда. Предъ единого чит. мы древн. кромѣ Мар. Конст. Ал. соотв. греч.

(имѣемъ отцомъ) одного Бога. Но пусть каждый видитъ и ясно замѣчаетъ, какимъ и здѣсь страдаютъ безуміемъ. По причинѣ присущаго имъ лукавства и худости не помѣщенные Праведнымъ Судьею въ числѣ дѣтей Авраама, они доходятъ до такой степени безумія, что называютъ себѣ отцомъ Бога, можетъ быть въ виду сказаннаго въ книгахъ Моисеевыхъ: „сынъ первородный Мой Израиль“ (Исх. 4, 22), но не принимая во вниманіе сказаннаго Исаіею: „увы, дѣти отступники, это говоритъ Господь“ (Иса. 30, 1). Справедливо можно задаться и вопросомъ о томъ, что побудило Іудеевъ въ настоящемъ случаѣ не говорить уже: „отецъ нашъ Авраамъ, или одного отца имѣемъ Авраама“, но прямо возвыситься до „*единого Бога*“? И мнѣ кажется, что они при этомъ какъ бы такъ разсуждали въ самихъ себѣ: такъ какъ они поносили Господа за то, что Мать Его будто бы до брака подверглась растлѣнію, и приписывали Ему двухъ отцовъ, то какъ бы для усиленія этого своего зломыслия старались назвать себѣ одного (отца). Вѣдь утверждая, что имѣютъ „*одного отца Бога*“, они тѣмъ самымъ косвенно позорятъ Господа двумя (отцами), какъ бы противопоставляя одного двумъ. Думали, что словами: одного отца имѣемъ Авраама, они отринули бы другихъ, разумѣю Исаака, Іакова и двѣнадцать его сыновей, что если бы сдѣлали, то оказались бы уже въ противорѣчьи съ самими собою и вооружились бы противъ собственнаго желанія и хвальбы, лишивъ Израиля благородства его отцевъ и чрезъ это въ концѣ концовъ согласившись со словами Господа. Такимъ образомъ, избѣгая казавшагося имъ возникающимъ отсюда затрудненія, они говорятъ уже не такъ: одного отца имѣемъ Авраама, но напротивъ приписываютъ себѣ „*одного отца Бога*“, увлеченные

однимъ только опаснымъ удовольствіемъ порицанія, дабы подпасть имъ тѣмъ большей виновности, какъ совершителямъ всякаго нечестія, а между тѣмъ державшимъ въ качествѣ отца получить себѣ Врача всякаго нечестія.

VIII. 42. Рече имъ Иисусъ: аще Богъ отецъ вашъ бы былъ любили быте Мене: Азъ бо отъ Бога изыдохъ и приидохъ ¹⁾.

Въ этихъ словахъ не отрицаетъ Господь, чтобы кому либо можно было находиться въ числѣ сыновъ Божіихъ, но показываетъ, кому всего болѣе должно подобать это достоинство,—и что оно оказывается принадлежащимъ преимущественно святымъ. А Іудеевъ, напротивъ, Онъ избличаетъ въ безразсудной надменности. Вотъ Я, говоритъ, одинъ и истинный по природѣ Сынъ родился отъ Бога и Отца, а всѣ (другіе) почитаются (такowymi, т.-е. сынами) какъ сообразные со Мною и восходящіе въ Мою славу, ибо образы всегда подобны первообразамъ. Какъ же поэтому можете, говоритъ, вы находиться въ числѣ чадъ Божіихъ, когда Явившагося отъ Бога и въ свой образъ Преобразующаго вѣрующихъ въ Него, вы не только не хотите любить, но даже и безчестите. не однимъ какимъ-либо, но многими способами? И не принявъ Того, кто есть начертаніе Бога и Отца, какъ можете быть сообразными Ему? Вѣдь отнюдь не всѣмъ безъ различія, говоритъ, доступно называть Бога отцомъ, но это, полагаю, подобаетъ тѣмъ, кои украшены красотою благочестія къ Нему, а не другимъ.

¹⁾ Слав. чит. же послѣ рече—*оу* мя. древнегреч. Древнесл.: бы (би) былъ—любили мя (ме Асс. Мир. Ник.) быте (бисте)—усѣч. изыдѣ—приидѣ Мар. Зогра. Асс. Мир. Ник.—Ал. аще бы богъ... Мир. аще богъ би быте. отецъ вашъ. Острож. 1574, Кут. 1652, Кіев. 1788 любили убо.

Вотъ Я пришелъ съ неба, чтобы давать наилучшія наставленія и слово Мое оказывается призывающимъ васъ къ уподобленію Богу. Но если бы у васъ дѣйствительно было желаніе и стараніе имѣть Бога отцомъ, то конечно вы возлюбили бы Меня, Наставника и Учителя такому пути, внушающаго стремленіе къ подобію съ единымъ и истиннымъ Сыномъ, дѣлающаго принимающихъ Его сообразными Себѣ чрезъ Святаго Духа. Украшенный истиннымъ подобіемъ съ Богомъ, какимъ образомъ, говорить, могъ, не возлюбить Того, Кто отъ Бога? Какъ, скажи мнѣ, будетъ чтить дерево тотъ, кто безразсудно пренебрегаетъ рожденный отъ него плодъ? „Поэтому, говорить, или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ, или признайте дерево плохимъ (гнилымъ) и плодъ его (гнилымъ) плохимъ“ (Матѣ. 12. 23). Итакъ, если дерево благородно, то-есть Богъ и Отецъ, и вы пожелали украсить свои головы славою Его, то почему же не увѣрвали, что таковъ и Плодъ отъ Него, и не возлюбили?

Итакъ, толкуемое изреченіе заключаетъ въ себѣ и горькое обличеніе противъ Іудеевъ, ибо показываетъ ихъ лжецами, какъ скоро они пытаются называть Бога отцомъ, а между тѣмъ по своей нелюбви къ Тому, Кто отъ Бога по природѣ, такъ далеко отстоятъ отъ добродѣтели призванныхъ къ этому (богосыновству). А вмѣстѣ съ тѣмъ благополезно вводитъ упоминаніе и о неизреченномъ рожденіи, дабы опять и въ этомъ случаѣ они оказались нечестивцами, называвшими Его неблагороднымъ и незаконнымъ сыномъ. Поэтому, если словами: „Я отъ Бога изшелъ“ обозначаетъ Свое неизреченное и безначальное рожденіе отъ Отца, то прибавленіемъ: „пришелъ“ указываетъ на пришествіе въ этотъ міръ съ плотію. Отнюдь не

говорить, что Богъ Слово именно тогда только впервые возсіялъ отъ Бога и Отца, когда сталъ человѣкомъ, какъ воображаютъ нѣкоторые нечестивые еретики, но изреченіе это напротивъ слѣдуетъ понимать благочестиво и согласно связи рѣчи. Изъ того, что соединилъ слова: „изшелъ“ и „пришелъ“, отнюдь не слѣдуетъ, что сущій отъ Отца Логосъ современенъ бытію (Его рожденію по плоти), но каждому слову мы должны давать подающее ему особое значеніе, вѣруя, что первое есть рожденіе Слова отъ Отца безначальное и превышающее разумъ, которое и выражено въ словахъ: „Я отъ Бога изшелъ“,—второе же, то-есть по плоти—въ словахъ: „не о Себѣ бо приидохъ, но Той Мя посла“. Онъ воплотился подобно намъ, то-есть сталъ человѣкомъ, по благоизволенію Бога и Отца пришелъ въ этотъ міръ, чтобы сообщить намъ ученіе Божіе и невѣдущимъ разъяснить то, что согласно съ волею Бога. Но вы, говоритъ, не возлюбили, явившагося къ вамъ по божественному благоизволенію, Спасителя и Наставника. Какъ же поэтому вы можете еще называться чадами Бога, или какимъ образомъ приобрѣтете благодать родства съ Нимъ (Богомъ), не почтивъ Того, Кто отъ Него (рожденъ)?

Но, кажется, и здѣсь опять Господь говоритъ нѣчто прикровенное и посредствомъ этихъ словъ старается привести къ молчанію іудейскій народъ, напрасно бранившій Его. На что именно указывается здѣсь, скажемъ кратко.

Многіе у Іудеевъ, ни во что ставя божественный страхъ, но цѣня и принимая однѣ только человѣческія почести, поддавшись постыднымъ стяжаніямъ, осмѣливались пророчествовать, „отъ сердца своего говоря, а не отъ устъ Божіихъ“, какъ написано (Іер. 23, 16). Обвинялъ ихъ за это и Самъ Владыка вся-

ческихъ, говоря: „не посылаю Я пророковъ, не говорю имъ, а они пророчествовали“ (ст. 21). Но потомъ и угрожалъ совершить съ ними нѣчто ужасное, восклицая: „горе пророчествующимъ отъ сердца своего и (ничего) совсѣмъ не видящимъ“ (Иезек. 13, 3). Таковъ былъ Самей (Ананія?), словамъ Іереміи противопоставившій свою ложь. Схвативъ деревянное ярмо и сокрушивъ, онъ сказалъ: „такъ говоритъ Господь: сокрушу ярмо Вавилонскаго царя“ (Іерем. 28, 2. 13). И такъ какъ по поводу словъ Спасителя нашего Христа: „теперь же Меня ищете убить, человекъ, который (кто) истину вамъ сказалъ, которую (что) слышали отъ Бога“ (ст. 40), Іудеи роптали и, не зная, кто Онъ есть въ дѣйствительности, считали Его за лжепророка и по этой причинѣ ожесточались, такъ что уже осмѣливались не только бранить Его, но даже и покушались свирѣпо и стремительно предать Его смерти: то опять благополезно устрашаетъ указаніемъ на то, что не отъ Себя пришелъ Онъ, какъ это было обычно для лжепророчествовавшихъ у нихъ, но посланъ отъ Бога, дабы въ одно и то же время отринуть отъ Себя славу лжепророка и научить, что они подвергнутся не малому наказанію, какъ не только безчестящіе Посланнаго отъ Бога и Отца, но уже и осмѣлившіеся на убійство Его,—а тѣмъ самымъ и пресѣчь ихъ необузданную дерзость.

Таковъ смыслъ въ этихъ словахъ. Но возможно, что еретикъ обратитъ также и это изреченіе какъ бы въ нѣкоторую пищу для присущаго ему нечестія. Быть можетъ онъ выступитъ съ обвиненіемъ сущности (природы) Единороднаго и сочтетъ ее меньшею сравнительно съ Отцомъ на томъ основаніи, что Онъ употребляетъ о Себѣ слово „посланъ“. Таковъ пусть опять поразмыслитъ о только что высказанномъ нами

образъ домостроенія и припомнить слова Павла о Сынѣ: „Онъ (Кто), во образъ Бога будучи, не похищеніемъ почелъ быть равнымъ Богу, но Себя унижилъ, образъ раба принявъ, въ подобіи челоуѣковъ бывъ, и видомъ обрѣтшисъ (оказавшисъ) какъ челоуѣкъ унижилъ Себя, послушенъ бывъ до смерти“ (Филип. 2, 6—8). Если же унижилъ Себя добровольно, очевидно при соблаговоленіи и согласіи съ Нимъ Отца, то какому же обвиненію будетъ подлежать Онъ, приведшій въ исполненіе образъ домостроенія такъ, какъ надлежало? А если на основаніи слова „посланъ“ думаешь, что Сынъ меньше чѣмъ Отецъ, то какимъ, скажи мнѣ, образомъ, будучи меньшимъ, по твоему невѣжественному мнѣнію, Онъ всегда и неизмѣнно дѣйствуетъ совершенно какъ Богъ? Въ чемъ же проявляется у Него это меньшее, если Онъ въ совершенствѣ обладаетъ свойствомъ Родителя и полнѣйшею божескою властію? Поэтому не меньшимъ надо представлять Его по причинѣ посланія Его, но, будучи Богомъ отъ Бога по природѣ и истинно, такъ какъ Онъ есть премудрость и сила Отца,—посылается къ намъ подобно какъ отъ солнца распространяемому отъ Него свѣту, дабы умудрять нуждающееся въ мудрости и чтобы такимъ образомъ обезсилившее наконецъ возвысилось чрезъ Него, укрѣпилось во всякомъ познаніи Бога и Отца и воспрянуло ко всякой добродѣтели. И это потому, что все доброе въ челоуѣческой природѣ явилось чрезъ одного только Христа. Такимъ образомъ ничего вообще служебнаго (низшаго) нѣтъ во Христѣ, кромѣ одного только образа по плоти (*μορφῆς κατὰ σάρκα*), напротивъ—(у Него) власть и сила надъ всѣмъ божеская, хотя въ рѣчи о Немъ мы челоуѣкообразно примѣняемся къ состоянію Его уничиженія.

VIII. 43. *По что бесѣды Моя не разумѣете? яко не можете слышати слово Мое* ¹⁾).

Уже много разъ высказанное нами повторимъ опять для пользы читателей, ибо въ частомъ указаніи полезнаго ничего нѣтъ худого. Разумѣю обычай Спасителя Христа не дожидаться произнесенныхъ языкомъ словъ отъ невѣровавшихъ Ему, но смотрѣть внутрь сердецъ и давать отвѣты на возникавшія еще въ глубинѣ сердца ихъ размышленія. Человѣкъ, не вѣдая мыслей другого, по необходимости долженъ ожидать произнесеннаго слова, а Богъ не такъ. Когда Господь сказалъ Іудеямъ, что Онъ пришелъ не отъ Себя, какъ это было обыкновенно у приходившихъ на пророчество по собственному желанію, а не отъ божественнаго Духа,—но посланъ отъ Бога; то опять они стали думать или рассуждать въ себѣ самихъ или даже тихо другъ другу шептали: многіе пророки возвѣщали повелѣнія Божіи и сообщали намъ рѣчи отъ Духа, но мы не находимъ у нихъ ничего такого, что есть въ рѣчахъ Этого,—вотъ Онъ совершенно отклоняетъ отъ подзаконнаго служенія, переводитъ къ какому-то другому устройству и вводитъ у насъ новый образъ жизни,—поэтому очевидно, что слово Его несогласно и не сходствуетъ съ древними. Когда Онъ, какъ это естественно думать, узрѣлъ такія размышленія въ нихъ, то показуя, что онъ есть Богъ по природѣ, и, зная сердечныя намѣренія, воспринимаетъ ихъ и говоритъ: „почему бесѣду Мою не разумѣете? Потому что не можете слушать слово Мое“.

¹⁾ Вм. *ἀκούετε* въ одномъ код. Кир. *ἀκρίβειαν* какъ одинъ только Dgr. Но въ толк. Кир. согласно общему чт. Слав: *слышати словесе Моего* Мар. Зогр. Асс. Мир. Ник. и сл. м. слы.. Гал. Мст. Св. Ал: *сега ради*. (? вмѣсто *ἀκούετε* какъ бы читая *ἀκούετε*)... *слушати* (настоящее *ἀκούετε* какъ бы отличая отъ аор. *ἀκούετε* слышати).

Зналь, говорить, Я, что *не можете* понимать *Мою бесѣду* или ученіе, но скажу вамъ причину этого и объясню, что препятствуетъ тутъ. „*Не можете Мое слышать слово*“, причемъ словомъ „*не можете*“ отличаетъ ихъ безсиліе въ совершенномъ благѣ, по причинѣ подвластности ихъ своимъ страстямъ. Вѣдь преданность удовольствіямъ разслабляетъ умъ и, необузданнымъ влеченіемъ къ пороку сообщая безсиліе сердцу, дѣлаетъ его вялымъ и несмѣлымъ въ совершеніи добродѣтели. Итакъ, напередъ обезсиливъ отъ порочныхъ влеченій и угнетаемые собственными страстями, говоритъ, „*Мое слышать не можете слово*“, ибо „правы пути Господни“, по написанному, „и праведники пойдутъ по нимъ, а нечестивцы изнемогутъ въ нихъ“ (Ос. 14, 9). Родственное этому найдешь и въ другихъ словахъ (Господа) къ фарисеямъ: „какъ можете вѣрвать, славу другъ отъ друга принимая, а славы отъ единого Бога не ищете?“ (Іоан. 5, 44). И здѣсь ихъ невозможность вѣрвать показываетъ добровольное безсиліе ихъ ума или уже напередъ испорченную славолюбіемъ душу. Истиннымъ найдемъ также и сказанное Павломъ: „душевный же челоуѣкъ не принимаетъ что отъ Духа Божія, ибо безуміе для него (это) есть“ (1 Кор. 2, 14). Итакъ, поелику были они душевны, то безуміемъ считали Призывавшаго ихъ къ спасенію и Учившаго пути превосходной жизни, прекрасно Направлявшаго къ благоугожденію добродлюбивому Богу, Коему всякая честь, слава, держава, во вѣки вѣковъ, аминь.

Г Л А В Ы,

содержащаяся въ шестой книгѣ.

О томъ, что не отъ предшествовавшихъ рожденію (человѣка) согрѣшеній души случаются съ людьми тѣлесныя страданія, а также и грѣхи отцовъ на дѣтей или чьи-либо на другого кого не наводитъ Богъ, наказуя нисколько не погрѣшившихъ (въ нихъ неповинныхъ), но правый надъ всемъ совершаетъ судъ,—причемъ предметомъ изъясненія служитъ изреченіе: „Разви, кто согрѣшилъ: онъ или родители его, что слѣпымъ родился?“ (Іоан. 9, 2).

КНИГА ШЕСТАЯ.

VIII. 44. 45. Вы отъ отца діавола есте и похоти отца вашего хотите творити: онъ челоукоубійца есть (бѣ) отъ начала и во истинѣ не стоить, яко нѣсть истины въ немъ ¹⁾. (егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть какъ и отецъ его: Азъ же зае истину глаголю вамъ, не въруете Мнѣ) ²⁾.

Со всею справедливостію отстранивъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ и обличивъ ихъ, какъ не имѣющихъ сходства съ нравами его и удалившихся отъ благочестія къ самому Богу, а притомъ и разъяснивъ

¹⁾ Членъ *τοῦ* предъ *πατρός* опускають и *ἐμὸν* послѣ него чит. только весьма немн. и неавтор. Вм. *διαβολῶν* вѣк. *σατανᾶ* (Сир. іер. Ефр. Assen. 1. 560. f. Ἐβίον. Walt. Епиф. Haer. 40. 5. Въ текстѣ *ἔστι* какъ немн. минуск. и Ирив. дважды (лат. est. V. 22. 2 и 23. 2), Ператы (у Ипп. V. 15), Дид. (М. 39. 1105. e.). Макар. Ориг. (однажды). Но въ толк. Кир. (дважды Puz. 94 и 100) и на Мих. 3. 8 (Puz. 1. 651) *ἔ* согл. проч. и автор. (Homil Clem. 3, 25, Клим. Ал. Pot. 368, Ориг. въ мн. м. Вульг. и код. $\aleph$ B C D и всѣ пр. *οὐκ ἔστικεν*. imperf. non. stetit (?) одни *οὐκ* perf. non. stat (?) др. и Кир. см. еще Puz. 34. 48. Также: *οὐκ ἔστι ἄλ.* и *ἔλ. οὐκ ἔ.* Слав. чит. *отъ* (отца) Остр. Гал. Мст. Зогр. Асс. Мар. Ал. др. но он теперь согл. Кир. Добр. Мир. и поздн. Приб. *вашего* послѣ *отъ отца* только поздн. согл. вѣк. немн. греч. Вм. *похоти* Тип. *волю* Ал. *желанія* поздн. *желаніе*. Въ О Мст. Мир. Зогр. *челоукоубійца*, Гал. Мар.—*быць* или—*бищъ*, Тип.—*убойникъ*.—*естъ* Тип. др. *бѣ* Ник. *быи* (бысть). *Отъ начала* у Ал. но О Мст. Тип. Сим. *исперва*, а Гал. Зогр. Мар. Мир. Асс. Ник. *исходи*. Гал. оп. и (въ истинѣ) Мир. а Кир. *въ истину*. Чит. *не стоить* *οὐκ ἔ.* всѣ слав. согл. Кир.

²⁾ Помѣченное въ скобахъ не читается въ текстѣ, но есть въ толкованіи, см. далѣе.

причину неспособности ихъ слушать слова Его,—показываетъ опять, кто всего справедливѣе и естественнѣе долженъ бы называться отцомъ у нихъ. „Вы, говорить, *сынъ отца діавола есте*“, который, говорить, и *человѣкоубійца* былъ въ началѣ и *въ истинѣ не стоитъ (устоялъ), лжецъ есте*“,— лжецъ у него и отецъ, котораго ясно опредѣлилъ въ слѣдующихъ далѣе словахъ (и указалъ), кто это. Заключающееся въ немногихъ словахъ, предложеніе это имѣетъ большую неясность и требуетъ особенно точнаго изслѣдованія, ибо глубиною отличается рѣчь объ этомъ и, полагаю, не удобопонятна для многихъ.

Что касается до простѣйшаго и удобопонятнаго всѣмъ (буквальнаго) смысла, то не другого кого опредѣляетъ Іудеямъ отца кромѣ ниспавшаго съ неба сатаны. Но находящіяся вслѣдъ затѣмъ слова какъ бы объ этомъ опредѣленномъ для нихъ отцѣ: *потому что лжецъ есте какъ и (καθὸς καὶ) отецъ его* ¹⁾, нѣсколько смущаютъ насъ и даже не мало заставляютъ недоумѣвать.

О комъ въ самомъ дѣлѣ, здраво разсуждая, мы можемъ предположить, что онъ былъ отцомъ діаволу? Неужели кто другой прежде него ниспалъ, которому этотъ второй уподоблялся бы по виду и нравственности? Вѣдь изъ священныхъ и божественныхъ писаній невозможно представить мѣста для доказательства этого. А чего не говорится богодухновенными писаніями, то отнюдь не приемлемо для вѣры ²⁾. Напротивъ всякій духъ между демонами называется (и является какъ) дѣтище діавола сатаны, по сказанному Спасителемъ нашимъ Христомъ: „если же са-

1) Объ этомъ чтеніи—прим. слѣд.

2) Этимъ св. отецъ конечно не отрицаетъ значеніе преданія для вѣры.

тана сатану изгоняетъ, на себя самого раздѣлился“ (Матѳ. 12, 26). Но одного изъ прочихъ, преимуществующаго и верховнаго, мы знаемъ,—это тотъ, къ Кому сказано чрезъ пророка Іезекіиля: „ты—отпечатокъ подобія и вѣнецъ красоты, въ сладости рая Божія рожденный, всякимъ камнемъ дорогимъ ты облекся“ (Іезек. 28, 12—13). Кого же поэтому другаго, безъ опасенія ошибки, должны мы предполагать, сообразно коему этотъ отпечатлѣнъ, разумѣю сходство въ порочности?

Нѣкоторые изъ древнихъ толкователей, въ объясненіе этого мѣста, прекрасно утверждали, что тотъ исконный сатана, который считается предстоятелемъ и всѣхъ другихъ демоновъ, связанъ, какъ сказано, силою Божію (Матѳ. 12, 29; 2 Петр. 2, 4; Іуд. 6) и вверженъ въ самый тартаръ для наказанія за свою дерзость противъ Бога, а послѣ него явился нѣкоторый другой, однообразный съ своимъ отцомъ по мерзостямъ, нынѣшній князь вѣка сего (Іоан. 12, 31; 14, 30; 16, 11; Матѳ. 9, 34; 12, 24; Еф. 6, 12 др.),— и что именно о немъ Спаситель говоритъ, что и *„человѣкоубійца былъ отъ начала“* и: *„потому что лжецъ есть какъ (δὲπερ) отецъ его“*.

Хотя на первый взглядъ такое объясненіе и представляется очень простымъ и естественнымъ, однакожь соглашаться съ нимъ намъ не позволяетъ прежде всего вотъ что. Со времени пришествія Спасителя нашего владычество діавола начало падать и злые и нечистые духи стали отсылаться въ бездну. Такъ демоны, приступая къ Нему, просили: „да не повелишь намъ въ бездну отойти“, какъ написано (Лук. 8, 31). Помнимъ, что объ этомъ они издавали великій вопль, говоря: „оставь, что намъ и Тебѣ, Іисусъ Назарянинъ? Знаемъ Тебя, Кто Ты: Святой Божій,—пришелъ сюда

прежде времени мучить насъ“ (Марк. 1, 24; Матѳ. 8, 29). О томъ, что пришедшій Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣлъ поразить и сокрушить ихъ разнообразными способами, безъ сомнѣнія знали и сами они, изъ великой молвы о Немъ у Израильтянъ, однакожь обвиняли Его въ несвоевременности пришествія, надменно и злостно порицая время Его явленія. Впрочемъ „прежде времени“ говорятъ, отнюдь не какъ подвергшіеся мученіямъ въ другое какое либо время, но какъ ожидающіе одного времени пришествія, въ которое они безъ сомнѣнія должны были потерпѣть ожидаемое. На это скажемъ и вотъ что: если, между тѣмъ какъ тотъ связанъ, по толкованію нѣкоторыхъ, другой кто-то прельстилъ Адама и еще не прекращаетъ той ярости, въ которой обвиняется; то первый будетъ совершенно безвиненъ въ отношеніи къ намъ, его справедливо надо будетъ освободить отъ всякой вины, онъ ни убилъ никого, ни прельстилъ, ни обманулъ, — и не къ нему по справедливости будутъ относиться слова Бога: „какъ одежда, въ крови замаранная, не будетъ чиста, такъ и ты не будешь чистъ, потому что землю Мою погубилъ и народъ Мой убилъ“ (Иса. 14, 19—20). Если поэтому допустимъ, что сейчасъ перечисленнымъ злодѣяніямъ непричастенъ тотъ, кого и первымъ называютъ, то кому же, должны опредѣлить мы, подражаетъ второй послѣ него или чей образъ носить онъ, превосходя въ злодѣйствѣ своего вождя и имѣя еще болѣе грубая, чѣмъ тотъ, черты худости? Быть можетъ не безинтересно бы войти въ болѣе обширное изслѣдованіе этого предмета, но почитаемъ излишнимъ слишкомъ распространяться о томъ, въ чемъ не имѣемъ (теперь) большой нужды.

Итакъ, надо обратиться къ другому толкованію и

тщательно изслѣдовать, кого Христосъ назначаетъ Іудеямъ въ отца, имъ единоправнаго и единомысленнаго, коего отцомъ долженъ справедливо считаться демонъ, то-есть извѣстный злоначальникъ Сатана. Такимъ образомъ относитъ ихъ (Господь по отцу) къ Каину, который первый изъ всѣхъ людей обличается въ нелюбви къ цѣломудренному (Авелю) и послѣ того Сатаны оказался началомъ зависти, убійства, коварства, лжи и прелести, коего (Сатаны) по всей справедливости онъ можетъ быть названъ и сыномъ, какъ отпечатлѣвшій въ себѣ весь образъ лукавства его. Вѣдь какъ у всякаго святаго и праведника отцомъ мыслится Богъ—начало освященія и праведности всѣхъ, такимъ же, думаю, образомъ и у всякаго злодѣя справедливо долженъ считаться отцомъ Сатана—начало всякаго злодѣйства. А какъ Каинъ данъ Іудеямъ въ отца, а самому Каину—Сатана, согласно сказанному нами, то, слѣдуя ихъ же (Каина и Сатаны) собственнымъ словамъ, мы опять постараемся ясно доказать: во первыхъ, что Сатана возстаетъ противъ обвиненій со стороны Бога, потомъ—что онъ обманщикъ и лжець, наконецъ—что онъ убійца по зависти,—а показавъ Каина единоправнымъ и одномысленнымъ съ нимъ (Сатаною) перенесемъ потомъ рѣчь къ (третьимъ) Іудеямъ, имѣющимъ въ себѣ цѣлый образъ худости его (Каина).

Какъ бы не признавъ почтеннымъ свое достоинство, но желая гораздо высшаго своей природы и не сохранивъ границы своего чина, Сатана былъ низверженъ и палъ, какъ бы уличенный чрезъ это отъ Бога и для наученія знать мѣру своей природы. Но по своему упорству не получивъ отсюда никакой пользы, онъ сталъ страдать еще худшею порочностію, нисколько не заботясь о стремленіи къ исправленію своего настроенія, а постаравшись остаться какъ бы въ

неподвижности порочности своей. Когда же былъ созданъ Богомъ первый человѣкъ, согласно повѣствованію Моисея, и продолжалъ еще соблюдать данную ему въ раю заповѣдь, разумѣю о древѣ, то первый возгорѣлся завистью Сатана, будучи какъ бы обличаемъ въ своемъ преступленіи и непослушаніи (Богу) первозданными, пока они соблюдали еще данную заповѣдь,—и хитросплетенными прельщеніями старался увлечь ихъ къ преслушанію. Зная же, что должно послѣдовать за пренебреженіе постановленій Великаго Царя, убѣждаетъ ихъ сдѣлать это и тѣмъ ввергаетъ не причинившихъ ему никакого вреда въ крайнія бѣдствія. Что дѣйствительно преступленіе Адама было дѣломъ діавольской прелести и зависти и чрезъ него (преступленіе) явилась смерть, этому научить какъ самая природа предмета, такъ и со всею ясностію покажетъ слѣдующее изреченіе премудраго Соломона: „Богъ смерти не сотворилъ, но завистью дівола смерть вошла въ міръ“ (Прем. Сол. 1, 13; 2, 24). Здѣсь ясная рѣчь о немъ (Сатанѣ).

Вторымъ потомъ пусть Каинъ выступить предъ нами. Онъ былъ первенецъ Адама, земледѣлецъ по занятію. Вторымъ у него родился Авель, но онъ былъ пастухомъ овецъ. Такъ какъ естественный законъ, безъ наученія влагающій знаніе о Творцѣ, повелѣвалъ имъ приносить жертву Богу,—ибо все доброе всѣяно и вложено въ природу Богомъ: то принесъ „Каинъ отъ плодовъ земли“, какъ написано, „а Авель принесъ отъ первородковъ овецъ и отъ туковъ ихъ,—и воззрѣлъ Богъ на Авеля и на дары его, а на Каина и на жертвы его не внялъ (не обратилъ вниманія),—опечалился Каинъ (опечалилъ Каина) и поникъ лицомъ, и сказалъ Господь Богъ Каину: почему печаленъ сталъ ты и почему поникло лице твое? если не

принесъ ты справедливо и справедливо не выбралъ, развѣ не погрѣшилъ? успокойся“. Потомъ къ Авелю: „къ тебѣ отвращеніе его и ты возобладаешь имъ“ (Быт. 4, 3—7). Итакъ, Каинъ обличался въ томъ, что неправильно раздѣлилъ принесенное (въ жертву), а Авель справедливо удостоивался похвалъ и чести, что и послужило пищею зависти у Каина. Также какъ и Сатана онъ ожесточался противъ вразумлявшихъ его обличеній, а потомъ, одержимый неправедною завистью, какъ мы сказали, коварствомъ преслѣдуетъ брата, уже замысливъ нечестивое убійство: „сказалъ Каинъ Авелю брату своему: пойдѣмъ на поле другое, лучшее этого“ (ст. 8), и его, ничего не подозрѣвавшего, притворно позвавъ на пріятную и роскошную долину, умертвилъ звѣрски и впервые далъ землѣ мертвеца въ той, какъ кажется, мысли, что навѣрно онъ заслужитъ уваженіе къ себѣ, какъ неимѣющей уже соперника себѣ. Но и послѣ убійства лгалъ, ибо когда Богъ спросилъ его: „гдѣ Авель, братъ твой?“ (ст. 9), онъ отвѣтилъ: не знаю и отъ превеликаго безумія прибавилъ сейчасъ же: „развѣ сторожъ брата моего я?“ Едва не говоритъ такъ: Ты, увѣнчавшій его несправедливо, какую пользу принесъ ему, охраняя его? Итакъ, уже вполне ясно можешь видѣть въ немъ какъ бы точно отразившійся цѣлый образъ діавольскаго зла и совершенно полное подобіе его нравственнаго облика.

Теперь наша рѣчь пусть перейдетъ прямо къ безбожію Іудеевъ: усвоивъ имъ подобіе съ порочностію Каина, покажемъ, что они предпринимали противъ Христа тоже, что тотъ противъ Авеля, дабы уже съ полною справедливостію и основательностію онъ могъ называться отцомъ ихъ. Итакъ, первородный былъ Каинъ, какъ мы сказали, но первороднымъ по усы-

новленію между чадами Бога былъ также и Израиль, по сказанному къ Моисею: „сынъ первородный Мой Израиль“ (Исх. 4, 22). Тотъ принесъ въ жертву Богу отъ плодовъ земли, но „не внялъ жертвамъ Его“ Богъ, какъ написано (Быт. 4, 5). Но вѣдь и служеніе подзаконное Израиля, по сказанному, оказывается какъ бы земнымъ, чрезъ тельцовъ, овецъ и плоды отъ земли,—и Богъ также не приѣмлетъ и это служеніе. „Для чего Мнѣ, говоритъ, ладонь отъ Савы несете и киннамонь (благовонный тростникъ) изъ земли издалека?“ (Іер. 4, 20). Также и гласомъ Исаи громко взываетъ: „кто требоваль этого отъ рукъ вашихъ?“ (Иса. 1, 12). Потомъ послѣ Каина появляется Праведный Абель съ намѣреніемъ принести жертву отъ овецъ, ибо послѣ подзаконнаго служенія и съ прекращеніемъ пророковъ пришелъ истинный Праведникъ Христосъ, принося въ жертву Богу и Отцу не плоды отъ земли, но Себя Самого вознесши въ благоуханіе Ему, какъ жертву непорочную за жизнь и спасеніе всѣхъ. И отвергая служеніе подзаконное, какъ земное, Богъ и Отецъ „внялъ“ жертвѣ Спасителя нашего Христа. „Внялъ“ же означаетъ: одобрилъ. Что же еще потомъ? Каинъ подвергся порицанію, какъ раздѣлившій (выбравшій) не право и, обличенный, подвергся недугу зависти, даже безразсудно устремляется къ убійству. Такъ и чрезъ сына Богъ давалъ внушеніе Іудейскому народу, требоваль отъ Іудеевъ лучшаго для дароприношенія, повелѣвая отъ подзаконнаго служенія перейти къ духовному плодоношенію и побуждая перемѣнить букву на истину. Но, избличаемые, они негодуютъ, поражаются отеческою завистью, пылаютъ убійствомъ, и притомъ несправедливо, противъ Спасителя нашего Христа. Каинъ обманулъ Авеля и уведши въ поле умертвилъ его. По-

добнымъ же образомъ и Іудей, сколько это касается ихъ самихъ, обманули Христа, подъ видомъ друга пославъ предателя, который для преданія Его, подойдя, коварно поцѣловалъ, сказавъ: „радуйся, Равви!“ (Матѳ. 26, 49). Но и выведши Его въ поле, то есть за ворота, умертвили, ибо „внѣ вратъ“ (Евр. 13, 12) пострадалъ для насъ и за насъ Христосъ. Видишь отсюда, какъ совершенно никоимъ образомъ не подобными оказываются Аврааму или его потомкамъ, но носятъ образъ своего собственного и дѣйствительно подобающаго имъ отца. Какъ безмѣрно страждущіе сообразнымъ и родственнымъ ему зломъ, они справедливо слышатъ: „вы отъ отца діавола есте и похоти отца вашего хочете творить: онъ человекоубійца былъ отъ начала и въ истинѣ не устоялъ (не стоитъ), потому что нѣтъ истины въ немъ: когда говоритъ ложь, отъ своего говоритъ, потому что лжецъ есть какъ и отецъ его ¹⁾: Я же—потому что истину говорю вамъ, не вѣруете Мнѣ“.

¹⁾ Конецъ 44 ст.: „потому что лжецъ есть (какъ) и отецъ его“ имѣетъ разночтенія и разнотолки. *ἐτι* всѣ слав. яко кромѣ Ал *заке*—въ значеніи причиннаго союза, какъ Ит и Вг *quia* Гот *nam* Тац у Сіаска: *quia* Сир пеш и сін *metel d ier d'* Копт. (изд. Оксф. 1898) Ирия (V, 22, 2) *quoniam?* Елиф (Наег 38, 4; 40, 5; 66, 63) Кир Ал (здѣсь) Злат Авг. др. Это—налюбленная частица причинная у Іоанна (*υαρ* встр. у него сравнительно рѣдко, дважды—*ἐπει*).—*ψεύστης ἐστὶ* слав. *лѣжъ* Остр., *лѣжъ* Зогр Сим Гал, *лѣжъ* Мар Асс Мир Ник, *ложъ(ь)* Ал. Это—прилаг.—*ложивый, лжецъ*, а сущ. жен. р. *лѣжа*—*ψεύδος*, лат. и Вг. *mendax*, тоже Гот. Сир. въ отличіе отъ предш. существительнаго *mendacium*.—*καθὸς καὶ* Кир. такое же чтеніе повторяеть еще Puz. p. 104 (ниже въ толк. 46 ст.) и 94 (выше въ нач. толкованія 44 ст.) и въ толк. на прор. Михея Puz. 651) и *ὡσπερ* (здѣсь въ толк. Іоан. 8, 44 p. 95), *ὡς* безъ *καὶ* мин. 157, *ὡς καὶ* Игн Ант Philad. VI, 1—2 распр. ред. Лат: *sicut et a b c e ff 2 l* (нѣк. оп et). Также повнд. Копт. (Мемф. ed. Oxf. 1898): „потому что (онъ) есть лжецъ, и отецъ его также“, т. е. такой же лжецъ. Но всѣ другіе чит. только *καὶ*—et Вг. Лат. f и g Сир. пеш. *orphetiam, ier coorph- et etiam*, но сін только *v-καὶ—et*,—также всѣ Слав. (Ассем. и одно 15 в. Амф. оп и). Также и толки даются разные. Одни разумѣютъ отца діавола или *δι.μίυρα* (это толкованіе упоминается и опре-

Изреченіе хотя и имѣетъ въ виду приведеннаго здѣсь и указаннаго въ качествѣ отца Іудеевъ Каина,

вергается здѣсь Кирилломъ,—Ипполитъ въ Философуменахъ усваиваетъ это толкованіе Ператамъ V. 15 Migne XVI. 3. 3178. а,—сюда же быть можетъ надо присоединить Псевдо—Іустина Cohort. ad gentes с. 21,—у Епифанія трижды цитуется текстъ въ отдѣлахъ о гностикахъ—Каинитахъ XXXVIII, 4 Dind. 2, 275, Архонтикахъ XL, 5 ib. 294—295 и Мавихеяхъ LXVI. 63. ib. III. 1. 87,—тоже Августинъ In Ioann. tr. XLII, ed. Bened. Paris. 2—а, III. 2. col. 2108,—въ связи съ еретиками, учившими о низшемъ богѣ, неправомъ и виновникѣ Моисеева закона, приводитъ текстъ и Оригенъ, хотя толкуетъ иначе, Migne XII. 289. d—292 а др. Другіе, какъ и св. Кириллъ, подъ *человѣкоубійцею отъ начала* разумѣютъ Каина и Іуду, какъ чадъ діавола, а подъ *„потому что лживъ (какъ) и отецъ его“*—діавола, какъ отца ихъ (ср. Афраата ed. Parisot, col. 784 lin 9—10: „и Спаситель сказалъ къ нимъ: сыны вы есте Каина, а не сыны Авраамъ“,—Епиф. Haeg. XLVI, 63. Dind. III. p. 88—89). Третьи, принимая *ὁ πατήρ* за сказуемое, подъ *αὐτοῦ* разумѣютъ *ψεύστου*: онъ—лжець есть и онъ есть отецъ его—лжеца, т.-е. Каина, Іуды, всякаго лжеца—грѣшника (ср. Поликарпа Philipp. VII, Игнатія Philad. распр. ред. VI, 1—2,—Псевдо-Клим. Рим. Homil. III. 25 ed. Schwegler p. 97,—сюда же быть можетъ надо отнести и вышеприведенный цитатъ изъ Псевдо-Іустина Cohort. ad gentes с. 21,—Климентъ Алекс. Strom. 1, 17 Pott. 368—369,—Оригенъ XII, 292. а ср. 1195. а, 1196. а, 359. а др.,—Дидимъ, Златоустъ, Августинъ, Ефремъ, Макарій др.). Имѣются наконецъ въ древности и слѣды отнесенія *αὐτοῦ* къ дальнѣйшему предшествовавшему *ψεύδος*, очевидно чрезъ олицетвореніе его въ личномъ и ближайшемъ *ψεύστης*. Такъ въ Арабскомъ текстѣ Таціанова Діамессарона по изд. Ciasca (cap. 35, pag. 136, lin. 3—4), согласно библейскому арабскому тексту у Walton'a, чит. такъ: „и когда говорятъ ложь (כִּזְבוּ—כִּזְבוּ Библ. כִּזְבוּ Ciasca—оба жен. р. ед. ч.), отъ своихъ (своего) говорить, *потому что онъ (כִּזְבוּ) есть лжець* (Библ. כִּזְבוּ Ciasca כִּזְבוּ—сущ. или прил. муж. р. ед. ч.) *и отецъ лжи* (Биб' и Si: כִּזְבוּ—כִּזְבוּ)). Правда, Ciasca внизу подъ чертою приводитъ вариантъ безъ сигла: כִּזְבוּ—и *отецъ его*, (суфф. муж. рода—лжеца, а не „ея“—т.-е. „лжи“—жен. рода), но принадлежит ли вариантъ собственно Таціанову Діамессарону или Библейскому тексту,—откуда онъ взятъ и не есть ли это конъектура самого Чіаски—все это утаено издателемъ. (Замѣчаніе его на стр. XIV предисловія, что къ вариантамъ двухъ кодексовъ Ватик. (А) и Бордж. (В) etiam tribui debent lectiones nulla litera notatae, насколько не посвяняетъ подобнымъ вариантовъ). Весьма однакожъ замѣчательно совпаденіе съ этимъ оригинальнымъ для древности чтеніемъ выраженіе Ефрема Сирина, какъ извѣстно, пользовавшагося Таціановымъ Діамессарономъ, причемъ о вліяніи Арабскаго перевода на сирскія сочиненія Ефрема рѣчи конечно быть не можетъ,—у Assem. 1, 560. F. כִּזְבוּ כִּזְבוּ—*отецъ лжи* (сущ. жен. р. ед. ч.) о сатанѣ, какъ чтимомъ язычниками народами отцѣ и богѣ своемъ, въ связи съ Іоан. 8, 44: *ея отъ отца*

но расширяется и до болѣе общаго значенія, ибо силу словъ Своихъ Господь не ограничиваетъ его только

дiавола есте. Оносительно другихъ древнихъ переводовъ замѣтимъ: Итал. и Вулг. *cum loquitur mendacium ex propriis loquitur, quia mendax est et pater ejus* и вар *sicut et* только толкуютъ *ὅτι* въ причин. значеніи, а во всемъ прочемъ не содержатъ ничего болѣе соотвѣтствующихъ чтеній подлинника,—Сир Пеш „и когда (ⲓⲛⲁⲓⲛⲁⲓ) говорить (ⲙⲙⲗⲗ) ложь (ⲙⲙⲗⲗⲛⲁⲓ)—жен. р. ед. ч.), отъ себя онъ говоритъ, *потому что* (ⲙⲙⲗⲗ) ложецъ (ⲓⲛⲁⲓ—муж. р. ед. ч.) есть онъ (ⲓⲛⲁⲓ) *даже* (или *также* ⲛⲁⲓ) *отецъ его*“ (ⲓⲛⲁⲓ—суфф. мѣстоим. 3 л. ед. ч. муж. р. слѣд. или *ложца* или *дiавола*, то есть: „*потому что* (онъ) *ложецъ есть, даже* (или *также*) *отецъ ложца*“,— или: „*потому что* ложецъ *есть также отецъ его* (дiавола)“. Сир. Иер. „когда (ⲛⲁⲓ) *будеть* (бываетъ) *говорящимъ* (ⲓⲛⲁⲓⲙⲙⲗⲗ) *лжи* (ⲓⲛⲁⲓⲙⲙⲗⲗ—мн. число), отъ себя онъ говоритъ,—*потому что онъ* (ⲓⲛⲁⲓ—тотъ, что,—который онъ) *ложецъ* (ⲓⲛⲁⲓⲙⲙⲗⲗ) *есть* (или *ложецъ онъ* ⲓⲛⲁⲓ) *и также* (или *и даже* ⲛⲁⲓ) *отецъ его* (ⲓⲛⲁⲓ—суфф. муж. р. ед. ч., то-есть *дiаволъ есть также и отецъ ложца* или *и отецъ дiавола есть также ложецъ*. Сир. Син. „и когда (ⲓⲛⲁⲓ) *говоритъ ложь* (ⲓⲛⲁⲓⲙⲙⲗⲗ *сущ. жен. р. какъ у* Ефр.), отъ себя говоритъ, *потому что* (ⲙⲙⲗⲗ) *ложецъ* (ⲓⲛⲁⲓ) *онъ* (ⲓⲛⲁⲓ—*есть*) *и отецъ его* (ⲓⲛⲁⲓⲙⲙⲗⲗ—суфф. муж. р. ед. ч. т.-е. или *дiавола* или *лжеца*). Копт. (Мемф.) изд. Океф. 1898 г. „*потому что* (онъ) *есть лживъ, и его отецъ также*“. Въ древне-славянскихъ текстахъ также различаются *лжеца* жен. р. и *лживъ*—*лжый*—*лживый*, *лжець*—муж. р. Поэтому и въ славянскомъ: „егда глаголетъ *лжу*, отъ своихъ глаголетъ, яко (значить и „что“ и „потому что“, какъ и греч. *ὅτι*, только Ал *зае*) *ложъ* *есть* и *отецъ его*“ мѣстоименіе *его* можетъ относиться только или къ „*ложъ*“, т.-е. *отецъ ложца*, или къ *дiаволу*, т.-е. *отецъ дiавола*. Конъектура ркп. „*ея*“ и поздн. печ. Кут. 1662 г. *лжи*, относящая греч. *αὐτοῦ* къ *ψεῦδος* *экзегетически* конечно допустима по примѣру Ефрема Сирина и Араб. Діатессарона, но въ интересахъ *точности перевода и его авторитетности* (въ древнихъ текстахъ нѣтъ такой поправки) не можетъ быть одобрена (Ср. Blass Gramatik des Neut. Griechisch, 2-te ault. S. 170 Апт. 1 ср. § 47, 3. 10. и еще § 48. 6. S. 169,—Schmiedel—Winer, Gramatik des Neut. Sprachidioms II. 1. § 18, 8 ср. § 19, 14, и еще § 22. 9). Удовлетворительность даннаго въ древнихъ переводахъ и изъясненіяхъ толка (противъ манихейскаго отца дiаволова—димиурга говорить Іоан. 5, 43, гдѣ вопреки Христу, говорящему во имя Отца Своего—Бога, дiаволъ или антихристъ представляется говорящимъ не отъ лица другого, но *ἐν τῷ ὀνόματι τῷ ἰδίῳ*—слѣд. *ἐκ τῶν ἰδίων λέγει* 8. 44 указываетъ на дiавола, какъ на конечное первоначало зла и лжи,—и вообще мысль объ отцѣ дiавола—димиургѣ чужда новозавѣтнымъ писателямъ, въ частности Іоанну) устраняетъ надобность въ придумываніи новыхъ возможностей, кромѣ чисто филологическихъ затрудненій, всегда долженствующихъ имѣть противъ себя столь вѣскій аргументъ, какъ филологическое и экзегетическое чувство толкователей глубочайшей древности. Такъ напримѣръ возможенъ толкъ, принимающій *οτι* за „что“, а

правами, но относитъ ко всякому сходному съ нимъ, примѣняя частное свойство одного ко всякому подобному. Итакъ, когда Каинъ, сказано, или другой кто ему подобный лжець высказываетъ ложь, то онъ отъ собственнаго какъ бы сродства (отъ своей собственной природы) говоритъ. Въ томъ, что онъ узнаетъ отъ своихъ вождей и отъ первоначальнаго зла, обративъ ложь какъ бы въ природную потребность, онъ подражаетъ своему отцу, ибо говоритъ ложь. Поэтому, говоритъ, если у него и отецъ оказался лжелюбцемъ, онъ какъ бы уже естественными законами влечется

не за „потому что“, и „отецъ его“ за подлежащее при сказуемомъ „лжець есть“, причемъ можетъ разумѣться Богъ, какъ „отецъ“ или „дѣвола“ или „Христа“. Переводъ будетъ возможенъ такой: „когда говоритъ ложь, отъ себя говоритъ, (а именно) что лжець есть и отецъ его“. Разумѣя подъ „его“—дѣвола, можно будетъ видѣть (ср. Злат. къ эт. м.) указаніе на известный библейскій разсказъ о соблазнѣ прародителей дѣволомъ-змѣемъ указавшимъ на то, что будто бы Богъ сказалъ ложь о смерти, какъ слѣдствіи нарушенія заповѣди. (Быт. 3, 3—5). Но такое толкованіе можетъ встрѣчать затрудненіе со стороны грамматическаго строя предложения, обобщающаго проявленія лжесловія (отсюда Пеш. множ. ч. *dglin*) дѣвола (*d̄tan lal̄l̄*), и безъ всякихъ субъективныхъ ограниченій, какъ безусловно-объективная истина, выраженное положеніе: „лжець есть и отецъ его“. Это второе замѣчаніе не позволяетъ толковать проявленіе дѣвольскаго лжесловія и безъ историческихъ ограниченій, а вообще такъ: дѣволь отъ себя самого (какъ первоначальникъ всякаго зла вообще и жи въ частности) говоритъ всегда ложь (такую), что (будто бы) лжець есть и Отецъ его—дѣвола, т.-е. Богъ,—такимъ образомъ своею ложью дѣволь набрасываетъ тѣнь и на истинность Бога, выставляя Бога такимъ же лжецомъ, каковъ есть и самъ онъ—дѣволь. Кромѣ того, Самъ Богъ, Верховное Первосущество, какъ „отецъ дѣвола“, есть нѣчто мало-библейское, даже виѣгностическое, ибо отцомъ дѣвола гностики считали не самого Бога, но низшаго диміурга. Хотя догматически допустима мысль, что, какъ Благій Творецъ, Богъ желаетъ быть отцомъ всѣхъ Своихъ тварей, т.-е. чтобы всѣ они были богоподобны и добры какъ Богъ. Но сама тварь (дѣволь) не хочетъ быть богоподобною, не желаетъ сыновства Богу и признаетъ Бога не отцомъ, а врагомъ своимъ. Возможно наконецъ слова: „лжець есть и Отецъ его“ принимать за рѣчь дѣвола (какъ бы за цитацію словъ дѣвола въ рѣчи Господа), подобно 1 Иоан. 4, 20,—и „Его“ относитъ ко Христу (срав. для уясненія 1 Иоан. 1, 10,—24, особ. 2, 22—23 и 5, 10). Но и этому толкованію противорѣчитъ все древне экзегетическое преданіе.

къ дѣдовскому и отцовскому неблагородству, въ себѣ самомъ показываетъ ихъ худость и, порочность предковъ дѣлая достославнымъ образцомъ своихъ нравовъ и жизни, отличается конечно и своими собственными пороками. Если же это обыкновенно такъ бываетъ и порочность предковъ, отражаясь въ единоправныхъ съ ними потомкахъ, сообщаетъ этимъ послѣднимъ названіе дѣтей тѣхъ: то что препятствуетъ вамъ вѣрять и Мнѣ, говорящему истину, потому что именно отъ Истиннаго Отца рожденъ Я, а не отъ кого либо какъ вы нечестиво вообразили, изъ земныхъ, чрезъ блудъ и незаконное сожитіе?

Такія слова могъ употребить Господь противъ Іудеевъ. Но надо знать, что у людей или разумныхъ духовъ родствомъ оказывается то сходство, какое имѣютъ они въ нравахъ и жизни между собою и съ отцомъ всякаго зла діаволомъ. Только по отношенію къ Единородному въ образъ созерцаемаго берется (само) существо дѣла, такъ какъ Онъ является совершенно полнымъ образомъ (Бога Отца) и единоприродность у Него съ Отцомъ природная и по существу. Будучи отъ Него истинно и вмѣстѣ съ природными свойствами и совершеннымъ во всемъ подобіемъ имѣя у Себя все, что есть у Него (Отца), Онъ оказывается образомъ, отраженіемъ и начертаніемъ Своего Родителя. Поэтому если истиненъ Отецъ, то истина конечно есть и Тотъ, Кто отъ Него (рожденъ), то-есть Христось.

VIII. 46. Кто изъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ? ¹⁾

Не ожидающаго обличеній это вопросъ, но, напротивъ, уничтожающаго и всецѣло отрицающаго воз-

¹⁾ D и нѣк оп весь стихъ и вм *ἐλέγχει* немн неавтор чит—*χρ*. Вм *отъ* древнелт и позд изъ Ал. Онъ же: *обличитъ*, слѣдую худш. чтенію (и одинъ XV Амф). Въ Асс оп *о грѣсѣ* и одно XV въ Амф оп весь стихъ.

возможность впаденія въ грѣхъ Тому, Кто есть яви-
 вшійся отъ Бога Истинный Богъ, ибо „грѣха не со-
 творилъ“ Христосъ (1 Петр. 2, 22). Всякій грѣхъ по-
 лучаетъ свое происхожденіе вслѣдствіе перемены изъ
 лучшаго въ худшее,—порождается онъ у существъ
 подверженныхъ измѣненіямъ и способныхъ перехо-
 дить къ недолжному. Какимъ же образомъ можно
 представлять согрѣшающимъ Того, Кто не вѣдаетъ
 перемѣнъ и неспособенъ переходить къ чему либо
 неподобающему, но, напротивъ, неизмѣнно пребываетъ
 въ Своихъ врожденныхъ Ему благахъ, притомъ не
 отъ другого кого, но отъ Себя же Самого? Итакъ,
 Господь вопрошаетъ Іудеевъ о томъ, могутъ ли они во-
 обще избличать Его во грѣхѣхъ? Разсужденіе это, по-
 нимаемое въ общемъ смыслѣ, должно простираться
 конечно на всякое прегрѣшеніе вообще. Но кромѣ
 того, примѣняя его надлежащимъ образомъ къ пред-
 мету рѣчи, замѣтимъ, что не о всякомъ грѣхѣ спра-
 шиваетъ въ настоящемъ случаѣ и въ ожиданіи обли-
 ченій дѣлаетъ это, но разсуждаемъ объ этомъ такъ:
 всегда особенно стараясь устыдить грѣхъ Іудеевъ,
 Онъ не желалъ чрезъ это снова возбуждать ихъ къ
 тѣмъ же обвиненіямъ, о которыхъ мы говорили ранѣе,
 именно: „не за доброе дѣло побиваемъ Тебя камнями,
 но за богохульство и за то, что Ты, человекъ будучи,
 дѣлаешь Себя Богомъ“ (Іоан. 10, 33). Сюда присо-
 единяли еще и нарушеніе субботы, за что считался
 Онъ большимъ преступникомъ закона. Итакъ, грѣхомъ
 въ настоящемъ случаѣ называетъ ложь. Если я, го-
 ворить, отнюдь не могу быть обличенъ какъ лжецъ,
 то чего же ради вы рѣшились невѣрить Мнѣ, Кто
 всегда истиненъ и говорю совершенно ясно, что ро-
 дился отъ Истиннаго Отца и что лжи не знаю? Дайте
 же наконецъ власть несомнительной вѣрѣ въ то, что

и Я конечно истиненъ, когда говорю о Себѣ: „Я отъ Отца изшелъ и пришелъ“ (8, 42), а о васъ, что отецъ вашъ—дѣволъ (ст. 44), ибо лжецы и убійцы вы такіе же, какъ и онъ. Обличаетъ же ихъ въ убійствѣ съ благою цѣлью какъ бы предупредить чрезъ это ихъ замыслы. Вѣдь грѣхъ, при обличеніи, часто устыжается, и какъ бы отступаетъ, не находя нигдѣ средствъ къ дальнѣйшему движенію и распространенію. Но, скрывшись по видимости, онъ всегда устремляется къ большому и несдерживаемый препятствіями увлекается къ послѣдному предѣлу худа.

VIII. 46. *Аще истину глаголю, почто вы не вѣруете Мнѣ? 1).*

Часто обращается къ повтореніямъ, когда видитъ, что слушатели не понимаютъ Его. Весьма подобающее это для учителей дѣло—не лѣниться всякимъ способомъ раскрывать сразу не понятую мысль, чтобы внѣдрять ее въ душахъ слушателей. Итакъ, „когда лжецы, сказалъ, говоритъ ложь, (то онъ) отъ своего говоритъ“, ибо (онъ) лжецы есть какъ и отецъ его“. Почему, не думая и не совершая родственнаго сказанному (Мною), вы не вѣруете и Мнѣ, говорящему истину, почему Я являюсь (какъ будто бы) говорящимъ противъ истины, хотя Я также истиненъ, какъ и Отецъ? Повидимому изобличаетъ здѣсь Іудеевъ въ томъ, что они не могутъ вмѣстить словъ истины потому, что они не суть сыны истины. Ложно они называютъ своимъ отцомъ Бога, когда говорятъ: „одного отца имѣемъ—Бога“, ибо Богъ, будучи всецѣло истинною, радуется истинѣ и желаетъ, чтобы поклоняющіеся Ему поклонялись

1) Греч. нѣк. приб. *δε*, Ал. *аще же*, Мар. и нѣк. поздн. *ми*, но въ другіе только: *аще*, соотвѣт. лучшему греч. чтенію. Ал. *не вѣруете Ми*, другіе: *не смлите отъры Мнѣ*. Весь стихъ опуск. код. D и № 4 Амф. 15 в.

„*въ истинѣ и духѣ*“ (Іоан. 4, 24). Напротивъ чада истинны охотно принимаютъ родственное (ей) то-есть истину. *Вы же не вѣруете* Мнѣ, говорящему истину, потому что вы—не сыны истины.

Господь, какъ думается мнѣ, говоритъ здѣсь къ Іудеямъ нѣчто такое, что со всею ясностію можно увидѣть и въ примѣненіи къ другому кому либо. Напримѣръ къ распутному сыну или слугѣ или сосѣду цѣломудренный человѣкъ можетъ обратиться съ такою рѣчью: если, порицая блудъ, я представляюсь тебѣ цѣломудреннымъ и всецѣло отстраняющимъ отъ себя подозрѣніе въ этомъ порокѣ, то почему же ты не слушаешься и не вѣришь Моимъ словамъ, что это дурное и скверное дѣло? На такой вопросъ онъ не станетъ конечно отвѣчать отрицаніемъ, но, указывая на его непослушаніе, ясно изобличить его въ томъ, что, предаваясь распутству, онъ не слѣдуетъ увѣщанію къ цѣломудрію.

Тоже самое мы должны думать и объ Іудеяхъ, когда Христосъ сказалъ: „*если истину говорю, почему не вѣруете* Мнѣ?“ Подобнаго рода вопросы всегда предполагаютъ сознаніе вопрошаемыхъ, служащее къ изобличенію ихъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ именно того, чего требуютъ отъ нихъ?

Обрати также вниманіе на то, что не безусловно и не вообще говоритъ: „*почему не вѣруете* Мнѣ, но присоединилъ еще „*вы*“. Этимъ указалъ на самыхъ свирѣпыхъ невѣровъ и на то, что могли присутствовать нѣкоторые съ болѣе благороднымъ образомъ мыслей и въ своихъ нравахъ не сохранявшіе точныхъ чертъ безнравственности Каина, но стремившіеся къ тому, чтобы сдѣлаться чадами Бога. Должно, полагаю, думать, что не всѣ безъ исключенія Іудеи были погружены въ неудержимое безуміе, но были нѣкоторые,

имѣвшіе *ревность о Богѣ*, какъ говоритъ Павелъ (Рим. 10, 2), *впрочемъ не по разуму*, и потому нѣсколько медлительными оказавшіеся въ вѣрѣ. Между настроенными такъ мы должны обвинять въ особенности тѣхъ, кои воспламенялись гнѣвомъ и неудержимо устремлялись къ убійству, преимущественно нечестивыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Къ нимъ-то всего болѣе и направлены слова: „*почему вы не вѣруете Мнѣ*“, ибо Христосъ особенно имъ усволяетъ безмѣрное невѣріе. Вѣдь они были вождями и убѣждали своихъ подвластныхъ содѣйствовать ихъ злодѣйствамъ. Поэтому они справедливо обвиняются въ томъ, что взяли ключъ знанія, но и сами не входили, и другимъ препятствовали (Лук. 11, 52). Итакъ, слово „*вы*“ имѣетъ особенное и преимущественное отношеніе къ вождямъ.

VIII. 47. Иже есть отъ Бога, глаголовъ Божиихъ не слушаетъ: сего ради вы не слушаете, яко отъ Бога нѣсте ¹⁾).

Въ выраженіи „отъ Бога“ не подобаетъ видѣть указаніе на то, что существуютъ какіе-то рожденные какъ бы изъ Его существа, что нелѣпо. Но нельзя понимать и въ смыслѣ изреченія Павла: „все отъ Бога“ (2 Кор. 5, 18),—то-есть такъ какъ Онъ есть дающій всему бытіе Творецъ и Создатель, то божественный Павелъ и говоритъ, что все изъ Него. Поэтому нельзя такъ понимать это изреченіе Господа, что отъ Бога суть всѣ дурные и добрые, поскольку Онъ—Творецъ всего. Выраженіемъ „отъ Бога“ ука-

¹⁾ Нѣк. вм. *акоже чит. неслухъ*. Въ D G и 113 оп. *бгг—богг*, въ Сир снхъ нѣтъ „отъ Бога“, а только: „потому что вы есте“ Ал. *иже снх*. Острог. Мст. Мар. Зогр. *глаголъ бжи*, Мир и *гль бжеи*. Ник *глаголы бжихъ*, Ал *гль бых*, Коист и поздн: *глы бжия*. Сим. *слушаетъ* (Арх. оп.). Мар. *сего безъ ради*. Ал. *неслушаете отъ бга нѣсте* Остр. Мст Ник Ал *нѣсте отъ бга* Мар Зогр Асс Гал Мир

зываетъ на того, кто по добродѣтели и согласной съ закономъ жизни уподобляется Богу и удостоивается какъ бы сродства съ Нимъ, почему Богъ и ставитъ таковыхъ въ число чадъ Своихъ. Итакъ, „*сущій отъ Бога*“, говоритъ, скоро и охотно восприметъ божественныя слова, ибо родственное всегда какъ то мило и близко. А кто не отъ Бога, то-есть нисколько не почитающій близость къ Нему, не станетъ съ удовольствіемъ внимать божественнымъ словамъ: добро не легко внѣдряется въ дурныхъ людяхъ, не бываетъ у нихъ достойнаго соревнованія влеченія къ добродѣтели, такъ какъ умъ у нихъ преисполненъ крайней испорченности и стремится къ одной только своей волѣ.

Когда же говоритъ Христосъ: „*сущій отъ Бога глаголы Бога слышитъ*“, то никто да не думаетъ, что повелѣваетъ намъ усвоить божественныя слова однимъ только тѣлеснымъ слухомъ, ибо кто изъ людей, какъ бы ни былъ онъ дуренъ, былъ бы не въ состояніи слышать всякаго рода рѣчи, если только чувство слуха не отнято у него вслѣдствіе болѣзни? Слово же „слышитъ“ употребляетъ здѣсь вмѣсто „сочувствуетъ, слушается и скрываетъ въ умъ свой“ согласно сказанному въ книгѣ Притчей: „премудрый сердцемъ восприметъ заповѣди“ (Притч. 10, 8). Какъ какой либо неясный звукъ или ударъ, пронесшись и напрасно потревоживъ ухо, слово исчезаетъ изъ сердца неразумныхъ и горделивыхъ, напротивъ въ сердце разумныхъ входитъ какъ въ плодотворную пашню.

Весьма ясно обличая безуміе Іудеевъ и открывая ихъ безстыдное злословіе, Господь говоритъ, что Его слова суть слова Бога. Научаетъ ихъ мыслить о Немъ подобающимъ образомъ, — не считать Его дѣйстви-

тельно родившимся отъ Іосифа или кого другого изъ земныхъ, но вѣровать, что Онъ явился изъ существа Бога Отца какъ Богъ отъ Бога, что понявъ, они негодуютъ и воспаляются сильнѣйшею яростию, прилагая „беззаконіе къ беззаконію своихъ“, какъ написано (Пс. 68, 28), чрезъ что наносятъ Ему еще большія оскорбленія.

VIII. 48. *Отвѣщаше Іудеи и рѣша Ему: не добръ ли глаголемъ мы, яко Самарянинъ еси и бѣса имаши? ¹⁾*

Заслуживаетъ слезъ опять эта тупость Іудеевъ и чрезмѣрная глупость. Уловляются своими собственными голосами, подобно звѣрямъ, когда они бросаются на охотниковъ и попадаютъ на ихъ ножи. Обличаемые въ томъ, что лжесловіе обычно и свойственно имъ, они тотчасъ же доказываютъ истинность этого обличенія и свирѣпѣютъ, слыша отъ Спасителя, что они не отъ Бога. И безъ всякаго промежутка времени являютъ въ себѣ точнѣйшій образъ зла дьявольскаго. Бога, явившагося отъ Бога, они дерзаютъ называть Самаряниномъ и бѣснующимся, сами напротивъ имѣя въ себѣ свирѣпаго и богоборнаго бѣса, ибо никто не скажетъ: „анаѰема Іисусъ“, какъ только Веельзевуломъ, по слову Павла (1 Кор. 12, 3). Итакъ, и здѣсь они оказываются лжецами, гордецами и ругателями и, какъ привыкшіе богоборствовать, получаютъ подобающее наказаніе отъ Всемогущаго Судіи.

Слѣдуетъ опять и здѣсь искать причину, по которой называютъ Господа Самаряниномъ и бѣснующимся. Предпосланныя ими слова: „не хорошо ли мы

---

¹⁾ Въ древнихъ Слав. какъ и греч. вѣтъ *убо* (Кіев. 1788 и тепер.) или *же* (Ник. Ал.). *Іудеи* всѣ древнесл. и Ал. вм. тепер. *Іудее* (Ник. *іудеи*). *Глаголемъ мы*—всѣ древніе греч. и слав. вм. тепер. *мы глаголемъ* согг. греч. *В* и *вѣк*.

говоримъ“ даютъ видѣть, что по какимъ то причинамъ и бранятъ Его Самаряниномъ и держатъ еще на другое названіе Его (бѣсноватымъ). Самаряниномъ называютъ Его за то, что Онъ безразлично относился къ заповѣдямъ закона и ни во что вмѣнялъ нарушеніе субботы. Вѣдь іудейство у Самарянъ было не полное, ихъ культъ представлялъ смѣшеніе нѣкоторое съ чужестранными обычаями и еллинскими. Или же по другой причинѣ называютъ Его Самаряниномъ, именно потому, что Самаряне имѣли обыкновение лживо хвастаться своею чистотою и осуждать другихъ какъ оскверненныхъ. Подъ этимъ, полагаю, предлогомъ „не сообщаются Іудеи съ Самарянами“, по написанному (Іоан. 4, 9), — отказываются отъ общенія также и съ нѣкоторыми другими, отвращаясь нѣкоторымъ образомъ отъ являющагося вслѣдствіе этого оскверненія, поскольку эта болтовня представляется имъ справедливою.

Осуждая злонравіе Іудеевъ, Господь называлъ ихъ сынами діавола, Себя же Самого неповиннымъ грѣху, свидѣтельствуя о всецѣлой чистотѣ Своей въ словахъ: „кто изъ васъ обличаетъ Меня во грѣхѣ?“ (выше ст. 46). Въ этихъ словахъ Онъ со всею очевидностію приписываетъ Себѣ совершеннѣйшую чистоту благодаря невозможности подпасть грѣху,—а называя Іудеевъ чадами сатаны, Онъ осуждаетъ ихъ какъ оскверненныхъ и имѣющихъ преисполненный всякой нечистоты умъ, что и истинно.

Вотъ почему называютъ Его Самаряниномъ, а бѣснующимся еще обзываютъ потому, что подобающую Богу честь бѣсы обыкновенно присвоятъ себѣ и безсовѣстно похищаютъ славу Божию. Это именно, по ихъ мнѣнію, и дѣлаетъ Христосъ, когда, будучи человекомъ, ставитъ Себя на мѣсто Бога въ словахъ:

„сущій отъ Бога глаголы Бога слышитъ“ (ст. 47), являя такимъ образомъ, что эти глаголы Божіи суть и Его собственные слова. Таковъ былъ предлогъ у Іудеевъ для порицанія, вѣрнѣе хуленія противъ Него, — и по такому побужденію они говорили Ему вышеприведенныя слова, что и обезопасило для нихъ вѣчный огонь.

Приходится мнѣ удивляться имъ опять и здѣсь. Гнѣваясь на то, что ихъ часто называли сынами діавола и лжецами, они на дѣлѣ показываютъ присутствіе въ себѣ этой вины, между тѣмъ какъ наоборотъ, посредствомъ стремленія къ добродѣтели надлежало бы отклонять это обвиненіе. Вѣдь любовь къ ругательству и не присущее кому либо называть присущимъ свойственно отнюдь конечно не тѣмъ, кои причислены къ чадамъ Божиимъ, но сынамъ діавола. А они, жалкіе, не только ругаютъ, изрекая ложь на свои головы, чтобы не сказалъ на Христа, но и утверждаютъ, что „прекрасно“ это дѣлаютъ, нисколько не сознавая своей порочности, что служитъ доказательствомъ крайней слѣпоты.

VIII. 49. *Отвѣща Іисусъ: Азъ бѣса не имамъ, но чту Отца Моего, и вы не чтете Мене ¹⁾.*

Рѣчь отличается кротостію, но вмѣстѣ и большек-рѣшительностію. Весьма выразительно говоритъ: „Я бѣса не имѣю“, и, какъ бы противопоставляя Себя имъ, являетъ Себя свободнымъ отъ порицанія за это, но наоборотъ—показуетъ, что въ дѣйствительности это относится къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они дѣйствительно не имѣли бѣса, то безъ сомнѣнія испугались бы называть бѣснующимся Того, Кто по-

¹⁾ Ѵ и нѣк. приб. καὶ ἐλεῖν, какъ и нѣк. Слав. Амф. и рече имъ. Ал: а вы беществите.

средствомъ дѣлъ засвидѣтельствованъ предъ ними какъ Богъ. Поэтому весьма цѣлесообразно говорить: „*Я не имѣю*“, какъ бы перенося это обвиненіе на нихъ и именно имъ въ дѣйствительности усвоая такое состояніе (бѣснованія). Итакъ, *Я*, говорить, *не имѣю*, но вы очевидно (имѣете)—*бѣса*, но *что* Моего *Отца*, называя Себя Самого Богомъ и явившимся отъ Бога и утверждая, что не знаю грѣха. Вѣдь Богомъ быть конечно надлежитъ Тому, Кто отъ Бога,— и Сущій отъ Невѣдущаго грѣха долженъ оказываться такимъ же, каковъ Тотъ, отъ Кого Онъ есть. Въ противномъ случаѣ Мнѣ необходимо было бы отказаться отъ противорѣчія вамъ и *Я* не сталъ бы говорить о Себѣ такія высокія слова. Вѣдь для Бога не было бы никакой чести, если бы о Немъ думали, что Онъ имѣетъ такого сына, который не есть Богъ. Нисколько бы, говорить, не былъ почтенъ Отецъ, если бы Онъ назывался отцомъ того, кто впадаетъ въ грѣхъ. Итакъ, свидѣтельствуя о Своей собственной славѣ, *Я*, говорить, отнюдь не поношу, какъ вы предполагаете, но напротивъ *что* Моего Родителя.

Что Его также и другимъ образомъ, именно когда говорю со всею справедливостью о васъ, что вы не отъ Бога, такъ какъ о дошедшихъ до такой злобы и погруженныхъ во всякую порочность не подобаетъ говорить, что они отъ Бога. Богъ чтить и удостоиваетъ близости къ Себѣ конечно не лжеца, ругателя, хулителя, гордеца и обидчика, ни склоннаго къ неправедному убійству, но честнаго, кроткаго, благочестиваго, боголюбиваго и добраго. Итакъ, и тѣмъ еще *что* *Отца*, что поставляю внѣ общенія съ Нимъ тѣхъ, кои подвержены крайнему нечестію. А *вы* опять и дѣлающаго это *безчестите* и нападаете на Его похвалы Отцу, такъ что оказываетесь нечестивцами не только

противъ Сына, но уже и противъ Самого Отца. Вѣдь если Я, свидѣтельствуя о Своей высотѣ, тѣмъ самымъ *чту* Родителя Моего, то безъ сомнѣнія *обезчеститъ*, говорить, Его тотъ, кто станетъ подвергать чрезмѣрнымъ поношеніемъ Сущаго отъ Него (Его Сына).

Такъ всесторонне подтверждаетъ Христосъ Свои слова и ясно открываетъ, что Онъ есть Богъ по природѣ,—и чрезъ то, говоритъ, посредствомъ чего читается Отецъ, при совершенномъ отсутствіи общенія съ Нимъ въ толпѣ нечестивцевъ, являетъ Іудеевъ совсѣмъ чуждыми Богу; ибо что можетъ быть нечестивѣе такихъ рѣчей ихъ?

VIII. 50. Азъ не ищу славы Моея: есть ищя и судя ¹⁾).

Со всею ясностью въ этихъ словахъ открывается справедливость сказаннаго Петромъ о Спасителѣ нашемъ: „Онъ, бранимый, не воздавалъ бранью,—стрададая не грозилъ, а предавалъ Судящему право“ (1 Петр. 2, 23). Въ самомъ дѣлѣ, смотрите, какъ Онъ, хотя нечестивцы высказываютъ Ему ужасныя и невыносимыя оскорбленія и это слышитъ Онъ часто, а не одинъ разъ,—переноситъ со свойственною Ему благостію и отнюдь не выступаетъ изъ подобающаго Ему поведенія, дѣлая и это въ образецъ намъ, дабы по „слѣдамъ Его“ стараясь ходить, мы не оказывались воздающими „брань за брань“, ни другое какое либо „зло за зло“ (1 Петр. 3, 9) наносящимъ намъ оскорбленія, но напротивъ побѣждали „добромъ зло“ (Римл. 12, 21). Итакъ, „*Я не ищу славы Моей*“, говорить,—и это оказывается говорящимъ не потому, чтобы считалъ дѣломъ безопаснымъ желаніе оскорблять Его или поощрять кого либо доходить до такого не-

¹⁾ Кир. и нѣк. оп. *де*, какъ нѣк. слав. поздн. Амф. Но древнеслав. согл. автор. греч.: *азъ же* и Ал.

честія,—напротивъ этимъ Онъ высказываетъ слѣдующее: Я пришелъ, говорить, не съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти отъ васъ славу Себѣ, или вообще стремясь къ какой либо почести и блестящей молвѣ о Себѣ, ибо Я унижилъ Себя,—будучи въ образѣ Бога и Отца, сталъ ради васъ подобнымъ вамъ человѣкомъ,—даже не почелъ для Себя недостойнымъ принять образъ раба, имѣя возможность остаться въ равенствѣ съ Богомъ и Отцомъ и обладать превышающею умъ и слово славою,—какимъ же еще образомъ обо Мнѣ можно думать, что Я ищу славы отъ кого либо, а не наоборотъ желаю пребыть въ добровольномъ безславіи для пользы другихъ?

Или это говоритъ здѣсь Христосъ, или же другимъ образомъ можно понимать то, что Онъ не ищетъ Своей славы. Вѣдь Онъ могъ тотчасъ же наказать оскорбителей Своихъ и совершить за хуленіе судъ надъ ними, какъ надъ нечестовавшими противъ Самого Господа всяческихъ. Однакожъ Онъ переноситъ молчаливо обиду и является терпѣливымъ настолько, что не хотѣлъ воздать обидою Своимъ оскорбителямъ даже и однимъ только простымъ словомъ. Но чтобы нечестіе противъ Бога кому либо не показалось дѣломъ не важнымъ, Онъ считаетъ необходимымъ тутъ же дать и нѣкоторое предохраненіе отъ этого и выставилъ противъ этого гнѣвъ Отца. Хотя Сынъ и незлобивъ и не мститъ тотчасъ же за Свою славу (за оскорбленіе Себя), но Отецъ, говоритъ, этого не допуститъ. Онъ будетъ отмстителемъ и возстанетъ на хулителей, не въ качествѣ защитника кого либо другого и не изъ желанія воздать должное за оскорбленіе одного изъ святыхъ, но именно за грѣхъ, направляющійся противъ Него Самого. Вѣдь между Отцомъ и Сыномъ нѣтъ ничего раздѣляющаго Ихъ,

поскольку это касается, говоримъ, до тожества сущности, хотя Каждый и долженъ мыслиться существующимъ особо (лично). Поэтому Господь нашъ Иисусъ Христосъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „не чтущій Сына, и Отца не чтитъ“ (Іоан. 5, 23). Сынъ имѣеть въ Себѣ Самомъ природно (по природѣ) Отца сопрославляемымъ и въ качествѣ другаго сосуществующимъ особно. Также опять и Отецъ имѣеть въ Себѣ Сына, какъ общника сущности, и такимъ образомъ славы во всемъ. Итакъ, подвергнутся наказанію несчастные Іудеи за хуленія Господа и Сына, оказавшись нечестивцами противъ всей Единосущной (*ἑμοούσιον*) и святой Троицы и царственной надъ всѣмъ Природы, какъ оскорбившіе ее въ Сынѣ.

Поэтому всякому благоразумному человѣку должно отречься отъ оскорбленія чѣмъ бы то ни было благого Бога. Не слѣдуетъ быть нерадивыми только потому, что Онъ не наводитъ тотчасъ же Свой гнѣвъ на согрѣшающихъ противъ Него, ибо Онъ благъ, „не наводитъ гнѣвъ каждый день, но если не обратимся, мечъ Свой отточить“ (Псал. 7, 12—14), по написанному,—и натянетъ лукъ Свой на насъ, въ коемъ сосуды смерти, то есть всякаго рода позоръ и невыносимыя бѣдствія.

VIII. 51. Аминь, аминь глаголю вамъ: ище кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣкъ ¹⁾.

Излишнимъ являетъ здѣсь вдаваться въ продолжительные споры съ людьми, привыкшими къ порицаніямъ. Обращаемъ рѣчь къ тому, что было необходимо, то есть къ призванію чрезъ вѣру къ жизни

¹⁾ Кир. *τον λογον μου*, какъ нѣк. вм. *τον ἐμὸν λόγον*, какъ въ толк. согл. автор. или *τον λόγον τὸν ἐμὸν.—ιδε;*—нѣтъ такого варіанта, вм. автор. *θεωρεῖσθαι*, но въ толк. *ἴψευσθαι*, какъ Ориг Слав: *соблюдеть слово Мое* Ассем. *не узритъ* Ал.—*въ вѣкъ* О. Мар. Зогр. Асс. Ал. *въ вѣкы* Гал. Мст. Мир. Карп. Ник.

вѣчной и, какъ бы распрощавшись съ невѣжественными обидчиками, искусно опять построитъ рѣчь Свою. Сказавъ ранѣе какъ о Богѣ, что „*сущій отъ Бога рѣчи Бога слышитъ*“, тотчасъ же продолжаетъ: „*если кто Мое слово соблюдетъ*“, являя Себя Богомъ по природѣ и тѣмъ научая, что для Іудеевъ уже ничего не осталось до послѣдней ступени нечестія, если они называютъ имѣющимъ бѣса Того, Кто даетъ вѣчную жизнь желающимъ *соблюдать слово* Его. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ и чрезъ это Онъ не познается какъ Богъ по природѣ? Кому же другому можетъ подобать сила животворить навсегда слушающихъ слова отъ Него, какъ не Богу по природѣ? А соблюдается слово божественное тогда, когда не преступаютъ божественную заповѣдь, но постоянно и неукоснительно исполняютъ постановленное и никоимъ образомъ не подвергаются обвиненію въ неисполненіи божественныхъ законовъ.

Замѣчай опять, какую точность имѣетъ это изреченіе. Не допустилъ сказать: „если кто услышитъ Мое слово“, но: „*если кто Мое слово соблюдетъ*“. Вѣдь слухомъ воспринимаютъ слово Божіе не только люди, повинные грѣху, но и само нечестивое скопище демоновъ. Такъ вождь всѣхъ бѣсовъ сатана, когда дерзалъ искушать Господа нашего Іисуса Христа въ пустынѣ и пралъ противъ рожновъ по причинѣ великой свирѣпости своего нрава, предлагалъ Ему божественное слово, сказавъ: „написано, что ангеламъ Его заповѣдуется о Тебѣ—сохранить Тебя во всѣхъ путяхъ Твоихъ“ (Лук, 10, 4; Псал. 90, 11). Итакъ, не въ простомъ только слышаніи—слово спасенія и не въ одномъ только ученіи жизнь, но въ соблюденіи слышаннаго и въ томъ, чтобы божественное слово служило какъ бы правиломъ и руководителемъ жизни.

А въ изреченіи, что „*смерти не увидитъ во вѣкъ*“ твердый стражъ Его словъ конечно отнюдь не уничтожаетъ смерть плоти, но или какъ Богъ не считаетъ смерть смертью, ибо для Него нѣтъ ничего мертваго, какъ скоро Онъ даже несуществующее приводитъ въ бытіе и подвергшееся тлѣнію легко животворить,— или же говорить о томъ, что смерти не узрятъ святые въ будущемъ вѣкѣ, который въ собственномъ смыслѣ и долженъ считаться истиннымъ вѣкомъ, не имѣющимъ конца, какъ (имѣетъ конецъ) этотъ нашъ (вѣкъ). Словами, что не узрятъ смерти въ томъ вѣкѣ соблюдишіе Его божественное ученіе не указываетъ на то, будто нѣкоторые послѣ воскресенія могутъ умереть: смерть всѣхъ разрушена смертью Христа и исчезла власть тлѣнія. Но со всею справедливостію называется смертью наказаніе вѣчное. Въ этомъ можешь убѣдиться, принявъ въ разсужденіе Его раннѣйшія слова: „истинно говорю вамъ, вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а невѣрующій Сыну не узритъ жизни“ (3, 36), хотя всѣ оживутъ и снова войдутъ въ жизнь, какъ вѣрующіе такъ и невѣрующіе, ибо воскресеніе отнюдь не частично, но одинаково для всѣхъ въ томъ именно отношеніи, что оживутъ всѣ.

Но какимъ же образомъ невѣрующій Сыну жизни не узритъ, хотя ожидаемъ воскресенія всѣхъ? Всякому безъ сомнѣнія извѣстно, что жизнью Христосъ обычно называетъ вѣчное житіе въ блаженствѣ и славѣ, незнающей конца, что въ надеждѣ сберегается для святыхъ. Какъ не повинующійся Сыну, говорить, окажется не узрѣвшимъ жизни, хотя всѣ ожидаютъ оживленія, указуя этимъ не на жизнь тѣла, но называя такъ уготованное святымъ блаженство: такимъ же, думаю, образомъ благородный и мужественный стражъ божественныхъ Его словъ не узритъ, гово-

рить, смерти во вѣкъ, обозначая этимъ конечно не смерть тѣла, но уготованное грѣшникамъ наказаніе. Какъ въ томъ изреченіи указывается на блаженство посредствомъ жизни, такъ и здѣсь—наказаніе посредствомъ слова смерть.

VIII. 52. *Рѣша Ему Иудеи: нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса и. маши* ¹⁾).

Опять выступаютъ съ обвиненіемъ противъ истины, негодуя какъ оскорбляемые тѣмъ, что Господь называлъ ихъ лжецами. Но даже противъ своей воли свидѣтельствуютъ объ истинности словъ Спасителя и чѣмъ думаютъ обезчестить Его, тѣмъ самымъ показываютъ напротивъ, что Онъ говорилъ правду. Слепы они были, несчастные, и имѣли сердце исполненное такой безчувственности, что совсѣмъ не думали объ обязанности устранять то, въ чемъ они обвинялись, но всегда впадали въ (новые) пороки, еще болѣе постыдные, чѣмъ прежніе, и уловлялись своими собственными сѣтями. Вотъ думаютъ защищаться въ томъ, что не напрасно порицаютъ Его, а между тѣмъ этимъ самымъ только еще болѣе изобличаются во лжи и еще сильнѣе какъ бы задушаются цѣпями своихъ собственныхъ прегрѣшеній. Весьма безразсудно говорятъ именно здѣсь: „нынѣ узнали мы“. Вѣдь они часто лаяли на Него и поносили тѣмъ, что Онъ имѣетъ бѣса, а между тѣмъ говорятъ, что *теперь* только *узнали* они, осуждая тѣмъ самымъ свою прежнюю необузданность языка. Вѣдь если *теперь* только они *узнали*, то не знали прежде. Какъ же говорили

¹⁾ Греч. одни такъ, др. съ *ουκ*,—Древнесл. и Ал.: *же*, Конст. и поздн. убо. Остр.: *рѣкоша*, Гал. Мст. *бѣса* вм. др.: *бѣсѣ*. Всѣ древн. и Ал.: *иудеи* вм. теперешняго нововведеннаго *жидове*, требующаго исправленія по древнему тексту.

они, что бѣснуется, о Томъ, Кого еще не знали, по ихъ же собственному утвержденію? Да, лживъ былъ издавна и прежде нечестивый народъ іудейскій и необузданными устами изрекалъ на Христа діавольскую злобу. А для подтвержденія своей болтовни похищаютъ изреченіе Спасителя нашего Христа, благодаря, какъ надо полагать, великой глупости своей надѣясь защищать истину ложью.

Затѣмъ, чрезъ что могли узнать, что нечестиво прегрѣшаютъ, незаконно оскорбляя Подателя вѣчной жизни, чрезъ это самое они опять незамѣтно шли къ усиленію своего недуга, ибо не думаютъ о томъ, что имъ надо покаяться въ этомъ, но уже утверждаютъ, что они убѣждены въ истинѣ своихъ словъ ¹⁾... И истиненъ пророкъ, говорящій, „что прямы пути Господа и праведники пойдутъ по нимъ, а нечестивцы изнемогутъ въ нихъ“ (Ос. 14, 9).

И здѣсь каждый долженъ поразиться несравнимымъ безуміемъ ихъ. Видя, какъ однимъ гласомъ Спаситель сокрушалъ безчисленное множество бѣсовъ и злыхъ духовъ и противъ воли ихъ изгонялъ ихъ изъ тѣхъ, въ комъ они были, не боятся говорить, что Онъ имѣетъ бѣса, хотя посредствомъ необходимыхъ разсужденій они удостовѣрялись въ томъ, что сатана не могъ бы изгнать сатану, „ибо всякое царство, говоритъ Христосъ, раздѣлившееся въ себѣ, запустѣетъ,—и всякій домъ и городъ, раздѣлившійся въ себѣ, запустѣетъ,—и если сатана сатану изгоняетъ, въ себѣ раздѣлился онъ: какъ же устоитъ царство его?“ (Матѣ. 12, 25—26). А вотъ и еще нѣкто скажетъ, и весьма справедливо: „народъ дѣйствительно безумный и безсердечный, глаза у нихъ—и не смот-

---

¹⁾ Здѣсь что-то пропущено.

рять, уши у нихъ—и не слышать“ (Иерем. 5, 21). Ни словомъ или ученіемъ они не перемѣняются къ тому, чтобы желать лучшаго образа мыслей, ни глазами ума своего не видятъ царственную надъ всѣмъ природу, но чрезмѣрнымъ безчестіемъ, какъ бы камнями какими, они побиваютъ ее, а вѣрнѣе—каждый свою душу.

VIII. 52. Авраамъ умре и пророцы (умроша), и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не вкуситъ во вѣкъ ¹⁾.

Когда дерзкій народъ іудейскій лгалъ на собственную свою голову, говоря Спасителю: „бѣса имѣешь“, то онъ ничего другаго не хотѣлъ этимъ выразить, какъ то, что Ты дѣлаешь Себя Богомъ, если переносишь на Себя подобающую божественной природѣ честь и славу, ибо это обычно для демоновъ, о чемъ уже говорили мы въ другихъ мѣстахъ. Не разумѣютъ ничего болѣе видимаго и не признаютъ Бога-Слово въ человѣческой плоти, но, не возвышая даже на немного свой умъ надъ тѣлеснымъ и утверждаясь на одномъ только земномъ, вращаются въ однихъ только низшихъ явленіяхъ, подлежащихъ чувственному ощущенію. По этой причинѣ они и соблазняются, несчастные, и думаютъ, что Истина, тоестъ Христосъ, говоритъ ложь,—предполагаютъ даже, что Онъ превозноситъ Себя выше подобающей Богу славы, если рѣшается поставлять Себя не на равнѣ съ Вседержителемъ, но думаетъ о Себѣ уже нѣчто большее и полагаетъ, что можетъ, или даже обѣщается сдѣ-

¹⁾ Греч. вѣкъ: *ὄν θανάτου*. Слав. *яко аще*, но Ал. безъ *яко*. согл. греч.—Асс. *аще слово Мое соблюдете не илать*. Ал. *умре* вм. древн. *умрътъ*, и *не вкуситъ* вм. древн. *не илать вкусити*. Гал. *Мст во вѣки* вм. вѣкъ др. согл. греч.

латъ то, чего не содѣлалъ Богъ и Отецъ. Для подтвержденія этого слѣдуетъ разсмотрѣть, на что недодуютъ они, говоря, что Авраамъ умеръ и пророки,—и чего ради для опроверженія словъ Спасителя выставляютъ на видъ смерть святыхъ. Хотятъ они высказать вотъ что: мы не обманываемся, говоря, что Ты имѣешь бѣса,—не далеко доказательство этихъ нашихъ словъ,—ибо вотъ Ты общаешься превзойти чудесами даже Самого Бога и легко совершить то, чего не содѣлалъ Онъ Самъ,—вѣдь Авраамъ и пророки, хотя и соблюдише слово Бога, не стояли въ противорѣчїи съ законами природы, но подверглись и подпали общей этой смерти тѣла,—потомъ Ты говоришь, что стражъ словъ Твоихъ совсѣмъ не вкуситъ смерти, какъ же не утверждаешь этимъ, что Твои дѣла выше дѣлъ Его, и общающійся превзойти Бога, развѣ не есть очевидный безумецъ? По великому невѣжеству своему они думаютъ, что въ этихъ словахъ Господь указываетъ только на смерть тѣла и что повинующимся Ему Онъ общаетъ безсмертіе плоти, хотя благоразумнымъ прежде всего слѣдовало имѣть въ виду, что у Бога ничто не умираетъ, будучи оживотворяемо, если и умретъ. Вѣдь если изъ несущаго перешло въ бытіе, то не тѣмъ ли легче и удобнѣе это уже перешедшее можетъ быть вызвано опять къ бытію, хотя бы ради домостроительства и уснувшее нѣсколько? Итакъ, не зная славы Спасителя, Іудеи какъ бы надмѣваются надъ словами Его и называютъ Его бѣснующимся за то, что Онъ общался сдѣлать нѣчто превеликое, чего не совершилъ Богъ,—и въ доказательство этого своего навѣта приводятъ смерть Авраама и святыхъ пророковъ, и чрезъ это думаютъ обличить Христа въ величанїи пустыми словами, какъ общающагося дать непрестанную жизнь

соблюдающимъ слово Его, но уничтожающаго славу Божию тѣмъ, что увѣряетъ дать имъ нѣчто большее.

VIII. 53. Егда Ты болій еси отца нашего Авраама, иже умре? и пророцы умроша.

И здѣсь рѣчь Іудеевъ затемнена и, кажется, заключаетъ въ себѣ прикровенную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, что опять и въ этихъ словахъ высказываютъ они, разумѣя нѣчто хотя и человѣку подобающее, однакожь горькое, по ихъ намѣренію? Вотъ, говорятъ, хотя и соблюли божественное слово, однакожь умерли Авраамъ и пророки, а отъ Тебя мы только что слышали обѣщаніе нѣкоторымъ чего-то большаго. Вѣдь если Ты говоришь, что они не умрутъ совсѣмъ, то безъ сомнѣнія они выше названныхъ (Авраама и пророковъ), именно потому, что не умрутъ. Поэтому скажи же намъ, говорятъ, и отвѣть намъ на такой вопросъ: „*больше*“ ли Самъ то *Ты Авраама* и пророковъ, если обѣщаешься и другихъ сдѣлать больше тѣхъ? Неужели не умрешь Ты, между тѣмъ какъ тѣ умерли, но пребудешь безсмертенъ, будучи человѣкомъ и имѣя тѣло отъ земли? Какъ бы могъ Ты другимъ дать то, чего Самъ не имѣешь? Вѣдь безъ сомнѣнія умрешь Ты, какъ скоро Ты—человѣкъ. Если же Ты не больше Авраама и пророковъ и подвергнешься общей съ ними смерти, то и не будешь въ состояніи другимъ дать то благо, какого и у Тебя нѣтъ. Подобную этой мысль имѣетъ ихъ двусмысленный вопросъ.

И не дивись тому, что ничего большаго не думаютъ о Христѣ. Какъ уже часто и обстоятельно говорили мы, они считаютъ Его простымъ человѣкомъ и однимъ изъ подобныхъ намъ, совершенно не зная соединеннаго съ плотію Единороднаго Бога Слова.

Поэтому спрашиваютъ: „*къмъ Себя дѣлаешь*“, думая поправить по чрезмѣрному заблужденію своего ума ошибающагося Господа и совѣтуя Ему, какъ невѣдущему должнаго, думать нѣсколько скромнѣе. Вѣдь Ты, говорятъ, не знаешь Своей природы, забылъ о Своемъ человѣчествѣ и не довольствуешься данною Тебѣ отъ Бога мѣрою. *Кого* же въ самомъ дѣлѣ *изъ Себя дѣлаешь*, если обѣщаешь дать нѣчто высшее сообщенной отъ Него (Бога человѣку) почести и смѣло утверждаешь, что совершишь нѣчто превосходящее Его (Бога) силу? Такимъ образомъ они обвиняютъ Его въ богохульствѣ и уже на подобіе змѣй набрасываются на Него, полагая, что Христосъ долженъ подвергнуться справедливому наказанію за то, что Онъ не чтитъ мѣру человѣчества, но настолько возвеличивается и возвышается, что уносится за предѣлы присущей Владыкѣ всего славы и попираетъ честь святыхъ патріарховъ и пророковъ. Предлагая этотъ вопросъ: „*къмъ Себя творишь*“, коварно вызываютъ Его на отвѣтъ и уже ожидаютъ ясно услышать отъ Него такой возгласъ: да, Я больше и Авраама и пророковъ, хотя эти слова Господа были бы безусловно истинны, поскольку ни въ какомъ сравненіи съ человѣчествомъ не можетъ стоять Богъ, превышающій всякую природу, какъ видимую такъ и духовную.

VIII. 54. *Отвѣща Іисусъ: аще Азъ славлюся Самъ, слава моя ничто же есть* ¹⁾.

Вся цѣль изреченія направляется къ лицу Авраама святаго и пророковъ, но Господь значеніе его, какъ видимъ, примѣняетъ къ Себѣ въ виду того, что скло-

¹⁾ *ничтоже*—древне слав и Ал въ тепер *ничесоже*. Ал себе въ самъ.

ненъ былъ, даже безъ всякаго для сего предлога, ко гнѣву фарисей и всякое слово только усиливало въ немъ свирѣпое желаніе смертоубійства. Удобопреклонными ко грѣху зависть дѣлаеть тѣхъ, въ комъ она есть и возбуждаеть яростный гнѣвъ на то, на что совсѣмъ не подобаеть. Христосъ желалъ опять выразить нѣчто такое: Іудеи нападали и всячески противодѣйствовали словамъ Его, обильно пользуясь для сего блаженнымъ Авраамомъ и пророками и ясно возглашая: „неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умеръ и пророки умерли“ (ст. 53). Кромѣ того они потомъ обвиняли Его въ превышеніи славы святыхъ и превозношеніи надъ ними, говоря: „къмъ Себя дѣлаешь“. Противъ этого Господу надлежало ясно защищаться и сказать предъ всѣми: да, Я больше и выше Авраама и пророковъ, но велемудрый Іудей не вынесъ бы такой рѣчи,—тотчасъ же вознегодовалъ бы на это и, представляясь питающимъ любовь къ Отцу и прикрываясь защитою славы святыхъ, еще пламеннѣе напалъ бы на Христа и сталъ бы казаться справедливо питающимъ смертоубійство на Него. Вотъ почему Господь, перенесши слова на Самого Себя, говорить: „если Я славлю Самого Себя, слава Моя есть ничто“. Какъ бы такъ говорить: никто изъ сущихъ на землѣ да не думаетъ великое о себѣ, ибо если захотимъ разсуждать въ себѣ самихъ о томъ, какова есть слава человѣческая, то найдемъ ее не существующею: „всякая плоть трава и всякая слава человѣческая какъ цвѣтъ полевой“ (Иса. 40,—6), —ничего, говорить, поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что скончался Авраамъ и послѣ него пророки, ибо что такое слава человѣка, когда его природа находится подъ властію сметри и тлѣнія, уподобляясь этимъ легко вянущей травѣ?

Искусно примѣнивъ къ Себѣ присущую Аврааму или пророкамъ мѣру и сказавъ: „слава Моя ничто есть“, кажется, приводитъ этимъ на память Іудею то, что ясно говорилъ о себѣ Авраамъ: „я земля и прахъ“ (Быт. 18, 27), и что блаженные пророки возглашали къ Богу: „вспомни, что персть мы“ (Пс. 102, 14). Въ виду этого мы конечно не скажемъ, что прославляющій святыхъ умаляетъ славу ихъ. Но необходимо было наконецъ и польза слова вызывала къ тому, чтобы Онъ показалъ, какое различіе имѣетъ божественная и неизреченная природа Его отъ подверженныхъ смерти и тлѣнію.

VIII. 54. *Есть Отецъ Мой, славяй Мя.*

Для точнаго уясненія и раскрытія мысли этого изреченія воспользуюсь тѣми же словами и употреблю тѣ же выраженія. Какъ непреодолимое какое доказательство и неотвратимый доводъ Іудеи всегда выставляютъ вопросъ: „неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умеръ, и пророки умерли,—къмъ Себя творишь?“ Они и дѣйствительно были убѣждены, что умереть и подвергнется смерти и тлѣнію и Самъ Онъ и въ этомъ отношеніи не будетъ больше Авраама и святыхъ пророковъ,—и вообще совсѣмъ ничего великаго не думали о Немъ. Въ виду этого Господь нашъ Іисусъ Христосъ считаетъ наконецъ необходимымъ показать, что Онъ, какъ сущій изъ вѣчности Родителя (происшедшій отъ вѣчнаго Отца), и Самъ есть вѣченъ. Поэтому говорить: „*есть Отецъ Мой, славящій Меня*“.

Слово „*есть*“ надо разумѣть здѣсь не въ простомъ и обычномъ значеніи, но какъ указаніе на существованіе Отца. А рожденный неизреченно отъ существующаго Отца Сынъ безъ всякаго сомнѣнія обладаетъ

этимъ свойствомъ Своего Родителя, то есть существованіемъ. Вотъ почему Онъ и выше Авраама и пророковъ. Они померли, какъ земнородные отъ смертныхъ отцовъ. А непостижимо Произшедшій отъ существующаго (Отца) всегда прославляется отъ Своего Отца, не какъ нуждающійся въ славѣ, ибо Онъ царь всякой славы (Псал. 23, 10), но какъ имѣющій преимущество быть рожденнымъ отъ вѣчнаго Отца и поэтому будучи вѣченъ и Самъ, существенно обладаетъ достоинствомъ Родителя. Такимъ образомъ нѣтъ препятствій представлять славу Сына божескою и Отца называть слагою Его, такъ какъ и Самъ Отецъ прославляется подобнымъ же образомъ отъ Сына не какъ нуждающійся въ славѣ, но поелику считается и имѣеть славу быть признаннымъ за Отца такого Сына, то есть такого же, какъ Онъ, Бога. Вотъ почему и Самъ Сынъ говоритъ къ Отцу: „Отче, прославь Твоего Сына, да и Сынъ прославитъ Тебя“ (Іоан. 17, 1).

Итакъ слава человѣческая есть полное ничто. Все земное подлежитъ смерти, и именно по тѣлу, хотя и возстанетъ. Но Единородный прославляется отъ Своего Родителя, какъ имѣющій вмѣстѣ со всѣми другими благами и свойство Его существа. А каково отличіе Его отъ всей твари, это показываетъ намъ въ немногихъ словахъ блаженный псалмопѣвецъ: „небеса погибнуть, Ты же пребудешь,—и всѣ какъ одежда обветшаютъ, и какъ облаченіе измѣнишь ихъ, и измѣнятся, Ты же Тотъ же, и лѣта Твои не прекратятся“ (Псал. 101, 27—28). Тлѣнно все сотворенное и если еще не истлѣло, то потому, что изволеніемъ божественнымъ содержится для этого, нетлѣненъ же и вѣченъ по природѣ Богъ, обладающій этимъ не по волѣ другаго кого либо, какъ тварь, но всегда пре-

бывающій въ своихъ благахъ, между коими есть и вѣчность ¹⁾).

VIII. 54—55. *Его же вы глаголете, яко Богъ нашъ есть, и не познаете Его* ²⁾).

Изобличаетъ ихъ, и притомъ весьма сильно, въ томъ, что они имѣютъ любовь къ Богу на однихъ только голыхъ словахъ, а на дѣлѣ они весьма далеки отъ истиннаго вѣдѣнія Бога. Какъ бы повторяетъ имъ возвѣщенное пророкомъ, а именно: тогда говорилъ, что „приближается ко Мнѣ народъ этотъ, устами своими чтутъ Меня, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня“ (Иса. 29, 13),—теперь же благополезно и согласно съ прежнимъ возглашаетъ, что „не познали Его“. И истинно слово это. Вѣдать напредѣрь, что есть Богъ, это отнюдь еще не значить имѣть о Немъ познаніе. Что Богъ есть и существуетъ, этому „и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ“, по написанному (Іак. 2, 19). А для того, чтобы познавать, что Онъ есть, слѣдуетъ и мысли имѣть о Немъ, соответствующія Ему и достодолжныя. Такъ напредѣрь никто, полагаю, изъ благоразумныхъ не станетъ трудиться надъ изысканіемъ, что есть Богъ по Своей природѣ; ибо невозможно дознать это. Однакожъ то, что присуще Ему или не присуще, каждый весьма легко можетъ познать при помощи священныхъ писаній. Такъ мы знаемъ и вѣруемъ, что Онъ всемогущъ,—знаемъ, что Онъ не безсиленъ,—знаемъ, что благъ,—знаемъ, что не лукавъ,—знаемъ, что праведенъ и опять—не неправеденъ,—знаемъ, что вѣченъ,—увѣрены и думаемъ, что Онъ не ограничивается временемъ и не привре-

¹⁾ Читаемъ *αἰδιον* вмѣсто *ιδιον*.

²⁾ *γινωσκ* одни и древнесл. и Ал. *ѣиѡн* другія—и Добрил. и поздн. Кут. и тепер.

менень, подобно намъ. Такимъ образомъ на словахъ и устами Іудеи высказываютъ и ясно исповѣдуютъ Бога своимъ Богомъ, тѣмъ не менѣе они не знаютъ Его и мы не находимъ ихъ уразумѣвающими то, что Онъ нетлѣнень и вѣченъ. Вѣдь если бы знали, то, думаю, не дошли бы до такой глупости, чтобы предполагать, что умереть произшедшій изъ Его существа Сынъ Единородный. Точно также, указывая на смерть Авраама и пророковъ, не говорили бы Ему безразсудно: „кѣмъ Себя дѣлаешь“. Развѣ не вполне естественно утверждать, что знающіе, кто есть Отецъ по природѣ, необходимо должны вѣровать, что таково и происшедшее отъ Него Слово? Какъ изъ сладкаго источника проистекаетъ и сладкій потокъ и отъ хорошихъ деревъ будутъ рождаться и хорошіе плоды, такъ, полагаю, и Происходящаго отъ Бога по природѣ должно считать истиннымъ Богомъ и Рожденнаго отъ Вѣчнаго Отца признавать за вѣчнаго подобно Родителю. Поэтому благовременно и въ этомъ случаѣ сказать къ Іудеямъ: „или признайте дерево плохимъ и плодъ его плохимъ, или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ (Матѣ. 12, 33),—ибо не можетъ дерево хорошее приносить плоды худыя, ни дерево худое приносить плоды хорошіе“ (Матѣ. 7, 18). Возможно ли въ виду этого допускать, или лучше—не преисполнено ли всякаго безумія думать, что Рожденный отъ безсмертнаго Отца смертенъ и невѣдавшаго тлѣнія помѣщать въ числѣ тлѣнныхъ?

VIII. 55. Азъ же вѣмъ Его; и аще реку, яко не вѣмъ Его, буду подобенъ вамъ ложь ¹⁾.

Я, говорить, не сказалъ лжи Іудеямъ въ словахъ: „если кто Мое слово соблюдетъ, смерти не увидитъ

¹⁾ Гал Мир не чит. яко.

во вѣкъ“ (ст. 52), ибо Я могу обезсмертить, такъ какъ знаю, что это въ силахъ творить Тотъ, отъ Кого Я,— знаю, что Мой отецъ есть жизнь по природѣ. Поэтому и Я какъ Онъ, очевидно жизнь по природѣ и животворецъ. Если же стану отрицать въ Себѣ силу животворить, то окажусь незнающимъ Отца, свойство существа Котораго Я имѣю и потому могу животворить, какъ Онъ. Итакъ исповѣдаю, что Я имѣю все, что есть въ Отцѣ,—утверждаю, что Я таковъ же, какъ и Онъ,—и обѣщаясь дѣлать то, что Онъ, *Я* конечно *знаю Его*. Если скажу, что не имѣю въ неизмѣнномъ видѣ въ Себѣ свойствъ Отца, „*лжецъ буду*“ подобно вамъ, какъ не знающій Отца. Но и когда утверждаю, что ничто есть слава Авраама и пророковъ, такъ какъ они были изъ земли и люди по природѣ, коимъ не чужда и смерть, а моя слава есть вѣчность Отца, то говорю это какъ знающій Отца. Если же сказалъ бы, что подвергнусь тлѣнiю подобно тѣмъ (Аврааму и пророкамъ) и Я не совѣченъ Отцу, то солгалъ бы подобно вамъ, не зная Отца, отъ Котораго Я. Вѣдь неестественно Происшедшему отъ Сущаго и всегда Неизмѣннаго не быть сущимъ и всегда неизмѣннымъ, ибо рожденное отъ Вѣчнаго вѣчно. Проще можно истолковать это изреченiе другимъ образомъ, именно: *знаю*, говорить, Моего Отца,—если скажу, что не знаю, *буду лжецъ* подобный вамъ, не знающимъ Бога, а говорящимъ, что знаете Его.

Въ чемъ состоитъ знанiе это и почему обвиняются въ незнанiи, объ этомъ уже ясно говорили мы и не прибавимъ ничего болѣе.

VIII. 55. *Но вѣмъ Его и слово Его соблюдаю.*

Что касается до простого смысла въ приведенномъ изреченiи, то замѣтимъ, что Христосъ говорить опять

какъ человѣкъ и низводитъ Себя въ наше состояніе, не оставляя до подобающаго времени рабскаго образа. Поэтому говорить что и знаетъ Отца и слово *Его соблюдаетъ*. Не думаемъ, чтобы Ему необходимо было свидѣтельствовать это о Себѣ или перечислять что либо изъ подобающаго Ему, но дѣлается это ради большаго искусства рѣчи. Словами, что Онъ знаетъ Отца и слово *Его соблюдаетъ*, показываетъ, что Іудеи мыслили противное тому, что Онъ Самъ, по *Его* утверждснiю, имѣеть, то-есть не знаютъ Бога и не считаютъ нужнымъ соблюдать слово *Его*. Иначе они весьма охотно приняли бы Предвозвѣщеннаго Моисеемъ и пророками. Такъ и у насъ подобный образъ рѣчи считается благороднымъ и прекраснымъ, хотя и имѣющій силу обличенія и незамѣтно показывающій кому либо, въ чемъ состоятъ его пороки, но предупреждающій при этомъ ярость противъ изобличенія. Такъ на примѣръ какой либо благоприличный и превосходный въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ для порицанія вора или пьяницы можетъ сказать: Я человѣкъ благопристойный, не воровалъ чужаго и не пьянствовалъ никогда. Мы не станемъ конечно думать чтобы такой человѣкъ чрезъ это самъ свидѣтельствовалъ и говорилъ о себѣ, но онъ порицаетъ за противоположныя этимъ свойства. Поэтому то и Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ такъ, именно что Онъ знаетъ Отца и соблюдаетъ слово *Его*, съ другой стороны и въ то же время указывая нечестивымъ Іудеямъ на то, что они не знаютъ Бога, не держатъ слова *Его* и не удостоиваютъ совсѣмъ никакого соблюденія выше имъ опредѣленный законъ.

Если же надо и другимъ образомъ понимать эти слова и болѣе тонко изъяснить косвенно выраженное здѣсь, то можемъ кромѣ того сказать вотъ что. Знаетъ

Сынъ Своего Отца, имѣя не такое знаніе, какое есть и у насъ, но свойственное Богу и невыразимое. Какъ рожденный отъ человѣка человѣкъ знаетъ природу своего родителя не чрезъ наученіе отъ другого кого-либо, но изъ того, что онъ есть самъ (изъ своей собственной природы): такъ и Сынъ *знаетъ* Своего Отца изъ того, что Онъ (сынъ) есть (изъ Своей природы), и *соблюдаетъ слово Его*, то есть сохраняетъ въ Себѣ во всемъ предѣлѣ (объемѣ) все Его существо. Терминъ „слово“ здѣсь означаетъ предѣлъ (объемъ). Такъ слово человѣческое, то есть предѣлъ (опредѣленіе, объемъ понятія) существа его—животное словесное (разумное), смертное, обладающее умомъ и наукою. Точно также на примѣрѣ и слово ангела можно признавать за опредѣленіе существа его. Въ отношеніи же къ Богу по природѣ мы не можемъ допустить слова или опредѣленія, ибо мы не знаемъ, что по природѣ есть Онъ, а Сынъ знаетъ Своего Отца и Рожденный изъ Его существа вѣдаетъ, что есть по природѣ Родившій Его. Итакъ, слѣдуя нашему обычаю и пользуясь человѣческими словами, говорить, что *слово* Отца, какъ бы опредѣленіе ¹⁾ Его существа, Онъ *соблюдаетъ* въ Себѣ, ибо Онъ есть образъ Родителя Своего и начертаніе, свободное отъ всякаго несходства, и имѣетъ въ Себѣ всѣ богоприличныя и особенныя свойства Родителя.

VIII. 56. *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ и возрадовался* ²⁾.

Днемъ называетъ здѣсь время пришествія, когда намъ возсіялъ свѣтъ истинный и взошло солнце

¹⁾ Такое разсужденіе св. Кирилла объясняется многозначностью греческаго *λογος*: слово, разумъ и пр.

²⁾ Ал и поздн. *нашъ*. Гал *видѣлъ* Ник и *видѣвъ* и *возрадовался* бни Поздн Амф *аще бы видѣлъ...* и *видѣлъ* *возрадовалъ бы ся*—даютъ предположительный смыслъ изреченію, вопреки греч.

правды, прекратилась обнимавшая насъ тогда на подобіе слѣпоты тьма. при владычествѣ князя вѣка сего, всю вселенную такъ сказать чернившаго своимъ нечестіемъ и толкавшаго въ многобожное заблужденіе, разнообразно омрачавшаго умъ cadaго. Поэтому и божественный псалмопѣвецъ, какъ бы видя вождельнное время пришествія Его, провозглашалъ, говоря въ Духѣ: „сей день, что сотворилъ Господь,—возрадуемся и возвеселимся въ оный“ (Псал. 117, 24). Въ другихъ случаяхъ божественное Писаніе обыкновенно называетъ днемъ время cadaго предмета, согласно сказанному: „день Господа Саваова на всякаго обидчика и гордеца, и унижены будутъ“ (Иса. 2, 12), и еще: „что сдѣлаете въ день торжества и въ день праздника Господня?“ (Ос. 9, 5). Въ тотъ день погибнуть замыслы нѣкоторыхъ, говоритъ псалмопѣвецъ (Псал. 145, 4), называя днемъ время ожидаемаго суда Божія, когда знатнымъ міра сего не окажется никакой пользы ложь ихъ исконныхъ помысловъ и пустая и горделивая напыщенность богатствомъ.

„Радъ былъ“, говоритъ, „Отецъ вашъ Авраамъ, чтобы видѣть день Мой, и видѣлъ и возрадовался“. Какъ и когда, должны мы думать, блаженный Авраамъ созерцалъ день Спасителя нашего Христа, то есть видѣлъ время пришествія Его съ плотью? Дать ясный отвѣтъ на это не легко. Впрочемъ можно думать такъ, что какъ одному изъ святыхъ пророковъ Богъ открылъ ему Свое таинство. Или же можемъ допустить, что онъ дѣйствительно созерцалъ день закланія Господа, въ который устроилось наше блаженство и общались намъ всѣ блага, когда во образъ Его (Господа) повелѣно было ему принести въ жертву своего едиnorodнаго и первороднаго сына Исаака: при этомъ тогдашнемъ его священнодѣйствіи, какъ въ

совершавшемся прообразѣ, его взору естественно предстояло это таинство со всею ясностію и точностію. Можно предложить любознательнымъ и другія объясненія этого изреченія. Такъ, когда онъ видѣлъ трехъ мужей у дуба Мамврійскаго (Быт. 18, 1), онъ получилъ отъ Бога обѣтованіе, что будетъ отцемъ многихъ народовъ, каковое обѣтованіе могло исполниться не иначе, какъ тѣмъ, что чрезъ вѣру во Христа призваны были народы, называющіе Авраама своимъ отцомъ, совозлежащіе съ нимъ въ царствѣ небесномъ (Матѣ. 8, 11) и участвующіе вмѣстѣ съ нимъ во всѣхъ благихъ дарахъ Спасителя нашего.

Итакъ, *видѣлъ*, говоритъ *Авраамъ день Мой и, видя, возрадовался*. Необходимо оказать о томъ, по какой причинѣ Христосъ счелъ нужнымъ сказать это, Видя въ Немъ простого человѣка по причинѣ облеченія Его плотью, Іудеи не думали о Немъ ничего божественнаго, но считали Его смертнымъ подобно намъ, какъ приведеннаго изъ небытія къ бытію. А что Онъ былъ вѣченъ, какъ происшедшій отъ вѣчнаго Отца, не хотѣли вѣрить этому ради великаго своего безразсудства. Поэтому чтобы ясно показать, что Онъ не новорожденъ и не тварь, подобно намъ, но что даже древнѣйшими отцами ихъ признавался за вѣчнаго,—Онъ говоритъ это.

Въ то же время, кажется, благополезно порицаетъ ихъ за то, что они безразсудно и глупо пренебрегаютъ тѣмъ, что для начальника рода ихъ служило въ качествѣ радости. Вѣдь онъ только *видѣлъ, и возрадовался*. А они, уже обладая и имѣя возможность пользоваться, своимъ невѣріемъ оскорбляютъ и презираютъ столь великую благодать. А можетъ быть косвенно указываетъ и на то, что Онъ больше и выше Авраама, если для него было радостью хотя бы только

что нибудь знать о Немъ. Говорить объ этомъ ясно и безъ всякой прикровенности нельзя было по причинѣ необузданности ихъ гнѣва, но Онъ указываетъ на это опять другимъ способомъ.

И никто да не думаетъ, что въ словахъ Іудеямъ: „Авраамъ отецъ вашъ умеръ“ Іисусъ противорѣчитъ Себѣ Самому, если нѣкогда отстраняетъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ, именно въ словахъ: „если бы чада Авраама были вы, дѣла Авраамовы совершали бы“ (ст. 39), между тѣмъ какъ теперь снова называетъ ихъ сынами Авраама. Надо знать, что въ томъ и другомъ случаѣ Онъ прекрасно направляетъ къ истинѣ Свою рѣчь. Тамъ, опредѣляя качество духовнаго благородства, живописуетъ родство въ одинаковости нравовъ. Здѣсь же усваиваетъ имъ одно только прошлое родство по плоти, такъ что и тамъ высказываетъ истину и здѣсь не говоритъ лжи.

VIII. 57. Рѣша убо Іудеи къ Нему: пятьдесятъ лѣтъ не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ? 1).

Совсѣмъ безумна рѣчь Іудеевъ и вызываетъ большой смѣхъ. Справедливаго удивленія заслуживаетъ то, что они дошли до такого неразумія, что совсѣмъ ничего не могли разумѣть, какъ должно. Спаситель нашъ Христосъ употреблялъ для нихъ многочисленныя обороты рѣчи, постоянно употреблялъ одни и тѣ же слова и многообразно указывалъ имъ на Свою вѣчность, а между тѣмъ совершенно ничего не уразумѣваютъ болѣе того, что видятъ тѣлесными очами. Какъ всецѣло утратившіе и прекратившіе дѣятельность ума, они не направляютъ сердце къ богоприличному, но опять безразсудно обвиняютъ Его во лжи, какъ одного

---

1) Нѣк. греч: *τεσσαράκοντα* и *εώρακεν* *αὐτ.* Древнесл. же, Ал и поздн *убо*.
Опуск. у Асс Мир Ник.

изъ подобныхъ намъ людей, начавшаго существовать и быть въ числѣ существующихъ лишь тогда, когда родился, не разумѣя правильно тѣ слова, какія отъ Него слышали. Вѣдь Онъ сказалъ, что *Авраамъ видѣлъ* день Его, а они, извративъ вопреки Ему значеніе словъ, говорятъ: „*еще не имѣешь лѣтъ пятидесяти*“ и какъ же *видѣлъ Ты Авраама*? Да, поистинѣ жалокъ безразсудный Іудей, навсегда сжившійся съ великимъ невѣжествомъ и воспитавшій въ себѣ необузданное безуміе.

VIII. 58. Рече имъ Иисусъ: аминь аминь глаголю вамъ: прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь ¹⁾).

Снова обращается Христосъ къ обычному Ему и любезному образу наставленія. Иногда говоритъ Онъ весьма загадочно и, осѣняя изложеніе разными прикровенностями, не дозволяетъ ему быть для всѣхъ яснымъ. Но когда Онъ видѣлъ, что Его слушатели ничего не понимали, тогда, обнаживъ рѣчь отъ всякой неясности, предлагалъ ее въ ясномъ и простомъ видѣ, что спѣшитъ сдѣлать и въ настоящемъ случаѣ. Поелику находятъ ихъ ничего не понимающими, хотя и сказана была уже длинная рѣчь, и не могущими постичь, что Онъ вѣченъ какъ происшедшій отъ вѣчнаго Отца и несравненно выше Авраама какъ Богъ, то уже ясно говоритъ, какъ бы въ видѣ клятвы употребляя „аминь“ въ подтвержденіе Своихъ словъ: „*прежде Авраамова бытія Я есмь (существую)*“. Отнюдь нельзя думать, чтобы Единородный хвалился Своимъ бытіемъ прежде Авраама только одного, ибо Онъ существуетъ прежде всякаго времени и имѣетъ вѣч-

¹⁾ Греч. вѣк. приб. *каі н оύν*, D и вѣк. др. лат. оп. *уеніоѳаи*. Слав. безъ частицы О Мар. Зогр Гал Мет Ал,—съ и Асс и съ же Мир Ник поздн. Ал буквально: *прежде даже Аврааму быти, Сим. азъ бѣхъ*.

ное рожденіе, будучи безначаленъ въ Отцѣ. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Ему предстояло сравненіе Себя съ Авраамомъ, то и говоритъ, что Онъ существуетъ ранѣе его, какъ напримѣръ и сотенное число могло бы сказать: я больше десятка,—и сказало бы это не какъ имѣюще преимущество быть со-сѣднимъ числомъ съ десяткомъ, но какъ весьма превосходнѣйшее и превышающее десятокъ. Итакъ, не съ временами Авраама состязается и не утверждаетъ нѣкотораго малого преимущества Своего надъ временами Авраама, но поелику Онъ выше всякаго времени и превосходитъ число всякаго вѣка, то и говоритъ, что Онъ существуетъ прежде Авраама, высказывая дѣйствительную истину. Весьма точно и прекрасно объ Авраамѣ употребляетъ „быль (γενέσθαι)“, а о Себѣ Самомъ: „есмь (εἰμι)“, показывая, что Аврааму какъ происшедшему изъ несущаго (ἐξ οὐκ ὄντων γενομένῳ) конечно слѣдуетъ подвергаться и тлѣнію, а Ему, какъ всегда сущему (ἀεί ὄντι), никоимъ образомъ не свойственно обращеніе въ небытіе. Итакъ, Онъ больше и выше Авраама: больше, какъ вѣчный,—а выше, потому что не разрушается какъ тотъ.

VIII, 59. Взѣша убо каменіе, да вергунтъ на нѣ: Исусъ же скрыся и изыде изъ церкви (храма) ¹⁾.

Не видятъ истины, такъ какъ и сами были дѣйствительными лжецами и отцомъ имѣли своимъ лжеца, по слову Спасителя (ст. 44). Негодуютъ опять на нѣчто такое, въ чемъ не было ничего способнаго

¹⁾ Греч. разночт: *τίτε οὖν* и *δέ*, вѣк оп *δέ* послѣ *Ἰησοῦς*,—приб. въ концѣ стиха, какъ и слав. *каі* (оп вѣк) *δέλεθάν διὰ μέσον αὐτῶν καі* (оп.) *παύσειν οὐτως* (оп.) *убо* Кіев 1788 а древн. же Древнесл: *идяше и хождаше*,—поздн: *мимохождаше*. Остр. Мар Сим Гал Мст Ник безъ тако. чит Асс Мир Зогр. Тип: *изъ храма Божія. Ал: мещютъ—отъ святилища прошедъ* (прочіе чит. и предъ прошедъ) *между ими и хожаше тако*.

раздражать. Думая вступить за якобы оскорбленную славу праотца, чрезъ это воспламенились снова къ несвоевременному гнѣву. И хотя напротивъ имъ надлежало бы вдуматься въ значеніе словъ Господа и въ то, Кто говоритъ это, они, безразсудно увлекаясь въ неразумное и звѣрское безуміе, пытаются побить Его камнями, какъ будто еще недостаточно оскорбили Его своею бранью или еще небольшой только гнѣвъ навлекли на себя своею глупостью. Пылка и безразсудна была попытка Іудеевъ. Но безъ времени она не перешла въ дѣло, ибо еще не пришелъ срокъ для страданія. Христосъ скрываетъ Себя не такъ, что искалъ убѣжища подъ стѣнами или что нибудь другое выставилъ для защиты Своего тѣла, но силою Своего божества содѣлалъ Себя невидимымъ для искавшихъ Его. И неудовольствовался тѣмъ, что скрылся, но и выходитъ изъ храма, начертывая намъ здѣсь какъ бы образъ нѣкій духовныхъ предметовъ. Въдъ любящимъ Его Онъ всегда явенъ, согласно изреченію: „блаженны чистые сердцемъ, потому что они Бога узрятъ“ (Мате. 5, 8). А отъ обыкшихъ богоборствовать Онъ уходитъ и никакому нечестивцу не является,—не считаетъ пріятнымъ какимъ-либо образомъ быть вмѣстѣ и обращаться съ преслѣдующими Его, напротивъ уходитъ отъ нихъ и отстраняется, какъ бы совлекая съ Себя все благодушіе и оставляя лишенными Своей благодати тѣхъ, отъ кого зло постраждетъ, насколько это касается желанія причинить Ему вредъ и намѣреній нечестивцевъ, хотя всѣ ихъ Христосъ и являетъ тщетными, неизреченною силою уничтожая нечестивую дерзость погрѣшающихъ противъ Него.

IX. 1. И проходя видѣть челоуѣка слѣпа отъ рождества ¹⁾.

Когда Иудеи неистовствовали на Него и уже пытались побить Его камнями, Онъ тотчасъ же выходитъ изъ ихняго храма и удаляетъ Себя отъ нечестія Своихъ гонителей. Но проходя Онъ тотчасъ усматриваетъ *слѣпца отъ рожденія* и этимъ даетъ ясное указаніе на то, что Онъ удалится отъ мерзости Иудеевъ и оставитъ сонмище богоборовъ, но призритъ язычниковъ и на нихъ обратитъ изобиліе Своей любви, кои и уподобляются слѣпцу отъ рожденія тѣмъ, что пребывали въ заблужденіи, съ раняго какъ бы возраста были лишены истиннаго богопознанія и не имѣли свѣта отъ Бога, то-есть просвѣщенія посредствомъ Духа. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что можетъ означать это призрѣніе Христомъ слѣпца именно мимоходомъ. Можно, по моему, думать, что Христосъ пришелъ собственно не къ язычникамъ, но для одного только Израиля, какъ и Самъ однажды сказалъ: „посланъ Я только къ овцамъ погибшимъ дома Израилева“ (Матѣ. 15, 24). Зрѣніе же у язычниковъ исправлено какъ бы въ мимохожденіи Христа, перенесшаго на нихъ Свою милость, по причинѣ невѣрія Израиля. Объ этомъ именно и чрезъ Моисея также воспѣто въ словахъ: „Я возбужу ревность въ нихъ изъ-за ненарода, изъ-за народа неразумнаго прогнѣвлю ихъ“ (Второз. 32, 21). Неразумный народъ то былъ, служившій твари вмѣсто Творца, наподобіе скотовъ безсловесныхъ дошедшаго до всякаго вообще невѣжества и приверженнаго къ одной только землѣ. Поелику же прогнѣвалъ (Бога) Израиль, мудрый благодаря закону и разумный благодаря пророкамъ: то

¹⁾ D приб *кадімеюу* проходя Добр. *преходе* Асс Мир Карп. *приходя* Арх. *мимоходя* Сим. *мимоидый*—прочія тепер.

и самъ былъ за это прогнѣвленъ отъ Бога, какъ скоро на подобавшее ему (Изралю) мѣсто были восприняты прежніе безумцы, коимъ чрезъ вѣру и „премудростію сталъ Христосъ и освященіемъ и искупленіемъ“, по написанному (1 Кор. 1, 30), очевидно свѣтомъ и прозрѣніемъ.

ГЛАВА I.

О томъ, что не отъ прежде рожденія содѣянныхъ грѣховъ души съ кѣмъ либо приключаются тѣлесныя страданія, а также и грѣхи отцовъ не наводитъ Богъ на кого-либо, наказуя ничѣмъ не согрѣшившихъ, но справедливый надъ всѣми производитъ судъ.

IV. 2. 3. И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, да слѣпъ родися? Отвѣща Иисусъ: ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ ¹⁾.

Любознательные въ добрыхъ предметахъ и весьма премудрые ученики, впрочемъ не безъ божественнаго внушенія, возъмѣли побужденіе къ пожеланію узнать это и благополезно любопытствуютъ, уготовляя пользу отсюда не столько для себя самихъ, сколько для насъ. Въ самомъ дѣлѣ не малую пользу получаемъ мы, когда слышимъ здѣсь отъ Всевѣдущаго истинное мнѣніе и кромѣ того отталкиваемся отъ мерзости пустыхъ ученій, кои были не у однихъ только Іудеевъ, но уже и нѣкоторые изъ чрезмѣрно возгордившихся знаніемъ богодухновеннаго писанія и повидимому принадлежащихъ къ христіанамъ осмѣлились выдавать за истину то, что было скорѣе дѣломъ увлеченія ихъ собственною изобрѣтательностію и своими собствен-

¹⁾ Въ древнесл. и Ал. да—*ка* яко поздн Кут и Кіев. и тепер.

ными пожеланіями,—и не побоялись еллинское заблужденіе примѣшать къ догматамъ Церкви. Іудеи несчастные не мало роптали на то, что они будто бы несутъ наказаніе за нечестія предковъ и Богъ будто бы безъ причины налагаетъ на нихъ грѣхи отцовъ,—осмѣивали это какъ несправедливѣйшій судъ и даже говорили въ видѣ какъ бы пословицы: „отцы ѣли незрѣлый виноградъ, а зубы дѣтей подверглись оскоминѣ“ (Іезек. 18, 2). Эти же (христіане), страдая близкимъ и родственнымъ съ только что названными нами (Іудеями) невѣжествомъ, утверждаютъ, что души людей сотворены и существуютъ прежде созданія тѣлъ, но, добровольно впавъ въ грѣхъ и притомъ до своихъ тѣлъ, соединяются тогда съ ними (тѣлами) и какъ бы въ качествѣ наказанія получаютъ бытіе въ плоти. Но однимъ и краткимъ Словомъ Христосъ разрушилъ неразуміе тѣхъ и другихъ, утверждая, что ни слѣпецъ, ни родители его не согрѣшили. Ученіе Іудеевъ Онъ низвергаетъ словами, что человѣкъ родился слѣпымъ не влѣдствіе какого либо грѣха, ни собственнаго его, ни прародительскаго, ни даже отцовскаго или материнскаго. Сокрушаетъ также и пустую болтовню другихъ, кои говорятъ, что души согрѣшаютъ до тѣла.

Таковыхъ со всею справедливостію можно спросить: какъ это Христосъ говоритъ, что ни слѣпецъ не согрѣшилъ, ни родители его, хотя мы не можемъ считать ихъ совсѣмъ чистыми отъ грѣха? Вѣдь какъ людямъ имъ безъ сомнѣнія естественно, даже болѣе—необходимо впадать и въ прегрѣшенія. Спрашивается поэтому: какое время опредѣляетъ Христосъ, въ которое должно оказываться истиннымъ для насъ Его слово, что *не согрѣшилъ ни онъ и ни родители его?* Очевидно говорить о времени до рожденія (человѣка),

въ которое, какъ совсѣмъ несуществовавшіе, они и не согрѣшали.

О таковыхъ пустословахъ, ошибочно считающихъ за истину мнѣніе, что души согрѣшили до тѣль и поэтому воплотились и перешли въ эту земную область, было у насъ длинное разсужденіе въ началѣ евангелія при раскрытіи и объясненіи словъ: „былъ свѣтъ истинный, что просвѣщаетъ всякаго человѣка, входящаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9,—книга 1 глава 9). Излишне было-бы теперь снова входить намъ въ разсужденіе объ этомъ. Но откуда Іудеямъ случилось придти къ такому мнѣнію и предположенію, объ этомъ необходимо сказать и ясно показать, что, бывъ не въ состояніи уразумѣть божественное слово, они уклонились отъ здраваго смысла.

Нѣкогда Израиль устраивалъ скинію въ пустынѣ и Богъ призывалъ къ Себѣ священноучителя Моисея на горѣ Синай. Но такъ какъ онъ былъ тамъ съ Богомъ очень долго,—именно до сорока дней, то сталъ казаться народу медлителемъ. Возставъ тогда на одного Аарона и по малодушію увлекаясь египетскимъ лжеслуженіемъ, взывали такъ: „сдѣлай намъ боговъ, которые пойдутъ предъ нами, ибо Моисей, этотъ человѣкъ, что вывелъ насъ изъ земли Египетской, не знаемъ, что стало съ нимъ“ (Исх. 32, 1). Потомъ что послѣдовало, думаю надо бѣгло сказать отъ этомъ. „Сдѣлали тѣльца“, по написанному (Дѣян. 7, 41), и справедливо прогнѣвался за это Богъ,—даже угрожалъ истребить весь вообще сонмъ (народа). Тогда приступилъ къ Нему съ ходатайствомъ Моисей и продолжительною молитвою испрашивалъ помилованія. Творецъ всего склонился къ прощенію и рѣшилъ, что хотя Онъ и не накажетъ народа, однакожь и не пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ землю обѣтованія, но пошлетъ

съ ними какъ бы въ качествѣ вождя—Своего ангела. Опечалился на это Моисей и изъ нежеланія Бога идти вмѣстѣ съ народомъ совершенно правильно умозаключилъ, что божественный гнѣвъ еще не достигъ полнаго прекращенія. И вотъ онъ снова сталъ прилежно просить Господа идти съ ними, зная, что одно только руководство ангела будетъ недостаточно для Израильтянъ, или же быть можетъ опасаясь за немощь народа, почему и отказывается отъ ненавидящихъ зло святыхъ ангеловъ и умоляетъ благаго и человѣколюбиваго Царя и Господа всяческихъ Самому присутствовать среди столь удобопреклонныхъ къ преступленіямъ (Израильтянъ). Зналъ онъ, что не разъ, но весьма часто Господь будетъ оказывать имъ снисхожденіе и подавать милость къ ихъ прегрѣшеніямъ.

Соблаговолилъ и на это Богъ. Потомъ (Моисей) для яснаго удостовѣренія и доказательства того, что дано полное прощеніе, онъ сталъ просить знаменія отъ Него, именно—видѣть Его. „Если, говоритъ, я обрѣлъ благодать у Тебя, яви мнѣ Себя Самого, чтобы мнѣ ясно видѣть Тебя, какъ скоро я обрѣлъ благодать у Тебя и дабы „мнѣ знать, что народъ сей великій есть Твой народъ“ (Исх. 33, 13). Совершилъ и это Богъ, насколько было доступно, во всемъ удостовѣряя служителя Своего, именно и что оставилъ Онъ грѣхъ народу и что пойдетъ съ нимъ въ землю обѣтованія. Потомъ въ заключеніе какъ бы налагая вѣнецъ какой на свои обѣтованія, повелѣваетъ ему вытесать другія двѣ доски, очевидно вмѣсто сокрушенныхъ прежнихъ, чтобы снова начертать ему законъ, представляя и въ этомъ не малое доказательство Своего къ нимъ милосердія.

Когда же Моисей приготовился къ этому, „сошелъ

Господь въ облакѣхъ, какъ написано (Исх. 34, 5—7), и предсталъ предъ нимъ тамъ и призвалъ именемъ Господа. И прошелъ Господь предъ лицомъ его и воззвалъ: „Господь Богъ благосердый и милостивый, долготерпѣливый, многомилостивый и истинный, соблюдающій правду, творящій милость къ тысячамъ, отъемляющій грѣхи, беззаконія и неправды,—Онъ не очиститъ виновнаго, наводя грѣхи отцовъ на дѣтей и на дѣтей дѣтей на третій и четвертый родъ“.

Рѣчь здѣсь совершенно ясная. Возвращусь къ поставленному въ началѣ вопросу. Богъ утверждаетъ, что Онъ имѣетъ Богу подобающую кротость и нѣкое несравненное человѣколюбіе, ибо, полагаемъ, это—Его рѣчь, а не другого кого либо, и именно премудраго Моисея, какъ думаютъ нѣкоторые, возносящаго за народъ благодарственные молитвы. Что это говоритъ о Себѣ Самъ Владыка всяческихъ, въ этомъ удостовѣритъ насъ не другой кто, а самъ же блаженный Моисей въ книгѣ Числъ, когда Израиль немудреною трусостью снова оскорбилъ Бога тѣмъ, что нѣкоторые стали порицать землю обѣтованія, именно тѣ, кои по повелѣнію Господа были посланы Моисеемъ для осмотра ея. Какъ только возвратились они изъ земли иноплеменниковъ, пришли опять къ народу и стали изрекать о ней горькія слова, утверждая, что это страна столь дикая и звѣрская, что можетъ истребить поселившихся на ней. Этимъ они приволили слушателей въ такое отчаяніе, что они обливались слезами и желали возвратиться къ работамъ Египетскимъ. „Поставимъ, говорили они, вождей и пойдемъ въ Египетъ“ (Числ. 14, 4). И когда Богъ грозилъ истребить ихъ, Моисей опять сталъ умолять Его и выступаетъ предъ Богомъ какъ бы съ напоминаніемъ о данномъ Имъ ему обѣщаніи, говоря

такъ: „и теперь да вознесетъ сила Твоя, Господи, соотвѣтственно тому, что изрекъ Ты въ словахъ: Господь, долготерпѣливый, многомилостивый, истинный, отнимающій беззаконія, неправды и грѣхи,—и очищеніемъ не очиститъ виновнаго, воздавая за грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода: оставь грѣхъ народу Твоему по великой милости Твоей, какъ милостивъ къ нимъ былъ отъ Египта до нынѣ“ (Числ. 14, 17—19). Оказывается такимъ образомъ, что сущій надъ всѣми Богъ Самъ свидѣтельствуетъ о Своемъ человѣколюбіи и крайнемъ долготерпѣніи.

Но слѣдуетъ наконецъ уяснить причину того ложнаго мнѣнія Іудеевъ, что благій нашъ Богъ какъ бы злопамятенъ и тяжелогнѣвенъ.

Отнюдь конечно не думаю, чтобы они какимъ бы то не было образомъ могли направляться противъ божественныхъ писаній или служить обвиненіемъ противъ нихъ въ отсутствіи въ нихъ полнаго совершенства, но единственно только невѣжеству своему они обязаны тою мыслию, что будто бы дѣйствительно Богъ наводитъ грѣхи родителей на дѣтей и что божественный гнѣвъ по своей продолжительности простирается даже до третьяго и четвертаго рода и несправедливо наказывать ни чѣмъ не согрѣшившихъ за то, въ чемъ обвиняются другіе. Напротивъ того, если бы кто былъ мудръ у нихъ, не слѣдовало ли надлежащимъ образомъ разсуждать такъ, что Источникъ правды и нашей нравственности не можетъ совершить неправды? Вѣдь люди налагаютъ опредѣляемые закономъ наказанія на законопреступниковъ, отнюдь не касаясь питомковъ ихъ, если конечно эти послѣдніе не окажутся совинниками и соучастниками преступленій. А Тотъ, Кто и намъ опредѣлилъ

законы всякой правды, какимъ образомъ могъ бы оказаться почитателемъ даже и у насъ самихъ рѣшительно осуждаемыхъ предметовъ?

Далѣе, надо кромѣ того имѣть въ виду и вотъ что. Многочисленные установилъ Онъ чрезъ Моисея законы и разнообразны назначилъ наказанія живущимъ нечестивою жизнью. Но нигдѣ не является Онъ учреждающимъ подвергаться наказаніямъ вмѣстѣ съ согрѣшающими и ихъ потомкамъ. На преступниковъ только и виновныхъ противъ закона опредѣлилъ Онъ наказанія. Поэтому нечестиво думать по іудейски, но мудрый долженъ всегда имѣть въ виду свойства божественной природы и повсюду соблюдать подобающее царственному надъ всѣмъ естеству (божескому).

Такимъ образомъ со всею справедливостію мы должны думать, что Богъ всяческихъ, выставляя какъ бы на видъ присущее Ему милосердіе и желая вызвать уваженіе къ крайнему Своему человѣколюбію, и для этого восклицая: „Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, истиненъ, отнимаетъ беззаконія и грѣхи“ (Числ. 14, 18),—не пожелалъ бы почитаться столь злопамятнымъ, что простираетъ гнѣвъ Свой даже на четвертый родъ. Какъ же при этомъ Онъ будетъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, или какимъ образомъ отъемлетъ грѣхи и беззаконія, если не ограничивается соразмѣрнымъ наказаніемъ на голову преступника, но простираетъ далѣе третьяго рода и подобно какому вихрю нападаетъ на невинныхъ? Итакъ, совсѣмъ невѣроятно и граничить съ крайнею глупостію думать, что Богъ свидѣтельствуетъ объ одновременномъ присутствіи у Него не только человѣколюбія и милосердія, но и столь продолжительнаго и неразумнаго гнѣва.

Потомъ, кромѣ того мыслящіе по іудейски должны

предполагать и еще нѣчто другое, именно что Богъ не знаетъ подобающаго для каждой вещи времени. Если общается быть долготерпѣливымъ и оказывается такъ легко отлагающимъ Свой гнѣвъ, то чего же ради еще и прибавляетъ: „наводя грѣхи отцовъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода“? Дѣлать это значило бы не иное что, какъ желать устрашать принимающихъ отъ Него оставленіе преступленій, что у нихъ не должно оставаться никакой надежды, если такъ злопамятенъ и такъ долго держитъ Онъ справедливый гнѣвъ свой за оскорбленіе Себя ими. Чѣмъ же, скажи мнѣ, окажется тогда предъ нами и самъ священноучитель Моисей? Не явится ли онъ совершителемъ неразумнѣйшаго дѣла, если, когда Израиль оскорбилъ Бога и долженъ былъ подвергнуться наказанію, приступаетъ съ молитвою и, прося прощенія и человѣколюбія у Бога, неблагоприятно говорить къ Богу: потому что Ты обыкновенно таковъ, что воздаешь за грѣхи отцовъ на дѣтяхъ дѣтей. Это скорѣе значило бы поощрять къ гнѣву, чѣмъ призывать къ милости,—и просить о злопамятствѣ, а не о долготерпѣніи. Но чрезъ эти слова, по моему мнѣнію, онъ думалъ упросить Бога и какъ бы привести Ему на память то, что Самъ Онъ провозгласилъ, когда объявлялъ о присущей Ему благодати. Что Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и что Ему свойственно отнимать грѣхи и беззаконія, вотъ что открывается изъ этихъ словъ, въ коихъ повидимому указывается на Его жестокость.

Итакъ, какъ надо разумѣть эти слова Бога, объ этомъ, полагаю, надо наконецъ сказать. „Господь, говоритъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, отнимаетъ беззаконія и грѣхи“ (Исх. 34, 6—7). Слѣдующее же затѣмъ рядомъ изреченіе надо понимать какъ вопросъ

и читать съ вопроснымъ знакомъ: „и очищеніемъ не очиститъ ли виновнаго?“ (ст. 7),—чтобы ты разумѣлъ изреченіе въ такомъ смыслѣ: долготерпѣливый, говоритъ, и многомилостивый Богъ, отъемлющій беззаконія и грѣхи, развѣ не сможетъ очистить виновнаго очищеніемъ? Но это несомнѣнно,—очиститъ конечно,—въ противномъ случаѣ какимъ образомъ Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и совершенно отъемлетъ грѣхи, если не очищаетъ виновнаго? При этомъ для доказательства присущаго Ему долготерпѣнія и милосердія приводитъ и то, что грѣхи отцовъ Онъ возложитъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода,—не наказуя сына за отца,—не подумай этого,—и не налагая на отдаленнаго потомка, какъ бы бремя какое, грѣхи предковъ. Нѣтъ, Онъ указываетъ на нѣчто подобное слѣдующему.

Есть, на примѣръ, какой нибудь человѣкъ беззаконный, съ душею, исполненною всякой порочности. Избравшему такой образъ жизни надлежитъ безъ всякаго промедленія подвергаться наказанію, однакоже Богъ долготерпитъ милосердо и не подвергаетъ его подобающему ему гнѣву. Потомъ у него является сынъ, не уступающій отцу въ нечестіи и превосходящій порочностію своего родителя. И къ нему долготерпитъ Богъ. И отъ него явился и третій или отъ третьяго четвертый, нисколько не уступающій своимъ отцамъ во всякаго рода порокахъ и упражняющійся въ равномъ съ ними нечестіи. Тогда наконецъ Богъ наводитъ Свой превышній и съ самаго начала всему роду долженствуемый гнѣвъ, долготерпѣвъ достаточно,—даже болѣе, чѣмъ подобало. Въ самомъ дѣлѣ, отсрочка наказанія до четвертаго рода, развѣ это не служитъ къ похвалѣ истинно божественнаго милосердія? Что ни сына за отца, какъ и ни отца

за сына не свойственно Богу наказывать, безъ труда можно узнать это и изъ ясныхъ словъ Іезекііля пророка къ самимъ Іудеямъ, изъ-за этого самаго именно и роптавшихъ и говорившихъ: отцы ѣли кислый виноградъ, а зубы дѣтей получили оскомину. „И было, говорить, слово Господа ко мнѣ, говоря: сынъ человѣческій, что у васъ за притча эта въ Израилѣ: отцы ѣли кислый виноградъ, а зубы дѣтей получили оскомину? Живу я, говоритъ Господь, если будетъ притча эта еще говоритья въ Израилѣ, потому что всѣ души Мои суть, какимъ образомъ душа отца, такъ и душа сына, Мои суть: душа согрѣшающая—она умретъ, а сынъ не получитъ за беззаконіе отца, ни отецъ не получитъ за беззаконіе сына своего,—каждый въ беззаконіи своемъ, коимъ согрѣшилъ, умретъ въ немъ“ (Іезек. 18, 1—4. 20—24).

Но, полагаю, никто не подумаетъ такого вздора, что Богъ не съ самаго начала опредѣлилъ совершеннѣйшій законъ, а какъ бы мѣнялъ Свой намѣренія и передумывалъ къ лучшему, и подобно одному изъ насъ только въ позднѣйшемъ рѣшеніи едва смогъ опредѣлить надлежащій законъ. Вѣдь если одобримъ первыя узаконенія, то очевидно тѣмъ самымъ осудимъ позднѣйшія, а если отдадимъ преимущество позднѣйшимъ, то первыя конечно признаемъ ниже тѣхъ. Такимъ образомъ Богъ будетъ опредѣлять противоположные законы и, подобно намъ, оказывается погрѣшающимъ противъ должнаго, законополагая то то, то это. Но, полагаю, всякій скажетъ, что приведеннымъ нелѣпостямъ никоимъ образомъ не можетъ подлежать божественная природа или погрѣшать когда либо противъ должнаго.

Итакъ, въ доказательство несравненнаго человѣколюбія Своего приводитъ это изреченіе: „воздающій

грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода“. Что человѣколюбивому Богу обычно не тотчасъ наказывать прегрѣшившихъ, а напротивъ — отсрочивать и отлагать наказанія до временъ отдаленныхъ, уразумѣешь изъ словъ Его: „и ярость Мою преисполнилъ, и претерпѣлъ, и не покончилъ ихъ“ (Іерем. 6, 17). И еще въ другомъ мѣстѣ: „еще не наполнились грѣхи Аммореевъ до нынѣ“ (Быт. 15, 16). Видишь, какъ преисполнилъ гнѣвъ свой, ибо нѣкоторые уже совершали наконецъ достойное полнѣйшей ярости, но долготерпитъ какъ Богъ и отсрочиваетъ приводить въ исполненіе свой гнѣвъ надъ оскорбляющими Его. Но чтобы, какъ на доскѣ, начертать тебѣ доказательство сказанному и посредствомъ уже самыхъ дѣлъ удостовѣрить въ томъ, что толкуемое изреченіе служитъ похвалою человѣколюбію Бога, приведу нѣчто изъ содержащагося въ священныхъ книгахъ и изъ самого божественнаго писанія постараюсь доказать, что грѣхи отцовъ переносятся на дѣтей до третьяго и четвертаго рода не несправедливо, но справедливо и заслуженно для подвергшихся этому. По причинѣ длиноты исторіи изложу ее сокращенно.

Итакъ, читаемъ въ третьей книгѣ Царствъ, воцарился надъ Израилемъ послѣ другихъ Ахавъ, который, впавъ въ беззаконѣйшее пожеланіе отнюдь не принадлежавшаго ему виноградника, умервщляетъ владѣльца, разумѣю Навуея, — хотя и не самъ это повелѣлъ сдѣлать, а только не воспротивился упрямству своей жены (3 Цар. 21, 7 сл.). Необходимо долженъ былъ негодовать на это Богъ, потому говорить къ нему чрезъ пророка Ілію: „вотъ что говоритъ Господь: такъ какъ ты убилъ и унаслѣдовалъ, то посему вотъ что говоритъ Господь: на мѣстѣ, гдѣ лизали свиньи и псы кровь Навуея, тамъ будутъ

лизать псы кровь твою и блудницы будутъ мыться въ крови твоей“ (ст. 19). И еще вслѣдъ затѣмъ: „вотъ что говоритъ Господь: вотъ наведу на тебя зло и сожгу за тобою, и истреблю Ахавова мочащагося къ стѣнѣ, и заключеннаго и оставшагося въ Израилѣ,—и отдамъ домъ твой какъ домъ Іераваама сына Наватова и какъ домъ Вассы сына Ахіина за оскорбленія, коими ты прогнѣвалъ Меня и ввелъ Израиля въ грѣхъ. И Іезавели изрекъ, говоря: псы съѣдаютъ ее въ предградіи Израиля, и мертвеца Ахавова въ городѣ съѣдаютъ псы, и мертвеца въ полѣ съѣдаютъ птицы небесныя“ (3 Цар. 21, 21—24). Когда Владыка всяческихъ угрожалъ совершить все это и непремѣнно навести, Ахавъ разорвалъ одежду и, войдя въ домъ свой, какъ написано (3 Цар. 21, 27), сокрушался, проливалъ горькія слезы и опоясалъ чресла свои вретичемъ. И такъ какъ Богъ сталъ питать жалость къ нему, пришедшему въ такое настроеніе, то начинаетъ смягчать гнѣвъ Свой и, какъ бы узду какую полагая на немедленное проявленіе его, говоритъ пророку: „ты видѣлъ, какъ сокрушается Ахавъ отъ лица Моего? Не наведу этого во дни его, но во дни сына его наведу бѣдствіе“ (ст. 29). При комъ же исполнено это, вотъ что слѣдуетъ узнать. Отъ Ахава родился Озія, который „творилъ, говорится, зло предъ Господомъ и ходилъ путемъ отца своего Ахава и путемъ Іезавели матери своей“ (22, 53). Но и отъ Озіи, сказано, родился Іорамъ, о коемъ также написано, что ходилъ „въ грѣхахъ дома Іеровамова“ (4 Цар. 1, 18). Но и отъ Іорама царствовалъ третій Охозія, о коемъ также сообщаетъ историческая книга, что „творилъ зло предъ Богомъ, какъ домъ Ахава“ (4 Цар. 8, 27). Такъ какъ уже настало время для должнаго наказанія дома Ахавова, не пре-

кратившаго нечестія противъ Бога до четвертаго потомка, то помазуются наконецъ царемъ надъ Израилемъ Иосафатъ, сынъ Намеси ¹⁾, который истребляетъ Охозію и съ нимъ Іезавель, истребляетъ и другихъ семьдесятъ сыновъ Ахава, исполняя до конца гнѣвъ Божій, за что и получаетъ честь и благодать. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ къ нему Богъ? „За то, что ты заблагоразсудилъ совершить правое въ очахъ Моихъ,—и все, что на сердцѣ Моемъ, совершилъ дому Ахава,—сыны четвертые (до четвертаго роду) будутъ сидѣть у тебя на престолѣ Моемъ“ (4 Цар. 10, 30).

Видишь, что дурныхъ (дѣтей) отъ дурныхъ (отцовъ) едва наказалъ въ четвертомъ родѣ, а читателю своему и милость простираетъ до четвертаго рода. Перестань же, Іудей, обвинять божественную правду, ибо въ качествѣ похвалы мы должны принимать слова: „воздающій грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода“.

IX. 3. Но да явятся дѣла Божія на немъ.

Трудновато для объясненія и имѣетъ много недомѣннаго это изреченіе, -- быть можетъ благоразумнѣе обходить его (молчаніемъ) и оставлять (безъ толкованія) по причинѣ величайшей трудности. Но чтобы, при разрушеніи іудейскихъ догматовъ, другое что родственное тому, какъ бы „какой корень горькій, прозросши, не повреждалъ“, по слову Павла (Евр. 12, 15),—вѣдь пожалуй вообразить кто, что чрезъ это тѣла людей призываются къ страданіямъ, дабы въ нихъ являлись дѣла Божія,—то, какъ мнѣ кажется, полезно и на это сказать немного что либо для предотвра-

---

¹⁾ 4 Цар. 9, 14 названъ Іуиу сыномъ Іософата сына Намеси,—а въ 20 ст. Іуиу названъ сыномъ Намеси,—ср. 2 Парал. 22, 7.

щенія могущаго и отсюда быть вреда и для препятствія всякаго доступа ложнымъ умозаключеніямъ. Мы доказали уже, что ни грѣхи родителей не наводитъ Богъ на дѣтей, если только эти непричастны нечестію тѣхъ (выше, гл. I кн. 6 къ 9, 2 — 3), и что кромѣ того не вслѣдствіе предшествовавшихъ (рожденію) грѣховъ бываетъ воплощеніе (кн. 1 гл. 9 къ 1, 9). Удивительнымъ образомъ Христосъ уничтожилъ и отвергъ то и другое, какъ Богъ зная все, вѣрнѣе же—Самъ будучи правителемъ надъ нашими дѣлами и распредѣлителемъ каждому надлежащаго и подобающаго. Вѣдь если говорить, что не согрѣшилъ слѣпой и не подвергся за это ослѣпленію, то объявляетъ безуміемъ считать человѣческую душу повинною въ предшествовавшихъ тѣлу грѣхахъ. А ясною рѣчью о томъ, что ни родители его не согрѣшали, почему и родился слѣпымъ ихъ сынъ, — ниспровергаетъ неразумное мнѣніе Іудеевъ. Научивъ такимъ образомъ Своихъ учениковъ, сколько необходимо было имъ знать, для только что указаннаго нами ниспроверженія догматовъ, — и столько сообщивъ имъ, сколько подобало предложить человѣческому познанію, — умалчиваетъ объ остальномъ и уже не прибавляетъ выясненія причины рожденія слѣпымъ того, кто былъ неповиненъ ни въ какомъ предшествовавшемъ рожденію грѣхопаденіи, усвоивъ одной только божественной природѣ, какъ ея исключительное свойство, вѣдѣніе и распоряженіе во всѣхъ таковыхъ предметахъ. Но весьма искусно опять обращаетъ отвѣтъ къ другому нѣкоему предмету и говоритъ: „но да явятся дѣла Божіи на немъ“.

Итакъ, неужели же, спросить кто либо, и теперь говоря намъ это, Господь высказываетъ догматъ, что только ради того одного тѣламъ человѣческимъ при-

ходится страдать, *дабы явились дѣла Божіи въ нихъ?* Но совѣмъ этого не представляется, напротивъ — совершенно нелѣпо такъ разсуждать и думать. Не въ качествѣ догмата, какъ пожалуй подумаетъ кто, Онъ говорить это. Что нѣкоторымъ случается страдать изъ-за грѣховъ, объ этомъ мы часто узнаемъ изъ священныхъ писаній. Такъ Павелъ ясно пишетъ въ посланіи къ тѣмъ, кои какъ бы неумытыми ногами осмѣливаются приступать къ божественному жертвеннику и нечистыми и нечестивыми руками прикасаться къ таинству благословенія (евхаристіи): „ради этого у васъ много немощныхъ и больныхъ, и умирають довольно (много), ибо если бы себя самихъ судили, не были бы судимы,—осуждаемые же отъ Господа, наказуемся „да не будемъ съ міромъ осуждены“ (1 Кор. 11, 30—32). Такимъ образомъ на подвергшихся болѣзнямъ и смерти иногда это страданіе налагается посредствомъ божественнаго гнѣва. И Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, когда освободилъ разслабленнаго отъ продолжительной болѣзни и чудесно явилъ его здоровымъ, „вотъ, сказалъ, здоровъ сталъ ты, не грѣши же, чтобы хуже тебѣ не стало“ (Іоан. 5, 14). Указываетъ этимъ на то, что разъ избѣгши и спасшись благодатью отъ Него, онъ можетъ подвергнуться и подпасть еще худшему чему либо благодаря грѣху.

Но могутъ сказать: согласимся, что это вѣрно. Однакожъ, какое основаніе можно бы указать для объясненія того, что нѣкоторые подвергаются ужаснымъ страданіямъ съ пеленокъ и первыхъ временъ бытія, рождаясь съ болѣзнями уже изъ материнской утробы. Предсуществованію души мы конечно не вѣруемъ, какъ не признаемъ и ея грѣховъ до тѣла. Какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ грѣшить еще непризванное къ бытію. Но если нѣтъ грѣха и предшествующаго стра-

данію преступленія, то какую же наконецъ можемъ указать причину страданій?

Безконечно превышающее насъ совершенно недоступно пониманію нашего разума и я совѣтовалъ бы благоразумнымъ совѣмъ отказываться отъ такихъ изслѣдованій (Сир. 21—22),—и прежде всѣхъ самому себѣ. Должно болѣе размышлять надъ тѣмъ, что намъ установлено, а глубинъ не изслѣдовать, трудностей не изыскивать и не пытаться дерзко раскапывать сокровище въ одномъ только божественномъ и неизреченномъ совѣтѣ, а напротивъ — благочестиво предоставлять вѣдѣнію одного Бога подобающее исключительно только Ему, съ истиннымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ то, что, будучи источникомъ всякой правды, Онъ не совершитъ и не рѣшитъ ни по отношенію къ намъ, ни по отношенію ко всякой другой твари, ничего такого, что оказывалось бы не подобающимъ Ему и выходило бы не изъ основъ истинной справедливости.

Итакъ, въ виду такого, намъ подобающаго, расположенія, думаю, что Господь не догматически говорить: „да явятся дѣла Божіи въ немъ“, напротивъ, отвѣтъ на вопросъ Онъ отвлекаетъ какъ бы на другой путь и отъ недоступныхъ намъ глубинъ (вѣдѣнія) переводитъ въ область нравственности. И это довольно обычно для Него. Что это истинно, (для удостовѣренія въ этомъ) выслушай опять, какъ Онъ, когда святые ученики весьма любопытствовали однажды о кончинѣ вѣка и пытались съ сверхмѣрною точностію узнать о второмъ Его пришествіи и преступали подобающую людямъ мѣру,—яснѣйшимъ образомъ отстраняя ихъ отъ такихъ вопросовъ, говорить: „не ваше дѣло знать времена и сроки, кои Отецъ положилъ въ Своей власти, но примете силу нашедшаго Святаго Духа на васъ и будете Моими свидѣ-

телями въ Іерусалимѣ и въ Іудеѣ всей“ (Дѣян. 1, 7—8). Слышишь, какъ отнюдь не позволяетъ намъ искать того, что намъ всего менѣе подобаешь, но увѣщаетъ обратиться къ тому, что было необходимо. Такимъ образомъ и здѣсь, ясно сказавъ о томъ, что надлежало знать, умалчиваетъ объ остальномъ, вѣдая, что Ему только одному подобаешь знаніе объ этомъ.

Но чтобы полнымъ молчаніемъ не вызвать въ нихъ желанія снова спрашивать объ одномъ и томъ же, Онъ искусно представляя какъ бы въ видѣ отповѣди и какъ бы соотвѣтствующій вопросу отвѣтъ, высказываетъ; „но да явятся дѣла Божіи въ немъ“, что другими и болѣе простыми словами можно выразить такъ: не влѣдствіе собственныхъ грѣховъ или родительскихъ челоуѣкъ этотъ родился слѣпымъ, но если уже разъ пришлось ему подвергнуться этому, то и въ немъ можно прославляться Богу, ибо если вышнимъ дѣйствіемъ онъ окажется свободнымъ отъ удручающаго его и изнуряющаго страданія, то кто же не подивится врачу? кто не увидитъ въ немъ силу цѣлителя?

Такая мысль, думаю, заключается въ этомъ изреченіи. Разумнѣйшіе пусть истолкуютъ лучше. Если же иные станутъ спорить и утверждать, что челоуѣкъ этотъ родился слѣпымъ для того, чтобы Христосъ прославился въ немъ, то опять скажемъ такъ: неужели, любезнѣйшіе, одинъ только онъ въ цѣлой Іудеѣ былъ слѣпцомъ отъ рожденія во время пришествія Спасителя нашего, и еще уже вообще ни одного другого? Но, думаю, даже невольно согласятся, что было по всей вѣроятности весьма не малое въ цѣлой странѣ множество такихъ. Почему же на одномъ только этомъ или на другихъ не многихъ числомъ Христосъ открылъ Себя или явилъ Свое

человѣколюбіе? Но, думаю, спорить и объ этомъ совершенно излишне.

Итакъ, отвергнувъ сказанное въ началѣ (заблужденіе), какъ совершенно глупое, выскажемъ истинну, именно: открывъ намъ въ этихъ словахъ столько, сколько надлежало знать, Онъ направляетъ Своего ученика къ другому предмету разсужденія, искусно отклоняя его отъ изслѣдованія этихъ словъ.

VIII: 4. Намъ ¹⁾ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго насъ ²⁾, дондеже ³⁾ день есть: придетъ ночь, егда никтоже можетъ дѣлати.

Вотъ въ этихъ словахъ очень ясно и какъ бы несходительно дѣлаетъ и другой упрекъ ученикамъ, какъ обратившимся къ чему-то другому, а не къ чему надлежало, оставившимъ проѣзжій, торный и удобо-проходный путь и дерзнувшимъ идти по отнюдь не подобавшей имъ дорогѣ. Зачѣмъ, говорить, вы спрашиваете то, о чемъ лучше молчать? Зачѣмъ, оставивъ соотвѣтствовавшій времени предметъ, стараетесь узнать то, что выше человѣческаго ума? Теперь—время, говорить, не для такого изслѣдованія, но для дѣла и

¹⁾ ἡμῶς—важное разночтеніе, предполагающееся и толкованіемъ Кирилла. Оно же имѣется въ $\aleph^*$ В D (ἡμῶς? послѣ δεῖ) L. d. Саг Копт Мемф ed Oxf 1898) Ээ (Рим) Сир (іер). Ориг 3, 201. а; 4, 27. с. Макарій Ном 30. 6 (οὐκέτι δύνασθε ἐργάζεσθαι) Ноннъ 10, 19 Иеронимъ трижды (Іерем. 13 Гал. 13 Еккл.) др. Но другіе и всѣ славян. читаютъ: εμε или με: $\aleph$ а или b ACX др. унц. не мал. 1. 33. 69 прочіе мин, Сир Таціанъ (Ефр. 197 и Ciasca § 36 син пеш геракл Ээіоп Platt. Nilag. 929. а Злат 8, 377

²⁾ Опять ἡμῶς и въ толкованіи согласно: $\aleph^*$ L Копт (Мемф Oxf. 1898) Ээіоп ed Rom. (Ориг. Ноннъ и Иеронимъ не касаются этого второго ἡμῶς. Другіе и слав. всѣ εμε—ме: В D Сир син іер пеш геракл и Таціанъ (Ефр. и Ciasca Ibid.) Саг Копт Ит Вульг Гилар и всѣ, читающіе первое εμε—ме.

³⁾ ἕως—дондеже всѣ слав. согл: $\aleph$ В C³D др. мн. Сир іер (ⲓⲩ) син и пеш (ⲓⲩ) Тац (Ефр и Ciasca) Копт Гот Вульг (denec) Ит (dum а. с. е. ff 1) Ориг 3, 201. а и 4, 27. с Rue. Другіе ὡς—такъ какъ: C* L. 33. Сир Геракл (на полѣ) Итал (сint b. d.) Ориг. 4, 27. с Huet. др.

напряженнаго старанія, ибо напротивъ, думаю, надо оставить любопытство объ этомъ и стараться совершать Заповѣди Божіи;—и такъ какъ словомъ „насъ“ указалъ на апостоловъ, то надо исполнять дѣла апостольства. А если Себя Самого Господь причисляетъ къ посланнымъ и поставляетъ между тѣми, кои должны дѣлать, то говорить это конечно не потому, что Онъ вмѣстѣ съ нами или какъ одинъ изъ насъ по свойственной рабамъ необходимости подчиненъ волѣ владыки, но держится обычнаго и у насъ общепринятаго образа рѣчи. Такъ мы имѣемъ обыкновеніе, особенно когда простая рѣчь не произведетъ впечатлѣнія на слушателей, присоединять и соприсчислять себя къ нимъ, какъ безъ сомнѣнія и мудрѣйшій Павелъ въ посланіи къ Коринѣянамъ перенесъ наконецъ рѣчь на себя и Аполлоса: „а это, братья, я примѣнилъ къ себѣ и Аполлосу, дабы въ насъ вы научились не мудрствовать сверхъ того, что написано“ (1 Кор. 4, 6).

Итакъ, „пока день есть, говоритъ, будемъ дѣлать дѣла Пославшаго насъ, ибо придетъ ночь, когда никто дѣлать не можетъ“. Днемъ называетъ здѣсь срокъ жизни въ тѣлѣ, а ночью—время въ состояніи смерти. Такъ какъ день назначенъ для дѣлъ, а ночь для бездѣйствія и сна, поэтому время жизни, когда должно дѣлать добро, говорятъ, есть день, а ночь—время въ состояніи почиванія, когда совсѣмъ нельзя ничего сдѣлать, „ибо умершій оправданъ (освобожденъ) отъ грѣха“, по слову Павла (Римл. 6, 7), по невозможности что либо совершать оказывающійся и внѣ грѣха.

Знаетъ безъ всякаго сомнѣнія божественное писаніе и въ другомъ смыслѣ день духовный, какъ и другую отличную отъ этой, ночь. Но каждому изъ этихъ родовъ толкованія свое время и мѣсто, благодаря

чему и получается правильное пониманіе толкуемыхъ изреченій. Пытаться же насильственно и гдѣ не подобаетъ облекать въ духовное толкованіе то, что полезно въ историческомъ смыслѣ, значить не другое что, какъ просто смѣшивать безъ разбора полезное и по великому невѣжеству загрязнять получающуюся оттуда пользу.

IX. 5. Егда есмь ¹⁾ въ мѣръ, свѣтъ есмь міру.

Неужели допустимъ, что Христосъ когда либо совѣмъ не былъ въ мѣрѣ, или станемъ вѣрить, что, вознесшись на небо послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, уже не обитаетъ среди пребывающихъ въ этой жизни? Какъ истинный Богъ, Онъ наполняетъ и объемлетъ не только небеса и находящуюся за ними твердь, но и нашу вселенную. И какъ при обитаніи съ плотью среди людей въ этомъ мѣрѣ Онъ не оставлялъ небесъ, такъ согласно правильному образу мыслей должны мы рассуждать, что хотя по плоти Онъ и ушелъ изъ этого міра, тѣмъ неменѣе всегда будетъ пребывать въ немъ и управлять всѣмъ божественная и неизреченная Его природа, не удаляющаяся ни отъ чего существующаго (въ мѣрѣ) и ничего не оставляющая, но вездѣ всему присущая,—наполняющая этотъ весь мѣръ и выше его мыслимый, но наполняемая одною только собою.

Теперь слѣдуетъ рассмотреть, о чемъ говорить здѣсь Господь. Ниспровергнувъ, какъ пустое, мнѣніе Іудеевъ и показавъ ихъ увлеченіе гнилыми догматами, а Своимъ ученикамъ давъ совѣтъ, что имъ надо привыкнуть дѣлать угодное Богу и отвыкнуть увлекаться изысканіемъ совершенно излишняго, даже

¹⁾ Такъ согл. и вѣк. вм автор. и слав. *въ мѣрѣ есмь*.

пригрозивъ тѣмъ, что время дѣла можетъ уйти у нихъ, при ихъ полномъ бездѣйствіи, если они не употребятъ все стараніе къ благоукрашенію себя ими (дѣлами), пока они находятся въ этомъ мірѣ съ плотию,—беретъ Себя Самого въ образецъ дѣла: вѣдь вотъ и Я, говоритъ, дѣлаю подобающее Мнѣ, а если Я пришелъ для освѣщенія того, что нуждается въ свѣтѣ, то Я долженъ и глазамъ тѣлеснымъ, если они они болѣютъ ужаснымъ отсутствіемъ свѣта, вселить свѣтъ, особенно когда кто либо изъ страждущихъ приступитъ (съ просьбою объ этомъ).

Такимъ образомъ мы должны брать это изреченіе въ историческомъ и простомъ (буквальномъ) смыслѣ. Но несомнѣнно, что Единородный есть и свѣтъ духовный, знающій и могущій освѣщать не этотъ только міръ, но и иную всю надмірную тварь. И если къ предложенному созерцанію мы станемъ примѣнять такой смыслъ этихъ словъ, то полагаю мы не окажемся дѣлающими что либо невѣроятное.

IX. 6—7. Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори брение отъ плюновения, и помаза ему брение на очи, и рече ему: иди, умыйся въ купъли Силоамстѣ, еже сказается: по-сланъ. Иде убо и умыся, и прииде видя 1).

Принявъ это исцѣленіе слѣпаго за образъ призванія язычниковъ, опять скажемъ о смыслѣ таинства кратко и вообще.

Во первыхъ укажемъ на то, что мимоходомъ и по оставленіи іудейскаго храма видитъ слѣпца. Потомъ благополучно присоединимъ сюда и то, что безъ хода-

1) Въ *ἀλέχρονος* В *ἐλέθρονος*. *αὐτοῦ* г. л. *ἐλὶ* г. *ὁ* *τοῦ* г.—одни,—др. безъ г. *τοῦ* *αὐτοῦ*,—иные безъ *αὐτοῦ*. Древне-слав. *помаза ему очи* О *шедъ же*, Мар-др: *иде же*, Зогр и *иде же*. Гал. *помаза ему очи берньснъ слѣпому* Ал точно: *помаза берньсн на очю слѣпому—шедъ убо и умыся и приде видя*. Ковст. и поздн оп. *ему*, но чит: *слѣпому* Тип Сим: *каломъ*.

тайства и просьбы чьей либо къ Нему, но по собственному побужденію и по самоизволенію приходитъ Спаситель къ желанію исцѣлить человѣка, и это полагая какъ бы знаменіемъ того, что отъ множества язычниковъ не было никакого ходатайства, ибо всѣ пребывали въ заблужденіи, но будучи Богомъ и благимъ по природѣ, какъ бы по самопризванію пришелъ къ милости для нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ какимъ бы то ни было образомъ могло просить у Бога милости это разнообразное число еллиновъ или язычниковъ, имѣвшее умъ, загроможденный несравнимымъ невѣжествомъ, такъ что совсѣмъ не могъ видѣть Просвѣтителя? Поэтому, какъ и исцѣляемый конечно не видалъ Иисуса, но по Его милости и человѣколюбію получаетъ (прозрѣніе) сверхъ ожиданія, такъ тоже случилось чрезъ Христа и съ язычниками. А что исцѣленіе совершается въ субботу, то суббота здѣсь можетъ служить намъ образомъ конечнаго времени настоящаго вѣка, когда Спаситель возсіялъ язычникамъ, ибо конецъ седмицы суббота, а пришелъ и явился всѣмъ намъ Единородный въ послѣдній часъ и въ конечныя времена вѣка. Но и о способѣ исцѣленія съ истиннымъ изумленіемъ подобаетъ сказать: „какъ возвеличились дѣла Твои, Господи,—все премудростію сотворилъ Ты“ (Псал. 103, 24).

Но чего ради, спросить кто либо, хотя и могъ все легко совершать словомъ, смѣшиваетъ *брекіе* отъ *плюновенія*, а, помазавъ *глаза* страдавшаго, оказывается повелѣвающимъ сдѣлать и (еще повидимому) излишнее нѣчто: *иди*, говоритъ, *омойся въ купальнѣ Салоама*“. Глубокій смыслъ, думаю, заключается въ этихъ словахъ, ибо Спаситель не повелѣваетъ ничего напраснаго. Помазываетъ брениемъ, прилагая какъ бы недостающее и отсутствующее природѣ зрѣнія и тѣмъ

показуя что Самъ Онъ былъ образователемъ насъ въ началѣ, творцомъ и создателемъ всего.

Но это дѣло имѣеть и нѣкоторый таинственный смыслъ. Какой же это и что мы расположены разумѣть тутъ, скажемъ также и объ этомъ.

Вѣдь язычникамъ возможно было омыться отъ обнимавшей ихъ слѣпоты и узрѣть божественный и святой свѣтъ, то-есть получить познаніе о Святой и Единосущной Троицѣ не иначе, какъ чрезъ то, что они сдѣлались причастниками святой Его плоти, омылись отъ черниваго ихъ грѣха, освободились отъ власти діавола очевидно посредствомъ святаго крещенія. А какъ слѣпцу Спаситель начертывалъ предварительный образъ этого таинства, то и значеніе этого причастія выполнилъ пока чрезъ помазаніе плюновеніемъ. И во образъ святаго крещенія повелѣваетъ ему бѣжать и омыться въ Силоамъ, коего имя премудрый и духоносный Евангелистъ считаетъ нужнымъ истолковать. Это потому, что подъ *посланнымъ* мы разумѣемъ не другого кого, какъ на погибель грѣха и діавольскаго владычества свыше къ намъ отъ Бога пришедшаго и посланнаго Бога Единороднаго и признавая, что это Самъ Онъ невидимо носится на водахъ святой купѣли, омываемся съ вѣрою не въ очищеніе нечистоты плотской, по написанному но какъ бы скверну какую и нечисть очей души отмывая, дабы наконецъ возмogli мы чистые часто созерцать божественную красоту,

Итакъ, какъ вѣруемъ въ то, что тѣло Христа животно, поелику есть храмъ и жилище живого Бога Слова и обладаетъ всею силою Его, такъ почитаемъ его (тѣло) и способнымъ сообщать просвѣщеніе, ибо оно есть тѣло природнаго и истиннаго Свѣта. И какъ, когда воскрешалъ умершаго единороднаго

сына вдовы, неудовольствовался однимъ приказаніемъ и словами: „юноша тебѣ говорю: встань“ (Лук. 7, 14), хотя и могъ словомъ совершать всѣ желанія Свои, но и положилъ руку на гробъ, показуя этимъ, что и тѣло Его имѣетъ животворную силу: такъ и здѣсь помазуетъ плюновеніемъ, научая этимъ, что тѣло Его можетъ сообщать просвѣщеніе чрезъ простое прикосновеніе, ибо оно есть тѣло истиннаго Свѣта, какъ сказали мы.

Слѣпой уходитъ и быстро омывается, немедленно исполняя приказаніе и на себѣ самомъ какъ бы показуя благопослушаніе язычниковъ, о коихъ написано: „готовности сердца ихъ вняло ухо Его“ (Псал. 9, 38). Такимъ образомъ и самый опытъ свидѣтельствуемъ о жестокосердіи жалкихъ іудеевъ и о готовности язычниковъ къ послушанію.

Бреніемъ и омовеніемъ человѣкъ тотчасъ же освобождается отъ слѣпоты и возвращается „видя“, ибо не могло быть иначе, какъ согласно волѣ Христа. Поэтому прекрасна вѣра, доставляющая намъ богоданную силу благодати, — напротивъ вредно двоедушіе и сомнѣніе: „ибо двоедушный человѣкъ не устойчивъ во всѣхъ путяхъ своихъ“, какъ написано, и отнюдь ничего не получитъ отъ Господа. (Іоан. 1, 7—8).

IX, 8—9. Сосѣди же и иже бяху видѣли его прежде, яко проситель ¹⁾ бѣ, глаголаху: не сей ли есть судьяй и просяй? Иной глаголаху, яко ²⁾ подобенъ ему есть. Онъ глаголаше: яко азъ есмь.

Великія чудеса съ трудомъ вызываютъ вѣру къ себѣ и недоступны разумѣнію, но воспринимаются

¹⁾ *προσάιτης*—одни и слав. а др. *τηφλός* и слав. *слѣпъ*.

²⁾ Такъ слав. и одни греч. Но Кир: *иной говорилъ: кѣтъ, но*—какъ др. гр.

умомъ безъ изслѣдованія, такъ какъ пытаться изслѣдовать превышающее умъ и слово есть признакъ недоумія. Поэтому, думаю, и не повѣрили и нѣкоторые изъ прежде видавшихъ слѣпца, пребывающаго обыкновенно на перекресткахъ улицъ и теперь пораженныхъ тѣмъ, что неожиданно встрѣчаютъ его обладающимъ свѣтлыми глазами. Это событіе вызываетъ въ нихъ сомнѣніе и раздѣленіе. Одни, обращая болѣе вниманія на величіе дѣла, говорятъ, что это не тотъ же самый человѣкъ, а очень сходный съ ихъ знакомымъ (слѣпцомъ): и вполнѣ естественно это для тѣхъ, кои, отвергнувъ истину, какъ бы толкаются къ невольному лжесловію. Другіе же, болѣе разсудительные и обладавшіе болѣе свѣтлымъ умомъ, благоговѣя предъ чудомъ, говорятъ, что это—онъ (бывшій слѣпецъ). Споръ тотъ часъ же разрѣшаетъ исцѣленный, самъ засвидѣтельствовавъ о себѣ самомъ, такъ какъ каждый знаетъ самого себя, какъ бы ни былъ сумасброденъ. Чудо же, невѣроятное по своей чрезмѣрной силѣ, доставляетъ Чудотворцу великую и всеобщую славу.

IX. 10. Глаголаху же ему: како ти отверзостъся очи?

Съ трудомъ рѣшаются повѣрить, что это тотъ самый, кого они знали издавна, и, переставъ спорить объ этомъ, спрашиваютъ: какъ онъ избавился отъ слѣпоты и какимъ образомъ совершилось это необычайное дѣло? Вѣдь подобное любопытство и изслѣдованіе образа совершенія событія всегда обычно удивляющимся. И они дѣлаютъ это не безъ божественнаго руководительства, по нашему мнѣнію, но чтобы даже и противъ воли узнать всемогущество Спасителя нашего, благодаря ясному и открытому объявленію имъ со стороны слѣпца, что можетъ слу-

жить прекраснымъ образомъ того, что обратившіеся язычники, освободившись отъ исконной слѣпоты и получивъ освѣщеніе отъ Спасителя нашего Христа чрезъ Духъ, являются учителями израильтянъ. А что сказанное истинно, объ этомъ возгласятъ дѣла.

IX. 11. Отвѣща онъ: человекъ нарицаемый Иисусъ, бремѣ сотвори и помаза мои очи и рече ми: иди умойся въ ¹⁾ Силоамъ. Шедъ же и, умывся, прозрѣхъ.

Оказывается еще незнающимъ того, что Спаситель есть Богъ по природѣ, ибо не говорилъ бы о Немъ такъ унижительно. Какъ видно, онъ думаетъ и разсуждаетъ о Немъ, какъ объ одномъ изъ святыхъ, почерпнувъ такой взглядъ на Него, кажется, изъ темнаго слуха, распространеннаго по всему Иерусалиму, и повсюдной о Немъ молвы. Такъ обычно люди съ поврежденнымъ тѣломъ и объятые крайнею нуждою не имѣютъ досуга приобрѣтать точныя свѣдѣнія о другихъ, такъ какъ всю свою заботу употребляютъ на свою безвыходную бѣдность. Поэтому называетъ Его самымъ простымъ человѣкомъ и сообщаетъ способъ исцѣленія. Ему, подѣ влияніемъ величайшаго чуда, конечно надлежало бы убѣдиться въ сверхчеловѣческой природѣ Чудотворца и воздать подобающую славу Ему. Но Онъ думаетъ, что и святые могутъ совершать при помощи Бога чудеса, и увлекается къ мысли, что это одинъ изъ нихъ.

IX. 12. И ²⁾ рѣша ему: гдѣ ³⁾ есть Той? Глагола: не вѣмъ.

Не по доброму намѣренію ищутъ Иисуса, но и не стараются узнать, гдѣ и у кого Онъ имѣлъ мѣсто-

¹⁾ др: въ купель Силоамлю.

²⁾ Такъ одни, другіе: рѣша убо, третьи только: рѣша.

³⁾ Слав. тепер. кто и подѣ чертою: гдѣ.

пребываніе, чтобы, найдя Его, попросить чего либо для себя полезнаго. Но, будучи слѣпы очами ума болѣе, чѣмъ прежде былъ слѣпъ тотъ тѣлесными очами, возжигаются несправедливѣйшимъ гнѣвомъ и набрасываются, подобно неукротимымъ звѣрямъ, воображая, что Спасителемъ нашимъ была нарушена заповѣдь, повелѣвающая отнюдь ничего не дѣлать въ субботу. Свирѣпствуютъ до крайности за то, что Онъ дерзнулъ взять брѣніе, растереть пальцами землю и кромѣ того еще повелѣлъ человѣку смыть это въ субботу. Поэтому то безъ всякаго стыда изрыгаютъ отъ ярости и безумія вопросъ: „гдѣ—Онъ“. Того, Кому свойственна была и подобала богатая слава, они надѣляются униженіемъ и порицаніемъ. Между тѣмъ какъ имъ надлежало бы, если бы они были люди хорошіе и способные, вѣнчать божественную силу подobaющими похвалами, они напротивъ, вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго злонавія, отталкиваютъ отъ себя справедливыя мысли и дѣла, вдаются въ неумѣстную ревность, несправедливо рѣшаютъ, что надо защищать будто бы нарушаемый какимъ то образомъ законъ и ищутъ Іисуса, какъ совершившаго работу въ субботу и посредствомъ исцѣленія человѣка нарушившаго столь важную заповѣдь. По видимому они думали, что немилостивъ и гнѣвливъ бываетъ Богъ въ субботу и весьма негодуетъ, если увидитъ исцѣленіе человѣка, созданнаго по Его образу и подобію, Тѣмъ, ради кого и суббота, „ибо господинъ есть и субботы Сынъ Человѣческой“. (Матѳ. 12, 8), по слову Спасителя.

1X. 13—14. Ведоша его къ фарисеомъ, иже бѣ иногда слышѣ. Бѣ же суббота, въ онъ же день ¹⁾ брение сотвори Иисусъ и отверзе ему очи.

Отводятъ человѣка къ начальникамъ не съ тою цѣлью, чтобы они узнали бывшее надъ нимъ (чудо) и удивились, ибо неестественно было имѣть когда либо подобное настроеніе питавшимъ чрезмѣрную ненависть къ Спасителю нашему Христу, но чтобы представить его въ очевидное доказательство, какъ они думали, беззаконія Его и обвинить какъ преступника закона тѣмъ, что сдѣлалъ брение въ субботу. Отвергая то, что было достойно удивленія въ этомъ чудѣ, они какъ бы хватаются за это, какъ за преступленіе, въ доказательство содѣяннаго предъявляя человѣка, на коемъ совершено чудо, а вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ, что совершаютъ благочестивое дѣло, соотвѣтствующее обычаямъ іудейскимъ, и стремятся привести въ исполненіе постановленіе закона. Именно во Второзаконіи дѣйствительный и истинный Богъ, научая, что умъ боголюбивыхъ людей не долженъ заблуждаться и никакихъ кромѣ Него не признавать боговъ, но повелѣвая признавать только Единого Истиннаго и вооружаться сильнымъ гнѣвомъ противъ тѣхъ, кои дерзновенно рѣшатся думать что либо другое, кромѣ этого, говорить такъ: „если будетъ уговаривать тебя братъ твой отъ отца твоего или отъ матери твоей, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена твоя (находясь) на лонѣ твоёмъ, или другъ равный душѣ твоей, тайно говоря: пойдёмъ и будемъ служить богамъ другимъ... не соглашайся съ нимъ и не внимай ему, и да не пощадитъ его глазъ твой, и не жалѣй его и не при-

¹⁾ Такъ одни, др. *егда* и слав.

крывай его: непремѣнно возвѣсти о немъ“ (Второз. 13, 6. 8. 9). Иудеи опять, смотря на одни только паденія другихъ и узаконенное относительно одного только дѣла неразумно простирая и на всякое, замѣченныхъ въ чемъ либо, выходявшемъ изъ ряда заповѣдей законныхъ, приводили къ начальникамъ, возбуждая чрезъ это почитать и Законодателя. По этой, думаю, причинѣ и искали Иисуса, говоря: „*гдѣ есть Онъ*“. И оказавшись не въ состояніи нигдѣ отыскать Его, ведутъ, какъ бы въ качествѣ второстепеннаго, надъ кѣмъ совершенно чудо, своимъ заявленіемъ какъ бы запечатлѣвающаго, что законъ нарушенъ Совершившимъ исцѣленіе его въ субботу.

А что они пылали неудержимымъ гнѣвомъ за приготовленіе брени въ субботу, это намъ ясно заявляетъ блаженный Евангелистъ и искусно представляетъ достойнымъ смѣха, когда прибавляетъ слова: „*была же суббота въ день, когда брenie сдѣлалъ Иисусъ*“.

IX. 15. Паки же вопрошаху его и фарисеи: како прозѣ?

Стараются точно узнать образъ исцѣленія, какъ бы возжигая въ себѣ огонь зависти, но любопытствуютъ, не зная, какъ мнѣ кажется, о чудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что они пришедшихъ къ нимъ и приведшихъ прежняго слѣпца совсѣмъ не спросили о причинѣ этого приведенія, но какъ будто ихъ (приведшихъ слѣпца) было недостаточно для обвиненія Христа, они и его (слѣпца) заставляють собственнымъ голосомъ засвидѣтельствовать о дѣлѣ, думая, что значеніе клеветы отъ этого будетъ сильнѣе. Замѣтъ, что не спрашиваютъ просто только о томъ, исцѣленъ ли онъ, но стараются услышать именно о томъ, *какъ прозрѣлъ*“. Ясно, они очень старались услышать именно то, что Онъ *брение сдѣлалъ и помазалъ мои очи*. Вѣдь

въ этомъ, какъ неразумно полагали они, и заключалось все преступленіе закона и, указывая на нарушеніе вышнихъ постановленій, думали, что вполне справедливо надо негодовать и требовать наказанія Законопреступника.

IX. 15. Онъ же рече имъ: брєніе положи мнѣ на очи, и умыхся и вижу.

Разсказъ о чудѣ жадно принимаютъ какъ бы нѣкую пищу для зависти и поспѣшно хватаютъ предлогъ для своего гнѣва противъ Него. Преній слѣпецъ самымъ простымъ образомъ разсказываетъ о случившемся и весьма безискусвенно говоритъ, въ краткихъ признаніяхъ какъ бы воспѣвая Врача, ибо онъ поражается отчасти природѣ дѣла. Какъ кажется, онъ размышлялъ такъ, что, помазавъ брєніемъ какъ необычайнымъ лекарствомъ, Онъ чудеснымъ образомъ сдѣлалъ его зрячимъ. Но съ особою выразительностью, по моему мнѣнію, и велѣдствіе горькихъ мыслей сказалъ: *брєніе сдѣлалъ и помазалъ мои очи.* Можно предполагать, что онъ говоритъ какъ бы такъ: знаю самъ, что говорю предъ ненавистниками, однакожь не скрою истины. Воздамъ благодарностью моему Благодѣтелю, не предамся неумѣстному молчанію. Почту признаніемъ Врача, употребившаго не мудреный способъ исцѣленія, не желѣзомъ и отсѣченьемъ удалившаго болѣзнь, не лекарственными снадобьями доставившаго пользу, не общеупотребительными средствами воспользовавшагося, но употребившаго необычайные новые способы: *брєніе сдѣлалъ и помазалъ мои очи и я омылся и вижу*“. Со всею справедливостію надо изумляться тому, что человѣкъ этотъ къ своимъ словамъ объ этомъ искусно приложилъ, какъ бы вѣнецъ какой, это „*вижу*“. Этимъ онъ какъ бы такъ

говорить: не напрасно явлю силу Исцѣлившаго, не отрину благодати, ибо имѣю уже давно желанное (зрѣніе). Самъ я, говорить, слѣпецъ при рожденіи и въ утробѣ материнской имѣя этотъ недугъ, помазанный брениемъ, получилъ исцѣленіе и „вижу“, то-есть, не просто кажусь имѣющимъ открытые глаза, скрывая мракъ въ глубинѣ, но дѣйствительно смотрю,—имѣю уже въ зрѣніи то, что прежде было въ однихъ только ушахъ,—вотъ осіяваетъ меня блестящій свѣтъ солнца, вотъ объемлетъ мой взоръ красота новыхъ чудныхъ видѣній теперъ наконецъ узналъ я Іерусалимъ и „вижу“ въ немъ божественный блистающій храмъ и дѣйствительно созерцаю въ срединѣ его честный жертвенникъ и если окажусь за воротами, то могу осматривать кругомъ всю Іудею и знать, что такое гора и что растеніе,—а когда время склонится къ вечеру, то отъ моихъ очей не сокроется красота небесныхъ чудесъ, ни свѣтлый хоръ звѣздъ, ни золотой свѣтъ луны,—буду благодаря этому изумляться искусству Строителя, отъ красоты твореній познаю и я Творца (Прем. 13, 5).

Итакъ, что касается до широты созерцаній и искусства въ словахъ, то толкуемое изреченіе имѣетъ такой смыслъ, то-есть слова „вижу“ и „брение сдѣлалъ и помазалъ мои очи“. Вѣдь пріятность не чужда созерцаніямъ и наше слово, то-есть церковное, не отрывается отъ нея, какъ чего то незаконнаго. И поистинѣ не оклеветанною сохраняетъ силу своего Цѣлителя, когда говоритъ таковое тотъ, кто былъ привлеченъ на судъ священниковъ потому, что получилъ милость отъ Христа.

IX. 16, Глаголаху убо отъ фарисей нѣци: нѣсть Сей отъ Бога человекъ, яко субботу не хранитъ.

Пустословятъ, что „не есть отъ Бога“ Тотъ, Кому принадлежитъ сила совершать Божіе, и, видя Сына увѣнчаннаго равною мѣрою славы съ Всемогущимъ Отцомъ, не стыдятся безосновательно набрасывать на Него пятно нечестія. Отвергнувъ славу чудотворца, противопоставляютъ Ему свою зависть и неудержимо обвиняютъ Незнавшаго грѣха въ преступленіи. Безразсудно воображаютъ, что Онъ нарушилъ весь законъ совершеніемъ движенія однимъ только перстомъ въ субботу, хотя сами отвязываютъ вола отъ яслей и водятъ къ водѣ (Лук. 13, 15), и овцу, если упадетъ въ яму, по написанному, съ великимъ стараніемъ вытаскиваютъ (Матѣ. 12, 11), — оцѣживаютъ комара, по слову Спасителя (Матѣ. 23, 24). Это было очень обычно у нихъ. Итакъ, весьма безразсудно и безповоротно не признавъ чудотворца во Христѣ и изъ совершеннаго Имъ дѣла не пожелавъ узнать наконецъ, Кто же Онъ, унижаютъ Его ради субботы и, какъ будто всѣ дѣла добродѣтели у нихъ заключались въ одномъ субботнемъ покоѣ, всецѣло лишаютъ Его близости къ Богу, говоря, что Онъ не отъ Бога. Между тѣмъ какъ напротивъ, имъ надлежало признать, что присутствуетъ уже Самъ Владыка собственныхъ Своихъ законовъ и что пріятно и любезно Богу дѣлать добро и въ субботу и не оставлять безъ надежды просящаго милости. Когда же кто не восхвалитъ совершителя добра или въ какое время не должна быть добродѣтель? Они же, хотя и чтили того древняго Іисуса, что взялъ Іерихонъ въ субботу и повелѣлъ ихъ отцамъ дѣлать все обычное побѣдителямъ и такимъ образомъ никакого значенія не придавъ субботному покою, на-

падаютъ на Христа и, въ своемъ худоуміи, стараются не только лишить Его божественной славы, но и не усвояютъ Ему и подобающей святымъ чести. Способные благодаря своей зависти къ одному только пустословію, они обвиняютъ въ нечестіи Того, Кто оправдываетъ міръ и Кто для сего пришелъ къ намъ отъ Отца.

Г. Х. 16. Овни же глаголаху; како можетъ человекъ грѣшенъ сицева знаменія творити? И распря бѣ въ нихъ.

И эти думаютъ о Немъ еще унижительно, говоря и разсуждая о Немъ, какъ о простомъ человѣкѣ. Впрочемъ подѣ влияніемъ чуда считаютъ Христа выше закона и, отъ божественнаго знаменія уже представляя доказательство субботняго покоя, оказываются судьями гораздо болѣе справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, освобождать совѣмъ отъ обвиненія въ преступленіи и считать свободнымъ отъ грѣха Того, Кто не отказывался и въ субботу дѣлать то, что подобало,—развѣ это не противорѣчитъ постановленіямъ о субботѣ? По необходимому, какъ кажется, заключенію и имѣющему въ себѣ большое основаніе приходятъ они къ такой мысли и говорятъ это. Вѣдь то очевидно и совершенно безспорно, что презирающимъ законъ божественный и ни во что вмѣняющимъ вышнія постановленія Богъ отнюдь не далъ бы силы совершать что либо досточудное. Но, какъ думаютъ Іудеи, Онъ далъ это Христу, хотя и нарушившему законъ о субботѣ. Можно ли поэтому сомнѣваться въ томъ, что дѣлать что либо въ субботу не ведетъ къ грѣху или что дѣланіе добрыхъ дѣлъ гораздо выше воздержанія отъ дѣлъ во время нея? Вѣдь и леви-тамъ, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ опять Самъ Спаситель, дозволено священнодѣйствовать въ суб-

боту (Матѣ. 12, 5), и остаются безнаказанными за это занятіе, напротивъ не безнаказанно уклоненіе отъ дѣла. Кто станетъ обвинять ихъ за то, что они въ субботу приносятъ воловъ въ жертву или совершаютъ другого рода жертвы? Скорѣе напротивъ, слѣдовало бы обвинять ихъ, если бы они не дѣлали, что надо было и требовалось подзаконнымъ служеніемъ. Если такимъ образомъ посвящавшіяся за спасеніе кого либо подзаконныя жертвы безпрепятственно возносились на божественный жертвенникъ и въ субботу, то не тѣмъ ли болѣе подобало совершаться дѣламъ божественной благодати къ человѣку, ради коего чудо и въ субботу должно одобряться?

Итакъ, здравымъ разсужденіемъ приходя къ правильному заключенію, нѣкоторые изъ Іудеевъ, хотя и едва едва снявъ слѣпоту присущаго язычникамъ невѣжества съ очей своего ума, удивляются славѣ Спасителя, хотя еще и не какъ подобало, ибо хотя говорятъ о Немъ ниже, чѣмъ подобало, но отдѣляются отъ легко осуждавшихъ Его. Одни, нечестиво поддаваясь зависти, а не здравому смыслу, обращаютъ въ беззаконіе то, что отнюдь не заслуживаетъ обвиненія. Другіе же, право смотря на существо дѣла, осуждаютъ безуміе тѣхъ,

Впрочемъ, кажется, и другое нѣчто думали совершать тѣ, что говорили: *„какъ можетъ человѣкъ грѣшникъ такія знаменія творить?“* Стараются, такъ сказать, защищать весь сонмъ святыхъ. Вѣдь если, говорятъ они, мы допустимъ, что и обыкшіе согрѣшители могутъ блистать превышающими слово и разумъ дѣлами и сами оказываться творцами чудесъ, то какое же явится препятствіе для злослововъ обвинять сонмъ пророковъ или даже наконецъ нападать на самого блаженнаго Моисея и ни во что ставить столь досто-

честнаго пророка, хотя за нимъ и засвидѣтельство-ваны наилучшія изъ всѣхъ добродѣтели? Итакъ, ради Христа они защищаютъ и славу отцовъ, взявъ какъ бы за предлогъ любви къ нимъ и сказанное о Немъ.

IX. 17. Глаголаху убо паки слѣпцу: что ты глаголеши о Немъ, яко отверзе очи твои?

Думаютъ осмѣять желающихъ судить право, забывая, какъ мнѣ кажется, изреченіе: „судъ правый судите“ (Второз. 1, 16). Какъ бы скованные узами зависти, они совѣмъ не хотятъ слушать голоса, воздающаго почтеніе Христу, — отвращаются какъ отъ какого то величайшаго врага своего, отъ желавшаго засвидѣтельствовать о чудѣ и мало заботясь о себѣ, обращаютъ надменные рѣчи къ человѣку, который былъ исцѣленъ, — снова спрашиваютъ о томъ, что уже часто слышали и называютъ наконецъ человѣкомъ дурнымъ и грѣшнымъ Того, Кто совершилъ что либо въ субботу. Полагая, что за это и слѣпецъ вмѣстѣ съ ними осудить Его и послѣдуетъ ихъ рѣчамъ, такъ что, отказавшись воздать благодареніе за избавленіе отъ страданія и испугавшись гнѣва ихъ, обвинить Его какъ преступника закона о субботѣ. Да, несомнѣнно худъ умъ фарисеевъ, потому что невѣжествененъ. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ одного неблагодарнаго чѣмъ могъ бы повредить силѣ чуда? Или развѣ Христосъ оказался бы не имѣющимъ божественной славы, еслибы слѣпецъ быть можетъ подпалъ бы страху и, не желая переносить какія либо скобри, отказался бы воздать благодарность? Но зависть всегда бываетъ способна побуждать подверженныхъ ей къ возможно быстрому совершенію чего либо, хотя бы это и справедливо заслуживало великаго осмѣянія. Напротивъ умъ, свободный отъ зависти.

избѣгаетъ безразсудныхъ помысловъ и не выходитъ изъ границъ истины. Да, поистинѣ жалки и надменны фарисеи, надѣявшіеся отклонять отъ истины рѣшившихся думать и говорить правду и уже готоваго къ благодарности и благодаря чуду ставшаго близкимъ къ ясному познанію принуждавшіе сказать нѣчто неподобающее о Томъ, Кто чудесно призвалъ его къ превышавшему надежду состоянію.

IX. 17. Онъ же рече, яко пророкъ есть.

Острую стрѣлу получаютъ въ сердце свое тѣ, кои не принимаютъ здраваго и праваго ученія, стараясь, повидимому, обогащаться одною только ненавистью, ибо „не получить коварный добычи“, по написанному (Притч. 12, 27). Страніе ихъ окончилось вопреки ихъ намѣренію и они сверхъ ожиданія услышали, „что пророкъ Онъ“. Такимъ образомъ исцѣленный соглашается съ другими. Разумно понимающіе природу дѣла объявляютъ, что грѣшныи челоуѣкъ не можетъ совершать ничего такого. А тотъ, надъ кѣмъ совершено чудо, какъ бы идя по слѣдамъ мнѣнія тѣхъ, говоритъ, что Онъ есть пророкъ, еще не узнавъ точно, кто Онъ въ дѣйствительности, но послѣдовавъ уже по проторенному у Іудеевъ пути. Было въ обычаѣ у нихъ называть пророками чудотворцевъ, какъ свидѣтельствуемыхъ этимъ отъ Бога въ святости. Итакъ, какъ тѣ изъ почтенія къ субботѣ не безчестятъ величіе божественнаго знаменія и Совершившаго его называютъ неповиннымъ никакому грѣху, такимъ же, думаю, образомъ и этотъ (слѣпецъ), будучи далекъ отъ мелочныхъ сужденій о субботѣ, усвоаетъ высшую славу Тому, Кто даровалъ ему зрѣніе и, ставя Его въ числѣ святыхъ, называетъ пророкомъ. И мнѣ кажется, что онъ уже не

особенно заботится о заповѣдяхъ закона, иначе онъ не изумлялся бы предъ Нимъ такъ сильно и не поставилъ бы врача въ числѣ пророковъ, хотя Онъ казался нарушавшимъ заповѣдь о субботѣ. Итакъ, получивъ пользу отъ чуда, Онъ выше законной заповѣди славить Чудотворца, ради добра совершившаго безвинное нарушеніе закона.

IX. 18. 19. Не яша въры Іудеи о Немъ, яко слѣпъ бы и прозрѣ, дондеже возгласиша родителя самого прозрѣвшаго и вопросиша ихъ, глаголюще: сей ли есть сынъ ваю (вашъ), его же вы глаголете, яко слѣпъ родися? Како убо видить нынѣ?

Сильная ненависть ихъ къ Исцѣлителю не дозволяетъ имъ вѣрить въ то, что всѣми было признано. Пронзенные жаломъ безумія, они мало заботятся объ истинѣ и принуждали сначала самого слѣпца ложно говорить противъ Христа, а теперь и родителей его тщетно стараются склонить къ тому же, такъ какъ все вышло совсѣмъ напротивъ. Совершенно излишній вопросъ ставятъ родителямъ этого человѣка, чѣмъ, мнѣ кажется, по своему чрезмѣрному неразумію оскорбляютъ и самый, высоко чтимый у нихъ, законъ. Вѣдь сосѣди, какъ написано (выше ст. 13), привели прежняго слѣпца и на подобный же теперешнему вопросъ отвѣчали, что онъ родился слѣпымъ, и свидѣтельствовали, что теперь прозрѣлъ. Потомъ, между тѣмъ какъ законъ ясно возвѣщаетъ, что при двухъ и трехъ свидѣтеляхъ истинно всякое слово (Второз. 19, 15), они лишаютъ значенія свидѣтельства не двухъ только или трехъ, но, какъ оказывается, гораздо большаго числа людей и обращаются къ другимъ—родителямъ исцѣленнаго, совершая тѣмъ дѣло незаконное и невѣжественное. Но законъ для нихъ—ничто, когда они

стараятся сдѣлать что либо для своего удовольствія. Когда засвидѣтельствованное сосѣдями и самимъ исцѣленнымъ чудо заставляло ихъ молчать даже невольно, они возимѣли надежду заставить вопрошаемыхъ (родителей слѣпца) пренебречь истинною и говорить согласно ихъ желанію. Замѣть, съ какимъ негодованіемъ спрашиваютъ ихъ: „сей ли есть сынъ вашъ, о комъ вы говорите, что слѣпымъ родился?“ Какъ бы стараются внушить, что сдѣлаютъ съ ними что то ужасное, и навести великій страхъ, тѣмъ самымъ вынуждая ихъ къ тому, что хотѣли отъ нихъ слышать, то-есть, что онъ не родился слѣпцомъ. Единая была у нихъ и нечестивая цѣль—уничтожить представленіе народа о Христѣ и разрушить вѣру у тѣхъ, кто уже сталъ питать удивленіе къ Нему. Какъ тѣ, что стараются разрушить какой либо хорошо укрѣпленный городъ, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и осаждаютъ его всякими способами,—то спѣшатъ подкопать стѣны, то разбиваютъ башни ударами изъ осадныхъ орудій: такъ и вседерзкіе фариसेи своимъ невѣріемъ осаждаютъ чудо, не оставляя (неиспытаннымъ для сего) ни одного рода нечестія. Но невозможно было устранить, какъ небывшее, то, что всѣми уже было признано, и обратить въ несуществующее представленіе то, что во многихъ уже вызвало удивленіе.

IX. 20. 21. Отвѣщаема родителя его и рѣста: въмы, яко сей есть сынъ наю и яко слѣпъ родися: како же нынѣ видитъ, не въмы, или кто отверзе ему очи, мы не въмы: самого вопросите, возрастъ имать самъ о себѣ глаголати (возглаголетъ).

Признаютъ, какъ истинное и не подлежащее никакому сомнѣнію, въ чемъ они никоимъ образомъ не

могли обмануться. Вѣдь знаютъ, говорятъ они, своего собственнаго сына и не отрицаютъ подлинности его рожденія отъ нихъ, но ясно утверждаютъ, что родился онъ съ порокомъ слѣпоты. Однакожь уклоняются рассказывать чудо, предоставляя громко говорить объ этомъ самой природѣ дѣла и утверждая, что всего приличнѣе самому сыну ихъ рассказать, какимъ образомъ онъ получилъ исцѣленіе. Страхъ предъ опасностью нерѣдко побуждаетъ уклоняться отъ долга. Поэтому, трепеща предъ жестокостью фарисеевъ, они не послѣдовали прекрасной заповѣди „даже до смерти подвизаться за истину“ (Сир. 4 28). Напротивъ, имъ естественно было нѣкоторое другое состояніе, именно: бѣднякъ во всемъ боязливъ и по своей бѣдности уклоняется отъ противодѣйствія кому либо, часто прибѣгаетъ къ невольному молчанію и вынужденному терпѣнію,—уже достаточно сокрушенный тяжестью бѣдности, онъ боится подвергаться какому либо другимъ бѣдамъ. Въ подобномъ состояніи, надо думать, находились и родители слѣпца, хотя ихъ рѣчь и шла въ полномъ соотвѣтствіи съ положеніемъ дѣла (и ни мало не уклонялась отъ истины). Въ самомъ дѣлѣ, каждый согласится съ тѣмъ, что знать рожденнаго отъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія свойственно было конечно имъ, а не рожденному, знать же врача подобало конечно не родителямъ, а тому, кто испыталъ на себѣ благодать чуда. Такимъ образомъ они ясно признаютъ то, что знаютъ, призываемые къ этому и долгомъ. А что вѣрнѣе могъ рассказать тотъ (ихъ сынъ), какъ имѣвшій объ этомъ болѣе точное знаніе, объ этомъ побуждаютъ (фарисеевъ) спросить у него (сына). И не безъ божественнаго внушенія, какъ мнѣ кажется, къ своимъ словамъ они присоединили: „*возрастъ имѣетъ*“, ибо и этимъ дается

нѣкое обвиненіе нечестія фари́сеевъ. Вѣдь если получившій зрѣніе по времени и по возрасту имѣетъ способность мыслить, то когда онъ говоритъ, что было чудо и какъ оно случилось съ нимъ, говоритъ не по дѣтскому уму, но по совершенно уже зрѣлому и способному подтверждать все, что желаетъ. Такимъ образомъ и отсюда со всею необходимостью приходится усматривать безстыднѣйшее невѣріе фари́сеевъ, ибо вотъ не вѣрятъ ни сосѣдямъ, ни самому слѣпцу, свидѣтельствуящему это не по нѣжно-дѣтскому уму и не по ребяческой склонности къ обману, но имѣющему возрастъ, способный понимать природу предметовъ.

ИХ. 22. Сія рѣста родителя его, яко боѣаста Іудеевъ, уже бо сложилися Іудеи, да аще кто исповѣсть Христа Его быти, отлученъ отъ синагища будетъ.

Прекрасно и справедливо Господь нашъ Іисусъ Христосъ посылаетъ на головы фари́сеевъ „горе“: „ибо горе вамъ законникамъ, что взяли вы ключъ знанія, сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“ (Лук. 9, 52). Боголюбивый пусть опять обратитъ вниманіе на то, нѣтъ ли въ этихъ словахъ красоты истины,—ибо Христосъ отнюдь не могъ бы сказать ложь. Вотъ вѣдь кромѣ того, что никто изъ нихъ не старается сообщать ученіе о пришествіи Его, они и тѣхъ, кто могъ самъ понимать это изъ чудесности дѣла, безъ всякаго стѣсненія приводятъ въ ужасъ и своею звѣрскою жестокостью созидаютъ неустранимое препятствіе къ признанію Того, Кого можно было видѣть въ самыхъ Его чудесныхъ дѣлахъ. Такъ благодарнаго (исцѣленнаго слѣпца) и потому уже готоваго къ вѣрѣ они, жалкіе, не стыдятся сдѣлать отлученнымъ отъ общенія (синагоги), какъ бы своею вла-

стию отдѣлить отъ Бога того, кто привязанъ къ Богу, какъ бы заставить Самого Господа всяческихъ быть споспѣшникомъ имъ въ присущей имъ ярости противъ всѣхъ. Впрочемъ досточудный Евангелистъ защищаетъ (родителей слѣпца) и говоритъ, что вопрошаемые были побѣждены страхомъ и поэтому не желали сказать, что ихъ сына исцѣлилъ Христосъ, дабы обнажить и сдѣлать явнымъ и для потомковъ всю громадность безумія Іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безчеловѣчнѣе таковыхъ, кои опредѣляютъ наказаніе даже за благодарность и считаютъ достойными казни тѣхъ, кто могъ уразумѣвать Возвѣщаемаго закономъ и пророками. А что нечестивыя намѣренія Іудеевъ не были неизвѣстны святымъ пророкамъ, объ этомъ узнаемъ изъ священныхъ писаній. Такъ Исслѣдующій сердца и внутренности, „проницающій до раздѣленія души и духа, суставовъ и мозговъ, и судящій помышленія и намѣренія сердечныя, Кому все обнажено и открыто“ (Евр. 4, 12—13) говоритъ чрезъ Исаю: „горе, чада отступники, это говоритъ Господь: вы сотворили совѣтъ, и не чрезъ Меня,— завѣты, и не чрезъ Духа Моего, приложить грѣхъ ко грѣху“ (Иса. 30, 1); ибо кто говоритъ, что Господь—Иисусъ, тотъ скажетъ безъ сомнѣнія Духомъ Святымъ. по слову Павла (1 Кор. 12, 3), а кто заботится о противоположномъ, тотъ—не Духомъ Святымъ. Откуда же?—Тотъ, вѣрнѣе, будетъ говорить Веельзевуломъ. Итакъ, не чрезъ Духа Святаго намѣренія Іудеевъ, ибо прилагали грѣхи къ грѣхамъ, сами прежде всего навлекая на свои головы гибель за свое невѣріе, а потомъ посылая ее и на другихъ, благодаря тому, что препятствовали имъ исповѣдать Христа. И дѣйствительно, крайняго нечестія исполнено было ихъ предпріятіе, а кромѣ того и Псалмопѣвецъ осмѣи-

васть занимающихся такими бесполезными и пустыми дѣлами въ словахъ: „Господи, во гнѣвъ Твоемъ смутить ихъ, и поѣсть ихъ огонь, плодъ ихъ съ земли погубишь и сѣмя ихъ между сынами человѣческими: потому что они предприняли противъ Тебя злое, составили замыселъ, въ коемъ не возмогутъ устоять“ (Псал. 20, 10—12). Да, отнюдь не возмогли исполнить богоборный свой замыселъ, хотя и часто и безчисленными способами пытались уничтожить славу Христа. Посему и оказываются позади, то-есть удаляются отъ лица и отъ очей Владыки всяческихъ (ст. 13), справедливо слыша: „ходите свѣтомъ огня вашего и пламенемъ, что разожгли вы“ (Иса. 50 11).

IX. 24. Возгласиша убо челоувѣка вторицею, иже бѣ слѣпъ, и рѣша ему: даждь славу Богу: мы вѣмы, яко сей челоувѣкъ грѣшенъ есть.

Оказавшись не въ состоянїи отклонить этого челоувѣка отъ возданїя славы Христу, пытаются другимъ способомъ достигнуть этого и стараются нѣкоторымъ образомъ посредствомъ лести привлечь къ своей цѣли, усиливаясь посредствомъ многихъ словъ заставить его совѣмъ не упоминать Христа и не провозглашать о Немъ какъ цѣлительѣ, но весьма коварно говорятъ, что славу за чудо подобаетъ воздать Богу, представляясь здѣсь заботящимися о благочестїи, а также и стараясь склонить его на свою сторону и вѣрить имъ, хотя и достигаютъ высшей степени нечестїя, если говорятъ, что грѣшникъ Тотъ, Кто пришелъ для уничтоженїя грѣха. Однакожъ не представляютъ ни малѣйшаго доказательства такой клеветы, но, высокоумдрствуя и думая о себѣ нѣчто великое и необычайное только потому, что руководили народомъ, они повелѣваютъ имѣть къ нимъ довѣрїе изъ-за знатно-

сти ихъ лицъ и соглашаться съ ними какъ бы въ качествѣ обязанности. Вѣдь это „мы знаемъ“ окажется заключающимъ въ себѣ несравненное превозношеніе у тѣхъ, кто изслѣдуетъ свой невѣжественный умъ. Но и это даетъ поводъ немало подивиться безумію Іудеевъ. Повелѣвая воздавать Богу славу за чудо, какъ единому совершителю такихъ дѣлъ, они однакожь осуждаютъ Того, Кто совершилъ дѣло Божіе (чудо) собственною Своею силою,—и не только сами они (дѣлаютъ) несчастные, но и другихъ принуждаютъ соглашаться съ ними. Приписывая своему только знанію вѣдать ясно о томъ, что будто бы грѣшникъ Христосъ, они не знаютъ всего того зла, какое опредѣляютъ на свои собственные головы. Привыкши много кичиться знаніемъ закона и несносно величаясь священными писаніями, они получаютъ тѣмъ большее наказаніе, что было можно знать тайну о Христѣ, чрезъ законъ и пророковъ многообразно предъизображаемую и возвѣщаемую, но по причинѣ величайшаго нерадѣнія самозванно увлеклись къ невѣдѣнію,—или хотя и знали точно, однакожь никогда не желали со всею охотою дѣлать то, что подобало. Вѣдь надлежало руководить умъ стада къ воспріятію тайнъ о Христѣ и стараться вести другихъ къ уразумѣнію того, что подобало знать. Но они, широкоѣщательные въ словахъ и ужасно надменные, съ превеликою гордостію восклицая: „мы знаемъ“, отталкиваютъ изреченія закона и ни во что ставятъ Моисея, а изреченія пророковъ имъ кажутся ничего стоящими. Такъ они не принимаютъ во вниманіе то, что предвозвѣщено гласомъ пророка какъ имѣющее быть во время пришествія Спасителя нашего Христа. „Тогда, говоритъ, отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ будутъ слышать, тогда вско-

читать какъ олень храмой и ясенъ будетъ языкъ ко-
сноязычныхъ“ (Иса. 35, 5—6). Такъ исцѣленъ раз-
слабленный при купальнѣ Визаа, проведеншій трид-
цать восемь лѣтъ въ немощи своей, какъ написано
(Иоан. 5, 2 сл.), по одному реченію Спасителя, оста-
вивъ постель и вскочивъ подобно оленю. Но между
тѣмъ какъ изъ за него надлежало возымѣть удив-
леніе къ Іисусу, они печалились за нарушеніе суб-
боты и волнуясь (мнимымъ) преступленіемъ закона,
уничтожали благодать чуда. Также и нѣмой заго-
ворилъ нѣкогда, по изгнаніи изъ него демона. Они
же при этомъ обнаружили столь великое неразуміе,
что ни малѣйшей отсюда не получили пользы. Про-
зрѣлъ слѣпой, исполнилась пророческая проповѣдь,
осуществился Гласъ Духа, и что же? Опять и здѣсь
страдаютъ они тѣмъ же, осуждаютъ Чудотворца, счи-
таютъ грѣшникомъ Того, Кто могъ сіять боголѣпно и
показать уже наставшимъ то, что ожидалось съ дав-
нихъ временъ.

*IX. 25. Отвѣща убо онъ: аще грѣшенъ есть, не вѣмъ:
едино вѣмъ, яко слѣпъ сый ¹⁾ нынѣ (теперь) вижу.*

Двоякую, какъ кажется, благодать получилъ отъ
Христа прежній слѣпецъ: вмѣстѣ съ тѣлесными гла-
зами у него просвѣтился и умъ,—въ плотскихъ гла-
захъ онъ имѣетъ блескъ нашего (видимаго) солнца,
а духовный какъ бы лучъ, разумѣю просвѣщеніе
черезъ Духа, воспріемлетъ вовнутрь и получаетъ въ
сердцѣ. Вотъ послушай, какъ по весьма великой любви
ко Христу онъ противится мерзостямъ начальниковъ
и искусно отражаетъ ихъ какъ бы опьянѣвшихъ и
растерявшихся. Составивъ рѣчь свою съ подобающимъ

¹⁾ *ἄν* какъ авторит. по въ текстѣ *ἄν, ν—ὄν*хъ, какъ D и нѣк. др. и слав. теп.

благоговѣніемъ и воздавъ должное находившимся въ положеніи начальниковъ, благопочтительно говоритъ: „грѣшникъ ли Онъ, не знаю“. Не утверждаемъ, что въ этихъ словахъ онъ заявляетъ себя не знающимъ того, что не былъ грѣшникомъ Христосъ, но думаемъ, что онъ говорилъ имъ нѣчто подобное сему: принуждаемый противъ воли утверждать то, что не должно, не стану клеветать на моего Благодѣтеля, не соглашусь съ желающими безчестить Того, Кому подобаешь всякая честь, не назову грѣшникомъ Такого Чудотворца, не наложу худого приговора Могущему совершать дѣла Божьи, видимое на мнѣ чудо не позволяетъ мнѣ соглашаться съ вашими словами; „слѣпъ я былъ и вижу“: повѣрилъ я Его дѣламъ не по словамъ другаго кого, не увлекаюсь просто чужими рассказами, не дѣламъ (совершеннымъ) надъ другими приходится мнѣ изумляться: самъ я, говоритъ, служу доказательствомъ силы Его, стою зрячимъ нѣкогда слѣпый, какъ образъ нѣкій являющій красоту Его челоуѣколюбія и отражающій величіе божественной власти (всемогущества). Подобный этому смыслъ, полагаю, надлежитъ усвоить словомъ прозрѣвшаго. Вѣдь сказать: „грѣшникъ ли онъ, не знаю“ и тотчасъ же присоединить: „одно знаю, что слѣпъ я былъ и теперь вижу“, заключаетъ въ себѣ мысль не простого только, но и очень премудраго созерцанія.

IX. 26. Рѣша же ему паки: како отверзе твои очи?

Любопытствуютъ снова и изслѣдуютъ образъ совершенія божественнаго чуда, дѣлая это не изъ добраго намѣренія и желанія узнать истину, но, хотя и почтили дѣломъ постыднѣйшимъ всякаго порока и превышающимъ всякое зло—прославленіе Христа кѣмъ либо изъ существующихъ (людей), опять доискива-

ются всего этого, надѣясь, что человекъ тотъ (слѣпецъ) быть можетъ уже не повторитъ тоже самое, но въ чемъ нибудь ошибается при разсказѣ о событіи и скажетъ что либо, стоящее въ противорѣчій съ прежними словами, дабы ухватившись за это разногласіе, объявить его человекомъ заблуждающимся и лжецомъ. Чрезмѣрно надмѣваясь своимъ разумомъ, они воображали, что сила чуда содержится въ однихъ только словахъ человека, а не наоборотъ—заключается въ дѣлѣ. Думаю, они находились въ такомъ же состояніи, какъ и сильно одержимые несправедливою ненавистію къ какому либо, когда спрашиваютъ о чемъ либо, имъ сдѣланномъ, а потомъ, чтобы это не показалось сдѣланномъ справедливо, не разъ, а часто желаютъ выслушать объ этомъ отъ разсказывающихъ, какъ бы изощряя свой притупленный гнѣвъ на него для острѣйшаго возбужденія. Вѣдь совѣсть всегда устыждаетъ и обличаетъ насъ и непрестанно обвиняетъ за неправду, хотя бы эта неправда и казалась пріятною вслѣдствіе пристрастія. Итакъ, побуждаютъ его и даже невольно заставляютъ возвращаться исцѣленнаго къ одному и тому же и въ тѣхъ же словахъ, какъ бы внушая другъ другу и приказывая усиленно наблюдать за тѣмъ, не сдѣлано ли что не по закону въ чудѣ (совершенномъ) въ субботу. Да, совѣсть душитъ свирѣпствующій и звѣроподобный ихъ разсудокъ, налагая на нихъ, даже вопреки волѣ, совѣсть какъ бы узду.

IX. 27. Отвѣща имъ: рекохъ вамъ уже, и не слышите, что паки хотите слышати?

Излишнимъ, говорить, уже оказывается опять разсказывать то же самое въ уши непослушныя, да и вамъ совѣмъ напрасно часто спрашивать объ этомъ, если

вы не получаете отсюда никакой пользы, хотя и узнаете и убѣдитесь, но заставляете меня повторять одно и тоже не ради пользы, какъ говорить опытъ. Такимъ образомъ исцѣленный обличаетъ здѣсь фари́сеевъ въ томъ, что они совсѣмъ безумствуютъ, „слухъ отвращая отъ истины“, по написанному (2 Тим. 4, 4), безъ причины гнѣваясь на нарушение закона, повелѣвая желавшему прославить за это Чудотворца явиться въ качествѣ обвинителя, или предполагая, что онъ питаетъ къ Нему благоговѣніе. Дѣйствительно такая цѣль была у нихъ, такъ какъ для нихъ было совсѣмъ безразлично и ни какого значенія не имѣло преступленіе закона, почему, оставивъ правый судъ, обратились только къ угодному себѣ, хотя и забыли слова Бога: „уста священника сохранять судъ и закона взыщутъ отъ устъ его“ (Мал. 2, 7).

IX. 27. Еда и вы хотите ученицы Его быти?

Уже ясно исповѣдалъ и безъ всякаго притворства, что не однимъ только словомъ, но и чудомъ онъ наученъ и уже увѣровалъ, принявъ чудесное прозрѣніе въ качествѣ наученія, ибо въ словахъ къ нимъ: „не ужели и вы хотите учениками Его быти“, онъ какъ бы предоткрылъ свое настроеніе, какъ уже пожелавшій и ставшій (Его ученикомъ). Заботясь нѣкоторымъ образомъ даже прежде всецѣлой вѣры объ исполненіи заповѣди: „даромъ получили, даромъ дайте“ (Матѹ. 10, 8), онъ оказывается вполне готовымъ безъ всякой зависти научать ихъ полезному. Утверждаетъ, что будетъ часто и нелѣпно говорить о чудѣ, если только они дѣйствительно сдѣлаютъ его разсказъ наукою для себя. Такимъ образомъ онъ исполнилъ, и весьма прекрасно, слова книги Притчей: „въ уши слушающихъ говори“ (Сир. 25, 9).

Но, кажется, здѣсь загадочно указывается и на нѣчто тайное и сокровенное. Что это, объ этомъ скажу вкратцѣ. Среди начальниковъ были нѣкоторые, кои признавали, что Христось есть дѣйствительно чудотворецъ, но также и скрывали еще отъ многихъ это знаніе о Немъ въ видѣ какъ бы зародыша. Объ этомъ засвидѣтельствуеетъ намъ и самъ премудрый Евангелистъ, именно, что начальники узнали, что Онъ есть Христось, „однакожь ради фарисеевъ не исповѣдывали“ (Іоан. 12, 42). Эти слова подтвердитъ и Никодимъ, ясно и громко говорящій къ Господу нашему Іисусу Христу: „равви, знаемъ, что отъ Бога пришелъ Ты учителемъ, и что никто не можетъ этихъ знаменій совершать, что Ты совершаешь, если не будетъ Богъ съ нимъ“ (Іоан. 3, 2). Такимъ образомъ нѣкіе изъ начальниковъ знали, и молва объ этомъ распространялась почти по всему Іерусалиму. И іудейскій народъ предполагаетъ, что начальники Его знаютъ, но только не желаютъ признать открыто по зависти и ненависти. А что истинно и это, можемъ доказать изъ самыхъ евангельскихъ писаній. Самъ блаженный Іоаннъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что стоялъ Іисусъ въ самомъ храмѣ, уча и изъясняя то, что казалось нарушеніемъ закона по мнѣнію слушавшихъ. Однакожь вожди іудейскіе нисколько не возбуждались этимъ и не осмѣлились сказать: перестань учить несогласному съ древними законами, такимъ образомъ ихъ поведеніе согласовалось съ только что высказаннымъ нами мнѣніемъ о нихъ народа. И дѣйствительно, какъ написано, „говорили нѣкоторые изъ Іерусалимлянъ: не Сей ли есть, кого ищутъ убить? вотъ явно говоритъ и ничего Ему не говорятъ: неужели узнали начальники, что Онъ есть Христось?“ (Іоан. 7, 25—26). Говорятъ какъ бы такъ: знаютъ получив-

шіе власть, что Онъ есть дѣйствительно Христосъ,— вотъ хотя и замышляютъ убійство Его, но на Него говорящаго съ такимъ большимъ дерзновеніемъ, не нападаютъ даже простыми словами. При распространности такого мнѣнія по всему Іерусалиму, и слѣпецъ нѣкогда зналъ это и слышалъ объ этомъ. Поэтому онъ съ нѣкоторымъ благопочтительнымъ обличеніемъ говоритъ: неужели напрасно заставляете меня повторять одни и тѣже слова и прославлять чудо, или же находить удовольствіе въ этомъ разказѣ и желаете уже получить отъ Него наученіе, но стыдитесь другъ друга и столь досточудному знанію предпочитаете неблагодарный (другъ предъ другомъ) стыдъ?

IX. 28. И укориша его и рѣша: ты ученикъ еси Того, мы же Моисеевы есмы ученицы.

Говоря это, Евангелистъ нѣкоторымъ образомъ подсмѣивается. Замѣтъ, до какого безразсудства дошли получившіе священство, такъ что порицаютъ столь почтенное дѣло, то-есть руководство Христомъ, къ коему нѣкіе изъ святыхъ, питая досточудную любовь, говорятъ—одни: „какъ сладки гортани моей слова Твои, лучше меда и сота устамъ моимъ“ (Пс. 118, 103),— другой также (говоритъ) какъ бы къ Господу нашему Іисусу Христу о невѣрующихъ Ему: „соверши это, и будетъ слово Твое мнѣ въ удовольствіе и веселіе и радость сердца моего“ (Перем. 15, 16). Но не усвоивъ себѣ ни одного изъ священныхъ словъ, они руководимаго Христомъ (исцѣленнаго слѣпца) за одно именно только это (руководство) считаютъ не безвиннымъ, но, считая истинными свои догматы, слѣпцу назначаютъ учителемъ Христа, а себѣ—Моисея. И дѣйствительно, язычники просвѣщены Христомъ чрезъ

евангельское ученіе, а Израиль умеръ съ Моисеевыми образами и погребенъ подъ тьмою буквы. Поэтому и Павелъ говоритъ о нихъ въ одномъ мѣстѣ: „до сего дня, когда читается Моисей, покрывало на сердце ихъ ложится“ (2 Кор. 3, 15). А что въ прообразъ язычниковъ мы описываемъ исторію о слѣпомъ, превращая бывшее съ нимъ образно въ истину съ ними (язычниками бывшаго), это не можетъ подлежать сомнѣнію.

Впрочемъ надо указать на то, что дѣло пріятное и исполненное всякой славы есть поношеніе ради Христа. И чрезъ что желающіе преслѣдовать любящихъ Его думаютъ причинять скорбь, чрезъ это самое, не зная, радуютъ ихъ и вмѣсто того, чтобы доставлять имъ настоящій вредъ, напротивъ дѣлаютъ ихъ только болѣе славными. И конечно уничтожая свои собственныя головы, а отнюдь не Христа, пагубные фарисеи говорятъ о Немъ: „Того“ (ученикъ ты), а о себѣ, какъ бы расширяясь до чрезмѣрной надменности, говорятъ: „мы же Моисеевы ученики“.

IX. 29. Мы вѣдѣемъ, яко Моисеови глагола Богъ, Сего же не вѣдѣемъ, откуда есть.

Опять съ самонадѣянностію, имѣя своимъ оружіемъ обычное и любезное имъ безуміе и величаясь необузданнымъ безстыдствомъ, возглашаютъ это: „мы знаемъ“. А присоединяя, что „Моисею говорилъ Богъ“, они чрезъ это хотя признаютъ долгомъ чтить Его, но въ другомъ отношеніи опять оскорбляютъ Его и ни во что вмѣняютъ Его повелѣнія. Они безразсудно осуждаютъ Того, Кого еще не знаютъ, и даже узнавъ, нечестиво безчестятъ, хотя законъ всецѣло запрещаетъ дѣлать кому либо или присуждать какую либо неправду и беззаконіе. Говорятъ здѣсь опять нѣчто такое: безспорно, гово-

рилъ съ Моисеемъ Богъ, никакое основаніе не заставить кого либо сомнѣваться въ этомъ, Онъ далъ законы чрезъ него и положилъ заповѣди для каждаго дѣйствія, поэтому преступникъ священныхъ писаній—думающій вопреки ему, и очевидно нарушенъ уставъ о субботѣ, ибо ты исцѣленъ въ субботу,—уличеннаго и виновнаго въ этомъ справедливо подобаетъ незнать, и мы вполне основательно утверждаемъ, что Онъ не соблюдъ божественный законъ. Итакъ, когда говорятъ о Христѣ „не знаемъ откуда Онъ“, то говорятъ это не потому, что не знаютъ, Кто Онъ и откуда, ибо изъ другого мѣста ясно оказываются признающимися, что знаютъ о Немъ, именно: „не Сей ли есть плотниковъ сынъ, Коего мы отца и мать знаемъ? какъ же говорить, что съ неба Я сошелъ?“ (Матѣ. 13, 55 Іоан. 6, 42). Не какъ указаніе на незнаніе мы должны принимать это „не знаемъ Сего, откуда Онъ“, но видѣть здѣсь плодъ присущей имъ надменности. Подвергая Его ¹⁾ презрѣнію и считая совсѣмъ за ничто, говорятъ о Немъ такую рѣчь.

Кажется, указывается здѣсь и еще вотъ что,—ибо свойство созерцаній побуждаетъ насъ обращаться и къ болѣе тонкому изслѣдованію: „знаемъ“, сказано, „что Моисею говорилъ Богъ“, слѣдовательно мы должны безъ колебаній вѣрить его словамъ и соблюдать божественныя постановленія,—„Сего же не знаемъ“, ибо съ Нимъ не говорилъ Богъ и ничего такого о Немъ мы не признаемъ. Но надлежало фарисеямъ, хотя и привыкшимъ считать себя мудрецами и много хваставшимся знаніемъ божественныхъ словесъ, подумать о томъ, что Богъ и Отецъ, предвозвѣщая чрезъ премудраго Моисея о пришествіи Іисуса въ надлежащее

---

¹⁾ У Св. Кирилла: свои головы.

время, говоритъ такъ: „Пророка возставлю имъ изъ братьевъ ихъ какъ тебя и дамъ слово Мое въ уста Его, и будетъ говорить имъ согласно тому, что заповѣдаю Ему,—и человѣкъ, который не станетъ слушать, что будетъ говорить Пророкъ Тотъ во имя Мое, Я взыщу съ него“ (Второз. 18, 18—19). Всякій можетъ сказать Іудеямъ, со всею справедливостію укоряя ихъ: о, умѣющіе только не вѣрить! если вы охотнѣе довѣряете словамъ Моисея, такъ какъ ему говорилъ Богъ, то развѣ не подобало дѣлать это и по отношенію ко Христу, Коего вы слышали громко и ясно высказавшимъ: „слова, что Я говорю, не суть Мои, но Пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 15, 10. 24),— и опять: „отъ Себя не говорю, но Пославшій Меня Отець, Онъ Мнѣ заповѣдь далъ, что скажу и что буду говорить“ (Іоан. 12, 49). Такимъ образомъ слова фарисеевъ были только отговоркою и изобрѣтеніемъ пустыхъ разсужденій. Вѣдь если говорятъ, что потому именно подобаетъ слѣдовать Моисею, что съ нимъ говорилъ Богъ, то почему не думаютъ также и о Христѣ, хотя и Онъ ясно говорилъ только что приведенныя нами слова? Но съ одной стороны цѣня законъ и притворяясь считающими достойною почитанія волю Бога, они съ другой стороны еще хуже нарушаютъ его, безчестя тѣмъ, что не хотятъ принимать болѣе соотвѣтствовавшую времени проповѣдь, которая состояла въ возвѣщеніи о Христѣ какъ о пророкѣ, благодаря Его пришествію съ плотію.

IX, 30. Отвѣща чловѣкъ и рече имъ: о семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуда есть, и отверзе мои очи.

Весьма удивляюсь, говорить, если вы говорите, что не знаете Того, Кто свидѣтельствуется въ столь великой святости и божественномъ всемогуществѣ

посредствомъ Своихъ дѣлъ,—вы, воображающіе себя непрестанно служащими Богу, предстоятели закона, посвятившіе себя священнымъ писаніямъ, облеченные начальствомъ и въ особенности знаніемъ тѣхъ, кто право мыслить. Въ самомъ дѣлѣ, кому же и подобаетъ знать чудотворящихъ при помощи Бога, какъ не приставленнымъ къ священнослуженію, коихъ заботѣ ввѣрено священное таинство? А говоря о себѣ, что пораженъ ихъ полнымъ незнаніемъ Того, Кто совершилъ столь удивительное и чудесное знаменіе, скрытно укоряетъ въ томъ, что они такъ далеко отстоятъ отъ святости и отъ подобающаго благочестія, что не стыдятся признаться въ своемъ совершенномъ незнаніи истинно Святаго, то-есть Христа.

Но для продолженія нашего слова укажемъ на истинность прекраснаго изреченія: „всякое животное любить подобное себѣ, и къ подобному себѣ долженъ привязываться мужъ“ (Сир. 13, 15—16). Какъ же они, если бы были добры и святы, стали отвращаться отъ стремленія привязываться къ Святому и Благому? Такимъ образомъ это изреченіе заключаетъ въ себѣ обличеніе нечестиваго поведенія и жизни фарисеевъ.

Но думаю, что при этомъ указывается и нѣчто другое, такъ какъ любящему устремлять свой умъ къ созерцаніямъ надлежитъ точнѣе изслѣдовать скрывающіяся въ каждомъ изреченіи мысли. Итакъ, что же это? Всю Іудею оглашала большая молва о Спасителѣ нашемъ Христѣ, впрочемъ какъ о пророкѣ (только). Это потому, что законъ предвозвѣстилъ о пришествіи Его въ словахъ: „Пророка возставитъ Господь Богъ нашъ изъ братьевъ твоихъ“ (Второз. 18, 15). Приэтомъ они питали надежду, что явившись въ должное время, онъ сообщитъ имъ нѣчто выше закона и, вполне изъяснивъ истиннѣйшее желаніе за-

конодателя, преподастъ имъ наиболѣе подобающее ученіе. И не удивляйся, если у Іудеевъ была такая надежда и молва, когда и у иноплеменниковъ было распространено такое же точно ожиданіе, какъ это доказываетъ извѣстная женщина Самарянка въ словахъ: „знаемъ, что Мессія грядетъ, называемый Христось, когда придетъ Онъ, возвѣститъ намъ все“ (Іоан. 4, 25). Итакъ, Іудеи знали, и очень хорошо, что придетъ Христось, ибо это значить Мессія,—и изъяснить имъ лучшую волю Бога, а кромѣ того въ ясномъ изреченіи Исаіи указано, что и откроетъ очи слѣпыхъ, именно: „тогда откроются очи слѣпыхъ“ (Иса. 35, 5). Но и другая молва ходила по Іерусалиму, такъ какъ пророкъ Исаія говоритъ, что неизреченное рожденіе (Сынъ) Бога и Отца совершенно невѣдомо, въ словахъ: „родъ Его кто исповѣдаетъ“ (Иса. 53, 8). А Іудеи опять, извращая смыслъ этихъ словъ по своему разумѣнію, вообразили, что Христось будетъ совершенно неизвѣстенъ и вообще никто не будетъ знать, откуда Онъ, хотя божественное писаніе яснѣйшимъ образомъ представляетъ намъ Его рожденіе по плоти и потому восклицаетъ: „вотъ Дѣва во чревѣ будетъ имѣть и родить Сына“ (Иса. 7, 14). А что опять умъ Іудеевъ былъ лишенъ руководства къ воспріятію необходимыхъ истинъ и они предполагали, что Христось будетъ неизвѣстенъ, это нетрудно видѣть изъ словъ, кои, по увѣренію Евангелиста Іоанна, Іерусалимляне говорятъ о Немъ: „ибо нѣкіе изъ Іерусалимлянъ говорили: не Сей ли есть, Кого ищутъ убить? и вотъ смѣло говорить, и ничего Ему не говорятъ: неужели истинно узнали начальники, что Сей есть Христось? Но Сего мы знаемъ, откуда Онъ, Христось же, когда придетъ, никто не узнаетъ, откуда Онъ“ (Іоан. 7, 25—27).

Итакъ, между тѣмъ какъ Іудеи такъ неразумно думаютъ о Христѣ, прежній слѣпецъ уже быстро воспринимаетъ представленіе о Немъ изъ чуда и какъ бы хватаетъ¹ для подкрѣпленія своихъ мыслей изреченіе фариисеевъ, когда говоритъ: „въ томъ есть странность, что не знаете, откуда Онъ, и (а) отверзъ мои очи“. Два, говоритъ, имѣю знаменія, и очень ясныя, того, что Онъ есть Христосъ, именно: вы не знаете, откуда Онъ (первое), но и отверзъ мои очи (второе). Слѣдовательно ясно, что Сей есть Самъ Предвозвѣщаемый закономъ и Свидѣтельствуемый гласомъ пророковъ.

IX, 31. Въмы, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто богочецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ.

Насмѣявшись нѣкоторымъ образомъ надъ ними посредствомъ предуказаній пророческихъ и закона, какъ бы уже совершившихся въ томъ, что они не знаютъ, откуда Христосъ, хотя и отверсты очи слѣпыхъ, онъ изъ желанія имѣть всестороннія основанія для своей вѣры присоединяетъ еще и нѣчто другое. Представляетъ себя идущимъ отъ необходимыхъ и общепризнанныхъ положеній къ изысканію нужнаго и должнаго и приводитъ какъ бы нѣкое благочестивое умозаключеніе. Весьма прекрасно и здравомысленно онъ утверждаетъ, что любящій правду и добродѣтель Богъ не внемлетъ никогда грѣхлюбцамъ,—и, полагая это въ качествѣ безспорно и всѣми признаемаго, противопоставляетъ противоположную мысль какъ истинную и никоимъ образомъ не опровержимую, то есть, что Господь всяческихъ всенепремѣнно внемлетъ чителямъ Бога. Такимъ образомъ хотя цѣль умозаключенія имѣетъ въ виду одного только Христа, оно вы-

ражено въ общемъ видѣ и имѣеть всеобщее значеніе. Вѣдь я уже указаль ранѣе на то, что прежній слѣпецъ имѣеть о Христѣ болѣе земное представленіе и, еще не зная въ Немъ истиннаго Бога по природѣ, мыслить и говорить о Немъ какъ о пророкѣ, коего безспорно можно называть чителемъ Бога. Но Христу это совсѣмъ не подобаеть, ибо Онъ есть Богъ по природѣ, приѣмлющій отъ читателей Бога служеніе какъ бы въ качествѣ жертвы духовной.

IX. 32. Отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпцу рождену.

Не мало, какъ кажется, раздраженный и сильно скорбя, опечаленный порицаніями за Христа, такъ какъ они какъ бы съ порицаніемъ говорили: „ты ученикъ Того, мы же Моисея ученики“ (ст. 28),—старается защитить своего Наставника и дѣяніямъ Моисея нѣкоторымъ образомъ противопоставляетъ славныя дѣла Спасителя нашего, являя Его настолько же высшимъ (Моисея), насколько Онъ болѣе великъ (предъ Моисеемъ) въ чудотвореніи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не необходимо Совершителю большаго и быть высшимъ по славѣ? Это конечно безспорно. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, указываетъ и на исполненіе съ пришествіемъ Христа предсказаній древнѣйшаго пророчества: „тогда, сказано, отверзутся очи слѣпцовъ“ (Иса. 35, 3), ибо никто еще прежде ничего такого не сдѣлаль и не прославленъ за это, но исполняется это чрезъ Одного только Того, Кого вы, не знаю почему, не постѣснились называть грѣшникомъ. Хотя многочисленный явился хоръ пророковъ и безчисленное множество праведниковъ указано въ священномъ писаніи, но „отъ вѣка не было слышно, чтобы отверзъ кто глаза слѣпцомъ рожденнаго (слѣпца отъ рожде-

нія)“. Поэтому не есть ли это Христосъ, принесшій исполненіе пророческимъ предуказаніямъ, приводящій къ осуществленію нѣкогда возвѣщенное? Вѣдь если никто другой кромѣ Него не отвергаетъ глаза слѣпыхъ, то что же наконецъ въ состояніи противодѣйствовать вѣрѣ? Что можетъ отвратить признаніе Его? Или, съ устраненіемъ всякаго сомнѣнія, таинство познанія Его развѣ не должно пойти какъ бы скорымъ шествіемъ по гладкой дорогѣ?

Такимъ образомъ и въ этихъ словахъ исцѣленный защищаетъ Спасителя Христа. Замѣть, какъ благородно и искусно составляетъ свое защитительное слово. Безъ всякаго конечно сомнѣнія было дѣломъ превеликой смѣлости сказать, что Христосъ выше и славнѣе и Моисея и пророковъ. Но не бесполезно было подумать и о томъ, что, разсердившись на это, фарисеи коварно представятся ратующими за святыхъ, какъ оскорбленныхъ (этими словами) и попытаются найти здѣсь благовидный предлогъ для наказанія этого человѣка, чтобы онъ, живой и всѣми видимый, не являлся напоминаніемъ Христовой славы и какъ бы образомъ нѣкіимъ присущей Ему божественной власти. Вотъ поэтому то, отклоняя (могшій возникнуть у фарисеевъ) изъ за этого гнѣвъ и преграждая дальнѣйшій путь ихъ убійственнымъ замысламъ, онъ и выражаетъ смыслъ своей рѣчи вообще и не вполне ясно, говоря, что отъ вѣка нѣкъмъ вообще не совершено того, что содѣлалъ Христосъ надъ нимъ. А это было ничѣмъ инымъ, какъ указаніемъ на то, что Христосъ выше и славнѣе всѣхъ, Своими дѣлами являющій такую присущую Ему силу и всемогущество, какою не владѣлъ никто изъ святыхъ никогда. Такимъ образомъ онъ увѣнчиваетъ своего Врача превосходствомъ надъ всѣми, взявъ въ доказательство

невозможное и недоступное другимъ чудо, то есть удаленіе слѣпоты.

IX. 33. Аще не бы былъ Сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже.

Только что прозрѣвшій и чудесно освобожденный отъ изначальной слѣпоты оказывается прозрѣвающимъ истину яснѣе, чѣмъ наученные закономъ. Вотъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ пользуется весьма многими словами и мудрыми для доказательства лживости мнѣнія фариисеевъ. Такъ какъ они безумно сказали о Христѣ, что „Сего не знаемъ, откуда Онъ“ (ст. 29), то опять сильно изобличаетъ ихъ, какъ думающихъ ошибочно, если говорятъ, что совсѣмъ не знаютъ такого Чудотворца, тогда какъ для всѣхъ очевидно, что тому, кто не отъ Бога, невозможно дѣлать что либо изъ совершаемаго посредствомъ божественной силы. Таковыя дѣла Богъ совершаетъ чрезъ однихъ только святыхъ. А чуждому святости и еще не достигшему до благочестія къ Нему Онъ никогда не сообщилъ бы возможности украшаться такою славою. Въ противномъ случаѣ пусть явится и отвѣтитъ безумный фариисей: какое же наконецъ есть различіе у Бога между святымъ и нечистымъ, праведнымъ и грѣшнымъ, нечестивымъ и боголюбезнымъ. Вѣдь если тому и другому дозволено блистать совершенно одинаковыми дѣлами, безъ всякаго различія, то все уже смѣшивается и мы справедливо можемъ сказать написанное: „За что достаточно (достойно) будемъ работать Ему, или что за польза, чтобы идти на встрѣчу Ему“? (Пов, 21, 15). Вѣдь если, какъ сказалъ одинъ изъ эллинскихъ поэтовъ, „равная участь и остающемуся въ покоѣ и тому, кто будетъ воевать“ (Иліада, пѣснь IX ст. 318), и въ одинаковой чести какъ дурной такъ и хорошій.

то развѣ не напрасно будетъ испытывать горькіе труды ради добродѣтели? Но мы должны думать, что это не такъ. Почему? „Ибо прославляющихъ Меня, говоритъ Богъ, прославлю и уничижающій Меня уничиженъ будетъ“ (1 Цар. 2, 30)

Спросилъ бы я также суемудрыхъ фари́сеевъ: если Богъ дѣйствуетъ это безразлично и чрезъ грѣшниковъ, то почему Египетскіе маги не сдѣлали того же самаго, что и великій Моисей? Почему не совершили одинаковыхъ съ нимъ чудесъ и не получили равной съ нимъ славы? Но скажешь, что сдѣлался змѣемъ упавшій на землю жезлъ Моисеевъ, совершенно такими же стали и жезлы маговъ. Противъ этого вотъ что выслушай отъ насъ: ихніе жезлы не въ змѣя превратились, но то былъ обманъ и призракъ, отъ человѣческаго зрѣнія скрывавшій дѣйствительность,—нѣкое волшебное искусство, дававшее жезлу видъ змѣя. А Моисеевъ жезлъ дѣйствительно превратился въ змѣя и перешелъ въ природу звѣря. Истину сказаннаго можешь усматривать въ томъ различіи, какое здѣсь дано Писаніемъ: жезлъ Моисеевъ съѣлъ жезлы маговъ. Такъ какъ эти послѣдніе имѣли лишь внѣшній видъ змѣй, а первый дѣйствительно и по природѣ былъ тѣмъ, чѣмъ являлся, то онъ пришелъ въ гнѣвъ, такъ что оказался животнымъ, а уже не жезломъ, и неизреченною, превышающею силу змѣя, силою поѣдаетъ, каковое чудо совершилъ Богъ. И еще пусть отвѣчаетъ мнѣ фари́сей: придавшіе своимъ жезламъ видъ змѣй, почему же не показали чистой и прокаженную руку, но, оказавшись не въ силахъ (сдѣлать это), ясно сказали: „персть Божій есть это“. (Исх. 8, 19). Почему, скажи мнѣ, жрецы Ваалавы не низвели огонь съ неба, между тѣмъ какъ Илія низвелъ? (3 Цар. 18, 24. 38). Неужели Богъ лицепріятенъ?

Отнюдь нѣтъ. Будучи праведенъ и любя праведныхъ, Онъ и чудесные дары совершаетъ чрезъ святыхъ, но отнюдь не чрезъ грѣшниковъ. Такимъ образомъ прежній слѣпецъ со всею основательностію останавливаетъ наглость рѣчи фарисеевъ и обличаетъ ихъ въ ошибочномъ разсужденіи, если говорятъ, что не отъ Бога Тотъ, Кто посредствомъ силы совершать чудеса свидѣтельствуется какъ сущій по природѣ отъ Бога.

IX. 34. Отвѣща и рѣша ему: во грѣсахъ ты родился еси весь, и ты ли учиши ны? И изгнаша его вонъ.

Непріятны для многихъ раны отъ обличеній и исправленіе посредствомъ нихъ. Они легки и пріятны для мудрецовъ, такъ какъ заключаютъ въ себѣ великую пользу и возведеніе къ лучшему, хотя и соединяются съ угрызениемъ (совѣсти). Но горьки для грѣхолобцевъ, — по какой причинѣ? Предавшись своей душею дурнымъ удовольствіямъ, они отвращаются отъ терзающаго ихъ за это и непріятнаго вразумленія (совѣсти) и считаютъ вредомъ удаленіе отъ пріятнаго, не обращая никакого вниманія на предметы полезные. Какъ упавшіе съ корабля и захваченные воднымъ теченіемъ не въ состояніи бываютъ противиться и, считая опаснымъ плыть противъ воды, несутся однимъ только воднымъ теченіемъ: такимъ же, думаю, образомъ и эти, о коихъ у насъ сейчасъ была рѣчь, побѣждаемые владычествомъ собственныхъ страстей, снимаютъ съ нихъ всякую узду, отказываясь противодѣйствовать имъ въ чемъ либо. Поэтому то и негодуютъ жалкіе фарисеи и, звѣроподобно скрежеща на совѣтника добра, охотно открываютъ доступъ гнѣву и, дойдя до крайняго безумія, неудержно бранятъ: отдаваясь обычной своей надменности, они говорятъ, что слѣпецъ во грѣхахъ рожденъ, руководясь

здѣсь ребяческими іудейскими мнѣніями и невѣжественно слѣдуя несостоятельному ученію. Что никто изъ людей ни ради себя самого собственно, ни ради своихъ родителей не рождается или слѣпымъ или съ другимъ какимъ тѣлеснымъ порокомъ, а также, что Богъ не налагаетъ грѣхи родителей на дѣтей, это какъ мнѣ кажется, мы уже всесторонне и въ обширномъ разсужденіи доказали, когда толковали изреченіе: „Учитель! Кто согрѣшилъ, сей, или родители его, что слѣпымъ родился?“ (Іоан. 9, 3).

Итакъ, за то, что прежній слѣпецъ смогъ обличать фарисеевъ, онъ не только подвергается порицанію, но и изгоняется отъ нихъ. И это событіе принимай опять какъ образъ истиннаго предмета. Указаніе на то, что Израильтяне будутъ питать отвращеніе къ язычникамъ, какъ воспитаннымъ въ грѣхахъ по причинѣ предшествовавшаго обмана, каждый можетъ видѣть въ словахъ, сказанныхъ ему фарисеями. А изгоняютъ его потому, что отвержены и изгнаны у Іудеевъ проповѣдники ученія о Христѣ.

IX. 35. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ.

„Услыхалъ“, говоритъ божественный Евангелистъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не такъ, чтобы имѣлъ необходимость въ сообщеніи Ему къмъ либо, но потому, что, какъ сказалъ гдѣ то одинъ изъ премудрыхъ, „Духъ Господень наполнилъ вселенную и ухомъ слуха слышитъ все“ (Прем. Сол. 7, 10), ибо Онъ слышитъ, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: „возрастившій ухо неужели не слышитъ? и образовавшій глазъ неужели не разумѣтъ?“ (Псал. 93, 9). Поэтому, когда мы ради Него подвергаемъся обидамъ или переносимъ какую либо скорбь отъ богопротивниковъ, слѣдуетъ вѣрить, что Богъ безъ сомнѣнія будетъ зрителемъ

сего и слышитъ приключающееся намъ испытаніе, ибо такова самая природа предмета и поношеніе ради Него Его истинныхъ послѣдователей громкимъ воплемъ раздается въ божественныхъ ушахъ.

IX. 35. И обрътъ его рече ему: ты вступиши ли въ Сына Божія? ¹⁾

Прежній слѣпецъ изгоняется фарисеями, но по проществу недолгаго времени находитъ его Христосъ и „найдя“ тайновѣдствуетъ. Итакъ, и это должно служить намъ знаменіемъ того, что въ попеченіи у Бога находятся тѣ, что желаютъ защищать Его и не боятся подвергаться опасностямъ за вѣру въ Него. Въ самомъ дѣлѣ, ты слышишь, какъ въ качествѣ какъ бы хорошаго вознагражденія, явивъ Себя ему, старается насадить въ немъ совершеннѣйшее ученіе о вѣрѣ ²⁾. Присоединяетъ и вопросъ, дабы получить согласіе, ибо таковъ образъ вѣры. Поэтому и приступающимъ къ божественному крещенію предлагается вопросъ: вѣруютъ ли они,—а потомъ, когда выскажутъ это и исповѣдуютъ, мы уже приобщаемъ ихъ къ благодати, какъ своихъ истинно вѣрующихъ. Образъ этого такимъ образомъ ведетъ свое начало отсюда и отъ самого Спасителя нашего Христа мы научились тому, какимъ образомъ надо вести рѣчь о вѣрѣ. Поэтому и божественный Павелъ утверждаетъ, что онъ высказываетъ свое исповѣданіе въ этомъ предъ многими свидѣтелями, то-есть святыми ангелами. И если страшно сказать ложь предъ святыми ангелами, то не тѣмъ ли болѣе предъ самимъ Христомъ?

¹⁾ τοῦ Θεοῦ AL др. 1, 33 и пр. мин. Ит Вг Копт Сир пеш іер геракл Гот Арм Эѳіоп Platt. Злат Терт. Adv, Прах. с. 22 Гил. 895 *a* и 911 *b* и Слав Др: τοῦ ἀνθρώπου SBD (и лат d) Саг Эѳіоп Rom. Сир. син Злат рки.

²⁾ Вмѣсто λόγον др. чт: λόγον—влеченіе къ вѣрѣ.

Но спрашиваетъ прежняго слѣпца не просто только о томъ, желаетъ ли онъ *вѣровать*, но и прибавляетъ, *въ кого* ибо вѣра „въ Сына Божія“—не какъ въ человѣка, одного изъ насъ подобныхъ, но какъ въ Бога вочеловѣчившагося, ибо въ этомъ состоитъ полнота таинства о Христѣ. А говоря: „ты *вѣруешь* ли“, говорить какъ бы такъ: желаешь ли быть выше безумія тѣхъ? ты, простившись съ невѣріемъ тѣхъ, приѣми вѣру; ибо это „ты“ вноситъ именно подобное сему противопоставленію по отношенію къ другимъ.

IX. 36. И кто есть, Господи, да вѣрую въ Него ¹⁾).

Мудрымъ размышленіемъ предуготовленная душа и свободными очами ума изслѣдующая ученіе истины безпрепятственно входитъ въ нее какъ бы въ пристань и открываетъ легкій входъ всему полезному. Доказательствомъ сказаннаго будетъ опять прежній слѣпецъ. Посредствомъ многихъ уже умозаключеній и разсужденій дойдя до благоговѣнія предъ таинствомъ о Христѣ и пораженный неизреченною Его силою,—изъ того, что не другой кто, но самъ онъ на себѣ испыталъ, такимъ образомъ оказывается готовымъ вѣровать и безъ замедленія идущимъ къ этому, ибо вотъ спрашиваетъ, кому должно посвятить уже предуготованную въ немъ вѣру. Вѣдь только этого одного не доставало ему, предуготовленному къ этому, какъ мы сказали.

IX. 37. И рече Иисусъ: и видѣлъ еси Его, и Глаголяй съ тобою, Той есть.

Спрошенный о томъ, въ кого надлежитъ увѣровать, Христось указываетъ на Себя и не просто говоритъ:

¹⁾ Опускаетъ слова: „отвѣща онъ и рече“, которыя читаютъ всѣ слав. согл. ND др. мн. Но В оп. ἀπεχρίθη, ἐκεῖνος καὶ εἶπεν, а А оп. первое: ἀπεχρίθη, ἐκεῖνος. Сир син: *сказалъ Ему исцѣленный: кто...*

„Я говорящій“, но называетъ Сына Божія и видимымъ и говорящимъ, постоянно заботясь о нашей пользѣ и представляя разнообразныя пособія для непреложной и истинной вѣры, чтобы, считая себя благочестивыми, мы не впали въ сѣти и силки діавольскія и безразсудно не отвратили истину таинства. Вѣдь нѣкоторые изъ считающихся христіанами, не уразумѣвъ точно цѣль домостроенія съ плотью, уже дерзнули отдѣлить отъ Слова (Логоса) Божія храмъ, принятый ради насъ отъ жены, и единаго и истиннаго Сына раздѣлили на двухъ сыновъ. По великому безумію почитаютъ, кажется, недостойнымъ признавать, что сталъ человѣкомъ Единородный,—то-есть то, что Онъ не почелъ недостойнымъ сдѣлать ради насъ; ибо Онъ „въ образѣ Бога существуя“, по написанному (Филип. 2, 6. 7), „не похищеніемъ почиталъ быть равнымъ Богу, но Себя уничижилъ образъ раба принявъ“, чтобы быть подобнымъ намъ человѣкомъ, но очевидно безъ грѣха. Они же думаютъ нелѣпо и вопреки нѣкоторымъ образомъ божественному и человѣколюбивому Совѣту удаляютъ изъ истиннаго сыновства, насколько это касается ихъ собственныхъ мыслей, принятый отъ жены храмъ и не допускаютъ униженія, но придумываютъ уклоняющуюся отъ истины славу и говорятъ, что другой есть отъ Бога Отца Единородный Сынъ, то-есть изъ сущности Его рожденное Слово, и другой опять—сынъ отъ жены. Потому: если богодухновенное писаніе проповѣдуетъ единаго Сына и Христа, то развѣ не преисполнены всякаго нечестія тѣ, кои раздѣляютъ на двухъ единаго и истиннаго Сына? Вѣдь поскольку Онъ есть Богъ Слово, Онъ мыслится другимъ сравнительно съ плотью; по скольку же Онъ есть плоть, Онъ мыслится какъ нѣчто другое сравнительно съ Словомъ; но поскольку

сущее изъ Бога Отца Слово стало человѣкомъ, должно совершенно упраздниться это „другой и другой“, благодаря неизреченному единенію и соитію. Одинъ и единствененъ Сынъ и прежде сочетанія съ плотью и когда соединился съ плотью. И благодаря плоти называемъ Его всецѣлымъ человѣкомъ, то-есть состоящимъ изъ души и тѣла.

Вотъ по этой то причинѣ на вопросъ: „кто есть Сынъ Божій“, Господь опять весьма благоусмотрительно не сказалъ: „Я“, ибо въ такомъ случаѣ нѣкоторые, какъ кажется, неразумно могли предполагать, что этимъ указывается на единое Слово, явившееся отъ Бога и Отца. Но, устраняя всякій предлогъ для сомнѣнія, сначала указалъ на Себя словами: „и видѣлъ ты Его“,—а потомъ рядомъ съ этимъ указываетъ и на Само, вселившееся въ плоти, Слово чрезъ присоединеніе еще словъ: „и *Говорящій съ тобою, Онъ есть*“. Видишь отсюда, какое единство имѣетъ Слово. Не положилъ различія, но Себя Самого называетъ и (человѣкомъ) подлежащимъ тѣлеснымъ глазамъ и (Словомъ) познаваемымъ изъ слова. Поэтому въ высшей степени невѣжественно и нечестиво, когда нѣкоторые необдуманно говорятъ: „человѣкъ Христа“, ибо, будучи Богомъ, Онъ сталъ человѣкомъ нераздѣльнымъ, поскольку Онъ есть Богъ и съ плотію. Въ этомъ именно состоитъ совершеннѣйшее исповѣданіе вѣры въ Него и познаніе.

IX. 38. Онъ же рече: вѣрую, Господи. И поклонися Ему ¹⁾).

Скорѣ къ исповѣданію вѣры и горячѣ къ благочестію прежній слѣпецъ. Какъ только узналъ, что присутствующій и видимый есть истинный Сынъ Единого

¹⁾ Сир. сян. добавляетъ: „и почтилъ Его“.

родный, онъ „поклонился“ Ему какъ Богу. Хотя и видѣлъ Его во плоти, не имѣющимъ истинно божественной славы, но, просвѣщенный въ сердцѣ присущею Ему силою и властію, соотвѣтственно этому, возвышается до мудрыхъ и хорошихъ мыслей и представляетъ въ своемъ воображеніи красоту божественной Его и неизреченной природы. Вѣдь не „поклонился“ бы какъ Богу, если бы не увѣровалъ, что Онъ—Богъ, руководствуемый къ такой мысли бывшимъ съ Нимъ и дивно совершеннымъ чудомъ.

Но такъ какъ все это событіе съ нимъ мы примѣняемъ къ язычникамъ, то намъ слѣдуетъ сказать опять и объ этомъ. Замѣть, что онъ представляетъ своимъ поклоненіемъ образъ духовнаго богослуженія, къ коему руководимы были язычники чрезъ вѣру. Израилю, по уставу Моисеева закона, было обычно служить Господу всяческихъ жертвами воловъ, куреніемъ ладона и принесеніемъ другихъ животныхъ. А увѣровавшіе изъ язычниковъ не знаютъ такого образа богопочтенія, но совершали другое, духовное, которое Богъ и называетъ особенно любезнымъ и пріятнымъ Себѣ. „Не ѣмъ“, говоритъ, „мяса воловъ, но и кровь козловъ не пью“ (Псал. 69, 13). Напротивъ, повелѣваетъ намъ приносить „жертву хваленія“ (ст. 14), тоестъ поклоненіе съ пѣснопѣніемъ, о которомъ Псалмопѣвецъ, прозрѣвъ чрезъ Святаго Духа, говоритъ, что до него дойдутъ язычники чрезъ вѣру, какъ бы обращая рѣчь къ Господу нашему и Спасителю: „вся земля (во всей землѣ) да поклонится (поклонятся) Тебѣ, да поетъ (поютъ) же имени Твоему“ (Псал. 65, 4). Но и Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, показуя превосходство духовнаго богослуженія предъ законнымъ, говоритъ къ Самарянской женщинѣ: „вѣрь Мнѣ, жена, что грядетъ часъ, когда ни на горѣ

сей, ни въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу; но грядеть часъ и нынѣ есть, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо и Отець—таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему: Духъ—Богъ, и поклоняющимся Ему—въ духѣ и истинѣ должно поклоняться“ (Іоан. 4, 21—24). А размышляя правильно, приходимъ къ такому заключенію, что и святые ангелы отличаются такимъ же служеніемъ Богу и какъ бы нѣкое духовное копыношеніе приносятъ Богу поклоненіе. Такъ Духъ, когда повелѣваетъ небожителямъ воздавать Первородному и Единородному божескую честь, говоритъ: „и да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи“ (Второз. 32, 43). Но и божественный Псалмопѣвецъ призываетъ насъ къ этому въ словахъ: „придите, поклонимся и припадемъ Ему“ (Псал. 94, 6). Не трудно бы было говорить объ этомъ много и долго. Но, полагая подобающую мѣру слову, воздержимся въ настоящей разѣ отъ приведенія изреченій Писанія. Впрочемъ напомнимъ еще о томъ, что прежній слѣпецъ прекрасно выполнялъ образъ богослуженія язычниковъ, полагая поклоненіе рядомъ съ исповѣданіемъ вѣры.

IX. 39. И рече Иисусъ: на судъ Азъ въ міръ сей приидохъ, да невидящїи видятъ, и видящїи слѣпыи будутъ.

Изъясняя намъ причину Своего явленія въ этомъ мірѣ, Христосъ говоритъ словами Исаи: „Духъ Господень на Мнѣ, Коего ради помазалъ Меня, благовѣстити нищимъ послалъ Меня, проповѣдать плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе“ (Иса. 61, 1). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Глухіе услышьте и слѣпые прозрите (чтобы) видѣть“ (Иса. 62, 18). Если такимъ образомъ высказываетъ, что Онъ рукоположенъ Отцомъ и Богомъ ради той причины, чтобы про-

повѣдать слѣпымъ прозрѣніе, то какъ же здѣсь говорить: „на судъ Я въ міръ сей пришелъ, чтобы не видящіе видѣли и видящіе слѣпцами стали“? Неужели, скажетъ кто, Христосъ грѣха служитель (Гал. 2, 17), по слову Павла? Да не будетъ. Онъ пришелъ затѣмъ, чтобы совершить предложенную по милосердію къ намъ цѣль, тоестъ освѣтить всѣхъ свѣточемъ Духа. Но Іудеи, бывшіе склонными къ невѣрію, не приняли осіявавшей ихъ благодати, какъ бы самозванную призывая на самихъ себя тьму. Такъ именно и написано о нихъ въ пророческихъ указаніяхъ: „когда они ожидали свѣта, явился имъ мракъ, — ожидая сіянія, ходили во темнотѣ“ (Иса. 59, 9). Что касается до проповѣди закона, Іудеи ожидали сіянія и свѣта, тоестъ Христа, ибо они признавали, что Онъ придетъ, и ожидали Его. Но казавшіеся въ этомъ отношеніи благочестивыми, они ходили въ темнотѣ, тоестъ въ глубокомъ мракѣ, причемъ причиною этой подверженности ихъ тьмѣ былъ не другой кто, но сами они своимъ невѣріемъ навлекали на себя это бѣдствіе. Итакъ, Я пришелъ, говоритъ, чтобы сообщить слѣпцамъ зрѣніе посредствомъ вѣры, но безчувственное настроеніе неруководственныхъ и непослушныхъ, направленное болѣе къ невѣрію, обратило имъ въ осужденіе пришествіе Просвѣтителя; такъ какъ невѣрують, то подвергаются осужденію. Это яснѣе высказалъ тебѣ Спаситель и въ другихъ словахъ: „вѣрно — вѣрно говорю вамъ, вѣрующій въ Сына не судится, а невѣрующій Сыну уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя Сына Божія“ (Іоан. 3, 18 ср. 36). Такимъ образомъ весьма искусно начало разсужденія ведетъ отъ даннаго и находящагося подъ руками предмета и совершенное надъ прежнимъ слѣпцомъ чудо дѣлаетъ какъ бы корнемъ для своей рѣчи, ибо

утверждаетъ, что онъ прозрѣлъ не по тѣлу только, но и по уму, такъ какъ принялъ вѣру. Въ противоположномъ состояніи находились фарисеи, ибо не узрѣли славы Его, хотя и весьма ясно блиставшей въ этомъ величайшемъ и новомъ чудѣ.

IX. 40. Слышаша отъ фарисей сія сущіи съ Нимъ и рѣша Ему: еда и мы слѣпни есмы?

Внимательно слѣдятъ и старательно ходятъ за Спасителемъ Христомъ фарисеи, хотя и имѣютъ въ сердцѣ острую стрѣлу и угрызаются скорбію и завистью ради славы Его. Ходятъ за Нимъ, собирая пищу для ненависти, измышляя разнообразныя клеветы на чудеса и чрезъ это развращая безхитростный умъ простецовъ. Когда они слышали эти слова отъ Христа, опять приходили въ ярость, такъ какъ очевидно было, что слова эти направляются противъ нихъ. А какъ Имъ было сказано вообще и неопредѣленно „дабы зрящіе слѣпцами стали“ (стр. 39), то, не имѣя еще основательнаго повода обвинять Его за обиду, лукаво выпрашиваютъ значеніе словъ этихъ, обращая ихъ къ собственному лицу и какъ бы требуя яснѣе сказать, называетъ ли Онъ и ихъ слѣпцами, дабы опять осудить Его какъ нарушителя заповѣди закона. Вѣдь они, постоянно вращаясь въ писаніяхъ Моисеевыхъ, знали, что написано: „начальника народа твоего не поноси“ (Исх. 22, 28). Итакъ, говорятъ это или въ ожиданіи того, что Онъ оскорбитъ ихъ и они будутъ казаться имѣющими основаніе нападать, негодовать и даже, не подвергаясь винѣ, строить ковы на Христа,—или же и дѣйствительно имѣя въ умѣ что либо горшее и замышляя какой либо свойственный имъ видъ клеветы. Такъ какъ Христосъ сказалъ: „на судъ Я въ міръ сей пришелъ, да невидящіе видятъ“ (ст. 39), и по-

средствомъ этихъ словъ указаль на прозрѣніе слѣпца, то они, не бывъ въ состояніи перенести напоминанія о чудѣ, возстаютъ опять, возбуждаемые завистью, и пытаются противодѣйствовать Ему, рѣшаясь говорить какъ бы такъ: Ты сильно хвастаешь, не совершивъ ничего изъ того, что Ты, по твоему мнѣнію, сдѣлалъ, — да и не хочешь ли, говорить, и на насъ самихъ во-ображать Свои чудеса? Быть можетъ Тебѣ возможно утверждать, что и насъ, бывшихъ слѣпцами, Ты исцѣлилъ? Не желаешь ли, чтобы мы усвоили Тебѣ славу цѣлителя и чудотворца, обманувшись подобно тому слѣпцу, о коемъ Ты утверждаешь, что онъ, рожденный слѣпымъ, прозрѣлъ? Не рѣшишься ли и о насъ клеветнически сказать то же, что о немъ? Да, лукава и очень остра рѣчь фариисеевъ, осмѣивавшихъ чудо надъ слѣпцомъ и считавшихъ это скорѣе за клевету, чѣмъ за дѣйствительность. Вѣдь глупецъ ничего не стыдится.

IX. 41. Рече имъ Иисусъ: аще бысте слѣпни были, не бысте имѣли грѣха; нынѣ же глаголете, яко вѣдимъ, грѣси ваши пребудутъ ¹⁾.

Опять умѣряетъ ихъ Спаситель, искусно растворявъ обличеніе. Избѣгаетъ всякаго оскорбленія, но стыдитъ, выставляя значеніе истины. Показываетъ, что обладаніе зрѣніемъ не только не имѣетъ для нихъ никакой пользы, но болѣе того, они впадутъ въ состояніе худшее, чѣмъ то, въ какомъ находится ничего невидящій. Вѣдь слѣпой человѣкъ, говоритъ, совсѣмъ не видя совершаемыхъ чудесъ, остается внѣ грѣха и пребываетъ невиновнымъ въ этомъ отноше-

¹⁾ Др. и слав: грѣхъ... пребываетъ, и: убо—о҃г҃ послѣ грѣхъ (грѣси) ; (αὶ) οὐκ ἄμαρτία (αἰ).

ніи. А созерцатели и зрители чудесъ, благодаря великому неразумію своему и злонравію не принявъ вслѣдствіе ихъ (чудесъ) вѣры, имѣютъ незагладимый грѣхъ и неотвратимое за это осужденіе. Такъ естественно думать о тѣлесной слѣпотѣ и прозрѣніи. Соотвѣтственнымъ образомъ разсуждая о духовномъ и подобное же значеніе примѣняя къ этому изреченію, скажемъ опять, что человѣкъ неразумный могъ бы съ полнымъ основаніемъ просить снисхожденія у судьи, а человѣкъ съ острымъ умомъ и понимающій пользу, но устремляющій сердце свое на дѣла постыдныя и безстыдно отдающійся во власть вредныхъ удовольствій, если потребуеть милости, то просьба его не окажетъ ему никакой помощи въ избѣжаніи должнаго наказанія, но онъ со всею справедливостію подвергнется гибели, предавшись непрощительному грѣху. Посему и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, указуя на это самое въ евангеліяхъ, говоритъ: „знавшій волю господина своего и не сдѣлавшій, подвергнется многимъ ударамъ“ (Лук. 12, 47). Незнавшему вмѣняется вина невѣдѣнія, а разумѣвшій и по безразсудству не хотѣвшій сдѣлать подлежитъ обвиненію въ крайнемъ нерадѣніи. Замѣчай опять, сколь и здѣсь оказалось предусмотрительнымъ слово Спасителя. Не говоритъ прямо, что „вы видите“, но, *„вы говорите, что видимъ“*. Въ самомъ дѣлѣ, было бы весьма неумѣстно свидѣтельствовать о разумѣніи тѣхъ, кои обладали столь слѣпымъ и притупленнымъ умомъ, что осмѣлились говорить о Немъ: „Мы знаемъ, что Сей Человѣкъ—грѣшникъ“ (ст. 24). Такимъ образомъ сами осуждаютъ себя Іудеи, утверждая, что они видятъ, и совѣмъ ничего не дѣлая, что должно было дѣлать, и зная волю Господа, но презирая до такой степени, что противятся даже величайшимъ чудесамъ.

Х. 1--5. *Аминь, аминь глаголю вамъ: не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя икудъ, той тать есть и разбойникъ. А входяй дверьми пастырь· есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени и изводитъ ихъ. Егда же вся своя ¹⁾ ижденетъ (изгонитъ), предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идуть, яко въдятъ гласъ его. По чуждемъ же не идуть, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждыхъ ²⁾ гласа.*

При недостаточной внимательности естественно можетъ показаться, что предложенная притча внесена не совсѣмъ благовременно. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждая о слѣпотѣ и прозрѣніи, Онъ тотчасъ же говоритъ объ овцахъ, дворѣ и двери. Но у кого внѣдренъ мудрый умъ и кто со всѣмъ стараніемъ направить свое вниманіе къ этимъ созерцаніямъ, тотъ опять увидитъ, что рѣчь идетъ какъбы по прямой дорогѣ и никуда не уклоняется отъ должнаго пути. О чемъ я часто говорилъ, повторяю это и еще опять. У Спасителя Христа обычай былъ отвѣчать не на одни только голосомъ произносимыя слова, когда къ Нему приступали кто либо, но, такъ какъ Онъ видитъ внутренности и сердца, давать отвѣты и на одни только помышленія. Это потому, что „все Ему обнажено и открыто, и нѣтъ твари, сокровенной предъ Нимъ“ (Евр. 4, 13). Посему и къ одному изъ святыхъ говоритъ: „кто сей скрывающій отъ меня намѣреніе и содержащій слова въ сердцѣ и отъ Меня думаетъ скрыть?“ (Іов. 38, 2). Итакъ, такъ какъ нечестивое скопище

¹⁾ Др. и слав: *своя овцы*.

²⁾ *Τῶν ἄλλοτρίων* у св. Кир. согл. греческимъ, Вульг. и нѣк. лат. Сир. іер. и Слав. мар. асс. остр. гал. мир. вмѣсто тепер. слав. и русс: *чужаго* Сир. син. пеш. саг. копт. ээ. многіе Лат. (а. в. с. др.) и Слав. Зогр. Ник. Конст. и поздн.

фарисеевъ, какъ мы только что говорили, спрашивали, слѣпы ли и они, чтобы если скажетъ истину, что и они таковы, то есть слѣпы, можно было опять осудить Его за оскорбленіе вождей и за то, что Онъ поносить получившихъ начальство надъ народомъ. Вѣдь они высокоумдрствовали объ этомъ чрезмѣрно. Поэтому Господь нашъ Іисусъ Христосъ, отражая опять этотъ ихъ умыслъ, считаетъ необходимымъ и полезнымъ ввести эту притчу, нѣсколько прикровенно и какъ бы въ загадкѣ указуя на то, что вслѣдствіе корыстолюбія они не въ состояніи быть твердыми вождями и не можетъ быть крѣпкимъ достоинство это у нихъ, своимъ высокоумѣемъ оскорбляющихъ подателя сего (достоинства) Бога. Напротивъ, Онъ научаетъ, что это должно принадлежать однимъ только тѣмъ, кого Самъ Онъ призываетъ къ водителству народа. Итакъ, дверью Онъ называетъ Самого Себя, по собственному желанію поставляющаго опытныхъ и боголюбивыхъ людей на водителство словесными стадами. Воромъ же и разбойникомъ и отъинуду приходящимъ называетъ того, кто думаетъ, что не данную ему честь можно получить насиліемъ и тиранніей, каковыми были тѣ, о коихъ говоритъ чрезъ одного изъ пророковъ, что „царствовали, но не чрезъ Меня, властвовали, но не чрезъ Духа Моего“ (Ос. 8, 4; Иса. 30, 1). Прикровенно указываетъ въ этихъ словахъ на то, что, хотя имъ и пріятно владычествовать надъ народомъ, но стремиться къ этому подобаетъ только увѣровавшимъ и принявшимъ чрезъ Него божественную проповѣдь, дабы имѣть власть непоколебимую и хорошо утвержденную, что и было у святыхъ апостоловъ и слѣдующихъ за ними учителей святыхъ церквей, коимъ и „дверь отворяетъ“, то есть, или ангель, назначенный для наблюденія за церк-

вами и содѣйствіа священнослужителямъ на пользу народовъ, или опять Самъ Спаситель, будучи Самъ и дверью и Господомъ двери. Вполниѣ справедливо повелѣваетъ стаду овецъ слушаться и повиноваться надлежащимъ образомъ голосу пасущаго, напротивъ со всѣмъ стараніемъ отвращаться *голоса чужихъ*, дабы ты, обобщая значеніе этого изреченія, разумѣлъ истинное положеніе дѣла. Вѣдь мы учимъ въ церквахъ, представляя догматы Священнаго Писанія и какъ бы нѣкую духовную пищу предлагая евангельское и апостольское слово. А внимающими такому ученію являются вѣрующіе во Христа и отличающіеся неизвратимою вѣрою, кои отказываются отъ голосовъ лжепастырей и отвращаются отъ нихъ какъ отъ гибельнаго зла. Но что же, спросить кто, отсюда указывается фарисеямъ? Вообще и въ краткихъ словахъ опять повторю объ этомъ. Себя Самого показываетъ и господиномъ двора и дверью и привратникомъ, дабы точно узнали, что не будутъ имѣть твердой и устойчивой власти, если не приходятъ къ ней чрезъ Него и не получаютъ богоданнаго блага. А присоединяя, что овцы слушаются своихъ пастырей, а отъ чужихъ отбѣгаютъ, опять благородно намекаетъ на то, что они отнюдь не будутъ стоять во главѣ имѣющихъ увѣровать въ Него, напротивъ—овцы будутъ убѣгать отъ ихняго ученія и слѣдовать за пастырями, поставляемыми Имъ.

Х. 6. Сію притчу рече имъ Исусъ: они же не разумѣша, что бѣше, яже глагола имъ.

Просто слово святыхъ и свободно отъ еллинской изысканности, ибо „избралъ Богъ безумное міра, по слову Павла, чтобы посрамить премудрыхъ“ (1 Кор. 1, 27). Употребилъ здѣсь терминъ *притчи* (*παροιμία*)

назвавъ такъ сревненіе (*παράλογον*). Вѣроятно потому, что и значеніе таковыхъ смѣшивается и чрезъ ту и другое, какъ чрезъ одно, разумѣется обозначаемое. Кромѣ того мы укажемъ на то, что божественный Евангелистъ очень удивляется неразумію Іудеевъ. Какъ свидѣтельствуеть самый опытъ дѣйствительности, они имѣють умъ подобный камню или желѣзу, совсѣмъ не заботившійся внимать и воспринимать полезное. Посему говорилъ къ нимъ гласомъ Іоилъ пророка: „раздерите сердца ваши, а не одежды ваши“ (Іоил. 2, 13).

И мнѣ кажется опять, что не безцѣльно писатель книги евангельской говоритъ, что „сію притчу сказалъ имъ Іисусъ“, они же не уразумѣли, говоритъ „что было (означало), что говорилъ имъ“. Высказываетъ это съ немалою выразительностію. Ясно это можно выразить въ такихъ словахъ: такъ удалились фариसेи отъ способности понимать что-либо необходимое, хотя и безмѣрно превозносились своею мнимою мудростію, что сію не уразумѣли притчу, столь удобопонятную и прозрачную, въ коей нѣтъ ничего труднаго, не доступнаго разумѣнію и воспріятію. Приличествующимъ образомъ осмѣиваетъ іудейское неразуміе, если они считали Христа за ничто, хотя Его ученіе превосходило законъ и его изъясненія были гораздо пріятнѣе Моисеевыхъ.

Х. 7. Рече же ¹⁾ имъ Іисусъ: аминь глаголю вамъ ²⁾: Азъ есмь дверь овцамъ.

Будучи Богомъ по природѣ и видя сокровенное въ глубинѣ, Онъ зналъ конечно, что фарисей ничего

---

¹⁾ Такъ одни, другіе и слав. теп. приб: *паки—пѣли*.

²⁾ Др. и слав: *оги—яко*.

не понялъ въ Его словахъ, хотя и привыкъ хвастаться знаніемъ закона и величаться своею мнимою мудростью. Посему даетъ имъ яснѣйшее истолкованіе и въ немногихъ словахъ раскрываетъ смыслъ притчи. Какъ благій по природѣ, Онъ и недостойныхъ руководствуетъ къ воспріятію, чтобы и для нихъ явилась какая либо польза. Ясно называетъ Себя *дверью овецъ*, научая общепризнанной истинѣ, ибо чрезъ одну только вѣру въ Него мы достигаемъ общенія съ Богомъ, чему свидѣтелемъ является Онъ Самъ, говорящій объ этомъ: „никто ни приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14, 6). Или нѣчто подобное хочетъ указать, или же, что болѣе соответствуетъ предложеннымъ созерцаніямъ, уясняетъ опять, что чрезъ Него приходимъ мы къ водителству и начальствованію надъ словесными овцами, согласно словамъ Павла: „никто не принимаетъ себѣ честь, но призываемый Богомъ“ (Евр. 5, 4). И дѣйствительно, никто изъ святыхъ пророковъ не объявлялъ самъ себя и славный и великій хоръ апостоловъ не окажется самъ себя призвавшимъ на это, но назначенъ волею Христа, призвавшаго ихъ на апостольство поименно и каждого отдѣльно, какъ говорить въ предложенной притчѣ. Вѣдь мы знаемъ, что въ евангеліи Матѳея имена апостоловъ поставлены рядомъ и прямо послѣ нихъ присоединенъ образъ ихъ назначенія: „сихъ, говоритъ, двѣнадцать“ назначилъ Спаситель, „коихъ апостолами наименовалъ“ (Матѳ. 10. 5 ср. Лук. 6, 13). Итакъ, видя въ безумномъ фарисеѣ стремленіе къ начальствованію и горячее желаніе къ имени и дѣлу водительства, благополучно поучаетъ, что Самъ Онъ есть податель водительства кому либо и силенъ доставить это, ибо „дверью будучи священнаго и божественнаго двора,

Онъ приметъ годнаго и закроетъ входъ внутрь негодному для сего.

Х. 8. *Вси, елико ихъ прииде ¹⁾, татіе суть и разбойници, но не послушаша ихъ овцы.*

Всячески желая укротить дикое сердце фарисеевъ и обратить ихъ къ здоровому смыслу, старается показать, какъ бесполезна и опасна дерзость брать на себя начальствованіе не чрезъ вышнее рукоположеніе и не чрезъ божественное велѣніе, но по человѣческой глупости воображать, что можно обладать властью, хотя бы сего не желалъ Податель ея. Итакъ, ясно назвавъ Себя дверью, такъ какъ Онъ одинъ только приводитъ достойныхъ къ начальствованію, тотчасъ представляетъ попытки древнихъ, чтобы, какъ на доскѣ видя изображеніе конца такихъ попытокъ, уже ясно узнали, что сила властвовать и водить стодами и народами дается одною только вышнею благодатью, а не тираническими предпріятіями. Поэтому и здѣсь благополезно приводитъ на память изъ исторіи древнихъ, что *„всѣ, кто пришли, воры суть и разбойники, но не послушали ихъ овцы“*. Нѣкоторые выступали на сцену подъ личиною добрыхъ пастырей, но такъ какъ съ ними не было Того, Кто надѣляетъ властью и заставляеть повиноваться начальникамъ, то и отбѣжало отъ нихъ стадо овецъ.

Но отнюдь не слѣдуетъ предполагать, что словомъ „всѣ“ Спасителемъ нашимъ Христомъ уничтожается миссія святыхъ пророковъ. Не противъ нихъ, а противъ другихъ рѣчь. Какъ скоро предположилъ говорить о лжепастыряхъ и отъинуду вторгающихся во дворъ овчій, то, послѣ того какъ уже въ предъиду-

¹⁾ Такъ одни, другіе приб. *πρὸ ἐμοῦ*—прежде Мене и Слав. Св. Ал.: *вси елицы придоша, такіе суть...*

щей рѣчи было ясно указано, о комъ шла рѣчь, необходимо говорить это „всѣ“, и мы отнюдь не должны думать, что здѣсь отвергается ликъ святыхъ пророковъ. Какъ могъ бы отвергнуть ихъ Тотъ, Кто чрезъ нихъ представилъ ясныя знаменія Своего пришествія въ словахъ: „Я видѣнія умножилъ и чрезъ пророковъ изрекъ притчи“ (Ос. 12, 10)? Онъ послалъ Моисея, говорилъ Іереміи: „не говори, что юнъ я, потому что ко всѣмъ, къ кому пошлю тебя, пойдешь и согласно всему, что я ни заповѣдаю тебѣ, будешь говорить (Іерем. 1, 7), — къ блаженному Іезекіиллю: „сынъ человѣческой, пошлю я тебя къ дому Израилеву, къ огорчающимъ Меня“ (Іезек. 2, 3). Итакъ, цѣль этого изреченія обращена не къ хору святыхъ пророковъ, а напротивъ, какъ видишь, къ тѣмъ, кои нѣкогда въ Іудеѣ притворялись пророками и говорили ложь, что будто-бы они отъ Бога пришли, и убѣждали народъ не истиннымъ пророкамъ Божиимъ повиноваться, а своимъ собственнымъ измышленнымъ предпріятіямъ и словамъ, о коихъ въ одномъ мѣстѣ и Самъ Господь, Владыка всяческихъ и Богъ говоритъ: „не посылалъ я пророковъ, и они сами прибѣгали,—не говорилъ Я съ ними, и они сами пророчествовали“ (Іерем. 23, 21). И къ блаженному Іереміи: „ложь пророки пророчествуютъ во имя Мое, не посылалъ Я ихъ и не говорилъ съ ними и не заповѣдалъ имъ, потому что видѣнія и гаданія и пророчества сердца своего они пророчествуютъ вамъ“ (24, 15),—„пророки ли они и есть ли слово Господне у нихъ, пусть предстанутъ предо Мною“ (27, 18),—„что (можетъ быть общаго) у мякины съ зерномъ?“ (23, 28). И дѣйствительно, слово отъ Бога имѣетъ питательнѣйшую силу и охраняетъ сердце человѣка, по написанному (Псал. 103, 15), а слово нечестивыхъ

лжепророковъ или лжеучителей, будучи очень хрупкимъ и соломеннымъ, не доставляетъ слушателямъ никакой пользы. Итакъ, когда называетъ ворами и разбойниками являвшихся прежде пришествія Его, то указываетъ или на лживую и обманывавшую толпу только что названныхъ нами (лжепророковъ), или же значеніе этого изреченія можешь относить къ тѣмъ, о коихъ написано въ Дѣянїяхъ Апостоловъ. Однажды вожди іудейскіе, собравши святыхъ апостоловъ и поставивъ ихъ на свое беззаконнѣйшее судилище, намѣревались изгонять ихъ изъ Іерусалима и подвергнуть величайшимъ опасностямъ. Но Гамалииль призывалъ ихъ къ воспоминанію о лжеучителяхъ, говоря такъ: „мужи Израильскіе! размыслите въ себѣ о людяхъ сихъ, что намѣрены вы дѣлать: прежде дней сихъ возсталъ Февда, называя себя чѣмъ-то великимъ. Къ нему пристало числомъ около четырехъ сотъ человѣкъ. Онъ былъ убитъ и всѣ, кои повиновались ему, разсѣялись и обратились въ ничто. Послѣ сего возсталъ Іуда Галилеянинъ во дни переписи и увлекъ народъ за собою. Но и онъ погибъ и всѣ, кои повиновались ему, разсѣялись“ (Дѣян. 5, 35—37). Видишь отсюда ясно и безспорно, что Христосъ говоритъ это не о святыхъ пророкахъ, но о лицахъ другаго рода, дабы убѣдить фарисеевъ даже вопреки ихъ волѣ, въ томъ, что предстояние надъ народомъ отнюдь не зависитъ отъ собственнаго ихъ безразсуднаго желанія и не бываетъ безъ воли Божіей, но власть надъ всѣмъ принадлежитъ божественному благоизволенію, и надо стремиться входить чрезъ истинную дверь, а не пытаться подобно грабителямъ входить отъинуду во дворъ овчій.

Х. 9. Азъ есмь дверь: Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ, и изыдетъ, и пажитъ обрящетъ.

Отъ обычно случающагося преобразуетъ рѣчь какъ бы изъ исторіи въ духовное созерцаніе и то, что едва не растилается предъ глазами и не представляетъ никакой трудности для пониманія, дѣлаетъ образомъ предметовъ менѣе ясныхъ. Воры, говоритъ, и разбойники, нагло вторгаясь въ стойла овецъ, не входятъ дверями, но вскакиваютъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ и съ опасностью для себя перепрыгиваютъ изгородь двора, ибо такой грабитель и безразсудно рѣшившійся на злодѣйство весьма легко можетъ быть пойманъ. А входящіе чрезъ самую дверь совершаютъ вполне безопасный входъ, очевидно какъ не безызвѣстные и не незнакомые владѣтелю овецъ, ибо они входятъ въ присутствіи привратника, отворяющаго имъ дверь. Но таковыя, говоритъ, будутъ находиться вмѣстѣ при овцахъ въ полной безопасности, совершая законнѣйшее и безъ всякаго злодѣянія вхожденіе, свободное отъ подозрѣнія въ разбойничествѣ.

Таковъ историческій смыслъ. А обращая значеніе его въ духовную пользу, скажемъ, что вступающіе въ управленіе народомъ безъ божественнаго указанія, какъ бы отказываясь войти чрезъ дверь, всенепременно погибнуть, утѣсня божественный судъ своими злодѣяніями. А получившіе власть отъ Бога и идущіе къ этому чрезъ Христа съ великимъ дерзновеніемъ и любовью будутъ начальствовать надъ священнымъ дворомъ и не только будутъ далеки отъ гнѣва (божественнаго) на нихъ, но, напротивъ, получатъ почести за это и ожидать скорого дарованія вышнихъ вѣнцовъ, такъ какъ цѣлью ихъ было отнюдь и ни въ чемъ не вредить овцамъ, а напротивъ

приносить имъ пользу и, дѣлая угодное Владыкѣ стада, всегда стараться охранять подданныхъ Его. Также и въ этихъ словахъ Господь сильно устрашаетъ упрямыхъ фари́сеевъ, говоря, что они не сохраняютъ, а потеряютъ имѣющуюся у нихъ власть, и это по всей справедливости, такъ какъ они думаютъ имѣть ее твердою не чрезъ Бога, но чрезъ свое худоуміе. Но мнѣ и здѣсь приходится удивляться несравненному человѣколюбію Спасителя. Да, „щедръ и милостивъ Господь“ (Псал. 110, 4), предлагающій всѣмъ путь спасенія и многообразно призывающій къ нему даже и очень непослушнаго и упрямаго. Доказательство сказаннаго будетъ мнѣ опять изъ самого дѣла. Когда ни чудесами, ни стремленіемъ, направленнымъ къ будущей надеждѣ и славѣ, не убѣждаетъ фари́сея принять Его ученіе, то быстро переходитъ къ тому, отъ чего имъ естественно было придти въ великое смущеніе и какъ бы вслѣдствіе неотвратимой необходимости обратиться къ благопослушанію. Зная, что они стремятся къ пріобрѣтенію славы отъ начальствованія и нисколько не заботятся о доставленіи пользы отсюда, говоритъ, что они лишатся и совсѣмъ потеряютъ то, что весьма цѣнится ими и въ рукахъ у нихъ, если, въ скорѣйшемъ времени перемѣнившись къ послушанію Ему, не получаютъ отъ Него пощады.

Х. 10. Тамъ не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ: Азъ придохъ, да жизнь имутъ, и лишше имутъ.

Когда Спаситель нашъ Христосъ называлъ Себя дверью и училъ, что Ему принадлежитъ и вводитъ, кого Онъ пожелаетъ, и оставляетъ внѣ негоднаго и неспособнаго къ пасенію, и кромѣ того называлъ разбойниками и ворами тѣхъ, кои были самозванцами по отношенію къ не сообщавшейся имъ вышней бла-

годати,—жалкіе фарисеи опять размышляли, кто же это такой, что доходить до такого дерзновенія, можетъ быть и самъ принадлежащій къ числу тѣхъ, коихъ появленіе Онъ обвиняетъ. Вѣдь они считали Его лжепастыремъ и лженачальникомъ, явившимся по собственному произволению, а не Богомъ, ставшимъ человѣкомъ, согласно древнѣйшей проповѣди богодухновеннаго писанія. Имъ естественно было, собравъ истинное знаніе о Немъ, отбросить его своимъ невѣріемъ какъ нѣкую трудно носимую тяжесть и заботиться и находить удовольствіе только въ одномъ—въ начальствованіи надъ народомъ. И такъ какъ Онъ зналъ, что они помышляютъ это или шепчутъ другъ другу, то, не дождавшись болѣе яснаго заявленія отъ нихъ, защищается подобающимъ образомъ и утверждаетъ, что изъ самыхъ дѣлъ можно опредѣлить кто—пастырь и кто—воръ. Это, говоритъ, совсѣмъ не трудно опредѣлить, если обратитъ вниманіе на цѣль и образъ (дѣлъ) cadaго. „*Воръ приходитъ*“, говоритъ, для вреда скоту, такъ какъ желаніе разбойничать безъ сомнѣнія имѣетъ такой исходъ. А истинно добрый пастырь придетъ во дворъ овецъ не для чего либо вреднаго, но чтобы, напротивъ, доставить имъ пользу и ревностно совершить то, что считаетъ онъ великою пользою для нихъ.

Пусть же истинный смыслъ рѣчи раскроется другимъ образомъ и фарисей да обратитъ вниманіе на то, что доставили тогда лжепастыри и лжеучители обманутымъ ими и какое благо дасть въ пришествіе Свое Христось, или къ какому благоденствію Онъ возведетъ насъ. Итакъ, рѣшившіеся нѣкогда говорить ложь и заблуждавшіеся, что они посланы отъ Бога, но пророчествовавшіе, по словамъ Писанія, „отъ сердца своего, а не отъ устъ Господа“ (Іер. 23, 16), и кромѣ

нихъ еще Ѳевда тотъ и Галилеянинъ Іуда, увлекшіе народъ за собою (Дѣян. 5, 37), погибли вмѣстѣ съ увлеченными ими. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы доставить намъ вѣчную жизнь, явился изъ любви къ намъ. При такой противоположности и различіи образа пришествія, не должны ли быть противоположными и настроеніе и жизнь? Итакъ изъ свойства дѣлъ, говорить, надо опредѣлять, кто—тѣ и кто—Онъ.

Такимъ образомъ можно было убѣдить вождей іудейскихъ, считавшихъ Его за одного изъ лжепастырей или отъ инуду входящихъ во дворъ овчій, не думать уже о Немъ ничего несообразнаго, напротивъ, говорить, 'Христосъ пришелъ какъ дверь и вводитель и пастырь, не для того только одного, чтобы овцы имѣли жизнь, но и нѣчто „большее“, ибо кромѣ оживленія вѣрующихъ въ Него дается еще непреложная надежда имъ обладать всѣми благами. Хотя и очень прикровенно, говорить, что будетъ нѣчто „больше“ и самой жизни, то есть достопочтеннѣе, а именно—совершеннѣйшее причастіе Духа. Въ самомъ дѣлѣ, оживленіе обще и святымъ и грѣшникамъ, и Еллинамъ, и Іудеямъ, и намъ самимъ, ибо „возстанутъ мертвые и воскреснутъ находящіеся въ гробахъ, и возрадуются сущіе на землѣ“ (Иса. 26, 19), по неложному обѣщанію Спасителя (ср. Іоан. 5, 25. 28—29). А быть въ причастіи Святаго Духа уже не всѣмъ обще, но „лишнее“ при жизни и въ качествѣ большаго сравнительно съ имѣющимся у всѣхъ общимъ будетъ удѣлено однимъ только оправданнымъ вѣрою во Христа. На это указываетъ намъ и божественный Павелъ въ словахъ: „вотъ тайну вамъ говорю: всѣ поціемъ, но не всѣ измѣнимся¹⁾, вдругъ, въ мгнове-

---

¹⁾ Такъ одни, др. чт. и слав: *всѣ не поціемъ, но всѣ измѣнимся.*

ніе ока, при послѣдней трубѣ, ибо вострубитъ, и мертвые во Христѣ воскреснутъ нетлѣнными, и мы измѣнимся“ (1 Кор. 51—52). Вѣдь всѣ возстанутъ изъ мертвыхъ, потому что всей природѣ дана благодать воскресенія. И въ одномъ Христѣ, изначала первомъ разрушившемъ державу смерти и воскресшемъ въ жизнь вѣчную, общій предѣлъ человѣчества преобразуется также въ нетлѣніе, какъ опять и въ Адамѣ въ одномъ и первомъ осуждается на смерть и тлѣніе. Но большое въ то время окажется различіе между воскресшими. Одни, почившіе съ вѣрою во Христа и во время тѣлесной жизни получившіе залогъ Духа, воспріимутъ совершеннѣйшую благодать и, призванные къ божественной славѣ, измѣнятся. А другіе, не увѣровавшіе во Христа и ни вочто вмѣнившіе столь славное мздовоздаяніе, будутъ избличены снова гласомъ Его и, унаслѣдовавъ вмѣстѣ съ другими одно только оживленіе, получатъ наказаніе за столь продолжительное невѣріе. Они низойдутъ въ адъ для наказанія, съ бесполезнымъ позднимъ раскаяніемъ, ибо будетъ, сказано, тамъ плачь и скрежетъ зубовъ (Матѣ. 8, 12).

Х. 11. Азъ есмь пастырь добрый.

Указавъ напередъ со всею ясностію, сколько вреда принесло древнимъ притворство лжепророковъ или лжепастырей, и поставивъ на видъ блага Своего прішествія, а также изъ самого уже сравненія овецъ получивъ удостовѣреніе и увѣнчаніе въ Своей истинности, Онъ со всею справедливостію теперь возглашаетъ: „*Я есмь пастырь добрый*“. Напрасно, говоритъ, вы злоумышляете на Меня это и, будучи не въ состояніи обвинять Меня въ какомъ либо желаніи подмѣнить пользу для овецъ (вредомъ), не ужасаетесь

причислять Меня къ обькшимъ дѣлать это,—истинно добраго называете дурнымъ и справедливое сужденіе о каждомъ дѣлѣ по уставу законодателя повреждаете изъ самолюбія. Итакъ обличаетъ вождей іудейскихъ, какъ неправедныхъ, какъ совсѣмъ нерадѣющихъ о заповѣдяхъ Моисеевыхъ, какъ незнающихъ цѣль пришествія Его, дабы наконецъ оказался истину сказавшимъ о нихъ пророкъ Исаія: „горе, говоритъ, называющимъ дурное хорошимъ и хорошее дурнымъ, называющимъ сладкое горькимъ и горькое сладкимъ, считающимъ свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ“ (Иса. 5, 20). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не это дѣлающими оказываются тѣ, кои истинный свѣтъ, тоестъ Господа нашего Іисуса Христа обращаютъ въ тьму тѣмъ, что добраго нашего Пастыря не стѣсняются сопричислять къ лжеименнымъ пастырямъ и даже осмѣливаются пожалуй поставлять Его ниже ихъ по чести? Мнимые владыки тогдашніе оказывали великое почтеніе тѣмъ, кто ложно присвоили себѣ божественное слово, именемъ пророчества старались опустошать умъ пасомыхъ, отвращали отъ пути къ истинѣ и направляли къ своей волѣ, а не Божіей. Такъ Самей Саламитянинъ, противопологая словамъ Божіимъ свое собственное лжеученіе, дерзко оспаривалъ славу Іереміи. Тотъ находился въ оковахъ, а тотъ пользовался почетомъ у Седекіи въ награду за свою ложь. А несчастные фарисеи теперъ идутъ гораздо далѣе тѣхъ въ нечестіи и съ безстыдною дерзостію приписываютъ Христу даже то, чего не было у лжеучителей. Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ они о Немъ предъ тѣми, кои съ удовольствіемъ внимали слову Его? „Вѣса имѣетъ и неистовствуетъ, что Его слушаете?“ (Іоан. 10, 20). Посему и Самъ Онъ говоритъ о нихъ чрезъ пророка Исаію: „горе имъ, потому что отдалились отъ Меня,—

несчастны они, потому что нечестовали на Меня; а Я искупилъ ихъ, они же говорили на Меня ложь“ (Ос. 7, 13). И опять „падутъ мечемъ начальники ихъ за невоздержность языка своего“ (ст. 16). Развѣ не всякаго наказанія достойны тѣ, кои безразсудно употребляютъ столь дерзкій языкъ свой, что осмѣливаются утверждать противъ Христа то, что конечно не намъ, а только имъ и имъ подобнымъ свойственно какъ допускать до своего слуха такъ и безразсудно говорить?

11—13. Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. А наемникъ и ¹⁾ уже нѣсть пастырь, ему же не суть овцы своя, видитъ волка грядуща ²⁾ и оставляетъ овцы и бѣгаетъ. И волкъ расхититъ ихъ и распудитъ ³⁾. Яко наемникъ есть и не радитъ ⁴⁾ о овцахъ.

Искусно противопоставивъ злоразумію и необузданной дерзости нѣкоторыхъ блескъ Своихъ собственныхъ дѣлъ, объявивъ и назвавъ ихъ разбойниками и ворами, отъинуду вторгающимися во дворъ овчій, а Себя истинно добрымъ пастыремъ, переходитъ теперь уже къ самымъ начальникамъ іудейскимъ и показываетъ превосходство Своего начальствованія надъ фарисейскимъ. Очевиднѣйшее доказательство этого представляетъ имъ опять изъ сравненія. Свою любовь и бдѣніе какъ бы противопоставляетъ ихнему нерадѣнію и опять изобличаетъ ихъ въ томъ, что они нисколько не заботились о стадѣ, а Себѣ Самому усвоетъ здѣсь такую попечительность о стадѣ,

¹⁾ Такъ одни греч. св. Ал. и не сый пастухъ (пастухъ древнесл.), дургія и древнесл. и тепер. безъ и.

²⁾ Типогр: *идуца*.

³⁾ Вм. *распудитъ* Юр. и Добр: *разграбитъ*. Тепер. Слав. и Древнесл. приб. *овцы*. А *наемникъ бѣжитъ* согл. др. греч. чт.

⁴⁾ Св. Ал. буквальявѣ: *и не брещи ему*.

что пренебрегъ даже наимилѣйшею для всѣхъ жизнью. Опредѣляетъ, какимъ образомъ надо узнавать пастыря добраго, который, сражаясь за спасеніе стада, долженъ безъ колебаній отдавать самую душу (жизнь) свою, что и было совершено Христомъ. Человѣкъ отступилъ отъ любви къ Богу, уклонился въ грѣхъ, удаленъ былъ за это изъ священнаго и божественнаго двора, то-есть изъ ограды райской и, подвергшись такой бѣдѣ, сдѣлался добычею діавола, соблазнявшаго къ грѣху и смерти, произросшей изъ грѣха, этимъ свирѣпымъ и неукротимымъ волкамъ. Когда же явился пастырь добрый надъ всѣми Христомъ, Онъ положилъ за насъ душу Свою, сражаясь съ этою сворою свирѣпыхъ звѣрей, претерпѣлъ крестъ за насъ, чтобы смертію умертвить смерть, подвергся осужденію ради насъ, дабы освободить всѣхъ отъ осужденія за прегрѣшеніе, вѣрою упразднивъ владычествовавшій грѣхъ и „пригвоздивъ бывшее противъ насъ рукописаніе Своимъ крестомъ“, какъ написано (Колос. 2. 14). Итакъ, отецъ грѣха, какъ „овецъ въ аду“ (Псал. 48, 15), положилъ пасти насъ, предавъ смерти, согласно сказанному въ псалмахъ. Но умеръ за насъ истинно добрый Пастырь, дабы, изъяснивъ изъ темныхъ пропастей смерти, предоставить намъ возможность сопричисляться къ небеснымъ хорамъ и вмѣсто хлѣбовъ въ пропастяхъ бездны и глубинахъ моря даровать намъ вышнія обители у Отца. Посему и говоритъ къ намъ въ одномъ мѣстѣ: „не бойся, малое стадо! ибо благоволилъ Отецъ дать вамъ царство“ (Лук. 12, 32).

Но это о Христѣ. Теперь разсудимъ о нихъ. Для всякаго, судящаго о нихъ вѣрнымъ взоромъ, они окажутся въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ наемниками, лжепастырями, трусами, предателями и

лѣнтяями, не обращающими никакого вниманія на пользу овецъ, а старающимися только отовсюду добывать пріятное и удобное каждому. Да, они были „наемники“, по слову Спасителемъ, и не свои ихъ были овецъ, но Христа, купившаго ихъ въ началѣ и рукоположившаго іудейскому народу священноначальниковъ для вышнихъ почестей. Но они, возне радѣвъ о столь великихъ почестяхъ.... и нисколько не дорожа дворомъ стада, предали овецъ волку. Какимъ образомъ, объ этомъ скажемъ покороче.

Въ древнѣйшія времена многочисленный іудейскій народъ признавалъ царемъ только Бога, Ему давалъ дидрахмы и жертвы, и какъ бы дань какую, приносилъ жизнь, согласную съ закономъ. Но пришелъ на этотъ народъ, какъ бы какой дикій волкъ, иноплеменный человѣкъ (народъ), возложилъ и имя и дѣло рабства, надѣлъ ярмо человѣческаго царства, принуждалъ переходить къ жизни противозаконной и безнравственной, требовалъ подати и отторгалъ отъ царства Божія, ибо подвергшимся такимъ бѣдамъ стало необходимымъ подчиняться законамъ своихъ владыкъ. Пришелъ иноплеменникъ, отстраняя власть Божію, то-есть получившее священнослуженіе колѣно, коему отъ Бога предоставлены были и судъ и законъ,— все извратилъ, подвергъ стѣсненію, заставилъ себя самого чеканить на монетахъ и учинилъ всякаго рода насилія. Противъ такого невыносимаго гнета пастыри однакожъ не бодрствовали. Они видѣли „волка идущаго“, и оставивъ стадо, убѣжали, ибо не были ихъ „своими овецъ“,—не призвали Могущаго помочь, Спасшаго отъ Вавилонянъ, Отвратившаго Ассирійца, Умертвившаго рукою ангела „сто восемьдесятъ пять тысячъ“ иноплеменниковъ (Исх. 37, 36). А что подчиненіе власти иноземцевъ доставило Израилю не ма-

лый вредъ и ослабило благочестіе, это можешь узнать изъ самой дѣйствительности. Когда Пилать порицалъ нѣкогда невѣроятную дерзость іудеевъ, требовавшихъ отъ него распять Господа, и не обинуясь говорилъ: „Царя ли вашего распну?“ (Іоан. 19, 15), тогда то именно они, свергнувъ съ себя рабство Богу и расторгнувъ узы изначальнаго владычества, подвергли себя новому игу, безстыдно возгласивъ: „не имѣемъ царя, кромѣ Кесаря“ (Іоан. 19, 15). Начальникамъ іудейскимъ казалось справедливымъ дѣлать и возглашать это. Поэтому на нихъ должны быть возложены вины за всѣ бѣдствія. И они со всею справедливостью осуждаются какъ предатели стада, какъ трусы, лишенные мужества и вздорные, всецѣло отказавшіеся защищать и бороться за подвластное имъ стадо. Посему и Богъ обвиняетъ ихъ въ словахъ: „пастыри обезсмыслили и Господа не взыскали, посему не уразумѣло все стадо и разсѣяно“ (Іером. 10, 21). Итакъ сама дѣйствительность доказываетъ, что Христосъ есть истинно добрый Пастырь овецъ, они же скорѣе губительные, чѣмъ добрые, и совершенно чужды дѣйствительной похвалы.

Х. 14. Азъ есмь пастырь добрый.

Опять торжественно провозглашаетъ превосходство Своей власти предъ іудейскою, доказываемое уже не свидѣтельствами кого либо, но изъ самого уже изслѣдованія дѣлъ. Какъ прежде, противопоставивъ Свои дѣла злодѣйствамъ лжепророковъ и показавъ наилучшій исходъ своихъ подвиговъ сравнительно съ ихнимъ лжесловіемъ,—они, говоритъ, были весьма склонны къ одному только воровству, убійству, губительству, обману и къ тому, о чемъ не подобаетъ говорить, а Самъ Онъ напротивъ пришелъ, чтобы

овцы не только имѣли жизнь, но и нѣчто большее,— прекрасно и справедливо возглашалъ: „Я есмь Пастырь добрый“: такъ и здѣсь, опредѣливъ истинно добраго пастыря его добровольнымъ желаніемъ умереть за овецъ и охотно положить душу свою за нихъ, а наемника назвавъ и чуждымъ приставникомъ, и трусомъ, и бѣглецомъ и подобнымъ чему либо такому, такъ какъ зналъ о Себѣ Самомъ, что положить жизнь за стадо, опять со всею основательностью восклицаетъ: „Я есмь Пастырь добрый“. И дѣйствительно, первенствующему во всемъ подобало превзойти всѣхъ, (Колос. 1, 18) дабы истиннымъ опять оказался Псалмопѣвецъ, говорящій гдѣ то къ Нему: „да оправдаешься въ словахъ Твоихъ и побѣдишь въ судѣ Твоемъ“ (Псал. 50, 6).

Кромѣ сказаннаго надо разсмотрѣть и вотъ что. Думаю я, что Господь, когда предлагалъ іудейскому народу имѣвшее принести ему великую пользу, то не только Своими собственными рѣчами, но и посредствомъ пророческихъ изреченій старался убѣдить ихъ мыслить право и знать ясно, что Онъ есть Пастырь добрый, а они нѣтъ. Почему? Потому, что естественно было думать, что если не убѣдятся Его словами, то съ изрѣченіями пророковъ должны согласиться даже и невольно. Итакъ, когда говоритъ: „Я есмь Пастырь добрый“, то возводитъ умъ Іудеевъ къ воспоминанію сказаннаго гласомъ Іезекииля пророка. Говоритъ же онъ о Христѣ и о получившихъ начальство надъ стадомъ іудейскомъ такимъ образомъ: „Это говоритъ Господь Богъ: О, пастыри Израилевы! не пасутъ ли пастыри самихъ себя? не овецъ ли пасутъ пастыри! вотъ молоко ѣдите и шерстью одѣваетесь и откормленныхъ закалаете, а овецъ Моихъ не пасете! Ослабѣвшихъ не укрѣпляли, боль-

ныхъ не врачевали и пораненныхъ не перевязывали, заблудившихся не отыскивали, а крѣпкихъ изнуряли трудомъ! и разсѣялись овцы Мои, ибо нѣтъ пастырей, и стали пищею для всѣхъ звѣрей дикихъ, и разсѣялись овцы Мои по всякой горѣ, и по всякому холму высокому, и по лицу всей земли, и не было отыскивающаго, ни возвращающаго“ (Иезек. 34, 2—6). Одна только цѣль была у іудейскихъ начальниковъ—удовлетворять любостыжательность, получать приношенія отъ подчиненныхъ, собирать подати и устанавливать заповѣди сверхзаконныя, но на то, что могло приносить пользу или было въ состояніи охранять подвласный народъ, не обращалось никакого вниманія. Посему опять такъ говорить къ нимъ истинно добрый Пастырь: „такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я—на пастырей, и взыщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ, и отставлю ихъ отъ пасенія овецъ Моихъ, и не будутъ уже ихъ пасти пастыри, и отниму овецъ Моихъ изъ устъ ихъ, и уже не будутъ имъ въ пищу“ (ст. 10). И опять послѣ нѣкоторыхъ другихъ словъ: „и возставлю надъ ними пастыря единого, и будетъ пасти ихъ, и раба Моего Давида, и будетъ ихъ пастыремъ, и Я Господь буду имъ Богомъ, и Давидъ начальникъ среди ихъ. Я Господь изрекъ. И завѣщаю Давиду завѣтъ мира, и уничтожу звѣрей злыхъ съ земли, и будутъ обитать въ пустынѣ, и будутъ спать въ дубравахъ. И дамъ ихъ вокругъ горы Моея, и дамъ дождь вамъ, дождь благословенія. И деревья полевья дадутъ плодъ свой и земля дастъ плодъ свой“ (Иезек. 34, 23—27). Итакъ, въ этихъ словахъ Богъ со всею ясностью возвѣщаетъ, что безбожное скопище фарисеевъ будетъ отставлено отъ начальствованія надъ Іудеями, и со всею очевидностью опредѣлилъ, что послѣ нихъ будетъ предстоятель-

ствовать надъ словесными стадами вѣрующихъ происходящій отъ Давида по плоти Христось. Посредствомъ Него Онъ установилъ завѣтъ мира, то-есть евангельскую и божественную проповѣдь, возводящую насъ къ любви къ Богу и доставляющую намъ небесное царство. Чрезъ Него же опять также и дождь благословенія, то-есть начатокъ Духа, дѣлающій душу, въ коей пребываетъ, какъ бы плодоносною какою землею. А какъ фарисеи не мало зла причиняли овцамъ, нисколько не занимаясь ихъ пасеніемъ, а напротивъ стараясь всячески имъ вредить, Христось же доставилъ спасеніе и явился подателемъ и виновникомъ вышняго благословенія: то и справедливо является тѣмъ, чѣмъ и признаетъ Себя въ словахъ: „Я есмь Пастырь добрый“.

Но пусть никто не соблазняется тѣмъ, что Богъ и Отецъ бывшаго отъ сѣмени Давида Человѣка назвалъ рабомъ, хотя и Бога по природѣ и истиннаго Сына, напротивъ пусть приметъ во вниманіе, что Онъ унизилъ Себя, образъ раба принявъ (Филип. 2, 7). Слѣдовательно Онъ правильно названъ (рабомъ) отъ Бога и Отца соотвѣтственно принятому Имъ образу.

Х. 14—15. И знаю Моя, и знаютъ Мя Моя: якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца.

По болѣе простому толкованію этихъ словъ, Господь желалъ здѣсь указать не на иное что, какъ на то, что Онъ будетъ ясенъ для Своихъ и вѣрующимъ въ Него сообщить безпрепятственное знаніе о Себѣ, а также и Самъ будетъ знать Своихъ, представляя очевидно не бесполезнымъ знаніе для получившихъ его. Въ самомъ дѣлѣ, что можемъ мы считать выше знанія насъ Богомъ? Но такъ какъ это изрѣченіе требуетъ болѣе глубокаго для себя изслѣдованія, осо-

бенно благодаря прибавленію словъ: „*какъ знаетъ Меня Отецъ, и Я знаю Отца*“, то мы и должны обратиться къ такому изслѣдованію этого изрѣченія. Вѣдь никто, полагаю, если имѣетъ здравый смыслъ, не скажетъ, чтобы кто либо изъ существующихъ могъ получить о Христѣ такое знаніе, какое есть о Немъ у Бога и Отца. Одинъ только Отецъ вѣдаетъ Свое и Самъ познается отъ одного только Своего Порожденія, „ибо никто не знаетъ Сына, только Отецъ, ни также Отца кто знаетъ, что есть Онъ, только Сынъ“, по слову Самаго Спасителя (Матѳ. 11, 27). Вѣдь мы знаемъ и вѣруемъ, что Отецъ есть Богъ, равно и Сынъ есть Богъ истинный. А что есть по существу Неизреченная Природа, это совершенно недоступно какъ намъ такъ и другимъ разумнымъ тварямъ. Поэтому какимъ образомъ мы можемъ имѣть познаніе Сына равномѣрно съ Отцомъ? ибо должно обратить вниманіе на то, какъ Онъ утверждаетъ, что Онъ познаетъ насъ, познанъ же будетъ отъ насъ, какъ знаетъ Онъ Отца и Отецъ Его.

Итакъ надо изслѣдовать и то, какое созерцаніе мы должны примѣнять къ этимъ словамъ, соотвѣтственно ихъ смыслу. И что придетъ мнѣ на умъ при изслѣдованіи, я не буду скрывать, а принимать это воленъ каждый.

Думаю, что *знаніемъ* (*γινῶσιν*) здѣсь называетъ не просто *вѣдѣніе* (*εἰδέναι*), но употребляетъ вмѣсто *свойства* (*οἰκειότητος*) или по роду и природнаго, или же по усвоенію благодати и достоинства. Такъ у Еллиновъ знакомыми или родственными (*γυνωστούς*) обычно называются не только свойственники по роду, но и единокровные братья. А что и божественное писаніе считаетъ свойство знаніемъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ одномъ мѣстѣ Христосъ говоритъ о

лицахъ, не стоящихъ съ Нимъ ни въ какомъ свойствѣ: „многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день, очевидно въ день суда: Господи, Господи! не Твоимъ ли именемъ чудеса многія мы творили и бѣсовъ изгоняли? Тогда объявлю имъ, что истинно говорю вамъ, что никогда не зналъ васъ“ (Матѣ. 7, 22—23). Если бы знаніемъ обозначалось одно только вѣдѣніе, то какимъ образомъ могъ неznать кого либо изъ существующихъ Тотъ, Кто все имѣетъ „обнаженнымъ и открытымъ предъ очами своими“, какъ написано (Евр. 4, 13) и „прежде бытія все знаетъ“ (Дан. Сус. 42)? Поэтому совершенно неразумно, даже болѣе—нечестиво воображать, что Господь не знаетъ кого либо, напротивъ мы должны думать, что Онъ сказалъ о томъ, что они не имѣютъ съ Нимъ никакого свойства и общенія. Не знаю, говорить, (васъ) какъ бывшихъ любителями добродѣтели, какъ соблюдавшихъ Мое слово или соприкосновенныхъ ко Мнѣ посредствомъ добрыхъ дѣлъ. Соотвѣтственно вышесказанному ты долженъ разумѣть и о премудромъ Моисеѣ, когда Богъ говоритъ къ нему: „знаю тебя болѣе всѣхъ, и благодать обрѣлъ ты у Меня“ (Исх. 33, 12) вмѣсто: въ свойствѣ (близости) болѣе всѣхъ положилъ Я тебя со Мною и великой достигъ ты благодати. Говоримъ это, не уничтожая за знаніемъ и значеніе вѣдѣнія, но только опредѣляя тотъ образъ (значенія), какой наиболѣе соотвѣтствуетъ созерцательному смыслу толкуемыхъ словъ.

Итакъ, „знаю, говорить, *Моихъ и Меня знаютъ Мои, какъ знаетъ Меня Отецъ и Я знаю Отца*“ вмѣсто: сроднюсь съ овцами Моими и со Мною сроднятся овцы Мои точно такимъ же образомъ, какимъ Мнѣ родствененъ Отецъ и Я въ свою очередь родствененъ Отцу. Какъ Богъ Отецъ знаетъ Своего Сына, имѣя

Его подлиннымъ Своимъ порождениемъ и плодомъ Своего существа, а равно и Сынъ знаетъ Бога, имѣя Его Своимъ истиннымъ Отцомъ и будучи рожденъ отъ Него, такимъ же образомъ и мы, сроднившись съ Нимъ, называемся родомъ и чадами Его, согласно сказанному Имъ: „вотъ Я и дѣти, что Мнѣ далъ Богъ“ (Евр. 8, 18). Мы оказываемся и называемся родомъ, и притомъ подлиннымъ, Сына, а чрезъ Него и—Отца, такъ какъ, будучи Единороднымъ Богомъ (ср. толк. Иоан. 1, 18), Онъ сталъ человѣкомъ, воспріявъ тождественную намъ природу, только конечно безъ грѣха. Иначе какъ „родъ мы Бога“ (Дѣян. 17, 29) и какимъ образомъ „божественной природы общниками“ (2 Пет. 1, 4) мы могли бы быть? Вѣдь не въ одномъ только томъ, что Христосъ пожелалъ воспріять насъ въ родство Себѣ, имѣемъ мы предметъ похвалы, но и въ самой дѣйствительности это родство принадлежитъ всѣмъ намъ. И это потому, что Слово Бога и съ плотью остается божественною природою, а мы—родъ Его, хотя по природѣ и Бога, ради воспріятія тождественной намъ плоти.

Итакъ, оказывается сходнымъ образъ родства. Какъ Онъ родственъ Отцу и вслѣдствіе тождества природы Отецъ родственъ Ему, такъ и мы Ему, поскольку сталъ человѣкомъ, а Онъ—намъ. Чрезъ Него, какъ чрезъ Посредника, соприкасаемся съ Отцомъ. Какъ бы середина нѣкая между вышнимъ божествомъ и человѣчествомъ есть Христосъ, одновременно будучи тѣмъ и другимъ и какъ бы объемля въ Себѣ столь разъединенное другъ отъ друга ¹⁾: какъ Богъ по природѣ Онъ соприкасается съ Богомъ и Отцомъ, а какъ истинный человѣкъ—съ людьми.

¹⁾ Ср. ученіе Филона о Логосѣ, какъ средней между Богомъ и человѣкомъ—тварью природѣ—*μεθ' αὐτοῦ ἑστῆς*

Но быть может скажетъ кто: развѣ не замѣчаешь, любезнѣйшій, къ какому опасному выводу ведетъ твоя рѣчь? Вѣдь если будемъ думать, что Онъ, поскольку сталъ человѣкомъ, знаетъ своихъ, тоестъ вступилъ въ родство съ Своими овцами, то кто же остается внѣ стада? Въ такомъ случаѣ всѣ будутъ родственны Ему, поскольку и они суть люди, какъ и Онъ. Что же тогда будетъ большаго въ словѣ: „*Moi*“? Какое преимущество могутъ имѣть тѣ, кто суть дѣйствительно Его? Вѣдь если всѣ родственны, по вышеуказанной уже причинѣ, то что же большее будетъ у знаемыхъ Его?

На это отвѣтимъ, что образъ родства общъ у всѣхъ, какъ познавшихъ Его, такъ и не знающихъ. Вѣдь Онъ сдѣлался человѣкомъ, не благодѣтельствуя частично однимъ, а другимъ нѣтъ, но помилосердовавъ всю падшую природу. Но такой образъ родства съ Нимъ окажется совершенно бесполезнымъ для оскорбляющихъ Его своимъ невѣріемъ, и онъ назначается собственно для любящихъ Его, какъ особенная награда. Какъ дѣло воскресенія простирается на всѣхъ, по причинѣ воскресенія Спасителя, воскресившаго съ Собою цѣлую человѣческую природу, но оно совершенно бесполезно для грѣхолобцевъ, ибо они будутъ нисходить въ адъ, получая оживленіе для одного только наказанія, тогда какъ для проводящихъ прекрасную жизнь оно послужитъ къ великой пользѣ, ибо они получаютъ воскресеніе для приобщенія къ превышающимъ умъ благамъ: такимъ же, думаю, образомъ дѣло родства касается всѣхъ, и злыхъ и добрыхъ, но не для всѣхъ оно имѣетъ одинаковое значеніе—для вѣрующихъ въ Него оно послужитъ причиною достиженія истиннаго сродства съ Нимъ и соединенныхъ съ этимъ благъ, а для невѣрующихъ—

тяжелѣйшимъ обвиненіемъ въ неблагодарности и нечестіи. Такъ мы разсуждаемъ объ этомъ. Другой кто пусть придумаетъ что либо болѣе лучшее.

Надо наконецъ обратить вниманіе на то, сколь истинно и вмѣстѣ основательно построено изреченіе, ибо не безразлично и смѣшанно говорить о нихъ, но каждый предметъ поставляетъ на своемъ особенномъ, ему подобающемъ, мѣстѣ. Не сказали: знаютъ Меня Мои и Я знаю Моихъ, но прежде ставитъ Себя знающимъ Своихъ овецъ, а потомъ, говоритъ, такимъ образомъ и Онъ будетъ познанъ отъ нихъ. И если принять знаніе въ значеніи вѣдѣнія, какъ говорили мы въ началѣ, то можешь понимать изреченіе такъ: не мы Его познали первые, а позналъ прежде Онъ. Такъ и Павелъ въ посланіи къ христіанамъ изъ язычниковъ говоритъ нѣчто подобное: „посему помните вы, язычники по плоти, называемые необрѣзаніемъ отъ такъ называемаго обрѣзанія во плоти рукотворнаго (совершаемаго руками), что вы были во время то безъ Христа, отчужденными отъ общества Израильскаго и чуждыми завѣтовъ обѣтованія, надежды не имѣющими и безбожными въ мірѣ; нынѣ же во Христѣ Иисусѣ нѣкогда бывшіе далеко стали близко кровію Христовою“ (Ефес. 2, 11—13). По безмѣрному милосердію Христосъ привелъ Себя язычникамъ и позналъ ихъ прежде, чѣмъ былъ познанъ ими. А принимая познаніе въ значеніе свойства и родства, опять скажемъ вотъ что: не мы начали это дѣло, а Единородный Богъ отъ Бога (ср. толк. и чтеніе Іоан. 1, 18 у св. Кирилла), ибо не мы усвоили божество, которое выше природы человѣческой, но Онъ, Богъ по природѣ, воспринялъ сѣмя Авраама, какъ говоритъ Павелъ (Евр. 2, 16), и сталъ человѣкомъ, дабы, братьямъ уподобившись во всемъ, кромѣ грѣха (ст. 17),

воспріять къ родству того, кто не имѣеть такового самъ по себѣ, то-есть человѣка. Поэтому необходимо говорить, что Онъ насъ напередъ позналъ, потомъ такимъ образомъ мы—Его.

Х. 15. И душу Мою полагаю за овецъ.

Какъ за Своихъ уже и родныхъ Онъ выступаетъ на защиту всяческимъ образомъ и объявляетъ Себя готовымъ на всѣ опасности, выставляя въ то же время чрезъ повтореніе, что Онъ дѣйствительно есть Пастырь хорошій. Оставившіе овецъ волкамъ справедливо названы были поэтому трусами и наемниками, Онъ же, такъ какъ зналъ, что надо было защищать ихъ столько, чтобы не отступать и предъ самою смертью, справедливо долженъ признаваться Пастыремъ хорошимъ. А говоря, что „*полагаю душу Мою за овецъ*“, такъ какъ Я—Пастырь хорошій, поражаетъ фарисеевъ и даетъ уразумѣть, что они нѣкогда дойдутъ до такихъ неистовствъ и такого безумства противъ Него, что предадутъ смерти Того, Кто совсѣмъ не долженъ былъ ей подвергаться, а напротивъ заслуживалъ всякую похвалу и удивленіе ради какъ тѣхъ дѣлъ, кои совершалъ, такъ и великаго искусства въ пасеніи стада.

Надо впрочемъ замѣтить, что Христосъ за насъ и ради насъ претерпѣлъ смерть не противъ воли, но оказывается идущимъ на это добровольно, хотя могъ легко избѣжать страданія, если бы не восхотѣлъ страдать. Итакъ, въ Его добровольномъ страданіи за насъ мы должны видѣть совершенство Его любви къ намъ и безмѣрность милосердія.

Х. 16. И ны овцы имаѣ, яже не суть отъ двора сего, и тыя подобаетъ Ми привести, и гласъ Мой услышатъ, и будетъ едино стадо, единъ Пастырь.

Всячески старается поразить безчинныхъ фарисеевъ. Во многихъ словахъ раскрываетъ, что они очень скоро будутъ лишены начальствованія надъ овцами, но что Онъ Самъ приметъ водительство и власть. Объясняетъ, что, къ благонамѣреннѣйшимъ изъ Израиля присоединивъ стада язычниковъ, Онъ будетъ водить не одними только Иудеями, но и распространить свѣтъ Своей славы по всей землѣ и повсюду будетъ призывать народъ къ богопознанію, недовольствуясь быть признаннымъ въ одной только Иудеѣ, какъ въ началѣ, но всей поднебесной предлагая для усвоенія науку истиннаго боговѣдѣнія. А что Христось явился для язычниковъ руководителемъ въ религіи, это легко узнать каждому. Богодухновенное Писаніе полно свидѣтельствъ объ этомъ, и можно, кажется, опустить ихъ, предоставивъ любознательнымъ изслѣдованіе объ этомъ. Однакожь, предложивъ два или три мѣста изъ пророковъ объ этомъ, буду говорить потомъ о томъ, что слѣдуетъ по порядку. Итакъ, Богъ и Отецъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о Немъ: „вотъ въ свидѣтельство народамъ Я далъ Его, начальникомъ и повелителемъ народамъ“ (Иса. 55, 4). И дѣйствительно, Христось засвидѣтельствовалъ ученіе народамъ, давъ спасеніе и неприкровоенно сказавъ то, чрезъ что надлежало получать спасеніе. И божественный Псалмопѣвецъ, какъ бы призывая живущихъ повсюду въ одно собраніе и повелѣвая вселенной собираться на небесный праздникъ, говоритъ: „Всѣ народы воспещите руками, воскликните Богу гласомъ радости“ (Псал. 46, 1). А если кому угодно будетъ

изслѣдовать причину столь свѣтлаго и достославнаго торжества, тотъ найдетъ ясныя слова объ этомъ: „потому что царь всей земли—Богъ, пойте разумно, воцарился Богъ надъ всѣми народами“ (ст. 8—9). И въ одномъ мѣстѣ приводитъ Самого Господа Своими собственными словами возвѣщающимъ всѣмъ вмѣстѣ народамъ евангельскую проповѣдь, именно въ сорокъ восьмомъ псалмѣ говоритъ: „услышите всѣ народы, внушитесь всѣ населяющіе вселенную, земнородные и сыны человѣческіе, вмѣстѣ богачъ и бѣднякъ! и уста Мои изрекутъ премудрость и размышленіе сердца моего—разумъ“ (Псал. 48, 2—4). И въ самомъ дѣлѣ, что можно указать премудрѣе евангельскихъ наставленій, что найдемъ изреченное съ такимъ разумомъ, какъ ученіе Христова? И такъ,—возвращаемся къ началу,—ясно предвозвѣщаетъ, что множество язычниковъ будетъ присоединено къ одному стаду съ обращающимися изъ израильтянъ. Но чего ради, можетъ спросить кто либо, точнѣе изслѣдуя смыслъ толкуемаго изреченія, Спаситель, обращаясь съ рѣчью къ іудейскимъ начальникамъ и говоря къ людямъ, имѣвшимъ сердце, распаленное ненавистью и завистью, открываетъ тайны? Зачѣмъ, скажи мнѣ, нужно было научать таковыхъ тому, что Онъ будетъ начальствовать надъ язычниками и что Онъ введетъ въ Свои дворы овецъ, находящихся внѣ Іудеи? Что же скажешь на это, что отвѣтишь?—Не какъ друзьямъ сообщаются (имъ) тайны (Господомъ), однакоже и не напрасное даетъ имъ относительно этого разъясненіе, но потому, что могло принести имъ пользу, насколько это зависѣло отъ Него Самого, ибо таково было предложенное изреченіе, хотя умъ слушателей, будучи легкомысленнымъ, остался совершенно невоспримчивымъ и недоступнымъ для благопослушанія. И такъ, такъ

какъ зналъ, что имъ извѣстны были писанія Моисея и преуказанія пророковъ, а у пророковъ имѣются многочисленныя и обширныя рѣчи о томъ, что Христосъ привлечетъ язычниковъ къ богопознанію, то по этому, предлагая имъ въ качествѣ очевиднѣйшаго знаменія то обстоятельство, что Онъ ясно уже предвозвѣщенъ, утверждаетъ открыто, что призоветъ и такихъ овецъ, кои не отъ двора Іудеевъ, чтобы наконецъ, какъ мы сейчасъ говорили, они увѣровали, что Онъ есть дѣйствительно Тотъ, о Комъ предвозвѣщаль хоръ святыхъ мужей.

Х. 17. Сего ради Мя Отецъ любитъ, яко ¹⁾ полагаю душу ²⁾, да паки прииму ю.

Отвѣчаетъ часто не только на произносимыя языкомъ слова, но и на мысли, находящіяся въ глубинѣ души. Будучи истиннымъ Богомъ, Онъ объ всемъ имѣетъ ясное познаніе. Поэтому, когда безбожные Іудеи осмѣивали Его слова и Его обѣщаніе подвизаться за Своихъ овецъ до того, что съ полною охотою и добровольно Онъ готовъ умереть за нихъ, они принимали за пустословіе и считали Его бѣснующимся, Онъ считаетъ наконецъ уже необходимымъ показать, что они смѣются по присутнему имъ невѣжеству и вмѣстѣ безмѣрному нечестію и рѣшаются словами и дѣлами своими порицать то, что Богъ и Отецъ всегда удостоиваетъ великой чести, ибо „*любитъ Меня за это*“, говоритъ, что вы по великому неразумію сочли за ничто. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не наглецы и не исполнены всякаго нечестія тѣ, кои считаютъ смѣшнымъ благоугоднѣйшее Богу? Посредствомъ этихъ словъ отчасти даетъ имъ разумѣть, что они весьма

¹⁾ Греч. и Слав. здѣсь читаютъ: *Азъ*.

²⁾ Греч. и Слав. приб. *Мою*.

ненавистны предъ Богомъ. Вѣдь если Онъ любитъ Полагающаго душу за овецъ врученнаго Ему стада, то совершенно необходимо думать, что считаетъ мерзостнымъ того, кто видитъ волка идущаго и оставляетъ стадо вторгающемуся и неистовствующему, а самъ обращается въ бѣгство, въ каковыхъ дѣлахъ и изобличилъ получившихъ начальство надъ іудейскимъ народомъ или дворомъ. Итакъ одновременно изобличаетъ ихъ и въ богоненавистничествѣ и нечестіи потому, что не ужаснулись подвергать осмѣянію то, что весьма достопочтенно у Бога. Впрочемъ Христось утверждаетъ, что Онъ возлюбленъ Богомъ и Отцомъ не за то лишь одно, что полагаетъ душу, но за то, *что полагаетъ, чтобы и взять ее*, такъ какъ въ этомъ то особенно и возсіяло величіе устроенныхъ для насъ благъ. Вѣдь если бы умеръ только, а не воскресъ, то что же особеннаго было бы тогда? Какую Онъ явился бы принесшимъ пользу нашей природѣ, оставшись съ нами мертвымъ, подчиненнымъ вмѣстѣ съ прочими узамъ смерти и привзошедшему тлѣнію? Но какъ умеръ, чтобы и *принять* (душу), то этимъ именно и спасъ цѣлую природу, упразднивъ державу смерти, и явилъ насъ новою тварью.

Итакъ, Сынъ пользуется любовью у Бога и Отца не такъ, что Онъ остался бы внѣ любви, если бы не случилось домостроительство съ нами, ибо всегда и постоянно Онъ былъ любимъ. Разъяснимъ это. Свойства, присущія предметамъ по природѣ или по состоянію (пріобрѣтенію), тогда имѣютъ особенно благоприятное условіе для своего обнаруженія, когда приходятъ въ дѣйствіе. Напримѣръ, огонь имѣетъ въ себѣ природное свойство теплоты, но когда дѣйствуетъ на какой либо горючій матеріаль, тогда особенно и узнаемъ, какая и сколь великая сила присуща ему. Подобнымъ

образомъ, на примѣръ, грамматикъ или усвоившій какую либо другую науку возбуждаетъ уваженіе къ себѣ, какъ полагаю, не тогда, когда молчить, а когда предлагаетъ другимъ для познанія красоту извѣстной ему науки. Такъ и божественная и неизреченная Природа, когда производитъ что либо свойственное ей и всегда присущее, тогда то особенно Она и открывается во всей красотѣ и предъ Собою Самой и является таковой и предъ нами. Посему и премудрость говорить въ книгѣ притчей: „я была (та), коей (или: тамъ, гдѣ) Онъ радовался, ежедневно веселилась я предъ лицемъ Его во всякое время, когда веселился Онъ, вселенную совершивъ, и веселился о сынахъ (или: среди сыновъ) человѣческихъ“ (Притч. 8, 30—31). Хотя радость и безконечное блаженство всегда присущи Богу, ибо ничто не можетъ печалить Имѣющаго власть надъ всѣмъ, но Онъ радовался вмѣстѣ съ Своею Премудростію, окончивъ вселенную. Когда именно видѣлъ приведенную въ дѣйствіе силу Своей Премудрости, тогда то особенно и почиталъ должнымъ радоваться обильнѣе. Такъ поэтому надо разумѣть и здѣсь. Будучи любовью, Богъ и Отецъ, по слову Іоанна (1 Іоан. 4, 8), не просто благъ, но есть само благо, когда видѣлъ Своего Сына полагающимъ за насъ (жизнь Свою) изъ любви къ намъ и сохраняющимъ подлинныя черты безмѣрной благодати Своей природы, тогда, естественно, и возлюбилъ, Свою любовь даруя Ему не въ качествѣ какой либо награды за Его дѣла для насъ, но, какъ мы сказали, видя въ Сынѣ подлинную Свою сущность и призываясь къ этому какъ бы какими необходимыми и неотвратимыми влеченіями. Какъ у кого либо изъ насъ, на примѣръ, при видѣ въ собственномъ дѣтищѣ подлинныхъ чертъ своего образа, любовь достигаетъ наибольшаго напря-

женія особенно тогда, когда онъ смотритъ (на дѣтище свое), такимъ же, думаю, образомъ Богъ и Отецъ, сказано, любить Своего Сына, за насъ положившаго Свою душу и снова ее принявшаго. Вѣдь дѣло любви—рѣшиться и на страданія, и притомъ безславныя, ради спасенія другихъ,—и не такъ, чтобы умереть только, но и снова принять положенную душу, дабы умертвить смерть и удалить позоръ тлѣнія. Итакъ, всегда будучи возлюбленнымъ по природѣ, Онъ разумѣется вызвавшимъ любовь къ себѣ и тѣмъ, что Своею любовью къ намъ вызываетъ Родителя Своего къ радости, такъ какъ и отсюда Ему былъ видѣнъ совершенно чистый и неподдѣльно сіяющій образъ Своей природы.—
